Ф. Мерингъ.

ИСТОРІЯ
ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

До революціи 1848 г.

Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія
М. Е. ЛАНДАУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°".
1906.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Оглавленіе.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣмецкое рабочее движеніе и нѣмецкій соціализмъ имѣли съ самаго начала международный характеръ. Если мы оставимъ въ сторонѣ отдѣльныя конвульсивныя движенія среди рейнскаго и силезскаго пролетаріата, то увидимъ, что „союзъ справедливыхъ“ и агитація Вейтлинга практически, какъ и теоретически, примыкали къ западно-европейскому соціализму, къ классовой борьбѣ западно-европейскаго и, въ особенности, французскаго пролетаріата. Различные виды буржуазнаго, феодальнаго, философскаго и прочаго соціализма, возникшіе въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, такъ же какъ государственный соціализмъ Родбертуса, имѣли своей основой соціалистическую литературу Англіи и Франціи. Коммунистическій Манифестъ поставилъ затѣмъ соціализмъ на почву классовой борьбы, къ которой онъ призывалъ пролетаріевъ всѣхъ странъ. Марксъ и Энгельсъ считали въ числѣ своихъ духовныхъ предковъ не только Канта, Фихте и Гегеля, но и Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна; они прошли черезъ школу нѣмецкой философіи, французской революціи, англійской индустріи.

Основанный ими современный научный коммунизмъ былъ еще разъ смытъ экономическимъ подъемомъ и политическимъ упадкомъ 50-хъ гг. Впослѣдствіи къ нему вернулся Лассаль, но его агитація въ отдѣльныхъ своихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ — на передовыхъ, такъ сказать, позиціяхъ, вокругъ которыхъ съ особой силой возгорѣлась борьба,—примыкала къ французскому соціализму. Послѣдній и неизгладимый слѣдъ этой связи нѣмецкая соціалъ-демократія носитъ въ своемъ названіи. Глубокомысленныя изысканія буржуазныхъ экономистовъ относительно логическихъ различій между соціализмомъ и

коммунизмомъ являются только празднымъ схоластическимъ мудрствованіемъ; смыслъ свой эти слова получаютъ, благодаря историческому развитію. Въ словоупотребленіи 40-хъ гг. они различались тѣмъ, что соціализмъ былъ буржуазнымъ, а коммунизмъ пролетарскимъ движеніемъ. Соціализмъ стремился къ уничтоженію золъ буржуазнаго общества при помощи имущихъ классовъ, коммунизмъ же пришелъ къ сознанію, что они могутъ быть устранены только путемъ коренного переворота въ этомъ обществѣ. Французская соціалъ-демократія вербовала тогда свои ряды изъ мелкаго мѣщанства и пролетаріата, чтобы защищать общіе интересы этихъ классовъ противъ буржуазіи. Между тѣмъ германская соціалъ-демократія почерпаетъ теперь свою силу практически изъ пролетаріата, интересы котораго она отстаиваетъ противъ всѣхъ другихъ классовъ капиталистическаго общества, а теоретически—изъ Коммунистическаго Манифеста, этой классической программы современнаго научнаго коммунизма.

При изложеніи исторіи германской соціалъ-демократіи приходится до очень поздняго періода ея обращаться постоянно къ западно-европейскому соціализму, къ классовой борьбѣ англійскаго и французскаго пролетаріата. Поэтому мы считаемъ цѣлесообразнымъ въ видахъ ясности и краткости предпослать, въ качествѣ введенія къ ней, очеркъ этихъ историческихъ явленій до того момента, когда начинаются нѣмецкое рабочее движеніе и нѣмецкій соціализмъ. При этомъ можетъ, конечно, идти рѣчь только объ указаніи тѣхъ фактовъ и теорій, которые такъ или иначе отразились на историческомъ развитіи германской соціалъ-демократіи.

Глава I.

Іюльская революція и билль о реформѣ.

Міровой хозяйственный поворотъ 16-го вѣка, 30-лѣтняя война 17-го и безчисленныя войны 18-го привели Германію въ состояніе глубокаго упадка. До начала 19-го столѣтія священная римская имперія германской націи стояла, какъ оборванное пугало среди европейскихъ культурныхъ народовъ. Правящіе классы выродились до мозга костей, управляемые же не имѣли достаточно силы, чтобы разбить ярмо, пригибавшее ихъ къ землѣ. То, что буржуазный классъ Англіи осуществилъ въ своей революціи 17-го вѣка, а буржуазный классъ Франціи въ своей революціи 18-го столѣтія,— того не дано было свершить германскому бюргерству. Его лучшіе умы создали себѣ въ литературѣ и философіи идеальный образъ гражданскаго міра, но лишь желѣзная метла чужеземнаго завоевателя начала выметать изъ нѣмецкой земли феодальную гниль.

Французская революція выковала себѣ въ военной диктатурѣ Наполеона оружіе, при помощи котораго она обезпечила свои соціальные результаты, — было ли то въ борьбѣ съ Англіей за господство на міровомъ рынкѣ, или въ борьбѣ съ Россіей, Австріей и Пруссіей за разрушеніе феодализма. Одно время казалось, что ея колоссальные успѣхи увлекутъ ее далеко за предѣлы первоначально поставленной цѣли, но экономическое равновѣсіе возстановилось опять съ желѣзной силой. Мечта французскаго мірового господства разбилась въ такой же мѣрѣ о превосходную силу англійской промышленности, какъ о первобытный еще феодализмъ восточной Европы. Руководимая своимъ классовымъ инстинктомъ, французская буржуазія довольно скоро отрезвилась отъ опьяненія, которое одно время затуманило ей голову. Она поспѣшила сама разбить оружіе, которому пришла глупая мысль разыгрывать изъ себя самовластнаго господина. Ея измѣна была въ еще большей

степени причиною крушенія Наполеона, чѣмъ англійское золото и русскій снѣгъ.

На первыхъ порахъ, однако, плоды ея предательства не достались ей. Подъ предводительствомъ англійскихъ тори и русскаго царя, европейская коалиція побѣдила при Лейпцигѣ и Ватерлоо. Такимъ образомъ, въ 1814 г. императоръ Александръ I, а въ 1815 г. герцогъ Веллингтонъ возстановили старо-бурбонскую королевскую власть. Феодализмъ попытался еще разъ уютно устроиться въ нашей части свѣта. Въ Англіи аристократическое землевладѣніе со времени хлѣбныхъ законовъ 1815 г. вступило въ открытую ссору съ промышленнымъ капиталомъ; во Франціи тотъ же антагонизмъ составлялъ скрытую подкладку спора между помѣщикомъ феодальнаго общества и мелкимъ крестьяниномъ буржуазнаго. Политически это была борьба правительствъ и ихъ друзей изъ дворянъ и поповъ съ народными массами, предводительствуемыми буржуазіей. Однако, знамя Священнаго Союза, вокругъ котораго сплотились деспотизмъ и феодализмъ, расплылось, какъ безформенный туманъ, предъ весьма осязательными и постоянно растущими силами, стоявшими за буржуазіей. Въ Англіи крупная промышленность, выросшая съ послѣдней трети 18-го вѣка, стала развиваться гигантскими шагами; начиная съ торговаго кризиса 1815 г. и особенно 1825 г., она вступаетъ въ періодическій круговоротъ своей современной жизни. Во Франціи старо-бурбонская реставрація потерпѣла рѣшительную неудачу въ попыткѣ разрушить современное буржуазное общество, освобожденное отъ путъ великой революціей и упроченное первой имперіей; какъ замаскированное чужеземное владычество, она скорѣе неотступно раздражала національное самолюбіе французскаго народа и толкала его къ возмущенію. Въ іюльской революціи 1830 г. французская буржуазія завоевала политическую власть; недолго спустя англійскій средній классъ добился того же биллемъ о реформѣ 1832 г. Въ обѣихъ странахъ буржуазія начала съ того, что мошеннически лишила союзный до тѣхъ поръ пролетаріатъ его доли въ общей побѣдѣ.

Этимъ самымъ современному рабочему классу былъ открытъ путь ко всемірно-исторической борьбѣ. Въ сопротивленіи общимъ угнетателямъ, отсталымъ классамъ, выводившимъ свои притязанія на политическое господство изъ отжившихъ способовъ производства, буржуазія и пролетаріатъ были связаны общими интересами. Но по мѣрѣ того какъ въ этой борьбѣ развивалась буржуазія, развивался также и пролетаріатъ. Буржуазія не можетъ не порождать

пролетаріата, ибо только въ этой противоположности она возникаетъ и состоитъ. Она не можетъ расти безъ того, чтобы не росъ также пролетаріатъ, и ничѣмъ не тревожимая опека надъ своимъ дѣтищемъ дается ей всегда только на короткое время. Буржуазному классу еще ни разу въ исторіи не приходилось испускать громкаго побѣднаго клика, чтобы ему не отвѣтило глухое эхо изъ рабочаго класса. Начиная отъ Томаса Мюнцера и до Гракха Бабёфа въ чревѣ буржуазной революціи всегда шевелился зарождающійся пролетаріатъ. Однако, пока ему отказано было въ самостоятельной жизни, онъ двигался только, какъ во снѣ, онъ сражался лишь при помоши фантастическаго оружія, чтобы падать, испытывая жестокія разочарованія. Лишь рѣшительное пораженіе общихъ противниковъ могло разорвать послѣднія узы между буржуазіей и пролетаріатомъ. Какъ только западно-европейская буржуазія достигла около 1830 г. политическаго господства, такъ западно-европейскій пролетаріатъ сталъ неудержимо развиваться въ политическую оппозицію.

Эта классовая борьба была слѣдствіемъ хозяйственныхъ условій жизни капиталистическаго общества. Угнетенный классъ возсталъ противъ угнетающаго, пролетаріатъ повелъ борьбу противъ буржуазіи подобно тому, какъ буржуазія въ свое время боролась противъ феодализма. Однако, между буржуазной и пролетарской революціей была одна существенная разница. Когда буржуазный способъ производства опредилъ феодальный, онъ уже очень рано выступилъ противъ него съ самымъ блестящимъ оружіемъ въ рукахъ. Какое обиліе великолѣпныхъ фигуръ дала уже средневѣковая городская община—Кола ди Ріенци въ Римѣ, Этьена Марселя въ Парижѣ, Якова Артевельде въ Гентѣ! Какое головокружительное поприще открыли для буржуазнаго честолюбія великія открытія и изобрѣтенія 16-го столѣтія! Съ какимъ безсмертнымъ хохотомъ прогоняли феодальныя привидѣнія и тѣни всякіе Боккачіо и Раблэ, Лессинги и Вольтеры! Напротивъ, когда буржуазія достигла въ крупной промышленности кульминаціоннаго пункта своего развитія, то она взрастила, правда, соотвѣтственно многочисленный пролетаріатъ, но въ то же время ввергла послѣдній въ бездонную, неслыханную раньше во всемірной исторіи нищету. Чѣмъ рельефнѣе выступала классовая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ, тѣмъ безнадежнѣе казалась борьба между этими угнетателями и жертвами ихъ угнетенія.

Мыслящія головы буржуазіи скоро поняли, что экономическое развитіе, покупавшее всякое увеличеніе общественнаго богатства

цѣною возрастающей нищеты массъ,--что такое развитіе должно привести къ гибели всякой человѣческой культуры. Чѣмъ яснѣе, однако, выступали предъ ними послѣдствія капиталистическаго способа производства, тѣмъ больше удалялась отъ нихъ также мысль, что этотъ историческій процессъ можетъ когда-либо изнутри себя самого измѣнить направленіе. Спасеніе, поворотъ былъ необходимъ, но онъ никогда не могъ, по ихъ мнѣнію, придти изъ самихъ страждущихъ массъ, численный ростъ которыхъ сопровождался только ослабленіемъ ихъ силы. Сами имущіе классы должны были понять, что такъ дѣло дальше идти не можетъ; нужно было убѣдить ихъ въ невыносимости соціальныхъ золъ. Нужно было только обратиться съ призывомъ къ ихъ уму и сердцу; буржуазное общество надо было поставить на новое основаніе или, по крайней мѣрѣ, удержать только его свѣтлыя стороны, уничтоживъ, напротивъ, тѣневыя; нужно было опытами въ маломъ масштабѣ доказать возможность новаго общества въ большомъ; въ особенности же нужно было устранить причину всяческаго зла, рѣзкую и съ каждымъ днемъ все болѣе обостряющуюся противоположность классовъ. Съ этой точки зрѣнія, становящейся надъ классами, классовая борьба пролетаріата казалась чѣмъ-то безразличнымъ или даже вреднымъ. Она могла быть и безразличной, такъ какъ въ концѣ-концовъ она, вѣдь, ни къ чему не могла привести; она становилась вредной, когда озлобляла имущіе классы и еще обостряла классовый антагонизмъ, устранить который именно и нужно было.

Такъ возникло противорѣчіе между классовой борьбой и соціализмомъ, котораго не удалось примирить ни въ Англіи, ни во Франціи.

Глава II.

Западно-европейскій соціализмъ.

Исторически соціализмъ предшествовалъ классовой борьбѣ. Раньше чѣмъ буржуазія въ состояніи была захватить политическое господство, она должна была достигнуть высокой ступени развитія, а раньше чѣмъ она могла достигнуть высокой ступени развитія, она должна была создать обширныя массы неимущихъ наемныхъ рабочихъ, лишить собственности цѣлые слои населенія. Просвѣщенные люди, стоявшіе въ центрѣ крупнаго капиталистическаго хозяйства, видѣли уже въ началѣ 19-го столѣтія его мрачную оборотную сторону и набросали планы новаго общества. Во Франціи это сдѣлали Сенъ-Симонъ и Фурье, въ Англіи—Оуэнъ.

1. Великіе утописты и ихъ школы.

Общею чертою утопистовъ было враждебное отношеніе ихъ къ французской революціи, вообще ко всякой активной политической роли рабочихъ классовъ. Объяснялось оно вопіющимъ противорѣчіемъ между порядками, созданными французской революціей, и тѣми гражданскими идеалами, которые были возвѣщены при ней,—идеалами мира, справедливости, равенства. Эти идеалы утописты хотѣли теперь осуществить во всей ихъ чистотѣ; они хотѣли улучшить положеніе всѣхъ членовъ общества, хотя на первомъ планѣ и для нихъ стояло положеніе самаго бѣднаго и многочисленнаго класса—пролетаріата. Но въ такомъ случаѣ нужно было пойти по другому пути, чѣмъ шла революція. Мыслящій разумъ долженъ былъ начертать планъ новаго общества и убѣдить правящіе классы въ необходимости устроить это общество. Пока въ еще зарождав-

шемся только пролетаріатѣ нельзя было распознать никакой движущей исторической силы, до тѣхъ поръ утопистамъ оставался лишь этотъ путь для достиженія своихъ цѣлей. Сенъ-Симонъ обращался съ призывомъ къ королевской власти, Фурье ежедневно ждалъ посѣщенія милліонера, который принесъ бы ему деньги для осуществленія его утопіи, Оуэнъ ограничивался мирной пропагандой, державшейся въ сторонѣ отъ всякой политической агитаціи.

Естественно, что всеобщій разумъ утопистовъ проявился въ каждомъ изъ нихъ какъ его особый разумъ. Сенъ-Симонъ былъ фаустовская натура, изслѣдовавшая жизнь своей эпохи на всѣхъ ея высотахъ и низахъ, универсальный умъ, такъ же возвышавшійся надъ французскимъ просвѣщеніемъ, какъ надъ французской романтикой. Въ противоположность просвѣтителямъ, онъ понималъ внутреннюю связь исторіи, историческое оправданіе средневѣковья, движущую силу религіи; въ противоположность романтикамъ онъ отвергалъ возвращеніе къ порядкамъ феодальнаго и клерикальнаго владычества. Вельможа старой Франціи, онъ провозгласилъ, что не церкви и войску, а промышленности и наукѣ приличествуетъ господство; превосходный инженеръ, стоявшій въ первыхъ рядахъ завоевывающей міръ буржуазіи, онъ не обманывался насчетъ ея исторически преходящаго характера.

Основная идея его жизни состояла въ томъ, чтобы обезпечить каждому самое свободное развитіе его способностей. До настоящаго времени человѣкъ эксплуатировался человѣкомъ, какъ рабъ, крѣпостной, наемный рабочій. Теперь наступила пора, когда предметомъ эксплуатаціи должна стать только одна природа, земной шаръ, притомъ путемъ соединенія, ассоціаціи всѣхъ, ибо работать должны всѣ люди. Подобно тому какъ промышленность не должна больше состоять въ эксплуатаціи людей, а въ эксплуатаціи одной природы людьми, такъ и правительство должно быть впредь управленіемъ вещами, а не людьми. Новое христіанство, это—моральное и физическое поднятіе пролетаріата, это—блаженство всѣхъ людей уже въ земной жизни, это — единство плоти и духа, которые старое христіанство разлучило. Къ геніальнымъ предвидѣніямъ Сенъ-Симона примѣшивался еще грубый шлакъ буржуазныхъ и даже іерархическихъ представленій, но брошенныя имъ сѣмена оказали плодотворное дѣйствіе на позднѣйшій соціализмъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, и изъ противорѣчиваго міра его идей то и дѣло прорывались блестящія пророческія откровенія, подобно свѣту звѣздъ изъ несущихся облаковъ.

Въ гораздо большей степени, чѣмъ Сенъ-Симонъ, былъ критикомъ буржуазнаго общества Фурье. Будучи приказчикомъ въ оптовой торговлѣ, онъ видѣлъ, какъ при всѣхъ политическихъ переворотахъ процвѣтаетъ только капиталъ. Онъ видѣлъ, какъ торговля постоянно извлекала чистую прибыль изъ конфискаціи имѣній, изъ бумажно-денежнаго хозяйства, изъ континентальной системы, изъ поставокъ оружія, одежды и провіанта для французскихъ армій; коротко говоря—изъ всякаго мѣропріятія революціонныхъ властителей и ихъ наслѣдника — Наполеона. Противъ гидры торговли, противъ торговаго феодализма были направлены самыя острыя его стрѣлы. Но и Фурье исходилъ изъ идеальныхъ предпосылокъ великой революціи. Онъ стоялъ на почвѣ французскаго матеріализма, когда объявлялъ хорошими всѣ человѣческія наклонности и инстинкты, и хотѣлъ построить свое новое общество на разумномъ удовлетвореніи ихъ.

Общество это было игрой его фантазіи, и нѣтъ ничего легче, конечно, какъ вышутить его причудливыя детали. Это не мѣшаетъ, однако, признать, что Фурье своей критикой современной цивилизаціи проложилъ новые пути въ этой области. Онъ остроумно и проницательно вскрылъ противорѣчія, которыя эта цивилизація безпрерывно создаетъ вновь, никогда не имѣя силы побороть ихъ; онъ впервые указалъ на то, что нищета происходитъ въ ней отъ изобилія. Онъ сказалъ, что она возводитъ всякій простой порокъ варварства въ нѣчто сложное, двусмысленное, лицемѣрное. Онъ осыпалъ ѣдкой насмѣшкой буржуазный бракъ и произнесъ глубокомысленное изреченіе: степень женской эмансипаціи является естественнымъ мѣриломъ общей эмансипаціи. Критика его была въ высшей степени плодотворна: то, что Фурье сказалъ объ уничтоженіи противоположности между городомъ и деревней, о сліяніи націй, о трудѣ, какъ завершеніи человѣческаго существа, а не хозяйственной необходимости, о громадномъ прогрессѣ ассоціированнаго, обобществленнаго человѣчества,—все это получило непреходящее значеніе.

Несмотря на всѣ свои фантазіи, Сенъ-Симонъ и Фурье были революціонными мыслителями. Только ихъ приверженцы и преемники стали реакціонными. Они вербовались почти исключительно изъ имущихъ классовъ, и въ особенности у Сенъ-Симона явились уже послѣ его смерти (1825 г.) многочисленные послѣдователи, которые выступили послѣ іюльской революціи съ порядочнымъ шумомъ на общественную сцену. Но именно о пробный камень

практической революціи сенъ-симонизмъ разбился. Базаръ, руководившій тайными политическими союзами противъ бурбонской реставраціи, хотѣлъ распространить ученіе своего учителя путемъ политической пропаганды и такимъ образомъ принудить государственную власть къ его признанію, — въ противоположность Анфантену, который занимался іерархически-религіозной организаціей школы и проповѣдывалъ возрожденіе плоти въ грубо-чувственномъ смыслѣ. Анфантенъ, происходившій изъ банкирской семьи и самъ работавшій въ одномъ банковомъ дѣлѣ, обладалъ нѣкоторыми чертами пророка. Соединяя въ своемъ лицѣ человѣка холоднаго, безпощаднаго расчета и необузданнаго мечтателя, онъ въ этомъ смѣшеніи противоположныхъ элементовъ оставался, однако, обворожительной натурой, сумѣвшей подчинить своему вліянію даже такого человѣка, какъ Генрихъ Гейне, и одержалъ побѣду надъ Базаромъ, которому жестокое разочарованіе стоило жизни.

Послѣ этого болѣе здоровые элементы выступили изъ школы, между ними — Бюше, старый товарищъ Базара. Онъ далъ религіознымъ моментамъ сенъ-симонизма практическое направленіе. Ему хотѣлось осуществить заповѣди христіанской морали въ соціальной области при помощи мирнаго средства—ассоціаціи; рабочіе должны были, по его плану, основывать производительныя товарищества не для того, чтобы сдѣлать отдѣльныхъ рабочихъ предпринимателями, а чтобы освободить рабочій классъ отъ системы наемнаго труда. Бюше разсчитывалъ на чувство солидарности у пролетаріата. Это чувство, надѣялся онъ, побудитъ первыя удачныя товарищества обратить часть своей чистой прибыли на образованіе нераздѣльнаго капитала, который, въ качествѣ неотчуждаемой собственности всего класса, долженъ постепенно объединить въ товарищества рабочихъ всѣхъ промысловъ. Этотъ планъ былъ основанъ на полномъ непониманіи внутренняго существа капиталистическаго общества, но тѣмъ не менѣе энергично содѣйствовалъ распространенію идеи ассоціаціи среди французскаго рабочаго класса.

Съ выступленіемъ нѣкоторыхъ членовъ школы, Анфантенъ тѣмъ быстрѣе увлекъ сенъ-симонизмъ къ безславной гибели. Въ тѣ самые іюньскіе дни 1832 г., когда буржуазной монархіи было дано первое уличное сраженіе, мечтательная община сенъ-симонистовъ удалилась въ деревенскую глушь. Легкое судебное преслѣдованіе, которое не въ состояніи было бы нанести ни малѣйшаго вреда

всякому стихійному классовому движенію, разбросало сенъ-симонистскую школу. Отдѣльные послѣдователи ея перешли къ Фурье, но большинство отрезвившихся мечтателей вступило, подобно Микелямъ нашихъ дней, въ ряды ничѣмъ не смущающихся рыцарей наживы. Биржевая спекуляція второй имперіи въ самыхъ грубыхъ своихъ злоупотребленіяхъ плавала подъ сенъ-симонистскимъ флагомъ; прежніе мученики, по саркастическому замѣчанію Гейне, не несли больше креста, — кромѣ креста Почетнаго Легіона.

Подобно Сенъ-Симону, Фурье умеръ въ 1837 г. въ глубокой нищетѣ. Гейне часто видалъ его пробирающимся въ сѣромъ потертомъ сюртукѣ вдоль колоннъ Палэ-Рояля, съ туго набитыми карманами: изъ одного выглядывало горлышко бутылки, а изъ другого — длинный хлѣбъ. Фурье нашелъ въ лицѣ Виктора Консидерана умнаго и мужественнаго приверженца, и фурьеризмъ продолжалъ, хотя и въ болѣе тѣсномъ кругу и возбуждая меньшій шумъ, но зато тѣмъ упорнѣе держаться, чѣмъ сенъ-симонизмъ. Однако, и онъ безслѣдно погибъ, отчасти отъ маленькихъ и неудававшихся, конечно, попытокъ осуществить утопію учителя, отчасти вслѣдствіе сопротивленія пролетарской классовой борьбѣ.

Отъ французскихъ утопистовъ Оуэнъ отличался тѣмъ, что казался во многихъ отношеніяхъ болѣе узкимъ, но фактически стоялъ на болѣе высокомъ сторожевомъ посту экономическаго познанія. Во Франціи крупная промышленность была почти еще неизвѣстна, въ то время когда она почти революціонировала уже всѣ основы гражданскаго общества въ Англіи. Только крупная промышленность доводитъ до крайняго предѣла антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, противорѣчіе между производительными силами и производственными отношеніями капиталистическаго общества, но лишь она создаетъ также средства преодолѣть этотъ антагонизмъ и противорѣчіе. Въ своихъ практическихъ опытахъ Оуэнъ исходилъ изъ той самой фабричной системы, изъ которой взяла свое начало соціальная революція. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ онъ соприкасается съ Фурье, — напр., въ требованіи, чтобы пагубныя послѣдствія раздѣленія труда, вырожденіе рабочаго и ухудшеніе качества работы были устранены путемъ болѣе разнообразнаго и менѣе продолжительнаго труда,—тамъ болѣе высокое развитіе Англіи даетъ ему превосходство въ оцѣнкѣ явленій. То, чего Фурье хотѣлъ достигнуть въ своихъ утопическихъ фаланстерахъ, Оуэнъ видѣлъ выростающимъ изъ иродова избіенія младен-

цевъ, съ котораго начала крупная промышленность: его умственному взору рисовалось воспитанie будущаго, которое для всѣхъ дѣтей старше извѣстнаго возраста будетъ соединять производительный трудъ съ образованiемъ и гимнастикой, не только какъ способъ увеличенiя общественнаго производства, но и какъ единственный способъ производить всесторонне развитыхъ людей.

Принципiально Оуэнъ, подобно Фурье, примыкалъ къ французскому матерiализму 18-го вѣка. Онъ видѣлъ въ человѣкѣ продуктъ его естественныхъ наклонностей и окружающихъ его условiй, и промышленный переворотъ Англiи далъ ему отличный случай подтвердить правильность своего любимаго тезиса. Съ 1800 до 1829 года онъ управлялъ большой бумагопрядильней въ Нью-Ланаркѣ. Изъ ея 2.500 рабочихъ, выродившихся вслѣдствiе плохой оплаты труда, чрезмѣрной продолжительности рабочаго времени, безграничной эксплуатацiи женщинъ и дѣтей, — рабочихъ, задолжавшихъ кругомъ мѣстнымъ лавочникамъ, погрязшихъ въ пьянствѣ, половыхъ излишествахъ, грубости и невѣжествѣ, — изъ нихъ онъ создалъ образцовую колонiю. Средствами его были 10-часовой рабочiй день, заботливое воспитанiе подростающаго поколѣнiя, вообще достойныя человѣка условiя, которыя онъ создалъ для рабочихъ. Достигнутые имъ великолѣпные результаты возбудили вниманiе всей Европы, и коронованныя особы старались прiобщиться къ блеску, окружавшему имя благороднаго филантропа. Русскiй императоръ объявилъ себя покровителемъ Оуэна, и даже сонный король прусскiй, пассивно смотрѣвшiй на избiенiе младенцевъ въ рейнской промышленности, послалъ ему золотую медаль и лестное письмо. Однако, уже Генцъ, самый продувной наемный писака Священнаго Союза, правильно опредѣлилъ цѣнность этихъ знаковъ уваженiя, цинически замѣтивъ: „Мы вовсе не желаемъ, чтобы массы стали зажиточными и независимыми; какъ мы могли бы иначе править ими?“

Дѣйствительно, лавры на головѣ Оуэна быстро завяли, какъ только онъ рѣшительно пошелъ по пути, на который однажды вступилъ. Достигнутое въ Нью-Ланаркѣ нисколько не удовлетворяло его: рабочiе оставались его „рабами“, они оставались очень далекими отъ того состоянiя, которое носилось предъ его умственнымъ взоромъ, какъ конечная цѣль человѣческаго развитiя. А между тѣмъ эти 2.500 рабочихъ производили для общества столько же дѣйствительнаго богатства, сколько какихъ-нибудь полвѣка тому назадъ производило населенiе въ 600 тыс. человѣкъ.

Оуэнъ задалъ себѣ вопросъ: куда дѣвается разница между тѣмъ, что потребили 2.500 человѣкъ, и тѣмъ, что должны были бы потребить 600.000 лицъ? Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ давали тѣ 300 тыс. съ лишнимъ ф. ст. чистой прибыли, которыя были получены владѣльцами Нью-Ланарка сверхъ 5% дохода на основной капиталъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Оуэнъ пришелъ къ соціализму. Тѣ самыя колоссальныя производительныя силы крупной промышленности, которыя при существующихъ условіяхъ служили для обогащенія отдѣльныхъ лицъ и порабощенія массъ, онъ хотѣлъ сдѣлать рычагами новаго общества, гдѣ онѣ должны были, въ качествѣ общей собственности, примѣняться только для общаго блага всѣхъ. Три великихъ препятствія къ созданію такого общества Оуэнъ видѣлъ въ „тріединствѣ зла": позитивной религіи, частной собственности и нерасторжимости брака. Выступивъ противъ нихъ съ полнымъ сознаніемъ, что онъ ставитъ все на карту, онъ дѣйствительно потерялъ все. Оффиціальное общество подвергло его опалѣ, печать замалчивала его или обрушивалась на него съ воплями по поводу его „чудовищныхъ гнусностей", его „скотскихъ гадостей", его „мерзостей, достойныхъ преисподней". Состояніе Оуэна было затѣмъ истрачено въ попыткахъ положить первые начатки соціалистическаго общества, доказать въ маломъ масштабѣ его возможность. На почвѣ капиталистическаго общества эти опыты должны были по необходимости потерпѣть крушеніе, но все же они еще свидѣтельствовали объ искусной рукѣ и широкомъ взглядѣ ихъ инціатора. Съ глубокимъ знаніемъ дѣла Оуэнъ набросалъ планъ своихъ колоній во всѣхъ техническихъ подробностяхъ; его рабочіе базары, — учрежденія для обмѣна продуктовъ труда при посредствѣ особыхъ бумажныхъ денегъ, единицу которыхъ составлялъ 1 часъ труда,—предполагали непосредственно обобществленный трудъ, слѣдовательно— полное упраздненіе товарнаго производства, на которомъ покоится капиталистическое общество.

Подобно тому какъ въ практическомъ отношеніи Оуэнъ вывелъ свои соціалистическія заключенія изъ крупной промышленности, такъ онъ теоретически вывелъ ихъ изъ классическихъ представителей политической экономіи, у которыхъ сущность капиталистическаго общества изслѣдована еще съ научной объективностью. Богатство такого общества состоитъ изъ товаровъ, и мѣновая цѣнность товаровъ была загадкой, надъ разрѣшеніемъ которой работали съ конца 17-го вѣка англійскіе и французскіе

экономисты. Наконецъ, Рикардо выяснилъ, что цѣнность товаровъ опредѣляется рабочимъ временемъ, и доказалъ въ главномъ своемъ трудѣ, что этотъ законъ управляетъ также тѣми буржуазными производственными отношеніями, которыя на первый взглядъ находятся въ полномъ противорѣчіи съ нимъ. Рядомъ съ этимъ онъ констатировалъ, однако, фактъ, что продуктъ всего общественнаго труда распредѣляется между тремя классами—землевладѣльцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата). Такимъ образомъ, получалось вопіющее противорѣчіе. Если мѣновая цѣнность продукта была равна содержащемуся въ немъ рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня должна была равняться продукту труда. Между тѣмъ въ дѣйствительности вознагражденіе рабочаго ограничивалось тѣмъ, что оставалось отъ продукта общественнаго труда по вычетѣ изъ него ренты и прибыли, и производители всѣхъ цѣнностей находились въ крупной промышленности въ болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ какое когда-либо выпадало на долю рабочихъ классовъ. Если признавалось желательнымъ помочь имъ осуществить свое право, то для достиженія этого необходимо было отдать имъ всю цѣнность продукта ихъ труда.

Именно эту задачу ставилъ себѣ Оуэнъ своими бумажными рабочими деньгами. Если рабочее время было мѣриломъ цѣнностей, къ чему еще тогда было другое внѣшнее мѣрило, деньги? Благодаря тому, что всѣ другіе товары опредѣляли свою цѣнность въ одномъ этомъ товарѣ, мѣновая цѣнность обратилась въ цѣну, стало возможнымъ распаденіе продукта труда на ренту, прибыль и заработную плату. Оуэнъ слишкомъ ясно понялъ, однако, внутренній механизмъ капиталистическаго способа производства, чтобы вообразить себѣ, будто онъ въ состояніи устранить деньги своими рабочими билетами, оставивъ товарное производство во всемъ прочемъ нетронутымъ. Чтобы рента и прибыль исчезли, нужно было замѣнить частную собственность на средства производства общей собственностью. Переходной ступенью къ этой конечной цѣли должны были служить рабочіе базары Оуэна. Это была утопія, ибо нельзя перевернуть существующее общество посредствомъ маленькихъ опытовъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ практически убѣдить это общество въ его внутренней неразумности. Оуэнъ не впалъ, однако, въ гораздо большую ошибку, котору дѣлаютъ, когда хотятъ вытащить капиталистическое общество изъ болота за собственную косу.

Ясно, что Оуэну пришлось уже стать къ рабочему классу на много ближе, чѣмъ это приходилось французскимъ утопистамъ. Онъ работалъ для него не только въ Нью-Ланаркѣ; разошедшись со своими жадными компаньонами, онъ еще продолжалъ жить среди рабочихъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія, до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1858 г. Поскольку англійское фабричное законодательство и кооперативное дѣло обязаны своимъ существованіемъ піонерскимъ усиліямъ одного человѣка, Оуэна можно считать ихъ отцомъ. Оуэнъ агитировалъ также среди пролетаріата за свои соціалистическія теоріи и при этомъ испыталъ уже всѣ преслѣдованія, которыя стали съ тѣхъ поръ обычнымъ удѣломъ борцовъ за пролетарскіе интересы, начиная отъ перебиванія залъ для собраній и кончая личными угрозами жизни и здоровью. Однако, отъ борьбы рабочаго класса за политическое господство, испытавшей такой могучій подъемъ въ чартистскомъ движеніи, Оуэнъ держался въ сторонѣ. Онъ хотѣлъ прежде всего убѣдить имущіе классы при помощи мирной пропаганды и относился съ недовѣріемъ къ пролетаріату, еще очень незрѣлому въ тѣ годы, когда Оуэнъ былъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ.

Ученики Оуэна не пошли дальше него. Правда, Дж. Ф. Брэй высказалъ разъ убѣжденіе, что правящіе классы неспособны понимать великія истины, но это не мѣшало ему отвергать политическую борьбу рабочихъ, а по мнѣнію его однофамильца Ч. Брэя, чартистское движеніе не доказало ничего, кромѣ неспособности пролетаріата взять въ руки свои собственныя дѣла. Единственнымъ ихъ лѣкарствомъ для больного общества были тѣ рецепты блаженства, которые они измыслили въ своихъ головахъ. Приверженцы Оуэна стали сектой, чтившей въ немъ своего непогрѣшимаго пророка. Чѣмъ революціоннѣе развивался чартизмъ, тѣмъ мирнѣе вели себя оуэнисты. Неудивительно, если они потеряли связь съ массами, установленіе которой стоило такого труда. Оуэнизмъ измельчалъ въ товариществахъ, вдохновлявшихся „самопомощью“, и въ религіозномъ вольнодумствѣ.

---

2. Мелко-буржуазные соціалисты.

Вмѣстѣ съ ростомъ классовой борьбы крупно-буржуазный соціализмъ умиралъ вообще. Чѣмъ сильнѣе буржуазія была тѣснима

пролетаріатомъ, тѣмъ больше она теряла охоту и досугъ для составленія и созерцанія картинъ будущаго строя, въ которомъ уничтожены страданія пролетаріата. За то мелко-буржуазный соціализмъ развился именно подъ давленіемъ растущей классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Не то, чтобы мелко-буржуазные соціалисты приняли въ этой орьбѣ сторону рабочихъ! Нѣтъ, какъ промежуточный классъ, въ которомъ одинаково притупляются интересы двухъ классовъ, мелкая буржуазія считаетъ себя выше классоваго антагонизма и отвергаетъ классовую борьбу. Отличіе мелко-буржуазнаго соціализма отъ крупно-буржуазнаго утопизма заключалось скорѣе въ томъ, что первый хотѣлъ не уничтожить крайніе пункты—капиталъ и наемный трудъ,—а только ослабить и превратить въ гармонію ихъ противорѣчія. Онъ хотѣлъ привести къ мелкобуржуазному уровню высоты и низины современнаго общества. Такъ какъ онъ не выдумывалъ никакого новаго общества, а хотѣлъ лишь освободить буржуазное общество отъ противорѣчій, составляющихъ его сущность и съ нимъ нераздѣльныхъ, то онъ охотно щеголялъ своей „наукой", подобно тому какъ мелкая буржуазія охотно выступаетъ въ роли „народа", полагая, что она защищаетъ общее благо, когда отстаиваетъ свои особые интересы.

Отсюда нисколько еще не слѣдуетъ, что мелко-буржуазные соціалисты должны были стоять на уровнѣ пониманія кума Шнейдера или Шумахера. По образованію и происхожденію они довольно часто далеко возвышались надъ классомъ, интересы котораго отстаивали. Они выступили съ остро отточеннымъ оружіемъ за пролетаріатъ противъ буржуазіи, они разрушили своей ѣдкой критикой лицемѣрныя прикрашиванія капиталистическихъ экономистовъ. Мелко-буржуазными соціалистами дѣлало ихъ то обстоятельство, что они не въ силахъ были выйти своей мыслью за тѣ границы, за которыя мелкая буржуазія не выходила въ жизни. Они хотѣли либо построить буржуазное общество во всей его чистотѣ, осуществить опредѣленіе товарной цѣнности трудомъ и свободный обмѣнъ продуктовъ труда между равноправными владѣльцами товара согласно этому мѣрилу цѣнности, — либо насильственно втиснуть опять современныя средства производства и экономическаго оборота въ старыя условія собственности, давно разорванныя ими. Оставаясь на почвѣ дѣйствительности, мелко-буржуазные соціалисты были увѣрены, что это обстоятельство даетъ имъ громадное превосходство надъ крупно-буржуазными утопистами;

на самомъ дѣлѣ они замѣнили революціонныя утопіи реакціонными.

Первая изъ упомянутыхъ мелко-буржуазныхъ утопій возникла въ Англіи, вторая—во Франціи. Ученіе о рабочемъ времени, какъ непосредственной денежной единицѣ, было впервые систематически развито Джономъ Греемъ въ 1831 г. Онъ предложилъ основать національный центральный банкъ съ филіальными отдѣленіями, которыя должны были производить обмѣнъ товаровъ не на деньги, а на удостовѣренія о количествѣ воплощеннаго въ нихъ рабочаго времени. Внутреннее противорѣчіе, которымъ страдали эти планы и о которое они разбивались при всякой попыткѣ практическаго ихъ осуществленія, состояло въ томъ, что продукты должны были производиться какъ товары, но не обмѣниваться какъ таковые. Тогда какъ рабочія бумажки Оуэна должны были констатировать только индивидуальное участіе производителя въ общей работѣ и его индивидуальное притязаніе на предназначенную для потребленія часть общаго продукта, рабочія удостовѣренія Грэя имѣли своимъ назначеніемъ осуществить обмѣнъ продуктовъ отдѣльныхъ независимыхъ производителей. Этимъ самымъ терялся, однако, всякій контроль надъ тѣмъ, воплощается ли въ индивидуальной работѣ отдѣльныхъ лицъ общественно-необходимый трудъ. Только въ денежной формѣ товара индивидуальный трудъ становится общественнымъ трудомъ. Упраздненіе денегъ, если допустить вообще его возможность въ капиталистическомъ обществѣ, не вознесло бы этого послѣдняго на вершину мелко-буржуазной гармоніи, а повергло бы въ бездну немедленнаго банкротства. Товаръ и деньги такъ же связаны другъ съ другомъ, какъ полюсъ и противоположный полюсъ. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ товарнаго производства исчезаютъ также деньги, но ни въ какомъ случаѣ деньги не могутъ исчезнуть безъ товарнаго производства. Какъ неизмѣнно ни терпѣла фіаско эта утопія при каждой попыткѣ ея осуществленія, тѣмъ не менѣе она проходитъ красною нитью черезъ исторію мелко-буржуазнаго соціализма сначала въ Англіи, но затѣмъ также въ Германіи и во Франціи. Опредѣленіе товарной цѣнности трудомъ есть реальная основа, изъ которой выростаютъ буржуазные идеалы справедливости и равенства, и потому не прекращались безнадежныя попытки очистить буржуазное общество отъ его золъ путемъ попытокъ устраненія тѣхъ условій, при которыхъ оно вообще только и можетъ жить.

Въ соотвѣтствіи со степенью хозяйственнаго развитія обѣихъ

странъ мы видимъ, что эта утопія возникла въ Англіи, тогда какъ другая мелко-буржуазная утопія, желавшая посадить курицу назадъ въ разбитое яйцо, зародилась во Франціи, гдѣ мелкое производство сохранило еще совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ Англіи. Ремесло обнаружило здѣсь бо́льшую крѣпость и жизнеспособность, потому что Франція противопоставила массовымъ продуктамъ, съ которыми Англія выступила на міровомъ рынкѣ, свои предметы роскоши. Крестьянство составляло больше половины французскаго населенія, тогда какъ англійскіе крестьяне давно уже были проглочены прожорливой пастью капиталистическаго способа производства. Сохраненіемъ французскаго крестьянства объясняется болѣе продолжительное существованіе французскаго феодализма; имъ же объясняется различіе между англійскими и французскими экономистами. Въ Англіи побѣдное шествіе капитализма было блестящимъ и скорымъ и сопровождалось страшнымъ разрушеніемъ мелкой собственности, во Франціи оно осуществилось съ гораздо меньшей быстротой, съ гораздо меньшимъ блескомъ, но тѣмъ мучительнѣе для управляемой и угнетенной массы, въ сравненіи съ безконечными страданіями которой немедленное уничтоженіе могло казаться почти благодѣяніемъ. Вслѣдствіе указанной причины буржуазные экономисты Франціи смотрѣли на это тріумфальное шествіе, смѣясь однимъ глазомъ и плача другимъ: они единымъ духомъ возвеличивали и проклинали буржуазную форму труда; по ясности пониманія они уступали, можетъ быть, англійскимъ экономистамъ, но по своему гуманному образу мыслей они шли впереди нихъ. Подобно тому какъ эта разница выступала уже рѣзко въ концѣ 17-го вѣка между первыми представителями классической экономіи, между Буагильберомъ и Петти, такъ мы можемъ наблюдать ее еще въ началѣ 19-го столѣтія между ея послѣдними представителями—Рикардо и Сисмонди.

Рикардо выпустилъ въ свѣтъ главное свое произведеніе въ 1817 г., Сисмонди — въ 1819 г. Въ промежуткѣ между этими датами былъ пережитъ первый торговый кризисъ, вспыхнувшій по возстановленіи мира въ Европѣ. Рикардо отнесся къ нему еще очень легко, какъ къ непріятности, которую всякій богатый народъ можетъ перенести столь же терпѣливо, какъ богатый негоціантъ переноситъ опасности своего корабля, которыя не заставятъ вѣдь его завидовать своему бѣдному сосѣду, обезпеченному отъ такихъ опасностей. Напротивъ, Сисмонди видѣлъ причину кри-

зисовъ въ растущей бѣдности массъ. Онъ находилъ, что буржуазное общество стремится отдѣлить всякаго рода собственность отъ труда всякаго рода. „По мѣрѣ того какъ имущества сосредоточиваются въ рукахъ небольшого числа собственниковъ, внутреннiй рынокъ сживается все больше, и промышленность все больше вынуждена искать сбыта на чужихъ рынкахъ, гдѣ ее ожидаютъ еще бо́льшiе перевороты“. Въ краснорѣчивой формѣ Сисмонди разобралъ противорѣчiя современныхъ производственныхъ условiй: анархiю въ производствѣ, истребительную промышленную войну между нацiями, вопiющую неравномѣрность въ распредѣленiи богатствъ, концентрацiю капитала и земельной собственности, угрожающую гибель крестьянства и ремесленниковъ, нищету пролетарiата. Ему принадлежитъ первому мѣткое слово: римскiй пролетарiатъ жилъ на счетъ общества, тогда какъ современное общество живетъ на счетъ пролетарiата.

Критика Сисмонди нигдѣ не переходила, однако, за мелко-буржуазный кругъ идей. Онъ сравнилъ крупную промышленность съ тѣмъ ученикомъ магiи, который не въ состоянiи укротить вызванныхъ имъ духовъ, и потому его главною цѣлью было ограниченiе производства. Сисмонди задавалъ вопросъ: неужели богатство—все, а люди—ничего? Накопленiе богатствъ должно находить свой предѣлъ въ благосостоянiи людей. Сисмонди былъ слишкомъ проницательнымъ экономистомъ, чтобы вернуться просто къ феодально-цеховымъ условiямъ, но его болѣе или менѣе гнала туда назадъ логика его мелко-буржуазной точки зрѣнiя. Въ промышленной области, гдѣ международная конкурренцiя дѣлала цеховой строй ремесла явно невозможнымъ, Сисмонди принужденъ былъ удовольствоваться самыми общими проектами реформъ, напр., требованiемъ сдѣлать предпринимателей отвѣтственными за существованiе работающихъ у нихъ пролетарiевъ и создать, такимъ образомъ, „извѣстную солидарность“ между капиталомъ и трудомъ. Но въ области аграрныхъ отношенiй для него открывался лучшiй исходъ въ предположенiи, что мелкое хозяйство имѣетъ здѣсь преимущества надъ крупнымъ. Сисмонди обратилъ поэтому самую усердную свою заботу на мелкое хозяйство въ земледѣлiи. Французскiй мелкiй крестьянинъ превратился, благодаря великой революцiи, изъ полу-крѣпостного въ свободнаго земельнаго собственника, онъ бился въ сраженiяхъ республики и имперiи противъ феодализма, теперь же капиталистическiй ростовщикъ со своей гипотекой сталъ тѣснить крестьянина не меньше,

чѣмъ его тѣснилъ нѣкогда феодальный помѣщикъ со своей барщиной. Однако, наслѣдственная аренда, родовыя и рентныя имѣнія, которыми Сисмонди хотѣлъ поддержать крестьянское землевладѣніе, приближались вѣдь опять къ связанной собственности среднихъ вѣковъ. Его школа окончательно двинулась назадъ къ патріархальному хозяйству.

Сисмонди, бывшій послѣднимъ представителемъ классической экономіи, былъ также первымъ представителемъ мелко-буржуазнаго соціализма, который находился во Франціи подъ его господствующимъ вліяніемъ приблизительно въ теченіе 20 лѣтъ. Затѣмъ это направленіе нашло новыхъ представителей, понять которыхъ можно, лишь ознакомившись съ классовой борьбой пролетаріата.

Глава III.

Классовая борьба западно-европейскаго пролетаріата.

---

1. Англійскіе фабричные законы и рабочіе союзы. Чартизмъ.

Въ началѣ 18-го столѣтія расцвѣтъ шерстяной мануфактуры во Фландріи и ростъ цѣнъ на шерсть дали первый толчокъ къ насильственному обезземеленію англійскаго крестьянскаго класса англійскимъ крупнымъ землевладѣніемъ; въ концѣ 18-го вѣка крупная промышленность согнала съ земли кустарей-прядильщиковъ и ткачей, послѣдній значительный остатокъ населенія, сидѣвшаго когда-то на собственной землѣ. Но затѣмъ машина, устранивъ необходимость въ мускульной силѣ, вызвала женскій и дѣтскій трудъ,—то своеобразное и страшное страданіе современнаго пролетаріата, котораго въ такой степени никогда не знало ни древнее рабство, ни крѣпостное состояніе среднихъ вѣковъ. Въ то время какъ Англія была какъ бы заново создана, большіе города поднимались изъ земли и изъ безплодныхъ болотъ выростали огромные человѣческіе ульи, въ то время какъ капиталъ увеличивался въ гигантскихъ размѣрахъ и завоевывалъ одинъ иностранный рынокъ за другимъ,—въ это самое время надъ англійскимъ пролетаріатомъ разразились неслыханныя бѣдствія.

Капиталъ въ крупной промышленности отнялъ у пролетарія все, что придаетъ жизни какую-либо цѣнность. На день жизни своего рабочаго онъ смотрѣлъ всецѣло, какъ на свой рабочій день, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ часовъ отдыха, безъ которыхъ рабочая сила не можетъ обойтись, если не хотятъ, чтобы она совершенно отказалась служить. Въ странѣ, гдѣ такъ свято чтутъ „субботу", воскресный отдыхъ былъ отнятъ у рабочаго; точно также у него было отнято время для исполненія своихъ семейныхъ обязанностей, для общественныхъ сношеній, для образованія и духовнаго развитія

вообще. Дѣтскому организму не оставляли времени, необходимаго для развитія и роста, для наслажденія свѣжимъ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ, не оставляли даже необходимаго времени для быстраго проглатыванія скуднаго обѣда. Дѣтямъ и взрослымъ часто вкладывали въ ротъ пищу во время самой работы, такъ что рабочій являлся только вещнымъ средствомъ производства, которому подносили пищу такъ же, какъ паровому котлу подаютъ уголь или машинѣ сало и масло. Здоровый сонъ для освѣженія и обновленія жизненной силы сократился до такого количества часовъ оцѣпенѣлаго состоянія, какое было безусловно необходимо, чтобы вернуть къ жизни совершенно истощенный организмъ. Если полное вырожденіе фабрично-заводскаго пролетаріата и было нѣсколько замедлено притокомъ здоровыхъ элементовъ изъ сельскихъ округовъ, то скоро и этотъ источникъ началъ изсякать, и врачебные отчеты констатировали быстрое умираніе сельскихъ рабочихъ. Жизненная сила англійскаго народа была подточена въ корнѣ.

Этимъ самымъ, однако, было подвергнуто опасности господствующее положеніе Англіи на всемірномъ рынкѣ. Забота о немъ, ненависть крупнаго землевладѣнія къ промышленному капиталу, расколъ въ средѣ самой буржуазіи, предостереженія врачей, филантропическое состраданіе лучшихъ элементовъ буржуазіи, неутомимое рвеніе такихъ благородныхъ друзей человѣчества, какъ Оуэнъ, наконецъ, даже дѣловой интересъ нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ, — однимъ словомъ, рядъ самыхъ разнообразныхъ причинъ соединились для того, чтобы склонить имущіе классы, за исключеніемъ фабрикантовъ въ ихъ массѣ, къ государственной охранѣ самыхъ беззащитныхъ, по крайней мѣрѣ, рабочихъ слоевъ, слѣдовательно прежде всего—дѣтей. Дѣйствительно, въ 1802, 1819, 1825, 1829 и 1831 гг. были изданы законы для защиты дѣтей, занимаемыхъ работами на фабрикахъ. Но всѣ эти законы оставались мертвой буквой, такъ какъ парламентъ не отпустилъ ни гроша на фактическое проведеніе ихъ въ жизнь вопреки сопротивленію предпринимательскаго класса. Гораздо больше, чѣмъ по своимъ фактическимъ плодамъ, эти буржуазныя старанія о законодательной охранѣ труда оказались дѣйствительными по своему отраженному психологическому дѣйствію на самихъ рабочихъ. По нимъ пролетаріатъ узналъ, какое важное значеніе онъ имѣетъ для общества при всемъ своемъ безгранично-бѣдственномъ положеніи.

Впрочемъ, и безъ того пролетаріатъ никогда не терялъ вполнѣ

этого сознанія. Воспрещеніе коалицій закономъ 1799 г., несмотря на всю суровость установленныхъ имъ наказаній за коалиціи рабочихъ, не достигло цѣли, къ которой стремились его иниціаторы. Оно вызвало въ рабочихъ, которымъ угрожалъ законъ, сознаніе солидарности своихъ интересовъ даже тамъ, гдѣ онъ мягко примѣнялся. Тамъ же, гдѣ онъ, какъ въ фабричной промышленности, проводился съ драконовской строгостью, онъ возбуждалъ насильственное сопротивленіе. Рабочіе соединялись въ тайныя общества; члены брали на себя обязательства подъ страшными клятвами; невѣрные товарищи платились жизнью и здоровьемъ. Въ лишенныхъ человѣческаго облика жертвахъ капитала проснулась нечеловѣческая жажда мести, какъ послѣднее человѣческое чувство; поджоги, кражи, разрушеніе машинъ стали обыденнымъ явленіемъ. Умные представители индустріализма сами поняли, что такое положеніе вещей не можетъ продолжаться; они поняли, что не вправѣ отрекаться отъ слѣдствій, вытекающихъ изъ ихъ собственнаго ученія, когда тѣ выгодны для рабочихъ. Усиліями радикальнаго фритредера Юма, — за спиной котораго стоялъ портной Плэсъ, необыкновенно практичный агитаторъ, доставашій каждый разъ новое оружіе для борьбы,—удалось въ 1824 году провести контрабандою черезъ парламентъ отмѣну воспрещенія коалицій.

Тотчасъ же во всѣхъ отрасляхъ труда возникли трэдъ-юніоны, профессіональные рабочіе союзы, старавшіеся завоевать себѣ лучшія условія труда, въ особенности при помощи стачекъ. Испуганный парламентъ уже въ слѣдующемъ году снова ограничилъ только что дарованную свободу коалицій, но подъемъ духа среди рабочихъ не былъ сломленъ этимъ. Рабочіе союзы продолжали энергично развиваться, они сблизились съ радикализмомъ и соціализмомъ, соединились въ 1834 г. въ одинъ могущественный союзъ, направившійся на всѣхъ парахъ къ коммунистическому обществу. Проникнутые увѣренностью въ побѣдѣ, они слишкомъ опрометчиво предприняли крупныя стачки, кончившіяся рядомъ тяжкихъ пораженій и приведшія къ распаденію ихъ союза. Тѣмъ не менѣе трэдъ-юніоны пережили и этотъ ударъ. Сколько препятствій имъ ни ставила на каждомъ шагу крайняя немилость законодательства и общественнаго мнѣнія, руководимаго капиталистической прессой, сколько ни доказывали имъ безполезность ихъ усилій экономисты и соціалисты,—проснувшееся классовое сознаніе пролетаріата не давало больше сбивать себя съ толку.

Оно не дало сбить себя съ толку и тогда, когда поддержало

ненавистную буржуазію въ ея политической борьбѣ съ короной и крупнымъ землевладѣніемъ. Еще слишкомъ неразвитый, чтобы образовать собственную партію, англійскій рабочій классъ былъ достаточно развитъ для пониманія того обстоятельства, что реакціонныя насилія надъ гражданской свободой, что сохраненіе палаты, назначаемой на половину лендлордами и на половину — подкупленными избирателями, прямо противорѣчатъ его интересамъ. Онъ примкнулъ къ мѣщанско-радикальному крылу буржуазіи, требовавшему парламентской реформы на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Реформу вырвалъ у короны и обѣихъ палатъ прежде всего страхъ передъ „угрюмыми рабочими массами Ланкашира и Іоркшира". Но билль о реформѣ 1832 г. обезпечилъ избирательное право только среднему классу, который отклонилъ самъ дальнѣйшее расширеніе его въ пресловутомъ „заявленіи объ окончательности" реформы.

Преобразованный парламентъ тотчасъ показалъ, чье онъ духовное дѣтище. Исключительные законы противъ Ирландіи, новая организація городского управленія, обезпечившая буржуазіи въ большихъ промышленныхъ городахъ непосредственное господство надъ мѣстнымъ пролетаріатомъ, новый законъ о призрѣніи бѣдныхъ съ его „Бастиліями", въ которыхъ съ безработными обращались хуже, чѣмъ съ преступниками,—все это толкнуло пролетаріатъ въ политическую оппозицію противъ буржуазіи. Такое же дѣйствіе оказалъ фабричный законъ 1833 г., составлявшій, по многимъ своимъ предписаніямъ, шагъ назадъ сравнительно съ прежними фабричными законами и принесшій положительные результаты, лишь благодаря тому, что введеніе фабричной инспекціи, которое было задумано, какъ шахматный ходъ крупныхъ фабрикантовъ противъ мелкихъ, оказалось на практикѣ выгодной для рабочихъ мѣрою. Въ 1835 г. въ Лондонѣ собралось одно рабочее общество и составило „народную хартію", какъ свою программу. Въ нее входили 6 пунктовъ: всеобщее право голоса для всякаго мужчины, находящагося въ здравомъ разсудкѣ и не изобличеннаго въ какомъ-либо преступленіи, ежегодные выборы въ парламентъ, жалованье членамъ парламента, тайная подача голоса, равные избирательные округи, избираемость всякаго избирателя. Исполненіе этихъ требованій перевернуло бы вверхъ дномъ англійскую конституцію.

Чартизмъ былъ первой попыткой современнаго пролетаріата завоевать политическую власть, чтобы пользоваться ею въ своихъ

интересахъ. Онъ не былъ, однако, чисто-пролетарскимъ движеніемъ и, съ другой стороны, не обнималъ всѣхъ передовыхъ элементовъ рабочаго класса. Онъ былъ перемѣшанъ съ мѣщанско-радикальными составными частями, но отъ него сторонились трэдъ-юніоны, которые какъ разъ передъ этимъ были сильно обезкуражены неудачей своей первой кампаніи. Сюда прибавилось еще то, что чартизмъ вмѣшался въ жестокую классовую борьбу, которая велась между аристократіей и буржуазіей. Какъ только англійская буржуазія добилась политической власти, она стала усердно стремиться къ проведенію своего идеала, т.-е. къ тому, чтобы сдѣлать Англію „всемірной мастерской", которой всѣ другія страны должны были служить рынками для ея промышленныхъ издѣлій и поставщиками пищевыхъ средствъ и сырья. Но этому мѣшали прежде всего хлѣбные законы, удорожавшие промышленное производство возвышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, а слѣдовательно, и заработной платы. Эта внутренняя распря между поземельной рентой и прибылью на капиталъ не затрагивала непосредственно рабочихъ, какъ таковыхъ. Чартисты не были нисколько заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить хлѣбные законы, но они знали также, что фритредеры громко требуютъ дешеваго хлѣба не ради пролетаріата. Цѣлью чартистовъ въ экономической области былъ 10-часовой рабочій день, какъ въ политической ею была хартія. Однако, именно этимъ требованіемъ правящіе классы пытались воспользоваться, какъ приманкой, чтобы привлечь на свою сторону рабочихъ. Фритредеры обѣщали имъ ввести послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ 10-часовой рабочій день, чтобы впослѣдствіи съ Брайтомъ и Кобденомъ во главѣ открыто нарушить свое слово, а крупные землевладѣльцы скрыли печаль по поводу опасности, угрожающей ихъ земельной рентѣ, подъ знаменемъ 10-часового рабочаго дня, вокругъ котораго они пытались сплотить болѣе незрѣлые слои пролетаріата.

Нельзя сказать, чтобы чартисты не видѣли насквозь своихъ ложныхъ друзей. Они поддерживали агитацію аристократіи въ пользу 10-часового рабочаго дня, не смѣшиваясь съ ней, и сбрасывали съ трибуны противниковъ хлѣбныхъ законовъ, какъ только эти софисты прибыли на капиталъ начинали возвѣщать наступленіе тысячелѣтняго царства съ введеніемъ свободной торговли. Тѣмъ не менѣе, лишенные собственнаго представительства въ парламентѣ, они вынуждены были считаться съ парламентскими партіями—то съ торіями, то съ вигами. Политическій характеръ чар-

тизма обнаружила вполнѣ только большая стачка 1842 г., которую рабочіе объявили, вѣроятно, вслѣдствіе натравливаній фабрикантовъ, чтобы затѣмъ испытать на себѣ ихъ предательство. Сотни тысячъ рабочихъ сердецъ пробудилъ его боевой кличъ: „политическая власть — наше средство, соціальное счастье—наша цѣль". Но тутъ чартизмъ былъ наказанъ за свое неумѣніе оцѣнить соціализмъ, какъ, съ другой стороны, соціализмъ былъ наказанъ за неумѣніе оцѣнить чартизмъ. Споры о моральномъ давленіи и физическомъ насиліи, о „священномъ мѣсяцѣ", т.-е. всеобщей забастовкѣ, объ аграрномъ планѣ, въ основу котораго былъ положенъ наивный расчетъ скупить рядъ имѣній на капиталъ, собранный среди рабочихъ путемъ подписки на мелкія акціи,—все это парализовало каждый разъ внутреннюю силу партіи. Тѣмъ не менѣе, ея геройская борьба заполняетъ первую славную страницу въ революціонной исторіи современнаго пролетаріата. Объ ея стойкое сопротивленіе разбились „постыдные маневры", которыми фабриканты хотѣли затормозить дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ, мужественную и основанную на знаніи дѣла, и опять свести къ нулю значеніе закона 1833 г. Она пробудила дѣятельную духовную жизнь среди англійскаго рабочаго класса и создала собственную пролетарскую литературу, превзошедшую одновременныя произведенія верхнихъ 10-ти тысячъ не отшлифованной и вылощенной формой, а энергіей мысли и глубиною внутренняго содержанія.

Чартистское движеніе было такое могучее, что оно оказало извѣстное отраженное дѣйствіе и на имущіе классы. Отдѣльные радикальные фабриканты стали на сторону борющихся рабочихъ; изъ гуманныхъ торіевъ образовалась „молодая Англія", которая хотѣла возстановить романтическій феодализмъ съ его хорошими сторонами и стремилась, такимъ образомъ, къ невозможному, но наносила все-таки чувствительные удары спѣсивой денежной аристократіи. Самымъ блестящимъ, пожалуй, образомъ она была представлена въ романѣ Дизраэли „Sybil", гдѣ мы находимъ глубоко захватывающее изображеніе стачки 1842 г. Такой талантливый юмористъ, какъ Томасъ Гудъ, въ своей „Пѣсни о рубашкѣ" и своемъ „Мостѣ вздоховъ" выразилъ въ потрясающей формѣ безмѣрныя страданія женскаго пролетаріата. Наконецъ, чартизмъ нашелъ громкій отзвукъ въ писаніяхъ Карлейля. Воспитанному на нѣмецкихъ классикахъ, Карлейлю казалось, что вмѣстѣ съ крупною промышленностью надвигается вѣкъ новаго варварства. Уди-

вительно красивымъ языкомъ онъ изобразилъ ея опустошительныя дѣйствія и выступилъ съ требованіемъ объ организаціи труда.

Безспорно, глубоко внутри этой литературы было скрыто реакціонное ядро, которое должно было тѣмъ сильнѣе разростись, чѣмъ яснѣе пролетаріатъ сталъ сознавать свое всемірно-историческое назначеніе. Состраданіе къ нуждѣ, какъ бы чисто оно ни было и въ какихъ бы яркихъ чувствахъ оно ни прорывалось, есть нѣжное растеніе, которое быстро вянетъ въ знойной атмосферѣ разгорающейся классовой борьбы. Даже Карлейль кончилъ какъ апологетъ рабства.

---

2. Первыя революціонныя попытки французскаго пролетаріата.

Во Франціи запрещеніе рабочихъ коалицій было объявлено уже въ 1791 г. Здѣсь предлогомъ пришлось взять декларацію правъ человѣка и страхъ предъ возстановленіемъ цеховъ, тогда какъ при англійскомъ запрещеніи коалицій были пущены въ ходъ, въ качествѣ пугала, спасеніе общества и страхъ предъ французскимъ якобинствомъ. Однако, различіе фразъ, при помощи которыхъ рабочіе были обмануты по ту и по сю сторону Ламанша, отвѣчало дѣйствительнымъ различіямъ въ экономическихъ условіяхъ. Во Франціи отсутствовало быстрое развитіе крупной промышленности и вмѣстѣ съ нимъ то солидарное движеніе большихъ рабочихъ массъ, которымъ сопровождались въ Англіи устраненіе запрета коалицій, основаніе трэдъ-юніоновъ и введеніе фабричныхъ законовъ. Соотвѣтственно съ этимъ, у власти оказалась на первыхъ порахъ не промышленная, а финансовая буржуазія, такъ называемая финансовая аристократія, банкъ и биржа, владѣльцы большихъ лѣсовъ, копей и рудниковъ. Іюльская монархія была акціонерной компаніей для эксплуатаціи французскаго національнаго богатства, дивиденды которой дѣлились между короной, министрами, палатой, двумя-тремя стами тысячъ избирателей и ихъ приспѣшниками.

Французская финансовая аристократія показала, что по части обманыванія пролетаріата она можетъ вполнѣ сравняться съ англійской крупной индустріей. Прежде всего, она украла у рабочихъ и мелкихъ буржуа французскую республику; назначивъ Луи Филиппа руководителемъ своего эксплуататорскаго предпріятія, она

лицемѣрно утверждала, что создала монархію съ республиканскими учрежденіями. Что понималось подъ этимъ, обнаружилось скоро, когда новый король-буржуа назначилъ своимъ министромъ-президентомъ богатаго банкира Казиміра Перье. Ограниченный и мрачный фанатикъ капитализма, Перье началъ съ заявленія іюльскимъ мечтателямъ, что революція не перевернула соціальнаго строя, а коснулась лишь политическаго порядка, что каждое возстаніе преступно, какое бы знамя оно ни развертывало, что каждый насильственный актъ есть анархія. Въ то же время этотъ французскій буржуа ввелъ практику, которой суждено было съ тѣхъ поръ стать однимъ изъ главныхъ средствъ, примѣняемыхъ всѣми спеціалистами по части спасанія отечества: его полиція вербовала за деньги бродягъ, рецидивистовъ, выпущенныхъ на свободу каторжниковъ и другихъ субъектовъ подобнаго рода, чтобы устраивать мнимыя покушенія, бунты и заговоры и при этихъ случаяхъ избивать обманутую толпу. Подъ впечатлѣніемъ искусственно сфабрикованнаго террора Казиміръ Перье заставилъ послушную палату упразднить политическія права, которыя только что завоевали своей кровью народныя массы, а послѣ его преждевременной смерти это патріотическое дѣло продолжали съ неослабѣвающей энергіей Тьеръ, Гизо и подобные имъ господа. Буржуазной монархіи не было еще и полдюжины лѣтъ, какъ въ ея лѣтописи числилось уже около трехъ дюжинъ маленькихъ революцій, болѣе дюжины покушеній на короля и—почти дюжина законовъ, отнявшихъ у массъ ихъ политическія права, и прежде всего — свободу печати и союзовъ.

Эта политика должна была вызвать озлобленіе среди іюльскихъ борцовъ какъ изъ мелкихъ буржуа, такъ и изъ пролетаріата, и именно потому произвести до извѣстной степени дѣйствіе, предотвращеніе котораго составляло якобы ея задачу. Отрѣзанные отъ политической жизни, угнетенные классы организовались въ тайныя общества; лишенные рѣчи и печатнаго слова, они прибѣгли къ кинжалу и ружью. Не одинъ разъ полиція обожгла себѣ пальцы у огня, которымъ она играла. Стоитъ отмѣтить, что даже въ самомъ кровавомъ покушеніи на Луи Филиппа, произведенномъ при помощи адской машины Фіески, участвовалъ въ качествѣ вожака отставной полицейскій сыщикъ. Рядомъ съ полицейскими возстаньицами были, однако, предприняты и серьезныя попытки низвергнуть съ оружіемъ въ рукахъ жадную плутократію, которую буржуазія навязала на шею націи. При этомъ,

пролетаріатъ, какъ слабо развитый еще классъ, стоялъ позади мелкой буржуазіи, энергичные элементы которой находились подъ властью якобинскихъ преданій великой революціи. На первыхъ порахъ правящій классъ боялся радикальнаго мѣщанства больше, чѣмъ бунтующихъ рабочихъ.

Это ясно обнаружилось во время возстанія голодающихъ ліонскихъ ткачей осенью 1831 г. Съ чернымъ знаменемъ въ рукахъ, на которомъ красовалась мрачная надпись: „жить работая, или умереть сражаясь!", рабочіе прогнали гарнизонъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней были хозяевами второго города въ королевствѣ, поддерживая образцовый порядокъ. Голодный бунтъ не имѣлъ никакой опредѣленной программы. Организованы были не кустари-ткачи, а тѣ 8—10 тысячъ мастеровъ, которые стояли между 40—50 тысячами рабочихъ и 800 фабрикантами; хотя и являясь сами орудіемъ эксплуатаціи, они вынуждены были, однако, горькой нуждой стать на сторону рабочихъ. Даже и эти мастера были организованы только въ общество взаимопомощи (Mutuelle), уставъ котораго запрещалъ всякое обсужденіе политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. Послѣ быстраго подавленія возстанія въ органахъ буржуазіи раздался вздохъ облегченія: это было простое столкновеніе между фабрикантами и рабочими. Гораздо больше напугалъ ее республиканскій мятежъ, вспыхнувшій въ 1832 году при погребеніи генерала Ламарка въ Парижѣ.

Ліонскіе ткачи извлекли тѣмъ временемъ урокъ изъ своего безплоднаго возстанія. Въ февралѣ 1834 года они, подъ руководствомъ Mutuelle, попытались путемъ стачекъ воспрепятствовать дальнѣйшему пониженію ихъ голодной платы. При отсутствіи сколько-нибудь широкой организаціи, они потерпѣли неудачу уже по прошествіи одной недѣли, но какъ разъ въ моментъ самаго возбужденнаго ихъ настроенія правительство выступило съ дерзкимъ покушеніемъ на послѣдніе остатки свободы союзовъ. Тьеръ и Гизо, которымъ не хватало открытой грубости человѣка въ родѣ Перье и которые замѣняли ее—одинъ трусливымъ хныканьемъ, а другой—елейными нравственными проповѣдями, хотѣли нанести этимъ ударъ прежде всего буржуазнымъ республиканцамъ, но такъ какъ они сдѣлали призрачнымъ рѣшительно всякое право союзовъ, то убили также общества взаимопомощи въ родѣ Mutuelle. Въ протестѣ, покрытомъ 2500 подписями, общество это заявило, что оно добровольно стало внѣ политики и потому не опасалось никакого нападенія со стороны правительства; теперь

убійственный для свободы законъ объ ассоціаціяхъ доказалъ ему, что оно заблуждалось, но оно не подчинится унизительному ярму, а будетъ продолжать свои собранія и не остановится ни передъ какими жертвами, чтобы защитить естественное и неотъемлемое человѣческое право. Mutuelle вступило въ тѣсныя сношенія съ „Обществомъ правъ человѣка", самой вліятельной и многочисленной изъ тайныхъ организацій буржуазныхъ республиканцевъ. Но въ этомъ обществѣ господствовали всякіе раздоры и мелкая зависть между вождями; затѣмъ, дѣло не обошлось безъ участія разныхъ сыщиковъ. Такимъ образомъ, правительство имѣло возможность приготовиться къ грозному удару. Со времени голоднаго возстанія 1831 года Ліонъ былъ сильно укрѣпленъ, и войско стояло готовое къ бою на всѣхъ рѣшающихъ пунктахъ, когда рабочая масса поднялась 9 апрѣля 1834 г. Она геройски билась въ пятидневной борьбѣ, пока не была раздавлена солдатами, учинившими беспримѣрно звѣрскую расправу надъ повстанцами. Въ Парижѣ республиканцы поднялись только 13 апрѣля, но уже на слѣдующій день они были побѣждены. И здѣсь войско совершило безчисленное множество звѣрскихъ подвиговъ; кровавая баня на улицѣ Трансноненъ еще и теперь не забыта.

Грандіозный процессъ, который былъ возбужденъ противъ плѣнныхъ, совершенно разрушилъ „Общество правъ человѣка". Еще болѣе чувствительный ударъ буржуазныя организаціи возстанія испытали вслѣдствіе того, что болѣе извѣстнымъ вождямъ ихъ удалось бѣжать изъ предварительнаго заключенія заграницу. Мѣсто бѣглецовъ заняли болѣе даровитые и энергичные люди, особенно Барбесъ и Бланки, основавшіе въ 1835 году „Société des Familles", а затѣмъ, „Общество временъ года"; въ этихъ обществахъ почти исключительно господствовало пролетарское направленіе. Свой центръ тяжести послѣднее находило въ ученіяхъ Бабёфа, память о которомъ оживила въ свѣжихъ краскахъ исторія его заговора, написанная Буонаротти. Новыя общества требовали „соціальной и радикальной революціи", „уничтоженія аристократіи, богачей, банкировъ, подрядчиковъ, монополистовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, биржевыхъ спекуляторовъ, однимъ словомъ—эксплуататоровъ, наживающихся на счетъ народа". Они заявляли, что учрежденіе республики не столько цѣль, сколько средство, чтобы перенести имущественныя блага отъ собственниковъ, которые не работаютъ, къ рабочимъ, которые ничего не имѣютъ. Это была самая безпомощная форма коммунизма, покоившаяся

въ существенныхъ чертахъ на буржуазно-идеологической формѣ равенства. Въ своей тактикѣ, какъ и въ своей программѣ, „Общество временъ года" также примыкало къ Бабёфу: достаточно было небольшого числа рѣшительныхъ заговорщиковъ, чтобы посредствомъ переворота захватить государственную власть. Однако, когда Барбесъ и Бланки сдѣлали 12 мая 1839 года свою попытку произвести переворотъ, то послѣ немногихъ часовъ кажущейся удачи она потерпѣла полное крушеніе.

Троекратное пораженіе парализовало силы боевыхъ революціонныхъ партій. Съ тѣхъ поръ буржуазная монархія была избавлена отъ новыхъ возстаній, но тѣмъ быстрѣе происходило ея внутреннее разложеніе. Само собою понятно, что іюльская монархія ничего не сдѣлала для рабочаго класса; единственный фабричный законъ, который былъ изданъ въ 1841 г. и долженъ былъ—въ весьма ограниченной степени—защитить дѣтскій трудъ, остался безъ всякаго практическаго дѣйствія. Промышленной буржуазіи этимъ оказывалась, конечно, большая услуга, такъ же какъ вывозными преміями и покровительственными пошлинами, но чѣмъ сильнѣе она становилась, тѣмъ больше росло ея недовольство правящей частью своего класса. Финансовая аристократія, сидѣвшая у кормила государственнаго правленія, была по своей природѣ озабочена больше присвоеніемъ уже существующаго, чѣмъ созданіемъ новаго богатства. Она запускала сельское хозяйство, торговлю, судоходство, пути сообщенія и тѣмъ наносила чувствительный ущербъ промышленной буржуазіи. Она возстановила противъ себя и мѣщанскую честность тѣмъ, что при помощи учредительскихъ аферъ, безсовѣстнаго подкупа, всякаго рода обмана и грабежа развилась въ золотую роту высшаго полета. Ея жалкой политикѣ внутри страны отвѣчала ея жалкая внѣшняя политика. Среди самихъ имущихъ классовъ образовалась все возраставшая оппозиція противъ ихъ руководящей фракціи,—опозиція, составившаяся изъ весьма различныхъ элементовъ, но нашедшая общее знамя въ требованіи избирательной реформы. Она была единодушна насчетъ того, что нужно снести тѣсныя границы активнаго и пассивнаго избирательнаго права, обезпечивавшія финансовой аристократіи ея исключительное господство, но въ вопросѣ о томъ, какъ далеко должно идти расширеніе избирательнаго права, она расходилась.

Въ существенныхъ чертахъ можно было различать въ этой буржуазной оппозиціи три направленія: династическую оппозицію,

которая желала сохранить буржуазную монархію и предоставить лишь различнымъ слоямъ буржуазіи болѣе равномѣрное участіе во власти; буржуазно-республиканскую оппозицію, которая въ республиканскомъ образѣ правленія видѣла наиболѣе надежную гарантію общаго господства буржуазіи; наконецъ, демократическо-республиканскую оппозицію, предъ глазами которой носился идеалъ мѣщанской республики по якобинскому образцу. Такъ какъ республика была немыслима безъ помощи рабочихъ, то буржуазные республиканцы,—которые въ прочихъ отношеніяхъ были столь же равнодушны къ интересамъ рабочихъ, какъ династическая оппозиція,—принуждены были кокетничать до извѣстной степени съ пролетаріатомъ. Это направленіе, группировавшееся вокругъ „*National*", покровительствовало рабочей газетѣ „*Atelier*", которая стала выходить съ 1840 г. и объявляла производительныя ассоціаціи Бюше панацеей отъ всѣхъ соціальныхъ золъ.

Демократическо-республиканская оппозиція, имѣвшая своего парламентскаго оратора въ лицѣ Ледрю-Роллена, а въ „*Réforme*"—свой публицистическій органъ, сближалась съ рабочими тѣмъ болѣе, что, по мѣщанскимъ понятіямъ, она представляла „народъ" вообще, въ противоположность буржуазіи. Она называла себя соціалъ-демократической и требовала всеобщаго избирательнаго права, такъ же какъ организаціи труда, которая должна была замѣнить наемныя отношенія ассоціаціей. Въ программѣ „*Réforme*" значилось: рабочій имѣетъ такое же право на признательность государства, какъ солдатъ; крѣпкому и здоровому рабочему государство должно дать работу, старому и слабому—помощь и защиту. Организація труда и право на трудъ—таковы были соціально-политическія цѣли этого направленія, литературнымъ представителемъ котораго былъ въ особенности Луи-Бланъ. Онъ называлъ свободную конкурренцію системой истребленія, которая ближайшимъ образомъ разоряетъ пролетарія, но затѣмъ и буржуа. Свободная конкурренція ведетъ къ уничтоженію ремесленника фабрикантомъ, крестьянина—гипотекой; она ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ монополіи крупнаго капитала и удорожаетъ товаръ, который якобы должна сдѣлать болѣе дешевымъ. Задача государства—устроить общественныя мастерскія, разбить рабочихъ одинаковыхъ промысловъ на большія товарищества и поддерживать ихъ изъ общественныхъ средствъ. Эти солидарно связанныя между собою товарищества постепенно поглотятъ частную промышленность и, такимъ образомъ, уничтожатъ губительную конкурренцію. Легко распознать мелко-бур-

жуазный характеръ этихъ предложенiй. Дѣло обстоитъ съ ними приблизительно такъ же, какъ съ рабочимъ временемъ въ качествѣ непосредственной денежной единицы. Дѣйствительно, право на трудъ въ буржуазномъ обществѣ организовано, насколько оно вообще можетъ быть организовано въ немъ. Безработица есть слѣдствiе перепроизводства, нераздѣльно связаннаго съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ. Если бы государство предоставило безработнымъ пролетарiямъ возможность производить дальше на нормальныхъ условiяхъ, то оно безгранично увеличило бы перепроизводство и кончило бы банкротствомъ. Для осуществленiя права на трудъ необходима общая собственность на орудiя труда. Покуда существуетъ частная собственность на средства производства, право на трудъ возможно только въ формѣ того работнаго дома, который внушаетъ англiйскимъ рабочимъ большiй ужасъ, чѣмъ каторжная тюрьма и даже голодная смерть. Трудъ въ буржуазномъ обществѣ организованъ такъ, какъ онъ только и можетъ быть организованъ въ немъ, т.-е. какъ наемный трудъ, который предполагаетъ капиталъ и можетъ быть упраздненъ лишь одновременно съ капиталомъ, слѣдовательно—съ буржуазнымъ обществомъ. То же самое относится къ свободной конкуренцiи, которая въ обществѣ обмѣнивающихся между собой производителей товаровъ является единственно-возможной организацiей общественнаго производства.

Весьма понятно, однако, что предложенiя Луи Блана произвели глубокое впечатлѣнiе на французскихъ рабочихъ. Опасность войны и политическiя потрясенiя, обусловленныя восточнымъ кризисомъ 1840 г., вызвали безумную спекулятивную горячку среди имущихъ классовъ, а рабочему классу принесли массу нужды и страданiй. Множество безработныхъ запружали улицы Парижа, такъ что пришлось поддерживать свободный проѣздъ при помощи войска. При такихъ обстоятельствахъ, громкiя требованiя о правѣ на трудъ и объ организацiи труда получали значенiе бурнаго протеста противъ нелѣпыхъ слѣдствiй капитализма. Несмотря на запрещенiе коалицiй, вспыхнули большiя стачки среди портныхъ, столяровъ, обойщиковъ, а позже и среди плотниковъ, причемъ о пробуждающемся сознанiи солидарности у рабочаго класса свидѣтельствовало то, что не-забастовавшiе промыслы, какъ наборщики, дѣятельно поддерживали своими сбереженiями нуждающихся товарищей. Своеобразные классовые интересы современнаго пролетарiата принимали все болѣе осязательную форму и заставляли рабочихъ захо-

дить все дальше идеологическаго эгалитарнаго коммунизма. Опытъ училъ ихъ, что разрозненными возстаніями нельзя завоевать политическую власть; требованіе всеобщаго избирательнаго права пріобрѣтало среди нихъ все большее число сторонниковъ.

Это отнюдь еще не значило, однако, чтобы классовая борьба и соціализмъ слились. Правда, фурьеристы также требовали права на трудъ, но они усердно боролись противъ реформистовъ. Викторъ Консидеранъ заявилъ въ своемъ органѣ „*La démocratie pacifique*" („Мирная демократія"), что вся бѣда лишь въ отсутствіи идей у правительства: стоитъ обучить его общественной наукѣ, и реформу можно будетъ осуществить безъ революціи. На это „*Réforme*" возражала, что бѣда заключается въ другомъ: правительство имѣетъ за собою не народъ, а однѣ только монополіи и привилегіи, которыя недоступны поученію, а могутъ быть только сломлены; отъ побѣдоносныхъ интересовъ нельзя требовать самоубійства. Люди „Реформы" не были бы, однако, мелко-буржуазными республиканцами, если бы они не ненавидѣли отъ всей души всякаго соціализма и коммунизма, накладывавшаго топоръ на самые корни буржуазнаго общества. „Мы не коммунисты и не соціалисты", заявлялъ своимъ избирателямъ Ледрю-Ролленъ. Результатомъ этого спора былъ первый рабочій коммунизмъ, ставшій массовымъ движеніемъ и нашедшій своего выразителя въ лицѣ Кабе.

Кабе былъ и якобинцемъ и утопистомъ. Какъ вождь буржуазныхъ республиканцевъ, онъ навлекъ на себя судебныя преслѣдованія, изъ-за которыхъ принужденъ былъ бѣжать въ Англію. Здѣсь онъ пришелъ къ коммунистическимъ воззрѣніямъ, только не путемъ практическаго изученія жизни, а подъ вліяніемъ литературныхъ изслѣдованій, особенно—благодаря Томасу Мору и Оуэну. Его коммунизмъ покоился всецѣло на идеологической основѣ. Изъ принципа равенства и братства Кабе вывелъ необходимость общности имуществъ, которая одна гарантируетъ счастье всѣхъ людей. Подобно всѣмъ утопистамъ, онъ хотѣлъ осуществить свой идеалъ путемъ мирной пропаганды, но въ отличіе отъ другихъ онъ требовалъ господства демократіи, какъ необходимаго переходнаго періода. Онъ говорилъ рабочимъ: будьте прежде всего демократами и реформистами, подписывайте петиціи о реформѣ избирательнаго права. Кабе былъ безспорно самымъ неглубокимъ утопистомъ: его „Путешествіе въ Икарію" носитъ преимущественно мелко-буржуазный характеръ; рядомъ съ утопіями какого-нибудь Сенъ-Симона или Фурье она кажется бѣдной и робкой. Но будучи

самымъ неглубокимъ, Кабе былъ также и самымъ популярнымъ утопистомъ, такъ какъ онъ отвелъ, наконецъ, извѣстный просторъ для активной политической роли пролетаріата.

Вообще ему принадлежитъ та заслуга, что онъ далъ самое вѣрное выраженіе классовому сознанію французскаго пролетаріата, поскольку это сознаніе было развито въ 40-хъ гг. Отсюда — громадное распространеніе его сочиненій среди рабочихъ, отсюда же — всеобщая ненависть, которую онъ возбудилъ противъ себя въ буржуазномъ мірѣ. Фурьеристы такъ же знать его не хотѣли, какъ реформисты, и это неудивительно: вѣдь онъ попалъ въ больное мѣсто тѣхъ и другихъ. Его бывшіе единомышленники изъ „*National*" обличали его, какъ прислужника Священнаго Союза, а какой-то священникъ въ Шампани рекомендовалъ побить коммунистовъ камнями. Папа и французскіе епископы предавали коммунизмъ проклятію, а между тѣмъ Кабе на свой ладъ призналъ христіанство. Онъ говорилъ: „Икарійскій коммунизмъ это — христіанство, основанное Іисусомъ Христомъ, во всей его первоначальной чистотѣ, ибо христіанство есть принципъ братской любви, равенства, свободы, ассоціаціи и общности имуществъ". Кабе и въ этомъ пунктѣ сумѣлъ затронуть чувство современнаго пролетаріата, который въ первыхъ стадіяхъ своей освободительной борьбы охотно обращаетъ свои взоры назадъ къ первобытному христіанству. Дезами, пытавшійся обосновать коммунизмъ атеизмомъ и матеріализмомъ, поступилъ гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ Кабе, а между тѣмъ и въ отдаленной степени не достигъ такого вліянія на рабочихъ.

Всѣ враждебныя нападки не поколебали Кабе, онѣ повредили ему лишь тѣмъ, что безмѣрно раздули его самомнѣніе. Въ усердномъ стараніи убѣдить несогласный съ нимъ міръ въ возможности своей утопіи, онъ забылъ о томъ, что самъ призналъ непремѣннымъ ея условіемъ, и попытался осуществить ее въ маленькихъ колоніяхъ на американской почвѣ. Самопожертвованіе его приверженцевъ дало ему возможность выполнить опытъ, но едва первая экспедиція отплыла, какъ вспыхнула февральская революція. Она съ убѣдительною силою показала французскому пролетаріату, что его интересы лежатъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ въ безнадежныхъ стараніяхъ одолѣть гигантскія силы капитализма при помощи дѣтской игрушки, карликоваго коммунизма. Икарійскія колоніи, какъ таковыя, погибли, подобно аналогичнымъ опытамъ фурьеристовъ и оуэнистовъ, отъ которыхъ онѣ отличались, впрочемъ, гораздо

болѣе сильнымъ классовымъ сознаніемъ. Диктаторски властвовать въ нихъ Кабе не былъ въ состояніи: онъ умеръ въ 1857 г. въ С.-Луи, сломленный неудачей своихъ плановъ.

Рядомъ съ кабетистскимъ и реформистскимъ движеніемъ продолжали существовать пролетарскіе тайные союзы, но профессіональные заговорщики все болѣе и болѣе теряли почву въ нихъ: и въ тайныхъ обществахъ, которыя по положенію вещей обнимали лишь небольшія части рабочаго класса, все сильнѣе сказывалась потребность организовать пролетаріатъ, какъ таковой, и просвѣтить его насчетъ его классовыхъ интересовъ.

Богатая соціалистическая литература, выросшая въ душной атмосферѣ 40-хъ годовъ, скорѣе мѣшала, чѣмъ способствовала такому самопросвѣщенію. Корень ея лежалъ въ чувствѣ возмущенія, которое возбуждало господство финансовой аристократіи и въ которомъ сошлись всѣ другіе классы, начиная отъ феодальной аристократіи и кончая промышленнымъ пролетаріатомъ. Чѣмъ сильнѣе наростало это возмущеніе, тѣмъ больше стирались противоположности между различными соціальными слоями общей оппозиціи. Имущіе классы воодушевлялъ въ ея борьбѣ противъ финансовой аристократіи туманный соціализмъ; расплываясь въ сотняхъ оттѣнковъ, онъ задерживалъ энергичное развитіе классоваго сознанія, которое начало пробуждаться у наиболѣе подвинувшихся впередъ рабочихъ. Болѣе или менѣе сильный отзвукъ его мы находимъ почти у всѣхъ поэтовъ того времени, отъ Беранже до Ламартина; его геніальнѣйшей представительницей была Жоржъ Зандъ, величайшая писательница 19-го столѣтія, а его наиболѣе читаемымъ представителемъ—Эженъ Сю, приводившій въ восхищеніе всѣхъ мѣщанъ своими сантиментальными и полными ужасовъ романами, печатавшимися въ фельетонахъ буржуазныхъ газетъ. Въ католическомъ мірѣ поднялся Ламеннэ, призывая церковь стать во главѣ соціальнаго движенія; осужденный Римомъ, онъ провозвѣстилъ затѣмъ въ пламенныхъ „Словахъ вѣрующаго" и въ другихъ сочиненіяхъ священство народа. Краснорѣчивый и въ своемъ родѣ убѣжденный энтузіастъ, онъ пріобрѣлъ извѣстное вліяніе на массы, хотя его соціальная программа, какъ онъ самъ заявлялъ въ „*National*", ограничивалась жиденькимъ требованіемъ, чтобы заработная плата назначалась болѣе справедливая. Обо всѣхъ соціалистическихъ системахъ онъ говорилъ, что онѣ хотятъ обречь народы на такое рабство, какого міръ никогда еще не видѣлъ, что онѣ низводятъ человѣка на степень

простой машины, простого орудія, и что онѣ поставили бы его ниже негра, даже ниже животнаго.

Преобладающему вліянію этого буржуазнаго соціализма французскій пролетаріатъ могъ противопоставить сначала лишь немногихъ теоретиковъ, которые вышли изъ его собственной среды и, руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, пытались разрѣшить противорѣчія современной цивилизаціи при помощи діалектическаго оружія нѣмецкой философіи: то были два наборщика—Леру и Прудонъ. Рядомъ съ „Новымъ христіанствомъ" Сенъ-Симона, „Воспитаніе человѣчества" Лессинга было уже канонической книгой сенъ-симонистовъ, а къ нимъ принадлежалъ вначалѣ Леру. Скоро онъ отдѣлился отъ все болѣе опускавшейся секты и углубился въ нѣмецкую философію, которую понималъ и излагалъ несравненно глубже, чѣмъ это дано было оффиціальной наукѣ во Франціи. Но завершителя этой философіи онъ видѣлъ не въ Гегелѣ или Фейербахѣ, а въ Шеллингѣ, и нѣмецкой діалектикой онъ не научился достаточно владѣть, чтобы быть въ состояніи пользоваться ею какъ ключемъ къ тайнамъ исторіи. Леру представлялъ себѣ развитіе человѣчества какъ постоянный прогрессъ, какъ непрерывное приближеніе къ равенству, какъ все большее освобожденіе отъ узъ семьи, государства, собственности. Но онъ не изслѣдовалъ историческаго процесса, который совершился и продолжалъ совершаться въ этихъ институтахъ, а хотѣлъ уничтожить ихъ дурныя стороны, чтобы организовать ихъ хорошія. Такимъ образомъ, онъ снова попалъ въ Утопію.

Гораздо глубже захватила предметъ работа, въ заглавіи которой Прудонъ поставилъ вопросъ, что такое собственность. Ни вопросъ, ни отвѣтъ, данный на него Прудономъ, не были новы: уже 60 годами раньше Бриссо объявилъ собственность воровствомъ. Но своими достоинствами, какъ и недостатками, памфлетъ Прудона произвелъ дѣйствіе какъ первый научный манифестъ французскаго пролетаріата. Если буржуазные экономисты воспользовались богатствомъ, которое создано движеніемъ собственности, чтобы одобрить частную собственность, то Прудонъ воспользовался нищетой, созданной движеніемъ частной собственности, чтобы отвергнуть послѣднюю. Это была смѣлая попытка уничтожить оффиціальную экономію ея собственнымъ оружіемъ, и предпринята она была съ вызывающей дерзостью. Но съ неменьшей рѣзкостью Прудонъ выступилъ и противъ всего предшествующаго соціализма. Отъ великихъ утопистовъ онъ отличался тѣмъ, что уничтожилъ соб-

ственность не въ фантазіи, а изобличилъ ее въ ея внутренней нелѣпости въ грубомъ дѣйствительномъ мірѣ; его отличіе отъ мелко-буржуазныхъ соціалистовъ состояло въ томъ, что онъ нападалъ не на отдѣльныя стороны собственности, не на фабричную систему, не на деньги, не на свободную конкурренцію, а на собственность, какъ таковую, на собственность вообще.

Прудонъ примыкалъ къ Канту, какъ Леру къ Шеллингу, но ему такъ же мало удалось проникнуть до самой глубокой сущности нѣмецкой философіи. И онъ не видѣлъ естественной связи историческаго развитія, и онъ хотѣлъ буржуазное общество безъ тѣхъ элементовъ, которые разлагаютъ и революціонируютъ его. Выступая противъ коммунизма и частной собственности, онъ вмѣсто нихъ хотѣлъ владѣнія, каковъ бы ни былъ смыслъ, который онъ придавалъ этому термину. Его идеалъ справедливости, согласно которому онъ различалъ добро и зло, его идеалъ честнаго обмѣна, его идеалъ анархіи, отсутствія власти, индивидуальной независимости,—все это было почерпнуто изъ идейной сокровищницы буржуазнаго общества и клонилось въ конечномъ счетѣ къ признанію его основъ. Слабыя стороны и неясности, которыя содержало въ зародышѣ уже первое произведеніе Прудона, способны были только усилить, пожалуй, его дѣйствіе на французскій пролетаріатъ, еще проникнутый мелко-буржуазными воззрѣніями и задыхавшійся подъ строго централизованной государственной властью, которая примѣнялась въ интересахъ крупнаго капитала. Но самого Прудона онѣ должны были при дальнѣйшемъ слѣдованіи по этому пути привести назадъ къ мелко-буржуазному соціализму.

Не черезъ посредство Прудона, а въ борьбѣ съ нимъ нѣмецкой философіи удалось примирить классовую борьбу и соціализмъ, и этотъ всеміро-историческій подвигъ совершили нѣмецкія головы.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Современный научный коммунизмъ.

Глава I.

Нѣмецкія дѣла. Остатки феодально-цехового строя.

Въ то время какъ 1830 г. призвалъ англійскую и французскую буржуазію къ политическому господству, онъ нѣмецкое бюргерство еще только пробудилъ отъ долгой политической спячки. Слава и несчастье этого класса заключались въ томъ, что онъ сумѣлъ достаточно доблестно произвести революцію въ заоблачныхъ высотахъ литературы и философіи, но никогда не умѣлъ этого сдѣлать на нашей землѣ, при помощи грубыхъ кулаковъ и обнаженнаго оружія. Не приступъ на безчисленныя Бастиліи деспотизма и феодализма, покрывавшія нѣмецкую землю, побудилъ его расправить свои крылья; дорогу открылъ ему лишь мечъ французскаго завоевателя.

Такимъ образомъ, нѣмецкое бюргерство обязано было началомъ своей соціальной эмансипаціи чужеземному владычеству, разбившему его національное существованіе. Оно вынуждено было бороться противъ своего освободителя и могло сдѣлать это только на службѣ у своихъ угнетателей; оно помогло одержать побѣду европейской реакціи, но отъ участія въ плодахъ этой побѣды оно было устранено. Германія осталась разорванной на тридцать съ чѣмъ-то деспотій, изъ которыхъ самая малая была такъ же суверенна, какъ самая большая. Германскій Союзъ былъ насмѣшкой надъ германскимъ единствомъ; союзный сеймъ во Франкфуртѣ на М., надъ которымъ тяготѣло всеобщее презрѣніе, исполнялъ лишь одну національную задачу: онъ былъ общимъ палачемъ правителей противъ народа.

Страшное разочарованіе вызвало въ нѣмецкомъ бюргерствѣ еще одну попытку мужественнаго сопротивленія. Его энергичная молодежь, воодушевленная традиціями классической литературы и только что вернувшаяся домой съ побѣдоносной войны, водрузила

въ нѣмецкихъ университетахъ знамя возстанія въ формѣ землячествъ. Но вокругъ этого авангарда не собралось никакой арміи, да и у него самого отсутствовало всякое ясное классовое сознаніе. Въ землячествѣ перекрещивались средневѣковыя мечтанія объ императорѣ и имперіи съ якобинскимъ гнѣвомъ, направлявшимъ кинжалъ мстителя противъ нарушившихъ свое слово князей и ихъ прислужниковъ. То и другое было перемѣшано въ членѣ буршеншафства Зандѣ, убившемъ въ 1809 г. русскаго шпіона Коцебу. Вызванное великодушными мотивами, дѣяніе это было въ политическомъ отношеніи безсмысленно, но тѣмъ болѣе желаннымъ оно явилось для деспотическо-феодальной реакціи, давно уже подстерегавшей такой удобный моментъ. Карлсбадскія постановленія открыли ту гнусную травлю „демагоговъ", которая совершенно уничтожила зародыши политической жизни въ нѣмецкихъ земляхъ.

Избытокъ политической реакціи, въ которомъ задыхалось нѣмецкое бюргерство, сталъ возможнымъ вслѣдствіе недостаточнаго экономическаго развитія этого класса. Чужеземное французское владычество успѣло очистить Германію только отъ самаго крупнаго мусора феодализма. Совершенно разрушенъ былъ послѣдній только на лѣвомъ берегу Рейна: здѣсь дворянство не имѣло больше никакихъ привилегій, феодальныя и церковныя имѣнія перешли въ крестьянскія руки, крестьянинъ сталъ свободнымъ землевладѣльцемъ, какъ во Франціи. За то въ другихъ мѣстахъ Германіи сохранился повсюду громадный остатокъ феодальнаго сора, всего болѣе—на сѣверѣ и на востокѣ.

---

1. Помѣщичій классъ въ Остъ-Эльбіи.

Рыцарская помѣщичья власть,—въ томъ видѣ, въ какомъ она возникла съ 16-го столѣтія въ Голштиніи, Мекленбургѣ, въ особенности же въ прусскихъ провинціяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Эльбы,—была обязана своимъ происхожденіемъ кореннымъ хозяйственнымъ перемѣнамъ вѣка Реформаціи. Изъ воина рыцарь сталъ производителемъ товаровъ. Но свое перерожденіе онъ совершилъ, опираясь на феодальные юридическіе титулы. Изъ средневѣковой помѣщичьей власти онъ при помощи продажныхъ юристовъ вывелъ предлоги, подъ которыми онъ, съ одной стороны, согналъ крестьянъ съ ихъ земли и присвоилъ себѣ ихъ общинныя правъ

на лѣса, воды и пастбища, чтобы получить площадь, достаточную для веденія крупнаго сельскаго хозяйства, а съ другой—ослабилъ владѣльческое право пощаженныхъ крестьянъ и уничтожилъ ихъ личную свободу, такъ что они вынуждены были покорно подчиняться все возраставшимъ притязаніямъ его на рабочую силу ихъ самихъ и ихъ семей. Самодержавные нѣмецкіе государи не противились этому вѣками тянувшемуся грабежу. Они стояли, особенно въ Пруссіи, всегда на сторонѣ помѣщиковъ противъ крестьянъ, развѣ когда они для своихъ военныхъ или податныхъ цѣлей боролись *съ* юнкеромъ *за* мужика. Ихъ такъ назыв. охрана крестьянства ограничивалась однимъ — настолько сохранить крестьянскій классъ и настолько стѣснить его эксплуатацію, чтобы послѣ феодальной эксплуатаціи и угнетенія деспотическому государству не оставалось слишкомъ мало.

Такъ назыв. освобожденіе крестьянъ еще не устранило феодальныхъ порядковъ. Французскіе крестьяне внесли въ помѣщичьи головы достаточно свѣта при помощи краснаго пѣтуха, котораго они пустили по замкамъ своихъ мучителей, и дворяне, засѣдавшіе во французскомъ національномъ собраніи, шли впереди всѣхъ, когда въ знаменитую августовскую ночь 1789 г. былъ положенъ конецъ феодальнымъ привилегіямъ. Нѣмецкіе крестьяне были доведены до слишкомъ жалкаго состоянія, чтобы примѣнить одинаково основательный методъ; лишь тамъ и сямъ, наприм. въ восточной Пруссіи и Силезіи, они немного шевелились. За то болѣе умные члены дворянскаго сословія выступили сами въ пользу освобожденія крестьянъ, но они были озабочены отнюдь не крестьянскими интересами, а интересами помѣщиковъ. Они понимали, что крѣпостной мужикъ работаетъ плохо и ненадежно, и обращая его въ свободнаго, но неимущаго пролетарія, они хотѣли выжать изъ него большее количество труда. Подобно тому какъ Мирабо, титулованный вождь третьяго сословія, стоялъ въ сторонѣ отъ тѣхъ постановленій французскаго національнаго собранія, которыя упразднили феодальные пріемы эксплуатаціи, такъ Шёнъ, самый свободомыслящій изъ всѣхъ прусскихъ государственныхъ людей, хотѣлъ возстановить личную свободу крестьянъ, но отнюдь не ихъ свободное право собственности на свою землю. Масса же юнкерства въ своемъ закоренѣломъ классовомъ себялюбіи неспособна была понять даже и этого. Только жестокіе удары, которые они получили отъ крестьянскихъ сыновей во французскихъ арміяхъ, вдолбили имъ въ голову немного экономической логики.

Пресмыкаться предъ французскими деспотами было для нѣмецкихъ государей и юнкеровъ старой, почтенной привычкой. Они достаточно много пресмыкались и предъ Наполеономъ. Но наряду съ этимъ они ненавидѣли въ немъ плебейскаго душеприказчика буржуазной революціи, и эта ненависть выступала тѣмъ ярче, чѣмъ глубже отдѣльныя части Германіи коснѣли еще въ феодализмѣ. Съ крѣпостными мужиками нельзя было, однако, побить свободныхъ крестьянъ, и вотъ прусское освобожденіе крестьянъ ограничило свою задачу тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ годными для современнаго способа веденія войны, въ прочихъ же отношеніяхъ спасти отъ феодализма все, что только можно было спасти. Крестьянамъ предоставили личную свободу и надавали всякаго рода обѣщаній насчетъ упорядоченія ихъ земельныхъ правъ, пока непріятель не былъ прогнанъ изъ страны. Затѣмъ крестьянство обманули еще хуже, чѣмъ бюргерство.

Значительное большинство мелкихъ крестьянъ, т.-е. крестьяне, не имѣвшіе собственнаго рабочаго скота, попали, благодаря освобожденію, изъ огня въ полымя. Они не могли ни укрѣпить свое право на землю, ни освободиться отъ феодальныхъ платежей и барщинныхъ повинностей. Зато ихъ личная свобода дѣлала ихъ теперь совершенно беззащитными противъ всякаго вожделѣнія юнкеровъ. Преграды, которыя королевская власть 18-го вѣка пыталась еще воздвигнуть противъ захвата крестьянскихъ земель помѣщиками, пали. Юнкеръ дѣлалъ съ крестьянами, не имѣвшими рабочаго скота, все, что онъ хотѣлъ. Онъ вправѣ былъ взять себѣ ихъ дворы, „съ вознагражденіемъ за право владѣнія, буде таковое окажется", онъ выкупалъ ихъ или просто увѣдомлялъ о прекращеніи аренды, или же пользовался ихъ невѣжествомъ, чтобы побудить къ отказу отъ своихъ правъ. Коротко говоря, за жалкіе гроши — или если даже это казалось ему слишкомъ многимъ, то просто посредствомъ насилія, лжи и обмана — онъ обращалъ ихъ въ классъ безземельныхъ пролетаріевъ, свобода которыхъ заключалась въ томъ, что крестьяне были свободны отъ всѣхъ правъ относительно юнкеровъ, юнкеры же были свободны отъ всѣхъ обязанностей относительно крестьянъ. Для одной части этого пролетаріата безправіе было даже установлено закономъ, именно — уставомъ о батракахъ 1810 г. Этимъ отблагодарили массу крестьянства за Гроссберенъ, Денневицъ, Лейпцигъ и всѣ безчисленныя сраженія наполеоновскихъ войнъ. Еще въ 1848 г. юнкеръ Бисмаркъ публично

расхваливалъ идеальный порядокъ, существующій въ его имѣніи Книпгофъ, гдѣ поденщики должны были въ теченіе года отдавать безвозмездно 156 мужскихъ и 26 женскихъ рабочихъ дней за нѣкоторое натуральное довольствіе, по его же описанію весьма скудное, и за поденную плату, составлявшую лѣтомъ для мужчины 4 зильбергрошена, а для женщины — 3, зимою же — однимъ зильбергрошеномъ меньше для обоихъ.

Послѣ того какъ юнкеры создали себѣ пролетаріатъ, необходимый для крупнаго земледѣльческаго хозяйства и беззащитный противъ самой основательной эксплуатаціи, они меньшинство крестьянъ, имѣвшее собственный рабочій скотъ, ограбили въ другой формѣ. Эти крестьяне были раздѣлены на крестьянъ съ непрочнымъ правомъ на землю, лучше сказать — съ правомъ, которое стало непрочнымъ вслѣдствіе юнкерскихъ насилій въ теченіе вѣковъ, и на крестьянъ съ прочнымъ еще правомъ на землю. Крестьяне съ непрочнымъ правомъ владѣнія были „регулированы", т.-е. они могли обезпечить себѣ свободное право собственности на свои участки и освобожденіе отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей, отдавъ помѣщикамъ треть или половину своей земли, смотря по степени непрочности ихъ владѣльческихъ правъ. При этомъ много такихъ крестьянъ съ собственнымъ рабочимъ скотомъ было еще при помощи нѣкоторыхъ предательскихъ статей закона исключено изъ „регулированія" и отдано въ жертву помѣщичьему произволу наравнѣ со своими товарищами по судьбѣ, не имѣвшими рабочаго скота. Что касается крестьянъ съ прочнымъ правомъ владѣнія, то они были „выкуплены", т.-е. получили право потребовать оцѣнки ихъ феодальныхъ повинностей въ денежной или хлѣбной рентѣ и затѣмъ совершенно выкупиться отъ нихъ, уплативъ 25-кратный размѣръ ренты.

Такимъ путемъ въ провинціяхъ Бранденбургъ, Померанія, Силезія, Пруссія и Познань возникли съ 1815 г. до 1848 г. путемъ регулированія не болѣе 70.582 наслѣдственныхъ собственниковъ, изъ которыхъ свыше 20.000 приходятся на одну провинцію Познань, гдѣ правительство нѣсколько больше прижало непослушное ему польское дворянство. Рядомъ съ этимъ выкупились отъ феодальныхъ повинностей 289.652 крестьянина, имѣвшихъ собственный рабочій скотъ. При самомъ регулированіи и выкупѣ крестьяне были обижены еще сверхъ границъ уже и безъ того неблагопріятной для нихъ „реформы" чиновниками, повсюду державшими руку помѣщиковъ. Все освобожденіе стоило крестьянамъ 1.533.000 мор-

геновъ земли, затѣмъ 18.544.768 талеровъ въ формѣ капитальной уплаты, наконецъ — 1.599.992 талера и 260.069 шеффелей хлѣба ежегодныхъ рентныхъ платежей.

Прусское освобожденіе крестьянъ имѣло видъ кровавой сатиры на то, что французскіе крестьяне получили отъ своей революціи. По ту сторону Рейна абсолютизмъ и феодализмъ были низвергнуты, и возвращеніе ихъ, на подобіе привидѣній, послѣ Ватерлоо доказало только, что ихъ дни были разъ навсегда сочтены. По сю сторону Эльбы они разрослись тѣмъ привольнѣе, чѣмъ больше эксплуатація массъ позволяла имъ поставить хозяйство государственныхъ доменовъ и юнкерскихъ имѣній на капиталистическихъ основаніяхъ. Крупное сельское хозяйство имѣло теперь форменный пролетаріатъ и могло обращать въ монету послѣднюю каплю его пота, а колоссальныя затраты деньгами и землею, которыя крестьяне вынуждены были сдѣлать, расплачиваясь за то, что ихъ грабили въ теченіе 400 лѣтъ, дали средства для устройства сельско-хозяйственныхъ промысловъ, прежде всего — винокуренія, которое отнынѣ стало наводнять Германію, а затѣмъ и весь міръ прусской сивухой. Прусская водочная промышленность начала отравлять массы съ успѣхомъ, который былъ превзойденъ только англо-индійскимъ производствомъ опіума для отравленія Китая. Но создавая этой и другими новѣйшими отраслями промышленности, напримѣръ свеклосахарнымъ производствомъ, новые оплоты для своей власти, прусскіе юнкеры судорожно удерживали еще въ рукахъ множество старыхъ феодальныхъ привилегій, помѣстную полицію, вотчинную юстицію, церковный патронатъ, право охоты и т. д.

Это былъ какой-то причудливо-каррикатурный міръ, и онъ, дѣйствительно, могъ выглядѣть такимъ, какимъ явился рейнском" поэту:

Ein Kind mit grossem Kürbiskopf,
Hellblondem Schnurrbart, greisem Zopf,
Mit spinnig langen, doch starken Aermchen,
Mit Riesenmagen, doch kurzen Gedärmchen.

(„Ребенокъ съ большой тыквообразной головой, свѣтлорусыми усами, сѣдой косой, съ длинными, какъ у паука, но крѣпкими ручками, съ гигантскимъ желудкомъ, но коротенькимъ кишечникомъ").

Но пока нѣмецкое бюргерство не справилось съ упорнымъ и цѣпкимъ классомъ прусскихъ юнкеровъ, въ теченіе столѣтій при-

выкшимъ властвовать, оно не должно было и помышлять о собственномъ политическомъ господствѣ,—тѣмъ менѣе должно было помышлять, что эти юнкеры выковали себѣ въ прусской арміи и бюрократіи оружіе, готовое въ любой моментъ къ дѣйствію.

---

2. Городское ремесло.

Въ прусскомъ государствѣ болѣе $^3/_4$ населенія жило въ деревняхъ, въ германскомъ Союзѣ болѣе двухъ третей. Въ городахъ распоряжалось, главнымъ образомъ, цеховое ремесло, какъ оно ни опустилось. Въ 1830 г. оно стояло на той же ступени, какъ въ 1800 г. Во второй половинѣ этого періода оно съ трудомъ залѣчило раны, которыя были нанесены ему въ первой половинѣ непрекращавшейся войной. Въ прочихъ отношеніяхъ оно не обнаруживало никакихъ признаковъ прогрессивнаго развитія. Оно работало на мѣстное потребленіе, какъ работали дѣды, добросовѣстное, ограниченное и самолюбивое, недружелюбно относясь ко всякому техническому прогрессу, скучно прозябая въ удручающей тѣснотѣ маленькихъ городовъ. Отдѣльныя ремесленныя заведенія имѣли карликовые размѣры: мастеровъ было почти вдвое больше, чѣмъ подмастерьевъ. Каждый подмастерье имѣлъ надежду самъ сдѣлаться мастеромъ, и тамъ, гдѣ существовала свобода промысловыхъ занятій, можно было тотчасъ же основаться. Ремеслу недоставало напряженія соціальныхъ противорѣчій.

Тѣмъ не менѣе, среди подмастерьевъ было не такъ сѣро, какъ среди мастеровъ. Старые союзы подмастерьевъ распались послѣ 30-лѣтней войны, а жалкіе остатки ихъ были насильственно растоптаны нѣмецкими князьями въ интересахъ нарождающагося капитализма. Въ первомъ ряду стояла при этомъ прусская монархія. По ея настоянію былъ изданъ имперскій законъ 1731 г., сломившій последнее сопротивленіе нѣкогда столь воинственныхъ и строптивыхъ подмастерьевъ, и прусскій ремесленный уставъ 1733 г. назначилъ за нарушеніе предписаній имперскаго закона самыя суровыя кары — тюрьму, арестантскія роты, а для рецидивистовъ—смертную казнь. Но именно жестокость этого законодательства поддерживала въ подмастерьяхъ своего рода смутное классовое сознаніе, безпокойный духъ недовольства, который постоянно разжигался вновь однимъ изъ институтовъ цеховаго строя — обязательнымъ

странствованіемъ (Wanderzwang). Въ Швейцаріи, Англіи и Франціи нѣмецкіе подмастерья знакомились съ прогрессивными порядками, представлявшими довольно рѣзкій контрастъ съ гнилымъ болотомъ на родинѣ; многіе оставались навсегда за-границей, другіе приносили домой болѣе свободныя воззрѣнія.

Обветшалому состоянію нѣмецкаго ремесла соотвѣтствовало ветхое состояніе его устройства. Уже въ 18-мъ вѣкѣ капиталистическая политика просвѣщеннаго деспотизма занесла руку на цеховое устройство, проломила въ немъ брешь и поколебала его; затѣмъ надъ нимъ пронеслись бури наполеоновской эпохи, которыя основательно вымели, однако, цехъ лишь тамъ, гдѣ онѣ положили конецъ и феодализму: въ рейнской Пруссіи, въ рейнской Баваріи и рейнскомъ Гессенѣ. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ южной Германіи цехъ продолжалъ еще господствовать; такъ же обстояло дѣло въ королевствѣ саксонскомъ, достигшемъ уже сравнительно высокой ступени промышленнаго развитія. Въ старопрусскихъ провинціяхъ существовала, правда, на бумагѣ промысловая свобода, но она не вызвала никакого новаго подъема въ прусскомъ ремеслѣ. Въ теченіе 400 лѣтъ князья и юнкерство такъ часто ощипывали города Остъ-Эльбіи, что среди ихъ гражданъ исчезъ всякій духъ предпріимчивости.

Безспорно, что Городовое Положеніе 1808 г. было для своего времени извѣстнымъ шагомъ впередъ: оно до нѣкоторой степени освободило города отъ бюрократическо-военной ферулы, оно вернуло имъ управленіе своими финансами, призрѣніемъ бѣдныхъ и школьнымъ дѣломъ, а при извѣстныхъ условіяхъ — и полиціей. Но если оно уже съ самаго начала представляло собою полумѣру, вырванную крайней нуждой, подобно всему реформаторскому законодательству Пруссіи послѣ Іены, то послѣ Ватерлоо его подвергли пересмотру не въ прогрессивномъ, а въ реакціонномъ направленіи. Бѣдные слои населенія старались по возможности не допускать къ праву гражданства, а городское управленіе было поставлено подъ придирчивый надзоръ государственной бюрократіи. Рядомъ съ этимъ несчастное дѣленіе на бюргеровъ и простыхъ обывателей (Schutzverwandten) имѣло своимъ — если не юридическимъ, то фактическимъ—послѣдствіемъ то, что члены образованныхъ классовъ снисходили къ принятію бюргерскаго званія только тогда, когда они покупали домъ и вынуждены были становиться бюргерами. Масса городскихъ бюргеровъ состояла изъ ремесленныхъ мастеровъ и домовладѣльцевъ, выросшихъ въ са-

момъ узкомъ мѣщанствѣ. Привыкшій къ эксплуататорскимъ порядкамъ цеха, они увидѣли въ новой свободѣ городовъ желанное вознагражденіе за то, что отняла у нихъ свобода промысловъ. Съ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ они расточали городскія земли, истребляли городскіе лѣса, захватывали общественную землю, выдвигая границы своихъ садовъ, пока не исчезалъ городской валъ, доходили иной разъ до того, что дѣлили между собой дворъ ратуши. Кто лучше другихъ игралъ въ три листика въ Стрѣлковомъ Собраніи, тотъ былъ героемъ этого маленькаго бюргерскаго міра.

Болѣе дѣятельнымъ былъ южно-германскій мелкій бюргеръ, хотя вправо отъ Рейна ремесло было также еще связано цеховыми путами. Наполеонъ сколотилъ среднія государства по ту сторону Майна изъ сотни кусковъ, зависѣвшихъ нѣкогда непосредственно отъ имперіи, и правители ихъ оставались вѣрными французскому покровителю, пока могли дѣлать это, не рискуя немедленно погибнуть. Теперь они попытались дать своимъ наскоро сколоченнымъ и еще очень шаткимъ тронамъ болѣе прочную опору въ конституціонномъ государственномъ устройствѣ. Но при этомъ получился соотвѣтственный конституціонализмъ: онъ не имѣлъ за душой ничего, кромѣ громкихъ словъ. Своими ландтагами южно-германскіе князья хотѣли поставить противовѣсъ австрійско-прусскому могуществу въ союзномъ сеймѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они могли навѣрно разсчитывать на союзный совѣтъ, въ случаѣ если бы ихъ ландтаги обнаружили какъ-нибудь строптивость. Южно-германскій конституціонализмъ не въ состояніи былъ сдвинуть съ мѣста феодально-милитаристскую Германію, и у него не было даже вожделѣнія къ кислому винограду.

Политическій идеалъ того мелкаго бюргера, который преобладалъ въ Баденѣ, Пфальцѣ, Вюртембергѣ, опредѣлялся его экономическимъ положеніемъ. Онъ хотѣлъ по временамъ республику, но республику, какъ тихую Аркадію, крестьянско-бюргерскую республику незначительнаго объема, безъ великихъ противоположностей исторической и соціальной жизни, безъ большого богатства и безъ большой бѣдности, — одно среднее сословіе и посредственность. Онъ не хотѣлъ никакихъ князей, никакого цивильнаго листа, никакого дворянства, никакой постоянной арміи и, если возможно, никакихъ также налоговъ, но онъ не хотѣлъ, съ другой стороны, никакого активнаго участія въ исторіи, никакой внѣшней

политики, никакой крупной промышленности, никакой всемірной торговли. Если бы распаденіе Германіи на извѣстное число такихъ захолустныхъ республикъ могло осуществиться, то она бы основательнѣе, чѣмъ когда-либо раньше, исчезла изъ числа великихъ націй.

Глава II.

Нѣмецкія дѣла. Начатки капитализма.

Рядомъ съ преобладавшимъ ремесломъ въ Германіи не было однако, недостатка и въ разныхъ начаткахъ капиталистическаго способа производства.

Несмотря на всеобщее обнищаніе, въ старыхъ торговыхъ и приморскихъ городахъ сохранились болѣе или менѣе значительные остатки капитала. Затѣмъ, ненасытныя денежныя потребности деспотизма на содержаніе двора и флота, его растущіе налоги и растущіе государственные долги, его хозяйничаніе, основанное на монополіяхъ, привилегіяхъ и протекціонизмѣ,—все это сильно способствовало въ 18-мъ столѣтіи возникновенію капиталистическаго способа производства. Отчасти капиталъ промышленниковъ имѣлъ своимъ непосредственнымъ источникомъ государственное казначейство; Мирабо объяснялъ блестящее состояніе мануфактуры въ Саксоніи 180 милліонами талеровъ государственнаго долга этой страны. Всѣмъ извѣстна меркантилистическая политика Гогенцоллерновъ. Прусскіе налоги, акцизы и контрибуція разоряли ремесленниковъ и крестьянъ, чтобы отдавать львиную долю получаемаго отсюда дохода арміи и юнкерству, но рядомъ съ этимъ многія кругленькія суммы перепадали капиталистамъ, которые съ восхищеніемъ прославляли тогда принципъ „государственной помощи". Обезземеленіе крестьянъ поставляло молодому капиталу все новыя массы для превращенія мускуловъ и нервовъ въ прибавочную цѣнность, а драконовское искорененіе „понедѣльничанья", суммарное сокращеніе числа церковныхъ праздниковъ все больше ускоряли ходъ капиталистическаго насоса. Болѣе мелкіе деспоты выручали несмѣтные милліоны массовой продажей подданныхъ для чужихъ войнъ. И въ Германіи первоначальное накопленіе капитала было запечатлѣно кровью, нищетой и позоромъ.

Все же нѣмецкій капитализмъ оставался далеко позади французскаго, а тѣмъ болѣе англійскаго. Главный его рессурсъ заключался въ томъ, чтобы на всемірномъ рынкѣ подставлять ногу болѣе сильной конкурренціи западныхъ народовъ при помощи нищенской заработной платы и мелкихъ коммерческихъ уловокъ. Его фундаментомъ была домашняя промышленность, мануфактура же, основанная на ручномъ трудѣ, и механическая фабрика играли гораздо меньшую роль.

Между тѣмъ домашняя промышленность, будучи самой старой, представляетъ собою также и самую отсталую форму капиталистическаго способа производства. Въ своихъ начальныхъ стадіяхъ она часто появляется какъ благодѣтельница бѣднаго крестьянина и ремесленника; она убаюкиваетъ свои жертвы и погружаетъ ихъ духъ въ пріятный летаргическій сонъ, чтобы затѣмъ разбудить ихъ къ самому жалкому прозябанію въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ. Какъ только мануфактурное, а тѣмъ болѣе машинное производство, опережаетъ домашнюю промышленность, она можетъ держаться только путемъ самаго лихорадочнаго напряженія рабочей силы. Разбросанность кустарей парализуетъ силу ихъ сопротивленія капиталу, и непрерывное пониженіе заработной платы заставляетъ ихъ растягивать рабочій день до крайнихъ границъ физической возможности, запрягать въ то же ярмо жену и дѣтей, обрекать себя и семью на быстрое изнуреніе и раннюю смерть, не только вслѣдствіе чрезмѣрной работы, но и вслѣдствіе недостатка свѣта, воздуха и вентиляціи въ тѣсномъ помѣщеніи, служащемъ одновременно мастерской и квартирой, довольно часто также — вслѣдствіе опасности занятія для здоровья. Сюда прибавляются нерегулярность работы, расплата товарами вмѣсто денегъ и ростовщичество, паразитическое посредничество, сотня другихъ золъ. Самые безнадежные изъ всѣхъ пролетаріевъ, кустари тѣмъ не менѣе стоятъ всего дальше отъ пролетарскаго классоваго сознанія. Они гордятся призракомъ своей независимости, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ легковѣсное имущество тянетъ ихъ какъ тяжелая свинцовая гиря въ пропасть. Характеръ ихъ предпріятія бросаетъ ихъ тѣмъ болѣе безоружными въ разрушительный механизмъ мірового рынка, чѣмъ крѣпче онъ приковываетъ крестьянина къ его клочку земли, а ремесленника къ его инструменту.

Нѣмецкая домашняя промышленность возникла, въ общемъ, двоякимъ путемъ. Отчасти капиталъ проникъ въ трещины цеха и разрушилъ гнилую постройку, такъ что немногіе ремесленники

превратились въ капиталистическихъ скупщиковъ, а большинство ихъ—въ кустарныхъ наемныхъ рабочихъ. Государственная власть и здѣсь оказывала капиталу дружеское содѣйствіе. Прусское земское право подчинило все цеховое устройство приказу королевской власти; новые цехи имѣлъ право открывать только король, а существующіе цехи онъ могъ закрыть или открыть по своему усмотрѣнію. Главнымъ же образомъ капиталъ кинулся въ деревню, гдѣ онъ былъ свободенъ отъ стѣснительныхъ все таки рамокъ цеха, на крѣпостного крестьянина, котораго юнкеръ уже сдѣлалъ безоружнымъ, на парцеллярнаго крестьянина, который въ мѣстностяхъ съ неплодородной почвой и сильно раздробленнымъ землевладѣніемъ сидѣлъ на своемъ скудномъ участкѣ, не могъ жить однимъ земледѣліемъ и давно уже искалъ подсобнаго промысла въ пряденіи, ткачествѣ и рѣзьбѣ болѣе или менѣе художественной домашней утвари.

Характерно, что капитализмъ затопилъ бѣдствіями кустарнаго производства высоты и склоны нѣмецкихъ горъ — Эйленгебирге, Исполиновыхъ горъ, Рудныхъ горъ и Фихтельгебирге, Тюрингенскаго лѣса и Рєна, Таунуса, Шварцвальда и Баварскихъ Альпъ. Но онъ не брезгалъ и жертвами, которыя ему предлагала равнина; широкія полосы у нижняго теченія Рейна и въ Вестфаліи были старыми центрами домашней промышленности.

---

1. Домашняя промышленность Силезіи и Саксоніи.

Въ восточной Германіи центрами капиталистическаго способа производства являлись провинція Силезія и королевство Саксонское. Полотняное производство было почти единственной экспортной отраслью промышленности, которую Германія сохранила даже во времена самаго глубокаго своего упадка, и въ числѣ главныхъ его центровъ была съ середины 17-го вѣка Силезія. Усиленному развитію силезской полотняной промышленности былъ данъ тогда толчокъ оживленнымъ спросомъ со стороны англійскихъ и голландскихъ торговцевъ; въ началѣ 18-го вѣка полотно производилось для продажи въ 287 пунктахъ Силезіи. Все это было почти исключительно сельское кустарное производство, которымъ занимались въ деревняхъ съ неплодородной землей, и покоилось оно на феодальной основѣ.

Силезія представляла въ извѣстномъ отношеніи классическую

страну остъ-эльбскаго феодализма. Когда Шёнъ объѣзжалъ провинцію въ 1797 г., онъ былъ приведенъ въ ужасъ ея „отвратительными" порядками. Онъ высказывалъ мнѣніе, что самый воздухъ дѣлаетъ здѣсь крѣпостнымъ, внѣ городовъ существуютъ только господа и рабы; если бунты не слѣдуютъ за бунтами, то объясняется это частью остатками патріархальныхъ отношеній между помѣщикомъ и крѣпостнымъ, при которыхъ послѣдній безсознательно переноситъ легче то, что при другихъ условіяхъ было бы невыносимо, частью—духовнымъ и физическимъ убожествомъ силезцевъ вслѣдствіе различныхъ формъ крѣпостного состоянія, вслѣдствіе условій прядильнаго и ткацкаго дѣла. Дѣйствительно, организація силезскаго полотнянаго промысла коренилась въ помѣщичьей власти. Въ то время какъ въ другихъ старопрусскихъ провинціяхъ ремесло было изгнано или почти изгнано изъ деревни, въ Силезіи остались еще по деревнямъ отъ времени австрійскаго владычества многочисленные ремесленники, и помѣщики были единственными владѣльцами промысловыхъ правъ. Правда, когда король Фридрихъ завоевалъ Силезію, онъ запретилъ имъ взиманіе промысловыхъ и ремесленныхъ оброковъ, но, какъ это часто бываетъ, воля просвѣщеннаго деспота и въ данномъ случаѣ разбилась о сплоченное сопротивленіе феодальныхъ юнкеровъ.

Ткацкій оброкъ помѣщикамъ обязаны были платить всѣ ткачи, свободные и несвободные. Но свободные составляли ничтожное меньшинство, огромное же большинство ткачей стояло въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ помѣщику и должно было нести, наряду съ ткацкимъ оброкомъ, еще разные феодальные платежи и барщину. Продавая своимъ крѣпостнымъ право на занятіе ткачествомъ, какъ товарнымъ производствомъ, помѣщики не думали, однако, брать на себя обязанность позаботиться о сбытѣ издѣлій. Напротивъ, они черезъ посредство торговцевъ сбывали ткачамъ пряжу, которая массами поступала къ нимъ какъ натуральный оброкъ отъ крѣпостныхъ прядильщиковъ льна; такимъ образомъ, обложенные уже ими ткачи стали еще для нихъ вѣрнымъ рынкомъ для сбыта лишней пряжи. Если же случалось, что у ткачей оказывался излишекъ сработаннаго полотна, то это было ихъ дѣломъ и нисколько не касалось помѣщика; имъ приходилось сбывать его, какая бы ни стояла цѣна на рынкѣ, или по той цѣнѣ, которую полотнянымъ торговцамъ угодно было выдавать за рыночную цѣну. Искони составлявшее притчу во языцѣхъ бѣдственное по-

ложеніе силезскихъ ткачей достаточно объясняется тѣмъ, что ихъ одновременно обирали, въ миломъ соревнованіи другъ съ другомъ, феодализмъ и капитализмъ.

Несмотря на бѣдственное положеніе ткачей, если угодно—благодаря ему, силезская полотняная промышленность процвѣтала приблизительно до середины 18-го вѣка, но тутъ она была побѣждена начавшейся англо-ирландской конкурренціей. Ирландскій и шотландскій прядильщики, безъ сомнѣнія, также не спали на розахъ, но самая скудная плата оказалась все-таки лучшимъ стимуломъ къ прилежной и солидной работѣ, къ техническому усовершенствованію процесса пряденія, чѣмъ феодальное принужденіе поставлять даромъ мѣрныя, а то и безмѣрныя количества пряжи. Въ Силезіи ручное веретено не было даже замѣнено самопрялкой, и силезская пряжа пріобрѣла столь же плохую, сколько заслуженную репутацію. Еще большее вліяніе оказала помѣщичья власть на способность силезскихъ ткачей конкурировать съ иностранной промышленностью. Согласно одному англійскому парламентскому докладу 1773 г., ткачи зарабатывали въ Шотландіи 10, въ Ирландіи—8, въ Силезіи—отъ 2 до 6 пенсовъ въ день. При этомъ ирландскимъ и шотландскимъ ткачамъ не приходилось платить помѣщику оброка съ ткачей или нести еще вдобавокъ феодальныя повинности и барщину. Если при улучшающейся конъюнктурѣ заработная плата ихъ поднималась настолько, что они могли дѣлать сбереженія, то при ухудшеніи конъюнктуры они имѣли возможность эмигрировать въ Америку. Напротивъ, силезскій ткачъ не вправѣ былъ покидать территорію своего помѣщика иначе, какъ заплативши выкупъ, во всякомъ случаѣ превышавшій его средства. Такимъ образомъ, прядильно-ткацкое дѣло стало, по справедливому мнѣнію Шёна, въ высшей степени вреднымъ для духовнаго и физическаго развитія деревенскаго населенія Силезіи. А такъ какъ вмѣстѣ съ положеніемъ рабочаго ухудшалось и качество его труда, то силезская полотняная промышленность вынуждена была, несмотря на всѣ ухищренія недобросовѣстнаго соперничества, все больше уступать дорогу англійской конкурренціи.

Меркантилистская политика короля Фридриха по самой природѣ своей не могла устранить этихъ золъ. Сколько бы она ни издавала регламентовъ и статутовъ, которые должны были обезпечить добротность товара посредствомъ контрольныхъ бюро, браковки плохой работы, угрозъ ткачамъ палками, тачкой, желѣзнымъ ошейникомъ и каторжной тюрьмой,—все это было без-

полезно, пока оставался корень зла—крѣпостное состоянiе прядильщиковъ и ткачей. При наличности этого условiя Фридрихъ только ухудшалъ бѣдственное положенiе ткачей, когда старался привлечь все новыхъ ткачей въ страну,—мысль, не перестававшая занимать его и доводившая до насильственнаго похищенiя людей изъ слабыхъ сосѣднихъ государствъ. Мѣры, принимавшiяся Фридрихомъ для поднятiя силезской полотняной промышленности, принадлежатъ къ самымъ курьезнымъ главамъ его отсталой хозяйственной политики.

До какого отупѣнiя ни были доведены силезскiе ткачи, однако и къ нимъ проникъ далекiй отзвукъ французской революцiи. Въ 1792 г. среди нихъ вспыхнули бунты. Съ мѣшкомъ вокругъ лѣваго плеча они начали спускаться съ горъ на городскiе рынки и побоями заставляли торговцевъ пряжею дешево продавать, а торговцевъ полотномъ—дорого покупать. Движенiе было поддержано крестьянскими безпорядками и бунтомъ, который устроили ремесленные подмастерья въ Бреславлѣ. Такъ какъ прусская армiя была въ это время занята трагикомическимъ крестовымъ походомъ противъ революцiонной Францiи, и въ Силезiи не было войскъ, то испуганное правительство колебалось между варварской репрессiей и безпомощными паллiативными средствами. Вѣрнѣе, однако, чѣмъ милостыней и шпицрутенами, подавили возстанiе купцы: они не являлись на рынки до тѣхъ поръ, пока ткачи не были усмирены голодомъ.

Такъ какъ силезскiе кустари были обираемы одинаково феодализмомъ и капитализмомъ, то благородная гармонiя прусской соцiальной реформы требовала, чтобы они были одинаково обмануты крестьянской и промысловой свободой. Превратное толкованiе свободы, которой поселянинъ долженъ былъ наслаждаться съ Мартынова дня 1810 г., было строго подавлено во многихъ мѣстахъ Силезiи, и кабинетскiй указъ короля поучалъ любезныхъ подданныхъ, что вмѣстѣ съ крѣпостнымъ состоянiемъ отнюдь не пали барщинныя и дворовыя работы, денежные и натуральные оброки, чиншъ курами, гусями, яйцами, метлами и т. д. Такимъ же образомъ правительство иллюстрировало новую свободу промысловъ, когда Гарденбергъ по настоянiю помѣщиковъ объявилъ, что эта свобода отнюдь не устранила оброка съ ткачей, который, напротивъ, юридически продолжаетъ существовать,—тотъ самый оброкъ, который политика Фридриха хоть принципiально, по крайней мѣрѣ, оспаривала, если и не упразднила фактически. Старая нужда рабочихъ силезской полотняной промышленности почти не уменьшилась, а

тутъ англійская конкурренція грозила имъ вторымъ, еще болѣе могучимъ ударомъ: уже не только борьбой свободнаго рабочаго противъ несвободнаго, но и борьбой машины противъ ручного производства. Наступили времена, когда силезскіе ткачи, по выраженію одного оффиціальнаго докладчика, стали „самыми несчастными обитателями, быть можетъ, всей Европы".

Въ королевствѣ саксонскомъ первыя стадіи капитализма вели свое начало отъ вѣка реформаціи. Старѣйшимъ мѣстомъ его было горное дѣло; такъ наз. „Bergsegen", т.-е. горная добыча (буквально—горное благословеніе), рано обратилось въ проклятіе для рабочихъ, извлекавшихъ его на свѣтъ Божій, и уже въ 15-мъ вѣкѣ мы имѣемъ извѣстія о насильственно подавленныхъ столкновеніяхъ изъ-за заработной платы, о безчисленныхъ указахъ противъ системы расплаты съ рабочими не деньгами, а товарами. Съ открытіемъ американскихъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, саксонская горная разработка благородныхъ металловъ упала, но старыя торговыя связи, благопріятное географическое положеніе страны, обиліе минеральныхъ богатствъ въ ея почвѣ—свинца, олова, угля—не дали ей придти въ полный экономическій упадокъ. Лейпцигскія ярмарки стали для восточной Европы большими рынками сначала французскихъ, а затѣмъ и англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ, и самыя разнообразныя отрасли текстильной промышленности достигли высокой степени процвѣтанія. Саксонскія сукна, лаузицскія полотна, муслинъ изъ Фохтланда, хлопчатобумажные товары изъ Хемница, кружева изъ Рудныхъ горъ шли за-границу въ самыя отдаленныя мѣста. Новый могучій толчокъ саксонская промышленность получила благодаря континентальной системѣ. Хемницъ сталъ развиваться въ саксонскій Манчестеръ; одна ситцевая фабрика занимала 1.200 рабочихъ, одна ситценабивная и бумагопрядильная фабрика занимала свыше 3.000 рабочихъ. Небольшія прядильныя машины для хлопка были введены уже съ конца 18-го вѣка, но механическаго ткацкаго станка не было еще до средины 19-го столѣтія. Домашняя промышленность преобладала, и ея голодная заработная плата пользовалась широкой и печальной извѣстностью. Кустари Рудныхъ горъ питались исключительно картофелемъ и цикорнымъ отваромъ; уже въ 1780 г. одинъ врачъ изъ Фохтланда выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе о специфическихъ болѣзняхъ, распространяющихся и умножающихся вмѣстѣ съ ростомъ кустарнаго производства.

Въ 18-мъ столѣтіи Саксонія была самой развитой частью

Германіи въ экономическомъ, а соотвѣтственно съ этимъ—и въ духовномъ отношеніи. Саксонія—піонеръ нѣмецкой культуры, саксонцы—самое свѣдущее и ученое племя нѣмецкой націи,—такъ писалъ Шёнъ послѣ одной своей поѣздки по странѣ. Саксонія имѣла лучшія школы, и отсюда развилась наша классическая литература. Иначе обстояло дѣло съ ея политическимъ устройствомъ. Правда, на этомъ экономическомъ фундаментѣ не могло возвышаться военное государство въ родѣ прусскаго; по части экономическихъ знаній въ Дрезденѣ подвинулись гораздо дальше впередъ, чѣмъ въ Берлинѣ, и курфюрстша-регентша Марія Антонія Саксонская тщетно старалась убѣдить стараго Фрица, чтобы онъ отказался отъ своего отжившаго меркантилизма. Лейпцигъ былъ почти вольнымъ имперскимъ городомъ, и вообще саксонскіе города пользовались извѣстной самостоятельностью. Если эта самостоятельность и шла прежде всего на пользу патриціанскому тщеславію, то все-таки въ недовольномъ броженіи плебейской массы заключался движущій впередъ элементъ, который совершенно отсутствовалъ въ прусскихъ городахъ, пришибленныхъ капральской палкой.

Тѣмъ не менѣе, ни съ феодализмомъ въ деревнѣ, ни съ цехомъ въ городѣ не было покончено, и сгнившія формы сословной монархіи продолжали существовать въ 19-мъ столѣтіи. Добровольный союзникъ Наполеона,—не врагъ его, подобно Пруссіи, и не его созданіе, подобно другимъ государствамъ Рейнскаго Союза,—Саксонія сберегла свой соціальный укладъ отъ благодѣтельнаго встряхивающаго дѣйствія французскаго завоеванія, и когда она, и безъ того смертельно истощенная походомъ 1813 г., была раздѣлена на Вѣнскомъ конгрессѣ въ наказаніе за вѣрность своему „великому союзнику", то жизнь потянулась дальше по старой, избитой колеѣ.

---

2. Рейнско-вестфальская крупная промышленность.

Такимъ образомъ, промышленные центры восточной Германіи вязли еще болѣе или менѣе въ феодальномъ болотѣ. Напротивъ, промышленный центръ западной Германіи достигъ почти высоты современнаго буржуазнаго общества. Рейнская Пруссія имѣла болѣе развитую и болѣе разнообразную промышленность, чѣмъ

Силезія и даже Саксонія, но она ушла отъ нихъ впередъ и въ томъ отношеніи, что съ 1795 г. она также продѣлала буржуазно-освободительную законодательную работу французской революціи,— преимущество, которое во всей Германіи раздѣляли съ ней только рейнская Баварія и рейнскій Гессенъ. Старая, выросшая естественнымъ образомъ промышленность, находившая искони чрезвычайно благопріятныя условія для своего развитія въ лучшемъ водномъ пути Германіи, въ близости моря, въ минеральныхъ богатствахъ своей почвы, дошла подъ французскимъ владычествомъ до высокаго расцвѣта. Въ округахъ Ахена, Кельна и Дюссельдорфа имѣлись почти всѣ отрасли промышленности: всякаго рода хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя производства съ зависящими отъ нихъ отраслями отбѣливанія, набивки и крашенія, чугунолитейнаго дѣла и машиностроенія, затѣмъ горное дѣло, оружейное производство и другія отрасли обработки металловъ. Онѣ давали занятіе населенію неслыханной въ прочихъ частяхъ Германіи плотности.

Къ Рейнской провинціи примыкалъ непосредственно желѣзодѣлательный и каменноугольный округъ гр. Маркъ, снабжавшій ее частью сырья и принадлежавшій къ ней въ промышленномъ отношеніи. Въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ промышленностью находилась весьма обширная для германскихъ условій ввозная и вывозная торговля, значительныя прямыя сношенія со всѣми главными пунктами міроваго рынка. Процвѣтаніе торговли и промышленности содѣйствовало накопленію капитала; въ городахъ старыя сословія распадались, и атомы ихъ собирались снова во все болѣе рѣзко отдѣлявшіеся другъ отъ друга классы буржуазіи и пролетаріата. Въ деревнѣ существовала свобода земельной собственности; тамъ преобладалъ мелкій крестьянинъ, свободный отъ феодальныхъ повинностей, но все болѣе попадавшій въ кабалу къ капиталу. Буржуазія властвовала надъ нимъ при помощи гипотеки, какъ она властвовала надъ пролетаріатомъ при помощи заработной платы, а надъ мелкимъ бюргеромъ—при помощи конкурренціи. Господство буржуазіи было признано и упрочено при посредствѣ коммерческихъ судовъ, фабричныхъ судовъ, суда присяжныхъ, при посредствѣ всего матеріальнаго законодательства. Это была исключительная для Германіи высокая ступень экономическаго развитія.

Выросшая постепенно, рейнско-вестфальская крупная промышленность представляла пеструю картину различныхъ капитали-

стическихъ формъ предпрiятiя. Въ ремшейдскомъ округѣ сохранилось ремесло, и капиталъ довольствовался ролью коммиссiонера-экспортера всевозможныхъ издѣлiй, — что въ сущности не дѣлало его режима болѣе мягкимъ. Въ золингенскомъ округѣ онъ разрушилъ цеховое устройство и довелъ оружейниковъ, — нѣкогда самое видное ремесло, пользовавшееся всемiрной славой, — до жалкаго положенiя кустарей-пролетарiевъ. Въ Ахенѣ капиталъ придушилъ цеховое суконное производство, привлекши къ себѣ на службу дешевыя рабочiя силы изъ окрестныхъ деревень. Въ крефельдской шелковой промышленности, которая съ самаго начала была организована на коммерческихъ началахъ, домашнiе ткачи вели упорную борьбу за голое званiе ремесленнаго мастера; они считали себя счастливыми, когда могли цѣною тяжелыхъ лишенiй прiобрѣсти въ собственность свои ткацкiе станки, не подозрѣвая, что этимъ они еще крѣпче заковываютъ себя въ цѣпи капитала. Но рейнская промышленность отличалась еще тѣмъ, что въ ней рано развилось мануфактурное и машинное производство; первая механическая прядильная машина въ Германiи была пущена въ ходъ въ 1783 г. однимъ эльберфельдскимъ фабрикантомъ при помощи водяной силы. И если золингенскiе точильщики устроили въ 1826 г. безпорядки противъ ужасающей системы расплаты товарами, вмѣсто денегъ, а крефельдскiе ткачи шелка прибѣгли въ 1828 г. къ тому же средству, защищаясь противъ невыносимаго пониженiя заработной платы, то одновременно съ этимъ дѣти рабочихъ цѣлыми гекатомбами погибали безгласно какъ жертва машины.

Эти ужасающiя условiя были раскрыты благодаря невольной заслугѣ прусскаго правительства. Въ 1818 г. оно случайно узнало, что одинъ рейнскiй фабрикантъ открылъ фабричную школу, и съ тѣмъ характернымъ лицемѣрiемъ, которое давно вошло въ поговорку, какъ „preussischer Wind", оно королевскимъ кабинетскимъ приказомъ публично похвалило фабриканта за его заслуги. Тѣмъ временемъ преслѣдованiе такъ наз. „демагоговъ" привело къ ревизiи школъ, и министръ народнаго просвѣщенiя фонъ-Альтенштейнъ затребовалъ отъ дюссельдорфскихъ властей болѣе подробныя свѣдѣнiя относительно упомянутой школы. Оказалось, что удостоившiйся похвалы фабрикантъ имѣлъ двѣ прядильни, въ которыхъ эксплуатировались и для дневной и для ночной работы дѣти, начиная съ 6-лѣтняго возраста. Въ одной изъ нихъ днемъ работало 96 дѣтей, ночью—65, а въ другой—

днемъ—95 дѣтей и ночью—80. Рабочій день продолжался въ дневной смѣнѣ 13 часовъ, въ ночной—11, и сюда прибавлялась еще частая работа по воскресеньямъ. Поденная плата дѣтей не составляла для младшихъ даже 20 пфенниговъ, а для старшихъ дѣтей она равнялась 30 пфеннигамъ, тогда какъ взрослые получали за ту же работу 10 зильбергрошеновъ. Хваленая же фабричная школа состояла въ томъ, что дѣтей изъ дневной смѣны учили 1 часъ, а дѣтей изъ ночной—2 часа. Одинъ тайный финансовый совѣтникъ, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось для потомства, донесъ въ Берлинъ, что дѣти дневной смѣны отличаются отъ блѣдныхъ берлинцевъ своимъ здоровымъ и цвѣтущимъ видомъ: ночная работа такъ мало утомляетъ ихъ, что по дорогѣ домой, тянущейся болѣе 1/4 мили, они очень рѣзво шалятъ; спать днемъ такъ же здорово, какъ ночью.

Далеко не такими довольными глазами посмотрѣлъ на дѣло Альтенштейнъ. Онъ былъ другомъ Гегеля и не хотѣлъ быть даромъ министромъ народнаго просвѣщенія въ прославленной странѣ всеобщаго обученія; его управленіе школьнымъ дѣломъ было, можно сказать, единственной сравнительно свѣтлой стороной въ запущенной администраціи прусскаго государства. Однако его коллега, министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Шукманъ, съ которымъ онъ долженъ былъ войти въ соглашеніе, не нашелъ въ примѣненіи дѣтскаго труда на фабрикахъ ничего худого. Чтобы убѣдить его въ необходимости вмѣшательства, Альтенштейнъ предписалъ окружнымъ властямъ Рейнской провинціи, также какъ провинцій Вестфаліи, Силезіи, Бранденбурга и Саксоніи, произвести изслѣдованіе относительно характера и размѣровъ фабричнаго труда дѣтей. Несмотря на то, что власти произвели анкету на старо-прусскій манеръ, нигдѣ не опрашивая рабочихъ и ихъ дѣтей, а только фабрикантовъ и кое-кого изъ врачей, священниковъ и учителей, однако даже ихъ отчеты дали въ результатѣ ужасающую картину.

Во всѣхъ отрасляхъ текстильной промышленности, а также на фабрикахъ бронзовыхъ издѣлій, пряжекъ, обоевъ, бумаги, фарфора и пр. массы дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, начиная уже съ 4-лѣтняго, изнурялись непосильнымъ трудомъ, и послѣ 10-ти, 12-ти, даже 14-ти часовъ работы, за жалкую поденную плату въ нѣсколько грошеновъ, имъ—по выраженію одного отчета изъ Изерлона—предоставляли развлекаться въ теченіе своего короткаго отдыха водкой, табакомъ, развратомъ и азартной игрой. Въ другихъ отчетахъ говорилось: „Блѣдныя лица, тусклые и воспа-

ленные глаза, вздутые животы, одутлыя щеки, распухшія губы и крылья носа, опухоли шейныхъ железъ, злокачественныя сыпи и припадки астмы отличаютъ эти несчастныя созданія, въ отношеніи здоровья, отъ другихъ дѣтей того же народнаго класса, но не работающихъ на фабрикахъ. Въ такомъ же заброшенномъ состояніи находится ихъ нравственное и умственное образованіе". Даже въ мѣстностяхъ, еще такъ мало развитыхъ въ промышленномъ отношеніи, какъ провинціи Бранденбургъ и Саксонія, господствовали уже самыя печальныя условія. Магистратъ города Лукенвальде заявлялъ, что дѣти, занятыя въ мѣстныхъ суконныхъ фабрикахъ, выростаютъ въ гибельной нравственной обстановкѣ, а въ гвоздарняхъ мерзебургскаго округа дѣтей занимали съ 4 часовъ утра до 6 часовъ вечера тяжелой работой раздуванія мѣховъ.

Все это оставило прусское министерство, за исключеніемъ одного Альтенштейна, весьма равнодушнымъ, и въ 1826 г., когда ген.-лейтенантъ фонъ-Горнъ сообщилъ королю, что фабричные округа не поставляютъ больше своего контингента рекрутовъ, не было принято никакихъ мѣръ, а на новое напоминаніе Альтенштейна Шукманъ отвѣтилъ грубо, но съ глубокимъ пониманіемъ существа прусскаго военнаго государства: „Фабричный трудъ дѣтей все же менѣе вреденъ, чѣмъ трудъ юношества, направленный къ пріобрѣтенію умственнаго образованія". Только когда гуманно настроенные фабриканты Рейнской провинціи подняли шумъ въ газетахъ, и рейнскій провинціальный ландтагъ потребовалъ законодательной регламентаціи дѣтскаго труда, правительство соблаговолило въ 1839 г., если не провести, Боже сохрани, на практикѣ нѣкоторыя ограниченія фабричнаго труда дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, предписать ихъ на бумагѣ. Прошло еще 10 лѣтъ, пока было обращено вниманіе на жалобы рейнскихъ рабочихъ относительно системы выдачи заработной платы не деньгами, а товарами. Лишь послѣ спасительнаго урока 1848 г. было издано и нѣсколько серьезно проведено запрещеніе расплаты товарами; до тѣхъ же поръ прусское правительство въ отвѣтъ на жалобы рабочихъ, на неоднократныя требованія рейнскаго и вестфальскаго провинціальнаго ландтага, даже на страстную агитацію нѣкоторыхъ почтенныхъ фабрикантовъ, выражало „серьезныя опасенія и значительныя сомнѣнія" насчетъ того, можно ли запретить ужасающую ростовщическую эксплуатацію бѣдныхъ и беззащитныхъ пролетаріевъ. Зато оно обнаруживало большую готовность подавлять

оружіемъ всякое безпокойное движеніе притѣсняемаго рабочаго класса.

Душевное сочувствіе, съ которымъ остъ-эльбская бюрократія относилась къ эксплуататорскимъ вожделѣніямъ рейнской буржуазіи, было, впрочемъ, единственнымъ связующимъ звеномъ между восточными и западными провинціями прусскаго государства. Въ другихъ отношеніяхъ на рейнскихъ обывателей смотрѣли какъ на побѣжденныхъ мятежниковъ и, путемъ постояннаго оспариванія ихъ прогрессивныхъ законовъ, старались принизить ихъ до культурнаго уровня Кашубіи. Все, что было тамъ образованнаго и сознательнаго, глубоко возмущалось христіанско - германскимъ правительствомъ въ Берлинѣ, а какъ любовно относился къ этой отеческой власти пролетаріатъ въ частности, это легко себѣ представить.

Глава III.

Нѣмецкія дѣла. Умственная жизнь.

---

1. Романтическая реакція.

Молодая буржуазія, развившаяся въ Германіи, въ общемъ отнюдь не составляла цвѣта націи. Способъ ея возникновенія и условія ея бытія внушали ей мелочный и торгашескій образъ мыслей. Грубая по отношенію къ мелкому бюргерству и пролетаріату, онѣ держалась униженно по отношенію къ абсолютизму и феодализму. Отличный знатокъ прусской промышленности, статскій совѣтникъ Кунтъ, объявлялъ ея худшимъ недостаткомъ поразительно скудное образованіе большинства фабрикантовъ; среди первыхъ фабрикантовъ Берлина было много такихъ, которые едва умѣли написать правильно свое имя. Не изъ нарождавшейся средней и крупной буржуазіи, а изъ мѣщанскихъ слоевъ, изъ ремесленниковъ, изъ мелкихъ должностныхъ лицъ въ церкви, школѣ и государствѣ выросла въ 18-мъ столѣтіи литература и философія, поднявшія экономически и политически отсталую Германію въ умственномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи на равную высоту съ западными культурными народами.

Отъ этого великаго наслѣдія націи осталось немногое въ 20-хъ гг. прошлаго вѣка. Романтическая школа, смѣнившая классическую, подобно тому какъ феодальная реакція востока смѣнила буржуазное движеніе впередъ на западѣ, послѣ Ватерлоо впадала все больше въ самое плоское ничтожество. Безсодержательные, многоглаголивые писатели, колебавшіеся между сантиментальной слезой и похотливой непристойностью, стали любимцами большой публики. На горизонтѣ появились уже первые предвѣстники новаго времени, но всѣ они—Иммерманъ и Платенъ, Бёрне и Гейне—скорѣе боролись еще сами съ романтикой, чѣмъ побѣдоносно придавили ее стопой.

Научные плоды романтика принесла только въ области языковѣдѣнія, подобно тому какъ триста лѣтъ тому назадъ усовершенствованіе языка было самой свѣтлой стороной лютеровской реакціи. На хозяйственномъ, политическомъ, религіозномъ поприщѣ она гналась за возстановленіемъ средневѣковаго строя, которое послѣ историческаго упадка средневѣковыхъ общественныхъ формацій должно было свестись къ фантастическому прикрашиванію феодальныхъ способовъ эксплуатаціи. При этомъ представители романтической науки о государствѣ — Адамъ Мюллеръ, Галлеръ и прочіе — были плохими подражателями болѣе геніальныхъ французовъ Бональда и де-Местра. Правда, когда подъ наполеоновской ферулой пришлось нѣсколько вымести феодально-цеховый мусоръ, то классическая экономія буржуазныхъ классовъ нашла извѣстный отголосокъ въ Германіи, но и ея представители остались несамостоятельными учениками Адама Смита и Рикардо. Имъ недоставало живой почвы современнаго буржуазнаго общества, и, такимъ образомъ, теоретическое выраженіе чужой дѣйствительности превращалось подъ ихъ руками въ собраніе догматовъ, которые неправильно истолковывались ими въ духѣ окружавшаго ихъ мелко-буржуазнаго міра. Хозяйственная отсталость германскихъ условій ни въ чемъ, можетъ быть, не выразилась такъ ясно, какъ въ томъ, что единственный, въ своемъ родѣ оригинальный экономистъ Германіи Фридрихъ Листъ напалъ на теорію Адама Смита не спереди, какъ это было сдѣлано въ Англіи и Франціи, а сзади, не съ соціалистической, а съ меркантилистической точки зрѣнія. Какъ бы то ни было, но Листъ,—который не былъ крупной научной величиной, а обладалъ только практическимъ умомъ,—понялъ, что̀ прежде всего нужно нѣмецкому капитализму, и потому онъ страстно агитировалъ за германскій таможенный союзъ и германскую желѣзнодорожную сѣть. Но партикуляристскія правительства преслѣдовали національнаго демагога, а буржуазія спокойно дала своему краснорѣчивѣйшему борцу голодать, пока онъ не пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Среди нѣмецкихъ учениковъ Адама Смита имѣлъ собственныя мысли только Генрихъ ф.-Тюненъ. Въ 1826 г. онъ написалъ „Сонъ серьезнаго содержанія: объ участи рабочаго", но заперъ его затѣмъ на десятки лѣтъ въ своемъ письменномъ столѣ. Тюненъ былъ практическимъ сельскимъ хозяиномъ съ научнымъ образованіемъ; родомъ изъ Фрисландіи, онъ выросъ среди свободныхъ крестьянъ Іеверланда и поселился затѣмъ въ качествѣ помѣ-

щика въ Мекленбургѣ, гдѣ феодальное товарное производство привело сельскій пролетаріатъ въ страшное разстройство. Этотъ антагонизмъ изощрилъ глазъ Тюнена по отношенію къ страданіямъ „самаго многочисленнаго класса гражданъ въ государствѣ, обыкновенныхъ рабочихъ", которые даже въ государствахъ съ конституціоннымъ образомъ правленія не имѣютъ представительства своихъ интересовъ и получаютъ слишкомъ низкую плату, сравнительно съ доходомъ фабриканта и арендатора. Раньше кого бы-то ни было въ Германіи Тюненъ увидѣлъ въ іюльской революціи сигналъ къ классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Онъ задавалъ вопросъ: такъ какъ капиталъ есть произведеніе человѣческаго труда, то какимъ образомъ созданіе могло поработить себѣ создателя, какимъ образомъ рабочій могъ стать изъ хозяина капитала его рабомъ? Разрѣшеніе этой загадки Тюненъ нашелъ въ математической формулѣ „естественной заработной платы", которую считалъ настолько непогрѣшимой, что приказалъ вырѣзать ее на своемъ надгробномъ памятникѣ. Формула эта была, однако, не болѣе, какъ схоластическимъ измышленіемъ, а свою идею соединенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ товарищества Тюненъ сумѣлъ осуществить незадолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 1850 г., лишь въ такой формѣ, что, несмотря на его благожелательныя намѣренія, она оказалась на практикѣ новымъ преимуществомъ для собственника и новой цѣпью для рабочихъ.

Болѣе оригинальной, чѣмъ въ области политической экономіи, нѣмецкая романтика оказалась въ юриспруденціи. Историческая школа права была ея дѣтищемъ. Она хотѣла явиться протестомъ противъ якобы фривольнаго духа 18-го столѣтія, но фактически была протестомъ противъ его революціоннаго духа. Пусть естественное, основанное на разумѣ право, съ проповѣдью котораго выступали просвѣтители 18-го вѣка, было только правомъ буржуазнаго разума, но, какъ таковое, оно означало извѣстный историческій прогрессъ, между тѣмъ какъ историческая школа права отрѣзывала путь всякому историческому развитію, признавая все исторически сложившееся основой права только потому, что оно сложилось исторически. Такъ, Гуго защищалъ рабство, помѣщичьи права, маіораты. Когда гейдельбергскій юристъ Тибо, потрясенный видомъ густыхъ полчищъ вооруженной нѣмецкой молодежи, уходившихъ во Францію, потребовалъ въ 1814 году общаго гражданскаго уложенія для нѣмецкаго народа, то Савиньи

отвѣтилъ ему, что ихъ эпохѣ недостаетъ призванія къ законодательной работѣ. Сочиненіе Савиньи стало программой исторической школы: закрывая себѣ глаза на гражданское право Франціи, гдѣ эпоха только что блестяще доказала свое призваніе къ законодательству, она старалась осмѣять исторически слагающееся право буржуазнаго класса, и знаменитый криминалистъ Фейербахъ уподоблялъ его рожденному на облакахъ отъ разума и мечты божественному младенцу, который вычеркиваетъ прошедшее изъ книги исторіи и отважно прыгаетъ черезъ настоящее въ несотворенные еще вѣка. По выраженію Гегеля, историческая школа была величайшимъ оскорбленіемъ, какое только могло быть брошено въ лицо націи. И скоро долженъ былъ возстать юный борецъ, навсегда заклеймившій историческую школу права, какъ школу, которая оправдываетъ низость сегодняшняго дня низостью вчерашняго и объявляетъ мятежнымъ всякій крикъ крѣпостного противъ кнута, разъ это старый, наслѣдственный, историческій кнутъ.

Тотъ же юный борецъ, Карлъ Марксъ, сказалъ о 20-хъ гг., что единственная литературная область, въ которой бился еще тогда живой духъ, — философія—перестала говорить по-нѣмецки, ибо нѣмецкій языкъ пересталъ быть языкомъ мысли. Духъ говорилъ таинственными словами, такъ какъ разумныя слова не смѣли больше быть понятными. Чтобы происхожденіе научнаго коммунизма не осталось, однако, само тайной, необходимо нѣсколько глубже проникнуть въ смыслъ этихъ таинственныхъ словъ.

---

2. Классическая философія.

Основной вопросъ всякой философіи, споръ между идеализмомъ и матеріализмомъ, отношеніе субъекта къ объекту, вопросъ о томъ, что есть первичное—мышленіе или бытіе, духъ или природа, былъ ли міръ созданъ Богомъ или онъ существуетъ отъ вѣка,—все это занимало уже мыслителей древности и не вполнѣ заглохло даже въ церковной вѣрѣ среднихъ вѣковъ. Этотъ основной вопросъ всталъ съ новою силой, когда началась буржуазная эра, и экономическое развитіе, а вслѣдъ за нимъ и развитіе естественныхъ наукъ пошло все болѣе быстрымъ темпомъ. Родиной

новѣйшаго матеріализма была поэтому Англія, и первый путь проложилъ ему Беконъ.

Будучи произведеніемъ буржуазнаго духа, матеріализмъ явился, однако, на первыхъ порахъ оружіемъ противъ буржуазіи, которая стремилась подняться вверхъ революціоннымъ путемъ и дала еще первыя свои сраженія въ Англіи 17-го вѣка подъ религіознымъ знаменемъ. Гоббсъ, первый послѣдовательный матеріалистъ, былъ прямолинейнымъ абсолютистомъ, хотя и абсолютистомъ буржуазнаго покроя. Его исходной точкой не были божественный порядокъ сословій, священная королевская власть и тому подобныя феодальныя бредни; онъ отрицалъ даже, что человѣкъ есть животное политическое, образующее государства. Первобытное состояніе человѣчества Гоббсъ объявилъ войной всѣхъ противъ всѣхъ,—формула, вошедшая потомъ въ поговорку и какъ характеристика той борьбы, которую представляетъ буржуазная конкурренція. Онъ выводилъ государство изъ договора, который былъ заключенъ для подавленія человѣческаго себялюбія и потому долженъ имѣть безусловную силу. Въ наслѣдственной монархіи Гоббсъ видѣлъ наилучшую, но отнюдь не единственную форму абсолютной государственной власти. Государству должна быть, по его мнѣнію, безусловно подчинена и всякая церковь; къ прерогативамъ абсолютной государственной власти относится право издавать предписанія относительно религіи и всего образа мыслей подданныхъ. Гоббсъ заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что признавалъ религіей даже суевѣрный страхъ предъ невидимыми силами, составляютъ ли онѣ плодъ вымысла или преданія, — если только онъ предписанъ государствомъ.

Англійская революція 17-го вѣка кончилась компромиссомъ между аристократіей и буржуазіей, создавшими себѣ общую королевскую власть. Тогда и перешелъ англійскій матеріализмъ отъ самодержавной къ конституціонной формѣ правленія. По ученію Локка, въ интеллектѣ не можетъ быть ничего, чего не было раньше въ ощущеніяхъ; онъ обосновалъ философію здраваго смысла, говоря этимъ, что нѣтъ философіи, отличной отъ здравыхъ человѣческихъ чувствъ и покоющагося на нихъ разума. Раздѣляя политику и религію, онъ, въ противоположность Гоббсу, не признавалъ за государственной властью права предписывать или искоренять мнѣнія людей и проповѣдывалъ гражданскую вѣротерпимость. Точно такъ же онъ отдѣлялъ законодательную власть отъ исполнительной. Законодательная власть

должна находиться въ рукахъ народа, выбирающаго законодательное собранiе. Король стоитъ не надъ закономъ, а подъ нимъ, и когда онъ злоупотребляетъ своей властью, то лишается своего достоинства.

Несмотря на это, англiйскiй матерiализмъ остался эзотерическимъ ученiемъ, тайной верхнихъ десяти тысячъ и еще больше— аристократiи, чѣмъ буржуазiи. Ибо съ тѣхъ поръ какъ англiйская буржуазiя добилась, хотя и очень скромнаго въ началѣ, участiя во власти, она стала набожной, весьма набожной, и почти за 200 лѣтъ до императора Вильгельма I она уже открыла глубоко мудрую истину, что для народа нужно сохранить религiю. Въ 18-мъ вѣкѣ дѣло дошло до того, что англiйскiе матерiалисты, напр. Гартлей, въ одной и той же книгѣ объясняли сначала человѣческое мышленiе и ощущенiя мозговыми колебанiями, слѣдовательно — матерiалистически, а затѣмъ доказывали богословскимъ путемъ несомнѣнность библейскихъ чудесъ и загробной жизни. Главою невѣрующихъ считался тогда не какой-либо матерiалистъ, а философъ Юмъ, отвергавшiй въ одно и то же время и церковную вѣру и матерiализмъ, такъ какъ оспаривалъ за человѣческими чувствами исчерпывающее знанiе мiра. Какъ богата естествоиспытателями ни оставалась Англiя, въ качествѣ первой промышленной страны, однако, начиная съ Бойля и Ньютона и кончая Дарвиномъ и Фарадэемъ, они либо вѣрили въ сверхъестественную творческую силу, либо признавали Господа Бога, по крайней мѣрѣ, хорошимъ человѣкомъ.

Локкъ былъ воспрiемникомъ французскаго матерiализма, а Юмъ — нѣмецкаго идеализма. На европейскомъ материкѣ идеалистическое и матерiалистическое мiровоззрѣнiя уравновѣшивали до извѣстной степени другъ друга въ философахъ 17-го вѣка, бывшихъ, подобно Декарту, Спинозѣ и Лейбницу, большей частью видными математиками и физиками: такъ, Декартъ объяснялъ земныя вещи матерiалистически, а небесныя представленiя идеалистически, Спиноза, обоготворяя субстанцiю, признавалъ единосущность духа и природы, а Лейбницъ утверждалъ предустановленную отъ вѣка гармонiю мысли и бытiя. Только въ началѣ 18-го столѣтiя французскiй матерiализмъ развился какъ самостоятельное явленiе. Онъ продолжалъ работу, начатую Локкомъ, и былъ сначала аристократическимъ ученiемъ, но буржуазiя, находившаяся въ состоянiи революцiоннаго броженiя, скоро сообразила, какую службу можетъ сослужить ей это ученiе въ ея борьбѣ противъ королевской власти, дворянства и духовенства.

Французскій матеріализмъ 18-го вѣка упразднилъ не одну только религію,—причемъ не особенно важно было, объявляли-ли его приверженцы человѣка машиною, какъ это дѣлали атеисты, или же они, какъ деисты, оставляли Господу Богу гдѣ-нибудь во вселенной безобидную старческую долю: онъ оказалъ также глубокое вліяніе на политическую и общественную жизнь Франціи. Разъ человѣкъ формировалъ всякое свое ощущеніе и знаніе изъ чувственнаго міра и изъ опыта въ чувственномъ мірѣ, то ему слѣдовало только въ этомъ мірѣ искать своего счастья и своей судьбы. Совершенство человѣческаго общества заключалось въ его полномъ согласіи съ природою человѣка; все, что противорѣчило человѣческой природѣ, слѣдовало устранить изъ человѣческаго общества. Гельвецій, настоящій основатель французскаго матеріализма, объявилъ въ своей книгѣ „О человѣкѣ" основами морали чувственныя качества и эгоизмъ, наслажденіе и правильно понятый личный интересъ. Главными пунктами его системы являются естественное равенство человѣческихъ интеллектовъ, единство между прогрессомъ разума и прогрессомъ промышленности, естественная доброта человѣка, всемогущество воспитанія.

То, что матеріалисты считали природою человѣка, было въ дѣйствительности политической и соціальной потребностью тогдашняго третьяго сословія; въ эмансипаціи буржуазнаго общества они видѣли установленіе совершеннаго общества. Французскій матеріализмъ явился, могучимъ оружіемъ противъ самодержавной, феодальной, клерикальной Франціи. Свое высшее литературное выраженіе онъ нашелъ въ знаменитой „Энциклопедіи", политическое—въ провозглашеніи правъ человѣка, а заключеніемъ его былъ утопическій соціализмъ. Легко видѣть, какъ много этотъ соціализмъ могъ почерпнуть и почерпнулъ изъ ученія французскаго матеріализма о первобытной добротѣ и одинаковой умственной одаренности людей, о всемогуществѣ опыта, привычки, воспитанія, о вліяніи внѣшнихъ условій на человѣка, о высокомъ значеніи промышленности, о правѣ каждаго на наслажденіе. Фурье и Оуэнъ исходили изъ матеріализма, Дезами обратился къ нему, какъ къ логическому основанію соціализма.

Однако, несмотря на всѣ свои блестящіе успѣхи, французскій матеріализмъ покоился еще на очень шаткой почвѣ. Естественныя науки сдѣлали большія завоеванія, но изъ нихъ только одна механика достигла извѣстнаго законченнаго состоянія. Химія и біологія находились еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія.

Объ эволюціи въ природѣ ничего не знали, и соотвѣтственно съ этимъ не знали ничего и объ эволюціи въ исторіи. Природа двигалась въ вѣчномъ круговоротѣ, и человѣческій духъ былъ съ самаго начала одинъ и тотъ же; временно затмившись, какъ въ средніе вѣка, онъ теперь снова стремился къ своему естественному праву. Внутренней связи міровой загадки матеріализмъ еще не трогалъ, и разрѣшеніе этой загадки взялъ поэтому еще разъ на себя идеализмъ. Произошло это въ странѣ, гдѣ буржуазный классъ достаточно созрѣлъ, чтобы дать изобиліе проницательныхъ и даже геніальныхъ умовъ, но не былъ еще достаточно зрѣлъ, чтобы приступомъ сломить обветшалыя твердыни абсолютизма и феодализма.

Нѣмецкая философія была продолженіемъ нѣмецкой литературы, поскольку въ послѣдней воплотилась освободительная борьба буржуазіи. „Критика чистаго разума" Канта появилась въ годъ смерти Лессинга и стала извѣстной въ широкихъ кругахъ въ годъ рожденія французской революціи. Глубокое духовное единство съ этимъ могучимъ переворотомъ было обще нашимъ великимъ философамъ. Кантъ, Фихте и Гегель всегда говорили о немъ съ живѣйшимъ уваженіемъ, не смущаясь даже терроромъ, вдохновившимъ Гёте къ его жалкому „Bürgergeneral", а Шиллера къ разнымъ плохимъ виршамъ о благословленной дщери небесъ—священномъ порядкѣ мѣщанства. Нѣмецкій идеализмъ былъ отбоемъ противъ англо-французскаго матеріализма, но отнюдь не попятнымъ шагомъ въ сравненіи съ нимъ. Кантъ побѣдоносно разбилъ матеріализмъ въ его собственной области, введя въ природу принципъ развитія. Онъ разрѣшилъ вопросъ о вѣчномъ существованіи солнечной системы, объяснивъ возникновеніе солнца и всѣхъ планетъ изъ вращающихся туманностей. Мало того, въ своихъ популярныхъ лекціяхъ онъ говорилъ уже о происхожденіи человѣка изъ животнаго царства, какъ о чемъ-то лежащемъ внѣ спора. Онъ прямо отвергалъ ученіе стараго идеализма о томъ, будто всякое познаніе путемъ опыта и чувствъ представляетъ собою одинъ миражъ, и истина заключается только въ идеяхъ чистаго разсудка; онъ говорилъ наоборотъ: всякое познаніе вещей, почерпнутое изъ одного чистаго разсудка, есть не болѣе какъ миражъ, и только въ опытѣ заключается истина.

Дѣйствительная заслуга Канта состояла въ томъ, что, отправляясь отъ Юма, онъ подвергъ изслѣдованію познавательную способность человѣка и въ „Критикѣ чистаго разума" перевернулъ

вверхъ дномъ весь опытъ со всѣми историческими и точными науками, выставивъ простое положеніе, что не наши понятія сообразуются съ предметами, а предметы съ нашими понятіями, что предметы, находящіеся внѣ насъ, мы видимъ не такими, какими они суть, а какими они представляются нашимъ несовершеннымъ чувствамъ, что весь міръ явленій вплоть до чувственной интуиціи пространства и времени существуетъ для человѣка только въ человѣческомъ представленіи, между тѣмъ какъ за нимъ скрывается въ непроницаемомъ мракѣ абсолютная сущность вещей, вещь въ себѣ. Этимъ путемъ мышленіе и бытіе были, съ одной стороны, примирены, но за то съ другой—они тѣмъ дальше разошлись другъ съ другомъ. Кантъ не разрѣшилъ міровой загадки, а объявилъ лишь ее неразрѣшимой. Въ вещахъ не можетъ быть никакихъ противорѣчій, ибо все, что содержитъ противорѣчіе, невозможно. Напротивъ, мышленіе запутываетъ насъ въ неизбѣжныя противорѣчія—знаменитыя антиноміи Канта, какъ ограниченность и безпредѣльность міра, дѣлимость и недѣлимость матеріи, свобода воли и необходимость.

Если Кантъ какъ бы разбилъ въ куски предметный міръ, разрѣшивъ его бытіе въ дѣятельность человѣческаго сознанія, то Фихте, развивая дальше ученіе Канта и въ то же время революціонируя его, изъ человѣческаго сознанія вновь построилъ міръ. Фихте стоялъ далеко отъ естественныхъ наукъ. Дѣйствительной вещью въ себѣ было для него Я, т.-е. человѣкъ не какъ индивидъ, а какъ родъ; человѣческое самосознаніе было въ его глазахъ не зеркаломъ, а создателемъ предметнаго міра, бытіе котораго объясняется не чистыми формами мышленія, а напротивъ—формы бытія котораго создаются чистымъ мышленіемъ. Изъ послѣдняго Фихте выводилъ пространство и время, количество и качество, возможность, дѣйствительность, необходимость. Мышленіе есть самостоятельный процессъ, совершающійся съ внутренней необходимостью. Вмѣстѣ съ каждымъ предложеніемъ дано противоположное ему предложеніе, и постоянно преодолѣвая это постоянное противорѣчіе при помощи высшаго единства, мысль движется впередъ. Такимъ образомъ Фихте вновь вернулся къ діалектическому методу древне-греческой философіи. Но разъ по его мнѣнію объектъ создавался въ самой глубинѣ субъекта, то духъ и природа были тождественны, и дѣйствительно, Фихте объявлялъ Я субъектомъ-объектомъ. Напротивъ, Шеллингъ и Гегель, продолжая и въ то же время революціонируя его ученіе, говорили: если субъектъ и объ-

ектъ одно и то же, то ни одинъ изъ нихъ не есть сама вещь, ни субъектъ, ни объектъ, ни мышленіе, ни бытіе, ни духъ, ни природа, а каждый изъ нихъ есть только одна сторона вещи, вся же вещь есть ничто иное, какъ процессъ, который проходитъ черезъ тотъ и другой и достигаетъ въ человѣческомъ духѣ до самосознанія.

Для Шеллинга „тождество субъекта съ объектомъ" осталось только остроумной выдумкой, которая завела его въ фантастическую натурфилософію и всякую романтическую чепуху, пока онъ не очутился въ давно обмелѣвшей пристани религіи откровенія. Напротивъ, Гегель, хотя также не умѣлъ ничего сказать относительно абсолютной идеи,—которую провозглашалъ животворящей душой вселенной и которая, по своему философскому происхожденію, была лишь высшимъ синтезомъ субстанціи Спинозы и самосознанія Фихте,—понималъ ее, по крайней мѣрѣ, какъ логическій и историческій процессъ. Духъ, т.-е. Я, существующее an und für sich, становится на различныхъ ступеняхъ развитія сначала сознаніемъ, затѣмъ самосознаніемъ, затѣмъ созерцательнымъ и дѣйственнымъ разумомъ, наконецъ постигающимъ себя самого, просвѣщеннымъ и религіознымъ духомъ. Въ природѣ онъ дѣйствуетъ какъ слѣпая необходимость, но въ исторіи онъ постепенно пробиваетъ себѣ дорогу вверхъ, пока не постигаетъ самого себя. Историческій процессъ, такимъ образомъ, только копія логическаго процесса, неизвѣстно когда и гдѣ совершившагося. Какъ бы темно это представленіе ни было, но піонерской заслугой Гегеля было то, что онъ изобразилъ историческій процессъ какъ логическій. Если Кантъ ввелъ эволюцію въ природу, то Гегель ввелъ ее въ исторію. Если Фихте примкнулъ къ діалектическому методу, то Гегель сдѣлалъ его источникомъ всякой жизни. Съ понятіемъ бытія дано также понятіе небытія, и изъ борьбы обоихъ возникаетъ высшее понятіе становленія. Все существуетъ и въ то же время не существуетъ, ибо все течетъ, находится въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, постоянно становится и проходитъ. Діалектическое развитіе нѣмецкой философіи совершилось такимъ образомъ, что положеніе Канта: „все, что содержитъ противорѣчіе, невозможно" превратилось въ положеніе Гегеля: „міромъ движетъ вообще противорѣчіе".

Этимъ была достигнута цѣль, которой не могъ достигнуть англійско-французскій матеріализмъ, ибо его знаніе природы стояло еще на сравнительно низкой ступени. Доказать діалекти-

ческое движенiе въ самой природѣ стало возможнымъ лишь благодаря огромнымъ успѣхамъ естественныхъ наукъ во 2-ой половинѣ 19-го столѣтiя. Импульсъ, данный Кантомъ, нашелъ здѣсь свое завершенiе лишь въ доказанномъ Дарвиномъ положенiи, что вся органическая природа, растенiя и животныя, а слѣдовательно, и человѣкъ, составляютъ продуктъ процесса развитiя, тянущагося миллiоны лѣтъ. Въ этомъ вопросѣ и Гегель не былъ въ состоянiи выйти за тѣ границы, которыя ставило ему недостаточное знанiе природы въ его время. Онъ раздѣлялъ еще воззрѣнiе французскихъ матерiалистовъ, что природа есть всегда равное себѣ цѣлое, движущееся въ одинаковыхъ круговоротахъ, съ вѣчными мiровыми тѣлами и неизмѣнными видами органическихъ существъ. Но онъ пробилъ брешь въ этомъ воззрѣнiи, особенно поскольку оно переносилось англiйскими матерiалистами на исторiю. Гегель смотрѣлъ на исторiю, какъ на процессъ безпрерывнаго движенiя, измѣненiя и преобразованiя, процессъ восхожденiя отъ низшаго къ высшему, и съ затратою громадной работы ума пытался прослѣдить въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ исторической науки внутреннюю связь, постепенный ходъ этого процесса черезъ всѣ его видимыя отклоненiя и случайности. Считая вещи отраженiемъ понятiй, Гегель пришелъ, конечно, къ весьма произвольнымъ историческимъ построенiямъ, но такъ какъ историческiе факты упрямы и не такъ легко даютъ себя запречь въ ярмо понятiй, то мы видимъ подчасъ у Гегеля генiальное проникновенiе во внутреннюю связь человѣческой исторiи.

Своеобразное величiе, какъ и своеобразная слабость нѣмецкой философiи объясняются своеобразiемъ экономическихъ и политическихъ условiй Германiи. Съ одной стороны, эти условiя позволяли развивать буржуазные идеалы, не смущаясь суровой дѣйствительностью, до самыхъ смѣлыхъ и логическихъ послѣдствiй ихъ. Кантовскiй высшiй принципъ нравственности: „поступай такъ, чтобы пользоваться человѣчествомъ,—и въ твоемъ лицѣ, и въ лицѣ всякаго другого,—не какъ средствомъ только, а всегда еще какъ цѣлью"—былъ возможенъ только въ странѣ, гдѣ буржуазный классъ былъ слабо развитъ, а пролетарiатъ еще совсѣмъ не развился. Только въ такой странѣ Фихте могъ сказать, что ни одинъ человѣкъ не вправѣ употреблять для себя силы другого, могъ писать: „человѣкъ долженъ работать, только не какъ вьючное животное, которое засыпаетъ подъ своей ношей, чтобы послѣ самаго скуднаго отдыха быть поднятымъ на ноги и вновь тащить

ту же ношу. Онъ долженъ работать безъ страха, весело и радостно, и располагать досугомъ, чтобы возносить свой духъ и глаза къ небу, для созерцанія котораго онъ созданъ". Фихте, пролетарское происхожденіе котораго можно прослѣдить черезъ всю его жизнь по пороховой нити его революціонныхъ мыслей, клеймилъ эксплуататорское феодальное дворянство, какъ глупое и невѣжественное, трусливое, лѣнивое и низменное сословіе. Его тезисъ: „право должно осуществляться во что бы то ни стало, и кто не понимаетъ этого самъ, того слѣдуетъ принудить" — дышалъ терроризмомъ французской революціи. Именно изъ жалкой исторіи Германіи, которая въ глазахъ Фихте вообще не была исторіей, онъ выводилъ призваніе нѣмцевъ дать истинное царство права, какого никогда еще не видѣлъ свѣтъ, со всѣмъ тѣмъ энтузіазмомъ къ гражданской свободѣ, которую мы наблюдаемъ въ древнемъ мірѣ, но безъ принесенія большинства людей въ жертву рабству, составлявшему необходимое условіе существованія для древнихъ государствъ,—къ свободѣ, основанной на равенствѣ всего, что имѣетъ человѣческій образъ. Если, наконецъ, Гегель вырвалъ съ корнемъ всѣ авторитеты, небесные и земные, путемъ одной игры мыслей діалектическаго метода, то эта процедура, столь же основательная, сколько воздушная, была возможна лишь среди народа безъ большихъ, тѣсно соприкасающихся въ пространствѣ классовыхъ столкновеній.

Но, съ другой стороны, наши классическіе философы жили въ облакахъ только мыслями. Ихъ идеализмъ испытывалъ весьма чувствительное ограниченіе вслѣдствіе того, что мысли ихъ не могли отдѣлиться отъ ихъ плоти, дышавшей подъ палкой деспотовъ и бичемъ религіозной ортодоксіи. При помощи чистаго разума Кантъ изгонялъ Бога изъ вселенной, но черезъ заднюю дверь практическаго разума онъ контрабандой снова вводилъ его. Въ процессѣ, возбужденномъ противъ Фихте за безбожный образъ мыслей и приведшемъ къ его удаленію изъ Іены, онъ обнаружилъ странное для такого сильнаго человѣка колебаніе между несвоевременнымъ упрямствомъ и несвоевременной уступчивостью; въ позднѣйшіе годы онъ наложилъ на ясную логику, съ которой уничтожилъ нѣкогда представленіе о личномъ Богѣ, тусклый налетъ мистицизма. Гегель справился даже съ тріединымъ Богомъ, введя его въ свою собственную систему.

Политическая область была еще тернистѣе религіозной. Нѣмецкимъ философамъ недоставало той архимедовой точки, опираясь

на которую французскіе матеріалисты сдвинули съ мѣста самодержавно-феодально-клерикальное государство: понятія гражданскаго общества. Понятіе же недоставало имъ потому, что самая вещь отсутствовала въ Германіи, или же существовала только въ жалкомъ зачаточномъ состояніи. Они знали лишь государство, какъ хранителя моральной культуры. Въ своемъ знаменитомъ планѣ вѣчнаго мира Кантъ началъ положеніемъ: „Государство не имущество, какъ земля, на которой оно существуетъ: это—общество людей, которыми никто не вправѣ повелѣвать и распоряжаться, кромѣ нихъ самихъ". Отсюда онъ послѣдовательно заключалъ, что государственное устройство должно быть республиканскимъ. Но какъ превратить въ республику государство, составлявшее имущество деспотовъ? Путемъ нравственнаго прогресса человѣческаго рода, отвѣчалъ Кантъ; путемъ національнаго воспитанія, отвѣчалъ Фихте. Сколько бы величія и глубины ни было въ ихъ идеологіяхъ, они создали послѣдними скучное поколѣніе нравственныхъ проповѣдниковъ и школьныхъ учителей, но не расшатали еще этимъ ни одного камня въ деспотическомъ государствѣ, представители котораго тѣмъ подозрительнѣе стали относиться ко всѣмъ ихъ словамъ и дѣйствіямъ.

Даже трактатъ Фихте „О замкнутомъ торговомъ государствѣ", который онъ самъ назвалъ разъ своимъ лучшимъ, наиболѣе продуманнымъ сочиненіемъ, рисуетъ намъ только идеалъ Фридрихова государства—такъ, какъ это историческое государство слѣдовало бы устроить согласно строгимъ требованіямъ бюргерскаго разума. Прусскій министръ финансовъ Струэнзе, человѣкъ изъ школы Фридриха, благосклонно принялъ въ 1800 г. посвященіе этого труда. Онъ находилъ, что Фихте выставилъ идеалъ государства, стремиться къ которому должно быть обязанностью всякаго чиновника, участвующаго въ управленіи, хотя бы и сомнительно было, будетъ ли этотъ идеалъ когда-либо достигнутъ. Можетъ быть, Струэнзе вспоминалъ при этомъ о своемъ братѣ, который 30-ю годами раньше заплатилъ своей жизнью за попытку устроить самодержавно-феодальное государство согласно буржуазному, основанному на разумѣ, праву. Фихте не понимаетъ буржуазнаго общества: въ свободѣ торговли онъ видитъ несостоятельную традицію, сохранившуюся отъ „міровоззрѣнія нашихъ предковъ"; для современныхъ націй не годится больше то, что́ подходило средне-вѣковому единству христіанской Европы. Когда Фихте возлагаетъ на государство задачу предпи-

сывать отдѣльнымъ разрядамъ населенія опредѣленные роды дѣятельности, какъ земледѣліе, ремесла, торговлю; когда онъ видитъ въ отливѣ денегъ за-границу обѣднѣніе народа,—то все это вполнѣ фридриховскія идеи. Можно подумать, что слушаешь разсужденія самого стараго Фрица, когда Фихте требуетъ запрещенія путешествій за-границу на томъ основаніи, что не слѣдуетъ больше дозволять праздному любопытству и жаждѣ развлеченій разъѣзжать безъ дѣла по чужимъ странамъ.

Правда, Фихте хотѣлъ превратить Фридрихово государство въ гармоническое общежитіе, отдѣльнымъ членамъ котораго должно быть обезпечено ихъ естественное право на счастливое и довольное существованіе. Но зато онъ еще перещеголялъ его своимъ раціональнымъ государствомъ въ томъ отношеніи, что послѣднее совершенно замыкается отъ зарубежныхъ странъ, создаетъ себѣ особыя деньги,—составъ ихъ долженъ въ монархическихъ государствахъ быть тайною царствующей фамиліи,—не имѣетъ съ остальнымъ міромъ ничего общаго, кромѣ науки Мы видимъ, такимъ образомъ, въ національной области тотъ же трагическій конфликтъ между средствами и цѣлью, который въ области международной обратилъ послѣдніе годы Фихте въ потрясающую драму. Онъ, страстно призывавшій нѣкогда французскіе штыки, какъ спасителей свободной мысли, которую хотѣли насильственно задушить нѣмецкіе деспоты, призывалъ потомъ въ своихъ пламенныхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ къ борьбѣ противъ этихъ самыхъ штыковъ и умеръ среди побѣднаго шума, безъ надеждъ, безъ самообмана, предсказывая съ потрясающей ясностью всѣ бѣдствія, надвинувшіяся на Германію послѣ Ватерлоо.

Гегель также испыталъ, что означаетъ побѣда европейской реакціи. Онъ назвалъ когда-то свою философію предтечею того времени, когда будетъ существовать свободный народъ; послѣ пораженія французовъ онъ объявилъ естественнымъ призваніемъ нѣмцевъ, главнымъ выигрышемъ ихъ отъ завоеванной обратно независимости, то, что они могутъ впредь безпрепятственно хранить священный огонь философіи. Когда приглашенный въ Берлинъ, онъ написалъ свою философію права, чтобы изобразить послѣднее какъ разумный, изъ себя самого развивающійся организмъ, то онъ исходилъ изъ положенія: дѣйствительное разумно, а разумное дѣйствительно. Его идеалъ правового государства такъ же отражалъ прусское государство 1821 г., какъ замкнутое торговое государство Фихте было отраженіемъ прусскаго государ-

ства 1800 г.,—съ тѣмъ понятнымъ различіемъ, что Гегель, подъ давленіемъ карлсбадскихъ постановленій, гораздо меньше идеализировалъ свой прообразъ, чѣмъ это сдѣлалъ относительно своего Фихте, подъ воодушевляющимъ вліяніемъ французской революціи. Наконецъ, Гегель знаетъ буржуазное общество, но онъ очень невысоко цѣнитъ его: это уже государство, но еще только внѣшнее государство, государство нужды и разсудка, арена излишества и нищеты, физической и нравственной гибели. Напротивъ, совершенное государство есть осуществленіе нравственной идеи, абсолютно разумное и абсолютная самоцѣль, а потому оно есть высшее право для отдѣльныхъ лицъ, высшая обязанность которыхъ—быть членами государства. Это воззрѣніе подходило къ преслѣдованіямъ „демагоговъ", какъ перчатка къ рукѣ.

По гегелевской философіи права государство есть всегда монархія. Республика не можетъ выдержать критики предъ развитой идеей; народъ безъ монарха, это—безформенная, нерасчлененная масса. Но въ монархіи словомъ народъ обозначаютъ тѣхъ членовъ государства, которые не знаютъ, чего они хотятъ. Надъ этой большой массой возвышаются сословія, какъ законодательная власть которая должна опредѣлять общеобязательное, но и съ ними далеко не уйдешь. Наилучшее могутъ выполнить безъ нихъ чиновники, а въ сословныхъ собраніяхъ послѣдніе принуждены дѣлать наилучшее. Они носители второй, правящей власти, и какъ таковые—настоящія государственныя персоны, наилучше понимающія все. Третья власть, это—власть государя: она принимаетъ окончательное рѣшеніе и ставитъ точку надъ і, она, какъ цѣлое, содержитъ въ себѣ идеальность всѣхъ трехъ властей. Тождественная съ субстанціальной волей и идеальностью цѣлаго, она является подлинной дѣйствительностью, въ противоположность жалкой субъективности дурной прессы, стремящейся къ общему разложенію. Печать является представительницей общественнаго мнѣнія, по Гегелю—наличнаго противорѣчія; она питается тѣми, которые инымъ путемъ не умѣютъ доставить себѣ вліянія. Совершенно въ духѣ карлсбадскихъ постановленій Гегель хочетъ подчинить прессу частью предупредительнымъ, частью карательнымъ полицейскимъ распоряженіямъ. Превосходство его философіи права предъ Пруссіей 20-хъ гг. сводится почти къ одному требованію суда присяжныхъ и гласности судопроизводства.

Тѣмъ не менѣе въ непонятныхъ словахъ ея бился духовный пульсъ тогдашняго времени. Полемика, которую Гегель велъ въ

этомъ-же сочиненіи противъ исторической школы и романтической науки о государствѣ, съ избыткомъ доказывала, что цѣлью его было не безъидейное возвеличеніе существующихъ порядковъ или возвратъ къ среднимъ вѣкамъ. Къ его мучительнымъ усиліямъ открыть разумъ въ тогдашней дѣйствительности были вполнѣ примѣнимы его собственныя слова: „въ наше разсуждающее и богатое рефлексіей время недалеко ушелъ тотъ, кто не умѣетъ представить хорошаго основанія для всего, даже для самаго дурного". Это не мѣшало ему признавать дѣйствительность разума.

Разумъ, это — историческая необходимость, вѣчный потокъ историческаго процесса развитія. Все создаваемое этимъ процессомъ дѣйствительно и разумно, потому что необходимо; какъ только оно перестаетъ быть необходимымъ, оно становится недѣйствительнымъ и неразумнымъ. Прусская монархія была дѣйствительна и разумна, ибо по даннымъ историческимъ условіямъ она не могла быть иной, чѣмъ была, ибо народъ не зналъ, чего онъ хочетъ, и слѣдовательно, былъ весьма неразуменъ. Какъ только онъ сталъ бы разумнымъ, прусская монархія должна была бы стать дѣйствительнымъ государствомъ, т.-е. согласно гегелевскому опредѣленію дѣйствительнаго государства, монархъ долженъ былъ бы мыслиться идеально и раствориться въ идеѣ общественнаго блага.

Гегель самъ не обманывался насчетъ революціоннаго характера своей діалектики и опасался даже, что его „Философія права" будетъ запрещена. При всемъ возвеличеніи прусскаго государства она не казалась послѣднему вполнѣ благонадежной. Гордо опираясь на свою полицейскую дубину, оно не хотѣло, чтобы его дѣйствительность находила свое оправданіе только въ его разумности. Даже тупой король видѣлъ змѣю, притаившуюся подъ розами; когда до него дошелъ смутный слухъ объ ученіяхъ его статсъ-философа, то онъ недовѣрчиво спросилъ: „а что, если я не поставлю точки надъ і ?" Прусская бюрократія была, однако, благодарна за сплетенный ей пышный лавровый вѣнокъ, особенно, когда ловкіе гегеліанцы разъяснили простому разсудку подданныхъ темныя слова учителя, и одинъ изъ нихъ написалъ исторію прусскаго права и государства, въ которой прусское государство было изображено какъ гигантская арфа, настроенная въ вертоградѣ Господнемъ, чтобы управлять міровымъ хоромъ. Несмотря на свои жуткія тайны, философія Гегеля была провозглашена прусской государственной философіей,—среди многихъ ироній всемірной исторіи, несомнѣнно, одна изъ самыхъ забавныхъ. Гегель резюмировалъ богатое обра-

зованіе нѣмецкаго идеализма въ величественной системѣ. Онъ отвелъ всѣ источники и потоки нашего классическаго вѣка въ одно русло, гдѣ они замерзли затѣмъ въ ледяной атмосферѣ реакціи. Но опрометчивые глупцы, которые мнили себя въ полной безопасности за этими ледяными массами и неумѣренно ликовали, когда отважные враги срывались внизъ съ ихъ гладкихъ и крутыхъ склоновъ, эти глупцы и не подозрѣвали, что съ наступленіемъ весеннихъ бурь скованныя воды растаютъ и устремятся опустошительнымъ потокомъ на нихъ самихъ.

До перваго дуновенія этихъ бурь дожилъ еще самъ Гегель. Онъ отнесся отрицательно къ іюльской революціи, а первый проектъ англійскаго билля объ избирательной реформѣ назвалъ раной „въ благородныя внутренности" англійской конституціи. Тогда масса слушателей покинула Гегеля и ушла къ его ученику Эдуарду Гансу, который читалъ лекціи о философіи права своего учителя, но выдвигая впередъ ея революціонную сторону и рѣзко полемизируя противъ исторической школы права. Въ Берлинѣ говорили въ то время, что великій мыслитель умеръ отъ испытаннаго по этому случаю огорченія, а не отъ холеры.

Глава IV.

Тридцатые годы.

---

1. Дѣйствіе іюльской революціи.

Іюльская революція нашла могучій откликъ въ Бельгіи, Италіи, Польшѣ, она пробудила новую жизнь и въ Германіи, но здѣсь она не зажгла никакого національнаго движенія, для котораго отсутствовали еще всѣ экономическія предпосылки. Она пошатнула менѣе значительныя изъ тридцати съ чѣмъ-то нѣмецкихъ отечествъ, но въ прочихъ отношеніяхъ дала пока только толчокъ къ національной манифестаціи.

Предметомъ этой манифестаціи были остатки польской арміи, которая была разсѣяна послѣ доблестной борьбы съ русскими войсками. Траурное шествіе польскихъ бѣглецовъ черезъ Германію превратилось въ настоящее тріумфальное шествіе. Всѣ буржуазные круги инстинктивно чувствовали, что геройская борьба поляковъ противъ Россіи была также борьбой противъ нѣмецкихъ деспотовъ. Энтузіазмъ, вызываемый поляками, разбудилъ для нѣмецкой мелкой буржуазіи ея величайшаго агитатора въ лицѣ Роберта Блюма; онъ заронилъ въ душу подрастающаго дворянчика фонъ-Бисмарка ту неискоренимую ненависть къ полякамъ, которая спустя цѣлыхъ полвѣка нашла себѣ выходъ въ слѣпой политикѣ насилія. Въ какой мѣрѣ этотъ энтузіазмъ стоялъ на правильномъ пути, показало впослѣдствіи то, что прусскія вооруженія противъ польскаго возстанія поглотили почти 40 милліоновъ талеровъ и надолго нанесли ударъ финансамъ и военнымъ силамъ абсолютизма.

Если нѣмецкая буржуазія не созрѣла еще для національнаго движенія, то нѣмецкій пролетаріатъ не былъ еще зрѣлъ для движенія соціальнаго. Въ Ахенѣ и Эйпенѣ рабочіе, подстегиваемые тяжкой нуждой, разрушили машины и машиностроительные за-

воды. Торговая палата, промышленный судъ и даже окружныя правительственныя власти были достаточно умны, чтобы понять причины безпорядковъ; онѣ просили запретить выдачу рабочей платы товарами и произвольные штрафы. Но берлинское правительство оставалось глухо. Тѣмъ больше было оно напугано, когда портняжные подмастерья, встревоженные конкуренціей портнихъ, устроили подъ окнами короля шумъ; министръ иностранныхъ дѣлъ довольно комично жаловался въ дипломатическихъ депешахъ по поводу „этого новаго симптома того духа безумія и шарлатанства, который можетъ скоро обратить всю Европу въ сумасшедшій домъ", а правительство считало блестящимъ успѣхомъ то, что вооруженная сила разогнала портняжный бунтъ, дѣйствуя плашмя однимъ холоднымъ оружіемъ и не пуская въ ходъ пушекъ. Что касается буржуазныхъ классовъ, то они держали себя въ Пруссіи еще совсѣмъ тихо.

Нѣсколько дѣятельнѣе они были въ остальной сѣверной Германіи. Въ Брауншвейгѣ они прогнали за рубежъ злого деспота-пигмея, въ Касселѣ они постарались путемъ сорегентства сдѣлать болѣе или менѣе безвреднымъ такого же негоднаго князя. Большее значеніе имѣло то обстоятельство, что въ сѣверо-германскихъ государствахъ средней величины удалось вымести до нѣкоторой степени феодальный мусоръ. Въ Ганноверѣ этотъ результатъ былъ достигнутъ благодаря студенческимъ волненіямъ въ Геттингенѣ и угрожающему поведенію крестьянства; въ Саксоніи — благодаря уличнымъ безпорядкамъ, — особенно въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ,—которые ближайшимъ образомъ были направлены противъ мелочной тираніи городской олигархіи, но при общемъ броженіи въ странѣ привели все-таки къ кое-какимъ реформамъ. Въ общемъ итогѣ сѣверо-германское движеніе было такое скромное или устранило столь невыносимыя злоупотребленія, что союзный сеймъ волей неволей покорился.

Иначе отнесся сеймъ къ возбужденію среди южно-германской мелкой буржуазіи. Отчасти и здѣсь дѣло шло объ упраздненіи феодальныхъ оброковъ и барщинъ, какъ въ Баденѣ и Гессенѣ, но по существу южно-германское движеніе было направлено противъ позорныхъ карлсбадскихъ постановленій. Цѣлью его были, въ особенности, расширеніе полномочій земства и свобода печати; наиболѣе смѣлые доходили въ своихъ пожеланіяхъ до „соединенныхъ свободныхъ штатовъ Германіи". Движеніе имѣло вполнѣ мелко-буржуазный характеръ: рядомъ съ энергичными элементами

много болтуновъ, мужественная стойкость въ очень дѣтскихъ часто формахъ, большая неясность идей, которую шумныя фразы скорѣе разоблачали, чѣмъ скрывали, въ общемъ — много дыму и мало огня. Центромъ его былъ рейнскій Пфальцъ, не только потому, что французское право давало ему здѣсь бóльшую свободу дѣйствія, но и потому, что мелкое крестьянство и мѣщанство этой маленькой страны терпѣло тяжелую матеріальную нужду. Запертое баденской, гессенской, прусской и французской таможенными линіями, населеніе Пфальца задыхалось въ богатствѣ своихъ продуктовъ. Бутылка вина продавалась по одному крейцеру, и такъ же низки были цѣны на хлѣбъ и мясо. Крестьяне и ремесленники не въ состояніи были больше платить свои общинныя и государственныя подати, вносить проценты по закладнымъ; въ городахъ и деревняхъ продажи съ молотка стали обыденнымъ явленіемъ. При этомъ Пфальцу приходилось еще вносить ежегодно въ баварскую государственную кассу нѣсколько милліоновъ,—тяжелое бремя, не становившееся болѣе пріятнымъ оттого, что Пфальцъ не имѣлъ ничего общаго съ Баваріей по своей исторіи, обычаямъ и нравамъ, и что онъ относился къ Мюнхену приблизительно съ такими же благожелательными чувствами, съ какими населеніе рейнской Пруссіи относилось къ Берлину.

Во главѣ пфальцской агитаціи стояло нѣсколько писателей, изъ которыхъ самымъ даровитымъ и энергичнымъ былъ Виртъ изъ Франконіи. Онъ сталъ перекочевывать со своей газетой изъ одного пфальцскаго города въ другой, какъ только ему опечатали его ручной станокъ, и дѣйствительно нашелъ нѣкоторую защиту отъ преслѣдованій баварской полиціи во французскомъ судопроизводствѣ. Виртъ основалъ союзъ печати, задачею котораго была провозглашена „организація германской имперіи въ демократическомъ духѣ“, и вмѣстѣ со своими товарищами созвалъ на 27 мая 1832 г. въ гамбахскій замокъ собраніе всѣхъ нѣмцевъ, чтобы отпраздновать „нѣмецкій май“. Подъ развѣвающимися нѣмецкими и польскими флагами 20-тысячное собраніе воспламеняло себя шумихой фразъ, подчасъ очень страшно звучавшихъ, но въ общемъ безобидныхъ. Благодаря этому „всенѣмецкому празднику“ окончательно созрѣли планы, давно уже обдумывавшіеся реакціей, и четыре недѣли спустя были обнародованы извѣстныя 6 статей, которыми накладывалось ярмо союзнаго сейма на южно-германскіе ландтаги и учреждалась союзная комиссія д... полицейскаго надзора надъ ними.

Сила южно-германскаго движенія была этимъ сломлена; оно умерло, сдѣлавъ еще нѣсколько послѣднихъ конвульсивныхъ попытокъ. Немногіе радикальные элементы, главнымъ образомъ изъ студенческихъ круговъ, организовались тайно, чтобы продолжать сопротивленіе. Въ количествѣ 50-ти съ чѣмъ-то человѣкъ они задумали произвести во франкфуртской гауптвахтѣ переворотъ противъ союзнаго сейма. Незрѣлое возстаніе было выдано полиціи еще задолго до того, какъ оно вспыхнуло, и кончилось жалкой неудачей еще раньше, чѣмъ началось какъ-слѣдуетъ. Австро-прусская реакція не замедлила, однако, использовать необдуманную революціонную попытку. Подобно тому какъ Меттернихъ воскликнулъ послѣ Гамбаха, что „гамбахскій праздникъ, если хорошо использовать его, можетъ стать праздникомъ благонамѣренныхъ", такъ Ансильонъ писалъ теперь изъ Берлина: „франкфуртское покушеніе можетъ спасти Германію, если поторопиться эксплуатировать это событіе". Надъ страною разлилась волна тяжкихъ насилій: неугодныя реакціи книги были изъяты изъ обращенія, неугодныя газеты запрещены, неугодныя лица отправлены въ изгнаніе или брошены въ тюрьмы, подвергнуты пыткѣ жестокаго предварительнаго заключенія безъ всякихъ уликъ или по дѣтскимъ поводамъ, приговорены раболѣпными судами къ медленному умиранію въ крѣпостныхъ казематахъ или одиночныхъ камерахъ каторжныхъ тюремъ.

Послѣдняя вспышка южно-германскаго движенія имѣла мѣсто въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ. Здѣсь вступилъ на престолъ въ 1830 г. неспособный государь, и министръ дю-Тиль внесъ въ ландтагъ предложеніе взять на счетъ казны долги въ два милліона гульденовъ, которые новый „отецъ страны" надѣлалъ еще въ то время, когда готовился къ своему высокому призванію. Предложеніе было настолько дерзко, что послушный обыкновенно ландтагъ на этотъ разъ отклонилъ его. На 700 тысячахъ жителей маленькой страны лежали и безъ того непосильные налоги, вдвое тяжелѣе еще давившіе бѣдное крестьянское населеніе, которое пришло въ особенный упадокъ въ Оберъ-Гессенѣ, подъ бременемъ феодальныхъ повинностей въ пользу медіатизированныхъ владѣтельныхъ особъ. Осенью 1830 г. верхне-гессенскіе крестьяне возмутились и двинулись толпами по странѣ, разнося гдѣ таможню, а гдѣ поджигая дома полицейскихъ приставовъ. Этимъ моментомъ воспользовался дю-Тиль, чтобы возстановить при дворѣ свой престижъ, сильно пошатнувшійся вслѣдствіе его пораженія въ ландтагѣ. Онъ поставилъ

во главѣ храбраго воинства брата великаго герцога, и этотъ герой приказалъ своимъ драгунамъ атаковать при деревнѣ Зёделѣ безоружныя толпы крестьянъ, не предложивъ имъ даже предварительно разойтись, такъ что между прочими были ранены и убиты люди, какъ разъ старавшіеся разумными увѣщаніями убѣдить возмутившихся крестьянъ въ безнадежности ихъ начинанія. „Зёдельская кровавая баня", какъ она была названа въ народѣ, опять сдѣлала Тиля всемогущимъ пашею, но оставила въ массахъ сильное озлобленіе.

Вождемъ гессенскихъ либераловъ былъ ректоръ Вейдигъ изъ Буцбаха, старый корпорантъ христіанско-германскаго направленія, энтузіастъ имперіи и императора и ненавистникъ французской революціи, но человѣкъ твердаго характера и съ сильно развитымъ чувствомъ справедливости. Среди руководителей южно-германскаго движенія, оставшихся на свободѣ и въ странѣ, онъ былъ единственнымъ, не отступившимъ подъ малодушнымъ предлогомъ законности, когда насильническая политика союзнаго сейма сдѣлала незаконною публичную агитацію. Въ тайныхъ обществахъ, въ тайныхъ листкахъ онъ старался разжигать оппозицію противъ мелочнаго деспотизма дю-Тиля. Около начала 1834 г. къ нему примкнулъ Георгъ Бюхнеръ, 20-лѣтній студентъ естественнаго факультета, уже два года слушавшій лекціи въ Страсбургѣ. Бюхнеръ былъ необыкновенно рано развившійся юноша, не только свободный мыслитель въ области религіи, но и—что было гораздо важнѣе—съ такимъ яснымъ взглядомъ на политическіе вопросы, какого мы не встрѣчаемъ ни у кого изъ людей, политически выдвинувшихся въ тогдашней Германіи. Не то чтобы онъ былъ соціалистомъ въ англійско-французскомъ или даже нынѣшнемъ смыслѣ слова; нѣтъ, онъ насмѣхался надъ сенъ-симонизмомъ, курьезный экземпляръ котораго встрѣтился ему разъ въ Страсбургѣ. Въ полную противоположность утопистамъ онъ понималъ французскую революцію, и почерпнулъ изъ нея убѣжденіе, что деспотизмъ можетъ быть низвергнутъ только силою, но всякая политическая революція безъ матеріальнаго основанія, безъ неотложной потребности народныхъ массъ должна потерпѣть неудачу. Никогда,—писалъ Бюхнеръ своимъ родителямъ изъ Страсбурга,—онъ не будетъ впутываться въ гиссенскую захолустную политику и революціонныя ребячества; отъ души сожалѣя о жертвахъ франкфуртскаго покушенія, онъ не могъ постигнуть ослѣпленія тѣхъ, которые видѣли въ нѣмцахъ народъ, подготовленный къ борьбѣ за свои права,

Какъ уроженецъ Гессена, Бюхнеръ принужденъ былъ осенью 1833 г. переселиться на остальное время своего университетскаго курса въ Гиссенъ. Въ этомъ маленькомъ захолустьѣ, окруженный безцвѣтнымъ ландшафтомъ, онъ впалъ въ глубокую хандру. Политическія условія давили его; по его собственнымъ словамъ, онъ стыдился быть лакеемъ вмѣстѣ съ лакеями, угождать ветхому княжескому роду и пресмыкающейся чиновничьей аристократіи. Не меньшее отвращеніе внушала ему дѣятельность буршеншафтства. Хотя въ Гиссенѣ оно искони было сравнительно радикально, однако и здѣсь оно не хотѣло отказаться отъ романтической мишуры своихъ цвѣтныхъ лентъ. Тщетно Бюхнеръ старался убѣдить „землячество", что его долгъ дружно примкнуть къ освободительной борьбѣ бюргерства,—дѣтское тщеславіе не позволяло сидѣть на одной скамьѣ съ ремесленными подмастерьями. „Мои друзья покидаютъ меня; мы, какъ глухіе, не слышимъ другъ друга",—писалъ Бюхнеръ своей невѣстѣ. Нѣсколько студентовъ примкнули все-таки къ нему, изъ нихъ особенно тѣсно—богословъ Августъ Беккеръ, толковая, но запущенная голова. Отъ Беккера Бюхнеръ услыхалъ о заговорѣ Вейдига, и революціонное стремленіе къ дѣйствію увлекло его къ попыткѣ создать для тайной агитаціи болѣе широкое основаніе и болѣе высокія цѣли. На этой почвѣ ему пришлось довольно скоро столкнуться съ Вейдигомъ. Единственный летучій листокъ, написанный Бюхнеромъ, „Der Hessische Landbote", былъ жестоко изуродованъ Вейдигомъ,—которому принадлежала тайная типографія въ Оффенбахѣ,—и искаженъ путемъ вставки энергичныхъ цитатъ изъ Библіи. Но и въ этомъ видѣ онъ обдаетъ читателя словно густымъ дождемъ искръ отъ пожара великой французской революціи. Языкъ далекъ отъ напыщеннаго стиля тогдашняго либерализма: онъ простъ, ясенъ, оживляется удачными сравненіями, исполненъ революціонной страсти. Соціалистическихъ нотокъ въ немъ, однако, не замѣтно. Бюхнеръ обращается къ гессенскимъ крестьянамъ съ бурнымъ призывомъ—разрушить твердыни своихъ господъ, подобно тому какъ многочисленныя возстанія французскихъ крестьянъ были прологомъ къ 1789 году.

Успѣха этотъ листокъ не имѣлъ. Либеральнымъ участникамъ заговора онъ показался „слишкомъ рѣзкимъ, даже отвратительнымъ", а оппозиціонный духъ крестьянъ былъ основательно сломленъ подъ тяжелой рукой дю-Тиля. Они трусливо выдали властямъ листки „Гессенскаго Сельскаго Вѣстника", которые были въ ночное время положены у ихъ оконъ и дверей, а остальная часть изданія

попала благодаря измѣнѣ въ руки правительства. Предатель Куль, буцбахскій бюргеръ, уже въ маѣ 1833 г. заключилъ свой договоръ съ дю-Тилемъ и самимъ великимъ герцогомъ, но какъ методическій мошенникъ онъ продавалъ заговорщиковъ постепенно, одну голову за другой, а тѣмъ временемъ работалъ среди нихъ, какъ провокаторъ. Только весною 1835 г. сѣть затянулась надъ самыми цѣнными жертвами, надъ Бюхнеромъ и Вейдигомъ. Бюхнеръ провелъ зиму у своихъ родителей въ Дармштадтѣ и основалъ здѣсь небольшое тайное общество, собиравшееся по ночамъ въ маленькой бесѣдкѣ. Уже тѣсно окруженный сыщиками дю-Тиля, онъ написалъ свою драму „Смерть Дантона", безформенно-могучее поэтическое произведеніе, гдѣ въ отрывистыхъ, какъ бы въ лихорадочномъ возбужденіи набросанныхъ сценахъ предъ нами возстаетъ эпоха террора во всемъ ея жуткомъ величіи. Въ послѣдній моментъ Бюхнеру удалось все-таки бѣжать, сначала въ Страсбургъ, а оттуда въ Цюрихъ, гдѣ онъ скончался отъ горячки въ февралѣ 1837 г., не имѣя еще и 24 лѣтъ отъ роду.

Немногими днями послѣ смерти Бюхнера покончилъ ужаснымъ самоубійствомъ и Вейдигъ. Его дю-Тиль успѣлъ во время схватить; искушенный во всѣхъ отрасляхъ реакціоннаго ремесла, между прочимъ и въ умѣніи дѣлать юстицію проституткой силы, дю-Тиль въ лицѣ судебнаго слѣдователя Георги далъ благородному мечтателю жестокаго, страдающаго запоемъ палача. Въ безконечныхъ пыткахъ душевная сила Вейдига была сломлена. Когда затѣмъ и его тѣло было опозорено плетью, то онъ избралъ добровольную смерть и осколками стекла разрѣзалъ себѣ жилы. Еще была возможна помощь, когда дѣяніе было открыто, но Георги и его помощники дали несчастному истечь кровью. Дю-Тиль же наградилъ палача орденомъ и при поддержкѣ властей добился его избранія въ палату. Неслыханное злодѣяніе вырвало у безгласнаго народа крикъ безсильнаго гнѣва и неискупленнымъ оно не осталось. Судьба Вейдига опредѣлила будущность тогда еще 11-лѣтняго мальчика, который находился въ родствѣ съ нимъ: имя этого мальчика было Вильгельмъ Либкнехтъ.

---

2. Хозяйственный прогрессъ. Новая литература.

Около середины 30-хъ гг. въ Германіи снова водворился покой кладбища. Но если князья, какъ подобаетъ государственнымъ му-

жамъ, взирали съ чувствомъ удовлетворенія на этотъ результатъ своихъ патріотическихъ усилій, то имъ и не приходило въ голову, что въ это самое время они успѣшнѣе всѣхъ демагоговъ работали надъ подрываніемъ своего величества „Божіей милостью". Съ 1 января 1834 г. вступилъ въ жизнь прусско-германскій таможенный союзъ, открывшій для свободнаго внутренняго оборота область приблизительно въ 8000 кв. миль, съ населеніемъ около 30 милл. жителей, и въ то же время противопоставившій ее, какъ единое цѣлое, иностраннымъ торговымъ державамъ. Спустя годъ была построена первая германская желѣзная дорога между Нюрнбергомъ и Фюртомъ. Медленно, но неудержимо Германія двигалась къ великому потоку всемірнаго торговаго оборота.

Исторія возникновенія таможеннаго союза является траги-комическимъ примѣромъ того, какъ неразуміе правителей побѣждается экономической необходимостью. Въ то время какъ почти всѣ европейскія государства защищали себя пошлинами, раздробленная Германія была открыта для побѣдоносной иностранной конкурренціи и наводнялась въ особенности англійскими товарами, сбытъ которыхъ такъ долго былъ задерживаемъ континентальной системой. Дѣло обстояло такъ, какъ его изображали нижне-рейнскіе фабриканты въ петиціи къ прусскому королю: „наши промыслы лишены доступа ко всѣмъ рынкамъ Европы изъ-за таможенныхъ линій, тогда какъ всѣ промыслы Европы имѣютъ въ Германіи открытый рынокъ". Но у германской промышленности не было и внутренняго рынка, ибо вся Германія была изрѣзана безчисленными таможенными линіями, такъ что французу де-Прадту нѣмцы казались арестантами, имѣющими право сообщаться другъ съ другомъ только черезъ рѣшетки. То, что составляло предметъ насмѣшки для иностранцевъ, было идеаломъ нѣмецкихъ деспотовъ, торговая и экономическая политика которыхъ опредѣлялась только династическими интересами, а то и просто личными капризами. Но они были бѣдны, очень бѣдны, и жажда золота укрощала верховную самонадѣянность. Финансовыя соображенія заставили Пруссію уже въ 1818 г. снести всѣ внутреннія таможенныя заставы и заключить все государство въ одну таможенную линію, какъ ни трудно было взиманіе пошлинъ по далеко растянувшимся и сильно изломаннымъ границамъ. Благодаря этому среднія и мелкія нѣмецкія государства, почти всѣ задѣвавшіяся прусской таможенной границей, попали изъ огня въ полымя. Какъ бы ясно они ни видѣли, что прусско-германскій та-

моженный союзъ есть начало прусскаго преобладанія, но у нихъ не было другого выбора. Они упирались, сколько могли, но ихъ растущая финансовая нужда рѣшила вопросъ, и одно за другимъ они заявили о своемъ желаніи вступить въ таможенный союзъ. Такъ какъ правительства были озабочены только финансовымъ доходомъ отъ пошлинъ, а покровительство промышленности либо совсѣмъ не имѣлось въ виду, либо стояло далеко на второмъ планѣ, то германскій тарифъ сталъ либераленъ, какъ ни въ одномъ изъ другихъ большихъ государствъ континента. Правда, большинство фабрикантовъ взывало о болѣе высокихъ пошлинахъ, но они тѣмъ менѣе въ состояніи были подѣлать что-либо съ правительствами, что крупное землевладѣніе было, по причинѣ хлѣбнаго экспорта, пылкимъ сторонникомъ свободы торговли.

Зато молодая буржуазія была движущей силой при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Германія была бѣдна хорошими сухопутными и водными дорогами; въ 1831 г. въ Пруссіи не было и 1100 миль шоссейныхъ дорогъ. Тѣмъ быстрѣе поняли свой интересъ въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ рейнская и саксонская промышленность и болѣе крупные торговые города, какъ Лейпцигъ и Магдебургъ. Деспотамъ и ихъ слугамъ дѣло показалось сначала въ высшей степени подозрительнымъ. Прусскій генералъ-почтмейстеръ Наглеръ, ярый гонитель демагоговъ, организовавшій en grand шпіонское вскрытіе писемъ, рьяно выступилъ противъ „чрезвычайно ограниченнаго и второстепеннаго средства сообщенія“ и встрѣтилъ милостивое вниманіе со стороны Фридриха-Вильгельма III, который считалъ свое „Божіей милостью“ въ опасности, если ему придется поѣхать изъ Берлина въ Потсдамъ въ одномъ поѣздѣ со своими любезными подданными. Нѣкоторое удовольствіе новые желѣзные пути внушали только фантазерамъ среди князей, какъ королю баварскому или наслѣдному принцу прусскому, но и тѣ не имѣли никакого предчувствія объ ихъ революціонизирующемъ хозяйственномъ значеніи. Неразуміе государей часто создавало препятствія надлежащему устройству германской желѣзнодорожной сѣти, но совершенно помѣшать ему оно не могло. Желѣзныя дороги пробили первую крупную брешь въ китайской стѣнѣ партикуляристскихъ предразсудковъ. Прошло немного времени, и Карлъ Бекъ пророчески воспѣлъ рельсы,—въ поэтическомъ образѣ сомнительной художественности, — какъ свадебныя ленты, какъ свѣже отлитыя обручальныя кольца странъ. Желѣзныя дороги открыли для разработки минеральныя сокровища германской почвы,

богатой желѣзомъ и каменнымъ углемъ; онѣ дали могучій толчокъ крупной промышленности, которая начала теперь проникать также въ южную Германію и создавать свои центры въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Мангеймѣ. Быстро выростали заводы для машиностроенія, напр. Борзига въ Берлинѣ и Крамеръ-Клетта въ Нюрнбергѣ.

Однако ремесло все еще значительно преобладало въ Германіи, и послѣдній расцвѣтъ свой оно пережило во время хозяйственнаго подъема 30-хъ гг. Правда, отдѣльные промыслы уже пострадали отъ конкурренціи крупныхъ предпріятій, напр., мыловары, кожевники, перчаточники, шляпочники, горшечники, но за то другіе, какъ механики, слесари, каменотесы выиграли именно благодаря занятіямъ, которыя дала имъ крупная промышленность; въ этомъ смыслѣ выигрышъ и потери, вѣроятно, уравновѣшивались. Въ общемъ счетѣ ремесло поднялось; число занятыхъ въ немъ лицъ возросло сравнительно быстрѣе, чѣмъ общая цифра населенія, чтó особенно обнаружилось въ важныхъ промыслахъ булочниковъ и мясниковъ, которые обыкновенно держатся на одинаковой высотѣ съ возрастающимъ или убывающимъ населеніемъ. Но тутъ выступила также съ большею рѣзкостью соціальная противоположность между мастерами и подмастерьями. Въ двадцатыхъ годахъ свободныя мѣста ремесла постепенно заполнились, и для того, чтобы устроиться самостоятельно, требовались уже, особенно въ болѣе значительныхъ городахъ, нѣкоторыя средства; здѣсь предпріятія увеличивались по своимъ размѣрамъ, но они не росли численно. Части подмастерьевъ приходилось поэтому отказаться отъ надежды стать когда-либо мастерами. Когда въ 18-мъ столѣтіи ремесло бывало переполнено, то избытокъ уходилъ въ наемныя арміи; этотъ отливъ прекратился, или же—поскольку онъ существовалъ въ какой-либо другой формѣ—онъ не представлялъ ничего привлекательнаго для энергичныхъ элементовъ сословія подмастерьевъ, участвовавшихъ въ революціонныхъ движеніяхъ послѣ 1830 г. Политическая и соціальная нужда гнала ихъ за рубежъ, въ Англію, Францію, Швейцарію. По тѣмъ же причинамъ впервые приняла широкіе размѣры эмиграція въ Соединенные Штаты: туда переселились за 10-лѣтіе болѣе 150 тыс. нѣмцевъ, противъ неполныхъ 8 тыс. въ 20-хъ гг.

Какъ всегда, рядомъ съ экономическимъ прогрессомъ шелъ прогрессъ естественныхъ наукъ. На первомъ мѣстѣ стояла при этомъ химія, для которой геніальный Либихъ открылъ новые пути; имъ была открыта въ Гиссенѣ первая химическая лабораторія

при германскомъ университетѣ. Въ Берлинѣ вокругъ Александра Гумбольдта группировались видные естествоиспытатели: Эренбергъ, Дове, оба Розе, Іоганнъ Мюллеръ. Противъ историческихъ наукъ, какъ онѣ преподавались до тѣхъ поръ въ нѣмецкихъ университетахъ и гимназіяхъ, стало обнаруживаться сильное нерасположеніе въ расцвѣтающихъ городахъ: они основывали политехникумы, промышленныя дополнительныя школы, коммерческія училища. Южно-германскія правительства принимали въ этомъ нѣкоторое участіе, чтобы способствовать развитію ремесла; напротивъ, все, что дѣлала для содѣйствія промышленному развитію Пруссія, шло на пользу только крупному капиталу, къ которому прусскій деспотизмъ, при всемъ недовѣріи къ революціонному дѣйствію промышленности, все-таки инстинктивно благоволилъ, какъ къ новой силѣ эксплуатаціи и угнетенія.

Затѣмъ начался также ледоходъ въ литературной и политической области. Прежде всего безжизненныхъ массъ коснулось горячее дуновеніе іюльской революціи. Въ желѣзныхъ стихахъ Платенъ заклеймилъ палачей Польши, затѣмъ Бёрне и Гейне открыли жестокій перекрестный огонь противъ нѣмецкаго деспотизма. Они поспѣшили въ Парижъ, гдѣ со страстнымъ участіемъ пережили послѣдній энтузіазмъ и первое разочарованіе іюльской революціи. Скоро Бёрне сталъ осыпать насмѣшками іюльскую монархію, какъ урода о двухъ спинахъ, предназначеніе котораго получать удары съ обѣихъ сторонъ. Бёрне выросъ въ гетто Франкфурта-на-Майнѣ, вольнаго города, гдѣ безслѣдно исчезъ духъ величайшаго изъ его сыновъ, духъ Гете, гдѣ рядомъ со старымъ хламомъ, оставшимся отъ средневѣковаго величія, политическое убожество настоящаго осязательно воплотилось въ союзномъ сеймѣ, гдѣ изъ самаго грязнаго въ мірѣ еврейскаго переулка вышла величайшая финансовая династія 19-го вѣка, гдѣ продажная денежная олигархія умѣла соединить черствое угнетеніе и жалкій мѣщанскій духъ съ космополитической погоней за наживой. Всѣ эти острыя противорѣчія слишкомъ глубоко запечатлѣлись съ молодыхъ лѣтъ въ мягкомъ характерѣ Бёрне, чтобы его проницательный умъ могъ сгладить ихъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, какого онъ достигъ уже въ описываемое нами время. Онъ любилъ Германію, любилъ свободу, и энергичные удары его сыпались на тѣхъ, которые презирали ее, но не могъ стать ея спасителемъ человѣкъ, бранившій Гёте риемованнымъ, а Гегеля нериемованнымъ холопомъ. Несравненно болѣе богатой натурой былъ Гейне, сынъ промышлен-

наго нижняго Рейна, самый нѣжный лирикъ, какого Германія видѣла послѣ юныхъ дней Гёте, и притомъ свѣдущій ученикъ Гегеля. Когда до него дошла на Гельголандѣ вѣсть о великой іюльской недѣлѣ, онъ весь былъ радость и пѣніе, весь—мечъ и пламя. Раньше онъ пропѣлъ лебединую пѣснь романтики и въ наполеоновскомъ культѣ своихъ „Путевыхъ картинъ" защищалъ буржуазную культуру рейнскихъ областей противъ феодальной некультурности прусскаго юнкерства. Теперь онъ съ геніальнымъ пониманіемъ схватилъ глубокую сущность французскаго соціализма. Онъ растолковывалъ французамъ тайны нѣмецкой философіи и предсказалъ то, о чемъ тогда никто еще не имѣлъ предчувствія,—что нѣмецкіе ремесленные подмастерья и рабочіе явятся наслѣдниками нашихъ великихъ философовъ.

Платенъ, Бёрне, Гейне вели борьбу за-границей; подъ гнетомъ нѣмецкой цензуры ихъ свободное и смѣлое слово было невозможно. Но около середины описываемаго 10-лѣтія, вмѣстѣ съ экономическимъ поворотомъ, стали и въ самой Германіи пробиваться изъ-подъ ледяного покрова, сковывавшаго литературу, разные большіе и маленькіе ключи. Въ одинъ годъ съ проведеніемъ первой въ Германіи желѣзной дороги появился цѣлый рядъ значительныхъ литературныхъ произведеній: „Исторія германской поэзіи" Гервинуса, которая стремилась выковать изъ нашей классической литературы оружіе для политической освободительной борьбы нѣмецкаго бюргерства, „Эпигоны" Иммермана, рисовавшіе классовую борьбу между феодализмомъ и промышленнымъ строемъ, первыя стихотворенія Фрейлиграта, которыя въ яркихъ краскахъ развертывали предъ читателемъ область всемірной торговли, „Мадонна" Мундта и „Валли" Гуцкова, которыя окольнымъ путемъ философіи и религіи стремились къ лаврамъ Бёрне и Гейне, наконецъ—„Жизнь Христа" Штрауса.

Но революціонное дѣйствіе оказало только это ученое сочиненіе швабскаго теолога, лежавшее, казалось, особенно въ сторонѣ отъ борьбы настоящаго. Труды Гервинуса остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, ибо въ немъ самомъ слишкомъ глубоко еще сидѣлъ филистеръ, чтобы онъ могъ обращать въ свою вѣру другихъ филистеровъ; классическую литературу онъ довольно часто неправильно понималъ, а классической философіи онъ совершенно не понималъ. Молодой Фрейлигратъ пребывалъ въ состояніи политической невинности, а старшій Иммерманъ самъ признавался, что у него нѣтъ политической жилки. Съ высокомѣріемъ на-половину старо-

прусскаго чиновника, на-половину потомка Гете, Иммерманъ смотрѣлъ сверху внизъ на средневѣковыя реставраціонныя попытки дворянства, на звонкіе талеры третьяго сословія, на студенческую демагогію, на гегельянствующихъ министровъ: для него совершенно безразлично,—говорилъ онъ,—будетъ ли мейстеръ Гинцъ платить грошеномъ больше налога, или цензура не дозволитъ профессору Кунцу печатать его плохой памфлетъ. Наконецъ, „Молодая Германія"—Мундтъ, Лаубе, Гуцковъ—страдала проклятіемъ половинчатости. Она хотѣла вернуть простымъ смертнымъ отнятыя у нихъ права, но въ то же время она не хотѣла во всемъ видѣть политику, „дѣло королей", въ чемъ Гуцковъ упрекалъ Бёрне. Это значило, по нѣмецкой поговоркѣ, „запрягать лошадей позади воза", ибо въ Германіи все было тогда дѣломъ деспотовъ, и Георгъ Бюхнеръ со свойственной ему ясностью говорилъ, что не въ состояніи понять этихъ половинчатыхъ стремленій.

Въ дѣйствительности, въ писаніяхъ „Молодой Германіи" дѣлалъ свои первые неувѣренные шаги сѣверо-германскій либерализмъ,—эта отъ рожденія путаная голова, съ гегельянской окраской, съ примѣсью романтики и налетомъ сенъ-симонизма. У Мундта мы находимъ даже симпатіи къ „прусскому главенству", а мнимый демагогъ Лаубе ѣздилъ по порученію прусскаго министра полиціи въ Страсбургъ, чтобы представить донесеніе о бонапартистскихъ интригахъ, и написалъ поверхностную исторію литературы, направленную противъ Гервинуса, „доктринерство" котораго онъ не могъ переварить. „Валли" Гуцкова была внушена „Жизнью Христа" Штрауса; очень слабое поэтическое произведеніе, настолько безобидное въ своихъ скептическихъ тенденціяхъ, что благочестивая реакція 50-хъ гг. терпѣла его въ берлинскихъ школьныхъ библіотекахъ, оно при своемъ появленіи навлекло запрещеніе союзнаго сейма на сочиненія Бёрне, Гейне и „Молодой Германіи". Бёрне и Гейне стали отъ этого еще живѣе, но „Молодая Германія" безнадежно захирѣла. Наиболѣе даровитый и честный представитель ея, Карлъ Гуцковъ, призналъ послѣ появленія „*Hallische Jahrbücher*", что продолженіе великой борьбы новаго времени требуетъ иного оружія, чѣмъ то, которымъ онъ владѣетъ.

---

3. Борьба философіи съ романтикой.

У Давида Штрауса революціонная жилка имѣлась такъ же мало, какъ у Иммермана, и, быть можетъ, еще меньше, чѣмъ

у Гуцкова. Это былъ швабскій магистръ и теологъ, еще больше мѣщанинъ, чѣмъ мелкій буржуа, озабоченная натура, съ теченіемъ времени проникавшійся все большимъ сочувствіемъ къ растущей жаждѣ прибыли у растущаго капитала, но постоянно боровшійся противъ революціи въ ея буржуазныхъ формахъ и осыпавшій бранью ея пролетарскія формы. Полу-поэтъ и полу-философъ, онъ блуждалъ сначала въ мистической натурфилософіи Шеллинга, затѣмъ — въ лабиринтѣ магнетизма и сомнамбулизма, пока рознь между сердцемъ и головой не нашла себѣ у него примиренія въ гегелевскомъ дарѣ діалектическаго мышленія. Вооруженный имъ, онъ написалъ свою критику евангельской исторіи умышленно-темнымъ языкомъ школы, чтобы его поняла только оффиціальная ученость.

Тѣмъ не менѣе книга его была подвигомъ, открывшимъ новую эпоху. Библейская критика Реймаруса, съ ея упрощенными доказательствами и плоскими выводами, толкнула нѣкогда философскій духъ Лессинга къ изслѣдованію значенія религій въ жизни человѣчества. Послѣ ряда глубокомысленныхъ работъ нѣмецкая философія религіи нашла затѣмъ свое завершеніе у Гегеля: Богъ былъ воспринятъ въ исторію, а исторія въ Бога. Своей критикой библіи Штраусъ нанесъ первый ударъ этому гордому сооруженію духа. Въ томъ пунктѣ, гдѣ нѣмецкое просвѣщеніе 18-го вѣка перестало быть практичнымъ, тамъ нѣмецкая философія 19-го столѣтія начала опять становиться практичною. Чтó выиграли, однако, общественные интересы отъ „Жизни Христа“ Штрауса? Самъ Штраусъ никогда не умѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и эта мучительная загадка омрачала всю его жизнь. Но она отнюдь не неразрѣшима.

Іюльская революція показала, какъ при свѣтѣ яркой молніи, что мостъ, переброшенный Гегелемъ отъ вѣчнаго разума къ прусской дѣйствительности, былъ въ дѣйствительности сотканъ изъ паутины. Враждебное положеніе, занятое Гансомъ противъ исторической школы, было лишь прелюдіей къ еще болѣе серьезнымъ вещамъ. Если не кто-либо другой, то это поняла все-таки единственная дѣйствительная партія, уже существовавшая тогда: феодальная. Тѣмъ съ большею дерзостью она подняла знамя романтической науки о государствѣ, знамя Адама Мюллера и Галлера; въ прусскомъ наслѣдномъ принцѣ она пріобрѣла могущественнаго покровителя, въ лицѣ Ярке, Лео и Генгстенберга, трехъ бывшихъ членовъ буршеншафтства,—даровитыхъ глашатаевъ, а въ „Евангелическомъ Церковномъ Вѣстникѣ“ и въ „Политиче-

скомъ Еженедѣльникѣ" она создала себѣ вліятельные органы печати. Ея католически окрашенное направленіе было результатомъ ея средневѣковыхъ идеаловъ и опредѣляющаго вліянія французской романтики. Въ заголовкѣ „Политическаго Еженедѣльника" красовалось, въ качествѣ эпиграфа, изреченіе де-Местра, а его редакторъ Ярке открыто перешелъ въ католичество, съ которымъ папское правовѣріе Генгстенберга и историческое міровоззрѣніе Лео и безъ того имѣли близкія точки соприкосновенія. Разъ южно-германскій либерализмъ былъ разбитъ, а либерализмъ сѣверо-германскій шевелился еще словно во снѣ, то само собою вытекало, что романтическая реакція начнетъ наступленіе прежде всего въ религіозной области. Она сдѣлала религію дѣломъ королей и юнкеровъ и завязала споръ скорѣе съ гегелевской философіей религіи, чѣмъ съ его философіей права.

Для нашей классической литературы и философіи истина евангельской исторіи была дѣломъ рѣшеннымъ. Самъ Гегель объявилъ, что въ отношеніи чисто историческаго, конечнаго, внѣшняго священныя повѣствованія должны быть разсматриваемы, какъ свѣтскія. Но на дѣйствительности этихъ повѣствованій покоилась романтическая реакція, вмѣстѣ съ нею она держалась и падала. Поэтому, здѣсь должно было послѣдовать первое столкновеніе между философіей и романтикой. Штраусъ выставилъ то положеніе, что разборъ евангельскаго повѣствованія долженъ быть всецѣло предоставленъ исторической критикѣ. Онъ выполнилъ эту критику съ основательностью, которая сдѣлала разъ навсегда невозможной простодушную вѣру въ историческую истину евангелій. Но если онъ, какъ гегельянецъ, могъ примѣнять совершенно другія орудія критики, чѣмъ Реймарусъ примѣнялъ въ свое время, то онъ приходилъ и къ совершенно инымъ результатамъ. За одно съ Гегелемъ онъ утверждалъ гармонію между божественной и человѣческой природой. Соотвѣтственно съ этимъ евангелія были для него хотя и не исторіей, но и не вымысломъ также, а миѳомъ, народнымъ сказаніемъ, продуктомъ безсознательнаго творчества христіанской общины. Этимъ ничего въ сущности не объяснялось, но абсолютная идея Гегеля была поколеблена. Изъ двухъ противоположностей, высшій синтезъ которыхъ она составляла, субстанціи и самосознанія, Штраусъ выхватилъ таинственную субстанцію, какъ создательницу христіанскаго миѳа. Слѣдовало ожидать, что самосознаніе не дастъ себя такъ легко выпроводить.

Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія объясняется громадное дѣй-

ствіе, которое произвела при своемъ появленіи въ свѣтъ „Жизнь Христа“ Штрауса. Она нанесла уничтожающій ударъ „дѣлу королей“ и завела абсолютную идею Гегеля, въ которой всемірная исторія нашла свое завершеніе, дальше самой себя. Въ то время какъ старшіе гегельянцы продолжали читать тетрадки учителя по ихъ буквальному тексту, младшіе ученики Гегеля пришли къ мысли, что внутреннюю сущность его философіи составляетъ не покой, а безпокойное состояніе, не неподвижность, а развитіе, не система, а методъ. Они сгруппировались вокругъ знамени „*Hallische Jahrbücher*“, издававшихся съ 1838 г. двумя молодыми учеными, Теодоромъ Эхтермейеромъ и Арнольдомъ Руге. Душою предпріятія былъ собственно Арнольдъ Руге, померанецъ съ острова Рюгена, который въ качествѣ стараго члена буршеншафтства сдѣлался жертвой безумной травли „демагоговъ“ и отсидѣлъ 6 лѣтъ въ тюрьмахъ Кёпника и Кольберга. Онъ располагалъ многими качествами хорошаго публициста — философскимъ образованіемъ, трудолюбіемъ, отзывчивостью, боевымъ темпераментомъ—и былъ въ достаточной мѣрѣ тѣмъ грубымъ клиномъ, который подходилъ къ грубой колодѣ реакціи. Но за ослами, быками и лошадиными головами, которые сыпались изъ его устъ, скрывался больше шумливый и придирчивый филистеръ, чѣмъ истинный революціонеръ. Счастливыми браками Руге создалъ себѣ обезпеченное положеніе и, въ качествѣ домовладѣльца, думскаго гласнаго, третейскаго судьи и санитарнаго коммиссара города Галле, даже въ качествѣ подвергшагося преслѣдованію демагога—на основаніи „разныхъ непріятныхъ юридическихъ исторій“ своихъ, какъ онъ выражался—объявлялъ въ пику „вислоухимъ брюзгамъ“ прусскій государственный строй свободнымъ и справедливымъ. Своими „*Hallische Jahrbücher*“ онъ хотѣлъ лишь освѣжить застоявшееся болото старыхъ „Литературныхъ Газетъ“; онъ хотѣлъ снова установить связь между наукой и жизнью, въ противоположность „*Berliner Jahrbücher*“, въ которыхъ старшіе гегельянцы создали себѣ необыкновенно сухой органъ. Во время поѣздки для вербованія сотрудниковъ, онъ собралъ въ германскихъ университетахъ много молодого, но разношерстнаго народа; Лео также принадлежалъ сначала къ сотрудникамъ „*Hallische Jahrbücher*“. Какъ заявлялъ самъ Руге, случилось „весьма противъ его желанія“, что его журналъ такъ скоро сцѣпился съ романтикой.

Реакція инстинктивно почувствовала, что почва колеблется у нея подъ ногами, но неловкими ударами она сама вызвала сопро-

тивленіе, котораго боялась. Тѣ самые гёттингенскіе профессора которые осенью 1837 г. отнеслись весьма покровительственно къ вербовавшему сотрудниковъ Руге, были еще въ томъ же году прогнаны изъ страны своимъ наслѣдственнымъ королемъ за то, что честь была имъ дороже должности. „Свободная и справедливая“ Пруссія поддержала, однако, насильственный актъ гвельфа, и министръ ф.-Роховъ изобрѣлъ тогда крылатое слово объ „ограниченномъ разумѣ“ подданныхъ, чтобы сдѣлать смѣшнымъ одобреніе, которое возбудилъ въ прусскихъ городахъ мужественный поступокъ семи гёттингенцевъ. Въ то же время прусскій деспотизмъ ужасно осрамился, вступивъ, несмотря на свои средневѣково-романтическія симпатіи, въ распрю съ римской куріей по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ и обративъ, благодаря своей жандармской политикѣ противъ католическихъ епископовъ, дѣло ультрамонтанства въ первый, если и не въ послѣдній разъ, въ дѣло гражданской свободы. Прусскіе романтики попали вслѣдствіе этого въ нѣсколько трудное положеніе. Когда Лео узналъ объ арестѣ кёльнскаго архіепископа, онъ готовъ былъ подстрѣлить какъ зайца всякаго гегельянца, но затѣмъ ему волей-неволей пришлось писать противъ „гвельфа“ Гёрреса, который съ ультрамонтанской точки осыпалъ ѣдкой насмѣшкой прусское государство. Этимъ моментомъ воспользовался Руге, чтобы раскритиковать своего друга Лео съ философской точки зрѣнія и окончательно разбить его бредни. Съ своей стороны Лео, который вполнѣ могъ помѣряться съ Руге умомъ, знаніями и—не на послѣднемъ мѣстѣ—грубостью, обрушился на гегельянцевъ, какъ на опасную для государства секту, такъ какъ она отрицаетъ всякаго личнаго Бога, объявляетъ Евангеліе миѳомъ, отрицаетъ безсмертіе и учитъ религіи одной только земной жизни, придавая себѣ несмотря на все это видъ христіанской партіи. Съ этого момента борьба между философіей и романтикой возгорѣлась открыто.

„*Hallische Jahrbücher*“ все еще оставались „гегелевскими христіанами и гегелевскими пруссаками“. Прусское чиновничье и военное государство было ихъ идеаломъ, и за филистерскую статью о Гейне Руге снискалъ одобреніе министерства исповѣданій, въ залахъ котораго оффиціальное гегельянство нашло свое послѣднее прибѣжище. Но въ сравненіи съ кронпринцемъ и его романтической дружиной министръ исповѣданій Альтенштейнъ и его тайный совѣтникъ Іоганнъ Шульце были слишкомъ слабы или слишкомъ боязливы, чтобы позволить себѣ больше, чѣмъ стыд-

ливую терпимость по отношенію къ представителямъ лѣваго гегельянства. На мольбу Руге дать ему, въ признаніе его заслугъ, государственную службу они отвѣтили отказомъ. Такимъ образомъ „*Hallische Jahrbücher*" постепенно переходили въ политическую оппозицію. Они заявляли, что принципъ прусскаго государства, протестантизмъ во всѣхъ его разумныхъ выводахъ, по прежнему представляетъ собою истину, но теперешнее состояніе Пруссіи, противорѣча его развитію и его сущности, не можетъ быть поддерживаемо и несогласно съ истиной. Руге хотѣлъ поэтому и въ литературѣ, и въ политикѣ „затравить на смерть" романтику, но „непрактичная старая дама", какъ онъ называлъ ее, поднялась раньше него и вступила въ лицѣ Фридриха-Вильгельма IV на престолъ, чтобы уготовить „*Hallische Jahrbücher*" т? самую участь, которую они готовили для нея.

Глава V.

Коммунизмъ подмастерьевъ.

---

1. Тайныя общества нѣмецкихъ эмигрантовъ.

Лео и Руге, главные знаменоносцы романтики и философіи, утверждали съ одинаковымъ усердіемъ, что безпощадно воюя другъ съ другомъ, они остаются вѣрными своему буршеншафтскому прошлому. Въ извѣстномъ смыслѣ это могъ утверждать, пожалуй, каждый изъ нихъ. Подъ болѣе сильнымъ напоромъ экономическаго развитія различныя теченія, изъ которыхъ составилось буршеншафтство, должны были разойтись въ разныя стороны. Мало того, большинство академическихъ бунтовщиковъ заключили такой основательный миръ съ предержащими властями, что возбуждали зависть прусскихъ мандариновъ, никогда не уклонявшихся отъ стези праведныхъ; покачивая своими косами, эти мандарины острили, что никто не дѣлаетъ такой быстрой карьеры, какъ раскаявшійся демагогъ.

Однородное раздѣленіе произошло по однородной причинѣ между революціонными элементами, которые реакціонная волна выбросила за предѣлы Германіи,—съ тою лишь разницей, что свободный воздухъ или развитая классовая борьба чужихъ странъ, и не на послѣднемъ также мѣстѣ непрекращающіяся преслѣдованія нѣмецкихъ правительствъ, передвинули центръ тяжести этого раздѣленія не въ реакціонную, а въ революціонную сторону. На нейтральной почвѣ Швейцаріи нѣмецкіе политическіе бѣглецы встрѣтили итальянскихъ и польскихъ товарищей по несчастью, подобно имъ гонимыхъ Меттернихомъ и его прислужниками; во Франціи они познакомились близко съ соціалистическимъ движеніемъ. При такихъ условіяхъ та доля узкаго національзма, какая еще сохранилась у нѣмецкихъ эмигрантовъ, подверглась жестокому испытані ; изъ двухъ главныхъ составныхъ частей эмигра-

ціи подмастерья выдержали это испытаніе лучше, чѣмъ студенты, среди которыхъ только наиболѣе даровитые сумѣли развиться дальше болѣе или менѣе туманнаго радикализма.

Парижъ былъ тогда столицей европейской революціи, и здѣсь возникла въ 1834 г. первая тайная организація нѣмецкихъ эмигрантовъ—„Союзъ изгнанниковъ", послѣ того какъ существовавшее гласно „Народное Общество для поддержки южно-германской оппозиціонной печати" было закрыто французскимъ правительствомъ. По уставу цѣлями союза были: освобожденіе и возрожденіе Германіи, установленіе и поддержаніе политическаго и соціальнаго равенства, свобода, гражданская добродѣтель и національное единство. Союзъ преслѣдовалъ демократическо-республиканскія задачи, какъ французское „Общество правъ человѣка", и подобно ему былъ организованъ въ видѣ іерархически расчлененнаго общества заговорщиковъ, на началѣ безусловнаго послушанія по отношенію къ остававшимся въ тайнѣ старшимъ членамъ. Въ числѣ его руководителей находились два бывшихъ приватъ-доцента: Теодоръ Шустеръ изъ Гёттингена и Якобъ Венедей изъ Гейдельберга, уроженецъ Кёльна, который по требованію своихъ отечественныхъ властей былъ арестованъ за участіе въ гамбахгскомъ праздникѣ, но освобожденъ молодымъ Іоганномъ Филиппомъ Беккеромъ въ Франкенталѣ, когда его провозили въ прусскіе казематы черезъ рейнскій Пфальцъ. Преобладающій контингентъ членовъ союза составляли нѣсколько сотъ ремесленныхъ подмастерьевъ,—не только жившихъ постоянно въ Парижѣ, но и странствовавшихъ подмастерьевъ, которые рано или поздно должны были вернуться въ Германію. Именно эти связи союзу приходилось поддерживать особенно усердно, разъ онъ хотѣлъ завязать сношенія въ Германіи, что́ и удалось ему въ цѣломъ рядѣ крупныхъ городовъ: Ганноверѣ, Бременѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Франкфуртѣ, Майнцѣ. Но союзъ безнадежно погибалъ уже отъ внутренней слабости, когда былъ выслѣженъ въ 1840 г. полиціей.

Зародыши этого упадка можно прослѣдить уже въ первыхъ выпускахъ „*Изгнанника*" („*Der Geächtete*"), — ежемѣсячника, служившаго органомъ союза и издававшагося съ 1834 г. Венедеемъ. Журналъ начинается экзальтированной статьей Бёрне по поводу только что вышедшихъ въ свѣтъ „Словъ вѣрующаго" Ламенэ: Бёрне озаглавилъ свою замѣтку „Спасеніе", заявляя, что религіозный соціализмъ чувства, съ проповѣдью котораго, въ библейскомъ стилѣ, выступилъ прежній защитникъ папскаго міроваго

владычества, открываетъ собою май народовъ. Самъ Венедей взялъ также исходной точкой положеніе Ламеннэ: каждый имѣетъ право сохранять то, что онъ имѣетъ, иначе никто не стремился бы владѣть чѣмъ либо; каждый вправѣ пріобрѣтать трудомъ то, чего онъ не имѣетъ, ибо иначе бѣдность была бы вѣчной. Несмотря на эту дешевую мудрость Венедей,—имени котораго суждено было стать синонимомъ тевтонствующей глупости,—не скупился тогда на энергичныя выраженія. Онъ полагался на пропаганду голода, на кровавомъ боевомъ знамени котораго написано: „намъ нечего производить, намъ нечего ѣсть". Однако онъ силился затушевать выступавшій уже на сцену буржуазно-пролетарскій классовый антагонизмъ. Онъ отрицалъ, чтобы нужда фабричныхъ рабочихъ въ Ліонѣ и Манчестерѣ была особой нуждой, отличающейся отъ общей нужды угнетенныхъ. Политическая свобода принесетъ съ собою и соціальное равенство путемъ поддержанія нуждающагося, путемъ гарантіи необходимаго, путемъ обложенія избытка. Свободное государство обезпечитъ всякому работоспособному и желающему трудиться гражданину приличныя средства существованія. Онъ называлъ сумасбродствомъ споры о томъ, что́ слѣдуетъ дѣлать послѣ побѣды революціи. Когда хищный звѣрь прорываетъ плетень и начинаетъ свирѣпствовать въ стадѣ, то пастухи первымъ дѣломъ убиваютъ его, а затѣмъ уже обсуждаютъ вопросъ, какъ защитить себя лучшей оградой противъ хищныхъ звѣрей.

Противъ этого возсталъ въ пятой книжкѣ журнала Шустеръ. Онъ развивалъ ту мысль, что только лицемѣрный эгоизмъ классовъ создаетъ различныя воззрѣнія на наилучшее устройство государства. Для здоровыхъ и сильныхъ умовъ существуетъ лишь *одна* соціальная истина—равенство людей, и при настоящихъ условіяхъ лишь *одно* средство достигнуть его—революція. „Пусть эти ученія распространяютъ между рабочими классами, не испорченными еще ни превратнымъ знаніемъ, ни снисходительной моралью, — классами, въ средѣ которыхъ только и живетъ еще свѣжее, здоровое чувство и честное безкорыстіе. Настоятельнѣйшіе интересы рабочихъ классовъ требуютъ измѣненія нашего государственнаго строя въ смыслѣ равенства; пусть со знаніемъ дѣла доказываютъ имъ возможность и пользу такого измѣненія,— и несомнѣнно, тогда не нужно будетъ бояться никакихъ партійныхъ раздоровъ". На историческихъ примѣрахъ Шустеръ съ большой проницательностью показалъ безсмысленность игры въ революцію

ради революціи; свободные законы и конституціи никогда не могли бы принести пользы, если бы они не подходили къ организму, который они должны были облечь.

Особенно подробно Шустеръ показалъ на американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, что соціальныя условія господствуютъ надъ политическимъ устройствомъ, а не наоборотъ. „Къ великому счастью для болѣе бѣдныхъ гражданъ Сѣверной Америки населеніе разбросано тамъ на громадной территоріи, вслѣдствіе чего самая многочисленная часть ихъ кормится земледѣліемъ и, такимъ образомъ, живетъ въ извѣстномъ достаткѣ и бóльшей независимости. То обстоятельство, что въ Сѣверной Америкѣ дѣятельно занимаются земледѣліемъ, по необходимости отражается на фабричномъ дѣлѣ и ремеслахъ въ городахъ. Число рабочихъ рукъ тамъ не такъ велико, на работу существуетъ, слѣдовательно, большій спросъ, заработокъ рабочихъ поднимается выше, а вмѣстѣ съ нимъ повышается и ихъ образованіе, ихъ независимость". По этимъ причинамъ мамоново развитіе замедляется въ Соединенныхъ Штатахъ, „но все-таки сцены послѣднихъ выборовъ въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи показываютъ, что невозможно мирное сосуществованіе рядомъ, подъ одной демократической конституціей, двухъ классовъ, до враждебности разобщенныхъ между собою своими интересами и политическими цѣлями; что неизбѣжнымъ исходомъ борьбы явится либо уничтоженіе конституціи, въ ея духѣ или формѣ, либо же полное исчезновеніе привилегированнаго класса вслѣдствіе соціальной революціи". На самомъ дѣлѣ политическіе порядки въ Соединенныхъ Штатахъ „не очень-то ушли впередъ" въ сравненіи съ европейскими монархіями. Въ тѣхъ и другихъ праздность живетъ въ избыткѣ, а трудолюбіе терпитъ лишенія, въ обоихъ властвуютъ богатство и порокъ, а бѣдность и добродѣтель покоряются; и тамъ, и здѣсь нѣтъ другого выхода изъ трудностей настоящаго, какъ черезъ шлюзы соціальной революціи.

Шустеръ выступилъ еще затѣмъ противъ лѣкарства Венедея— обложенія богатыхъ для поддержанія бѣдныхъ. Пусть налоги въ Америкѣ дѣйствительно ниже, чѣмъ въ Европѣ, но развѣ они распредѣлены тамъ справедливѣе? По большей части они сводятся къ косвеннымъ налогамъ и доходу отъ таможенныхъ пошлинъ; такимъ образомъ налоговое бремя давитъ бѣднаго тяжелѣе, чѣмъ богатаго. Пока еще что-то не слыхать, чтобы американскіе государственные вожди на доходъ отъ налоговъ сдѣлали что-нибудь серьезное въ пользу самыхъ необходимыхъ учрежденій для поднятія

благосостоянія рабочихъ классовъ, куда относятся: развитіе среди рабочихъ кооперативнаго дѣла путемъ безпроцентной ссуды капиталовъ, освобожденіе рабочихъ изъ грабительскихъ рукъ капиталистовъ путемъ указанной коопераціи и устройства государствомъ промышленныхъ заведеній для безработныхъ, устройство многочисленныхъ учрежденій для почетнаго призрѣнія сиротъ, необезпеченныхъ стариковъ и инвалидовъ, лишенныхъ средствъ къ существованію. Правда, если правительство Соединенныхъ Штатовъ тратитъ значительную часть государственныхъ доходовъ на облегченіе внутренняго сообщенія путемъ устройства желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и пр., то само по себѣ такое назначеніе не можетъ вызывать порицанія. Но ясно, что такимъ образомъ увеличивается богатство богатыхъ и бѣдность бѣдныхъ. „Я говорю: *увеличивается*, ибо по мѣрѣ сокращенія разстояній и увеличенія быстроты сообщеній страна населяется, умножаются центры промышленности. Оживаетъ дѣятельная конкурренція, конкурренція предпринимательскихъ капиталовъ, конкурренція производящихъ рукъ; цѣны издѣлій падаютъ, но вмѣстѣ съ ними падаетъ также плата за производящую силу. Все предвѣщаетъ крушеніе общественнаго счастья. Среди всеобщаго упадка поднимается вверхъ лишь одно, неизмѣримое, алчное и ненасытное: богатство отдѣльныхъ лицъ, *капиталъ*. Ему достаются плоды чужихъ трудовъ, ему достается наслажденіе разнообразными произведеніями промышленности, утонченнымъ искусствомъ, ему—результаты всѣхъ жертвъ и всѣхъ благодѣяній общественнаго союза. Вмѣстѣ съ богатствомъ растетъ духъ наживы, вмѣстѣ съ духомъ наживы—предпріимчивая изобрѣтательность; возникаютъ машины, замѣняющія трудъ человѣка — новый источникъ безработицы и обнищанія. Такимъ образомъ происходитъ то, что при настоящемъ состояніи нашихъ обществъ всякій прогрессъ въ промышленности, въ искусствѣ означаютъ регрессъ въ счастьѣ гражданъ и въ просвѣщеніи человѣчества".

На основаніи этихъ посылокъ Шустеръ приходитъ къ выводу, „что нашъ народъ, что всѣ народы земного шара поступили бы преступно по отношенію къ своему собственному благу, преступно по отношенію къ человѣчеству, если бы они не извлекли урока изъ неудавшейся республики Соединенныхъ Штатовъ и захотѣли удовольствоваться сверженіемъ ярма королевской власти, чтобы жить затѣмъ въ послушаніи у лавочниковъ. Чтобы для народа наступилъ свѣтъ, ближайшая революція должна поставить себѣ цѣлью не ниспроверженіе *монарха* только, а *монархіи*. Мо-

нархія же состоитъ не въ гербѣ и не въ королевской коронѣ, она заключается въ привилегіи, а привилегіей всѣхъ привилегій является богатство. Пусть топоръ революціи свалитъ этого врага, тогда тронъ, родовое дворянство и владычество торгашей склонятся вмѣстѣ съ нимъ, какъ стѣна вмѣстѣ со своимъ фундаментомъ. Если же она оставитъ его нетронутымъ, то все остальное опять поднимется на его плечахъ, пока новая молнія не разобьетъ новаго сооруженія".

На эти краснорѣчивыя разсужденія Венедей отвѣтилъ общими радикальными фразами, ничего не доказывавшими, кромѣ того, что онъ не понялъ даже мнѣнія Шустера. Въ 1835 г. онъ былъ высланъ французскими властями, а нѣмецкіе ремесленники получили отъ союзнаго сейма приказъ покинуть Парижъ, — мѣры, послужившія естественно къ тому, чтобы еще рѣзче выдвинуть впередъ пролетарскіе элементы „Союза изгнанниковъ". Въ статьѣ о свободѣ, появившейся безъ подписи, но очевидно вышедшей опять изъ-подъ пера Шустера, „*Изгнанникъ*" заявлялъ: „да, мы громко объявляемъ предъ лицомъ друзей и враговъ: наше намѣреніе не заключается въ томъ, чтобы удовольствоваться одной изъ тѣхъ жалкихъ водевильныхъ перемѣнъ правительства или конституціи, которыя въ новѣйшее время такъ часто составляли свое счастье на счетъ народа; наша цѣль заходитъ дальше, и такъ какъ не въ нашемъ характерѣ обманывать кого-либо, въ хорошемъ какъ и въ дурномъ, то мы отнынѣ же громко называемъ ее. Она гласитъ: коренное соціальное и политическое освобожденіе рабочихъ классовъ". Расколъ въ „Союзѣ изгнанниковъ" былъ близокъ.

Вскорѣ послѣ основанія этого союза возникла и въ Швейцаріи первая организація нѣмецкихъ эмигрантовъ. Отсюда Маццини предпринялъ въ февралѣ 1834 г. вооруженное вторженіе въ Савойю, причемъ его поддержали нѣмецкіе революціонеры. Савойскій походъ потерпѣлъ неудачу, и тогда Маццини образовалъ „Молодую Европу" народовъ противъ старой Европы королей. Она состояла изъ „Молодой Германіи", „Молодой Италіи" и „Молодой Польши", къ которымъ впослѣдствіи присоединились „Молодая Франція" и „Молодая Швейцарія". Какъ уже вытекало изъ верховнаго руководства Маццини, „Молодая Европа" была свободна отъ соціалистическихъ тенденцій; въ ея актѣ братскаго единенія, помѣченномъ апрѣлемъ 1834 г., свобода, равенство и гуманность названы въ качествѣ трехъ неприкосновенныхъ началъ, изъ которыхъ единственно

можетъ исходить разрѣшеніе соціальнаго вопроса; въ другомъ воззваніи говорится даже о святости собственности. Тѣмъ не менѣе, по тѣмъ же причинамъ, какъ и „Союзу изгнанниковъ", „Молодой Германіи" приходилось сводить свою дѣятельность къ агитаціи среди нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Швейцаріи. Швейцарское право союзовъ и собраній предоставляло ей большую свободу дѣйствій, чѣмъ „Союзъ изгнанниковъ" имѣлъ въ Парижѣ; ея члены основали публичные рабочіе ферейны для образовательныхъ цѣлей, для чтенія, пѣнія, гимнастики и пр., гдѣ они могли обрабатывать нѣмецкихъ подмастерьевъ и вербовать новыхъ сторонниковъ. „Молодая Германія" распространилась въ Бернѣ, Цюрихѣ, Женевѣ, а затѣмъ и въ Билѣ, Солотурнѣ, Сенъ-Галленѣ, Лозаннѣ и другихъ городахъ Швейцаріи.

Съ парижскимъ союзомъ она поддерживала духовную связь и распространяла, въ качествѣ своихъ программныхъ изданій, „*Изгнанника*" и книгу Ламенне. Рядомъ съ этимъ она издавала полу-прозаическую и полу-поэтическую, полу-кровожадную и полувысокопарную литературу, въ стилѣ того якобинскаго крыла буршеншафтства, которое точило нѣкогда кинжалъ противъ измѣнниковъ-князей и было теперь сильно представлено между основателями „Молодой Германіи". Южно-германскія династіи смотрѣли на все это съ тѣмъ большей тревогой, что на одномъ собраніи нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Штейнгёлцли, близь Берна, ихъ флаги были сорваны и замѣнены черно-красно-золотымъ знаменемъ. Меттернихъ былъ уже сильно напуганъ вторженіемъ Маццини въ Савойю и сталъ черезъ союзный совѣтъ требовать отъ швейцарскаго союзнаго собранія отмѣны права убѣжища для членовъ „Молодой Германіи". Когда собраніе не сразу подчинилось, то Австрія и Пруссія, равно какъ Франція, послали въ Швейцарію тайныхъ сыщиковъ, изъ которыхъ одинъ, прусскій студентъ Лессингъ, былъ убитъ въ Цюрихѣ кинжаломъ, причемъ виновники дѣянія такъ и остались необнаруженными. Германскій союзъ запретилъ студентамъ посѣщеніе швейцарскихъ университетовъ, а ремесленнымъ подмастерьямъ странствованіе по Швейцаріи, но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказалась тогда, какъ и впослѣдствіи, угроза таможенной войною. Наконецъ швейцарское правительство покорилось; многократными декретами отъ 1834 и 1836 г. оно выслало нѣмецкихъ революціонеровъ и закрыло нѣмецкіе ремесленные союзы. По своей грубой злобности республиканская травля эмигрантовъ мало уступала монархическому пре-

слѣдованію „демагоговъ"; она лишній разъ доказывала, что различія въ государственныхъ *формахъ* имѣютъ лишь проблематическое значеніе. Молодая Германія исчезла, и только нѣкоторые остатки ея сохранились въ кантонахъ Женева и Ваадтъ, гдѣ власти обнаруживали меньшее усердіе по части сыска.

Около того же времени, какъ была закрыта „Молодая Германія", въ „Союзѣ изгнанниковъ" произошелъ расколъ. Болѣе энергичные члены подъ предводительствомъ Шустера выступили; имъ надоѣла безполезная игра въ революцію, и отнынѣ они рѣшили поставить пропаганду выше заговора. Въ 1836 г. они основали „Союзъ справедливыхъ", который состоялъ преимущественно изъ ремесленниковъ и далъ себѣ демократическую конституцію. Правленіе было тотчасъ же выбрано. Среди его членовъ выдѣлялись Карлъ Шапперъ изъ Нассау, бывшій студентъ лѣсоводства въ Гиссенѣ, который послѣ своего участія въ заговорѣ франкфуртской гауптвахты бѣжалъ въ Швейцарію и, высланный изъ нея, снискивалъ себѣ пропитаніе въ Парижѣ, какъ наборщикъ, затѣмъ—сапожникъ Генрихъ Бауеръ изъ Франконіи и портной Вильгельмъ Вейтлингъ изъ Магдебурга. Правда, внѣшнія условія вынуждали Союзъ оставаться еще на-половину заговорщичьимъ обществомъ;онъ такъ же искалъ себѣ опоры въ „Обществѣ временъ года", какъ „Союзъ изгнанниковъ" искалъ ея въ „Обществѣ правъ человѣка". Но въ то же время внутри него поднималась живая потребность пойти дальше грубой формы бабувизма. Въ 1838 г. Вейтлингъ составилъ памфлетъ „Человѣчество, какъ оно есть и какимъ оно должно быть", — коммунистическое profession de foi, на формѣ котораго сильно отразилось вліяніе Ламеннэ, а на содержаніи не менѣе сильно — критико-утопическій соціализмъ. Насколько глубоко эти воззрѣнія проникли уже въ Союзъ, показало самоотверженное рвеніе, съ которымъ члены его распространяли сочиненія Вейтлинга: они подвергли себя величайшимъ лишеніямъ, чтобы напечатать его на тайномъ печатномъ станкѣ и распространить въ 2 тысячахъ экземпляровъ среди нѣмецкихъ ремесленниковъ. Въ духѣ утопическаго соціализма Вейтлингъ основалъ также на коммунистическихъ началахъ столовую для нѣмецкихъ портняжныхъ подмастерьевъ въ Парижѣ, приносившую имъ большую пользу.

Тѣмъ временемъ „Союзъ справедливыхъ", какъ нѣмецкій отводокъ, такъ сказать, „Общества временъ года", былъ вовлеченъ въ тяжкое пораженіе, понесенное этимъ обществомъ при попыткѣ устроить возстаніе 12 мая 1839 г. Шапперъ и Генрихъ Бауеръ выну-

ждены были послѣ продолжительнаго ареста покинуть Францію. Они отправились въ Лондонъ, гдѣ сообща съ Іосифомъ Моллемъ, часовщикомъ изъ Кёльна, основали 7 февраля 1840 г. открытый ферейнъ для самообразованія рабочихъ, существующій понынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они возстановили „Союзъ справедливыхъ" и перенесли его центръ въ Лондонъ. Въ Парижѣ Вейтлингъ собралъ разсыпавшіеся элементы; затѣмъ онъ лѣтомъ 1840 г. переѣхалъ не надолго въ Швейцарію, весною же 1841 г. переселился въ нее окончательно, чтобы вести здѣсь революціонную пропаганду.

Онъ натолкнулся на большія затрудненія. Естественно, что прежде всего онъ постарался столковаться съ остатками „Молодой Германіи", но „сѣмя Гамбаха и Штейнгёлцли" оказало ему сильное сопротивленіе. Члены „Молодой Германіи" знать не хотѣли коммунизма. Они заправляли всѣмъ въ женевскомъ ферейнѣ для самообразованія рабочихъ, откуда вытѣснили тѣхъ членовъ, особенно швейцарскихъ, которые были противъ всякаго занятія политическими вопросами. Теперь они отнюдь не желали быть вытѣсненными, въ свою очередь, коммунистами. Вейтлингъ привлекъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Августа Беккера, друга Георга Бюхнера, но перетянуть на свою сторону весь ферейнъ онъ не былъ въ силахъ. Даже когда онъ убѣдилъ большинство ферейна въ цѣлесообразности плана общей столовой, то члены „Молодой Германіи" провели вотумъ недовѣрія лично противъ него, помѣшавъ его избранію въ завѣдующіе, несмотря на то, что онъ выразилъ готовность исполнять эту обязанность безвозмездно, если дѣло не дастъ ожидаемой прибыли. Мало того, „гамбахскіе политики" безъ колебаній выжили изъ ферейна 5 членовъ, заподозрѣнныхъ въ коммунизмѣ, и рѣшили, что если бы большинство оказалось когда-либо коммунистически настроеннымъ, то меньшинство должно потребовать себѣ имущество ферейна. Чѣмъ больше тревоги и раздраженія обнаруживали члены „Молодой Германіи", тѣмъ больше бодрости и веселаго настроенія проявлялъ въ этой борьбѣ Вейтлингъ. По его мнѣнію, она была необходима, чтобы видѣть, по плечу ли молодому принципу коммунизма его великія задачи, и чтобы пріучить боязливыхъ дипломатовъ, магистратовъ и лавочниковъ къ шуму коммунистическаго ученія, какъ лодочника къ шуму волнъ.

Большее, хотя и тайное только содѣйствіе Вейтлингъ нашелъ, повидимому, у нѣкоторыхъ богатыхъ гражданъ Ваадта, которыхъ привлекъ на сторону коммунизма еще Буонаротти во время своего

изгнанія въ Швейцаріи. Но затѣмъ Вейтлингу удалось завербовать въ лицѣ кожевника Симона Шмидта изъ Швабіи превосходный административный талантъ. Сообща со Шмидтомъ Вейтлингъ основалъ тайный „Союзъ справедливыхъ", распространившійся сначала по французской, а потомъ и по нѣмецкой Швейцаріи. При вступленіи въ союзъ члены дѣлали слѣдующее заявленіе: „мы, рабочіе, устали наконецъ работать для тунеядцевъ, жить въ постоянныхъ лишеніяхъ, въ то время какъ другіе утопаютъ въ роскоши; мы не хотимъ больше позволять эгоистамъ накладывать на насъ тягости, не желаемъ больше уважать законовъ, которые держатъ самые многочисленные и полезные классы населенія въ униженіи, лишеніяхъ, презрѣніи и невѣжествѣ только для того, чтобы дать немногимъ людямъ средства сдѣлаться господами трудовыхъ массъ. Мы хотимъ стать свободными и желаемъ, чтобы всѣ люди на земномъ шарѣ жили такъ же свободно, какъ мы, чтобы никто не былъ надѣленъ лучше или хуже, чѣмъ другой, а дѣлили вмѣстѣ всѣ тяготы, труды, радости и наслажденія, т.-е. жили въ коммунѣ". Члены союза говорили другъ другу „ты" и называли себя братьями; они обязывались отклонять всякую сплетню, пристыдивъ при этомъ сплетника, даже если бы она содержала истину, быть умѣренными во всѣхъ наслажденіяхъ, изучать и обсуждать всѣ соціальныя системы, пропагандировать устно принципы союза и распространять его изданія, дѣлать небольшой мѣсячный взносъ и т. д.

Тайнымъ союзъ долженъ былъ оставаться лишь для того, чтобы сдѣлать возможной его дѣятельность и въ такихъ странахъ, гдѣ отсутствовала свобода союзовъ, какъ во Франціи и въ Германіи. Въ прочихъ отношеніяхъ Вейтлингъ, въ противоположность младонѣмцамъ, стоялъ какъ за братство всѣхъ рабочихъ, такъ и за публичную пропаганду. Въ тайномъ союзѣ онъ хотѣлъ собрать наиболѣе сознательныхъ и дѣятельныхъ коммунистовъ, какъ въ средоточіи, изъ котораго они могли бы руководить общественными столовыми и ферейнами для самообразованія, чтенія и пѣнія. Оживленная работа въ ферейнахъ была въ его глазахъ истинной подготовительной школой жизни въ государствѣ; ферейны онъ называлъ вѣрнымъ прототипомъ общества въ маломъ масштабѣ. Для предотвращенія насилій со стороны властей члены союза должны были встрѣчаться въ небольшомъ числѣ въ частныхъ квартирахъ, мастерскихъ и трактирахъ. „Никакая человѣческая власть не въ состояніи помѣшать пропагандѣ добра и истины, невозможно запретить людямъ разговаривать при работѣ, за столомъ, въ своей

спальнѣ или во время своихъ прогулокъ". Наряду съ этимъ Вейтлингъ дѣйствовалъ путемъ печати; уже въ сентябрѣ 1841 г. онъ началъ издавать ежемѣсячникъ „*Hilferuf der deutschen Jugend*", съ эпиграфомъ: „противъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, поскольку они вредятъ интересамъ всѣхъ, и за интересы всѣхъ, не исключая никого". Съ января 1842 г. этотъ органъ сталъ выходить подъ названіемъ „*Die Junge Generation*", а въ декабрѣ того же года Вейтлингъ выпустилъ „*Die Garantien der Harmonie und Freiheit*", — свою главную работу, къ которой прежнія его писанія ведутъ вверхъ и съ которой ведутъ внизъ писанія позднѣйшія. На ней въ особенности покоится слава Вейтлинга, какъ перваго теоретика нѣмецкаго коммунизма.

---

2. Вильгельмъ Вейтлингъ.

Вильгельмъ Вейтлингъ родился въ 1808 г. въ Магдебургѣ; незаконнорожденный ребенокъ, онъ выросъ среди тяжкихъ лишеній и нужды. Онъ учился портняжному ремеслу и съ 1828 до 1835 г. странствовалъ по Германіи. Объ этомъ періодѣ его жизни имѣется очень мало свѣдѣній, да и тѣ не особенно надежны. Говорятъ, будто онъ участвовалъ сатирическими стихами въ саксонскихъ безпорядкахъ 1830 г., о неорганизованности которыхъ онъ съ осужденіемъ высказывается въ главномъ своемъ сочиненіи. Въ Вѣнѣ онъ будто бы былъ счастливымъ соперникомъ одного эрцгерцога въ расположеніи одной молодой дѣвушки и затѣмъ былъ высланъ обманутымъ соперникомъ изъ города. Рѣшительный поворотъ наступилъ въ его жизни, когда онъ въ серединѣ 30-хъ гг. прибылъ въ Парижъ, гдѣ съ нѣкоторыми перерывами прожилъ до 1841 г. Его впечатлительный и живой умъ жадно впитывалъ ученія французскаго соціализма, и въ то же время онъ, какъ членъ „Союза справедливыхъ", принималъ страстное участіе въ революціонной борьбѣ рабочаго класса. Онъ пытался перековать соціалистическія ученія въ оружіе для этой борьбы и такимъ образомъ сталъ промежуточнымъ звеномъ между утопическимъ и пролетарскимъ соціализмомъ, какъ оно и соотвѣтствовало его промежуточному соціальному положенію. Вейтлингъ былъ уже пролетаріемъ, но оставался еще ремесленнымъ подмастерьемъ. Онъ принадлежалъ къ мѣщанскому слою, который неудержимо началъ

опускаться внизъ въ пролетаріатъ, но именно потому не имѣлъ еще яснаго пролетарскаго классоваго сознанія. Какъ членъ угнетеннаго класса, Вейтлингъ очень хорошо понималъ, насколько обманчивы были надежды утопистовъ на королей и милліонеровъ; онъ не отказывается вполнѣ отъ этихъ надеждъ, но говоритъ о нихъ, какъ о чемъ-то такомъ, на что никакъ нельзя полагаться. Однако, въ силу своего мелко-буржуазнаго происхожденія, онъ ничего не знаетъ о своеобразной исторической жизни пролетаріата. Основаніемъ его теоріи все еще является равенство, играющее столь большую роль въ исторіи французскаго соціализма; въ своей критикѣ буржуазнаго общества, какъ она ни блестяща, онъ всецѣло стоитъ на нравственной точкѣ зрѣнія утопистовъ, а по уровню своего историческаго пониманія остается даже далеко позади Сенъ-Симона и Фурье. Его гипотезы о происхожденіи собственности висятъ въ воздухѣ, и онъ исповѣдуетъ еще историческое воззрѣніе просвѣтительной эпохи, по которому всемірная исторія не болѣе какъ сплошной разбойничій романъ, гдѣ честные люди во всѣ времена оставались въ дуракахъ.

Правда, въ извѣстномъ отношеніи Вейтлингъ заходитъ опять таки гораздо дальше этого воззрѣнія. Онъ вѣритъ въ прогрессъ общества, какъ законъ природы, и знаетъ, что этотъ законъ дѣйствуетъ также въ современномъ обществѣ. Вмѣстѣ съ Фурье онъ видитъ въ человѣческихъ страстяхъ элементъ общественнаго порядка, съ той лишь разницей, что онъ значительно упрощаетъ фурьеристскую классификацію человѣческихъ инстинктовъ. Вейтлингъ знаетъ три главныхъ разряда страстей: страсти знанія, пріобрѣтенія и наслажденія. Страстямъ соотвѣтствуютъ способности удовлетворить ихъ, и примѣненіе этихъ способностей составляютъ умственныя и физическія работы человѣка. Способности — естественныя границы страстей. Для того же, чтобы привести въ движеніе весь организмъ, природа вложила всѣ свои прелести въ удовлетвореніе страстей. Эти прелести возбуждаютъ чувства къ новымъ страстямъ, а изъ новыхъ страстей развиваются новыя способности. Такимъ образомъ осуществляется прогрессъ человѣчества.

Согласно съ этимъ во всякомъ данномъ обществѣ существуетъ всегда превосходнѣйшее равновѣсіе между человѣческими страстями и способностями. Вмѣстѣ со страстями растутъ способности, а вмѣстѣ со способностями растутъ страсти. Причина всѣхъ общественныхъ золъ лежитъ въ насильственномъ нарушеніи этого равновѣсія. „Изъ свободы и гармоніи страстей и способностей

всѣхъ людей возникаетъ все доброе, а изъ подавленія ихъ къ выгодѣ нѣкоторыхъ — все злое. Въ этихъ немногихъ словахъ заключено рѣшительно все". Въ современномъ обществѣ подавленіе страстей одной его части къ выгодѣ страстей другой его части создаетъ отвратительное неравенство въ общественныхъ отношеніяхъ; оно рождаетъ и умножаетъ законы, преступленія и наказанія. Возможнымъ оно стало вслѣдствіе того, что страсти пріобрѣтенія и наслажденія правятъ, тогда какъ страсть знанія вынуждена склоняться ницъ предъ своими чувственными товарищами и вырождается въ безсмыслицу, заблужденіе, суевѣріе, обманъ и ложь, къ выгодѣ любостяжанія и погони за наслажденіями.

Сила знанія не даетъ себя, однако, подавить навсегда. Она осуществляетъ свое притязаніе на руководство обществомъ тѣмъ, что медленно подкапывается подъ основы современнаго общественнаго порядка и неожиданно открываетъ путь прогрессу, что она, какъ приманку, бросаетъ открытія и изобрѣтенія страстямъ пріобрѣтенія и наслажденія. Любостяжаніе и жажда наслажденій хватаются за нихъ, не подозрѣвая, что они подрываютъ такимъ образомъ свое собственное господство. Примѣненіе силы пара къ машинамъ и въ особенности книгопечатаніе — таковы примѣры, на которые ссылается Вейтлингъ. Книгопечатаніе, говоритъ онъ, даетъ возможность собирать и сохранять искры знанія, пока онѣ не станутъ достаточно сильными, чтобы покорить страсти, внушаемыя личнымъ интересомъ.

Мы видимъ: Вейтлингъ умѣетъ по своему довольно хорошо обращаться съ экономической діалектикой, только онъ дѣлаетъ это какъ пролетаризованный ремесленный подмастерье, а не какъ пролетарій, проникнутый классовымъ сознаніемъ. Вейтлингъ отнюдь не игнорируетъ значенія политической свободы для экономическаго освобожденія пролетаріата, онъ прямо требуетъ свободы союзовъ, печати, выборовъ. Но въ концѣ-концовъ онъ все же находитъ, что этимъ ничего нельзя сдѣлать при господствѣ системы денежнаго хозяйства. Онъ именно стоитъ по серединѣ между утопическимъ и пролетарскимъ соціализмомъ. Особенно рѣзко эта позиція выступаетъ въ его сужденіи о свободѣ ассоціацій. Вейтлингъ полемизируетъ противъ Фурье, который хотѣлъ допустить въ своихъ фаланстерахъ, наряду съ вознагражденіемъ труда, также вознагражденіе капитала и таланта; онъ вышучиваетъ фурьеристовъ за химерическую надежду привлечь этимъ денежныхъ людей. Онъ хочетъ пролетарской ассоціаціи. Но если она является уже для него

на-половину орудіемъ революціонной пропаганды, то на-половину она еще служитъ ему орудіемъ коммунистическаго сектанства, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ высокое значеніе, которое Вейтлингъ придавалъ общимъ столовымъ. Мысль, что рабочій классъ въ борьбѣ за политическое господство пріобрѣтаетъ одновременно способность примѣнять это господство на практикѣ, энергично рвется въ немъ наружу, но съ недвусмысленной ясностью она у него никогда не выступаетъ.

Какъ ни далекъ еще, однако, Вейтлингъ отъ пролетарскаго классоваго сознанія, такъ далекъ онъ уже отъ буржуазнаго утопизма. Онъ знаетъ, что рабочій классъ никогда не будетъ освобожденъ, если не освободитъ себя самъ. Для Вейтлинга революція пролетаріата получаетъ то же значеніе, какое имѣлъ для Фурье спасительный миллiонеръ: правда, это революція, которая согласно всей точкѣ зрѣнія Вейтлинга должна опереться не на растущее усиленіе, а на растущее обнищаніе рабочихъ. Онъ хочетъ довести существующую анархію до ея высшей точки, повергнуть рабочіе классы въ безграничнѣйшую нищету. Въ ихъ отчаяніи онъ усматриваетъ самый дѣйствительный рычагъ революціи и возлагаетъ даже надежды на босяковъ, рекомендуя воровство какъ послѣднее оружіе бѣдныхъ противъ богатыхъ.

При такой точкѣ зрѣнія онъ долженъ, естественно, держать наготовѣ планъ новаго общества, которое можно было бы воздвигнуть на мѣстѣ разрушеннаго стараго общества. Вейтлингу нужно возстановить естественное равновѣсіе между страстями и способностями и, такимъ образомъ, обезпечить страсти знанія, другими словами—наукѣ, управленіе страстями пріобрѣтенія и наслажденія, т.-е. производствомъ и потребленіемъ. Замѣтьте, управленіе, не правленіе. „Совершенное общество не знаетъ никакого правительства, а только управленіе, никакихъ законовъ, а только обязанности, никакихъ наказаній, а только лѣкарства... Здѣсь нѣтъ ни оказанія почестей, ни формулъ покорности, нѣтъ внѣшнихъ знаковъ славы, какъ и внѣшнихъ знаковъ презрѣнія; здѣсь не приходится приказывать и слушаться, а только регулировать, устанавливать порядокъ и совершенствовать. Тутъ нѣтъ ни преступленій, ни наказаній, а есть еще только остатокъ человѣческихъ болѣзней и слабостей, которыя природа поставила намъ на пути, чтобы устраненіемъ ихъ подгонять наши физическія и духовныя способности и, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ двигателемъ прогресса". Этотъ остатокъ устраняется не законами и наказаніями, а

лѣкарствами, и Вейтлингъ посвящаетъ особую главу философской медицинѣ.

Съ затратой большого прилежанія и остроумія Вейтлингъ измышляетъ организацію новаго управленія, которое должно руководить въ будущемъ „большимъ семейнымъ союзомъ“, какъ онъ называетъ коммунистическое общество. Во главѣ стоитъ „тріо“ или „совѣтъ трехъ“, состоящій изъ величайшихъ философовъ, которые въ то же время являются первоклассными геніями въ медицинѣ, физикѣ и механикѣ. Затѣмъ слѣдуетъ отрядъ центральныхъ мастеровъ, которымъ избирается тріо и замѣщаются важнѣйшія должности большого семейнаго союза. Послѣ него идутъ отряды мастеровъ, управляющіе округами, областями, уѣздами и меньшими семейными союзами. Чтобы облегчить и упростить управленіе, каждый отрядъ мастеровъ выбираетъ изъ своей среды заводскій комитетъ, а отрядъ центральныхъ мастеровъ выбираетъ большой комитетъ, который состоитъ при совѣтѣ трехъ въ качествѣ исполнительнаго административнаго персонала. При отрядахъ мастеровъ состоятъ академіи для управленія пріятными и изящными работами, пока онѣ не стали еще общераспростаненными; академіи выбираютъ изъ своей среды академическій совѣтъ. Рядомъ со всѣми этими корпораціями, въ рукахъ которыхъ находится управленіе, стоятъ санитарныя коммиссіи, подъ особымъ руководствомъ санитарнаго совѣта, который подобно большому комитету поддерживаетъ тріо въ управленіи большимъ семейнымъ союзомъ.

Нѣтъ надобности входить подробнѣе въ эти детали, а тѣмъ болѣе критиковать ихъ. Историческое значеніе утопій заключается не во внѣшнемъ остовѣ, который съ большимъ или меньшимъ искусствомъ сооружаютъ ихъ авторы, чтобы доказать практическую осуществимость своихъ реформаторскихъ идей, а въ этихъ самыхъ идеяхъ, въ глубинѣ и силѣ, съ которой онѣ вскрываютъ причины соціальныхъ золъ. Это тѣмъ больше относится къ Вейтлингу, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ утопистъ поневолѣ. Имѣя возможность познать лишь отрицательную сторону пролетарской революціи, онъ вынужденъ положительную сторону ея изобрѣтать изъ собственной головы. Но въ то же время онъ очень ясно чувствуетъ, что даетъ этимъ только суррогатъ; уже въ предисловіи къ „Гарантіямъ“ онъ объясняетъ, что его задача — показать обществу, чѣмъ оно является при дурной организаціи и чѣмъ могло бы быть при лучшей. Онъ предостерегаетъ читателей не придавать слишкомъ большой цѣны излюбленнымъ планамъ новаго соціальнаго строя, за-

мѣчая, что нѣтъ ничего совершеннаго подъ луною, и никогда нельзя будетъ придумать такую общественную организацію, которая была бы наилучшей неизмѣнно для всѣхъ временъ. Но реформаторская мысль, лежащая въ основаніи этого фантастическаго сооруженія изъ академическихъ и санитарныхъ совѣтовъ, отрядовъ мастеровъ и центральныхъ мастеровъ и высшаго тріо величайшихъ геніевъ, это—ясное пониманіе, что личные интересы правящихъ эксплуатируютъ общество. Никто не долженъ быть бѣднѣе правительства, говоритъ Вейтлингъ; пока тѣмъ, которые управляютъ богатствами всѣхъ, дозволяется имѣть и пріобрѣтать особыя богатства для себя, до тѣхъ поръ они будутъ также своимъ управленіемъ вредить интересамъ всѣхъ. Большимъ семейнымъ союзомъ Вейтлинга должны руководить не лица, а способности. Замѣщеніе должностей должно производиться не путемъ выбора лицъ, а выбора способностей, путемъ состязанія въ рѣшеніи конкурсныхъ задачъ, путемъ пробныхъ работъ, каковы письменные трактаты о полезныхъ научныхъ предметахъ, открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, пробы художественныхъ произведеній, рисунки и планы зданій, машинъ, инструментовъ и т. п. Конкурренты подаютъ свои пробы въ тѣ учрежденія, въ которыя они желаютъ быть принятыми, но имена ихъ остаются неизвѣстными и объявляются лишь въ случаѣ благопріятнаго исхода испытанія.

Изъ-за гармоніи человѣческихъ страстей и способностей, Вейтлингъ не забываетъ ихъ свободы. Опять по образцу Фурье онъ дѣлитъ работы на необходимыя, полезныя и пріятныя. Для всякаго работоспособнаго человѣка предписывается извѣстное рабочее время, чтобы выполнить необходимыя и полезныя работы, за что онъ получаетъ отъ общества все необходимое и полезное для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Вейтлингъ знаетъ превосходство общественнаго труда надъ разрозненнымъ и умѣетъ ясно показать его. Онъ считаетъ достаточнымъ 6-часовой рабочій день. Иначе, чѣмъ съ необходимыми и полезными работами, дѣло обстоитъ съ пріятными. Такъ какъ природа никого не заставляетъ потреблять пріятныя блага, то нельзя принудить никого къ пріятнымъ работамъ. Гармонія всѣхъ и свобода каждаго отдѣльнаго лица, взаимно обусловливающія другъ друга, требуютъ непремѣнно, чтобы каждому было предоставлено работать много, мало, или совсѣмъ не работать ради пользованія пріятными благами, смотря по тому, сколько онъ желаетъ ихъ—много, мало, или совсѣмъ не желаетъ. Въ этомъ отношеніи Вейтлингъ регулируетъ производство

и потребленіе при помощи коммерческихъ книгъ, гдѣ на одной сторонѣ отмѣчаются часы исполненнаго труда, а на другой—полученныя наслажденія. Коммерческія книги—любимыя дѣтища Вейтлинга; онъ прославляетъ ихъ въ восторженныхъ выраженіяхъ: „онѣ въ одно и то же время паспортъ, метрическое свидѣтельство, свидѣтельство о припискѣ, ремесленный аттестатъ, вексель, квитанція, расчетная книжка, дневникъ, школьный дипломъ, входный билетъ, рекомендательное письмо, копилка, кошелекъ, календарь; онѣ зеркало всѣхъ духовныхъ и физическихъ потребностей индивида, его портретъ, его біографія, коротко говоря—все образное *я* индивида, какъ оно никогда еще не было представлено". Въ этомъ крикѣ восторга разрѣшается мука безконечныхъ мытарствъ, которыя приходилось терпѣть ремесленнымъ подмастерьямъ вслѣдствіе множества требовавшихся полиціей удостовѣреній.

Какъ построить, однако, новое общество послѣ крушенія стараго? Въ силу своего промежуточнаго соціальнаго положенія Вейтлингъ обнаруживаетъ колебанія по этому вопросу; имъ же было обусловлено заключеніе Вейтлинга, что наиболѣе желательнымъ представлялся бы такой переходный періодъ, когда, благодаря перевороту въ томъ или иномъ государствѣ, у кормила управленія сталъ бы человѣкъ, всей душой преданный коммунистическому принципу и полагающій въ осуществленіи его свое счастье, свою честь, свою жизнь. Онъ возвращается неоднократно къ этой мысли и заключаетъ вдохновенными словами: „придетъ новый Мессія, чтобы осуществить ученіе перваго. Онъ разрушитъ гнилое зданіе стараго общественнаго порядка, отведетъ источники слезъ въ море забвенія и превратитъ землю въ рай. Приготовимся достойно встрѣтить его! По какому признаку мы узнаемъ, однако, этого Мессію? А вотъ по какому: онъ придетъ простой и безпритязательный, гордо презирая очарованія Мамоны и открывая свое сердце страданіямъ человѣчества. Онъ спустится съ высотъ богатства въ бездну нищеты, въ толпу несчастныхъ и презираемыхъ, и сольетъ свои слезы съ ихъ слезами... Но данную ему власть онъ выпуститъ изъ рукъ не раньше, чѣмъ смѣлое дѣло будетъ закончено. Тогда надъ обществомъ не будетъ господствовать больше воля одного, а знаніе всѣхъ. И величайшій Мессія подчинится съ тихою скромностью этому новому господству. Это будетъ вѣнцомъ его дѣяній, и весь міръ узнаетъ по этому признаку второго Мессію, болѣе великаго, чѣмъ первый". Какъ гордо ни возвышается это величественное, въ своемъ родѣ,

видѣніе надъ спекуляціей фурьеристовъ на толстую мошну милліонеровъ, все же оно ведетъ назадъ къ самому настоящему утопизму.

Тѣмъ энергичнѣе выступаетъ въ Вейтлингѣ пролетарій, когда онъ наталкивается на препятствія, задерживающія практически освобожденіе рабочаго класса. Онъ насквозь видитъ ложь патріотизма, „которая служитъ самымъ яростнымъ врагамъ прогресса и всеобщей свободы послѣднимъ якоремъ спасенія ихъ заблужденій, спасательной доской ихъ привилегій“, и швыряетъ имъ ее подъ ноги, „чтобы бѣжать подъ знамя человѣчества, которое не будетъ считать среди своихъ защитниковъ ни высшихъ, ни низшихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни господъ, ни рабовъ“. Онъ отмѣчаетъ международный характеръ современнаго рабочаго движенія, ставя вопросъ: „какую любовь можетъ въ настоящее время питать къ такъ называемому отечеству тотъ, который не можетъ потерять въ немъ ничего такого, чего онъ не въ состояніи былъ бы найти во всѣхъ чужихъ странахъ?“ Кому бы ни принадлежало владычество, Гинцу или Кунцу, Наполеону или Фридриху-Вильгельму, рабочіе такъ же вынуждены играть роль вьючнаго животнаго при одномъ властелинѣ, какъ при другомъ.

Не вполнѣ такъ свободно относится Вейтлингъ къ женскому вопросу. Онъ вѣритъ еще въ естественное превосходство мужчины, и пока природа не явитъ чуда, пока женскій полъ не превзойдетъ мужского въ полезныхъ знаніяхъ, изобрѣтеніяхъ и талантахъ, до тѣхъ поръ женщина не должна занимать никакой руководящей должности въ новомъ обществѣ. Но это также послѣдняя тѣнь, которую хозяйство ремесленника бросаетъ въ воззрѣніяхъ Вейтлинга на бракъ и любовь. Въ прочихъ отношеніяхъ онъ подвергаетъ буржуазный бракъ столь же злой, сколько мѣткой критикѣ. „Любовь—ядро орѣха, бракъ—скорлупа. Система денегъ, это—червякъ, проникающій въ ядро и губящій его. Огромное большинство грызетъ горькую и жесткую скорлупу. Вотъ вамъ полное опредѣленіе нашихъ современныхъ браковъ“. Вейтлингъ требуетъ добровольнаго, никѣмъ не вынужденнаго сожитія въ бракѣ. Если узы его не держатся больше потребностью въ уваженіи, дружбѣ и любви, „такъ развяжите же ихъ, во имя неба, и не создавайте другъ другу двойного и тройного ада!“ И онъ снова заключаетъ увлекательными словами: „утри свои слезы бѣдная, несчастная, презираемая и унижаемая женщина, и подумай, что еще много другихъ слабыхъ людей страдаетъ на землѣ. Когда-нибудь и для тебя наступитъ свѣтлая

заря освобожденія, и золотой лучъ его сниметъ своимъ поцѣлуемъ горячія и горькія слезы рабства съ влажныхъ рѣсницъ. Тогда посмотри гордо въ глаза своему тирану, ибо онъ тебѣ больше не нуженъ, и законъ не защищаетъ его больше; тогда и ты, бѣдная, обманутая, соблазненная дѣвушка, найдешь снова хорошаго человѣка, который съ презрѣніемъ отнесется къ предразсудку толпы; тогда вы, жизнерадостные юноши и дѣвушки во цвѣтѣ лѣтъ, живите и любите! Тогда дайте волю противоестественно запертому въ вашей груди огню, который грызетъ ваше сердце и парализуетъ вашу энергію, дайте ему волю, раньше чѣмъ онъ принимаетъ вредное для общественной гармоніи и вашего здоровья направленіе. Тогда люби, кто любить способенъ!" Воспитаніе дѣтей, начиная съ 3-го или 6-го года, лежитъ на обязанности общества: они принимаются въ школьную армію, обучаются всѣмъ наукамъ и искусствамъ, пріучаются ко всѣмъ работамъ, въ частности также—къ самымъ противнымъ. Образованіе юношества должно быть связано съ производительной работой для общества.

Религія встрѣчаетъ насмѣшки Вейтлинга, поскольку она является въ рукахъ духовенства средствомъ обманывать страждущіе классы относительно мукъ земной жизни надеждою на темный загробный міръ. Надъ „сектантскимъ хламомъ" онъ презрительно пожимаетъ плечами. Зато по формѣ онъ много заимствовалъ у Ламеннэ, и первобытное христіанство близко ему, какъ революціонное движеніе угнетенныхъ классовъ. Онъ настаиваетъ на обязанности щадить то, что свято для другихъ, поскольку это позволяетъ коммунистическій принципъ, а къ Христу онъ обнаруживаетъ въ „Гарантіяхъ" симпатію, которой предстояло вскорѣ выступить еще гораздо сильнѣе.

Какъ это понятно само собою, въ экономической критикѣ Вейтлинга фабричное дѣло стоитъ на отдаленномъ планѣ въ сравненіи съ торговлей. Вейтлингу хорошо извѣстно, что фабричная промышленность создаетъ массовую нищету въ самыхъ рѣзкихъ ея формахъ, но онъ полагаетъ, что ею нельзя теперь нажить такъ много, какъ торговлей. „Коммерція" для него главный паразитъ, высасывающій мозгъ изъ трудовыхъ массъ; самыя зажигательныя свои тирады онъ направляетъ противъ денежнаго и товарнаго торгашества. Какъ нѣмецъ, какъ природный пруссакъ онъ находитъ также энергичное словцо для грубой военщины; его замѣчанія объ истязаніяхъ солдатъ читаются теперь съ такимъ же интересомъ, какъ въ день своего появленія.

Главное сочиненіе Вейтлинга произвело при первомъ своемъ выходѣ въ свѣтъ значительное впечатлѣніе, и съ полнымъ правомъ. Если онъ въ умственномъ отношеніи и не стоялъ на равной высотѣ съ великими утопистами Запада, то все же онъ разрушилъ преграду, отдѣлявшую ихъ отъ рабочаго класса, и былъ достойнымъ ученикомъ ихъ по своему энтузіазму, своей фантазіи и остроумію. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ стоялъ выше современнаго ему рабочаго коммунизма Кабе и ужъ навѣрно выше массы либераловъ, какъ разъ тогда начавшихъ борьбу за политическое освобожденіе нѣмецкаго бюргерства.

Никто не признавалъ этого охотнѣе, чѣмъ сами нѣмецкіе современники, которые могли бы вѣдь съ нѣкоторымъ правомъ смотрѣть на Вейтлинга сверху внизъ. Когда Людвигъ Фейербахъ получилъ сочиненіе Вейтлинга отъ одного ремесленнаго подмастерья, онъ воскликнулъ: „какъ пораженъ я былъ образомъ мыслей и умомъ этого портняжнаго подмастерья! По истинѣ, онъ пророкъ своего сословія. Какъ поразили меня также его серьезность, манера держаться, жажда образованія! Что̀ представляетъ собою компанія нашихъ академическихъ бурщей въ сравненіи съ этимъ буршемъ!" Фридрихъ Энгельсъ называлъ Вейтлинга единственнымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, дѣйствительно кое-что сдѣлавшимъ, а Карлъ Марксъ писалъ: „Гдѣ могла бы буржуазія — включая сюда ея философовъ и ученыхъ — дать такое сочиненіе объ эмансипаціи, политической эмансипаціи, какъ „Гарантіи гармоніи и свободы" Вейтлинга? Если сравнить трезвенную, робкую посредственность нѣмецкой литературы съ этимъ смѣлымъ и блестящимъ литературнымъ дебютомъ нѣмецкихъ рабочихъ; если сравнить эти исполинскіе дѣтскіе башмаки пролетаріата съ карликовыми размѣрами стоптанныхъ политическихъ башмаковъ буржуазіи, то нѣмецкой Сандрильонѣ нужно предсказать атлетическую фигуру". Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ книги Вейтлинга Марксъ прибавилъ, что нѣмецкій пролетаріатъ такъ же является теоретикомъ европейскаго пролетаріата, какъ пролетаріатъ англійскій является его экономистомъ, а французскій — его политикомъ. Нужно сознаться, что Германія настолько же имѣетъ классическое призваніе къ соціальной революціи, насколько она неспособна къ политической.

Съ своей стороны нѣмецкое бюргерство ревностно постаралось подтвердить этотъ взглядъ.

Глава VI.

Побѣда романтики.

Въ то время какъ въ Швейцаріи нѣмецкій коммунизмъ становился понемногу совершеннолѣтнимъ, въ самой Германіи романтика одержала еще разъ полную побѣду. Это была Пиррова побѣда, за которую ей предстояло скоро заплатить своей полной гибелью, но тѣмъ не менѣе это была побѣда, одержанная надъ первымъ приступомъ буржуазной оппозиціи.

Смѣна престола въ Пруссіи, а затѣмъ опасность войны въ 1840 г. развязали силы буржуазіи, съ середины 30-хъ гг. испытавшія новый подъемъ. Изъ области мечтаній мысль о національномъ единствѣ перешла въ осязательную дѣйствительность. Рѣдко появлялись болѣе пошлые стихи, которые вызывали бы такой общій энтузіазмъ, какъ „Рейнская пѣсня", направленная Николаемъ Беккеромъ противъ французскихъ военныхъ вожделѣній,—краснорѣчивое доказательство того, что германское единство настолько же упало, какъ поэзія, насколько оно выросло, какъ проза. Угрожающая опасность войны направила вниманіе на то, до какой степени Германскій Союзъ запустилъ военное дѣло и пути сообщенія, какъ плохо онъ представлялъ за-границей нѣмецкіе торговые и другіе экономическіе интересы. Требованія въ родѣ назначенія консуловъ таможеннаго союза, или устройства таможеннаго парламента изъ промышленниковъ и торговцевъ при таможенныхъ конгрессахъ правительствъ, начинали дѣлаться популярными. Чѣмъ сильнѣе развивалась торговля, тѣмъ убѣдительнѣе пропагандировали необходимость единой имперіи тогдашнія 5 различныхъ монетныхъ единицъ, 10 различныхъ мѣръ длины, 11 различныхъ мѣръ вѣсовъ и безчисленные почтовые тарифы таможеннаго союза.

Этотъ вопросъ связался теперь самымъ тѣснымъ образомъ

съ вопросомъ о прусской конституціи. Пруссія была руководящимъ государствомъ таможеннаго союза, а между тѣмъ почти ни въ одномъ государствѣ Zollverein'а буржуазные классы не имѣли такъ мало голоса, какъ здѣсь. Давидъ Ганземанъ, руководитель рейнской буржуазіи, основавшій большое Общество страхованія отъ огня въ Ахенѣ, уже въ 1830 г. сдѣлалъ прусскому королю скромное предложеніе образовать двѣ палаты, причемъ первая должна была составиться изъ владѣльцевъ маіоратныхъ имѣній и довѣренныхъ лицъ короля, а вторая—изъ буржуа, платящихъ высшую сумму налога. Когда на его предложеніе не было обращено вниманія, онъ года два спустя опубликовалъ книгу, въ которой показалъ прусскому деспотизму хозяйство французской буржуазіи, какъ свѣтлый образецъ. Онъ требовалъ бережнаго отношенія къ капиталу, какъ главной цѣли государства, и соотвѣтственно съ этимъ—сокращенія бюджета, особенно—непроизводительныхъ расходовъ на войско. Онъ горько жаловался на тяжкія помѣхи, которыя цензура ставитъ растущей буржуазіи, препятствуя обсужденію не только политическихъ, но и экономическихъ вопросовъ, даже въ самой приличной и умѣренной формѣ. За старыми требованіями бюргерской идеологіи—требованіями свободы печати и истиннаго народнаго представительства—сталъ теперь капиталъ съ его возрастающимъ могуществомъ.

Въ вопросѣ о народномъ представительствѣ прусскій деспотизмъ несъ клеймо преступленія на лбу. Онъ нарушилъ торжественное обѣщаніе, данное въ минуту нужды, но законъ 22 мая 1815 г., обѣщавшій „представительство народа", стоялъ какъ грозное привидѣніе въ глубинѣ сцены и никакой королевскій приказъ не могъ прогнать его. Въ дѣловомъ мірѣ прусскій деспотизмъ по основательнымъ причинамъ не пользовался никакимъ кредитомъ. Чтобы хоть какъ-нибудь держаться на ногахъ въ финансовомъ отношеніи, король объявилъ въ 1820 г. бюджетъ государственныхъ долговъ закрытымъ навсегда и обязался предъ своими кредиторами не заключать новыхъ займовъ безъ добавочной гарантіи имперскихъ чиновъ, а своихъ кредиторовъ онъ не могъ надуть такъ, какъ своихъ любезныхъ подданныхъ.

По отношенію къ этимъ послѣднимъ онъ отдѣлался отъ обѣщанія 1815 г. посредствомъ провинціальныхъ ландтаговъ, призрачнаго представительства для отдѣльныхъ провинцій, которое въ среднемъ состояло на-половину изъ представителей крупнаго землевладѣнія, на одну треть—изъ представителей городовъ и

на $^1/_6$—изъ крестьянъ. Провинціальные чины созывались короной, когда ей было угодно, они засѣдали при закрытыхъ дверяхъ и подъ руководствомъ назначеннаго правительствомъ предводителя дворянства, который вправѣ былъ не допускать обсужденія всякаго непріятнаго вопроса. О правительственныхъ предложеніяхъ они могли лишь высказывать свое мнѣніе, имѣвшее значеніе совѣщательнаго голоса; право рѣшать—подъ условіемъ, однако, королевскаго утвержденія—принадлежало имъ только въ коммунальныхъ дѣлахъ, напр., устройствѣ исправительныхъ и каторжныхъ тюремъ, страховыхъ отъ огня учрежденій, домовъ для умалишенныхъ, пріютовъ для глухонѣмыхъ и т. п. Эти презираемыя корпораціи не представляли для кредиторовъ прусскаго деспотизма никакой гарантіи, и такимъ образомъ его финансы тащились кое-какъ, съ трудомъ поддерживаемые всякими мелкими ухищреніями и доведеннымъ до крайности податнымъ гнетомъ, но неспособные выдержать никакого чрезвычайнаго требованія и, въ особенности, войны. Одни вооруженія противъ польскаго возстанія нанесли имъ ударъ, опустошительныя дѣйствія котораго вынудили сокращеніе срока военной службы до двухъ лѣтъ даже у прусскаго милитаризма. Чѣмъ больше Германія пробуждалась отъ своей экономической отсталости, тѣмъ несостоятельнѣе становились финансовые порядки Пруссіи. Въ особенности не терпѣло отлагательства, и по военнымъ, и по экономическимъ соображеніямъ, развитіе желѣзнодорожной сѣти, для менѣе доходныхъ линій которой капиталъ просилъ государственной помощи въ формѣ гарантіи процентовъ, по существу дѣла сводившейся къ новому займу и потому требовавшей согласія имперскихъ чиновъ.

При такомъ положеніи вещей на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Истый романтикъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, подъ опредѣляющимъ вліяніемъ которыхъ сложилась его духовная личность, онъ все же былъ слишкомъ неглупымъ человѣкомъ, чтобы не замѣчать вѣянія новыхъ временъ. Въ отличіе отъ своего предшественника и преемника онъ не всегда чувствовалъ себя пріятно въ душной казармѣ и отъ времени до времени пріоткрывалъ окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Начало его царствованія ознаменовалось многими вполнѣ романтическими и немногими полу-либеральными поступками и рѣчами. Вопросъ былъ въ томъ, какой изъ борющихся классовъ сумѣетъ привлечь этотъ колеблющійся духъ на свою сторону.

Партія была съ самаго начала весьма неравная. Положеніе

представлялось такимъ, какъ его опредѣлилъ Краусъ, самый способный изъ нѣмецкихъ подражателей Адама Смита: прусское государство отнюдь не было неограниченной монархіей, это была нѣсколько замаскированная аристократія. Или какъ Шамиссо— ясный французскій умъ котораго понималъ условія своего второго отечества лучше, чѣмъ коренные филистеры—сказалъ уже въ 1826 г. устами французскаго іезуита, но передавая задушевную мысль восточно-прусскихъ юнкеровъ: Und der König absolut, wenn er unsern Willen tut" („и король неограниченъ, пока исполняетъ нашу волю"). Феодализмъ держалъ всѣ средства государственной власти въ крѣпкихъ рукахъ, и чтобы вырвать ихъ у него, бюргерская оппозиція должна была обладать большою сплоченностью, очень яснымъ взглядомъ на положеніе дѣлъ и очень большими силами. Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ она, по сравненію съ феодальной партіей, представляла скорѣе противоположныя качества. Это обнаружилось при первомъ же ея натискѣ, когда сословія провинціи Пруссія, вызванныя въ Кёнигсбергъ для принесенія присяги новому королю, вмѣсто традиціонной просьбы объ утвержденіи ихъ привилегій выразили почтительное желаніе, чтобы корона исполнила свое обѣщаніе 1815 г. относительно конституціи.

Въ той части прусскаго государства, которая лежитъ на востокъ отъ Эльбы, провинція Пруссія была важнѣйшей представительницей бюргерской оппозиціи. Отъ стараго орденскаго времени въ ней сохранился до извѣстной степени мятежный духъ, который, при отдаленности провинціи отъ Берлина, никогда не удавалось окончательно сломить. Здѣсь имѣлись въ сравнительно большомъ количествѣ свободные крестьяне. Въ Кёнигсбергѣ въ теченіе всей своей долгой жизни преподавалъ Кантъ, и все, что обладало въ провинціи гражданскимъ самосознаніемъ, свято чтило завѣты учителя. Во время наполеоновскихъ войнъ провинція страдала больше всякой другой нѣмецкой области, и энергичнѣе всякой другой она поднялась для сопротивленія иноземцу. Но она сбросила съ себя французское иго только для того, чтобы попасть подъ ярмо русскаго верховнаго владычества. Если это постыдное наслѣдіе фридриховской политики, утвержденное вновь на Вѣнскомъ конгрессѣ, возмущало всякаго нѣмца, въ которомъ не угасло еще чувство національной чести, то такое впечатлѣніе оно производило прежде всего на провинцію Пруссія, у которой закрытіе русской границы перерѣзало всѣ жизненныя артеріи. Данцигъ и Кёниг-

бергъ стали тѣнью цвѣтущихъ торговыхъ городовъ, какими они были прежде, а Эльбингъ совершенно обнищалъ. Сюда прибавился еще позоръ союзнаго договора, заставлявшаго прусское государство выдавать всѣхъ русскихъ бѣглецовъ. Правда, онъ обязалъ Россію къ такимъ же полицейскимъ услугамъ относительно Пруссіи, но черезъ русскую границу не спасался ни одинъ прусскій эмигрантъ, а прусскихъ подданныхъ, пойманныхъ съ контрабандою или перешедшихъ границу безъ паспорта, русское правительство безъ дальнихъ околичностей отправляло въ Сибирь. Въ 1809 г. Фридриху-Вильгельму III пришлось взять часть государственныхъ денегъ, предназначенныхъ для облегченія ужасающей народной нужды, чтобы предпринять на нихъ пышную вѣрноподданническую поѣздку ко двору свое суверена. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV по случаю вступленія на престолъ сдѣлалъ свой обязательный визитъ русскому двору, то русское правительство только „по случаю празднества и по собственному побужденію" помиловало всѣхъ прусскихъ подданныхъ, сосланныхъ въ Сибирь за контрабанду,—и прусскій король спокойно проглотилъ это оскорбленіе.

Все это вызвало въ провинціи Пруссія массу глубокаго озлобленія, которое оберъ-президентъ фонъ-Шёнъ искусной рукой сконцентрировалъ для натиска при торжествѣ принесенія присяги. Его энергичная воля воодушевляла демонстрацію. Шёнъ былъ умнымъ, образованнымъ человѣкомъ и пользовался уваженіемъ во всѣхъ слояхъ населенія за большія услуги, которыя оказалъ провинціи его администраторскій талантъ. Однако, то обстоятельство, что онъ могъ попасть въ популярные вожди прусскаго либерализма, уже достаточно доказывало, насколько у бюргерской оппозиціи отсутствовалъ ясный взглядъ на положеніе вещей. Шёнъ презиралъ бездарную и окаменѣлую бюрократію, правившую въ прусскомъ государствѣ; онъ разсматривалъ прусскій милитаризмъ, какъ явленіе сомнительнаго достоинства, и со свойственной ему рѣзкостью высказалъ это, когда одинъ изъ членовъ прусскаго провинціальнаго ландтага одѣлъ разъ при отправленіи своей должности офицерскій мундиръ. Но онъ ненавидѣлъ также таможенный союзъ, онъ ненавидѣлъ національное объединеніе и называлъ сумасброднымъ требованіе, чтобы Пруссія растворилась въ Германіи.

Поклонникъ Канта, онъ хотѣлъ воздвигнуть государство на основахъ чистаго разума,—съ тою лишь особенностью, что его

чистый разумъ былъ въ сущности разумомъ умнаго юнкера, который ясно видѣлъ, что крупное землевладѣніе не можетъ существовать больше въ феодальныхъ формахъ собственности, а только въ буржуазныхъ. Подобно тому какъ онъ защищалъ эту точку зрѣнія при такъ назыв. освобожденіи крестьянъ, къ невыгодѣ послѣднихъ, такъ онъ отстаивалъ ее и въ докладной запискѣ „Откуда и куда?“, которую вручилъ королю, чтобы обосновать необходимость конституціи. Въ запискѣ говорилось, что становится все свѣтлѣе, какъ въ среднемъ сословіи, такъ и въ дворянствѣ. Но если среднее сословіе отчасти успокаивается на господствѣ чиновничества, такъ какъ оно старается само заполнить его кадры, и если таково же настроеніе небогатаго служилаго дворянства, у котораго нѣтъ земельной собственности, то опека бюрократіи должна все-таки быть невыносимой для человѣка независимаго, особенно для поземельнаго дворянства, не забывшаго о своемъ прежнемъ господствѣ. Отъ либерализма Ганземана Шёнъ стоялъ еще дальше, чѣмъ отъ романтики короля, съ которымъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, его связывала неизмѣнная дружба.

Король и принялъ поэтому довольно милостиво петицію прусскихъ сословій. Только по возвращеніи въ Берлинъ, когда его вновь опутала бранденбургско-феодальная романтика, онъ недвусмысленно заявилъ, что не выполнитъ конституціоннаго закона 1815 г. По собственному соизволенію онъ даровалъ провинціальнымъ ландтагамъ право публиковать свои протоколы, не называя, однако, именъ ораторовъ; онъ далъ обѣщаніе созывать ихъ правильно каждые 2 года, а въ промежуточное время пользоваться „ихъ совѣтомъ“ при посредствѣ комитетовъ, которые имъ предлагалось выбрать. Все это были жалкія мѣры, разсчитанныя на то, чтобы вызвать иллюзію „имперскихъ чиновъ“ и справиться съ финансовыми затрудненіями, которыя испытывалъ деспотизмъ. Еще раньше, однако, чѣмъ собрались провинціальные ландтаги, созванные на весну 1841 г., появился анонимный памфлетъ по ихъ адресу: „Четыре вопроса съ отвѣтами на нихъ жителя восточной Пруссіи“, авторомъ которыхъ назвалъ себя королю кёнигсбергскій врачъ Іоганнъ Якоби.

При очевидномъ духовномъ родствѣ съ запиской Шёна буржуазная точка зрѣнія выступила въ „Четырехъ вопросахъ“ гораздо рѣзче,—правда, пока еще только въ чисто идеологической формѣ. „Прусское населеніе совершеннолѣтне, разсуждалъ Якоби: даже самые ярые наши противники, французы и англичане, хвалятъ Прус-

ciю, съ ея 7 университетами, ея 20,085 школами и способствующимъ распространенію грамотности военнымъ устройствомъ, какъ недостигнутый до сихъ поръ образецъ самаго основательнаго народнаго образованія". Переводя на народный языкъ „политическій актъ прусскаго областного ландтага, созваннаго для принесенія присяги королю", Якоби ставилъ слѣдующіе вопросы: чего хотѣли сословія? что оправдывало ихъ дѣйствія? что отвѣтили имъ? что имъ остается дѣлать? Съ безпощадной логикой,—безпощадной не по внѣшней формѣ, которая была умѣренна, а по принудительной силѣ аргументаціи,—онъ доказывалъ, насколько бюрократически изуродованное Городовое Положеніе, полное ничтожество провинціальныхъ ландтаговъ, тайное судопроизводство, зависимость юстиціи, административная монополія министровъ, преданные слуги которыхъ—полиція и цензура—неусыпно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ничье мнѣніе, ничья дѣятельность, кромѣ ихъ собственной, не находили себѣ мѣста,—насколько все это идетъ въ разрѣзъ съ притязаніями, которыя самостоятельные граждане должны предъявлять на закономѣрное участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Показавъ затѣмъ, что конституціонный законъ 1815 г. продолжаетъ сохранять свою юридическую силу, Якоби предлагалъ сословіямъ послѣ неблагопріятнаго отвѣта короля требовать, какъ своего безспорнаго права, того, о чемъ они до сихъ поръ просили какъ о милости.

Памфлетъ Якоби появился въ Лейпцигѣ и обошелъ саксонскую цензуру, показавъ невѣрно мѣсто изданія, но тотчасъ по своемъ выходѣ въ свѣтъ онъ, по настоянію Пруссіи, былъ конфискованъ полиціей, а затѣмъ запрещенъ союзнымъ сеймомъ. Король былъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ; пока онъ не зналъ автора, онъ старался выпытать его имя у Шёна, обѣщая ему безнаказанность, а когда Якоби добровольно назвалъ себя, то король написалъ Шёну, что принимаетъ вызовъ. Этими хвастливыми словами онъ хотѣлъ, однако, сказать лишь то, что Якоби будетъ привлеченъ къ отвѣтственности въ судебномъ порядкѣ. Уголовный сенатъ берлинскаго каммергерихта былъ достаточно раболѣпенъ, чтобы приговорить автора „Четырехъ вопросовъ" за оскорбленіе величества и прочія дерзостныя преступленія къ $2^1/_2$ годамъ заключенія въ крѣпости и лишенію національной кокарды; высшій апелляціонный сенатъ того же суда, подъ предсѣдательствомъ Грольмана, оправдалъ Якоби. Ярость короля была безгранична. Въ силу своего верховнаго каприза онъ приказалъ, чтобы, вопреки предписаніямъ закона, оправданному Якоби не сообщили мотивовъ оправ-

дательнаго приговора, и разными придирками заставилъ уйти отъ должности стараго Грольмана, одного изъ очень немногихъ судей, оправдывавшихъ, насколько это зависѣло отъ нихъ, легендарную славу прусской юстиціи. Затѣмъ новый дисциплинарный законъ удалилъ немногіе барьеры, которыми земское право защищало судей отъ королевскаго произвола; отнынѣ они были внѣ закона, какъ только выносили какое-нибудь неугодное высшему правительству рѣшеніе.

Въ провинціальныхъ ландтагахъ памфлетъ Якоби не нашелъ никакого отклика; прусскія сословія прямо отклонили петицію въ духѣ Якоби, съ которой обратились къ нимъ кёнигсбергскіе граждане. Правда, среди бюргеровъ запрещенный памфлетъ ходилъ по рукамъ, но смѣлая откровенность автора находила мало подражателей. Въ Галле Руге съ великимъ трудомъ собралъ около 70 подписей подъ петиціей объ обнародованіи конституціи, которая была составлена на основаніи „Четырехъ вопросовъ" и отослана въ саксонскій провинціальный ландтагъ въ Мерзебургъ. Едва, однако, полковникъ Нацмеръ, побочный дядя короля, пригрозилъ подписавшимся возбужденіемъ процесса о государственной измѣнѣ, какъ 17 изъ ихъ числа со всей скоростью, на которую способны были почтовыя лошади, поспѣшили въ Мерзебургъ, чтобы вычеркнуть свои имена. Одинъ врачъ боялся потерять практику изъ-за того, что подписался; одинъ лѣсопромышленникъ заявилъ, что хотя у него и нѣтъ правительственныхъ подрядовъ, но онъ можетъ, вѣдь, какъ-нибудь получить таковые, а одинъ москательщикъ увѣрялъ даже, что подписался лишь съ той цѣлью, чтобы демагоги выступили открыто и король узналъ, такимъ образомъ, своихъ враговъ.

Вотъ какого сорта была преобладающая масса либеральныхъ филистеровъ, первое недовольное ворчанье которыхъ было тотчасъ задушено стопой романтической реакціи.

Глава VII.

Разложеніе классической философіи.

Борьба за дѣйствительное народное представительство слилась съ борьбой за свободную печать. Къ печати король-романтикъ также обнаружилъ извѣстное сочувствіе. Унылая бездаланность подцензурныхъ газетъ была противна его живому уму, и съ тѣмъ самообольщеніемъ, которое свойственно было всѣмъ романтикамъ, онъ вообразилъ себѣ, что можетъ переносить свободное слово. Въ исходѣ 1841 г. появилось министерское распоряженіе, рекомендовавшее властямъ болѣе мягкое примѣненіе цензуры,—не очень большое, но все же нѣкоторое облегченіе для печати.

По обыкновенію эта капля патріархальнаго либерализма потонула въ полной бочкѣ истинной романтики. Послѣ смерти Альтенштейна во главѣ министерства народнаго просвѣщенія былъ поставленъ Эйхгорнъ, піетистъ и реакціонеръ, искоренившій единственную свободу, съ грѣхомъ по-поламъ еще существовавшую при старомъ королѣ: академическую свободу преподаванія. На каѳедру Ганса, освободившуюся вслѣдствіе его смерти, попалъ баварецъ Юліусъ Шталь, крещеный еврей, пытавшійся перевести христіанско-германскій принципъ съ грубо откровеннаго языка феодальной романтики на облагораживающій языкъ современной философіи. Затѣмъ, по приглашенію короля явился въ Берлинъ старый и запутавшійся въ мысляхъ Шеллингъ, чтобы своей философіей откровенія искоренить гегельянство. Министерство юстиціи получилъ Савиньи, глава исторической школы права, безспорно давшій, поскольку дѣло касалось его персоны, яркое доказательство отсутствія всякаго призванія къ законодательству.

Въ довершеніе всего деспотъ, страстно жаждавшій свободы

печати, началъ притѣснять единственный журналъ, стоявшій на высотѣ своей задачи: онъ приказалъ въ маѣ 1841 г., чтобы *„Hallische Jahrbücher"* перенесли мѣсто своего печатанія изъ Лейпцига въ Галле, т.-е. подъ прусскую цензуру, иначе они будутъ запрещены въ Пруссіи. Вслѣдствіе этого приказа Руге переѣхалъ въ Дрезденъ и сталъ издавать свой журналъ подъ названіемъ *„Deutsche Jahrbücher"*. Понятно, что тенденція журнала становилась тѣмъ болѣе рѣзкой, чѣмъ больше раскрывалась ошибочность воззрѣнія его издателя на Пруссію, какъ на свободное и справедливое государство. Если Руге и Штраусъ наложили свою печать на *„Hallische Jahrbücher"*, то *„Deutsche Jahrbücher"* находились подъ духовнымъ вліяніемъ Бруно Бауера и Людвига Фейербаха. Это былъ шагъ впередъ въ сравненіи съ романтикой, но и шагъ впередъ въ разложеніи классической философіи.

Романтикѣ повезло въ томъ отношеніи, что то самое экономическое развитіе, которое побудило ее собрать свои силы для дружнаго сопротивленія, уничтожило само собою и ея опаснѣйшую противницу.

---

1. Бруно Бауеръ и Людвигъ Фейербахъ.

Въ классической философіи нѣмецкое бюргерство пріобщило свои дѣянія и мысли, нѣкоторымъ образомъ какъ протоколъ, къ всемірной исторіи. Какъ только ему удалось развить свои матеріальныя силы, этотъ протоколъ сталъ ненужнымъ листомъ бумаги. Заоблачныя построенія философіи рушились тѣмъ скорѣе, чѣмъ свободнѣе промышленность развертывала свое знамя въ столбахъ дыма, поднимавшихся изъ фабричныхъ трубъ.

Но буржуазная философія не могла, конечно, отречься попросту въ пользу буржуазной экономіи. Она была героическимъ вѣкомъ нѣмецкой буржуазіи и не могла спустить свое наслѣдство съ молотка плоскому духу наживы, банку и биржѣ, безграмотнымъ фабрикантамъ, не питавшимъ даже вожделѣнія къ этому наслѣдству. Несмотря на общую борьбу съ романтикой, и именно въ этой борьбѣ, долженъ былъ вспыхнуть антагонизмъ между философіей и буржуазіей. Въ теченіе едва одного десятилѣтія онъ продѣлалъ три стадіи: первую, когда онъ безсознательно существовалъ, но еще не былъ ясно понятъ; вторую, когда онъ былъ

уже ясно понятъ, но еще не могъ быть примиренъ; наконецъ третью, когда онъ былъ преодолѣнъ благодаря тому, что философія разобралась въ пролетаріатѣ, а пролетаріатъ въ философіи.

Къ первому періоду принадлежали Руге и Штраусъ. Они боролись противъ романтики въ качествѣ философовъ, но въ конечномъ счетѣ оба они, по доброй волѣ или нехотя, боролись за буржуазію. Они строили *ея* домъ на развалинахъ философіи и въ бисмарковской германской національной имперіи видѣли осуществленіе своихъ идеаловъ въ предѣлахъ возможнаго. Напротивъ, Бауеръ и Фейербахъ были типичными представителями второго періода. Они никогда не въ силахъ были примкнуть къ вѣрѣ, что міръ буржуазіи—ихъ міръ, или что онъ вообще — вѣчный міръ. Бауеръ далъ впослѣдствіи пренебрежительную характеристику Бисмарка какъ „человѣка, который дѣлаетъ не исторію, а эпизоды", а Фейербахъ говорилъ о „прусскомъ кнутѣ", когда ему случалось говорить о немъ, всегда съ энергичнымъ проклятіемъ. Оба они, однако, никогда не сумѣли осѣсть въ политической и соціальной области и безпомощно блуждали среди развалинъ философіи.

При этомъ между ними обоими существовала большая разница. Они стояли не бокъ о бокъ, а спина къ спинѣ. Бауеръ продолжалъ прясть нить идеалистической философіи, пока она не разорвалась у него подъ руками; Фейербахъ же открыто порвалъ съ этой философіей и сдѣлалъ первые шаги къ окончательному преодолѣнію ея.

Бруно Бауеръ, уроженецъ одного изъ маленькихъ саксонскихъ герцогствъ, былъ по всей своей натурѣ сѣверо-германцемъ. Онъ вполнѣ подходилъ къ Берлину, гдѣ и провелъ большую часть своей жизни,—къ Берлину, „съ его глубокимъ пескомъ, жиденькимъ чаемъ и не въ мѣру остроумными людьми". Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ полную противоположность Штраусу, для котораго сѣверо-германская жизнь была такъ же несносна, какъ личность и дѣятельность Бауера. Какъ Штраусъ заимствовалъ субстанцію изъ абсолютной идеи Гегеля, чтобы сдѣлать ее творческимъ принципомъ евангелій, такъ Бауеръ взялъ оттуда же и съ той же цѣлью самосознаніе. Критика Штрауса, хотя и покончила разъ навсегда съ вопросомъ объ исторической истинѣ евангельскаго разсказа, была еще богословской, ибо, въ сущности, было безразлично, продиктованы ли евангелія святымъ духомъ, или они составляютъ плодъ безсознательнаго творчества христіанской общины. Бауеръ разрѣшилъ „таинственное" воззрѣніе Штрауса въ

томъ смыслѣ, что евангелія суть литературныя произведенія опредѣленныхъ авторовъ, которые при составленіи своихъ работъ стремились достигнуть опредѣленныхъ цѣлей.

Это представленіе Бауера освобождало его отъ всякаго почтительнаго отношенія къ евангеліямъ, и онъ повелъ съ теологіей борьбу не на жизнь, а на смерть. Самосознаніе создало, правда, евангелія, но какъ вышедшее изъ себя, противорѣчащее себѣ самому, отчужденное самосознаніе. Въ критикѣ евангельскаго разсказа, опубликованной Бауеромъ въ 1841 г., мы находимъ уже зародыши, которымъ предстояло спустя болѣе чѣмъ поколѣніе развиться, въ его изслѣдованіяхъ по исторіи возникновенія христіанства, до результатовъ, открывающихъ новые пути въ наукѣ. Бауеръ заявлялъ, что въ христіанской религіи умственная абстракція отняла у человѣчества всю его силу и соки, всю кровь и жизнь его до послѣдней капли. На развалинахъ погибшаго міра осталось, какъ единственная сила, изможденное *Я*, но этому всепоглощающему *Я* стало страшно самого себя. Оно закончило свое отчужденіе, противопоставивъ себѣ свою собственную всеобщую силу, какъ чужую, и начало затѣмъ въ страхѣ и трепетѣ предъ этой силой работать за свое сохраненіе и блаженство. Но человѣчество воспиталось въ рабскомъ преклоненіи предъ своимъ отраженіемъ, чтобы тѣмъ основательнѣе подготовить свободу и тѣмъ глубже обнять ее, когда она будетъ, наконецъ, завоевана. Самосознаніе, пришедшее вновь въ себя, само себя понимающее, постигающее свою сущность, располагаетъ властью надъ созданіями своего самоотчужденія. Такимъ путемъ Бауеръ покончилъ безпощадно съ теологіей, и не съ ней одной только.

Безконечное самосознаніе нетерпѣло вообще никакихъ преградъ. Съ оружіемъ критики въ рукахъ оно низвергало всякую „позитивную опредѣленность, которая сколько-нибудь ограничивала-бы его истинную всеобщность". Оно упразднило всѣ учрежденія въ обществѣ и государствѣ, у которыхъ могло доказать характеръ преграды, само собою понятно—только въ своихъ представленіяхъ. Ибо философія самосознанія въ такой же мѣрѣ жила въ области умственной абстракціи, какъ христіанская религія. Мало того, она была совершеннѣйшимъ выраженіемъ христіанско-германскаго принципа; идеалистическое умозрѣніе не могло дойти до болѣе карикатурныхъ кривляній, чѣмъ въ „Критической критикѣ", которая сводила все къ чистому духу и смотрѣла на массу съ невыразимымъ презрѣніемъ. Навлекши на себя, въ качествѣ приватъ-доцента

въ Боннѣ, дисциплинарное взысканіе со стороны министра Эйхгорна, Бруно Бауеръ переѣхалъ въ Берлинъ. Вмѣстѣ со своимъ братомъ Эдгаромъ и другими лѣвыми гегельянцами онъ выступилъ здѣсь въ роли „свободнаго", который „шелъ все дальше" по части радикальныхъ фразъ и выполнилъ въ философской области то, что берлинское остроуміе осмѣяло, какъ „Alles Verrungenieren" („сдѣлать все непринужденнымъ").

Вслѣдъ за нимъ, однако, Людвигъ Фейербахъ вразумительно показалъ, что гегелевская философія—послѣднее прибѣжище, послѣдняя раціональная опора теологіи. Кто не отказывается отъ гегелевской философіи, тотъ не отказывается и отъ теологіи. Ученіе Гегеля, что природа, что реальность полагается идеей, есть только раціональное выраженіе богословскаго ученія, по которому природа создана Богомъ, матеріальное существо создано нематеріальнымъ, т.-е. абстрактнымъ существомъ. Борьба между Штраусомъ и Бауеромъ была борьбой въ предѣлахъ гегелевской философіи. Оба заходили дальше Гегеля, поскольку каждый изъ нихъ проводилъ послѣдовательно одну сторону абсолютной идеи: Штраусъ—субстанцію, природу, отдѣленную отъ человѣка, Бауеръ — самосознаніе, человѣка, отдѣленнаго отъ природы. Напротивъ, Фейербахъ критиковалъ всего Гегеля съ гегелевской точки зрѣнія, разрѣшая абсолютную идею въ дѣйствительнаго человѣка на основѣ природы. Онъ проложилъ путь переходу отъ идеализма къ матеріализму.

Фейербахъ былъ уроженцемъ южной Германіи, какъ и Штраусъ, но въ отличіе отъ послѣдняго обладалъ огненнымъ, страстнымъ темпераментомъ, боевой натурой, какъ бы созданной для горячей сутолоки практической жизни. Во многихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ Лессинга, полемическими сочиненіями котораго охотно упивался; къ сожалѣнію, онъ въ немалой степени напоминаетъ Лессинга и потому, что жалкія условія Германіи никогда не позволили ему вполнѣ развернуться. Какъ живо напоминаетъ его пытка въ Рехенбергѣ мученичество Лессинга въ Вольфенбюттелѣ! Главный трудъ Фейербаха, это — его сочиненіе „О сущности христіанства", снявшее идеалистическую пелену съ глазъ всѣхъ здравомыслящихъ нѣмцевъ. Оно имѣло освободительное дѣйствіе, которое нужно было—какъ сказалъ разъ Энгельсъ—пережить самому, чтобы получить о немъ правильное представленіе. Фейербахъ возстановилъ реальнаго человѣка въ его правахъ. Выросшій изъ почвы природы, существующей независимо отъ всякой философіи, человѣкъ является высшимъ существомъ для человѣка.

Кромѣ человѣка и природы не существуетъ ничего; небесныя существа только созданія религіозной фантазіи, фантастическія отраженія человѣческаго существа. Подобно тому какъ человѣкъ является для человѣка высшимъ существомъ, такъ высшимъ закономъ является любовь человѣка къ человѣку. Эти мысли Фейербахъ развивалъ увлекательнымъ языкомъ, стремительная сила котораго дѣйствовала какъ бьющая ключемъ жизнь послѣ сухого тумана гегельянства.

Фейербахъ поднялъ матеріализмъ изъ праха, но что́ ему не удалось, вслѣдствіе отсталыхъ порядковъ, все еще господствовавшихъ въ Германіи, это было разрѣшеніе задачи—воспринять въ матеріализмъ вновь добытое содержаніе идеализма, подобно тому какъ Кантъ воспринялъ въ идеализмъ добытое вновь содержаніе матеріализма. Бэконъ, первый представитель современнаго матеріализма, сказалъ когда-то, что онъ не желаетъ быть ни грубымъ эмпирикомъ, на подобіе муравьевъ, которые только собираютъ и потребляютъ, ни абстрактнымъ идеалистомъ, на подобіе пауковъ, которые вытягиваютъ свою ткань изъ себя самихъ, а хочетъ связать одно съ другимъ, какъ это дѣлаютъ пчелы, высасывающія матеріалъ изъ цвѣтовъ въ садахъ и поляхъ, но затѣмъ перерабатывающія его собственными силами. Фейербахъ также сравнивалъ себя съ пчелами, только онъ говорилъ, что онѣ съѣдаютъ зимою собранное лѣтомъ, тогда какъ онъ отдаетъ отъ себя зимою какъ человѣкъ интеллекта то, что проглотилъ лѣтомъ въ качествѣ человѣка природы.

Мыслящее созерцаніе природы было солнцемъ, вокругъ котораго обращался этотъ умъ, и при этомъ онъ не имѣлъ даже возможности слѣдить за возраставшими успѣхами естествознанія, такъ какъ піетизмъ нѣмецкихъ правительствъ закрывалъ ему доступъ къ университетской каѳедрѣ. Фейербахъ чувствовалъ недостаточность естественно-научнаго матеріализма, о которомъ характерно выразился, что онъ соглашается съ нимъ назадъ, но не впередъ. Однако къ ясному пониманію, не говоримъ уже—къ исчерпывающей оцѣнкѣ факта, что человѣкъ живетъ не только въ природѣ, но и въ обществѣ, что матеріализмъ, слѣдовательно, не только естественная, но и общественная наука,—къ такому пониманію онъ не пришелъ. Великій зарубежный міръ остался ему чуждымъ, и даже отъ маленькаго міра своей нѣмецкой родины онъ замкнулся. Любовь къ природѣ сдѣлала для него глухую деревню, къ которой его приковывала почетная бѣдность, мѣ-

стомъ добровольнаго изгнанія. Истинно человѣчнымъ было для него только теоретическое поведеніе людей; точку зрѣнія теоріи онъ называлъ точкой зрѣнія гармоніи между человѣкомъ и вселенной.

---

2. Deutsche Jahrbücher. Политическая лирика.

Руге убѣдился скоро въ Дрезденѣ, что у прусскаго правительства длинныя руки. „*Deutsche Jahrbücher*" попали подъ все болѣе усиливавшійся цензурный гнетъ. Въ своихъ письмахъ Руге рвалъ и металъ по поводу проклятаго бѣдствія, которое постигло его въ лицѣ осла-цензора, возмутительно притупляющаго самыя тонкія остроты и совершающаго истинныя прегрѣшенія противъ духа. Упомянутый въ столь лестныхъ выраженіяхъ цензоръ былъ профессоръ Ваксмутъ, историкъ французской революціи и не послѣдній человѣкъ въ своемъ цехѣ; тщетно старался онъ примирить своего „высокоуважаемаго друга" Руге съ вандализмами своего краснаго карандаша.

При такихъ обстоятельствахъ „*Deutsche Jahrbücher*" за 1842 г. появились въ двоякомъ видѣ: какъ журналъ въ Дрезденѣ и какъ два тома „*Anecdota*" въ Швейцаріи. Здѣсь Юліусъ Фрёбель, уроженецъ Тюрингіи, покинулъ каѳедру минералогіи въ цюрихскомъ университетѣ, чтобы взять на себя руководство швейцарскимъ радикализмомъ. Онъ основалъ „Литературную контору" въ Цюрихѣ и Винтертурѣ, которая выпускала газету „*Schweizerischer Republikaner*" и предложила желанный пріютъ нѣмецкимъ цензурнымъ изгнанникамъ. Два тома „*Anecdota*" содержали статьи Руге, Бауера, Фейербаха, затѣмъ также Маркса, Морица Флейшера, Кёппена и другихъ лѣвыхъ гегельянцевъ, — статьи, содержавшія разсужденія о политической свободѣ, свободѣ преподаванія и печати, философіи и богословіи и либо не пропущенныя саксонской цензурой, либо не представленныя дажена ея просмотръ въ предвидѣніи этой неизбѣжной участи.

Этими томами Руге надѣялся нанести противникамъ страшный ударъ, отъ котораго тѣ не оправятся, и несомнѣнно они заключаютъ въ себѣ статьи высокаго достоинства. Но какимъ бы сильнымъ ударомъ послѣднія ни были для реакціонной романтики, все же онѣ показали, что философія находится въ состояніи далеко

еще не законченнаго броженія. Бауеръ признавалъ, правда, заслугу Фейербаха, поскольку послѣдній выполнилъ объективное упраздненіе всякой религіи, но онъ продолжалъ держаться за идеалистическій принципъ Гегеля и ставилъ идеальное мышленіе выше реальнаго бытія, тогда какъ Фейербахъ безъ стѣсненій говорилъ, что этимъ не сдѣлано ни одного шага впередъ, ибо отдѣленное отъ человѣка самосознаніе есть ничто иное, какъ лишенная реальности гегелевская абстракція.

Руге былъ слишкомъ хорошимъ редакторомъ, чтобы не знать, какихъ сотрудниковъ онъ имѣетъ въ лицѣ Бауера и Фейербаха. Онъ говорилъ, что Фейербахъ—іерихонская труба, но и у Бауера есть огромное усердіе, талантъ и основательность; Фейербахъ пишетъ рѣдко и только въ своемъ жанрѣ, между тѣмъ какъ Бауеръ владѣетъ многими регистрами. Однако, редакторскій интересъ Руге къ нимъ обоимъ имѣлъ и болѣе глубокое основаніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сидѣвшій въ немъ буржуа хотѣлъ покончить со всей этой теоретической матеріей, и здоровые тумаки, которые онъ раздавалъ и получалъ въ теченіе своей публицистической боевой жизни, достаточно показали ему, что абсолютная критика и безконечное самосознаніе не могутъ сдвинуть съ мѣста весьма осязательную романтику. Но тотъ же буржуа чуялъ въ матеріализмѣ Фейербаха какую-то жуткую силу и совершенно правильно замѣтилъ, что Фейербахъ дѣлаетъ одну ошибку: онъ порываетъ съ Гегелемъ, вмѣсто того чтобы поправить его, исходя изъ его же принципа развитія. Восхваляя Фейербаха за освобожденіе философіи изъ оковъ христіанства, Руге затѣмъ впадалъ все-таки опять въ христіанскій спиритуализмъ, когда говорилъ, что тотъ, для кого живущій составляетъ больше, чѣмъ мыслящій, можетъ поклоняться вшамъ на своей головѣ и ставить лѣнивое бытіе своего черепа выше головы Аристотеля.

Однородное промежуточное положеніе Руге занялъ въ статьѣ о философіи права Гегеля, которую ему удалось провести черезъ подводные камни цензуры въ „*Deutsche Jahrbücher*". Если вообще говорить объ этомъ предметѣ, то послѣдній годъ названнаго журнала былъ лучшимъ: въ сотый разъ оправдалось наблюденіе, которое съ тѣхъ поръ подтверждалось еще тысячу разъ,—что періодическая печать свои лучшія вещи даетъ обыкновенно тогда, когда кипитъ борьба. Статьи Бауера по еврейскому вопросу были написаны съ безспорнымъ остроуміемъ. Въ длинной рецензіи на книгу Лео „Исторія французской революціи" Кёппенъ далъ впер-

вые—и не на нѣмецкомъ только языкѣ—правильное объясненіе французской эпохи террора. Подъ псевдонимомъ Жюль Элизаръ (Elysard) молодой русскій Бакунинъ, напитавшійся въ Берлинѣ гегелевской философіей и жившій теперь въ Дрезденѣ, напечаталъ свой первый литературный опытъ о реакціи въ Германіи. Онъ указалъ съ особымъ удареніемъ на подземный гулъ соціальной революціи, на бѣдный классъ, на народъ въ собственномъ смыслѣ слова, который начинаетъ считать слабые въ сравненіи съ нимъ ряды своихъ враговъ и требовать дѣйствительнаго осуществленія давно признанныхъ за нимъ правъ. „Даже въ Россіи, — писалъ онъ,—въ этой безконечной, покрытой снѣгомъ имперіи, которую мы такъ мало знаемъ и которой предстоитъ, быть можетъ, великая будущность, — даже въ Россіи собираются темныя тучи, возвѣщающія грозу. О, въ воздухѣ душно, онъ чреватъ бурями... Будемъ полагаться на вѣчный духъ Господа, который потому лишь разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ неисповѣдимый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Страсть разрушенія есть въ то же время созидающая страсть". Отъ всей статьи вѣяло какимъ-то своеобразнымъ духомъ, какой-то удивительной смѣсью элегическаго настроенія, фанатизма и отчасти аристократической пресыщенности.

Руге критиковалъ гегелевскую философію права съ той вѣрной точки зрѣнія, что она отрекается отъ діалектическаго метода. Гегелевское государство есть нѣчто туманное: заоблачное созданіе, котораго нельзя схватить и удержать, оно не реальнѣе платоновскаго государства; подобно тому какъ послѣднее напоминаетъ греческое государство, такъ государство Гегеля напоминаетъ Пруссію, но оно игнорируетъ историческій процессъ. Руге подчеркнулъ тотъ фактъ, что Гегель, а до него уже Кантъ, вынуждены были подчиниться внѣшнему давленію; Гегель успокоился на разумѣ абсолютизма, такъ какъ абсолютизмъ былъ настолько уменъ, что призналъ разумъ гегелевской философіи. Но его философія права страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что она уходитъ отъ живой исторіи, держится односторонне-теоретически и хочетъ утвердить эту точку зрѣнія, какъ абсолютную. При такихъ вѣчныхъ опредѣленностяхъ, какъ семья, общество, государство, теорія имѣетъ, конечно, право отвлекаться отъ историческаго процесса, но она должна всегда различать, имѣетъ ли она передъ собою логическую или историческую категорію. Такъ, напр., устройство государства есть его историческая форма, и Гегель неправъ, когда онъ историческія учрежденія

въ родѣ наслѣдственной монархіи, маіоратовъ или системы двухъ палатъ выдаетъ за логическія необходимости. Чтобы имѣть государство въ формѣ государства, необходимы всѣ тѣ великія учрежденія, которыя почти цѣликомъ еще недостаютъ нѣмцамъ: національное собраніе, судъ присяжныхъ, свобода печати. Ясно, насколько Руге вводится здѣсь въ заблужденіе наивнымъ инстинктомъ буржуа,—буржуа, который для обезпеченія своему классу достаточнаго участія въ правительственной власти объявляетъ самодержавно-феодальное государство исторической категоріей, но въ то же время спокойно оставляетъ существовать, какъ логическія категоріи, семью, общество и государство въ ихъ буржуазной формѣ.

Этому броженію въ философіи отвѣчало броженіе въ поэзіи, развивавшейся подъ ея вліяніемъ. Народилось новое поколѣніе поэтовъ; въ ихъ пѣсняхъ раздавался звонъ набата, въ ихъ стихахъ какъ бы слышалось бряцаніе оружія. Благородство формы было снова возстановлено въ своихъ правахъ, и въ ея кристальной ясности тѣмъ могучѣе проявлялся паѳосъ, тѣмъ остроумнѣе сверкала сатира. Не то, чтобы *Hallische* или *Deutscher Jahrbücher* непосредственно воспитали этихъ поэтовъ! Руге былъ въ своихъ эстетическихъ сужденіяхъ очень односторонен: онъ ставилъ „Письма Юніуса“ въ тысячу разъ выше Шекспира, какъ великолѣпныя произведенія искусства, а противъ того, что онъ называлъ фривольностью и распущенностью Гейне, онъ велъ такую же неутомимую борьбу, какъ противъ старо-гегелевскихъ париковъ. Даже съ Дингельштедтомъ онъ не поддерживалъ сношеній, хотя этотъ молодой гессенецъ видѣлъ насквозь политическо-соціальную нищету Германіи—такъ ясно, какъ ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ— и воплотилъ ее въ рядѣ пластическихъ образовъ въ міровомъ обходѣ „Ночного сторожа“. Болѣе справедливо было недовольство Руге „Неполитическими пѣснями“ Гофмана, которыя въ своемъ нѣсколько плоскомъ остроуміи шли слишкомъ навстрѣчу пошлому резонерству трактирнаго политика. А между тѣмъ въ этой политической лирикѣ вспыхивало то слабѣе, то сильнѣе именно отраженіе философской борьбы. Уроженецъ Помераніи Прутцъ, старый пріятель и сотрудникъ Руге, командовалъ въ своихъ стихахъ цѣлыми колоннами мыслей, подчасъ въ тяжеловѣсномъ тактѣ, будучи больше риторомъ, чѣмъ поэтомъ, а когда швабъ Гервегъ кинулъ въ нѣмецкій міръ, какъ зажигающую молнію, свои „Gedichte eines Lebendigen“, то Руге ликуя поднялъ его на щитъ.

Нигдѣ бѣдствія и тревога этой эпохи борьбы не звучали столь бур

нымъ аккордомъ, какъ въ этихъ „Gedichte“. При появленіи ихъ по всей Германіи прошелъ крикъ радости, и какъ тріумфаторъ поэтъ прослѣдовалъ отъ юго-западной до сѣверо-восточной границы, черезъ Кельнъ и Дюссельдорфъ въ Іену и Веймаръ, Лейпцигъ и Дрезденъ, вплоть до Берлина и Кенигсберга.

Въ Дрезденѣ Гервегъ встрѣтился съ Руге, и они вмѣстѣ поѣхали въ Берлинъ. Здѣсь они жестоко сцѣпились съ Бауерами и ихъ компаніей. Поэтической натурѣ Гервега, находившей отраду во всѣхъ краскахъ жизни, было противно блѣдное отрицаніе „Свободныхъ“, а Руге, какъ разъ въ это время готовившійся къ практической борьбѣ съ существующимъ государствомъ, не могъ согласиться, чтобы Бруно Бауэръ „навязалъ ему смѣхотворнѣйшія вещи“, напримѣръ, утвержденіе, что государство, собственность и семья должны быть упразднены въ понятіи, на положительную же сторону дѣла нѣтъ надобности обращать затѣмъ вниманіе. Въ Берлинѣ Гервегъ имѣлъ глупость представиться королю; роль услужливаго посредника сыгралъ при этомъ лейбъ-медикъ Шёнлейнъ, швейцарецъ по рожденію, которому Гервегъ привезъ поклоны съ родины. Если поэту не представлялось труднымъ негодовать на короля въ своихъ стихахъ,—кстати сказать, тотчасъ же запрещенныхъ въ Пруссіи,—то дѣло оказалось тѣмъ труднѣе въ личной бесѣдѣ. Ибо въ придворномъ церемоніалѣ начертано, что маркизъ Поза вправѣ говорить лишь о томъ, о чемъ Донъ Филиппъ его спрашиваетъ. Крылатыя слова этой аудіенціи: „я люблю оппозицію, соединенную съ серьезнымъ образомъ мыслей“; „я отъ всей души желаю вамъ Дамаска, вы достигнете огромныхъ результатовъ“; „мы останемся честными врагами“,—всѣ они принадлежали королю, о Гервегѣ же исторія умалчивала. Теперь радикальное „Alles Verrungenieren“ поспѣшило, въ свою черепь, отплатить ѣдкой насмѣшкой безгласному поэту.

Гервегъ сгоряча отвѣтилъ неудачной и вульгарной остротой. Въ Кенигсбергѣ, гдѣ ему оказали самый сердечный пріемъ, онъ узналъ, что прусская полиція тотчасъ послѣ его аудіенціи у короля съ неприличной поспѣшностью запретила напередъ газету, которую онъ хотѣлъ издавать въ Швейцаріи и которая существовала пока только въ проспектахъ. Тогда онъ обратился къ королю съ письмомъ, гдѣ заднимъ числомъ разыгралъ маркиза Позу. Письмо было противъ его воли оглашено въ „*Leipziger Allgemeine Zeitung*“, и немедленно же Гервегъ получилъ приказъ о высылкѣ, заставшій его въ Штеттинѣ, у его пріятеля Прутца. Те-

перь тріумфальное шествіе двинулось по обратному направленію, черезъ цѣпь жандармовъ, до самой границы, а затѣмъ раздалось „Распни!“ той самой прессы, которая только что кричала „Осанна!“ Даже Фрейлигратъ примѣшалъ свой голосъ къ кошачьему концерту, а Гейне насмѣшливо писалъ:

Das Volk wie katzenjämmerlich,
Das eben noch so schön besoffen!

Человѣкъ Гервегъ никогда не дожилъ до дня Дамаска, который ему пророчилъ король-романтикъ, но поэту Гервегу навсегда обломалъ крылья тотъ фактъ, что народъ, впереди котораго онъ воображалъ себя шествующимъ съ развѣвающимся знаменемъ, оказался въ дѣйствительности злорадствующей толпой лакеевъ.

Одновременно съ своимъ поэтомъ пали и „*Deutsche Jahrbücher*“. Конфликтъ съ Бруно Бауеромъ и кружкомъ „Свободныхъ“ укрѣпилъ Руге въ его намѣреніи выступить непосредственно противъ исторической школы. Первую книжку своего журнала за 1843 г. онъ открылъ самокритикой либерализма, въ которой развивалъ ту мысль, что нѣмецкій либерализмъ совсѣмъ не партія, а только голубая дымка безплодной теоріи, и никогда не можетъ стать чѣмъ-нибудь реально существующимъ, ибо никогда не знаетъ, чего онъ собственно хочетъ. Руге хотѣлъ растворить его въ демократіи съ ея практическими задачами. Въ качествѣ таковыхъ онъ указывалъ: превратить церковь въ школу и организовать настоящее народное образованіе, обнимающее всѣ низшіе слои населенія, всецѣло слить съ нимъ военное дѣло, предоставить образованному и организованному народу управлять самимъ собою и самому отправлять правосудіе, въ государственной жизни и въ гласномъ судѣ. Это было, однако, слишкомъ много для нѣмецкихъ князей. Саксонія и Пруссія, а затѣмъ и союзный сеймъ, запретили „*Deutsche Jahrbücher*“.

Къ сожалѣнію, гибель „*Deutsche Jahrbücher*“ также не обошлась безъ комически-тривіальнаго инцидента. Въ петиціи къ саксонскому собранію земскихъ чиновъ Руге протестовалъ противъ запрещенія его журнала и сослался, между прочимъ, на свидѣтельство своей семьи, что онъ хорошій и полезный гражданинъ. Однако, бравые саксонскіе парламентаріи одобрили запрещеніе, съ той убѣдительной мотивировкой, что содержаніе „*Deutsche Jahrbücher*“ имъ совершенно незнакомо, а то немногое, что они о немъ слышали, имъ совершенно непонятно.

Глава VIII.

Rheinische Zeitung

Письмо Гервега къ королю дало романтикѣ желанный поводъ придушить снова печать, которая при смягченной цензурной инструкціи вздохнула нѣсколько свободнѣе, хотя по большей части и ограничивалась безсильными и робкими жалобами. Спустя 8 дней послѣ изданія новой инструкціи, въ „*Vossische Zeitung*"—берлинскомъ органѣ тайно резонерствующаго, но публично виляющаго хвостомъ мѣщанства—раздался торжествующій голосъ: такъ какъ слово объявлено свободнымъ, то газета хочетъ воспользоваться свободой—въ надлежащихъ, однако, границахъ—и откровенно, но вѣрноподданно высказать свое мнѣніе, что при отправкѣ почтовыхъ бауловъ въ Курляндію, изъ коихъ одинъ былъ незадолго предъ тѣмъ украденъ, было бы цѣлесообразно прикомандировывать къ почтѣ кондуктора. Вслѣдъ за этимъ въ „*Spenersche Zeitung*" появилось такое грубое возраженіе почтоваго вѣдомства, что тетка Фоссъ смущенно потянула назадъ смѣло выпущенные щупальцы и ограничилась робкимъ вопросомъ, неужели почтовыя власти считаютъ себя выше *всякаго* упрека.

Изъ серьезныхъ ежедневныхъ газетъ только три достигли болѣе или менѣе сильнаго вліянія на прусское населеніе, причемъ одна изъ нихъ выходила за рубежомъ Пруссіи, именно—лейпцигская „*Allgemeine Zeitung*", тайно питавшаяся недовольными элементами прусской бюрократіи, но тотчасъ же запрещенная прусскимъ правительствомъ, какъ только она опубликовала письмо Гервега. Въ самомъ прусскомъ государствѣ честнымъ и мужественнымъ языкомъ говорили „*Königsberger Zeitung*" и „*Rheinische Zeitung*": „Кенигсбергская развратная газета" и ея „сестра-потаскуха съ Рейна", какъ его романтическому величеству угодно было называть ихъ на своемъ жаргонѣ гвардейскаго поручика.

„Кёнигсбергская Газета“ стояла на бюргерско-идеологической точкѣ зрѣнія Іоганна Якоби и редактировалась старшимъ учителемъ Виттомъ, которому приходилось изъ-за этого испытывать мелочныя преслѣдованія министра Эйхгорна; въ этой газетѣ заслужилъ себѣ, въ числѣ прочихъ, свои литературныя шпоры молодой Валесроде. Она стояла однако, особенно въ смыслѣ широты кругозора, позади „*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*“ которая стала выходить въ Кёльнѣ съ 1-го января 1842 года.

Согласно заявленію, помѣщенному въ первомъ нумерѣ „Рейнской Газеты“, она была основана кружкомъ независимыхъ прирейнскихъ жителей, поклонниковъ прогресса, стремившихся къ подъему рейнскихъ провинцій, къ развитію ихъ учрежденій, къ защитѣ ихъ интересовъ, какъ и интересовъ общенѣмецкихъ, вообще— къ внутреннему процвѣтанію человѣческаго общества. Какъ видитъ читатель, объявленіе не отличалось большой ясностью; точно также то, что̀ газета провозгласила потомъ своей политической программой,—введеніе общаго избирательнаго закона, обнимающаго всѣ классы и интересы, публичность правительственныхъ дѣйствій, свобода печати и т. д.,—не было такъ аккуратно раздѣлено по главамъ и параграфамъ, какъ это соотвѣтствуетъ обычаямъ уже развитой системы партій. „*Рейнская Газета*“ объединяла различные элементы, которымъ ясно было, что̀ связываетъ ихъ, но еще не было ясно, что̀ ихъ отдѣляетъ другъ отъ друга: за старшими вождями рейнской буржуазіи, за Давидомъ Ганземаномъ и Лудольфомъ Кампгаузеномъ, президентомъ кёльнской торговой палаты, за этими хладнокровно разсчитывающими дѣльцами стояло молодое поколѣніе, выросшее подъ духовнымъ вліяніемъ гегелевской философіи. Гораздо яснѣе, чѣмъ въ вопросахъ политики, „*Рейнская Газета*“ отдавала себѣ отчетъ въ вопросахъ торговли и промышленности: она требовала точной и подробной отчетности о государственномъ хозяйствѣ, уменьшенія государственныхъ расходовъ, развитія желѣзнодорожнаго дѣла, уменьшенія судебныхъ пошлинъ и почтовыхъ тарифовъ, общаго флага и общихъ консуловъ для таможеннаго союза.

Эти обстоятельства обусловливали ея крупное превосходство надъ оппозиціонной печатью Остъ-Эльбіи. По смѣлости и ясности мысли она могла по меньшей мѣрѣ сравняться съ „*Deutsche Jahrbücher*“, между тѣмъ какъ пониманіемъ промышленнаго развитія, гнавшаго впередъ нѣмецкую жизнь, она далеко превосходила ихъ. Она такъ же энергично выступала за таможенный

союзъ, какъ Шёнъ возставалъ противъ него. На таможенномъ союзѣ, говорила газета, основано право прусскаго государства главенствовать въ Германіи; газета готова вести борьбу подъ флагомъ этого государства, если оно вслѣдъ за хозяйственнымъ прогрессомъ откроетъ путь прогрессу духовному и политическому. Со свойственною ненависти проницательностью меттерниховскія перья въ „*Augsburger Allgemeine Zeitung*" изобличали прусскія тенденціи „Рейнской Газеты", въ то время какъ прусскіе государственные мужи шептали другъ другу на ухо, что газета живетъ деньгами французскаго правительства. Берлинское правительство было слишкомъ ограниченно, чтобы понять, какое сильное оружіе „Рейнская Газета" хотѣла вложить въ его руки. Оно тѣмъ больше упорствовало въ своей абсолютистско-феодальной отсталости, чѣмъ энергичнѣе „Рейнская Газета" хотѣла поднять его на высоту современнаго гражданскаго общества. Такъ конфликтъ обострялся съ каждымъ днемъ, и соотвѣтственно съ этимъ въ „Рейнской Газетѣ" все больше занимали руководящее мѣсто радикальные элементы.

Ихъ была внушительная плеяда. Изъ круга берлинскихъ лѣвыхъ гегельянцевъ сотрудничали Бруно Бауеръ, Кёппенъ, Науверкъ, Штирнеръ; редакторъ нѣмецкаго отдѣла Рутенбергъ былъ также родомъ изъ Берлина. Изъ коренныхъ жителей Рейна въ „*Rheinische Zeitung*" работали Генрихъ Бюргерсъ, Георгъ Юнгъ, Моисей Гессъ, Германъ Пютманъ, Карлъ Марксъ. Газета не давала регулярныхъ передовыхъ статей, она не была еще сдавлена въ тискахъ шаблоннаго предпріятія, создаваемаго системой конкурренціи. Тѣмъ богаче былъ матеріалъ для чтенія, который давали техническія и научныя статьи ея приложенія или эстетическія, литературныя и философскія изслѣдованія и превосходныя стихотворенія, помѣщавшіяся въ ея фельетонѣ. Здѣсь Гервегъ и Прутцъ были постоянными гостями. Очень скоро, однако, самый молодой сотрудникъ „*Rheinische Zeitung*" выдвинулся, какъ лучшая сила ея; еще теперь, когда раскрываешь запыленные томы газеты, то среди обилія хорошаго легко узнаешь работы Карла Маркса, какъ лучшее—по широтѣ и глубинѣ идейнаго замысла, по силѣ и блеску стиля, по рѣзкимъ противоположеніямъ діалектической аргументаціи, по остротѣ мысли, которая всегда проникаетъ, анализируя, въ запутанный хаосъ нѣмецкихъ дѣлъ, пока не достанетъ твердаго дна. Осенью 1842 г. Марксъ взялъ на себя редактированіе „*Rheinische Zeitung*" и велъ его въ теченіе всей зимы, оставивъ его лишь за немногіе дни до гибели газеты.

Первыя его работы были посвящены вопросу о свободѣ печати. Въ „*Anekdota*“ Руге онъ помѣстилъ свои замѣчанія по поводу новѣйшей прусской цензурной инструкціи, гдѣ требовалъ полнаго упраздненія цензуры. Самое учрежденіе плохо, говорилъ онъ, а учрежденія могущественнѣе людей. Марксъ издѣвается надъ манерой псевдо-либерализма, умѣющаго утѣшаться по поводу всякаго дурного учрежденія смѣною заправляющихъ имъ лицъ. Онъ по пунктамъ разбираетъ новую инструкцію, чтобы обнаружить логическую безсмыслицу, которую она скрывала подъ романтически-туманной оболочкой. Какъ и старый цензурный эдиктъ, инструкція содержала предписаніе, что изслѣдованіе истины въ печати должно отличаться серьезностью и скромностью; на это Марксъ возражаетъ: „Вы удивляетесь восхитительному разнообразію, неисчерпаемому богатству природы. Вы не требуете, чтобы роза пахла какъ фіалка, но самое богатое, духъ, должно имѣть право существовать только на *одинъ* манеръ? Я юмористиченъ, но законъ приказываетъ писать серьезно. Я боекъ, но законъ приказываетъ, чтобы мой стиль былъ скроменъ. Сѣрое изъ сѣраго—вотъ единственная дозволенная краска свободы. Каждая капля росы, въ которой отражается солнце, переливаетъ неисчислимыми цвѣтами радуги, а солнцу духовному, въ какомъ бы количествѣ индивидовъ, въ какомъ бы числѣ предметовъ оно ни преломлялось, разрѣшается производить только одинъ, только оффиціальный цвѣтъ. Существенная форма духа есть радостность, свѣтъ, а вы дѣлаете единственнымъ надлежащимъ проявленіямъ его — тѣнь; онъ долженъ одѣваться только въ черное, а между тѣмъ среди цвѣтовъ нѣтъ, вѣдь, чернаго“.

Новая инструкція отличалась, однако, отъ стараго эдикта въ томъ отношеніи, что предписывала цензорамъ внимательно наблюдать за тѣмъ, благонамѣренна ли тенденція печати или нѣтъ. Со жгучей насмѣшкой Марксъ пишетъ по этому поводу: „Писатель отданъ такимъ образомъ въ жертву самому страшному терроризму, юрисдикціи подозрѣнія. Законы противъ тенденцій, законы, не дающіе никакихъ объективныхъ нормъ, суть террористическіе законы, какіе изобрѣтало крайнее положеніе государства при Робеспьерѣ и развращенность государства при римскихъ императорахъ. Законы, дѣлающіе главными своими критеріями не дѣяніе, какъ таковое, а образъ мыслей дѣйствующаго, представляютъ собою ничто иное, какъ положительныя санкціи беззаконія... Законъ противъ тенденціи наказываетъ не только то, что я дѣлаю, но и то,

что я думаю внѣ дѣянія. Онъ является, слѣдовательно, оскорбленіемъ для чести гражданина, притѣснительнымъ закономъ противъ моего существованія. Я могу вертѣться, сколько мнѣ угодно, фактическая сторона дѣла не имѣетъ значенія: самое существованіе мое подозрительно, моя глубочайшая сущность, моя индивидуальность считается дурной, и за это мнѣніе я несу наказаніе. Законъ наказываетъ меня не за неправду, которую я совершаю, но за ту неправду, которой я не совершаю. Я несу кару собственно за то, что мое дѣяніе не противозаконно, ибо лишь этимъ путемъ я заставляю мягкаго, благожелательнаго судью соображаться съ моимъ дурнымъ образомъ мыслей, который настолько осторожень, что не показывается на свѣтъ божій. Законъ противъ образа мыслей не есть законъ государства для его гражданъ, а законъ одной партіи противъ другой партіи".

Законы противъ направленія, говоритъ далѣе Марксъ, изобрѣтаются тѣми правительствами, которыя принципіально противопоставляютъ себя народу и потому считаютъ свой антигосударственный образъ мыслей всеобщимъ, нормальнымъ образомъ мыслей. Нечистая совѣсть правящей клики изобрѣтаетъ законы противъ направленія, какъ законы мести противъ образа мыслей, который гнѣздится лишь въ членахъ самого правительства. „Законы противъ образа мыслей имѣютъ своей основой безпринципность; они нескромный крикъ нечистой совѣсти. И какъ выполнять подобный законъ? Путемъ средства, болѣе возмутительнаго, чѣмъ онъ самъ, при помощи шпіоновъ или предварительнаго уговора считать вредными цѣлыя литературныя направленія. Какъ въ законѣ противъ направленія форма противорѣчитъ содержанію, какъ издающее его правительство ополчается противъ того, что оно представляетъ само, т.-е. противъ антигосударственнаго образа мыслей,—такъ точно оно является нѣкоторымъ образомъ свѣтомъ, вывороченнымъ наизнанку по отношенію къ своимъ законамъ, ибо оно мѣряетъ двоякой мѣрой: на одной сторонѣ правомъ является то, что составляетъ нарушеніе права для другой. Уже его законы представляютъ собою противоположность того, что они провозглашаютъ закономъ... Такъ, инструкція хочетъ охранять религію, но она нарушаетъ самый общій принципъ всѣхъ религій, святость и неприкосновенность субъективнаго образа мыслей; судьею сердца она дѣлаетъ цензора, вмѣсто Бога. Она запрещаетъ обидныя выраженія и затрагивающія честь сужденія относительно частныхъ лицъ, но въ то же время ежедневно подвергаетъ васъ обидному и за-

трагивающему честь сужденію цензора. Инструкція хочетъ уничтожить сплетни, идущія отъ зложелательныхъ или дурно освѣдомленныхъ лицъ, и въ то же время заставляетъ цензора полагаться на такія сплетни, полагаться на шпіонство плохо освѣдомленныхъ или зложелательныхъ субъектовъ... Въ этой діалектикѣ запутывается новая цензурная инструкція. Она являетъ собою воплощенное противорѣчіе, такъ какъ стремится проводить на практикѣ и дѣлать обязанностью для цензоровъ все то, что она же осуждаетъ въ печати, какъ антигосударственное". Въ этой статьѣ левъ впервые поднялъ когти противъ безправія и произвола, и ихъ сокрушающій ударъ поражаетъ такъ же мѣтко теперешніе насильственные акты противъ рабочихъ классовъ, какъ онъ 50 лѣтъ тому назадъ поражалъ цензурную инструкцію.

Въ самой «*Рейнской Газетѣ*» Марксъ началъ подробной критикой работъ рейнскаго провинціальнаго ландтага въ 1841 г. Въ ландтагъ поступила покрытая болѣе чѣмъ тысячею подписей петиція изъ Кёльна, съ просьбою немедленно довести ее до свѣдѣнія короля. Она требовала свободнаго доступа публики въ засѣданія ландтага, ежедневной и полной передачи дебатовъ, права свободнаго обсужденія этихъ дебатовъ, какъ и всѣхъ дѣлъ страны, въ газетахъ, наконецъ—закона о печати вмѣсто цензуры. Ландтагъ присоединился къ этимъ пожеланіямъ съ очень большими оговорками: онъ просилъ у короля разрѣшенія называть въ протоколахъ ландтага имена ораторовъ и затѣмъ — не закона о печати, не уничтоженія цензуры, а только цензурнаго закона, который бы не допускалъ произвольныхъ дѣйствій цензоровъ. То и другое было отклонено короной.

По этому поводу Марксъ въ шести большихъ статьяхъ выступаетъ рѣзко противъ ландтага. На заявленіе одного оратора, что сословія могли бы публиковать свои рѣчи, смотря по обстоятельствамъ или по своему усмотрѣнію, онъ возражаетъ съ холоднымъ презрѣніемъ: „увѣряемъ оратора, что провинція отнюдь не интересуется словами земскихъ чиновъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, а вѣдь только такой характеръ имѣютъ въ дѣйствительности ихъ слова. Провинція желаетъ, напротивъ, чтобы слова земскихъ чиновъ превратились въ явственно слышную обществу рѣчь страны". Марксъ уже теперь бичуетъ то, что впослѣдствіи заклеймилъ названіемъ парламентскаго кретинизма. „Вопросъ идетъ о томъ, имѣть ли провинціи сознаніе о своемъ представительствѣ, или нѣтъ. Неужели къ таинству правительства должно прибавиться еще новое

таинство представительства? Вѣдь и въ правительствѣ представленъ народъ. Новое представительство послѣдняго при посредствѣ собранія земскихъ чиновъ совершенно безсмысленно поэтому, разъ его специфическій характеръ не заключается именно въ томъ, что здѣсь работаютъ не для провинціи, а работаетъ она сама, что здѣсь не ее представляютъ, а она сама представляетъ себя. Представительство, скрываемое отъ сознанія его избирателей, не есть представительство. Was ich nicht weiss, macht mich nicht heiss („чего я не знаю, къ тому я равнодушенъ"). Безсмысленное противорѣчіе заключается въ томъ, что государственная функція, каковой преимущественно является самодѣятельность отдѣльныхъ провинцій, закрывается даже для ихъ *формальнаго* содѣйствія, для ихъ *совѣдѣнія*; безсмысленное противорѣчіе состоитъ въ томъ, что моя самодѣятельность должна заключаться въ неизвѣстномъ мнѣ дѣяніи другого".

Столь же безпощадно Марксъ разбираетъ дебаты ландтага о свободѣ печати. Голосамъ изъ княжескаго и рыцарскаго сословія, опасавшимся деморализующаго вліянія свободной печати, онъ возражаетъ, что деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ, напротивъ, подцензурная печать. Съ нею нераздѣльно связанъ возведенный въ квадратъ порокъ лицемѣрія, а изъ этого основного ея порока вытекаютъ всѣ другіе ея недостатки, которымъ недостаетъ даже расположенія къ добродѣтели, вытекаютъ отвратительные даже съ эстетической точки зрѣнія пороки пассивности. „Правительство слышитъ лишь свой собственный голосъ, оно знаетъ, что слышитъ лишь свой голосъ, а между тѣмъ утверждается все-таки въ обманѣ, что оно слышитъ народный голосъ, и требуетъ также отъ народа, чтобы тотъ утвердился въ этомъ обманѣ. Съ своей стороны, народъ погружается, вслѣдствіе этого, отчасти въ политическое суевѣріе, отчасти въ политическое невѣріе, или, совершенно отвернувшись отъ жизни, становится приватной чернью". Но Маркса не удовлетворяетъ и то, что было сказано о свободѣ печати изъ рядовъ городского сословія. По поводу требованія, чтобы печать не была исключаема изъ общей свободы промысловъ, Марксъ саркастически замѣчаетъ: „мы имѣемъ здѣсь предъ собою оппозицію буржуа, а не гражданина". Онъ не желаетъ, конечно, отрицать относительной справедливости этого воззрѣнія. „Какъ бы оригинальна ни показалась на первый взглядъ точка зрѣнія оратора, мы все-таки должны отдать ей безусловное предпочтеніе предъ нерѣшительнымъ и туманнымъ разсужденіемъ тѣхъ нѣмец-

кихъ либераловъ, которые думаютъ оказать почетъ свободѣ, когда они помѣщаютъ ее въ звѣздное небо воображенія вмѣсто твердой почвы дѣйствительности. Этимъ резонёрамъ воображенія, этимъ сантиментальнымъ энтузіастамъ, пугающимся, какъ профанаціи, всякаго соприкосновенія ихъ идеала съ низкой дѣйствительностью, мы, нѣмцы, обязаны отчасти тѣмъ, что свобода осталась до сихъ поръ только воображеніемъ и сантиментальностью". Нѣмцы вообще склонны къ сантиментамъ и преувеличеніямъ, они питаютъ нѣжность къ музыкѣ голубого эеира. Они по природѣ въ высшей степени набожны, въ высшей степени вѣрноподданны, почтительны, они не осуществляютъ идей изъ одного почтенія къ нимъ. Но какъ бы относительно правиленъ ни былъ указанный взглядъ на свободу печати, онъ все-таки ложенъ. „Конечно, писатель долженъ получать доходъ, чтобы имѣть возможность существовать и писать, но онъ отнюдь не долженъ существовать и писать для того, чтобы получать доходъ... Свобода печати состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы не быть промысломъ", — тезисъ, жестокую правду котораго буржуазная печать доказала съ тѣхъ поръ 60-лѣтней... несвободой.

За исключеніемъ нѣскольких голосовъ, особенно изъ крестьянскаго сословія, другіе ораторы, участвовавшіе въ преніяхъ рейнскаго провинціальнаго ландтага относительно свободы печати и публикованія отчетовъ о засѣданіяхъ ландтага, производятъ на Маркса безотрадное и непріятное впечатлѣніе представителей, колеблющихся постоянно между умышленной закоснѣлостью привилегіи и естественнымъ безсиліемъ полулиберализма. „Эти господа, только потому, что они хотятъ быть обязанными свободой не какъ естественнымъ даромъ общему солнечному свѣту разума, а какъ сверхъестественнымъ подаркомъ—особенно благопріятному положенію звѣздъ, что они разсматриваютъ свободу, какъ индивидуальное только свойство извѣстныхъ лицъ и сословій,—послѣдовательно вынуждены подводить общій разумъ и общую свободу подъ категорію неблагонамѣренности и бредней „логически построенныхъ системъ". Чтобы спасти особыя вольности привилегіи, они подвергаютъ проскрипціи общую свободу человѣческой природы". Марксъ отвергаетъ ту „свободу", которая хочетъ существовать только во множественномъ числѣ; вмѣстѣ съ Вольтеромъ онъ называетъ „вольности" исключеніями изъ общаго рабства. Особые виды свободы являются необходимыми слѣдствіями изъ ея общаго принципа: въ свободѣ промысловъ природа про-

мысла принимаетъ форму, отвѣчающую внутреннему правилу его жизни; въ судебной свободѣ суды слѣдуютъ врожденнымъ законамъ самого права. „Какъ въ мiровой системѣ каждая отдѣльная планета движется вокругъ солнца лишь такимъ образомъ, что она вертится вокругъ самой себя, такъ и въ системѣ свободы каждый изъ ея мiровъ обращается вокругъ центральнаго солнца свободы, лишь вращаясь вокругъ себя самого".

Въ этихъ статьяхъ Марксъ стоитъ еще вполнѣ на точкѣ зрѣнiя гегельянца, правда—радикальнаго гегельянца, съ горячимъ вожделѣнiемъ взирающаго изъ заоблачнаго мiра на мiръ земной, но все-таки гегельянца, который выводитъ свои заключенiя изъ чисто идеологическихъ предпосылокъ. Въ указываемомъ отношенiи характерны также слѣдующiя заключительныя слова въ уничтожающей полемикѣ Маркса противъ „*Kölnische Zeitung*", редакторъ которой, Гермесъ, былъ купленъ правительствомъ и выставлялъ передъ полицiей и цензурой лѣвыхъ гегельянцевъ невѣжественными болтунами, а ихъ публицистическую дѣятельность—отвратительнымъ плодомъ мальчишескаго самомнѣнiя: „Если прежнiе теоретики государственнаго права конструировали государство изъ инстинктовъ, напр. инстинкта честолюбiя или общественности, или хотя и изъ разума, но не изъ разума общества, а изъ разума отдѣльнаго лица, то болѣе идеальное и основательное воззрѣнiе новѣйшей философiи конструируетъ государство изъ идеи цѣлаго. Государство оно разсматриваетъ, какъ большой организмъ, въ которомъ должна получить свое осуществленiе правовая, моральная и политическая свобода, и отдѣльный гражданинъ подчиняться государственнымъ законамъ лишь какъ естественнымъ законамъ своего собственнаго, человѣческаго разума". Съ этой точки зрѣнiя Марксъ подвергаетъ историческую школу столь же блестящей, сколько острой критикѣ: выдержками изъ учебника естественнаго права Гуго онъ показываетъ, что ея методъ стремится доказать не разумность существующаго, а его неразумiе. Она неправильно толкуетъ учителя Канта въ томъ смыслѣ, что, не имѣя возможности знать истину, мы будто бы должны пропускать, какъ полноцѣнность, неистинное, если оно только существуетъ. Изъ всѣхъ краевъ свѣта она съ самодовольной иронiей притягиваетъ доводы, чтобы показать съ очевидностью, что никакая разумная необходимость не проникаетъ дѣйствующихъ правовыхъ институтовъ, въ родѣ собственности, государственнаго устройства, брака, что они даже противорѣчатъ разуму, и самое большее, это—если можно болтать

за или противъ нихъ. Идеологическое воззрѣніе Маркса выступаетъ достаточно ярко и въ томъ, чтó онъ говоритъ относительно законовъ о печати, въ противоположность законамъ о цензурѣ. „Въ законѣ о печати караетъ свобода, въ цензурномъ законѣ свобода карается. Цензурный законъ есть законъ о подозрительныхъ, направленный противъ печати. Законъ о печати есть вотумъ довѣрія, которое свобода выражаетъ самой себѣ. Законъ о печати наказываетъ злоупотребленіе свободою, цензурный законъ караетъ свободу, какъ злоупотребленіе. Цензурный законъ имѣетъ только внѣшнюю форму закона, законъ о печати есть истинный законъ, ибо онъ представляетъ собою положительное бытіе свободы... Отсутствіе законодательства о печати должно быть разсматриваемо, какъ исключеніе свободы печати изъ сферы правовой свободы, ибо всякая юридически признанная свобода существуетъ въ государствѣ въ формѣ закона". Какая разница между законодательствомъ о печати въ сухой дѣйствительности кодексовъ и философскимъ гороскопомъ, который былъ поставленъ ей молодымъ Марксомъ!

Вскорѣ однако онъ, по собственному выраженію, спустился на „ровную землю" и въ суровомъ столкновеніи съ экономическими фактами позналъ недостаточность идеалистическихъ воззрѣній на общество и государство. Въ другомъ рядѣ большихъ статей онъ критиковалъ пренія рейнскаго провинціальнаго ландтага по поводу закона о кражѣ лѣса. И здѣсь онъ требуетъ, чтобы отдѣльная матеріальная задача была разрѣшена политически, т.-е. въ связи со всѣмъ государственнымъ разумомъ и государственной нравственностью; онъ называетъ „низкимъ матеріализмомъ", „грѣхомъ противъ святого духа народовъ и человѣчества", „безнравственной, неразумной и бездушной абстракціей" думать при законѣ о лѣсныхъ порубкахъ только о дровахъ и лѣсѣ, рабски подчинять матеріи сознаніе. Но подобно тому какъ при дебатахъ о свободѣ печати ему открылась разница между буржуа и гражданиномъ, такъ при дебатахъ о кражѣ лѣса ему открылась разница между буржуа и пролетаріемъ. И это пробивающееся сознаніе вполнѣ понятно. Начинавшаяся крупнобуржуазная эра усердно старалась вырвать послѣдніе корни общиннаго землевладѣнія и открыла жестокую экспропріаціонную войну противъ народныхъ массъ. Изъ 207.478 слѣдственныхъ производствъ по уголовнымъ дѣламъ, которыя велись въ 1836 г. въ Пруссіи, около 150.000, т.-е. почти $^3/_4$, касались кражъ лѣса и проступковъ противъ законодательства о лѣсахъ, охотѣ и пастбищахъ.

Одинъ изъ этихъ прiемовъ экспропрiацiи заключался въ томъ, что собиранiе валежника объявлялось кражей лѣса. Марксъ возражаетъ противъ этого, что даже уголовное уложенiе 16-го вѣка не отваживалось на что-либо подобное. „Если законъ называетъ дѣянiе, которое едва представляетъ собою проступокъ, кражей лѣса, то законъ лжетъ, и бѣднякъ приносится въ жертву законной лжи". Марксъ ссылается на изреченiе Монтескье, что есть два рода испорченности: одинъ, когда народъ не соблюдаетъ законовъ, и другой, когда законы портятъ народъ; зло послѣдняго рода неизлѣчимо, ибо оно скрывается въ самомъ лѣкарствѣ. „Мы же, непрактичные люди, притязуемъ для бѣдной, политически и соцiально неимущей массы на то, что ученая и прислуживающаяся челядь такъ называемыхъ историковъ изобрѣла, какъ философскiй камень, для превращенiя всякой нечистой претензiи въ чистое золото права: мы призываемъ въ пользу бѣдности обычное право, и притомъ не мѣстное обычное право, а такое, которое является обычнымъ правомъ бѣдныхъ во всѣхъ странахъ". Марксъ идетъ еще дальше и выставляетъ положенiе, что обычное право по своей природѣ является *только* правомъ низшей, неимущей массы.

Его доказательство простое. Привилегированныя сословiя уже нашли въ законѣ признанiе своего разумнаго права и часто даже своихъ неразумныхъ притязанiй. На права, предъявляемыя ими вопреки закону, они притязуютъ какъ на домены для своихъ прихотей и удовольствiй. „Но если эти барскiя обычныя права являются обычаями, противорѣчащими понятiю разумнаго права, то обычныя права бѣдности являются правами вопреки обычаю положительнаго права. Нельзя утверждать, что содержанiе послѣднихъ не укладывается въ законную форму: оно не мирится, напротивъ, съ собственной безформенностью; форма закона не противорѣчитъ этому содержанiю, она только не достигнута еще имъ". Марксъ видитъ основу всѣхъ обычныхъ правъ бѣдняковъ въ неопредѣленномъ характерѣ извѣстной собственности, вслѣдствiе котораго ее нельзя признать рѣшительно частной собственностью, но нельзя также рѣшительно признать и собственностью общей,—смѣсь гражданскаго и публичнаго права, встрѣчаемая нами во всѣхъ учрежденiяхъ среднихъ вѣковъ. Разсудокъ упразднилъ эти промежуточныя, шаткiя формы собственности, примѣнивъ заимствованныя изъ римскаго права категорiи абстрактнаго гражданскаго права. „Такимъ образомъ, въ этихъ обычныхъ правахъ бѣдныхъ классовъ живетъ инстинктивное чувство права, ихъ корень положителенъ и зако-

нен, и форма обычнаго права тѣмъ болѣе естественна въ данномъ случаѣ, что самое бытіе неимущаго класса составляетъ до сихъ поръ всего лишь обычай буржуазнаго общества, не нашедшій еще себѣ надлежащаго мѣста въ кругу сознательнаго расчлененія государства".

Марксъ ближе разъясняетъ свой взглядъ на одномъ примѣрѣ изъ дебатовъ рейнскаго провинціальнаго ландтага. Одинъ представитель отъ городовъ говорилъ противъ статьи, по которой собираніе брусники и черники должно было наказываться, какъ кража. Онъ указывалъ на то, что эти ягоды собираютъ дѣти бѣдныхъ людей, чтобы заработать такимъ образомъ кое-что для бѣдныхъ своихъ родителей; это съ незапамятныхъ временъ разрѣшалось собственниками лѣсовъ, и потому для ребятъ возникло основанное на обычаѣ право. Другой депутатъ возразилъ, что въ его мѣстности упомянутыя ягоды стали уже статьей торговли и посылаются цѣлыми бочками въ Голландію. Эту аргументацію Марксъ разбиваетъ слѣдующими ѣдкими замѣчаніями: „Въ одномъ мѣстѣ дѣйствительно дошли уже до того, что изъ основаннаго на обычаѣ права бѣдняковъ сдѣлали монополію богатыхъ. Дано исчерпывающее доказательство того, что можно монополизировать общественное добро; отсюда само собою вытекаетъ, что его нужно монополизировать. Природа предмета требуетъ монополіи, потому что ее изобрѣлъ интересъ частной собственности. Современная выдумка нѣсколькихъ сребролюбивыхъ торгашей становится неопровержимой, какъ только отъ нея перепадаетъ кое-что древнетевтонскому землевладѣльческому интересу". Марксъ заключаетъ признаніемъ, что онъ лишь съ крайней неохотой слѣдилъ за этими скучными дебатами, но счелъ своимъ долгомъ показать на одномъ примѣрѣ, чего можно ожидать отъ сословнаго собранія, представляющаго частные интересы, если бы его когда - нибудь серьезно призвали къ законодательной дѣятельности.

Статьи о кражѣ лѣса привели Маркса къ вопросу о значеніи пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ. Но и въ прочихъ отношеніяхъ тщательное вниманіе, которое «*Rheinische Zeitung*» удѣляла экономическимъ вопросамъ, чувствительно нарушало идеологическое самодовольство ея сотрудниковъ изъ лѣвыхъ гегельянцевъ. Если государство должно быть всеобщностью, то нужно, чтобы оно было единымъ, и нельзя допустить, чтобы оно было раздѣлено. Обо что разбиваются, слѣдовательно, попытки построить государство въ его „всеобщности"? Отвѣтъ былъ подъ рукой, и онъ дѣйствительно былъ данъ: свобода разбивается о нищету, кото-

рая отнимаетъ у весьма значительной еще части общества возможность свободно развивать свои силы.

Среди швейцарскихъ корреспондентовъ газеты находились друзья Вейтлинга, Августъ Беккеръ и Себастьянъ Зейлеръ. „*Rheinische Zeitung*" въ концѣ сентября 1842 г. сама цитировала статью изъ „*Junge Generation*" Вейтлинга, гдѣ по поводу правительственныхъ формъ въ коммунистическомъ обществѣ говорилось, что въ правительство слѣдуетъ выбирать не лицъ, а способности, — идея, которой „*Rheinische Zeitung*" не хотѣла отказать въ геніальности и оригинальности. На слѣдующій день она перепечатала изъ „*Junge Generation*" письмо случайнаго корреспондента о берлинскихъ „семейныхъ домахъ", какъ статью „не лишенную интереса для исторіи этого важнаго вопроса дня". Корреспонденція изображала дома для рабочихъ у Гамбургскихъ воротъ—„полдюжины фабрикоподобныхъ мышеловокъ, слѣпленныя изъ глины и дерева, вышиною въ 40 футовъ и длиною около 90 футовъ, выкрашенныя въ синюю и бѣлую краски",—какъ гнѣздо отчаянной нищеты, чѣмъ они и были въ дѣйствительности.

Почти одновременно въ „*Rheinische Zeitung*" прозвучало слабое эхо французскаго соціализма. Газета послала на ученый конгрессъ въ Страсбургъ собственнаго корреспондента, повидимому— Моисея Гесса. На конгрессъ явилось много нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ; рядомъ съ нѣмецкими либералами, вродѣ Велькера, привѣтствовавшаго французскую революцію, какъ родоначальницу естественнаго права, присутствовали французскіе соціалисты, напр. Консидеранъ и Леру, а въ экономической секціи конгресса обсуждались системы французскаго соціализма. Корреспондентъ „*Rheinische Zeitung*" сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, что среднее сословіе занимаетъ теперь положеніе, аналогичное положенію дворянства въ 1789 г.: третье сословіе заявило тогда притязаніе на привилегіи дворянства и получило ихъ, а теперь неимущее сословіе требуетъ себѣ доли въ богатствѣ правящихъ нынѣ среднихъ классовъ. Теперешнее среднее сословіе приготовилось, однако, лучше, чѣмъ дворянство въ 1789 г., и задача будетъ, вѣроятно, разрѣшена мирнымъ путемъ.

Это заявленіе и перепечатка статьи о берлинскихъ семейныхъ домахъ дали аугсбургской „*Allgemeine Zeitung*" желанный поводъ напасть на „*Rheinische Zeitung*" за коммунистическую пропаганду. Марксъ, къ которому только что перешло редактированіе газеты, отвѣтилъ на это 16 октября 1842 г. энергичной отповѣдью. Онъ

осмѣивает „*Аугсбургскую Всеобщую Газету*" за то, что одному изъ ея парижскихъ корреспондентовъ, разсуждающему объ исторіи, какъ кондитеръ о ботаникѣ, пришла въ голову счастливая мысль: монархія должна постараться на свой ладъ усвоить себѣ соціалистическо-коммунистическія идеи. Марксъ спрашиваетъ: „Можетъ быть, она ставитъ намъ въ упрекъ, что мы не прописали тотчасъ надлежащаго рецепта и не сунули въ карманъ пораженному читателю яснаго какъ день отчета о неавторитетномъ рѣшеніи проблемы? Мы не обладаемъ искусствомъ справляться одной фразой съ вопросами, надъ рѣшеніемъ которыхъ работаютъ два народа". Но отражая несправедливыя нападки, Марксъ въ то же время съ нескрываемой рѣзкостью высказывается противъ кое-какъ сочиненныхъ рѣшеній этихъ вопросовъ, какими бы добрыми намѣреніями они ни были внушены. Съ характерной прямотой онъ признаетъ, что не составилъ себѣ еще самостоятельнаго сужденія о французскомъ соціализмѣ, и развиваетъ свою программу слѣдующимъ образомъ: „*Рейнская Газета*, которая не можетъ признать за коммунистическими идеями въ ихъ теперешнемъ видѣ даже теоретической дѣйствительности, слѣдовательно — тѣмъ менѣе желать или хотя бы только считать возможнымъ ихъ практическое осуществленіе, подвергнетъ эти идеи основательной критикѣ. Однако, если бы „*Аугсбургская Газета*" была способна на что-либо большее, чѣмъ вылощенныя фразы, то она сама поняла бы, что такія произведенія, какъ работы Леру, Консидерана и, прежде всего, глубокомысленное сочиненіе Прудона могутъ быть критикуемы не при помощи поверхностныхъ мыслей, въ данную минуту пришедшихъ въ голову, а только послѣ продолжительнаго и глубокаго изученія. Мы твердо убѣждены, что настоящую опасность образуютъ не практическіе опыты коммунизма, а теоретическое развитіе коммунистическихъ идей, ибо на практическіе опыты можно отвѣчать пушками, какъ только они становятся опасными, но идеи, которыя покорили нашъ умъ, которыя завоевали нашу мысль, къ которымъ разсудокъ приковалъ нашу совѣсть, это—цѣпи, изъ которыхъ нельзя вырваться, не разорвавъ своего сердца, это демоны, которыхъ человѣкъ можетъ побѣдить, лишь покорившись имъ".

Марксу не суждено было выполнить своего плана въ „*Rheinische Zeitung*". Послѣ его вступленія въ редакцію газета приняла рѣзко-оппозиціонное направленіе и въ то же время задавала цензурѣ столько хлопотъ своей ловкой тактикой что окружный

президентъ фонъ-Герлахъ уже въ серединѣ ноября выразилъ издателю „самое рѣшительное неудовольствіе правительства по поводу направленія газеты". Только въ надеждѣ, что газета „повернетъ по болѣе удовлетворительному пути", власти не прибѣгли къ запрещенію, а ограничились тѣмъ, что выжили Рутенберга изъ Кёльна. Чтобы облегчить газетѣ путь къ исправленію, смѣстили ея цензора, полицейскаго совѣтника Доллешаля, безспорно представлявшаго собою великолѣпный экземпляръ цензорской ограниченности: онъ вычеркнулъ разъ изъ „*Kölnische Zeitung*" рецензію о „Божественной Комедіи" Данте въ переводѣ Филалета, впослѣдствіи короля саксонскаго, на томъ основаніи, что съ божественными предметами никому не дозволяется играть комедіи. На его мѣсто былъ назначенъ ассессоръ Витгаузъ, который долженъ былъ производить убійство мыслей болѣе искусно; однако и онъ не умѣлъ или не хотѣлъ исполнять обязанности палача такъ, чтобы удовлетворить предержащія власти въ Берлинѣ.

Очень скоро дѣло дошло до новыхъ столкновеній. „*Rheinische Zeitung*" получила изъ Бернкастеля и другихъ мѣстъ у Мозеля компетентные отчеты о жалкомъ положеніи мозельскихъ крестьянъ. Мѣстность у Мозеля, между Триромъ и Кобленцемъ, между Эйфельскими горами и Гунсрюкомъ была очень бѣдна. У мозельскаго крестьянина не было клочка земли для земледѣлія или табаководства, какъ у крестьянина въ рейнскомъ Пфальцѣ; все его владѣніе ограничивалось виноградникомъ, и каждый неурожай ставилъ его въ безвыходное положеніе. Между тѣмъ, съ середины 20-хъ до середины 30-хъ гг. слѣдовалъ другъ за другомъ рядъ неурожаевъ, а затѣмъ явился таможенный союзъ, низкіе тарифы котораго, благопріятствуя ввозу французскихъ винъ, задержали сбытъ мозельскихъ и понизили ихъ цѣны. Другія жалобы мозельскихъ крестьянъ были направлены противъ того, что капиталистическое хозяйничанье бюрократическихъ общинныхъ управленій урѣзываетъ ихъ права пользованія общинными угодьями, лѣсными и пастбищными, противъ обременительности и неравномѣрной раскладки налога на виноградное сусло, противъ высасывавшаго ихъ ростовщичества; ихъ маленькіе участки продавались массами съ аукціона, такъ какъ они не въ силахъ были платить дольше налоги и проценты. Нужда этого до крайности бѣднаго населенія была настолько очевидна, что даже у прусскаго абсолютизма не хватало духа отрицать ее, хотя онъ и признавалъ ее только съ тѣми „если" и „но", на которыя такъ щедра обык-

новенно всякая суемудрая и неспособная бюрократія, когда ей приходится сталкиваться съ практическими задачами. Послѣднимъ средствомъ абсолютизма осталась, какъ всегда, палка, которой онъ сваливалъ неудобныхъ людей, ждавшихъ отъ него большаго, чѣмъ онъ могъ дать.

Мозельскія письма въ „*Rheinische Zeitung*“ представляли собою совершенно спокойные и съ знаніемъ дѣла написанные отчеты. Одна изъ этихъ корреспонденцій осуждала тотъ фактъ, что въ одной общинѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ не было еще приступлено къ раздачѣ дровъ, несмотря на наличность прекраснаго лѣса; другая радостно привѣтствовала бóльшую свободу печати, такъ какъ отнынѣ мозельскіе крестьяне сумѣютъ публично бичевать язвы, отъ которыхъ они страдаютъ, не навлекая на себя упрека въ дерзкомъ визгѣ. Эти двѣ корреспонденціи вызвали со стороны губернатора фонъ-Шапера двѣ поправки. Въ одной онъ просилъ указать названіе той общины, гдѣ имѣла будто бы мѣсто исторія съ дровами, въ другой онъ оспаривалъ, чтобы какія-либо власти совершили когда-либо такой „недостойный поступокъ“, какъ объявленіе дерзкимъ визгомъ жалобы винодѣловъ на ихъ „общеизвѣстное бѣдственное положеніе“. Онъ просилъ, чтобы ему точно указали случаи, въ которыхъ власти, хотя бы и до появленія болѣе мягкой цензурной инструкціи, помѣшали откровенному, публичному обсужденію бѣдственнаго положенія мозельскихъ крестьянъ, и обѣщалъ свою благодарность корреспонденту, если тотъ открыто разскажетъ, отъ какихъ язвъ страдаютъ виноградари, въ особенности — если онъ сумѣетъ предложить пригодныя средства противъ нихъ. Разбрызгавъ такимъ образомъ весь свой вѣжливый ядъ, бюрократическая душа перешла въ грубый тонъ и объявила утвержденіе корреспондента злостной клеветой, покуда противное не будетъ доказано.

„*Рейнская Газета*“ подняла перчатку. Она собрала черезъ своего корреспондента обильный матеріалъ относительно положенія мозельскихъ крестьянъ и предоставила ему свои столбцы для основательнаго отвѣта на нападки ф. Шапера, дополнивъ еще сама отвѣтъ изъ другихъ источниковъ. 15 января 1843 г. открылся рядъ этихъ статей, причемъ матеріалъ былъ аккуратно распредѣленъ на 5 рубрикъ; къ разсмотрѣнію предполагались: 1) вопросъ о раздачѣ дровъ, 2) отношеніе примозельскаго края къ большей свободѣ печати, 3) язвы примозельскаго края, 4) эксплуататоры мозельскихъ крестьянъ, 5) способы борьбы

со зломъ. Первый пунктъ былъ исчерпанъ тѣмъ, что корреспондентъ уполномочилъ редакцію назвать губернатору общину, гдѣ раздача дровъ запоздала. По второму пункту газета съ обиліемъ оффиціальнаго и документальнаго матеріала въ рукахъ доказала, что правительство несомнѣнно подавляло насильственно жалобы мозельскихъ крестьянъ; что оно не сдѣлало никакой серьезной попытки къ устраненію зла, а всегда отдѣлывалось пустыми фразами; что бюрократія, высшія инстанціи которой полагаются на низшія, а низшія на высшія, вообще не способна сдѣлать ничего для устраненія соціальныхъ неустройствъ. Этихъ снарядовъ было достаточно съ правительства; оно поспѣшно отступило подъ прикрытіе краснаго цензорскаго карандаша. 20 января статьи оборвались по серединѣ; до обсужденія трехъ послѣднихъ пунктовъ бюрократія, столь же трусливая, сколько насильническая, даже не допустила дѣла.

Зато 28 января на самомъ видномъ мѣстѣ „*Rheinische Zeitung*" появилась замѣтка, что королевскія министерства, стоящія во главѣ цензурнаго дѣла, постановили прекратить изданіе „*Рейнской Газеты*" съ 1-го апрѣля т. г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окружному президенту фонъ-Герлаху было дано полномочіе ежедневно требовать къ себѣ всю газету послѣ того, какъ она прошла уже черезъ цензуру, не разрѣшать никогда ея печатанія и выпуска въ свѣтъ раньше, чѣмъ она будетъ просмотрѣна имъ самимъ, и совершенно задержать ее, если, несмотря на цензуру, найдетъ еще въ ней недопустимыя мѣста. Въ запрещеніи отъ 25-го января говорилось, что газета съ момента своего возникновенія слѣдовала предосудительному направленію, что въ ней явно господствуетъ намѣреніе подорвать государственное устройство въ его основѣ, поколебать монархическій принципъ, набросить подозрѣніе на правительство въ общественномъ мнѣніи, натравить одни сословія на другія, пробудить недовольство существующимъ законнымъ порядкомъ. Дѣятельность газеты основана на пустыхъ теоріяхъ и направлена къ предосудительнымъ цѣлямъ, которыя не могутъ быть терпимы ни въ одномъ государствѣ. Способъ выраженія и языкъ разнузданны. Распоряженіе признавало безсиліе цензуры; призваніе послѣдней, заявляло оно, не состоитъ въ безпрерывной борьбѣ съ безчинствомъ, покоющимся на столь упорныхъ, злокачественныхъ тенденціяхъ. Затѣмъ христіанско-германскій принципъ,—который при всемъ нравственномъ отвращеніи къ мірскимъ тенденціямъ, питаетъ нѣжное чувство къ звонкой

монетѣ,—сказался еще въ замѣчаніи, что газета была бы давно запрещена, если бы правительство не обратило справедливаго вниманія на денежные интересы акціонеровъ,—соображеніе, и теперь побуждающее его не закрывать газеты немедленно, а лишь по истеченіи первой четверти года.

Цензоръ Витгаузъ сложилъ съ себя свою должность, когда въ лицѣ окружнаго президента надъ нимъ былъ поставленъ оберъ-цензоръ; кёльнское пѣвческое общество устроило за это „не-цензору" торжественную серенаду. На его мѣсто былъ присланъ изъ Берлина министерскій секретарь Сенъ-Поль, который проявилъ, наконецъ, требуемую правительствомъ смѣсь грубости и ловкости, такъ что оберъ-цензура была снова отмѣнена 18 февраля. Возможно, что этому способствовали и слезныя мольбы акціонеровъ, испугавшихся за свои кошельки и устроившихъ 12 февраля общее собраніе. Не борьба съ цензоромъ,—какъ сильно его свирѣпость ни чувствуется еще теперь на столбцахъ „*Rheinische Zeitung*", — заставила Маркса сложить съ себя 17 марта редактированіе газеты, а иллюзія акціонеровъ, что имъ удастся, спустивъ тонъ газеты, отмѣнить произнесенный надъ нею смертный приговоръ. Марксу сразу представился случай на практикѣ испытать свой взглядъ, что свобода печати состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы не быть промысломъ.

Иллюзія акціонеровъ оказалась, естественно, тѣмъ, чѣмъ она была. Депутація, посланная ими въ Берлинъ, не была даже допущена къ королю. На петиціи изъ Кёльна, Трира и другихъ рейнскихъ городовъ былъ полученъ отвѣтъ, что запрещеніе должно остаться въ силѣ, а участвовавшіе въ нихъ чиновники получили еще въ придачу нагоняй съ замѣчаніемъ, что имъ слѣдовало бы запастись болѣе зрѣлыми взглядами на общественныя отношенія. „*Рейнская Газета*" прекратила свое существованіе 31 марта 1843 г.

Но даже на это падающее гордое знамя бросилъ свою тѣнь нѣмецкій духъ лакейства, и на поминальномъ пирѣ газеты ея убійца-цензоръ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ акціонерами, а къ его стулу былъ привязанъ цѣпочкой экземпляръ газеты. Раньше чѣмъ Сенъ-Поль покинулъ Кёльнъ послѣ доблестно выпол-ннаго культурнаго подвига, онъ навлекъ еще на себя обвини-ьный приговоръ суда исправительной полиціи за то, что по-лся у дома терпимости съ ночными сторожами. Его това-цемъ въ этомъ геройскомъ бою былъ другой цензоръ, тотъ ный графъ Фрицъ Эйленбургъ, который лѣтъ 30 спустя пред-

ставился социалъ-демократіи, какъ старый ханжа съ рубящей саблей и стрѣляющимъ ружьемъ. Къ сожалѣнію, прусскіе историки не сообщаютъ, съ какими чувствами небеснаго блаженства король-романтикъ видѣлъ своихъ храбрыхъ борцовъ за религію и нравственность дерущимися у земныхъ домовъ терпимости со стражами порядка, въ то самое время, когда онъ на миломъ и образномъ языкѣ своей фантазіи мололъ вздоръ относительно „сестры-потаскухи на Рейнѣ".

Глава IX.

Deutsch-Französische Jahrbücher.

Тотчасъ послѣ того какъ Марксъ оставилъ редактированіе „*Рейнской Газеты*", онъ писалъ Руге: „Парадный плащъ либерализма упалъ, и отвратительнѣйшій деспотизмъ стоитъ предъ глазами всего свѣта во всей своей наготѣ". Но корень этого деспотизма вскрывалъ Руге, когда писалъ своему брату: „Печать во всей Германіи душатъ не одинъ или два чиновника, не король: ее душатъ съ согласія и во имя народа, писателей, ученыхъ, бюргеровъ, солдатъ, крестьянъ". Если публицистическая оппозиція хотѣла пустить новые корни, то приходилось дѣлать это за-границей. Изъ этой необходимости и возникли „*Deutsch-Französische Jahrbücher*".

1. Основаніе и гибель журнала.

Дѣловыя и литературныя приготовленія къ новому предпріятію заняли почти цѣлый годъ. Тотчасъ послѣ закрытія „*Deutsche Jahrbücher*" Руге задумалъ планъ возобновить ихъ съ Марксомъ за-границей. Онъ вступилъ съ 6.000 талеровъ, въ качествѣ товарища на вѣрѣ, въ „Литературную контору" Фрёбеля, но новый журналъ не долженъ былъ выходить въ Швейцаріи, какъ „*Anekdota*". Цюрихъ слушается приказаній изъ Берлина,—говорилъ Марксъ. Гервегъ уже въ февралѣ палъ жертвой страха предъ монархической реакціей и былъ высланъ изъ Цюриха. Онъ принужденъ былъ отказаться отъ проектировавшагося имъ журнала и собралъ его обломки—статьи, предназначавшіяся для первыхъ книжекъ—въ „*Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz*" („21 листъ изъ Швей-

царіи*), использовавъ цензурную свободу, обѣщанную книгамъ объемомъ болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Но Марксъ и Руге направили свои стопы въ Парижъ не только потому, что хотѣли быть совершенно независимыми отъ нѣмецкой цензуры. Обоихъ практическая борьба заставила перейти изъ области религіи въ область политики; Марксъ энергично поддерживалъ въ „*Rheinische Zeitung*“ полемику Гервега и Руге съ Бауерами и выражалъ безпощадное осужденіе фривольности „свободныхъ“, ихъ берлинской манерѣ во внѣшнемъ поведеніи, политической романтикѣ, геніальничанью и погонѣ за извѣстностью, — хотя въ отдѣльности это были по большей части превосходные люди. Но политическая борьба оказалась невозможной въ Германіи, тогда какъ волны ея высоко поднимались во Франціи. Затѣмъ, Марксъ нигдѣ не могъ такъ хорошо изучить соціализмъ, какъ у его источника. Съ своей стороны, Руге замышлялъ интеллектуальный союзъ нѣмцевъ и французовъ. Онъ говорилъ, что быть противъ Франціи и противъ политики, противъ политики и противъ свободы, это—одно и то же. Франція есть политическій принципъ, чистый принципъ человѣческой свободы въ Европѣ, и только она одна является имъ. Приданое нѣмцевъ въ новомъ союзѣ должна была составить логическая проницательность гегелевской философіи, какъ надежный компасъ въ метафизическихъ и фантастическихъ областяхъ, гдѣ французы,—даже Ламеннэ и Прудонъ, не говоря уже о сенъ-симонистахъ и фурьеристахъ,—неслись безъ руля, по волѣ вѣтра и волнъ. Руге хотѣлъ привлечь въ качествѣ сотрудниковъ Ламартина, Ламеннэ, Луи Блана, Леру, Прудона.

Въ концѣ лѣта 1843 г. онъ отправился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ, чтобы позондировать почву. Результатъ показался ему благопріятнымъ, и къ исходу 1843 г. онъ и Марксъ окончательно переѣхали въ Парижъ. Однако, уже три мѣсяца спустя Руге писалъ своей матери, что оба первыхъ выпуска „*Deutsch-Französische Jahrbücher*“ вышли въ свѣтъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ все предпріятіе пришло къ концу.

Причины этой неудачи лишь отчасти заключались въ томъ, что распространеніе журнала въ Германіи натолкнулось на большія препятствія и что финансовыя средства „Литературной Конторы“ скоро изсякли. Этому, быть можетъ, удалось бы пособить. Еще скорѣе, пожалуй, оказалось бы возможнымъ побѣдить холодную сдержанность французскихъ писателей. Никто изъ нихъ не былъ

представленъ въ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*": одни обѣщали, но ничего не дали, другіе отказали, подчасъ въ непріятной формѣ. Ламеннэ прочиталъ издателямъ двухчасовую лекцію о своихъ религіозныхъ фантазіяхъ и объявилъ затѣмъ, что подождетъ ихъ поступковъ, раньше чѣмъ принять участіе въ журналѣ. Ламартинъ выступилъ съ публичнымъ опроверженіемъ газетнаго извѣстія, будто онъ обѣщалъ работать сообща съ—еретикомъ(!)—Ламеннэ въ журналѣ гг. Маркса и Руге, на что послѣдніе возразили въ „*Мирной Демократіи*", что Ламартинъ все же далъ имъ основаніе надѣяться на его сотрудничество. Особенно нелюбезно повелъ себя Луи Бланъ. Онъ поздравлялъ, правда, Германію съ тѣмъ, что ея молодежь начинаетъ обращать свое вниманіе на практику жизни, но она должна научиться умѣрять свой пылъ, такъ какъ атеизмъ въ философіи имѣетъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ анархію въ политикѣ. Онъ высказывалъ порицаніе нѣмецкимъ юношамъ, которые своимъ признаніемъ французскаго матеріализма, Дидро, Гольбаха и Энциклопедіи отодвинулись больше чѣмъ на столѣтіе назадъ, и напыщенно заклиналъ ихъ: „Подумайте о томъ, что Руссо,—представитель демократіи, основанной на единствѣ и братской любви! Подумайте о томъ, что та самая рука, которая дала намъ *Contrat Social*, написала „*Исповѣданіе савойскаго священника!*" Этотъ боязливый мелкій буржуа не могъ отречься отъ сладкой привычки окружать борьбу практической жизни небеснымъ ореоломъ какой-нибудь религіи и такимъ образомъ заграждать себѣ путь къ исчерпывающему пониманію ея. Но дерево не должно было непремѣнно упасть послѣ перваго удара, и издатели „*Deutsch-Französische Jahrbücher*" могли бы на первыхъ порахъ тѣмъ легче обойтись безъ французскихъ сотрудниковъ, что въ лицѣ Гейне, Гервега, Іоганна Якоби, Фридриха Энгельса и другихъ они собрали вокругъ себя штабъ нѣмецкихъ сотрудниковъ, съ которыми можно было смѣло показаться въ свѣтъ.

Что привело ихъ къ безнадежному крушенію, это — разрывъ между ними самими. О внѣшнемъ поводѣ къ этому разрыву мы имѣемъ только разсказъ Руге, который дышитъ смертельной ненавистью къ Марксу и не можетъ быть принятъ на вѣру. По словамъ Руге, Марксъ прекратилъ дружескія отношенія потому, что Руге отказывалъ „негодяю" Гервегу во всякой будущности въ виду разныхъ глупостей, которыя Гервегъ надѣлалъ, повидимому, опьяненный наслажденіями парижской жизни. Возможно, что въ этомъ есть доля правды. Марксъ питалъ къ истинно-по-

атическимъ натурамъ родственную симпатію; если бы онъ находился въ свое время, какъ Руге, вмѣстѣ съ Гервегомъ въ Берлинѣ, то не смотрѣлъ бы на аудіенцію поэта у короля съ тайнымъ чувствомъ удовлетворенія, какое испытывалъ Руге, а по мѣрѣ своихъ силъ не допустилъ бы ея, но теперь, когда Гервегъ такъ тяжко страдалъ отъ послѣдствій этой юношеской глупости, Марксъ судилъ, быть можетъ, справедливѣе и потому мягче объ его дѣйствительныхъ или мнимыхъ ошибкахъ. Возможно также, что неискоренимая филистерская мораль Руге вывела какъ-нибудь Маркса изъ себя. Вѣдь не оставлялъ же Руге своей вѣчной проповѣди морали даже по отношенію къ такому поэту, какъ Гейне, хотя онъ теперь и оцѣнивалъ его правильнѣе, чѣмъ нѣкогда въ Галле: еще спустя много лѣтъ онъ хвалился, что вмѣстѣ съ Марксомъ внушилъ Гейне его безсмертныя сатиры, напр., „Зимнюю сказку" („Deutschland"). По какимъ причинамъ Марксъ и Руге разошлись лично, не такъ, впрочемъ, важно; историческое значеніе имѣетъ лишь ихъ политическій разрывъ, а онъ коренился гораздо глубже, чѣмъ въ случайномъ спорѣ относительно Гейне или Гервега.

Нужна была вся близорукость романтической реакціи, чтобы толкнуть въ крайнюю оппозицію такого человѣка, какъ Руге. Если бы ему оставили традиціонную свободу философствованія, которую терпѣлъ вѣдь даже старый и глупый король, то онъ скромно удовлетворился бы геройской ролью городского гласнаго въ Галле или Дрезденѣ. Какъ хорошо онъ чувствовалъ себя въ захолустныхъ дѣлахъ, показываетъ самодовольная детальность, съ которою онъ 20 лѣтъ спустя разсказалъ о нихъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Слѣдуетъ ли построить новый вокзалъ на лѣвомъ берегу Эльбы въ интересахъ ломовиковъ и легковыхъ извозчиковъ, или на правомъ—въ интересахъ пассажировъ, вправѣ ли берлинскіе евреи пріѣзжать на дрезденскую годовую ярмарку съ фальшивыми бриллiантами, можно ли помѣшать невоспитанному англичанину положить ноги на столъ въ читальнѣ, — таковы вопросы, которыми съ удовольствіемъ занимался Руге. Какой огромный контрастъ съ ними представляютъ экономическіе конфликты, надъ уразумѣніемъ которыхъ бился въ „*Rheinische Zeitung*" идеалистъ и лѣвый гегельянецъ Марксъ: война между буржуазнымъ и феодальнымъ обществомъ, противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ, или даже споръ о свободѣ торговли и таможенномъ покровительствѣ, поднятый въ особенности кампаніей южно-герман-

скихъ фабрикантовъ, предводительствуемыхъ Листомъ, противъ низкихъ тарифовъ таможеннаго союза. Когда Марксъ и Руге нырнули во французскую жизнь, то Марксъ поплылъ по волнамъ, какъ сильный корабль, который въ концѣ концовъ попадаетъ въ открытое море, тогда какъ утлая ладья Руге боязливо стремилась назадъ къ прибрежнымъ песчанымъ отмелямъ. Чтобы познакомиться съ внутренней жизнью коммунистическихъ рабочихъ круговъ, Марксъ охотно поддерживалъ сношенія съ Эвербекомъ изъ Данцига, который руководилъ тогда парижскими общинами „Союза Справедливыхъ"; между тѣмъ, когда Эвербекъ попросилъ у Руге пару франковъ на напечатаніе сочиненій Вейтлинга, прибавивъ безобидное замѣчаніе, что „на то и деньги у Руге", то отставной дрезденскій городской гласный держалъ ему „гнѣвную" рѣчь, которую вдобавокъ нашелъ стоющей сохраненія для потомства: онъ проситъ не вмѣшиваться въ его частныя дѣла,—сказалъ Руге,—онъ не для того уѣхалъ отъ нѣмецкаго полицейскаго надзора и цензуры, чтобы позволить Эвербеку контролировать его хозяйство, и такъ далѣе въ томъ же стилѣ. При практическомъ соприкосновеніи съ соціализмомъ буржуа сбросилъ свою философскую оболочку; Руге началъ смотрѣть на „прусскихъ живодеровъ" болѣе снисходительными глазами, чѣмъ на „гнусныя еврейскія души" коммунистовъ.

При отраженномъ свѣтѣ послѣдующей 50-лѣтней исторіи типичная разница между Руге и Марксомъ, разница между шумливымъ мѣщаниномъ и революціонеромъ-мыслителемъ, выступаетъ уже очень ясно въ перепискѣ между ними, Бакунинымъ и Фейербахомъ, которой открываются „*Deutsch-Französische Jahrbücher*". Руге выдавалъ себя потомъ за автора этихъ писемъ, но по психологическимъ и стилистическимъ основаніямъ нельзя допустить, чтобы онъ составлялъ ихъ; во всякомъ случаѣ, по существу своего содержанія, письма несомнѣнно принадлежатъ тѣмъ лицамъ, инипіалы которыхъ они носятъ. Переписка открывается короткимъ, полнымъ настроенія ударомъ Маркса: романтическая реакція ведетъ къ революціи, государство—слишкомъ серьезная вещь, чтобы быть обращаемымъ въ арлекинаду; можно, пожалуй, въ теченіе нѣкотораго времени гнать по вѣтру полный сумасшедшихъ корабль, но тѣмъ не менѣе онъ бѣжитъ навстрѣчу своей гибели, именно потому, что сумасшедшіе не вѣрятъ этому. Руге отвѣчалъ длинной іеремiадой насчетъ неизмѣннаго бараньяго терпѣнія нѣмецкихъ филистеровъ, которыхъ онъ охотно уничтожилъ бы. Онъ знаетъ, однако, что принадлежитъ самъ къ нимъ, и не хочетъ уклониться

отъ общаго позора. „Скажите мнѣ откровенно какую-угодно горькую истину, я приготовился къ этому. У нашего народа нѣтъ никакой будущности; что толку въ нашей славѣ?"

На это Марксъ отвѣчаетъ: „Ваше письмо хорошая элегія, но политическимъ его ни въ какомъ случаѣ нельзя признать. Міръ принадлежитъ филистеру, и тѣмъ тщательнѣе мы должны изучить этого владыку міра". Марксъ анализируетъ первые шаги Фридриха-Вильгельма IV, какъ попытку неглупаго монарха упразднить филистерское государство на его собственномъ базисѣ. Эта попытка потерпѣла неудачу и должна была потерпѣть ее. Филистеръ есть матеріалъ монархіи, а монархъ всегда только король филистеровъ; онъ не можетъ сдѣлать ни себя, ни своихъ „людей" свободными, дѣйствительными людьми, пока оба остаются тѣмъ, что они суть. Король хотѣлъ править не при помощи мертваго закона, а своимъ живымъ сердцемъ; онъ хотѣлъ привести всѣ сердца въ движеніе за свои сердечныя желанія, но другія сердца не бились такъ, какъ его сердце, управляемые не могли открыть рта безъ того, чтобы не заговорить объ упраздненіи старой власти; идеалисты, имѣвшіе безстыдное желаніе сдѣлать человѣка человѣкомъ, начали говорить, и въ то время какъ король фантазировалъ по старо-германски, они считали себя вправѣ философствовать по ново-германски. Благодаря этому раздвоенію, слуги, такъ легко руководившіе прежде ходомъ дѣлъ, и вмѣстѣ съ ними русское правительство могли легко убѣдить вспыльчиваго короля, что говорящими людьми нельзя править. Послѣдовало возвращеніе къ старому, окаменѣвшему государству слугъ и рабовъ; молчаніе сдѣлалось единственнымъ средствомъ освѣдомленія. Такимъ образомъ, всему свѣту наглядно показано, насколько деспотизму необходима грубость и какъ невозможна для него гуманность.

Послѣ этого,—полагаетъ Марксъ,—Руге не станетъ, конечно, дѣлать ему упрека, что онъ слишкомъ высокаго мнѣнія о настоящей эпохѣ; если онъ не отчаивается все-таки въ ней, то именно ея отчаянное положеніе наполняетъ его надеждой. Онъ не говоритъ о неспособности правителей и равнодушіи слугъ и подданныхъ, предоставляющихъ всему идти по волѣ Божіей, хотя того и другого, взятаго вмѣстѣ, достаточно, чтобы привести къ катастрофѣ. Онъ обращаетъ вниманіе лишь на то, что по согласному мнѣнію враговъ филистерства, другими словами всѣхъ мыслящихъ и страдающихъ людей, даже пассивная система размноженія старыхъ подданныхъ вербуетъ каждый день рекрутовъ для служенія

новому человѣчеству. „Но система промысловой дѣятельности и торговли, собственности и эксплуатацiи человѣка еще гораздо скорѣе, чѣмъ увеличенiе народонаселенiя, ведетъ къ разрыву внутри теперешняго общества,—разрыву котораго старая система не можетъ уврачевать, ибо она вообще не лѣчитъ и не творитъ, а только существуетъ и наслаждается". Ихъ задача—вытащить старый мiръ на дневной свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заняться положительной, созидательной работой для новаго мiра.

Далѣе слѣдуютъ письма Бакунина и Фейербаха, также возстающихъ противъ отчаяннаго настроенiя Руге. Бакунинъ пишетъ въ высокомѣрно-благожелательномъ тонѣ о нѣмецкихъ дѣлахъ: „Ваши путы—германцы, желающiе сдѣлаться греками,—развяжу я—скиөъ". Фейербаху гибель „*Deutsche Jahrbücher*" напоминаетъ гибель Польши: „Усилiя немногихъ людей были тщетны въ общемъ болотѣ прогнившей нацiональной жизни... Намъ нужны новые люди, но они не придутъ теперь, какъ во время великаго переселенiя народовъ, изъ болотъ и лѣсовъ: изъ нашего ребра мы должны создать ихъ". Онъ рекомендуетъ основанiе новаго органа, чтобы почистить головы. Руге признаетъ себя побѣжденнымъ „новымъ Анахарсисомъ и новымъ философомъ", а затѣмъ Марксъ, какъ бы въ великолѣпномъ заключительномъ аккордѣ, дѣлаетъ выводъ изъ всего спора.

Ясно, говоритъ Марксъ, что нужно создать новый сборный пунктъ для дѣйствительно мыслящихъ и независимыхъ головъ. Но если относительно „Откуда?" и не существуетъ никакого сомнѣнiя, то тѣмъ большая путаница господствуетъ по вопросу „Куда?". „Не только разразилась общая анархiя между сторонниками „Реформы", но и каждый въ отдѣльности долженъ признаться самому себѣ, что у него нѣтъ точнаго представленiя, что̀ надо предпринять. Но съ другой стороны, преимуществомъ новаго направленiя является именно то, что мы не предвосхищаемъ догматически мiра, а хотимъ лишь изъ критики стараго мiра найти новый. До сихъ поръ философы хранили разрѣшенiе всѣхъ загадокъ въ своемъ письменномъ столѣ, а глупому, непосвященному мiру оставалось только раскрыть ротъ, чтобы въ него падали жареные рябчики абсолютной науки. Теперь философiя приняла свѣтскiй характеръ, и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого служитъ то, что философское сознанiе само вовлечено въ мучительную борьбу не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ. Если конструировать будущее и приготовиться на всѣ грядущiя времена

не наше дѣло, то тѣмъ безспорнѣе задача, которую мы должны выполнить теперь: я говорю о безпощадной критикѣ всего существующаго, безпощадной и въ томъ смыслѣ, что критика не боится собственныхъ результатовъ, и въ томъ, что она не отступаетъ предъ столкновеніями съ предержащими властями". Марксъ не желаетъ поднимать никакого догматическаго знамени, и коммунизмъ Кабе, Дезами и Вейтлинга для него также только догматическая абстракція. Главный интересъ теперешней Германіи составляетъ, во-первыхъ, религія, затѣмъ политика; не противопоставлять имъ какую-либо систему нужно, въ родѣ „Путешествія въ Икарію", а скорѣе брать ихъ отправнымъ моментомъ, каковы бы онѣ ни были.

Марксъ отвергаетъ мнѣніе „грубыхъ соціалистовъ", что политическіе вопросы стоятъ ниже ихъ достоинства. Изъ конфликта политическаго государства съ самимъ собою, изъ противорѣчія между его идеальнымъ назначеніемъ и его реальными предпосылками повсюду можно извлечь соціальную истину. Онъ ссылается на разобранную имъ въ „*Rheinische Zeitung*" разницу между сословнымъ и представительнымъ строемъ: этотъ вопросъ выражаетъ лишь въ политической формѣ разницу между господствомъ человѣка и господствомъ частной собственности. „Ничто не мѣшаетъ намъ, такимъ образомъ, пріурочить нашу критику къ критикѣ политики, къ занятію той или иной позиціи въ политикѣ, слѣдовательно—къ дѣйствительной борьбѣ. Мы не выступаемъ тогда доктринерски предъ міромъ съ новымъ принципомъ: „Здѣсь истина, здѣсь преклони колѣна!" Мы изъ принциповъ міра развиваемъ для міра новые принципы. Мы не говоримъ ему: брось свою борьбу, все это глупости; мы крикнемъ тебѣ истинный пароль борьбы. Мы показываемъ ему только, за что онъ собственно борется, а сознаніе есть вещь, которую онъ *долженъ* себѣ усвоить, если даже не хочетъ этого". Марксъ заключаетъ переписку программой: задача времени—столковаться насчетъ своей борьбы и желаній.

На высотѣ этой программы стоятъ статьи, помѣщенныя въ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*" Марксомъ и Энгельсомъ. Все, что принадлежитъ другимъ сотрудникамъ, пѣсни Гейне и Гервега, документальныя сообщенія Іоганна Якоби изъ его процесса о государственной измѣнѣ, статьи Бернайса и письма Гесса,—все это имѣетъ болѣе или менѣе значительную, эстетическую или историческую цѣнность, но не представляетъ значенія для исторіи соціализма.

---

2. Статьи Маркса.

Марксъ и Энгельсъ написали для „*Deutsch-Französische Jahrbücher*" по двѣ статьи. Работы Маркса: „Къ критикѣ гегелевской философіи права" и „Къ еврейскому вопросу" находятся другъ съ другомъ въ извѣстной внутренней связи; то же самое относится къ работамъ Энгельса „Критическіе очерки политической экономіи" и „Положеніе Англіи". Но независимо отъ этого всѣ четыре статьи связаны какъ бы одной красной нитью, а именно—Фейербахомъ, изъ котораго онѣ исходятъ и дальше котораго подвигаются ощупью впередъ.

Въ письмѣ изъ Крейцнаха отъ 30 октября 1843 г. Марксъ обратился къ Фейербаху съ просьбой дать для первой же книжки журнала критику Шеллинга. Онъ называетъ Фейербаха „Шеллингомъ на изнанку": въ Фейербахѣ искренняя юношеская мысль Шеллинга развилась въ истину, въ дѣйствительность, въ серьезное убѣжденіе возмужалаго человѣка, тогда какъ у Шеллинга она такъ и осталась фантастической мечтой юности. „Я считаю Васъ поэтому необходимымъ, естественнымъ, слѣдовательно, призваннымъ Ихъ Величествами природой и исторіей противникомъ Шеллинга". Немногія строки, бойкія, любезныя и набросанныя какъ бы на скорую руку, настолько взволновали Фейербаха, что онъ тотчасъ вынулъ лекціи Шеллинга съ цѣлью исполнить „необходимый долгъ", на который ему указалъ Марксъ. Но въ концѣ концовъ онъ все-таки отказался, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что самое необходимое онъ уже изложилъ вкратцѣ, а вновь пережевывать сказанное ad captum vulgi, для общаго пониманія, онъ не желалъ бы. Марксъ всегда отзывался о Фейербахѣ съ высокимъ уваженіемъ, какъ и Фейербахъ о Марксѣ, но то, что отдѣляло ихъ другъ отъ друга—полпоколѣнія промышленнаго и политическаго развитія,—ясно выступило при первомъ же ихъ соприкосновеніи: 40-лѣтній мужъ желалъ бы все-таки явиться чувственному міру только въ важной тогѣ философа, а 25-лѣтній юноша хочетъ завоевать этотъ міръ остріемъ меча.

Въ „Критикѣ гегелевской философіи" Марксъ исходитъ изъ фундамента иррелигіозной критики, какъ онъ былъ заложенъ Фейербахомъ: человѣкъ дѣлаетъ религію, религія не дѣлаетъ человѣка. Но онъ тотчасъ идетъ на одинъ шагъ дальше: „Человѣкъ, это—не абстрактное, притаившееся внѣ міра существо. Человѣкъ, это—міръ людей, государство, общество". Задача исторіи,

задача философіи, состоящей на службѣ у исторіи, заключается въ установленіи истины земной стороны жизни, послѣ того какъ внѣземная сторона истины исчезла. Критика неба превращается, такимъ образомъ, въ критику земли, критика религіи—въ критику права, критика богословія—въ критику политики.

Чтобы разрѣшить эту задачу, Марксъ беретъ не оригиналъ, а копію—нѣмецкую философію государства и права, по той простой причинѣ, что его критика пріурочивается къ Германіи. Если бы онъ вздумалъ пріурочить свою работу къ существующимъ нѣмецкимъ порядкамъ, то это привело бы къ анахронизму. „Когда я высказываюсь отрицательно насчетъ нѣмецкихъ порядковъ 1843 г., то я по французскому лѣтосчисленію едва дошелъ до 1789 г., и тѣмъ менѣе стою въ фокусѣ современности". Далѣе слѣдуетъ яркая картина нѣмецкихъ условій, „картина взаимнаго тупого гнета всѣхъ соціальныхъ сферъ другъ на друга, всеобщаго бездѣятельнаго недовольства, ограниченности, столь же высоко цѣнящей себя, сколько ошибающейся на свой счетъ,—все это, оправленное въ рамку правительственной системы, которая живетъ консервированіемъ всякихъ ничтожествъ и потому сама является ничѣмъ инымъ, какъ ничтожествомъ во власти". Если критика хочетъ понять современную соціальную дѣйствительность, если она хочетъ возвыситься до истинно человѣческихъ проблемъ, то ей нужно стать внѣ нѣмецкихъ порядковъ, иначе она трактовала бы свой предметъ ниже, чѣмъ онъ заслуживаетъ.

Марксъ приводитъ для иллюстраціи примѣръ. „Отношеніе промышленности, вообще міра богатствъ, къ политическому міру есть главная проблема современной эпохи. Въ какой формѣ вопросъ этотъ начинаетъ занимать нѣмцевъ? Въ формѣ покровительственныхъ пошлинъ, запретительной системы, національной экономіи. Тевтонофильство перешло изъ человѣка въ матерію и, такимъ образомъ, наши хлопчатобумажные рыцари и герои чугуна увидѣли себя въ одно прекрасное утро превращенными въ патріотовъ". Марксъ уже тогда разорвалъ патріотическій плащъ, въ который рядилась капиталистическо - меркантилистская агитація Листа, и теперь еще чествуемаго, какъ національный герой. Тогда какъ во Франціи и Англіи проблема гласитъ: „Политическая экономія или господство общественности надъ богатствомъ", она гласитъ въ Германіи: „Національная экономія или господство частной собственности надъ національностью". Тамъ дѣло идетъ о развязкѣ, а здѣсь еще только о завязкѣ узла: достаточный при-

мѣръ нѣмецкой формы современныхъ проблемъ, примѣръ того, въ какой степени нѣмецкая исторія, подобно необученному новобранцу, имѣла до сихъ поръ своей задачей только продѣлываніе вновь старыхъ исторій.

Но нѣмецкая исторія имѣетъ свое идеальное продолженіе въ нѣмецкой философіи; нѣмцы—философскіе современники настоящаго, не будучи его историческими современниками. Нѣмецкая философія права и государства есть единственная исторія, стоящая на равной ногѣ съ оффиціальной современностью. Ея критика вводитъ въ самую суть вопросовъ, о практическомъ разрѣшеніи которыхъ идетъ дѣло. Практическая политическая партія—подъ ней Марксъ разумѣетъ, очевидно, либеральную буржуазію—справедливо требуетъ отрицанія философіи; она неправа лишь въ томъ, что не выполняетъ и не можетъ выполнить этого требованія: философію не отрицаютъ тѣмъ, что къ ней поворачиваются спиной и, отвернувши голову, бормочутъ о ней нѣсколько сердитыхъ и банальныхъ фразъ. Эта партія хочетъ пріурочить свою работу къ дѣйствительнымъ жизненнымъ зародышамъ, но она забываетъ, что дѣйствительный жизненный зародышъ нѣмецкой націи до сихъ поръ сидѣлъ только подъ его черепомъ. Она не можетъ упразднить философію, не превративъ ея раньше въ дѣйствительность. Обратную ошибку дѣлаетъ теоретическая политическая партія, ведущая свое начало отъ философіи,—Марксъ имѣетъ въ виду берлинскихъ „Свободныхъ". Она не критикуетъ философіи, а исходитъ изъ ея предпосылокъ и не идетъ дальше ея данныхъ результатовъ или выдаетъ добытыя инымъ путемъ требованія и результаты за непосредственныя требованія и результаты философіи. Основной недостатокъ этой партіи заключается въ вѣрѣ, что она можетъ превратить философію въ дѣйствительность, не упразднивъ ея. Вопросъ заключается, напротивъ, въ слѣдующемъ: можетъ ли Германія достигнуть практики, стоящей на высотѣ принциповъ, т.-е. достигнуть революціи, которая подняла бы ее не только на оффиціальный уровень современныхъ народовъ, но и на человѣческую высоту, долженствующую явиться ближайшимъ будущимъ этихъ народовъ?

Марксъ отвѣчаетъ на это: „Оружіе критики не можетъ, конечно, замѣнить критику оружія. Матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной же силой, но и теорія становится матеріальной силой, когда она охватываетъ массы. Теорія способна охватить массы, какъ только она аргументируетъ ad hominem, а аргументируетъ она ad hominen, какъ только она ста-

новится радикальной. Быть радикальнымъ значитъ схватывать вещи въ ихъ корнѣ, а корнемъ для человѣка является самъ человѣкъ". Однако, радикальной нѣмецкой революціи препятствуетъ, повидимому, одна главная трудность. Революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, въ матеріальной основѣ. Теорія осуществляется всегда въ каждомъ народѣ лишь настолько, насколько она представляетъ собою осуществленіе его потребностей. Какимъ же образомъ Германія можетъ перескочить посредствомъ сальто-мортале не только черезъ свои собственныя преграды, но въ то же время и черезъ преграды современныхъ народовъ, т.-е. черезъ такіе барьеры, которые въ дѣйствительности рисуются ей и составляютъ предметъ ея стремленій, какъ освобожденіе отъ ея дѣйствительныхъ барьеровъ? Разрѣшая этотъ вопросъ, Марксъ говоритъ, что нѣмецкія правительства сумѣли сочетать культурные недостатки современнаго государственнаго міра, выгодами котораго нѣмецкій народъ не пользуется, съ варварскими недостатками стараго государственнаго міра, которыми нѣмцы наслаждаются въ полной мѣрѣ; что Германія раздѣлила всѣ страданія современнаго развитія безъ его наслажденій; что въ одинъ прекрасный день она окажется на уровнѣ европейскаго упадка, не стоявъ никогда на уровнѣ европейской эмансипаціи. ".Не радикальная революція—утопическая мечта для Германіи, не общечеловѣческая эмансипація, а напротивъ—частичная, исключительно политическая революція,—революція, оставляющая нетронутыми устои зданія".

Политическая революція основана на томъ, что часть гражданскаго общества эмансипируется и достигаетъ общаго господства, что опредѣленный классъ, исходя изъ своего особеннаго положенія, предпринимаетъ освобожденіе всего общества. Этотъ классъ освобождаетъ все общество, но только въ томъ предположеніи, что все общество находится въ положеніи этого класса, напр., располагаетъ деньгами и образованіемъ или можетъ по желанію пріобрѣсти ихъ. „Ни одинъ классъ гражданскаго общества не можетъ играть этой роли, не вызывая на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается и сливается со всѣмъ обществомъ, онъ смѣшивается съ нимъ, признается за его всеобщаго представителя и, какъ таковой, пользуется сочувствіемъ; его права и требованія поистинѣ являются тогда правами и требованіями общества, а самъ онъ—головой общества и его сердцемъ". Наоборотъ, для того чтобы

революція какого-нибудь народа и эмансипація особаго класса совпадали, всѣ недостатки общества должны быть сосредоточены въ другомъ классѣ, одно опредѣленное сословіе должно быть предметомъ всеобщаго возмущенія, одна особая соціальная сфера должна считаться преступленіемъ всего общества, такъ чтобы избавленіе отъ этой сферы казалось всеобщимъ самоосвобожденіемъ. Отрицательно-всеобщее значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно-всеобщее значеніе французской буржуазіи.

Далѣе Марксъ указываетъ, что въ Германіи ни у одного класса нѣтъ той послѣдовательности, рѣзкости, мужества, безпощадности, которыя могли бы сдѣлать его отрицательнымъ представителемъ общества, а съ другой стороны—ни у одного класса нѣтъ того душевнаго размаха, который хотя на мгновеніе сливается съ народной душой, той геніальности, которая воодушевляетъ матеріальную силу до степени политической силы, той революціонной отваги, которая бросаетъ противнику вызывающій пароль: „я ничто, но долженъ бы быть всѣмъ". Сферы нѣмецкаго общества относятся другъ къ другу не драматически, а эпически: каждая располагается рядомъ съ другими со своими особыми притязаніями; даже нравственное самочувствіе нѣмецкаго средняго класса покоится только на сознаніи, что онъ общій представитель филистерской посредственности всѣхъ прочихъ классовъ. Каждый классъ вовлеченъ уже въ борьбу съ классомъ, стоящимъ ниже его, когда онъ только еще начинаетъ борьбу съ классомъ, стоящимъ выше его. Средній классъ еще едва только отваживается задаться со своей точки зрѣнія идеей освобожденія, а уже развитіе общественныхъ условій и прогрессъ политической теоріи объявляютъ эту самую точку зрѣнія устарѣлой или, по меньшей мѣрѣ, проблематичной.

Въ чемъ же искать положительной возможности нѣмецкаго освобожденія? „Отвѣтъ: въ образованіи класса съ радикальными цѣпями, класса гражданскаго общества, который не есть классъ гражданскаго общества; сословія, представляющаго собою разложеніе всѣхъ сословій; сферы, имѣющей универсальный характеръ благодаря своимъ универсальнымъ страданіямъ и не заявляющей притязанія ни на какое особое право, потому что надъ нимъ совершается не спеціальная какая-либо несправедливость, а несправедливость вообще; сферы, которая не можетъ больше ссылаться на историческій титулъ, а только лишь на человѣческій, которая стоитъ не въ одностороннемъ противорѣчіи къ слѣдствіямъ нѣмецкаго государственнаго строя, а во всестороннемъ

противорѣчія къ его предпосылкамъ; наконецъ — сферы, которая не можетъ освободить себя, не освободившись отъ всѣхъ прочихъ сферъ общества и не освободивъ, такимъ образомъ, ихъ, которая представляетъ, однимъ словомъ, полную потерю человѣка и, слѣдовательно, можетъ вновь обрѣсти себя только путемъ полнаго возрожденія человѣка. Это разложившееся общество, какъ особое сословіе, есть пролетаріатъ".

Пролетаріатъ еще только нарождается въ Германіи благодаря начинающемуся промышленному развитію, ибо пролетаріатъ образуетъ не возникшая естественнымъ образомъ бѣдность, а бѣдность, искусственно произведенная; не механически, тяжестью общества придавленная къ низу человѣческая масса, а масса, получившаяся вслѣдствіе его остраго разложенія, преимущественно вслѣдствіе разложенія средняго сословія, хотя постепенно въ ряды пролетаріата вступаютъ также, какъ это само собою понятно, бѣдность, возникшая естественнымъ путемъ, и христіанско-германское крѣпостное сословіе. Когда пролетаріатъ возвѣщаетъ разложеніе прежняго міровою порядка, то лишь громко высказываетъ тайну своего собственнаго бытія, ибо онъ есть фактическое разложеніе этого міроваго порядка. Если онъ требуетъ отрицанія частной собственности, то возводитъ лишь въ принципъ общества то, что общество возвело въ его принципъ, что помимо его содѣйствія уже воплощено въ немъ, какъ отрицательный результатъ общества. Какъ философія находитъ въ пролетаріатѣ свое матеріальное оружіе, такъ пролетаріатъ находитъ въ философіи свое духовное оружіе; пусть молнія мысли ударитъ въ эту наивную народную почву, и свершится эмансипація нѣмцевъ въ людей. „Голова этой эмансипаціи — философія, ея сердце — пролетаріатъ. Философія не можетъ быть осуществлена безъ упраздненія пролетаріата, а пролетаріатъ не можетъ упразднить себя безъ осуществленія философіи. Когда всѣ внутреннія условія исполнятся, тогда нѣмецкій день возстанія изъ мертвыхъ будетъ возвѣщенъ крикомъ галльскаго пѣтуха".

Доказывая, что въ Германіи возможна не политическая, а человѣческая эмансипація, Марксъ изслѣдуетъ различіе между ними въ статьѣ „Zur Judenfrage", критикующей работы Бруно Бауера по еврейскому вопросу. Государство можетъ освободиться отъ извѣстнаго ограниченія, и въ то же время человѣкъ можетъ фактически не быть свободнымъ отъ него; въ этомъ и обнаруживается предѣлъ политической эмансипаціи.

. Государство, какъ государство, уничтожаетъ, напримѣръ, частную собственность. Человѣкъ объявляетъ частную собственность упраздненной въ политическомъ смыслѣ, какъ только онъ упраздняетъ имущественный цензъ для активнаго и пассивнаго избирательнаго права,—что мы видимъ, напримѣръ, во многихъ сѣвероамериканскихъ штатахъ. Государство упраздняетъ на свой ладъ различія по рожденію, сословію, образованію, занятію, когда оно объявляетъ происхожденіе, сословіе, образованіе, занятіе не-политическими различіями, когда оно, не обращая вниманія на эти различія, провозглашаетъ всякаго члена народа равномѣрнымъ участникомъ въ народномъ суверенитетѣ. Тѣмъ не менѣе государство позволяетъ частной собственности, образованію, занятію дѣйствовать на свой ладъ — т.-е. какъ частная собственность, образованіе, занятіе—и проявлять на практикѣ свое особое существо. Не только не упраздняя этихъ фактическихъ различій, государство существуетъ, наоборотъ, лишь въ ихъ предположеніи, оно ощущаетъ себя политическимъ государствомъ и осуществляетъ свой всеобщій характеръ лишь въ противоположеніи къ этимъ своимъ элементамъ. Законченное политическое государство является по своему существу видовой жизнью человѣка, въ противоположность къ его матеріальной жизни. Всѣ предпосылки этой эгоистической жизни продолжаютъ существовать въ гражданскомъ обществѣ, внѣ государственной сферы, но какъ свойства гражданскаго общества. Отношеніе политическаго государства къ его предпосылкамъ, будутъ ли то матеріальные элементы, какъ частная собственность, или элементы духовные, какъ религія, это — столкновеніе между общимъ и частнымъ интересомъ. Конфликтъ, въ которомъ человѣкъ, какъ приверженецъ извѣстной религіи, находится со своимъ государственнымъ гражданствомъ, съ другими людьми, какъ членами общежитія, сводится къ расколу между политическимъ государствомъ и гражданскимъ обществомъ.

Но если человѣкъ, хотя и будучи евреемъ, можетъ быть политически эмансипированъ, получить права гражданина, то можетъ ли онъ притязать на права человѣка и получить ихъ? Бауэръ рѣшаетъ вопросъ отрицательно. На это Марксъ отвѣчаетъ: несовмѣстимость религіи съ правами человѣка не только не содержится въ понятіи этихъ правъ, но право быть религіознымъ, вѣрить на какой угодно ладъ, прямо перечисляется среди правъ человѣка. Привилегія вѣры есть всеобщее право человѣка. Права человѣка, droits de l'homme, отличаются отъ правъ гражданина, droits du

citoyen. Кто же этотъ homme, отличаемый отъ citoyen'a? Никто иной, какъ членъ гражданскаго общества. Марксъ подробно доказываетъ это на опредѣленіи правъ человѣка (равенства, свободы, безопасности, собственности) въ самой радикальной конституціи, именно—во французской конституціи 1793 г. Политическая революція была революціей гражданскаго общества. При феодальномъ строѣ общество носило непосредственно политическій характеръ, такъ какъ элементы гражданской жизни, напримѣръ, собственность и семья, родъ и способъ работы, были возведены въ элементы государственной жизни, въ формѣ помѣстной системы, сословія, корпораціи; но, съ другой стороны, оно именно потому распадалось на нѣсколько отдѣльныхъ обществъ и исключало индивидуума изъ государственнаго цѣлаго. Необходимымъ послѣдствіемъ такой организаціи было то, что общая государственная власть стала особымъ дѣломъ отдѣленнаго отъ народа правителя и его слугъ. Политическая революція, низвергнувшая эту власть правителя, сдѣлавшая государственныя дѣла народными дѣлами, конституировавшая политическое государство, какъ общее дѣло, какъ дѣйствительное государство,— политическая революція разбила всѣ сословія, корпораціи, цехи, привилегіи и уничтожила, такимъ образомъ, политическій характеръ гражданскаго общества. „Политическая эмансипація есть сведеніе человѣка, съ одной стороны, на члена гражданскаго общества, на эгоистическаго, независимаго индивида, съ другой — на гражданина государства, на моральное лицо. Человѣческая эмансипація свершится лишь тогда, когда дѣйствительный, индивидуальный человѣкъ вновь восприметъ въ себя абстрактнаго гражданина государства и станетъ всечеловѣкомъ въ своей эмпирической жизни, въ своей индивидуальной работѣ, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ; когда человѣкъ сознаетъ и организуетъ свои собственныя силы, какъ общественныя силы, и, слѣдовательно, не будетъ больше отдѣлять отъ себя общественную силу въ образѣ особой политической силы".

Марксъ дѣлаетъ здѣсь значительный шагъ впередъ въ критикѣ гегелевской философіи права. Если Гегель поставилъ государство надъ обществомъ, то Марксъ находитъ, что фактически общество стоитъ надъ государствомъ. Марксъ доказываетъ это положеніе на развитомъ буржуазномъ обществѣ и развитомъ современномъ государствѣ. Онъ указываетъ на то, что въ античномъ и феодальномъ мірѣ общество было такъ же, какъ въ современномъ, необходимой основой государства, а не наоборотъ.

Однако лишь современный міръ настолько упростилъ и усилилъ противоположность между обществомъ и государствомъ, что она должна разрѣшиться въ сознательную организацію общественныхъ силъ, которая уничтожитъ въ высшемъ синтезѣ противорѣчіе между общественной анархіей и государственнымъ принужденіемъ, которая эмансипируетъ человѣка, сдѣлавъ его господиномъ надъ источниками своей жизни. Статьи Маркса въ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*“ содержатъ плодотворные зародыши матеріалистическаго пониманія исторіи.

---

3. Статьи Энгельса.

Во французской революціи Марксъ искалъ и нашелъ разрѣшеніе своимъ сомнѣніямъ относительно борьбы и задачъ нашего времени; Энгельсъ искалъ и нашелъ отвѣтъ на тѣ же вопросы, изучая англійскую промышленность. Онъ видѣлъ, какъ ничѣмъ не сдерживаемое движеніе собственности, отчужденной отъ человѣка, повергаетъ этого послѣдняго въ нищету, униженіе, рабство, но онъ видѣлъ также, что собственность, дѣйствуя разлагающимъ образомъ на всѣ сепаратные интересы, прокладываетъ путь къ великому перевороту нашего столѣтія—къ примиренію человѣка съ природою и съ самимъ собою.

Въ своихъ критическихъ очеркахъ („Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie“) Энгельсъ называетъ буржуазную экономію, систему свободы торговли, основанную на „Богатствѣ народовъ“ Адама Смита, тѣмъ же лицемѣріемъ и безнравственностью, съ которыми свободная человѣчность сталкивается теперь во всѣхъ областяхъ. Будучи шагомъ впередъ въ сравненіи съ меркантилизмомъ, такъ какъ она развиваетъ законы частной собственности, буржуазная экономія пугается, однако, послѣдняго шага и не задается вопросомъ, какое оправданіе имѣетъ частная собственность. Поэтому она не можетъ успѣшно преодолѣть систему меркантилизма; непослѣдовательность либеральной экономіи должна неизбѣжно сказаться въ ея составныхъ частяхъ. За лицемѣрной гуманностью новыхъ политико-экономовъ скрывается варварство, о которомъ не имѣли представленія старые; путаница понятій у стариковъ представляется образцомъ простоты и послѣдовательности

въ сравненіи съ двуязычной логикой новыхъ; защитники свободы торговли—еще худшіе монополисты, чѣмъ сами старые меркантилисты. Если они не въ состояніи постигнуть возрожденія меркантилизма Листомъ, то связь все-таки очень проста. „Подобно тому какъ богословіе должно идти либо назадъ къ слѣпой вѣрѣ, либо впередъ къ свободной философіи, такъ и свобода торговли должна производить, съ одной стороны, возрожденіе монополій, съ другой—упраздненіе частной собственности". Во всѣхъ узко-экономическихъ спорахъ, гдѣ рѣчь идетъ о кратчайшемъ пути къ обогащенію, защитники свободы торговли правы, поскольку они критикуютъ меркантилистовъ, но въ иномъ положеніи они находятся относительно противниковъ частной собственности, умѣющихъ разрѣшать экономическіе вопросы и экономически болѣе правильно, какъ это давно доказали въ теоріи и на практикѣ англійскіе соціалисты.

Съ этой общей точки зрѣнія Энгельсъ изслѣдуетъ отдѣльныя экономическія категоріи: торговлю, цѣнность, цѣну, поземельную ренту, капиталъ, трудъ, конкурренцію. Вскрывая ихъ непримиримыя противорѣчія, онъ не смотритъ на нихъ, однако, подобно Прудону, какъ на предпосылки, исходя изъ которыхъ можно оспаривать политико-экономовъ; напротивъ, онъ доказываетъ, что онѣ являются логическими проявленіями частной собственности. Подобно тому какъ Бруно Бауеръ при самой рѣзкой критикѣ теологіи не выходилъ все-таки никогда изъ области богословскихъ предпосылокъ, такъ и Прудонъ, критикуя самымъ рѣзкимъ образомъ частную собственность, былъ опутанъ экономическими понятіями, вытекающими изъ частной собственности. Какъ тамъ Марксъ разбилъ богословское пониманіе вопроса, такъ Энгельсъ разбилъ здѣсь политико-экономическое его пониманіе и привелъ его назадъ ко всеобщей, чисто человѣческой основѣ.

При системѣ меркантилизма торговля открыто обнаруживала свою низменную алчность. Либеральная экономія сдѣлала ее болѣе гуманной. Почему? Потому что въ интересахъ торговца быть въ хорошихъ отношеніяхъ и съ тѣмъ, у кого онъ дешево покупаетъ, и съ тѣмъ, кому онъ дорого продаетъ. Чѣмъ дружественнѣе отношенія, тѣмъ дѣло выгоднѣе. „Развѣ мы не низвергли варварства монополій, кричатъ лицемѣры, развѣ мы не разнесли цивилизацію въ отдаленныя части свѣта, развѣ мы не сдѣлали народовъ братьями и не уменьшили войнъ?—Да, все это вы сдѣлали, но какъ вы это сдѣлали! Вы уничтожили маленькія монополіи, чтобы предоставить тѣмъ болѣе неограниченную свободу

дѣйствій великой основной монополіи—собственности. Вы цивилизовали самые отдаленные края свѣта только затѣмъ, чтобы завоевать новое поприще, гдѣ могла бы развернуться ваша низкая жадность. Вы побратали народы, но въ братство воровъ, вы уменьшили войны, чтобы тѣмъ больше наживать въ мирное время, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ вражду между отдѣльными лицами, безчестную войну конкурренціи!" Но этого мало! Послѣ того какъ либеральная экономія употребила всѣ свои усилія, чтобы путемъ разложенія національностей сдѣлать вражду всеобщей, превратить человѣчество въ стадо хищныхъ звѣрей (а чѣмъ отличаются отъ нихъ конкурренты?), пожирающихъ другъ друга именно потому, что каждый имѣетъ однородный интересъ со всѣми другими,—послѣ этой подготовительной работы ей остался только одинъ шагъ для достиженія цѣли: разложеніе семьи. Его она выполнила при помощи прекраснаго собственнаго изобрѣтенія: фабричной системы. При посредствѣ этой системы она разложила послѣдній остатокъ общихъ интересовъ, общность имущества въ семьѣ. Энгельсъ указываетъ на общераспространенное уже тогда явленіе, по крайней мѣрѣ—въ Англіи, что дѣти, едва достигнувъ 9-лѣтняго возраста, слѣдовательно — работоспособности, тратятъ свой заработокъ на себя, разсматривая родительскій домъ, какъ пансіонъ, и платя родителямъ извѣстную сумму за столъ и квартиру.

Энгельсъ находитъ, впрочемъ, что и землевладѣлецъ не лучше купца. „Онъ грабитъ, монополизируя землю. Онъ грабитъ, эксплуатируя въ свою пользу ростъ народонаселенія, увеличивающій конкурренцію и, слѣдовательно, цѣнность его земельнаго участка; онъ грабитъ, дѣлая источникомъ своей личной выгоды то, чтó не было создано его личнымъ трудомъ, чтó случайно досталось ему... Сдѣлать предметомъ барышничества землю, составляющую для насъ все, первое условіе нашего существованія, это значило сдѣлать послѣдній шагъ къ торговлѣ самимъ собою; это было и остается понынѣ безнравственностью, которую превосходитъ только безнравственность самоотчужденія". Энгельсъ говоритъ, что не онъ выставилъ аксіомы, согласно которымъ способъ полученія дохода землевладѣльцемъ долженъ быть квалифицированъ какъ грабежъ,—аксіомы, что каждый имѣетъ право на продуктъ своего труда и что никто не долженъ пожинать того, чего онъ не сѣялъ. Первая аксіома исключаетъ обязанность прокормленія дѣтей, вторая отнимаетъ у каждаго поколѣнія право на существованіе, ибо ка-

ждое поколѣніе вступаетъ во владѣніе наслѣдіемъ предшествующаго. Эти аксіомы суть, напротивъ, логическіе выводы изъ частной собственности; нужно либо осуществить ея выводы, либо отказаться отъ нея, какъ отъ логической посылки.

Частная собственность разъединяетъ землю, мертвую и безплодную безъ оплодотворяющей работы человѣка, и человѣческую дѣятельность, для которой первымъ условіемъ является именно земля. Она разлагаетъ человѣческую дѣятельность снова на трудъ и капиталъ и ставитъ ихъ во враждебныя отношенія другъ къ другу. Но этой борьбы между землей, капиталомъ и трудомъ еще недостаточно: частная собственность разбиваетъ и дробитъ каждый изъ этихъ элементовъ еще внутри себя самого. Одинъ земельный участокъ противопоставляется другому земельному участку, одинъ капиталъ — другому капиталу, одна рабочая сила — другой рабочей силѣ. Иными словами: такъ какъ частная собственность обособляетъ каждаго на его грубомъ „я", н каждый имѣетъ все-таки однородный интересъ со своимъ сосѣдомъ, то создается враждебное отношеніе одного землевладѣльца къ другому землевладѣльцу, одного капиталиста — къ другому капиталисту, одного рабочаго — къ другому рабочему. Въ этой враждѣ одинаковыхъ интересовъ, обусловленной именно ихъ одинаковостью, получаетъ свое завершеніе безнравственное состояніе, въ которомъ понынѣ пребываетъ человѣчество; это завершеніе есть конкурренція. „Она — главная категорія экономиста, его любимѣйшая дщерь, которую онъ не перестаетъ ласкать и лелѣять, — и посмотрите, что за лицо Медузы получится отсюда".

Энгельсъ доказываетъ прежде всего, что конкурренція заключаетъ въ себѣ такое же противорѣчіе, какъ частная собственность, а именно—рѣзкое противорѣчіе между общимъ и индивидуальнымъ интересомъ. Въ интересахъ каждаго отдѣльнаго человѣка владѣть всѣмъ, но общество заинтересовано въ томъ, чтобы у каждаго было одинаково много имущества. Такимъ образомъ, каждый долженъ желать себѣ монополіи, между тѣмъ общество, какъ таковое, должно терять изъ-за монополіи и потому прилагать усилія къ ея устраненію. Конкурренція предполагаетъ уже монополію, а именно — монополію собственности, и покуда существуетъ монополія собственности, до тѣхъ поръ собственность на монополію имѣетъ такое же оправданіе, ибо разъ данная кому-либо монополія тоже есть собственность. Какую жалкую половинчатость обнаруживаютъ, поэтому, люди, нападающіе на маленькія

монополіи и оставляющіе спокойно существовать основную монополію, частную собственность!

Законъ конкурренціи состоитъ въ томъ, что спросъ и снабженіе всегда стремятся уравновѣсить другъ друга и именно потому никогда не достигаютъ вполнѣ этой цѣли. Если спросъ больше предложенія, то цѣны поднимаются и поощряется предложеніе. Какъ только это послѣднее показывается на рынкѣ, цѣны падаютъ и, при большомъ перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ, паденіе цѣнъ бывать настолько значительно, что этимъ снова возбуждается спросъ. „Такъ постоянно идетъ дѣло: никогда нѣтъ здороваго состоянія, а есть постоянная смѣна возбужденія и упадка силъ, исключающая всякій прогрессъ, есть вѣчное колебаніе, при которомъ никогда не приходишь къ цѣли. Этотъ законъ, съ его постояннымъ уравниваніемъ, — законъ, гдѣ потерянное здѣсь снова выигрывается тамъ, всякій экономистъ находитъ удивительно прекраснымъ; это главный предметъ его гордости, онъ не можетъ наглядѣться на него досыта и разсматриваетъ его при всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ условіяхъ. А между тѣмъ ясно, что это — чисто-стихійный законъ, а не законъ духа. Законъ, порождающій революцію. Экономистъ приходитъ къ вамъ съ своей прекрасной теоріей спроса и предложенія, доказываетъ вамъ, что перепроизводства никогда не можетъ быть, а практика отвѣчаетъ торговыми кризисами, повторяющимися съ такою же правильностью, какъ кометы, и возвращающимися теперь въ среднемъ черезъ каждыя 5—7 лѣтъ. Торговые кризисы появлялись въ послѣдніе 80 лѣтъ такъ же правильно, какъ когда-то большія эпидеміи, а нужды и нравственнаго растлѣнія они приносили съ собою больше, чѣмъ эпидеміи. Естественно, что эти торговыя революціи подтверждаютъ законъ спроса и предложенія, онѣ подтверждаютъ его въ полной мѣрѣ, но инымъ образомъ, чѣмъ хотѣлъ бы увѣрить насъ экономистъ. Что подумать о законѣ, который можетъ осуществляться только путемъ періодическихъ переворотовъ? Это и есть законъ природы, покоящійся на безсознательности участвующихъ. Если бы производители, какъ таковые, знали, сколько нужно потребителямъ; если бы они организовали производство; если бы они распредѣлили его между собою, — то колебанія конкурренціи и ея наклонность къ кризису были бы невозможны. Производите сознательно, какъ люди, а не какъ раздробленные атомы, лишенные сознанія о своемъ родѣ,—и вы вырвались изъ всѣхъ этихъ искус-

ственныхъ и безвыходныхъ противорѣчій. Но покуда вы продолжаете производить теперешнимъ способомъ, безсознательнымъ, безсмысленнымъ, отданнымъ во власть случая, до тѣхъ поръ торговые кризисы останутся. Мало того: каждый послѣдующій кризисъ долженъ носить болѣе всеобщій характеръ, слѣдовательно — быть хуже предшествующаго. Онъ долженъ доводить до нищеты все большее количество мелкихъ капиталистовъ и въ возрастающей пропорціи увеличивать численность класса, живущаго наемнымъ трудомъ; онъ долженъ, слѣдовательно, увеличивать массу рабочихъ, которымъ приходится дать занятіе, эту главную проблему нашихъ экономистовъ, и въ концѣ-концовъ привести къ такой соціальной революціи, какая и во снѣ не снится школьной мудрости политико-экономовъ".

Конкурренція, борьба капитала противъ капитала, труда противъ труда, земли противъ земли, доводитъ производство до лихорадочнаго состоянія, при которомъ оно перевертываетъ вверхъ дномъ всѣ естественныя и разумныя отношенія. Всякій, кто вступаетъ въ борьбу конкурренціи, не можетъ выдержать ея безъ высшаго напряженія своихъ силъ, безъ отреченія отъ всѣхъ истинно-человѣческихъ цѣлей. „Послѣдствіемъ этого чрезмѣрнаго напряженія силъ на одной сторонѣ является неизбѣжный упадокъ ихъ на другой. Когда колебанія конкурренціи незначительны, когда спросъ и предложеніе, потребленіе и производство приблизительно равны другъ другу, то въ развитіи производства должна наступить стадія, на которой имѣется столько лишней производительной силы, что массѣ народа нечѣмъ жить, что люди начинаютъ голодать отъ одного избытка. Въ этомъ безумномъ состояніи, въ положеніи этого воплощеннаго абсурда уже порядочное время находится Англія. Если производство колеблется сильнѣе, какъ это неизбѣжно при такомъ состояніи, то наступаетъ смѣна процвѣтанія и кризиса, перепроизводства и застоя. Политико-экономъ никогда не умѣлъ объяснить себѣ этого сумасшедшаго положенія; для объясненія его онъ изобрѣлъ теорію народонаселенія, столь же и даже болѣе безсмысленную, нежели указанное противорѣчіе одновременнаго существованія богатства и нищеты". Раньше чѣмъ перейти, однако, къ критическому разбору теоріи народонаселенія, пріобрѣвшей типическую извѣстность въ формулировкѣ Мальтуса и составляющей догматъ либеральной экономіи, Энгельсъ предлагаетъ собственное объясненіе „удивительнаго факта, болѣе удивительнаго, чѣмъ чудеса всѣхъ религій вмѣстѣ взятыя", —

что нація должна умирать съ голоду отъ одного богатства и избытка.

Онъ говоритъ, что производительная сила, находящаяся въ распоряженіи человѣчества, неизмѣрима. Производительность почвы можно повысить до безконечности путемъ примѣненія капитала, труда и научнаго знанія. По вычисленіямъ лучшихъ экономистовъ и статистиковъ, „перенаселенная" Великобританія можетъ быть доведена въ теченіе 10 лѣтъ до того, чтобы производить хлѣбъ въ количествѣ, достаточномъ для населенія, въ 6 разъ превышающаго число ея жителей. Капиталъ растетъ ежедневно, рабочая сила растетъ вмѣстѣ съ населеніемъ, а наука все больше подчиняетъ человѣку силы природы. „Эта неизмѣримая производительная способность, примѣняемая сознательно и въ интересѣ всѣхъ, уменьшила бы скоро трудъ, выпадающій на долю человѣчества, до минимума; предоставленная конкурренціи, она дѣлаетъ то же, но въ предѣлахъ противоположности. Одна часть страны воздѣлывается наилучшимъ образомъ, тогда какъ другая—въ Великобританіи и Ирландіи, напримѣръ, 30 милл. акровъ хорошей земли—лежитъ втунѣ. Часть капитала обращается съ огромной скоростью, другая лежитъ, напротивъ, безъ движенія въ сундукѣ. Часть рабочихъ трудится по 14 и 16 часовъ въ день, между тѣмъ какъ другая проводитъ время безъ дѣла и умираетъ съ голоду. Случается и такъ, что распредѣленіе выступаетъ изъ этой одновременности: сегодня торговля идетъ хорошо, спросъ весьма значителенъ, все работаетъ, и капиталъ оборачивается съ поразительной быстротой, земледѣліе процвѣтаетъ, рабочіе надрываются надъ трудомъ, — завтра наступаетъ застой, сельское хозяйство не окупается, обширныя пространства земли остаются невоздѣланными, движеніе капитала останавливается, рабочіе не находятъ занятія, и вся страна больна отъ излишняго богатства и излишняго населенія". Какъ ни просто объясненіе этого явленія, но его никогда не осмѣлится признать либеральная экономія, которой пришлось бы въ такомъ случаѣ отречься отъ всего великолѣпія системы конкурренціи.

Вмѣсто этого либеральная экономія пыталась выйти изъ затрудненія при помощи теоріи народонаселенія. Мальтусъ утверждалъ, что населеніе оказываетъ всегда давленіе на пищевыя средства, что человѣческому роду свойственна неизмѣнная тенденція размножаться быстрѣе существующихъ въ каждый данный моментъ пищевыхъ средствъ; по его гипотезѣ народонаселеніе

растетъ въ геометрической прогрессіи (1:2:4:8:16:32 и т. д.), а производительная сила почвы только въ ариеметической (1:2:3:4:5:6 и т. д.). Въ постоянной перенаселенности либеральная экономія усмотрѣла причины всякой нищеты и порока. Изъ нея она сдѣлала слѣдующіе милые выводы: подача милостыни есть преступленіе, такъ какъ она поддерживаетъ приростъ избыточнаго населенія; напротивъ, очень выгодно провозгласить бѣдность преступленіемъ, обратить работные дома въ каторжныя тюрьмы и т. п. Правда, эта теорія плохо совмѣщалась съ библейскимъ ученіемъ о совершенствѣ Бога и его творенія, но набожная англійская буржуазія считала плохимъ опроверженіемъ—выдвигать Библію противъ фактовъ.

Противъ этого „позорнаго, низменнаго ученія, этой отвратительной кощунственной клеветы на природу и человѣчество" съ негодованіемъ вооружается Энгельсъ. Онъ задаетъ вопросъ, гдѣ же это доказано, что производительность почвы растетъ въ ариеметической прогрессіи? Въ противоположность этому голословному утвержденію Энгельсъ обращаетъ вниманіе на успѣхи, которыми земледѣліе нашего вѣка обязано одной химіи, даже двумъ только лицамъ—сэру Гэмфри Деви и Юстусу Либиху. Смѣшно говорить о перенаселеніи, пока обработанной можетъ считаться только одна треть земного шара, и самое производство этой трети можно увеличить въ 6 и болѣе разъ путемъ примѣненія уже теперь извѣстныхъ улучшеній. Мальтусъ дѣлаетъ двѣ ошибки. Онъ упускаетъ изъ виду, что избыточное населеніе всегда связано съ избыточнымъ богатствомъ, избыточнымъ капиталомъ и избыточнымъ землевладѣніемъ,—фактъ, разсмотрѣніе котораго должно привести къ правильному пониманію дѣла. Затѣмъ Мальтусъ смѣшиваетъ средства къ существованію со средствами для предоставленія занятія другимъ. Что̀ Мальтусъ доказалъ и доказательство чего составляетъ его заслугу, это—нѣчто иное: онъ доказалъ, что народонаселеніе давитъ всегда на средства для предоставленія занятій другимъ, что производство рабочей силы регулировалось до сихъ поръ закономъ конкурренціи и потому было также подвержено періодическимъ кризисамъ и колебаніямъ.

При всей несостоятельности либеральной теоріи народонаселенія Энгельсъ признаетъ историческій прогрессъ, который она представляетъ собою. Она обратила вниманіе на производительную силу земли и человѣчества, она даетъ сильнѣйшіе экономическіе аргументы въ пользу соціальнаго преобразованія. „Благо-

даря ей мы познакомились съ глубочайшимъ униженіемъ человѣчества, съ его зависимостью отъ системы конкурренціи. Она показала намъ, что частная собственность въ конечномъ счетѣ обратила человѣка въ товаръ, производство и уничтоженіе котораго также зависятъ только отъ спроса; она показала, что вслѣдствіе этого система конкурренціи убила и продолжаетъ ежедневно убивать милліоны людей. Все это мы увидѣли, и все это толкаетъ насъ къ тому, чтобы путемъ упраздненія частной собственности, конкурренціи и противоположныхъ интересовъ положить также конецъ изображенному униженію человѣчества".

Къ тому же результату Энгельсъ приходитъ, когда разсматриваетъ вопросъ, какимъ образомъ конкурренція измѣняетъ соотношеніе силъ труда, капитала и земельной собственности. „Прежде всего землевладѣніе и капиталъ, взятые каждый въ отдѣльности, сильнѣе труда, ибо рабочій вынужденъ работать, чтобы жить, тогда какъ землевладѣлецъ можетъ жить своей рентой, а капиталистъ своими процентами, или въ крайнемъ случаѣ они могутъ жить своимъ капиталомъ и обращенной въ капиталъ землей. Результатъ получается тотъ, что труду достается лишь до зарѣза необходимое, достаются лишь голыя средства существованія, тогда какъ бо́льшая часть продуктовъ распредѣляется между капиталомъ и землевладѣніемъ. Далѣе, слабѣйшій рабочій вытѣсняется съ рынка болѣе сильнымъ, меньшій капиталъ — большимъ, менѣе крупное землевладѣніе болѣе крупнымъ. Практика подтверждаетъ это заключеніе: всѣмъ извѣстны преимущества, которыя крупный фабрикантъ и купецъ имѣютъ предъ мелкимъ, крупный землевладѣлецъ — предъ владѣльцемъ одного моргена. Въ результатѣ мы видимъ, что уже при обычныхъ условіяхъ крупный капиталъ и крупное землевладѣніе по праву сильнаго поглощаютъ мелкій капиталъ и мелкое землевладѣніе, — т.-е. видимъ концентрацію собственности. Во время торговыхъ и сельско-хозяйственныхъ кризисовъ эта концентрація происходитъ гораздо быстрѣе.— Вообще крупное землевладѣніе растетъ значительно быстрѣе мелкаго, такъ какъ изъ приносимаго имъ дохода вычитывается гораздо меньшая доля на траты собственника. Концентрація владѣнія есть столь же имманентный законъ частной собственности, какъ и всѣ другіе ея законы; средніе классы должны все больше исчезать, пока міръ не будетъ раздѣленъ на милліонеровъ и пауперовъ, на крупныхъ землевладѣльцевъ и бѣдныхъ батраковъ. Всякія законодательныя мѣропріятія, всякіе раздѣлы земельной соб-

ственности, всякія случайныя дробленія капитала, — все это не можетъ помочь дѣлу". Свободная конкурренція создаетъ монополію такъ точно, какъ монополія создаетъ конкурренцію; изъ этой дилеммы есть только одинъ выходъ: упраздненіе принципа, создающаго ту и другую, т.-е. упраздненіе частной собственности.

Конкурренція проникла во всѣ жизненныя отношенія людей; она регулируетъ не только численный прогрессъ человѣчества, но и нравственный его прогрессъ. „Кто нѣсколько знакомъ со статистикой преступленій, тому должна была броситься въ глаза характерная правильность, съ которою ежегодно возрастаетъ преступность, съ которою извѣстныя причины порождаютъ извѣстныя преступленія. Эта правильность доказываетъ, что и преступность управляется конкурренціей, что общество создаетъ спросъ на преступленіе, покрываемый соотвѣтственнымъ предложеніемъ". Насколько справедливо при такихъ обстоятельствахъ—независимо отъ всѣхъ прочихъ соображеній — наказывать преступленія, объ этомъ Энгельсъ предоставляетъ судить самому читателю. Своимъ указаніемъ на область нравственности онъ хочетъ только подчеркнуть, до какого глубокаго униженія частная собственность довела человѣка.

Энгельсъ указываетъ, наконецъ, что при теперешнихъ условіяхъ землевладѣніе и капиталъ имѣютъ въ своей борьбѣ противъ труда еще одного могущественнаго союзника: помощь науки. „Почти всѣ механическія изобрѣтенія были вызваны недостаткомъ въ рабочихъ рукахъ; таково, напр., происхожденіе бумагопрядильныхъ машинъ Харгревса, Кромптона и Аркрайта. Всякій разъ когда на трудъ появлялся большой спросъ, это давало толчокъ къ какому-нибудь изобрѣтенію, которое значительно увеличивало количество механической рабочей силы и уменьшало поэтому спросъ на человѣческій трудъ. Исторія Англіи съ 1770 г. и по настоящій день является непрерывнымъ подтвержденіемъ этой мысли. Послѣднее крупное изобрѣтеніе въ бумагопрядильномъ дѣлѣ, сельфакторъ, было вызвано исключительно спросомъ на трудъ и ростомъ заработной платы. Сельфакторъ удвоилъ машинную работу и тѣмъ на половину сократилъ ручной трудъ, онъ лишилъ занятія половину рабочихъ и тѣмъ понизилъ заработную плату другой половины, онъ уничтожилъ „заговоръ" рабочихъ противъ фабрикантовъ и разрушилъ послѣдній остатокъ силъ, съ которымъ трудъ выдерживалъ еще неравную борьбу противъ капитала". Энгельсъ возстаетъ противъ утвержденія экономистовъ, что

въ конечномъ результатѣ машины выгодны, дескать, для рабочихъ, ибо, удешевляя производство, онѣ создаютъ новый, большій рынокъ для его продуктовъ и, такимъ образомъ, даютъ вновь занятіе оставшимся безъ дѣла рабочимъ. Въ доказательство онъ ссылается на установленный экономистами же законъ, по которому рабочая сила оказываетъ всегда давленіе на средства для найма рабочихъ. Слѣдовательно, если бы указанныя выгоды и должны были наступить, онѣ оказались бы призрачными по той причинѣ, что избытокъ конкуррентовъ на работу опять стоитъ наготовѣ въ ожиданіи занятія; между тѣмъ ущербъ—внезапное отнятіе средствъ къ существованію у одной половины рабочихъ и паденіе заработной платы у другой половины — весьма реаленъ.

Въ тѣсной связи съ этими афоризмами, содержащими критику буржуазной экономіи, находится другая статья Энгельса въ «*Deutsch-Franz. Jahrbücher*»: критическое извлеченіе изъ памфлета Карлейля «*Past and Present*». Энгельсъ начинаетъ съ того, что рѣзкими штрихами рисуетъ картину духовнаго обнищанія англійской аристократіи и буржуазіи; онъ называетъ образованнаго англичанина, по которому на континентѣ судятъ объ англійскомъ національномъ характерѣ, презрѣннѣйшимъ рабомъ въ подлунномъ мірѣ, — рабомъ, задыхающимся въ предразсудкахъ, особенно въ предразсудкахъ религіозныхъ. „Только неизвѣстная на континентѣ часть англійской націи, только рабочіе, паріи Англіи, бѣдняки, дѣйствительно респектабельны, несмотря на всю ихъ грубость и на всю ихъ деморализацію. Отъ нихъ придетъ спасеніе Англіи, въ нихъ заключенъ еще пластическій матеріалъ; они лишены образованія, но зато не имѣютъ и предразсудковъ, въ нихъ сохранилась еще сила, необходимая для великаго національнаго подвига, у нихъ есть еще будущность". Энгельсъ разсказываетъ, что когда „Жизнь Христа" Штрауса пришла по ту сторону Ламанша, то ни одинъ „приличный" человѣкъ не отважился перевести книгу, ни одинъ видный книгопродавецъ—напечатать ее. „Наконецъ ее перевелъ соціалистическій лекторъ, т.-е. человѣкъ, занимающій одно изъ самыхъ нефешенебельныхъ положеній въ обществѣ; затѣмъ нашелся мелкій типографъ - соціалистъ, который напечаталъ ее выпусками по 1 пенни каждый, и рабочіе Манчестера, Бирмингема и Лондона составили единственную публику для Штрауса въ Англіи". Изъ двухъ партій, на которыя дѣлится образованная Англія, Энгельсъ находитъ сравнительно болѣе безпристрастный взглядъ на вещи у торіевъ: они видятъ въ про-

мышленности, въ лучшемъ случаѣ, необходимое зло, такъ какъ она сломила ихъ могущество и безраздѣльное господство, между тѣмъ виги находятъ, что въ промышленности, дающей имъ силу и деньги, все безупречно, и въ ея расширенiи они усматриваютъ единственную цѣль всякаго законодательства. Человѣколюбивые тори, какъ лордъ Эшли, Феррандъ, Вальтеръ, Остлеръ и другiе, считали своей обязанностью заступаться за фабричныхъ рабочихъ противъ фабрикантовъ. Томасъ Карлейль также принадлежалъ сначала къ торiямъ и все еще стоитъ ближе къ этой партiи, чѣмъ къ вигамъ. Вигъ никогда не могъ бы написать книгу, хотя бы на половину столь гуманную, какъ «*Past and Present*»,—единственную достойную чтенiя книгу въ англiйской литературѣ за 1843 г., единственную, затрагивающую человѣческiя струны, говорящую о человѣческихъ отношенiяхъ и обнаруживающую слѣдъ гуманнаго образа мыслей.

Книга Карлейля есть сопоставленiе между Англiей 12-го и Англiей 19-го вѣка. Она самымъ мрачнымъ образомъ смотритъ на настоящее и рисуетъ его красками, горящими отъ жгучаго стыда; она гнѣвно грозитъ ему пророческимъ языкомъ потрясающей силы. Праздная поземельная аристократiя, не научившаяся даже сидѣть тихо и по крайней мѣрѣ не творить зла; работающая аристократiя, погрязшая въ служенiи Мамонѣ и представляющая собою банду промышленныхъ пиратовъ, вмѣсто того, чтобы быть собранiемъ руководителей труда, „полководцевъ промышленности"; парламентъ, выбираемый при помощи подкупа; философiя жизни, заключающаяся въ ничего-не-дѣланьѣ и пассивномъ созерцанiи того, что происходитъ кругомъ; изношенная, разваливающаяся религiя; полное разложенiе всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ; всеобщее отчаиванiе въ истинѣ и человѣчествѣ; хаотическая путаница всѣхъ жизненныхъ отношенiй; война всѣхъ противъ всѣхъ; несоразмѣрно многочисленный рабочiй классъ, живущiй подъ невыносимымъ гнетомъ и въ нищетѣ, въ состоянiи дикаго недовольства и мятежа противъ стараго соцiальнаго порядка, и вслѣдствiе этого—угрожающая, неудержимо надвигающаяся демократiя; повсюду хаосъ, безпорядокъ, анархiя, разложенiе старыхъ общественныхъ связей, повсюду духовная пустота, безъидейность и упадокъ силъ—таково было, по Карлейлю, положенiе Англiи въ 40-хъ гг. Онъ сознается, что не располагаетъ панацеей для лѣченiя соцiальныхъ золъ, не имѣетъ „пилюль Моррисона", какъ онъ выражается на своемъ оригинальномъ языкѣ.

До этого пункта Энгельсъ соглашается съ Карлейлемъ, хотя не безъ оговорокъ. Онъ пишетъ: „Всякая соціальная философія остается весьма несовершенной, покуда она выставляетъ, какъ свой конечный результатъ, какихъ-нибудь два, три положенія, покуда она прописываетъ пилюли Моррисона. Мы особенно нуждаемся не столько въ голыхъ результатахъ, сколько въ изученіи: результаты—ничто безъ развитія, которое привело къ нимъ, это мы знаемъ уже со временъ Гегеля; результаты болѣе чѣмъ безполезны, если они неподвижно установлены, какъ нѣчто самодовлѣющее, а не обращаются опять въ посылки для дальнѣйшаго развитія. Но результаты должны также временно принимать опредѣленную форму, они должны путемъ развитія перейти изъ туманной неопредѣленности въ ясныя мысли и, конечно, не могутъ тогда избѣжать у такой чисто эмпирической націи, какъ англичане, формы Моррисоновыхъ пилюль". Энгельсъ даетъ затѣмъ объясненіе англійскаго скептицизма. Результатъ всей англійской философской мысли, это—признанное безсиліе разрѣшить противорѣчія, на которыя она наталкивается въ послѣднемъ счетѣ; отсюда, съ одной стороны, возвращеніе къ вѣрѣ, съ другой—приверженность къ чистой практикѣ, равнодушіе къ метафизикѣ и проч. Англійскіе соціалисты, о которыхъ Карлейль не упоминаетъ ни звукомъ во всѣхъ своихъ рапсодіяхъ, чисто практическіе люди и потому предлагаютъ также мѣры, нѣсколько напоминающія „пилюли Моррисона", въ родѣ колонизаціи отечества и т. д. Ихъ философія истинно-англійская, скептическая, т.-е. они отчаялись въ теоріи, а для практической дѣятельности придерживаются матеріализма, на которомъ основана вся ихъ соціальная система. Они односторонни, но одностороненъ также и Карлейль. Оба преодолѣли противорѣчіе только въ предѣлахъ противорѣчія, соціалисты—въ предѣлахъ практики, Карлейль—въ предѣлахъ теоріи; чего не хватаетъ обоимъ, это—знанія нѣмецкой философіи. Энгельсъ надѣется, что англійскіе соціалисты сами придутъ къ ней; навязывать имъ нѣмецкую философію—не такое спѣшное дѣло, да она на первыхъ порахъ и не можетъ принести имъ особенно большой пользы. Но Энгельсъ думаетъ также, что Карлейлю остается сдѣлать еще только одинъ шагъ, хотя, какъ показываетъ весь опытъ Германіи, тяжелый шагъ, чтобы вырваться изъ противорѣчія, въ предѣлахъ котораго онъ движется.

Карлейль заявляетъ, что все безполезно и безплодно, пока человѣчество пребываетъ въ безбожіи, пока оно не обрѣло вновь

своей „души". Подъ атеизмомъ онъ понимаетъ не невѣріе въ личнаго Бога, а невѣріе въ разумъ, невѣріе въ безконечность вселенной; его борьба направлена не противъ невѣрія въ откровеніе Библіи, а „противъ самаго страшнаго невѣрія, невѣрія въ библію всемірной исторіи". Онъ пантеистъ въ духѣ Спинозы, Гёте, молодого Шеллинга. Его религія будущаго имѣетъ своего пророка въ лицѣ Гёте и свой культъ—въ трудѣ. Пантеизмъ Карлейля—послѣдняя форма религіи, но это все еще религія: онъ все еще не можетъ вырваться изъ дуализма, все еще признаетъ нѣчто высшее, чѣмъ человѣкъ, какъ таковой. Соотвѣтственно съ этимъ Карлейль вѣритъ только во временную, но не въ прочную побѣду демократіи. Въ своей жаждѣ жизни, говоритъ онъ, милліоны трудовыхъ людей отбросятъ ложное руководительство и будутъ въ теченіе нѣкотораго времени надѣяться, что не-руководительства достаточно для нихъ. Но это будетъ продолжаться только одинъ моментъ. Великая задача останется еще неразрѣшенной: задача руководительства человѣчествомъ черезъ посредство его истинныхъ вождей, черезъ посредство „полководцевъ промышленности", героевъ, лучшихъ людей, лидерство которыхъ сумѣло бы совмѣстить неизбѣжную демократію съ необходимымъ суверенитетомъ.

Противъ этого воззрѣнія Карлейля Энгельсъ выдвигаетъ результаты, добытые Бруно Бауеромъ и Фейербахомъ. Сѣтованія Карлейля, говоритъ онъ, справедливы, но одними сѣтованіями ничего не сдѣлаешь; чтобы помочь злу, нужно вскрыть его причины. Если бы Карлейль сдѣлалъ это, то нашелъ бы, что атеизмъ и бездушіе, противъ которыхъ онъ выступаетъ съ обвинительнымъ актомъ, имѣютъ свое основаніе въ самой религіи. Религія по существу своему есть извлеченіе изъ человѣка и природы всего ихъ содержанія, перенесеніе этого содержанія на фантомъ по-тустороннняго, внѣземного Бога, который затѣмъ милостиво даритъ человѣку и природѣ кое-что отъ своего избытка. „Мы также нападаемъ на лицемѣріе теперешняго христіанскаго міра; борьба противъ этого лицемѣрія, наше освобожденіе отъ него и освобожденіе міра отъ него есть въ концѣ-концовъ наша единственная очередная задача, но такъ какъ мы пришли къ его пониманію благодаря развитію философіи, такъ какъ мы ведемъ эту борьбу научно, то сущность этого лицемѣрія намъ не такъ чужда и непонятна, какой она несомнѣнно еще представляется Карлейлю. Это лицемѣріе мы также сводимъ къ религіи, первое слово которой есть ложь: развѣ не начинаетъ религія съ того, что показавъ намъ нѣчто человѣ-

ческое, она утверждаетъ, будто мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то сверхчеловѣческимъ, божественнымъ? Но такъ какъ мы знаемъ, что ложь и безнравственность вытекаютъ изъ религіи, что религіозное лицемѣріе есть прообразъ всякой другой лжи и лицемѣрія, то мы вправѣ распространить названіе теологіи на всю неправду и лицемѣріе нашего времени, какъ это было впервые сдѣлано Фейербахомъ и Бруно Бауеромъ. Пусть Карлейль прочитаетъ ихъ сочиненія, если онъ хочетъ знать, откуда берется безнравственность, заражающая всѣ наши отношенія". Энгельсъ прибавляетъ, что всѣ возможности религіи исчерпаны; невозможно основать новую религію, въ родѣ пантеистическаго культа героевъ или культа труда, и возлагать на нее свои надежды. Послѣ христіанства ни одна религія не представляется больше возможной; невозможенъ и пантеизмъ, который самъ еще представляетъ собой слѣдствіе христіанства, неотдѣлимое отъ своей предпосылки, — какъ это опять-таки доказалъ Фейербахъ.

Энгельсъ также хочетъ уничтожить атеизмъ, изображаемый Карлейлемъ, но инымъ путемъ: онъ возвращаетъ человѣку содержаніе, которое тотъ потерялъ изъ-за религіи, но возвращаетъ уже какъ человѣческое, а не божественное содержаніе, и все возвращеніе ограничивается простымъ пробужденіемъ самосознанія. Претензія человѣческаго и естественнаго быть сверхчеловѣческимъ, сверхъестественнымъ есть причина всякой неправды и лжи. „Вотъ почему мы разъ навсегда объявили войну религіи и религіознымъ представленіямъ и мало заботимся о томъ, будутъ ли насъ называть атеистами или какъ-нибудь иначе. Если бы, однако, пантеистическое опредѣленіе атеизма, даваемое Карлейлемъ, было правильно, то истинными атеистами были бы не мы, а наши христіанскіе противники. Намъ въ голову не приходитъ нападать на „вѣчные факты вселенной"; напротивъ, мы первые настоящимъ образомъ обосновали ихъ, доказавъ ихъ вѣчность и защитивъ ихъ отъ всемогущаго произвола противорѣчиваго въ себѣ личнаго божества... Намъ не приходитъ въ голову подвергать сомнѣнію или презирать „откровеніе исторіи"; исторія для насъ все, и мы ставимъ ее выше, чѣмъ ставило какое бы то ни было, болѣе раннее философское направленіе, не исключая Гегеля, который въ концѣ-концовъ пользовался ею только для провѣрки своей логической задачи. Презрѣніе къ исторіи, игнорированіе развитія человѣчества лежатъ всецѣло на другой сторонѣ: опять-таки именно христіанскіе теологи, выставляя особую исторію „царства

Божія", отрицають у истинной исторіи всякую внутреннюю сущность и приписывають характеръ такой сущности только своей по-ту-сторонней, абстрактной и къ тому еще выдуманной исторіи; давая человѣческому роду завершеніе въ одномъ лицѣ, они доводятъ исторію до мнимаго конца, обрываютъ ее среди ея теченія и затѣмъ, уже изъ послѣдовательности, принуждены выставлять дальнѣйшіе 18 вѣковъ за сплошную, лишенную содержанія безсмыслицу. *Мы* считаемся съ содержаніемъ исторіи, но мы видимъ въ ней исключительно откровеніе человѣка, и только человѣка. Чтобы видѣть все великолѣпіе человѣческаго существа, чтобы понять развитіе человѣческаго рода въ исторіи, его неудержимый прогрессъ, его всегда обезпеченную побѣду надъ неразуміемъ индивида и преодолѣніе всего мнимо-сверхчеловѣческаго, его суровую, но успѣшную борьбу съ природой, вплоть до конечнаго достиженія свободнаго человѣческаго самосознанія, до уразумѣнія единства человѣка съ природой и свободнаго, самодѣятельнаго созданія новаго міра, основаннаго на чисто человѣческихъ, нравственныхъ жизненныхъ отношеніяхъ,—чтобы понять все это въ надлежащемъ его величіи, намъ нѣтъ нужды призывать сначала абстракцію личнаго божества и приписать ей все прекрасное, великое, возвышенное и истинно человѣческое... Безбожіе нашего времени, о которомъ такъ скорбитъ Карлейль, заключается въ его *преисполненности* Богомъ... Вопросъ ставился всегда до сихъ поръ слѣдующій: „что такое Богъ?", и нѣмецкая философія дала на него отвѣтъ: Богъ, это—человѣкъ. Человѣку стоитъ только познать самого себя, взять себя самого мѣриломъ всѣхъ жизненныхъ отношеній и судить о нихъ согласно своему существу, устроить міръ истинно по-человѣчески, согласно требованіямъ своей природы,—и онъ разрѣшилъ загадку нашего времени... Все это написано также у Гёте, въ „Пророкѣ", и у кого открытые глаза, тотъ можетъ это вычитать. Гёте не любилъ имѣть дѣло съ личнымъ божествомъ; это слово возбуждало въ немъ чувство неловкости, уютно онъ чувствовалъ себя только въ человѣческомъ, и эта человѣчность, это освобожденіе искусства отъ оковъ религіи и составляетъ величіе Гёте. Ни древніе, ни Шекспиръ не могутъ сравняться съ нимъ въ указанномъ отношеніи. Но эта законченная человѣчность, это преодолѣніе религіознаго дуализма могутъ быть обняты во всемъ ихъ историческомъ значеніи лишь тѣмъ, кому не чужда другая сторона нѣмецкаго національнаго развитія—философія. То, что Гёте могъ высказать только непосредственно, т.-е. въ извѣст-

номъ смыслѣ „пророчески“, было развито и обосновано въ новѣйшей нѣмецкой философіи“.

Уже изъ этой критики внутренней, религіозной точки зрѣнія Карлейля ясно, что́ долженъ думать Энгельсъ объ его внѣшней, политическо-соціальной точкѣ зрѣнія, объ его культѣ героевъ и всемъ прочемъ, сюда же относящемся. „Какъ будто эти герои,— замѣчаетъ Энгельсъ,—могутъ въ лучшемъ случаѣ быть чѣмъ-либо бо́льшимъ, нежели люди! Если бы Карлейль постигъ человѣка какъ человѣка, во всей его безконечности, то ему не пришла бы въ голову мысль снова дѣлить человѣчество на два стада—овецъ и козлищъ, на правящихъ и управляемыхъ, аристократовъ и сволочь, господъ и болвановъ; онъ нашелъ бы истинное соціальное призваніе таланта не во властномъ управленіи, а въ томъ, чтобы давать стимулъ другимъ и шествовать впереди. Задача таланта—убѣдить массы въ истинѣ своихъ идей, и тогда ему не будетъ больше надобности биться надъ ихъ осуществленіемъ, которое послѣдуетъ само собою“. Карлейль правъ, конечно, называя демократію переходной стадіей, только вопреки его мнѣнію, это не переходная стадія къ новой, улучшенной аристократіи, а къ дѣйствительной человѣческой свободѣ,—точно такъ, какъ нерелигіозность нашего времени приведетъ въ концѣ-концовъ къ полному освобожденію отъ всего религіознаго, сверхчеловѣческаго и сверхъестественнаго, а не къ его возстановленію.

Энгельсъ заканчиваетъ каждую изъ двухъ своихъ статей обѣщаніемъ заняться вскорѣ подробнѣе фабричной системой, положеніемъ Англіи и самой существенной его стороной—положеніемъ рабочихъ классовъ. Скорая гибель „*Deutsch-Französiske Jahrbücher*“ не позволила ему исполнить свое обѣщаніе въ той формѣ, которую онъ первоначально имѣлъ въ виду, но онъ сдѣлалъ это впослѣдствіи инымъ путемъ.

---

4. „Die Heilige Familie“.

Раньше чѣмъ продолжать, однако, начатую въ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*“ выработку собственнаго положительнаго міровоззрѣнія, Марксъ и Энгельсъ соединились для своей первой общей работы, для критическаго анализа нѣмецкаго идеализма, поскольку онъ находилъ еще достойныхъ вниманія представителей

въ лицѣ Бруно Бауера и берлинскихъ „свободныхъ". Благодаря своимъ статьямъ въ названномъ журналѣ Марксъ и Энгельсъ вступили въ оживленную переписку, и въ сентябрѣ 1844 г. Энгельсъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Парижъ, чтобы посѣтить Маркса. Тѣмъ же мѣсяцемъ помѣчено предисловіе къ книгѣ, появившейся въ 1845 г. во Франкфуртѣ подъ заглавіемъ: „*Die Heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik*" (противъ Бруно Бауера съ компаніей), соч. Фридриха Энгельса и Карла Маркса. Книга не находится ни въ какой внѣшней связи съ „*Deutsch-Franz. Jahrbücher*", но по своему внутреннему содержанію она всецѣло относится къ тому кругу идей, который очертили въ названномъ журналѣ Марксъ и Энгельсъ. До извѣстной степени она является первымъ практическимъ испытаніемъ прочности и надежности новой точки зрѣнія, къ которой они пришли,—испытаніемъ, которое въ случаѣ удачи должно было, конечно, обезпечить и этой точкѣ зрѣнія новые опорные пункты.

Въ предисловіи авторы говорятъ, что цѣль „Святого семейства"—разъяснить публикѣ иллюзіи умозрительной философіи. „Истинный гуманизмъ,—пишутъ они,—не имѣетъ въ Германіи болѣе опаснаго врага, чѣмъ спиритуализмъ или спекулятивный идеализмъ, который ставитъ на мѣсто дѣйствительнаго индивидуальнаго человѣка „самосознаніе" или „духъ" и вмѣстѣ съ евангелистомъ учитъ: духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало. Само собою разумѣется, что этотъ безплотный духъ существуетъ лишь въ его воображеніи. Съ чѣмъ мы боремся въ бауеровской критикѣ, это именно съ карикатурно воспроизводящимъ себя умозрѣніемъ. Мы видимъ въ немъ законченнѣйшее выраженіе христіанско-германскаго принципа, который дѣлаетъ свою послѣднюю попытку, превращая самую „критику" въ трансцендентную силу". Изложеніе Маркса и Энгельса пріурочено къ первымъ восьми выпускамъ „*Allgemeine Literaturzeitung*", которую Бруно Бауеръ издавалъ съ декабря 1843 г. въ Шарлоттенбургѣ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Эдгаромъ, Фаухеромъ, Юнгницемъ, Шелигою и другими.

Въ этомъ журналѣ берлинскіе „свободные" сдѣлали попытку обосновать свое міровоззрѣніе, опредѣлить историческое значеніе всѣхъ важныхъ явленій, оказывающихъ вліяніе на современную жизнь—религіи и философіи, христіанства и еврейства, пауперизма и соціализма, англійской промышленности и французской революціи, судить ихъ всѣхъ предъ судейскимъ трономъ абсолютнаго самосознанія и критической критики. Программа журнала заклю-

чалась до извѣстной степени въ положенiи Бруно Бауера: „Всѣ великiя историческiя дѣянiя были до сихъ поръ заранѣе обречены на неудачу и не имѣли прочнаго успѣха потому, что масса интересовалась и восторгалась ими; причиною ихъ плачевнаго исхода было то обстоятельство, что идея, лежавшая въ ихъ основѣ, по своему характеру должна была довольствоваться поверхностнымъ пониманiемъ, слѣдовательно — разсчитывать на одобренiе массы". Противоположность между „духомъ" и „массой" проходитъ красною нитью черезъ всю „*Allgemeine Literaturzeitung*"; газета заявляетъ, что духъ знаетъ теперь, гдѣ ему нужно искать единственнаго своего супостата: въ самообманѣ и внутренней пустотѣ массы.

Въ извѣстномъ отношенiи эта точка зрѣнiя была схожа съ точкой зрѣнiя, изъ которой исходили великiе утописты. Массовыя движенiя, въ родѣ французской революцiи, на первый взглядъ перевернувшiя мiръ вверхъ дномъ, потерпѣли неудачу или окончились весьма пошлымъ торгашескимъ деспотизмомъ. Всѣ успѣхи духа оказывались до сихъ поръ успѣхами вопреки массѣ человѣчества, которая загонялась во все болѣе недостойныя человѣка положенiя. Фурье и Оуэнъ также выступили въ извѣстномъ смыслѣ какъ активный духъ, въ противоположность пассивной массѣ. Разница была лишь та, что они имѣли предъ собою развитое буржуазное общество, тогда какъ Бауеры и ихъ приверженцы жили въ феодально-отсталомъ и мѣщанскомъ обществѣ; что первые были практическими дѣловыми людьми, а вторые — нѣмецкими философами; что тѣ опирались на французскiй матерiализмъ, а эти—на нѣмецкiй идеализмъ; что тѣ изслѣдовали основы дѣйствительнаго общества, отношенiя человѣка къ промышленности и природѣ, а эти дѣлали воображаемый духъ руководителемъ воображаемой исторiи.

„*Всеобщая Литературная Газета*" судила столь же отрицательно, сколько нелѣпо обо всѣхъ „массовыхъ" движенiяхъ эпохи. Она относилась къ англiйской промышленности такъ же немилостиво, какъ къ французской революцiи; жизнь и труды западноевропейскихъ культурныхъ народовъ были для нея въ большей или меньшей степени предметомъ отвращенiя. Но даже для германскихъ условiй она представлялась жестокимъ регрессомъ. Она не только поступилась тѣмъ, что было завоевано Фейербахомъ, но сдѣлала также изъ гегелевской философiи печальную карикатуру. Предоставляя абсолютному духу, какъ творческому мiровому духу, всегда лишь заднимъ числомъ восходить въ философѣ до созна-

нія, Гегель въ сущности говорилъ лишь то, что абсолютный духъ для видимости дѣлаетъ исторію въ спекулятивномъ воображеніи; при этомъ онъ весьма настойчиво протестовалъ противъ неправильнаго толкованія, будто философскій индивидъ и есть самъ абсолютный духъ. Напротивъ, Бауеръ и его послѣдователи смотрѣли на себя какъ на личныя воплощенія критики и абсолютнаго духа, который черезъ нихъ сознательно играетъ роль мірового духа въ противоположность къ остальному человѣчеству. Если гегелевская философія была умозрительнымъ выраженіемъ христіанско-германской догмы о господствѣ Бога надъ міромъ, духа надъ матеріей, то „*Allgem. Literaturzeitung*" была критической карикатурой, въ которой гегелевская философія сама доводила себя до абсурда. Ея точка зрѣнія настолько была лишена опоры и висѣла въ воздухѣ, что даже въ философской атмосферѣ Германіи она очень скоро улетучилась. „*Allgem. Literaturzeitung*" не пошла дальше 12-ти мѣсячныхъ выпусковъ, и въ заключительномъ словѣ къ „*Heilige Familie*" Марксъ и Энгельсъ имѣли возможность еще сами сообщить объ ея кончинѣ.

Въ связи съ этимъ находится упрекъ, который былъ сдѣланъ „*Heilige Familie*" тотчасъ по ея выходѣ въ свѣтъ: что она ломится въ открытыя двери. Руге писалъ одному пріятелю авторовъ: „Жаль, что *Литературная Газета* не была Гибралтаромъ"; за тѣмъ онъ говорилъ еще о злобномъ и подломъ кипяткѣ, которымъ авторы обварили прежняго интимнѣйшаго друга. Въ дѣйствительности книга не была ни злобной, ни подлой, ни измѣной дружбѣ, связывавшей прежде Энгельса и Маркса съ Бруно Бауеромъ. Ничего лично оскорбительнаго для Бауеровъ она не содержитъ; она констатируетъ лишь на примѣрѣ ихъ публичной писательской дѣятельности окончательное банкротство идеалистической философіи. Авторы ея имѣли на это тѣмъ большее право, что „*Allgem. Literaturzeitung*" вела постоянную полемику противъ поворота къ практической жизни, сдѣланнаго Марксомъ въ „*Rheinische Zeitung*" и „*Deutsch-Franz. Jahrbücer*", въ то время какъ она въ своемъ дикомъ самомнѣніи всячески помогала до-мартовской реакціи и даже выказывала дружеское расположеніе къ цензурѣ и цеховому строю.

Для Маркса и Энгельса объясненіе съ Бауерами было подготовительной работой разрушенія: они предпослали эту полемику самостоятельнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ они хотѣли—каждый за себя—изложить свои положительныя воззрѣнія и, слѣдо-

вательно, свое положительное отношеніе къ новѣйшимъ политическимъ и соціальнымъ доктринамъ. Теперешнему читателю эта полемика можетъ часто казаться слишкомъ мелочной; особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Юнгницѣ, Шелигѣ и другихъ забытыхъ нынѣ величинахъ критической критики, у читателя нерѣдко получается впечатлѣніе утомительнаго многословія. То мастерство эпиграмматической критики, которое такъ часто обнаруживали потомъ Марксъ и Энгельсъ, не всюду еще замѣтно въ ихъ первой общей работѣ. Возможно, что необходимость разогнать книгу до 20-ти печатныхъ листовъ для избавленія ея отъ нѣмецкой цензуры побудила авторовъ войти во многія подробности, которыя они при иныхъ условіяхъ охотнѣе обошли бы. Въ книгѣ нерѣдко звучитъ, конечно, нотка юношеской самонадѣянности, но нигдѣ нѣтъ и звука низкой или не-низкой злобности. Когда болѣе чѣмъ поколѣніе спустя Бруно Бауеръ умеръ, одинокій и забытый, то Энгельсъ былъ единственный человѣкъ, указавшій въ прекрасномъ некрологѣ на прочныя заслуги покойнаго.

Невѣрно, однако, и то, что „*Heilige Familie*" ломилась въ открытыя двери. Доказательство распущеннаго состоянія, въ которое пришла идеалистическая философія, вплоть до языка и стиля, было самой малой заслугой книги. Затѣмъ, въ ней уже блестяще выступаетъ другая отличительная особенность полемики Маркса и Энгельса: тотъ плодотворный духъ, который бьетъ идеологическую фантазію положительнымъ фактомъ, который разрушая творитъ и ломая созидаетъ. Такъ, нѣсколькимъ критическимъ фразамъ Бруно Бауера Марксъ противопоставилъ „не-священную массовую исторію" французскаго матеріализма, изложивъ ее въ сжато и сильно написанномъ очеркѣ. Въ полемикѣ противъ Юлія Фаухера Энгельсъ освѣтилъ съ надлежащей исторической точки зрѣнія классовую борьбу, бушевавшую въ Англіи между крупнымъ землевладѣніемъ, капиталомъ и трудомъ; онъ такъ мало ломился этимъ въ открытыя двери, что ему не удалось даже разбудить нѣмецкую интеллигенцію. То же относится къ разсужденіямъ о французской революціи, съ которыми Марксъ выступилъ противъ высокомѣрныхъ разговоровъ Бруно Бауера объ „экспериментѣ 18-го вѣка".

Въ этихъ отдѣлахъ „*Heilige Familie*", также какъ въ отдѣлахъ, снова полемизирующихъ съ Бруно Бауеромъ по еврейскому вопросу, Марксъ расширилъ и углубилъ мысли, уже изложенныя имъ въ „*Deutsch-Franz. Jahrbücher*". Противъ приведеннаго выше

главнаго положенія Бауера, согласно которому всѣ великія дѣянія исторіи были до сихъ поръ потому обречены заранѣе на неудачу или не имѣли рѣшительнаго успѣха, что масса интересовалась и восторгалась ими, или что идея, лежавшая въ ихъ основѣ, должна была разсчитывать на одобреніе массъ, — противъ этого положенія Марксъ возражаетъ: „Идея всегда оказывалась посрамленной, поскольку она отличалась отъ интереса. Съ другой стороны, легко понять, что каждый массовый „интересъ", пробивающій себѣ путь въ исторіи, при своемъ выступленіи на міровую арену выходитъ въ „идеѣ" или „представленіи" далеко за свои дѣйствительныя границы и смѣшиваетъ себя съ человѣческимъ интересомъ вообще. Эта иллюзія образуетъ то, что Фурье называетъ тономъ всякой исторической эпохи. Интересъ буржуазіи въ революціи 1789 года не только не былъ „заранѣе обреченъ на неудачу", но, напротивъ, „выигралъ" все и имѣлъ самый „рѣшительный" успѣхъ, какъ ни улетучился „паѳосъ" и ни завяли цвѣты „энтузіазма", которыми этотъ интересъ украсилъ свою колыбель. Интересъ этотъ былъ настолько могуществен, что онъ побѣдилъ перо Марата, гильотину террористовъ, мечъ Наполеона, также какъ распятіе и расовую чистокровность Бурбоновъ. „Неудачна" революція лишь для *той* массы, для которой политическая „идея" не была идеей ея дѣйствительнаго „интереса", которой истинный жизненный принципъ не совпадалъ, слѣдовательно, съ жизненнымъ принципомъ революціи; она была неудачна для этой массы потому, что реальныя условія освобожденія послѣдней были существенно отличны отъ условій, въ предѣлахъ которыхъ буржуазія могла эманципировать себя и общество". Революція была обречена на неудачу потому, что масса, за предѣлы жизненныхъ условій которой она въ существенныхъ чертахъ не вышла, была массой ограниченной и исключительной, не обнимавшей всего народа; что самая многочисленная, отличная отъ буржуазіи часть массы имѣла въ принципѣ революціи не дѣйствительный интересъ, а только идею.

Иллюзія террористовъ заключалась въ томъ, что современное государство, покоящееся на буржуазномъ обществѣ, они хотѣли создать по образцу античнаго государства, покоившагося на рабствѣ. „Какое колоссальное заблужденіе признать и санкціонировать въ правахъ человѣка и гражданина современное буржуазное общество, съ его промышленностью, его всеобщей конкурренціей, его свободно преслѣдующими свои цѣли частными интересами,

его анархіей, его отчужденной отъ самой себя естественной и духовной индивидуальностью, — и наряду съ такимъ признаніемъ стремиться уничтожить затѣмъ на отдѣльныхъ индивидахъ жизненныя проявленія этого общества, стремиться придать политической головѣ этого общества античную форму". Иллюзія Наполеона заключалась въ томъ, что онъ смотрѣлъ на государство, какъ на самодовлѣющую цѣль, а на гражданскую жизнь—какъ на его казначея и подчиненное лицо, которое не смѣетъ своевольничать. И террористы и Наполеонъ потерпѣли крушеніе о свои иллюзіи. Затѣмъ противъ буржуазіи снова выступила контръ-революція. „Наконецъ буржуазія осуществила въ 1830 году свои желанія 1789 г., съ той лишь разницей, что ея политическое просвѣщеніе было теперь закончено, что въ своемъ стремленіи къ конституціонному представительному государству она перестала видѣть стремленіе къ идеалу государства, къ спасенію міра и общечеловѣческимъ цѣлямъ, а признала въ немъ, напротивъ, оффиціальное выраженіе ея исключительной власти и политическое признаніе ея особыхъ интересовъ". Но французская революція, начавшаяся въ 1789 году, еще не сказала этимъ своего послѣдняго слова, — такъ заканчиваетъ Марксъ отдѣлъ о французской революціи.

Въ болѣе общей формѣ выводъ Маркса изъ этихъ и другихъ историческихъ экскурсовъ „*Heilige Familie*" гласитъ: „Естественная необходимость, свойства человѣческаго существа, въ какой бы отчужденной отъ него формѣ они ни проявлялись, интересы,—вотъ что сдерживаетъ вмѣстѣ членовъ гражданскаго общества; ихъ реальная связь—гражданская, а не политическая жизнь. Не государство сдерживаетъ вмѣстѣ атомы гражданскаго общества (какъ утверждалъ Бруно Бауеръ), а то обстоятельство, что они атомы только въ представленіи, въ небѣ своего воображенія, въ дѣйствительности же они существа, неизмѣримо отличныя отъ атомовъ: они не божественные эгоисты, а эгоистическіе люди. Только политическое суевѣріе можетъ еще воображать себѣ въ настоящее время, что гражданская жизнь должна быть сдерживаема вмѣстѣ государствомъ, тогда какъ, наоборотъ, въ дѣйствительности государство сдерживается вмѣстѣ гражданской жизнью". На презрительныя замѣчанія Бруно Бауера о природѣ и промышленности Марксъ отвѣчаетъ: „Неужели критическая критика полагаетъ, что она дошла хотя бы до азовъ въ познаніи исторической дѣйствительности, пока она исключаетъ изъ историческаго движенія теоретическое и практиче-

ское отношеніе человѣка къ природѣ, естествознаніе и промышленность? Или она думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ поняла какой-нибудь періодъ, разъ она не поняла, напр., раньше промышленности этого періода, непосредственнаго способа производства жизни? Несомнѣнно, спиритуалистическая, богословская критическая критика знаетъ—по крайней мѣрѣ, въ своемъ воображеніи—только политическія, литературныя и богословскія дѣянія исторіи. Подобно тому какъ она отдѣляетъ мысль отъ ощущеній, душу отъ тѣла, и себя самое отъ міра, такъ она отдѣляетъ исторію отъ естествознанія и промышленности, такъ она видитъ источникъ исторіи не въ грубо-матеріальномъ производствѣ на землѣ, а въ туманномъ заоблачномъ мірѣ на небесахъ". Въ этихъ положеніяхъ предъ нами уже поднимаются молодые ростки матеріалистическаго пониманія исторія.

Марксъ и Энгельсъ еще стоятъ въ духовной зависимости, съ одной стороны, отъ Фейербаха, съ другой—отъ англійско-французскаго соціализма; но эту зависимость менѣе всего можно назвать рабской. Они безусловно признаютъ геніальныя работы Фейербаха, признаютъ заслугу, которую онъ пріобрѣлъ, давъ великія и мастерскія „Основы для критики всякой метафизики" и поставивъ человѣка на мѣсто стараго хлама, куда относится и безконечное самосознаніе. Но черезъ гуманизмъ Фейербаха они пошли дальше къ соціализму, черезъ абстрактнаго человѣка—къ историческому. Съ достойной удивленія проницательностью они разбираются въ хаотически перемѣшанномъ еще мірѣ западноевропейскаго соціализма. Они разоблачаютъ секретъ соціалистическихъ игрушекъ, въ которыхъ находила удовольствіе сытая буржуазія. Самая нужда человѣческая, — говорятъ они,—безконечное паденіе, заставляющее брать милостыню, служать аристократіи денегъ и образованія для развлеченія, для удовлетворенія ея себялюбія, для щекотанія ея высокомѣрія: таковъ единственный смыслъ многочисленныхъ благотворительныхъ ферейновъ въ Германіи, многочисленныхъ благотворительныхъ обществъ во Франціи, многочисленныхъ благотворительныхъ донъ-кихотствъ въ Англіи, концертовъ, баловъ, театральныхъ представленій, обѣдовъ въ пользу бѣдныхъ, даже — общественныхъ подписокъ въ пользу пострадавшихъ отъ катастрофъ.

Изъ великихъ утопистовъ всего больше внесъ въ идейное содержаніе „*Heilige Familie*" Фурье. Энгельсъ проводитъ, однако, различіе между Фурье и фурьеризмомъ; онъ говоритъ, что раз-

бавленный фурьеризмъ, проповѣдуемый „Мирной Демократiей“, есть не что иное, какъ соцiальное ученiе части филантропической буржуазiи. Марксъ указываетъ, что „организацiя труда“ представляетъ собою не лозунгъ соцiалистовъ, а лозунгъ политически-радикальной партiи, которая пытается создать во Францiи компромиссъ между политикой и соцiализмомъ. Оба автора не перестаютъ подчеркивать тотъ фактъ, котораго никогда не сумѣли разобрать великiе утописты: историческое развитiе, самодѣятельное движенiе рабочаго класса. На хитроумное замѣчанiе Эдгара Бауера, что рабочiй ничего не создаетъ и потому ничего не имѣетъ, а ничего не создаетъ онъ потому, что его работа всегда стоитъ особнякомъ, разсчитана на потребность его одного, что она однодневная, Энгельсъ возражаетъ: „Критическая критика ничего не создаетъ, рабочiй создаетъ все, — въ такой степени все, что даже въ своихъ духовныхъ произведенiяхъ онъ посрамляетъ всю критику; англiйскiе и французскiе рабочiе могутъ служить этому свидѣтельствомъ“. Бауеровскую противоположность между „духомъ“ и „массой“, якобы исключающими другъ друга, Марксъ иллюстрируетъ, между прочимъ, замѣчанiемъ, что на коммунистическую критику утопистовъ явилось тотчасъ практическимъ отвѣтомъ движенiе народной массы; нужно видѣть, говоритъ онъ, какъ учится французскiй и англiйскiй рабочiй, нужно быть знакомымъ съ его жаждой знанiя, нравственной энергiей, неутомимымъ стремленiемъ развиваться, — чтобы составить себѣ представленiе о человѣческомъ благородствѣ этого движенiя.

Французскiй пролетарiатъ нашелъ самаго выдающагося своего представителя въ лицѣ Прудона, книга котораго о собственности явилась какъ бы самымъ передовымъ постомъ западно-европейскаго соцiализма. Соотвѣтственно съ этимъ Прудону особенно сильно досталось въ „*Allgem. Literaturzeitung*“, гдѣ онъ не былъ даже правильно переведенъ, а не то что правильно оцѣненъ. Вотъ почему этотъ пролетарiй среди французскихъ соцiалистовъ составляетъ предметъ особенно подробнаго критическаго разбора въ „*Heilige Familie*“; посвященныя ему главы принадлежатъ, какъ и большая часть книги, перу Маркса. Онъ живо заступается за Прудона противъ „разноса“ Эдгара Бауера, и отсюда возникла академическая сказка, будто Марксъ былъ раньше приверженцемъ и почитателемъ Прудона, на котораго впослѣдствiи такъ рѣзко нападалъ.

На самомъ дѣлѣ Марксъ не только не отождествляетъ себя въ

„*Heilige Familie*" съ Прудономъ, но сравниваетъ его, напротивъ, съ Бруно Бауеромъ. Эдгаръ Бауеръ поднялъ Прудона на смѣхъ за то, что онъ находитъ въ принципѣ равенства послѣднее разумное основанiе всѣхъ доказательствъ въ пользу собственности, а между тѣмъ хочетъ вывести изъ того же принципа невозможность собственности. На это Марксъ возражаетъ, что то же самое дѣлаетъ Бруно Бауеръ, когда онъ кладетъ въ основанiе всѣхъ своихъ построенiй безконечное самосознанiе и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ этотъ принципъ какъ творческое начало евангелiй, которыя своей безконечной безсознательностью какъ-будто дiаметрально противорѣчатъ безконечному самосознанiю. Затѣмъ Марксъ остроумно показываетъ, что для практическаго француза принципъ равенства играетъ ту же роль, какую для теоретическаго нѣмца играетъ принципъ самосознанiя: въ Германiи разрушительная критика, раньше чѣмъ дойти въ лицѣ Фейербаха до созерцанiя дѣйствительнаго человѣка, старалась разложить все опредѣленное и существующее при посредствѣ начала самосознанiя, во Францiи разрушительная критика стремилась достигнуть этой цѣли при помощи начала равенства.

Бруно Бауеръ критически разложилъ теологiю, не сходя, однако, все время съ ея же почвы; такимъ же образомъ Прудонъ подвергъ разлагающей критикѣ политическую экономiю, не сходя съ ея почвы. Крупный шагъ впередъ, сдѣланный Прудономъ, Марксъ видитъ въ томъ, что онъ впервые подвергъ рѣшительному, безпощадному и въ то же время научному испытанiю основную предпосылку политической экономiи—частную собственность, которую представители этой науки разсматривали какъ непреложный, не подлежащiй дальнѣйшему обсужденiю фактъ. Правда, уже раньше экономисты замѣчали иной разъ противорѣчiе между человѣческой видимостью такихъ политико-экономическихъ предпосылокъ, какъ заработная плата, цѣнность и т. д., и безчеловѣчной дѣйствительностью частной собственности, но тогда они нападали на какую-нибудь частную форму этого института, какъ на фальсификацiю разумной въ сущности—т.-е. въ ихъ представленiи—заработной платы или цѣнности; такой характеръ носятъ нѣкоторыя нападки Адама Смита на капиталистовъ, Сисмонди—на фабричную систему, Рикардо — на земельную собственность. Этой безсознательности Прудонъ разъ навсегда положилъ конецъ, отнесясь серьезно къ человѣческой видимости политико-экономическихъ отношенiй и рѣзко противопоставивъ имъ ихъ безче-

ловѣчную дѣйствительность. Онъ изобразилъ частную собственность вообще какъ фальсификацію политико-экономическихъ понятій и далъ, такимъ образомъ, все, чтó критика политической экономіи могла дать, оставаясь на политико-экономической точкѣ зрѣнія. Но Прудонъ не покидаетъ этой точки зрѣнія, — говоритъ Марксъ, — и потому онъ не умѣетъ представить себѣ присвоеніе человѣкомъ вновь предметнаго міра иначе какъ въ политико-экономической формѣ владѣнія, которую объявляетъ „общественной функціей", не будучи, однако, въ состояніи надлежащимъ образомъ развить эту мысль.

Но противясь тому, чтобы сдѣланный Прудономъ шагъ впередъ былъ сведенъ на нѣтъ туманными разговорами Бауеровъ, Марксъ разлагаетъ политико-экономическую ограниченность Прудона столь же рѣшительно, какъ онъ разложилъ теологическую ограниченность Бауеровъ. Эдгаръ Бауеръ усмотрѣлъ „односторонность" Прудона въ томъ, что послѣдній заимствуетъ свое оружіе отъ факта нужды и бѣдности, что онъ признаетъ абсолютное оправданіе этого факта, а фактъ собственности признаетъ лишеннымъ оправданія: критика соединяетъ, напротивъ, оба факта бѣдности и собственности въ одинъ, она признаетъ связь обоихъ и дѣлаетъ изъ нихъ одно цѣлое, къ которому обращается, какъ къ таковому, съ вопросомъ о предпосылкахъ его существованія. Марксъ разбиваетъ эти поверхностныя идеологическія разсужденія простымъ замѣчаніемъ, что предпосылка для существованія цѣлаго есть природа обѣихъ его сторонъ. Пролетаріатъ и богатство суть противоположности. Какъ таковыя, они образуютъ одно цѣлое. Оба они—проявленія частной собственности. Недостаточно объявить ихъ двумя сторонами одного цѣлаго, рѣчь идетъ объ опредѣленномъ положеніи, занимаемомъ обоими въ данной противоположности. „Частная собственность, какъ частная собственность, какъ богатство, принуждена поддерживать свое существованіе, а потому и существованіе своей противоположности—пролетаріата. Это положительная сторона противоположности, удовлетворенная въ себѣ самой частная собственность. Наоборотъ, пролетаріатъ вынужденъ, въ качествѣ пролетаріата, упразднить самого себя и, слѣдовательно, также противоположность, обусловливающую его, дѣлающую его пролетаріатомъ, т.-е. частную собственность. Это отрицательная сторона противоположности, ея внутреннее безпокойство, разложившаяся и разлагающаяся частная собственность. Внутри противоположности частный собственникъ является, такимъ

образомъ, консервативной партіей, а пролетарій — разрушительной. Отъ перваго исходитъ дѣйствіе сохраненія противоположности, отъ второго—дѣйствіе ея уничтоженія. Конечно, частная собственность въ своемъ народно-хозяйственномъ движеніи гонитъ себя самое къ собственному разложенію, но лишь путемъ развитія, отъ нея независимаго, безсознательнаго, происходящаго вопреки ея волѣ, обусловленнаго природою вещей. Разложеніе частной собственности происходитъ лишь благодаря тому, что она порождаетъ пролетаріатъ, какъ пролетаріатъ, что она создаетъ нищету, обладающую сознаніемъ своей духовной и физической нищеты, создаетъ массу, лишенную человѣческаго облика, сознающую это состояніе и потому упраздняющую себя самое. Пролетаріатъ приводитъ въ исполненіе приговоръ, который частная собственность сама выноситъ себѣ тѣмъ, что порождаетъ пролетаріатъ,—точно такъ, какъ онъ приводитъ въ исполненіе приговоръ, который произноситъ надъ собою наемный трудъ тѣмъ, что порождаетъ чужое богатство и собственную нищету. Когда пролетаріатъ побѣдитъ, то онъ отнюдь еще не станетъ абсолютной стороной общества, ибо онъ побѣдитъ, лишь упразднивъ себя самого и свою противоположность. Тогда исчезнутъ и пролетаріатъ, и обусловливающая его противоположность—частная собственность".

Марксъ настойчиво протестуетъ противъ возраженія, выставленнаго уже „*Критической критикой*" и часто повторявшагося съ тѣхъ поръ,—что приписывать пролетаріямъ такую всемірно-историческую роль значитъ объявлять ихъ богами. Онъ говоритъ: „Скорѣе наоборотъ! Такъ какъ отвлеченіе отъ всего человѣческаго, даже отъ видимости человѣческаго, доведено въ развитомъ пролетаріатѣ до практической законченности; такъ какъ въ жизненныхъ условіяхъ пролетаріата собраны, какъ въ фокусѣ, всѣ жизненныя условія теперешняго общества въ самой безчеловѣчной своей крайности; такъ какъ человѣкъ потерялъ въ немъ самого себя и въ то же время не только пріобрѣлъ теоретическое сознаніе этой потери, но и непосредственно вынужденъ къ возмущенію противъ этой безчеловѣчности неотвратимою и не допускающею прикрасъ нуждою, этимъ практическимъ выраженіемъ необходимости, — въ силу всѣхъ перечисленныхъ причинъ пролетаріатъ можетъ и долженъ освободить себя самъ. Онъ не можетъ, однако, освободить себя самого, не упразднивъ всѣхъ безчеловѣчныхъ жизненныхъ условій теперешняго общества, резюмирующихся въ его положеніи. Онъ не напрасно проходитъ суровую, но зака-

ляющую школу труда. Рѣчь идетъ не о томъ, что въ данный моментъ рисуетъ себѣ въ качествѣ цѣли тотъ или иной пролетарій, или даже весь пролетаріатъ. Рѣчь идетъ о томъ, что̀ пролетаріатъ представляетъ собою и что̀ онъ сообразно этому бытію исторически вынужденъ будетъ сдѣлать. Его цѣль и его историческая роль осязательно и непреложно предначертаны въ его собственномъ жизненномъ положеніи, какъ и во всей организаціи теперешняго буржуазнаго общества". И Марксъ опять-таки подчеркиваетъ, что значительная часть англійскаго и французскаго пролетаріата уже обладаетъ сознаніемъ своей исторической задачи и постоянно работаетъ надъ развитіемъ этого сознанія до степени полной ясности.

Предъ современниками „*Heilige Familie*" прошла, повидимому, довольно безслѣдно. Энгельсъ самъ высказалъ при полученіи книги, что вещь слишкомъ велика и значительнѣйшая часть ея останется непонятною для большой публики; неумѣренно хвалебный, но далеко не съ такимъ же знаніемъ дѣла написанный критическій отзывъ въ „*Westfälisches Dampfboot*" всего менѣе понравился авторамъ. Теперешнему читателю книга легко можетъ показаться кучкой потухшихъ угольевъ, но если у него хоть сколько-нибудь зоркіе глаза, то изъ пепла ему будетъ свѣтиться не одинъ драгоцѣнный камень непреходящаго блеска.

Глава X.

Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ.

Съ „*Heilige Familie*“ началась совмѣстная работа Маркса и Энгельса, продолжавшаяся почти 40 лѣтъ и имѣвшая опредѣляющее вліяніе на историческое развитіе международной, а въ особенности — нѣмецкой соціалъ-демократіи. Обоихъ связывала такая прочная и истинная дружба, какой мы не знаемъ у другой, столь же исторической дружеской четы. Она была совершенно свободна отъ столкновеній и взаимныхъ неудовольствій, которыя почти неизбѣжно должны были возникать между двумя рѣзко выраженными индивидуальностями среди безчисленныхъ превратностей жаркой борьбы, столь же богатой пораженіями, сколько побѣдами. Она была словно защищена броней противъ всѣхъ искушеній, съ которыми внѣшній міръ умышленно или неумышленно желалъ бы подступать къ ней. Невозможно опредѣлить теперь,—и быть можетъ, это никогда не удастся,—что принадлежитъ тому или другому въ общей работѣ. Правда, послѣ смерти Маркса, Энгельсъ часто приписывалъ своему покойному другу бóльшую, значительно бóльшую долю, и несомнѣнно Марксъ былъ болѣе геніальнымъ и глубокимъ умомъ изъ нихъ двухъ. Но если Энгельсъ, какъ онъ справедливо заявлялъ самъ, безъ Маркса не далъ бы того, что имъ дано, то это положеніе слѣдовало бы дополнить въ смыслѣ его умершаго соратника, сказавъ, что и Марксъ безъ Энгельса не сталъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Это ясно выступаетъ уже въ первыхъ шагахъ ихъ дѣятельности.

Карлъ Марксъ родился 5 мая 1818 г. въ Трирѣ. Его отецъ—адвокатъ, а затѣмъ юстицратъ Генрихъ Марксъ — перешелъ въ 1824 г. вмѣстѣ со своей семьей изъ еврейства въ христіанство. Подростающій мальчикъ скоро возбудилъ въ родителяхъ самыя большія надежды, которымъ не суждено было, впрочемъ,

сбыться въ ихъ смыслѣ. Мать, происходившая изъ голландскихъ евреевъ и объяснявшаяся въ теченіе всей своей жизни на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, была сердечной и всегда озабоченной женщиной, хотя въ умственномъ отношеніи не представляла, повидимому, ничего значительнаго. Отецъ, прекрасно образованный человѣкъ, хорошо знавшій своего Локка, Лейбница и Лессинга, но отнюдь не революціонеръ, а скорѣе нѣмецкій и даже прусскій патріотъ, былъ мягкой и нѣжной натурой и съ тревожной заботой взиралъ на первыя движенія „демона" въ любимцѣ-сынѣ. Онъ умеръ, когда Карлу Марксу минуло 20 лѣтъ, болѣе счастливый, чѣмъ мать, скончавшаяся въ 1863 г. и пережившая какъ разъ самыя тяжелыя десятилѣтія могучей борьбы ея геніальнаго сына съ непризнававшимъ его міромъ. Этимъ родителямъ Карлъ Марксъ былъ обязанъ счастливымъ дѣтствомъ и свободной отъ заботъ юностью. Адвокатъ Марксъ поддерживалъ близкія отношенія—дѣловыя и общественныя—съ мѣстными чиновничьими кругами. Особенно одно изъ этихъ знакомствъ имѣло опредѣляющее значеніе для личной жизни Карла Маркса: это была сосѣдская дружба, связывавшая его семью съ семьею регирунгсрата Вестфалена. Людвигъ фонъ-Вестфаленъ не принадлежалъ къ прусскимъ бюрократамъ обычнаго покроя. Его отцомъ былъ тайный секретарь Филиппъ Вестфаленъ, который во время семилѣтней войны—въ качествѣ „генія руководителя при главной квартирѣ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго", какъ его называетъ одинъ гражданскій историкъ этой войны — разбилъ на голову 5 французскихъ маршаловъ въ 5 походахъ и 5 сраженіяхъ, но все-таки настолько сохранилъ бюргерскій образъ мыслей, что никогда не носилъ военной формы и съ усмѣшкою отстранилъ титулъ генералъ-адъютанта, которымъ англійскій король думалъ почтить его. Только на возведеніе въ дворянство онъ согласился, повидимому изъ тѣхъ же соображеній, какія побудили Шиллера подчиниться этому униженію, т. е. чтобы имѣть возможнось жениться на дѣвушкѣ, равной ему по высокимъ качествамъ ума и сердца и столь же, какъ онъ, бѣдной земными сокровищами: на дочери одного шотландскаго барона. Младшимъ сыномъ отъ этого брака былъ Людвигъ фонъ-Вестфаленъ.

Первоначально брауншвейгскій чиновникъ, онъ поступилъ на вестфальскую службу, послѣ того какъ Наполеонъ прогналъ гвельфовъ и основалъ королевство Вестфалію. Въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, что „вестфальская эпоха" принесла прусскимъ, гессен-

скимъ, брауншвейгскимъ и прочимъ областямъ множество реформъ, давно необходимыхъ въ интересѣ буржуазныхъ классовъ, но задерживавшихся нѣмецкими „отцами страны", Людвигъ фонъ-Вестфаленъ считалъ весьма второстепеннымъ вопросомъ, распоряжался ли въ Касселѣ субъектъ въ родѣ Жерома Бонапарта, или „наслѣдственный" отецъ страны и продавецъ людей, какъ пресловутый курфюрстъ съ косичкой. Все же онъ ненавидѣлъ французское владычество какъ таковое; въ 1813 г. маршалъ Даву приказалъ арестовать его и посадить въ крѣпость въ Гифгорнѣ. Тотчасъ послѣ Ватерлоо Вестфаленъ былъ произведенъ изъ ландратовъ въ Зальцведелѣ въ первые совѣтники при окружной администраціи въ Трирѣ; на немъ, по крайней мѣрѣ, берлинское правительство доказало пониманіе того, что во вновь пріобрѣтенныя рейнскія области необходимо послать самыхъ бюргерскихъ и дѣльныхъ чиновниковъ, свободныхъ отъ всѣхъ бюрократическо-юнкерскихъ предразсудковъ.

Въ семьѣ этого свободомыслящаго бюрократа молодой Карлъ Марксъ нашелъ свой второй домъ. У стараго Вестфалена онъ научился читать Гомера и Шекспира, на всю жизнь оставшихся его любимыми поэтами. Дѣти Вестфалена стали товарищами его игръ, а Женни фонъ-Вестфаленъ, родившаяся въ 1814 г. въ Зальцведелѣ, слѣдовательно, бывшая нѣсколькими годами старше его, сдѣлалась подругой его жизни, — благородной и мужественной подругой, какую рѣдко находилъ, быть можетъ, другой революціонный борецъ. Уже въ 1836 г. они были помолвлены, а въ 1843 г., послѣ закрытія „Rheinische Zeitung", состоялась въ Крейцнахѣ ихъ свадьба. Съ тѣхъ поръ Женни Марксъ дѣлила труды, борьбу и судьбы своего супруга съ величайшей сознательностью и самой пылкой страстью.

Жизненное поприще Карла Маркса началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Богатыя дарованія, обнаруженныя имъ уже въ раннемъ возрастѣ, ему не пришлось растрачивать въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями; они развивались, напротивъ, гармонически поощряемыя всей соціальной обстановкой, въ которой Марксъ выросъ. Ничто въ его дѣтствѣ и юности не могло сдѣлать его той карикатурой, какой все еще хотѣли бы изобразить его намъ смертельные враги пролетаріата: тѣмъ холоднымъ, какъ ледъ, желчнымъ, недовольнымъ собою и міромъ демагогомъ, у котораго въ жилахъ текла вмѣсто крови азотная кислота. Крупица истины, заключающаяся въ этой легендѣ, — тотъ фактъ, именно,

что Марксъ сталъ революціонеромъ не подъ вліяніемъ возмущенной страсти, а въ силу глубокаго пониманія внутренней связи вещей, свидѣтельствуетъ какъ разъ о счастливомъ равновѣсіи его развитія. Молодой Марксъ былъ свѣжимъ, здоровымъ, полнымъ силъ человѣкомъ, который всѣми своими фибрами жаждалъ полноты дѣйствительной жизни. Первыми его литературными произведеніями были стихи. Онъ врядъ ли напечаталъ когда-либо хотя одно стихотвореніе, по той основательной причинѣ, что стихотворная форма рѣчи не была дана ему, но несравненная выпуклость изображенія, которую мы видимъ у него даже при обработкѣ самыхъ сухихъ темъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Марксѣ были нѣкоторыя черты истиннаго поэта. На революціонныхъ стихотвореніяхъ Гейне, Фрейлиграта, Верта, замѣтны глубокіе слѣды его вліянія; всякій разъ, когда онъ произноситъ эстетическія сужденія, они отличаются столько же тонкостью, сколько глубиною чувства.

Въ 16 лѣтъ Карлъ Марксъ поступилъ въ боннскій университетъ, чтобы согласно желанію отца изучать юриспруденцію, но первый годъ студенчества не далъ, повидимому, особыхъ результатовъ. Тѣмъ съ большимъ жаромъ набросился на работу жаждущій знанія юноша, когда онъ осенью 1836 г., тотчасъ послѣ помолвки, переѣхалъ въ Берлинъ. Аккуратнымъ студентомъ онъ, правда, не былъ и здѣсь; въ теченіе 9 семестровъ онъ записался только на 12 курсовъ, и еще сомнительно, сколько онъ прослушалъ изъ нихъ, если это вообще имѣетъ какое-либо значеніе. Насколько можно судить по сочиненіямъ Маркса, изъ университетскихъ преподавателей на него оказалъ вліяніе только Гансъ, который постоянно воевалъ тогда съ исторической школой права и ея главою Савиньи. Гораздо большее значеніе для студента Маркса имѣло то обстоятельство, что, уставъ отъ первой безнадежной попытки одолѣть массу научнаго матеріала, онъ попалъ изъ своей уединенной кельи въ кругъ берлинскихъ лѣвыхъ гегельянцевъ, которые какъ разъ въ это время были заняты ликвидаціей духовнаго наслѣдія, оставшагося отъ учителя, но въ болѣе критическомъ духѣ, чѣмъ это сдѣлалъ Штраусъ въ своей „Жизни Христа". Въ этомъ кругу Карлъ Марксъ близко сошелся съ Бруно Бауеромъ и Фридрихомъ Кёппеномъ; будучи лѣтъ на десять старше его, они уже пріобрѣли себѣ видное положеніе въ республикѣ умовъ, но тѣмъ не менѣе обращались съ юнымъ студентомъ на товарищески-равную ногу, руководимые вѣрнымъ

чувствомъ, что въ его лицѣ выступаетъ на арену борьбы могучая и несравненная сила. Бруно Бауеръ не желалъ себѣ лучшаго товарища въ работѣ и борьбѣ, и точно также Фридрихъ Кеппенъ посвятилъ другу изъ Трира свой задорнѣйшій боевой памфлетъ.

Лишь послѣ упорнаго сопротивленія Марксъ сдался гегелевской философіи, но зато никто изъ ея безчисленныхъ апостоловъ не изучилъ ея такъ основательно и не понялъ ея такъ глубоко, какъ онъ. Не то, чтобы справедлива была другая ходячая сказка о Марксѣ, будто его острый раввинскій или крючкотворный умъ не могъ достаточно насытиться разсѣканіемъ понятій. Что такъ могущественно влекло его къ гегелевской философіи, это былъ ея діалектическій методъ, революціонное остріе котораго было только закутано игрою туманныхъ понятій. Марксъ же раздѣлался, напротивъ, съ этими понятіями, ринувшись въ массу историческаго матеріала. Онъ рано обнаружилъ черту, отличающую царей науки отъ ея чернорабочихъ: ненасытную жажду знанія и неутомимую самокритику. Уже въ молодости друзья его сѣтовали на то, что онъ проводитъ ночи напролетъ въ занятіяхъ, и эти безсонныя ночи значительно подорвали его желѣзное здоровье. Но Марксъ не тратилъ своего неутомимаго прилежанія на то, чтобы еще разъ, и расщепить уже расщепленные волосы". Безспорно, что въ свои молодые годы онъ находилъ иной разъ невинное удовольствіе уже въ одномъ звонѣ своего остраго и тяжелаго оружія, какъ оно и подобаетъ энергичному и пылкому юношѣ; однако, видѣть въ этомъ отталкивающее манерничанье или умничающую погоню за парадоксами можетъ только безсильная зависть.

Болѣе мѣтко судилъ о Марксѣ Руге въ первыхъ стадіяхъ ихъ ссоры, когда глазъ его былъ уже изощренъ ненавистью, но еще не ослѣпленъ ею. Руге писалъ тогда Фейербаху: „Марксъ очень много читаетъ; онъ работаетъ съ необычайной интенсивностью и обладаетъ критическимъ талантомъ, вырождающимся подчасъ въ высокомѣрную діалектику, но онъ ничего не доводитъ до конца, онъ все обрываетъ и каждый разъ кидается снова въ безпредѣльное книжное море. По своимъ ученымъ склонностямъ онъ всецѣло принадлежитъ нѣмецкому міру, но по своему революціонному способу мышленія онъ стоитъ внѣ него". Этотъ портретъ молодого Маркса не прикрашенъ лестью, но онъ и не искаженъ. Марксъ соединилъ въ себѣ всѣ фаустовскія стремленія нѣмецкой учености, чтобы навсегда преодолѣть ихъ. Онъ внесъ жизнь въ

науку, какъ внёсъ науку въ жизнь. Это былъ тотъ прогрессъ, который нѣмецкое образованіе только и могло еще сдѣлать, который оно во всякомъ случаѣ должно было сдѣлать, если не хотѣло изъ двигателя историческаго развитія обратиться въ топчакъ для тупоумныхъ филистеровъ. Ученый міръ, исключившій изъ своей среды Маркса за его революціонный образъ мыслей, исключилъ себя также изъ своего прошлаго и будущаго, сдѣлалъ себя самъ послушнымъ холопомъ минутныхъ интересовъ правящихъ классовъ.

Въ 1841 г. Марксъ окончилъ университетскій курсъ и получилъ степень доктора за диссертацію о различіи между натурфилософіей Демокрита и Эпикура. Эта ученая работа должна была составить только начало обширнаго труда, общаго изложенія эпикурейской, стоической и скептической философій,—тѣхъ греческихъ философій самосознанія, которыя нѣкогда послѣдовали за философіей понятій Платона и Аристотеля, какъ теперь философское самосознаніе Бруно Бауера и его кружка пришло вслѣдъ за абсолютной идеей Гегеля. До этого обширнаго труда дѣло не дошло, не дошло даже до опубликованія докторской диссертаціи, которою Марксъ думалъ пріобрѣсти право чтенія лекцій въ Боннѣ въ качествѣ доцента философіи. Послѣ того какъ Бруно Бауеръ подвергся со стороны Эйхгорна дисциплинарной карѣ въ качествѣ доцента богословія въ Боннѣ, Марксу нечего было дѣлать больше въ прусскихъ университетахъ. Дальновидная по обыкновенію реакція толкнула этого прирожденнаго борца въ борьбу, и по первымъ литературнымъ опытамъ Маркса можно со всевозрастающею ясностью прослѣдить, какъ эта борьба шагъ за шагомъ толкала его дальше по пути познанія, какъ она разрывала предъ его глазами одну идеологическую оболочку вещей за другой, какъ она все глубже кидала его въ высоко вздымающіяся волны дѣйствительной жизни.

1844-й годъ, проведенный Марксомъ въ Парижѣ, несомнѣнно былъ самымъ плодотворнымъ годомъ его жизни. Великая революція со своими потрясшими міръ послѣдствіями; значительныя историческія произведенія, позволявшія проникнуть взоромъ до самыхъ сокровенныхъ глубинъ ея и прослѣдить классовую борьбу третьяго сословія вплоть до среднихъ вѣковъ; богатая литература, развивавшая соціалистическую идею до самыхъ легкихъ ея оттѣнковъ и какъ разъ въ это время начавшая проникать въ рабочій классъ черезъ утопію Кабе, черезъ соціально-политическую аги-

тацію Луи Блана и манифесть Прудона,—все это доставляло обиліе смѣняющихся впечатлѣній, которое могло сбить съ толку даже способную голову, но тѣмъ болѣе должно было побудить геніальную силу собрать въ одинъ фокусъ всѣ разсѣянные лучи новаго свѣта. Руге совершенно растерялся въ Парижѣ, между тѣмъ какъ Марксъ подхватилъ здѣсь первыя нити историческаго матеріализма.

Неправда, будто онъ въ часы журнальнаго легкомыслія выдумалъ мысль, что экономическая структура общества обусловливаетъ его идеологическую надстройку, — какъ увѣряетъ идеологія, принимающая на себя тѣмъ болѣе глубокомысленный видъ, чѣмъ болѣе она поверхностна. Первоначально область матеріальныхъ интересовъ была для него такъ же далека, какъ для всякаго истиннаго гегельянца, но его толкнула къ указанной выше мысли неумолимая необходимость борьбы, которую онъ могъ такъ же мало вызвать къ жизни, какъ всякій другой, но которую онъ понялъ глубже, чѣмъ кто-либо. Онъ не закрывалъ себѣ упорно глазъ предъ тѣмъ фактомъ, что идеалистическія точки зрѣнія классической философіи не могутъ быть для него надежными проводниками въ исторической области; онъ искалъ и нашелъ дѣйствительную почву, на которой движется человѣческое общество. Въ этомъ состояла его вина, заслуга же Штрауса, Руге и Бауера заключалась въ томъ, что они на своихъ заоблачныхъ путяхъ не спотыкались ни о какой экономическій камень преткновенія, что именно потому они никогда не умѣли разбираться въ практическомъ мірѣ и умерли, наконецъ, какъ жертвы жалкихъ нѣмецкихъ условій.

Мастерство, съ которымъ Марксъ примѣнялъ діалектическій методъ нѣмецкой философіи, позволило ему быстро и вѣрно оріентироваться въ области матеріальныхъ интересовъ. Мы замѣчаемъ огромный прогрессъ между весною 1842 г., когда Марксъ, идеологъ съ головы до ногъ, вступилъ въ практическую борьбу, и осенью 1844 г., когда онъ опередилъ по ясному пониманію соціальныхъ отношеній не только буржуазную экономію, но и западно-европейскій соціализмъ въ лицѣ самыхъ передовыхъ его представителей. Правда, переходъ Маркса отъ идеализма къ матеріализму не вполнѣ еще законченъ, и экономическія категоріи представляются ему въ философскомъ одѣяніи. Мы видимъ это, напримѣръ, когда онъ свой удивительно острый прогнозъ, подтвержденный вотъ уже 60-лѣтней исторіей, — что въ политической жизни Германіи

буржуазный классъ не свершитъ ничего, а пролетаріатъ достигнетъ тѣмъ большаго значенія, — когда онъ этотъ прогнозъ облекаетъ въ слова о возможности въ Германіи только человѣческой, а не политической эмансипаціи. Мы имѣемъ здѣсь передъ собой философски вышколенный глазъ, которымъ Марксъ видѣлъ насквозь буржуазное общество. Марксъ видѣлъ, что послѣднее должно умереть, родивъ болѣе высоко развитое общество, органы котораго уже смутно двигались въ его нѣдрахъ, но свои доказательства онъ бралъ изъ философскаго, а не изъ экономическаго арсенала.

Въ этомъ направленіи Фридрихъ Энгельсъ дополнялъ его столь же значительнымъ, сколько рѣшающимъ образомъ. Энгельсъ былъ подобно Марксу прирожденнымъ діалектикомъ, укрѣпившимъ свои дарованія въ классической философіи. Онъ не обладалъ строго-философскимъ образованіемъ Маркса, но своимъ свѣтлымъ и яснымъ умомъ онъ твердо схватилъ то, что было безсмертнаго въ твореніяхъ Гегеля. Съ ранняго возраста онъ стоялъ въ водоворотѣ практической жизни, и это преимущество съ избыткомъ уравновѣшивало пробѣлы его систематическаго образованія.

Фридрихъ Энгельсъ родился 28 ноября 1820 г. въ Барменѣ и былъ сыномъ фабриканта. Фирма Эрменъ и Энгельсъ пріобрѣла себѣ почетное имя въ исторіи рейнской промышленности той рѣшительностью, съ которой она выступила противъ исконныхъ злоупотребленій относительно мѣры и вѣса фабричныхъ издѣлій. Семья Энгельсовъ принадлежала къ числу первыхъ въ городѣ Барменѣ; Фридриха Энгельса, какъ и Маркса, толкнула на революціонный путь не нужда, а высокая интеллигентность. Такимъ образомъ онъ совершенно порвалъ съ духомъ своихъ высоко-консервативныхъ и правовѣрныхъ родителей; уже будучи мальчикомъ, онъ охотно отказался отъ чиновничьей карьеры, къ которой предназначался. Пройдя курсъ въ маленькомъ реальномъ училищѣ Бармена, гдѣ наглядное преподаваніе физики и химіи дало ему прекрасный фундаментъ для послѣдующаго естественно-научнаго образованія, Энгельсъ поступилъ въ эльберфельдскую гимназію и за годъ до выпускного экзамена окончательно рѣшилъ сдѣлаться купцомъ. Онъ прошелъ свое ученичество сначала въ одномъ барменскомъ, а затѣмъ въ бременскомъ торговомъ домѣ, съ октября же 1841 г. до октября 1842 г. служилъ въ качествѣ вольноопредѣляющагося при гвардейской артиллеріи въ Берлинѣ. Ни одинъ прирейнскій уроженецъ не смотрѣлъ тогда на „мундиръ короля", какъ на почетное платье, и рейнская буржуазія организовала

широко развѣтвленную систему подкупа, чтобы избавить своихъ сыновей отъ ненавистной службы. Тѣмъ больше свидѣтельствуетъ о практическомъ смыслѣ Энгельса въ его отношеніяхъ къ дѣйствительной жизни—даже къ менѣе привлекательнымъ ея сторонамъ—тотъ фактъ, что онъ глубоко заинтересовался военными науками въ старой казармѣ на Kupfergraben'ѣ и сохранилъ потомъ этотъ интересъ навсегда.

Онъ не запускалъ, однако, изъ-за этого своихъ философскихъ занятій. „Сущность христіанства" Фейербаха произвела на него глубокое впечатлѣніе, съ Бауерами онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а отъ времени до времени онъ корреспондировалъ и въ „Rheinische Zeitung". Въ ея редакціи онъ впервые познакомился съ Марксомъ, когда проѣзжалъ въ концѣ ноября 1842 г. черезъ Кельнъ въ Манчестеръ, чтобы поступить тамъ въ конторщики на фабрикѣ, пайщикомъ которой былъ его отецъ. Первая личная встрѣча между Марксомъ и Энгельсомъ была, однако, очень холодной. Марксъ какъ разъ тогда выступилъ противъ берлинскихъ „свободныхъ", товарищемъ которыхъ слылъ Энгельсъ, а Энгельсъ, въ свою очередь, былъ возстановленъ противъ Маркса Бауерами, съ которыми состоялъ въ перепискѣ.

Въ Манчестерѣ Энгельсъ прожилъ 21 мѣсяцъ, съ декабря 1842 г. до сентября 1844 г. Здѣсь онъ прошелъ свою высшую школу: среди крупной промышленности, разлагающей буржуазное общество, чтобы положить основы для общества соціалистическаго. Онъ изучалъ и то и другое, безчеловѣчную, какъ и человѣческую сторону этого всемірно-историческаго процесса, и его философское образованіе дало ему возможность познать ту внутреннюю связь между ними обѣими, которой не въ состояніи еще были понять англійскій соціализмъ и англійскій пролетаріатъ. Энгельсъ сотрудничалъ какъ въ «*Northern Star*», органѣ чартистовъ, такъ и въ «*New Moral World*», органѣ Роберта Оуэна. Въ лицѣ Бауера, Молля и Шаппера, руководившихъ тогда Союзомъ Справедливыхъ, онъ познакомился съ первыми революціонными пролетаріями и никогда не забывалъ потомъ импонирующаго впечатлѣнія, которое эти три сложившихся человѣка произвели на него, еще только складывавшагося человѣка. Въ то время какъ Марксъ изъ изученія французской революціи почерпнулъ выводъ, что не государствомъ сдерживается вмѣстѣ буржуазное общество, а наоборотъ, Энгельсъ узналъ изъ англійской промышленности, что экономическіе факты, не игравшіе до сихъ поръ въ ист-ріографіи

никакой роли или встрѣчавшіе презрительное отношеніе со стороны историковъ, представляютъ собою, по крайней мѣрѣ въ современномъ мірѣ, рѣшающую историческую силу; что они образовали основу для возникновенія нынѣшнихъ классовыхъ противоположностей; что въ странахъ, гдѣ эти противоположности достигли полнаго развитія благодаря крупной промышленности, слѣдовательно, особенно въ Англіи, онѣ, въ свою очередь, являются основой для образованія политическихъ партій, для борьбы партій и, такимъ образомъ, для всей политической исторіи.

Различными путями оба пришли къ одинаковой цѣли. У Маркса преобладали еще философскія, у Энгельса—экономическія точки зрѣнія. Марксъ далъ добытому результату изслѣдованія болѣе общую формулировку, между тѣмъ какъ Энгельсъ выдвинулъ ту сторону, которая имѣла рѣшающее значеніе для настоящаго и для будущности человѣчества. Марксъ назвалъ когда-то „Umrisse zur Kritik der Nationalökonomie“, помѣщенные Энгельсомъ въ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*“, „геніальнымъ эскизомъ“, и это сужденіе мѣтко опредѣляетъ ихъ характеръ. Энгельсъ не подвергъ здѣсь буржуазной экономіи систематической критикѣ; его судъ надъ нею нѣсколько суммарный, да и вообще онъ зналъ тогда ея значительнѣйшаго представителя Рикардо только изъ вторыхъ рукъ. Тѣмъ не менѣе эта молодая, горячая голова правильно опредѣлила неисцѣлимые недуги буржуазной экономіи; онъ побѣдоносно изобличилъ ея внутреннее неразуміе и вѣрно указалъ раны, отъ которыхъ она должна была истечь кровью. Энгельсъ впервые отмѣтилъ границы для экономическихъ основаній научнаго соціализма; эта заслуга не умаляется его собственнымъ замѣчаніемъ, что найденное имъ Марксъ нашелъ бы и самостоятельно, ибо для историческаго сужденія важно то, что было, а не то, что могло быть.

Не столь глубокой по существу, какъ критическіе очерки политической экономіи, но почти еще болѣе характерной для личности Энгельса была его критика Карлейля. Въ Энгельсѣ, какъ и въ Марксѣ, сочеталось съ острымъ критическимъ умомъ истинно поэтическое чутье, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его отличные переводы съ англійскихъ рабочихъ и народныхъ пѣсенъ. Карлейль импонировалъ Энгельсу, но онъ не далъ себя плѣнить обворожительнымъ чарамъ мистическаго пророка. Энгельсъ сумѣлъ понять этотъ одинокій умъ во всей оригинальной глубинѣ его, но онъ видѣлъ также границы, за которыя Карлейль не въ состояніи былъ выйти.

Когда Марксъ и Энгельсъ осенью 1844 г. вторично встрѣтились въ Парижѣ, то обнаружилось ихъ полное согласіе по всѣмъ теоретическимъ вопросамъ. На этомъ покоилось сначала ихъ братство по оружію, которое затѣмъ было еще скрѣплено, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что они стояли высоко не только какъ мыслители и борцы, но и какъ люди. Ихъ сочувствіе страждущимъ и угнетеннымъ не было менѣе глубокимъ оттого, что они вели борьбу противъ угнетателей только при помощи самаго остраго оружія, что они сознавали невозможность достигнуть въ суровой классовой борьбѣ какихъ-либо результатовъ при помощи того жиденькаго и безплоднаго настроенія, которое филистеръ называетъ своимъ человѣческимъ состраданіемъ и своимъ нравственнымъ возмущеніемъ. Въ нихъ не было слѣда сантиментальности, не было слѣда того унылаго и сонливаго, мягкаго и сердобольнаго существа, какимъ жалкая 300-лѣтняя исторія сдѣлала нѣмецкаго бюргера. Но они не были и мрачными фанатиками, не напускали на себя сугубой важности; ихъ мужественное и потому скромное самосознаніе презирало всѣ тѣ позы, въ которыя такъ любятъ рядиться „благороднѣйшіе и лучшіе", оффиціальные вожди буржуазныхъ классовъ. На службѣ у своего дѣла они могли быть безжалостными, потому что необходимо было быть такими, но въ прочихъ отношеніяхъ имъ не было чуждо ничто человѣческое. Они были добрыми людьми, готовыми придти на помощь и снисходительными: энергичныя натуры, полныя неистощимой жизнерадостности, они умѣли смѣяться отъ всей души и любили ясный дѣтскій смѣхъ; ничто не нравилось имъ такъ въ библейскомъ Христѣ, какъ его любовное отношеніе къ дѣтямъ.

Столковавшись другъ съ другомъ, они на время разстались. Энгельсъ отправился въ Барменъ, чтобы докончить тамъ свое сочиненіе о положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи. Марксъ остался въ Парижѣ. Двери отечества уже тогда были закрыты для него; на основаніи сочиненій Маркса высшая администрація въ Кобленцѣ предписала всѣмъ пограничнымъ полицейскимъ властямъ арестовать его въ случаѣ появленія на границѣ. Скоро, однако, наступилъ конецъ и его пребыванію въ Парижѣ. Съ заслуживающимъ благодарности усердіемъ прусское правительство позаботилось о томъ, чтобы мечъ его опаснѣйшаго врага не заржавѣлъ: оно выгнало Маркса изъ Франціи, какъ выгнало раньше изъ Германіи. Внѣшнимъ предлогомъ къ этому послужила случайная статья Маркса для одной газетки, при помощи которой нѣмецкіе эми-

гранты въ Парижѣ пытались продолжать свою войну противъ отечественныхъ деспотовъ.

Газетка эта была „*Vorwärts*" („Впередъ"), издававшаяся въ Парижѣ съ начала 1844 года. Она была основана актеромъ Генрихомъ Бернштейномъ (Börnstein) на деньги композитора Мейербера и служила на первыхъ порахъ весьма многостороннимъ и подчасъ нѣсколько сомнительнымъ дѣламъ своего основателя. Какъ торговецъ литературнымъ товаромъ, притомъ какъ весьма изобрѣтательный торговецъ, Бернштейнъ послѣ прекращенія „*Deutsch-Franz. Jahrbücher*" сообразилъ, что онъ могъ бы, пожалуй, сдѣлать хорошее дѣльце, если бы далъ въ своей газеткѣ послѣдній пріютъ нѣмецкимъ эмигрантамъ, тѣмъ болѣе, что полная безобидность *Vorwärts*'а не спасла его отъ запрещенія нѣмецкими правительствами. Бернштейнъ вошелъ по этому предмету въ соглашеніе съ Бернайсомъ (Bernays), которому предоставилъ участіе въ редакціи. Приблизительно съ середины 1844 г. *Vorwärts* вступилъ въ политическую борьбу, и само собою понятно, что газета не постѣснялась заклеймить многочисленныя гнусности нѣмецкихъ правительствъ, въ особенности — прусскаго деспотизма. Бернайсъ ни мало не церемонился съ германской реакціей. Отнынѣ для газеты стали писать отъ времени до времени, вслѣдствіе полнаго отсутствія другого органа, Гейне, Гервегъ, Бакунинъ, Гессъ, Руге, независимо отъ редакціи и каждый подъ своей отвѣтственностью.

Марксъ былъ до извѣстной степени вынужденъ къ сотрудничеству въ *Vorwärts*'ѣ. Руге помѣстилъ въ газетѣ рядъ статей, содержавшихъ отчасти плохія остроты насчетъ прусской королевской четы, отчасти — философско-оракульскія изреченія насчетъ прусскаго короля и соціальной реформы. Руге писалъ, что король прусскій и нѣмецкое общество не имѣютъ еще даже предчувствія о своей реформѣ. Въ такой неполитической странѣ, какъ Германія, невозможно довести частичную нужду фабричныхъ округовъ до общаго сознанія, какъ касающееся всѣхъ дѣло: на нее смотрятъ какъ на мѣстное пожарное бѣдствіе или наводненіе. Король видитъ въ ней нераспорядительность администраціи или недостатокъ благотворительности и въ концѣ концовъ ждетъ всего отъ благонамѣренности христіанскихъ сердецъ, которая преодолѣетъ всѣ затрудненія. Нѣмецкіе бѣдняки, въ свою очередь, не умнѣе бѣдныхъ нѣмцевъ: они не видятъ ничего дальше своего домашняго очага, своей фабрики, своего округа. Весь вопросъ

остается еще до сихъ поръ безъ всепроникающей политической души, а между тѣмъ соціальная революція безъ политической души невозможна. Руге подписалъ эту и другія свои статьи псевдонимомъ „Пруссакъ", что давало основаніе заподозрить въ авторствѣ Маркса, который дѣйствительно былъ прусскимъ подданнымъ, тогда какъ Руге, со времени своего переѣзда въ Дрезденъ, пересталъ быть имъ. Предъ французскими властями онъ объявилъ себя саксонцемъ и сталъ подъ покровительство саксонскаго посольства въ Парижѣ.

Двусмысленное литературное положеніе Руге побудило Маркса напечатать въ *Vorwärts*'ѣ „Kritische Randglossen" („Критическія примѣчанія"), понятно—не къ остротамъ Руге насчетъ прусской королевской четы, а къ его философскимъ галлюцинаціямъ относительно прусской соціальной реформы. Марксъ указалъ на то, что понять соціальную нужду, какъ „дѣло, касающееся всѣхъ" неспособна не только неполитическая Пруссія, но и политическая Англія, гдѣ, сверхъ того, пауперизмъ имѣетъ универсальный характеръ. Англійское законодательство о призрѣніи бѣдныхъ показываетъ, что причину пауперизма находили тамъ, во-первыхъ, въ законѣ природы, во-вторыхъ, въ неудовлетворительности администраціи и, въ-третьихъ, въ злой волѣ рабочихъ, такъ что въ концѣ концовъ въ Англіи придумали работные дома, — средство, въ которомъ благотворительность остроумно переплетается съ местью несчастнымъ, обращающимся къ благотворительной помощи буржуазіи. Слѣдовательно, и Англія не дошла еще до „предчувствія о своей реформѣ", какъ не дошелъ до него въ свое время конвентъ, представлявшій собою максимумъ политической энергіи, политической власти и политическаго разума. Подобно тому какъ Англія искала причину пауперизма въ злой волѣ бѣдныхъ, а король Пруссіи искалъ ее въ нехристіанскомъ сердцѣ богатыхъ, — такъ конвентъ искалъ ее въ контръ-революціонномъ образѣ мыслей собственниковъ. Чтобы уничтожить пауперизмъ, онъ рубилъ головы собственникамъ, какъ для достиженія той же цѣли Англія наказываетъ бѣдныхъ, а король прусскій обращается съ наставленіями къ богатымъ.

Далѣе Марксъ проводитъ мысль, уже развитую имъ въ *Deutsch-Franz.-Jahrbücher*, что государство, какова бы ни была его форма, не можетъ уничтожить противорѣчія между общими и частными интересами, потому что оно покоится именно на этомъ противорѣчіи. „Эта рознь, эта низость, это рабство буржуазнаго общества

представляютъ собою естественный фундаментъ, на которомъ покоится современное государство, точно такъ, какъ основанное на рабствѣ гражданское общество было фундаментомъ государства античнаго. Существованіе государства и существованіе рабства нераздѣльны другъ отъ друга. Античное государство и античное рабство — откровенный классическій антагонизмъ — не были тѣснѣе прикованы другъ къ другу, чѣмъ современное государство и современный торгашескій міръ—лицемѣрный христіанскій антагонизмъ. Если бы современное государство захотѣло уничтожить безсиліе своей администраціи, то ему пришлось бы упразднить теперешнюю частную жизнь, а если бы оно захотѣло упразднить послѣднюю, то ему пришлось бы упразднить самое себя". Чѣмъ могущественнѣе государство, — слѣдовательно, чѣмъ болѣе страна „политическая", тѣмъ менѣе оно склонно искать причину соціальныхъ золъ въ самомъ принципѣ государства, т.-е. въ теперешнемъ устройствѣ общества, дѣятельнымъ, самосознательнымъ и оффиціальнымъ выраженіемъ котораго государство является, тѣмъ менѣе оно склонно понимать общій принципъ общества. Политическій разумъ потому и есть политическій разумъ, что онъ мыслитъ въ границахъ политики. Чѣмъ онъ изощреннѣе, чѣмъ живѣе, тѣмъ менѣе онъ способенъ понимать соціальные недуги. Классическій періодъ политическаго разума, это—французская революція. Герои французской революціи, весьма далекіе отъ того, чтобы усматривать источникъ соціальныхъ недостатковъ въ принципѣ государства, видѣли, напротивъ, въ соціальныхъ неустройствахъ источникъ политическихъ золъ.

Противъ презрительнаго отзыва Руге о нѣмецкихъ рабочихъ Марксъ возражаетъ, что соціальная революція съ политической душой, которой Руге требуетъ отъ нихъ, либо представляетъ собою сугубую безсмыслицу,—если подъ соціальной революціей понимать таковую въ противоположность политической и требовать тѣмъ не менѣе, чтобы ей была дана политическая душа,—либо же она не болѣе какъ парафразъ того, что принято называть политической революціей, или революціей вообще. Каждая революція разлагаетъ старое общество и постольку она соціальна. Каждая революція свергаетъ старую власть и постольку она политическая. „Насколько соціальная революція съ политической душой является парафразомъ или лишенною смысла, настолько разумна политическая революція съ соціальной душой. Революція вообще, т. е. низверженіе существующей власти и разложеніе старыхъ отноше-

ній, есть политическій актъ. Безъ революціи соціализмъ не можетъ, однако, осуществить себя; онъ нуждается въ этомъ политическомъ актѣ, поскольку онъ нуждается въ разрушеніи и разложеніи. Тамъ, гдѣ начинается, однако, его организующая дѣятельность, гдѣ выступаетъ его самоцѣль, его душа,—тамъ соціализмъ сбрасываетъ съ себя политическую оболочку". Въ заключеніе Марксъ совѣтовалъ „Пруссаку" отказаться на время отъ всякаго писательства по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, также какъ отъ декламацій по поводу состоянія дѣлъ въ Германіи, и начать съ того, чтобы добросовѣстно выяснить себѣ свое собственное состояніе.

Понятно, Руге былъ проникнутъ слишкомъ большимъ самомнѣніемъ, чтобы послѣдовать доброму совѣту. Неспособный возразить на острую діалектику, съ которой Марксъ критически разобралъ его туманныя разсужденія, онъ обругалъ своего противника разлагающей софистической натурой, въ образованіи которой скрытъ червь, а по адресу *Vorwärts*'а исчерпалъ всѣ регистры померанской грубости. Руге писалъ, что во время изданія *Deutsch-Franz. Jahrbücher* онъ—хозяйственный мѣщанинъ и въ этомъ отношеніи—часто совѣтовалъ Марксу не растрачивать столько мыслей въ устныхъ бесѣдахъ, а прилежно записывать все, что придетъ ему въ голову, для послѣдующаго литературнаго использованія; теперь приливъ собственныхъ мыслей навсегда прекратился, и Марксъ довольствуется только повтореніемъ философскихъ лозунговъ изъ „*Hallische*" и „*Deutsche Jahrbücher*".

Между тѣмъ расчетъ Бернштейна оказался вѣрнымъ. Благодаря сотрудникамъ, пользовавшимся *Vorwärts*'омъ, какъ единственнымъ еще доступнымъ для нихъ оружіемъ противъ гонителей свободнаго слова, газета сильно пошла въ ходъ и, несмотря на всѣ запрещенія, распространялась все больше въ Германіи. Тогда „законный" король въ Берлинѣ обратился къ „незаконному" королю-буржуа въ Парижѣ съ слезной мольбой, чтобы тотъ оказалъ ему дружеско-сосѣдскую полицейскую услугу. Гизо, который при всемъ своемъ реакціонномъ образѣ мыслей, былъ литературно-образованный человѣкъ, повидимому, не сразу внялъ этому исторгнутому болью крику. Сверхъ того, дѣло и вообще представляло извѣстныя затрудненія: добиться отъ французскихъ присяжныхъ обвинительнаго вердикта за мнимыя или дѣйствительныя оскорбленія прусскаго короля было невозможно, а нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, къ которымъ судъ исправительной полиціи при-

говорилъ редактора Бернайса за формальныя нарушенія французскихъ законовъ о печати, были еще далеко недостаточны, чтобы убить *Vorwärts*. Только некрасивому вмѣшательству Александра фонъ-Гумбольдта удалось уломать Гизо, такъ что въ серединѣ января 1845 г. онъ предписалъ сотрудникамъ *Vorwärts*'а, приблизительно десятку нѣмецкихъ писателей, покинуть въ 24 часа Парижъ и возможно скорѣе выѣхать изъ предѣловъ Франціи.

Однако, ангелъ, поразившій сначала Гизо глухотою, имѣлъ, повидимому, вѣрное предчувствіе. Французская цивилизація возмутилась противъ прусскаго варварства; она цѣнила національное гостепріимство выше, чѣмъ страхи нечистой совѣсти, поднявшіе шумъ въ Берлинѣ. Независимая печать выступила съ негодующимъ протестомъ противъ роли палача, которую взяло на себя министерство Гизо. Съ другой стороны, Бернштейнъ былъ глубоко проникнутъ истиной, что глиняный горшокъ долженъ уступить, когда онъ сталкивается съ желѣзнымъ. Beaux esprits встрѣтились: Бернштейнъ отказался добровольно отъ дальнѣйшаго изданія *Vorwärts*'а, а правительство въ обмѣнъ за это взяло обратно свой приказъ объ его высылкѣ. Сотрудниками своими Бернштейнъ пожертвовалъ, но нѣкоторые изъ нихъ также спаслись: послѣ долгаго хожденія по переднимъ и долгихъ ходатайствъ Руге получилъ разрѣшеніе остаться въ Парижѣ подъ условіемъ, что онъ будетъ впредь хорошо вести себя.

Марксъ, въ котораго прежде всего мѣтило прусское правительство, не могъ, конечно, пойти на что-либо подобное. Онъ переѣхалъ въ Брюссель, гдѣ прожилъ 3 года, большей частью работая сообща съ Энгельсомъ. Это время можно назвать второй половиной ихъ годовъ ученичества и странствованія.

Глава XI.

Пролетарскія движенія.

---

1. Революціонная агитація въ Швейцаріи.

Когда Марксъ былъ высланъ изъ Франціи, коммунистическая пропаганда Вейтлинга въ Швейцаріи давно уже нашла свой конецъ. Она погибла не только отъ внѣшней силы, но и отъ заключеннаго въ ней внутренняго противорѣчія, отъ стремленія Вейтлинга путемъ революціонной дѣятельности агитатора призвать къ жизни утопію коммуниста-сектанта.

Сначала практическіе успѣхи Вейтлинга были довольно значительны. Его тайный союзъ простирался на кантоны Женева, Ваадтъ, Невшатель, Цюрихъ, Ааргау, Бернъ. Если во многихъ мѣстахъ были только отдѣльные, разрозненные приверженцы, то все же ихъ крѣпко сплачивало вмѣстѣ то истинное воодушевленіе, которое Вейтлингъ сумѣлъ внушить имъ. Его „Гарантіи гармоніи и свободы" вербовали сторонниковъ для его союза даже въ буржуазныхъ классахъ. Въ кантонѣ Ваадтъ къ приверженцамъ Вейтлинга принадлежали видные политическіе дѣятели, какъ Дрюэй (Druey) и особенно Делагарецъ, ученикъ Буонаротти; къ числу ихъ принадлежали также врачъ Зутермейстеръ въ Цофингенѣ и докторъ Вильгельмъ Шульцъ въ Цюрихѣ, гессенскій эмигрантъ, на рукахъ котораго скончался Георгъ Бюхнеръ. Юліусъ Фрёбель поддерживалъ Вейтлинга книгопродавческими совѣтами насчетъ тайнаго сбыта его сочиненій въ Германіи, но въ прочихъ отношеніяхъ держался въ приличномъ отдаленіи; то же самое относится къ профессору Адольфу Фоллену, котораго приверженцы Вейтлинга старались завербовать въ свои ряды. Съ Гервегомъ, на червонцы котораго Августъ Беккеръ замышлялъ покушеніе, дѣло ограничилось, повидимому, слабыми отношеніями.

Шапперъ въ Лондонѣ и особенно Эвербекъ въ Парижѣ давали Вейтлингу совѣты, правильно переписываясь съ нимъ. Въ Швейцаріи ближайшими помощниками его были, рядомъ съ Августомъ Беккеромъ и Симономъ Шмидтомъ, скорнякъ-подмастерье Нильсъ Петерсенъ изъ Копенгагена и Себастьянъ Зейлеръ изъ Силезіи, бывшій прежде дѣлопроизводителемъ въ Лигницѣ и превратившійся потомъ въ Швейцаріи изъ демократа въ коммуниста. Ядро союза составляли ремесленные подмастерья, и подавляющимъ образомъ—нѣмецкіе подмастерья. Трудно составить себѣ преувеличенное представленіе объ ихъ стремленіи къ образованію, ихъ жаждѣ знанія, самоотверженности и энергіи. Такъ, они нанимали себѣ учителей, чтобы тѣ преподавали имъ свѣдѣнія изъ различныхъ областей знанія. Чтобы напечатать въ 2.000 экземпляровъ первое изданіе „Гарантій", 300 рабочихъ раздѣлили между собою расходы и въ уплату взяли книги; четверо рабочихъ отдали на напечатаніе всѣ свои сбереженія въ количествѣ 200 франковъ. Еще больше, чѣмъ въ книгахъ Вейтлинга, духъ, воодушевлявшій его приверженцевъ, отражается въ его журналахъ—въ „*Hilferuf der deutschen Jugend*" и „*Junge Generation*": захватывающія картины нужды среди ремесленныхъ подмастерьевъ, смѣлое бичеваніе придирокъ, которыми травили ихъ отечественныя власти, смѣняются здѣсь остроумными сатирами на ихъ мучителей,—сатирами, облеченными то въ форму разговора между европейскими рѣками, то въ форму ретроспективнаго взгляда или взгляда впередъ въ 2000 г.

На насъ производитъ впечатлѣніе чего-то еще весьма туманнаго, когда мы читаемъ въ одномъ мѣстѣ, что къ числу коммунистовъ принадлежатъ и трудолюбивый поселянинъ, который дѣлитъ свой кусокъ хлѣба съ голодающимъ подмастерьемъ, и прилежный ремесленникъ, не сдирающій шкуры со своихъ рабочихъ, а вознаграждающій ихъ по соразмѣрности изъ дохода отъ общаго труда, и богачъ, употребляющій свой избытокъ на благо страждущаго человѣчества, и императоръ, король или князь, законы котораго имѣютъ своей цѣлью благо самыхъ бѣдныхъ и многочисленныхъ классовъ, и т. д. Но революціонный инстинктъ прорывается все-таки именно изъ этой теоретической неясности, когда *Junge Generation* объявляетъ въ другой разъ, что оно не позволитъ себя втиснуть ни въ одну изъ коммунистическихъ сектъ. „Насъ охотно желали бы насильно втиснуть въ эти секты; желали бы, чтобы мы по примѣру сектантовъ начали щипать другъ друга и ссориться

между собою. На это мы не пойдемъ. Мы будемъ бороться только противъ *тѣхъ*, которые хотятъ задерживать наше движеніе, и предпочтемъ лучше смотрѣть сквозь пальцы на ошибки людей, опережающихъ насъ". Подъ сектантами „*Молодое Поколѣніе*" понимало людей, не желающихъ пропускать никого впередъ по дорогѣ; оно отказывалось устанавливать принципы, которые имѣли бы силу на вѣчныя времена.

Въ сравненіи съ буржуазной оппозиціей того времени журналы Вейтлинга обнаружили свое полное превосходство. Тогда какъ эта оппозиція вела при помощи геройскихъ пѣсенъ и передовыхъ статей борьбу за „свободный Рейнъ", „*Молодое Поколѣніе*" заявляло: „Народъ, который первый попытается осуществить принципъ любви къ ближнему, завоюетъ безъ единаго удара мечомъ сердца всѣхъ народовъ. Въ этомъ лежитъ разрѣшеніе рейнскаго вопроса, другаго рѣшенія нѣтъ". Особенно рѣзко „*Молодое Поколѣніе*" отдѣлало Вирта, самаго радикальнаго вождя мелкой буржуазіи. Плоская шутка, которою не одинъ ученый мужъ еще теперь покрываетъ издержки по своей „культурной борьбѣ" съ соціализмомъ, уже тогда не была вполнѣ нова, — шутка относительно казармы или каторжной тюрьмы, которую соціалисты якобы хотятъ воздвигнуть на развалинахъ капиталистическаго общества. Пока существовалъ утопическій соціализмъ, эта уловка не была такъ ясна, какъ теперь; тѣмъ не менѣе уже Вейтлингъ, теорія котораго хотѣла какъ разъ соединить гармонію всѣхъ съ возможно большей свободою отдѣльной личности, могъ возразить на это: „Вы увидите впослѣдствіи, что мысль обратить міръ въ казарму или каторжную тюрьму вызываетъ въ насъ отвращеніе. Вы увидите, что мы не желаемъ принести личную свободу въ жертву общему равенству, такъ какъ именно это естественное стремленіе къ свободѣ дѣлаетъ насъ защитниками принципа равенства". Виртъ говорилъ въ своемъ комическомъ самомнѣніи, что „для образованнаго чувства" „великолѣпныя казармы" Фурье заключаютъ въ себѣ „нѣчто тягостное и противное"; на это „*Junge Generation*" отвѣчаетъ: „Желаніе быть чѣмъ-то большимъ, нежели другіе, проклятый кастовый духъ слишкомъ крѣпко сидитъ въ нашихъ нѣмецкихъ ученыхъ". Журналъ мѣтко указалъ этимъ основаніе, которое обезпечило упомянутой плоской шуткѣ столь прочное и выдающееся мѣсто въ идейномъ хранилищѣ нѣмецкой учености.

Мелкобуржуазные рецепты для разрѣшенія соціальнаго вопроса

были уже тогда тѣ же, что теперь, и Виртъ вполнѣ въ теперешнемъ тонѣ превозносилъ ихъ, какъ „истинную соціальную реформу", въ противоположность эксцентричнымъ, фантастическимъ, несбыточнымъ предложеніямъ соціалистовъ. На это *„Junge Generation"* возражало: „О небо! вотъ курьезная соціальная реформа, съ ея сберегательными кассами и благотворительными учрежденіями. Сберегательныя кассы! Почему не копилки также? Ну конечно, общество недостаточно еще заражено скаредностью и ростовщичествомъ, и потому слѣдовало бы учредить еще побольше такихъ бюро для скопидомовъ. Нѣтъ, нѣтъ! „Was man spart für den Mund, frisst uns Katze und Hund", т. е. чѣмъ больше мы себя ограничиваемъ, тѣмъ меньшую плату даютъ намъ. Кто не рѣшается потребить что-либо, тотъ не считаетъ себя также способнымъ что-либо заработать. Затѣмъ, благотворительныя учрежденія! Есть ли у тебя гордость, нѣмецъ? Благотворительныя учрежденія, эти учрежденія для подачи милостыни подъ опекою чиновниковъ и ученыхъ. Пріюты для бѣдныхъ! Тьфу, свободный народъ и дома для бѣдныхъ, это безсмыслица, г. Виртъ!" Съ полнымъ правомъ *„Junge Generation"* осмѣивало пустое, издѣвавшееся надъ фактами утвержденіе Вирта, что при теперешнихъ условіяхъ—въ Германіи, по крайней мѣрѣ — о дѣйствительно бѣдныхъ пекутся въ достаточной степени.

Однако, какъ искусно ни вели свое дѣло Вейтлингъ и его приверженцы, они не привлекли на свою сторону всѣхъ революціонныхъ элементовъ, находившихся среди нѣмецкихъ подмастерьевъ въ Швейцаріи. Младонѣмецкая агитація сохранила враждебную позицію по отношенію къ нимъ. Правда, она все больше теряла буржуазно - національный характеръ и принимала пролетарско-революціонный, но она попала не въ русло французскаго соціализма, а нѣмецкой философіи. Агитаціей этой руководили два молодыхъ уроженца Тюрингіи, Германъ Делеке и Юліусъ Штандау, жившіе во французской Швейцаріи въ качествѣ преподавателей языковъ. По формальному образованію они стояли выше Вейтлинга, но далеко уступали ему по даровитости и характеру. Благодаря смѣшенію политики и религіи, которое свойственно было романтической реакціи, революціонное развитіе нѣмецкой философіи нашло живой откликъ среди чуткихъ подмастерьевъ: мыслящій человѣкъ, освобожденный отъ всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ, сталъ для нихъ исходнымъ пунктомъ и средототіемъ пролетарской революціи; имъ казалось, что одновременно съ оковами человѣче-

скаго духа падутъ и цѣпи человѣка. Утопія Вейтлинга представлялась имъ новымъ евангеліемъ, самъ Вейтлингъ—новымъ пророкомъ, а его приверженцы—новой сектой. Видя уже въ эмансипаціи человѣческаго сознанія эмансипацію человѣческаго общества, они не испытывали никакой потребности строить новый міръ; абсолютная свобода человѣка отъ всякаго принужденія была ихъ идеаломъ, и это можно было, пожалуй, называть ихъ анархизмомъ. Но полная туманность этого анархизма и, въ особенности, практическая борьба, которую они вели съ Вейтлингомъ, выдвигали впередъ, какъ наиболѣе отличительную ихъ особенность, ихъ атеизмъ.

Инстинктивному коммунизму Вейтлинга, созрѣвшему на экономическомъ классовомъ антагонизмѣ, были непонятны умозрительныя хитросплетенія философіи. Нѣмецкихъ философовъ онъ называлъ „Nebler", „людьми тумана", которые окотятся за абстракціей въ царствѣ сверхчувственнаго, людьми, понятія которыхъ никто не въ состояціи охватить. „Прославленный Гегель для меня также человѣкъ тумана. Я вправѣ называть его такъ, хотя не читалъ ни строки изъ его сочиненій. Почему? Потому что никто не могъ сказать мнѣ, чего онъ хочетъ, хотя вся нѣмецкая туманная философія страшно кричитъ о немъ". Къ слову сказать, этотъ природный коммунизмъ постоянно направлялъ взоръ Вейтлинга,—какъ свободенъ онъ ни былъ отъ всякой догматической церковной вѣры,—на первобытное христіанство, на евангельскаго Іисуса, къ которому онъ относился съ удивленіемъ и симпатіей. Вейтлингъ обладалъ слишкомъ ясной и трезвой головой, чтобы не понимать, насколько все революціонированіе сознанія безсильно хотя бы даже пошатнуть экономическій строй, отъ котораго столь невыразимо страдали рабочіе. Между младонѣмецкими и коммунистическими ремесленными подмастерьями примиреніе было невозможно. Правда, Эвербекъ призывалъ къ взаимной терпимости въ виду общаго врага; онъ устроилъ также дружескую переписку между Вейтлингомъ и Моисеемъ Гессомъ въ Парижѣ, тоже пришедшимъ къ соціализму отъ философіи, но обнаруживавшимъ болѣе сочувственное пониманіе Вейтлинга, чѣмъ Делеке и Штандау. Однако, антагонизмъ остался, и онъ становился тѣмъ глубже, чѣмъ больше обстоятельства дѣйствительно начали толкать Вейтлинга къ роли пророка.

Обусловленъ былъ такой исходъ указаннымъ выше внутреннимъ противорѣчіемъ его агитаціи. Успѣхи Вейтлинга укрѣпили

въ немъ сознаніе собственной силы, но въ то же время они вызывали все большее сопротивленіе того міра, который онъ замышлялъ разрушить. Консервативныя правительства въ Швейцаріи стали опасаться коммунистическаго движенія, проникшаго уже въ нѣкоторые радикальные органы; типографы, печатавшіе *Junge Generation*, подверглись преслѣдованіямъ со стороны полиціи, и Вейтлингу пришлось нѣсколько разъ мѣнять мѣсто печатанія. Въ Германіи, Австріи, Франціи сочиненія его строго преслѣдовались. Министерство Гизо распорядилось разъ отобрать на границѣ и сжечь 1,200 экземпляровъ *Junge Generation*, не давъ себѣ труда предварительно запретить это изданіе. Бѣдный подмастерье вправѣ былъ сказать: вотъ какое почтеніе власть имущіе питаютъ къ собственности! Много заботъ причиняли Вейтлингу и столовыя, которыя часто терпѣли крушеніе оттого, что одни и тѣ же ферейны должны были вести борьбу противъ стараго общества и быть зародышами новаго. Несмотря на всю готовность къ жертвамъ, которую проявляли приверженцы Вейтлинга, его положеніе было вообще очень стѣсненное. Его нужда росла вмѣстѣ съ его успѣхами, также какъ его вѣра въ свои силы. Правда, благодаря этому въ немъ только росла жажда подвиговъ, но тутъ-то роковымъ образомъ сказалось отсутствіе ясной цѣли у его революціонной агитаціи.

Чтобы возможно скорѣе разрушить существующее общество, Вейтлингъ хватался за всякія странныя идеи. Онъ хотѣлъ немедленно ввести „общность женъ", организовать воровскую банду для партизанской войны противъ имущихъ классовъ, составить тайный заговоръ, который долженъ былъ затѣмъ внезапно разразиться насильственнымъ возстаніемъ. Естественно, что Эвербекъ и Шапперъ, Августъ Беккеръ и Симонъ Шмидтъ воспротивились такимъ авантюристскимъ планамъ. Излишне прибавлять, что они были правы, но Эвербекъ и Шапперъ сдѣлали ошибку въ другомъ отношеніи: они не видѣли того шага впередъ, который все-таки заключался въ революціонномъ порывѣ Вейтлинга. Беккеръ писалъ „ребенку" въ отечески - увѣщательномъ тонѣ, который мало шелъ къ лицу этому остроумнѣйшему, но въ то же время безпутнѣйшему изъ приверженцевъ Вейтлинга. Точно также Эвербекъ, увлекавшійся нравоучительнымъ утопизмомъ Кабе, съ покровительственнымъ видомъ предостерегалъ „любезнаго брата" противъ сочиненія системъ, въ родѣ „Гарантій", которыми Вейтлингъ имѣлъ, вѣдь, право нѣсколько гордиться. Эвер-

бекъ совѣтовалъ ему перенести свою агитацію съ береговъ Женевскаго озера въ Цюрихъ, гдѣ онъ былъ ближе къ нѣмецкимъ границамъ и могъ поддерживать болѣе тѣсныя сношенія съ литературными силами. Вейтлингъ былъ готовъ на это, но противъ изложеннаго плана возсталъ Фрёбель, на котораго стали коситься даже въ радикальномъ лагерѣ за извѣстную близость къ соціалистическимъ взглядамъ: онъ предсказывалъ, что появленіе Вейтлинга въ Цюрихѣ можетъ вызвать какую-нибудь насильственную мѣру противъ коммунизма и вдобавокъ радикализма также.

Все это нахлынуло разомъ на Вейтлинга, а между тѣмъ у него не было вѣрнаго компаса, чтобы разобраться въ этой путаницѣ. Онъ не узнавалъ своихъ ближайшихъ друзей, его вѣра въ свои силы выродилась въ тщеславіе, его бодрое, боевое настроеніе—въ неуступчивую сварливость, онъ сталъ чувствовать себя непризнаннымъ геніемъ. Идея „второго Мессіи" поднималась въ немъ тѣмъ ярче, чѣмъ болѣе неяснымъ ему становилось, какъ произвести революцію въ старомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ этого настроенія онъ написалъ весною 1843 г. свое „Евангеліе бѣдныхъ грѣшниковъ".

Въ этомъ произведеніи Вейтлингъ хотѣлъ доказать болѣе чѣмъ сотней цитатъ изъ библіи, что самые смѣлые выводы изъ свободолюбивыхъ идей находятся въ согласіи съ духомъ Христова ученія. Вольтеръ и другіе хотѣли для освобожденія человѣчества разрушить религію; напротивъ, Ламенна—къ слову сказать, непризнавшій себя солидарнымъ съ сочиненіемъ Вейтлинга, когда оно вышло въ свѣтъ — и многіе предшествовавшіе ему христіанскіе реформаторы, какъ Карлштадтъ и Томасъ Мюнцеръ, показали, что всѣ демократическія идеи вытекаютъ изъ христіанства. Къ нимъ присоединяется отнынѣ и Вейтлингъ: онъ говоритъ, что для освобожденія человѣчества нужно воспользоваться религіей; Христосъ—пророкъ свободы и учитъ любви.

Съ точки зрѣнія коммунистической пропаганды сочиненіе представляетъ несомнѣнный шагъ назадъ противъ „Гарантій", но зато оно наиболѣе вѣрно рисуетъ личность Вейтлинга и даетъ наиболѣе своеобразный, быть можетъ, образчикъ его таланта. Вейтлингъ не отрицаетъ результатовъ современной критики евангелій; онъ говоритъ лишь, что не его задача указывать противорѣчія евангелій, изъ которыхъ не малое число вскрыто Штраусомъ: онъ хочетъ, напротивъ, принять, какъ истину, то существенное, опре-

дѣленное и возможное, на которомъ покоится христіанство, чтобы вывести отсюда принципъ христіанства. Въ Іисусѣ евангелій онъ находитъ свой прообразъ. Съ инстинктомъ родственной души онъ отыскиваетъ слѣды, которые коммунизмъ первыхъ христіанъ оставилъ въ евангельскомъ повѣствованіи. Онъ очень хорошо видитъ, что этотъ коммунизмъ простирался только на потребленіе, а не на производство, но онъ полагаетъ, что „общность потребленія" предполагаетъ „общность работъ". „Это труднѣе было объяснить, — пишетъ онъ, — и еще труднѣе было бы понято; этого и теперь еще не могутъ понять милліоны. Что они могутъ понять, это—полную возможность отнятія избытка у одного для раздачи его бѣднымъ. Такая мѣра была бы, однако, цѣлесообразна лишь тогда, когда дѣло идетъ о пищевыхъ средствахъ, платьѣ и домашней утвари, ремесленные же инструменты, деньги, земля не могутъ быть подѣлены въ обществѣ; поэтому первое (избытокъ) становится безполезнымъ и упраздняется, послѣднее же (имущество) принадлежитъ всѣмъ вмѣстѣ и никому въ особенности". Сочиненіе есть своего рода исповѣдь Вейтлинга предъ самимъ собою и предъ міромъ,—предъ друзьями еще больше, быть можетъ, чѣмъ предъ врагами. На своихъ опытахъ и успѣхахъ, на своихъ радостяхъ и страданіяхъ онъ измѣряетъ дѣянія и слова Христа. Пусть нѣкоторые говорятъ, что при помощи библіи можно доказать все, что угодно, Вейтлингъ отвѣчаетъ имъ: „Хорошо, господа, вы это доказали, вы сдѣлали изъ нея евангеліе тиранніи, угнетенія и обмана, я же хотѣлъ бы сдѣлать изъ нея евангеліе свободы, равенства и общности, знанія, надежды и любви, если бы она уже не была имъ. Если тѣ ошибались, то причиною былъ личный интересъ, если ошибаюсь я, то это происходитъ отъ любви къ человѣчеству. Моя цѣль извѣстна, и мѣста, откуда я черпаю, указаны. Читатель можетъ теперь самъ прочитать, подвергнуть испытанію, судить и вѣрить чему хочетъ. Аминь". Для Вейтлинга дѣло шло больше о немъ самомъ, чѣмъ о Христѣ; это второй мессія, призывающій къ себѣ на помощь перваго,—второй и большій мессія, ибо по обстоятельствамъ того времени Іисусъ, „вѣроятно, совсѣмъ не изготовилъ или изготовилъ весьма несовершенный" организаціонный планъ новаго общества; нельзя требовать, чтобы онъ „вполнѣ понялъ тогда всѣ глубины теперешняго коммунистическаго ученія".

Вейтлингъ написалъ „Евангеліе бѣдныхъ грѣшниковъ" еще въ Лозаннѣ; онъ хотѣлъ напечатать его въ Цюрихѣ, куда пере-

ѣхалъ въ маѣ 1843 г. Фрёбель отклонилъ отъ себя издательство, чтобы не подвергнуть опасности „Литературную Контору", но досталъ другого типографа. Еще раньше, однако, чѣмъ книга вышла въ свѣтъ, разразилась катастрофа: цюрихскіе священники обратились къ прокурору съ заявленіемъ, обвинявшимъ въ богохульствѣ проспектъ, который распространилъ Вейтлингъ. Прокуроръ тотчасъ открылъ слѣдствіе, и по его приказу Вейтлингъ былъ арестованъ въ ночь съ 8-го на 9-е іюня. Обыскъ въ его квартирѣ и въ типографіи отдалъ въ руки властямъ его частную переписку и часть рукописи „Евангелія бѣдныхъ грѣшниковъ".

Опасенія Фрёбеля оказались основательными: цюрихское правительство хотѣло однимъ уничтожающимъ ударомъ сразить коммунистическую партію и вмѣстѣ съ ней—радикальную. Это былъ первый опытъ подобнаго спасенія государства — по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ „die deutsche Zunge klingt und Gott im Himmel Lieder singt" („звучитъ нѣмецкій языкъ и славитъ Господа на небесахъ"), — и въ своемъ родѣ онъ былъ типиченъ для всѣхъ послѣдующихъ. Прокуроръ передалъ захваченныя бумаги правительству, а правительственный совѣтъ назначилъ комиссію для разслѣдованія „всѣхъ коммунистическихъ происковъ въ Швейцаріи". Докладъ, представленный этой комиссіей и принадлежащій перу проф. Блунчли, былъ напечатанъ на государственный счетъ и пущенъ въ продажу черезъ книжные магазины. Блунчли доказалъ своей работой, что по своему историческому, экономическому и политическому уровню пониманія онъ стоялъ далеко ниже портного Вейтлинга, и что, съ другой стороны, онъ достоинъ былъ еще поколѣніе спустя сіять, какъ звѣзда первой величины, на небѣ нѣмецкаго либерализма. Вмѣсто какой бы то ни было попытки оцѣнить по достоинству теоретическія цѣли, не говоримъ уже практическіе корни коммунистической агитаціи, онъ поднялъ жалобный плачъ по поводу того, что бездна, открывающаяся передъ холоднымъ, абстрактнымъ принципомъ коммунизма, поглотитъ всякій божественный и человѣческій порядокъ. Вмѣсто какихъ-нибудь положительныхъ мѣръ для устраненія причинъ, вызывающихъ жалобы рабочихъ, онъ призывалъ на помощь полицейскую палку: по его мнѣнію, не-швейцарскихъ членовъ цюрихскаго рабочаго ферейна, съ которыми Вейтлингъ вступалъ нѣсколько разъ въ сношенія, слѣдовало прогнать изъ страны, затѣмъ—точно такъ же слѣдовало поступить со всѣми не-швейцарцами, которые *подозрѣваются* въ коммунисти-

ческихъ происках, а если бы послѣ „упрощеннаго разслѣдованія дѣла" они были *изобличены* въ такихъ проискахъ, то нужно было сверхъ того еще выдать имъ волчій паспортъ. Сюда были прибавлены истинно мѣщанское предложеніе ограничить число трактировъ и винныхъ погребовъ и—само собою понятно—елейная рекомендація христіанства, какъ корректива, который долженъ „внутренней святостью душевной жизни" утѣшить бѣдняка за имущественныя неравенства внѣшняго міра.

Съ этой лицемѣрной узостью уже тогда сочеталось то вѣроломство, которое старается использовать красный призракъ въ интересахъ своихъ партійныхъ дѣлишекъ. Руководимый благородной цѣлью скомпрометтировать политическихъ противниковъ правительства, Блунчли опубликовалъ изъ найденныхъ у Вейтлинга бумагъ частныя письма лицъ, не имѣвшихъ рѣшительно никакого отношенія къ слѣдствію и не провинившихся ни въ какомъ наказуемомъ дѣяніи противъ законовъ цюрихскаго кантона, слѣдовательно—письма, на оглашеніе которыхъ комиссія не имѣла даже формальнаго права. Этотъ противозаконно использованный матеріалъ Блунчли завѣдомо ложно редактировалъ такъ, что на вождей цюрихскаго радикализма падало совершенно неосновательное подозрѣніе, будто они содѣйствовали преступнымъ цѣлямъ коммунистовъ. Тщетно Фолленъ и Фребель, особенно имѣвшіеся при этомъ въ виду, протестовали противъ такого образа дѣйствій; они были еще оштрафованы комиссіей за „неподобающія выраженія". Для довершенія сходства между тогдашнимъ и теперешнимъ временемъ буржуазный радикализмъ струсилъ, какъ только его заклятѣйшіе враги обвинили его въ коммунистическихъ стремленіяхъ. Радикалы отступились отъ Фребеля, и „*Schweizerischer Republikaner*" вынужденъ былъ прекратить свое существованіе за недостаткомъ подписчиковъ.

Напротивъ, коммунистическая агитація не думала сдаваться. Вейтлингъ съ мужественнымъ достоинствомъ защищалъ себя самъ предъ судомъ. Правда, и здѣсь онъ обнаружилъ, какъ впослѣдствіи въ тюрьмѣ, признаки болѣзненнаго возбужденія, но отъ своихъ принциповъ онъ не отрекся. Изъ обычнаго букета прокурорскихъ даровъ, сплетеннаго въ обвинительномъ актѣ—сюда входили богохульство, нападки на собственность, составленіе тайнаго союза и т. п.,—вторая инстанція подобрала отдѣльные цвѣтки нѣсколько иначе, чѣмъ первая,—обстоятельство не имѣющее, впрочемъ, особаго значенія при такъ называемой „мотивировкѣ" подобныхъ

тенденціозныхъ приговоровъ. Печально для Вейтлинга и безславно для цюрихскаго правосудія было то, что уже первая инстанція вынесла суровый приговоръ—шесть мѣсяцевъ тюрьмы, съ зачетомъ двухъ мѣсяцевъ незаслуженнаго предварительнаго заключенія, а вторая еще усилила это наказаніе до 10 мѣсяцевъ тюрьмы съ зачетомъ 4 мѣсяцевъ незаслуженнаго предварительнаго заключенія. Приговоръ первой инстанціи заключалъ въ себѣ еще пожизненное изгнаніе изъ Швейцаріи; приговоръ второй ограничился 5-лѣтнимъ изгнаніемъ, но фактически это не составляло разницы для осужденнаго.

Почти годъ Вейтлингъ просидѣлъ въ цюрихскихъ тюрьмахъ, гдѣ нѣсколько разъ былъ подвергаемъ дисциплинарнымъ—а по одному извѣстію, даже тѣлеснымъ—наказаніямъ. Выпущенный на свободу онъ хотѣлъ переселиться со своимъ приверженцемъ Андреемъ Дитчемъ въ Америку, чтобы основать тамъ коммунистическую колонію, но цюрихское правительство, довольное своей ролью полицейскихъ прислужниковъ, настояло на выдачѣ его прусской полиціи. Несмотря на энергичное сопротивленіе, Вейтлингъ былъ доставленъ на нѣмецкую границу, откуда его потащили черезъ различные „фатерланды", въ сопровожденіи ихъ сыщиковъ и съ временными остановками въ ихъ тюрьмахъ, въ родной городъ Магдебургъ, гдѣ и сдали въ солдаты, какъ дезертира. Въ виду физической негодности Вейтлинга къ военной службѣ его пришлось скоро отпустить, и тогда прусское правительство выпроводило его въ Гамбургъ, не взирая на его право приписки и на представленное доказательство обладанія достаточными средствами къ существованію, за которыя поручился одинъ книгопродавецъ; изъ Гамбурга оно толкнуло его въ далекую чужбину съ цѣлыми 7 талерами въ карманѣ. Вейтлингъ отправился въ Лондонъ; на многолюдномъ митингѣ нѣмецкіе, французскіе и англійскіе соціалисты привѣтствовали здѣсь „мужественнаго и талантливаго вождя нѣмецкихъ коммунистовъ", какъ назвалъ его органъ Оуэна.

Приверженцы Вейтлинга въ Швейцаріи также продолжали храбро свое дѣло. Направленный противъ нихъ ударъ сопровождался обычнымъ отраженнымъ ударомъ: общественное вниманіе теперь только обратилось настоящимъ образомъ въ сторону преслѣдуемыхъ, и даже докладъ Блунчли явился энергичной пропагандой для нихъ. При всей искусственности въ группировкѣ фактовъ, при всѣхъ искажающихъ комментаріяхъ, содержавшихся въ докладѣ, нельзя было изгладить глубокаго впечатлѣнія, которое

должны были произвести на пролетаріатъ сами документы, преданные теперь широкой гласности, въ особенности—длинныя выдержки изъ сочиненій Вейтлинга. Прусскій посланникъ въ Парижѣ сообщалъ въ Берлинъ, что этотъ докладъ побудилъ 300 нѣмецкихъ ремесленныхъ подмастерьевъ вступить въ „Союзъ Справедливыхъ", а Моисей Гессъ въ насмѣшливомъ адресѣ благодарилъ браваго спасателя государства Блунчли за то, что онъ оказалъ хорошему дѣлу такую большую услугу. Въ серьезномъ тонѣ произведеніе Блунчли было разобрано въ анонимномъ памфлетѣ „Über den Kommunismus in der Schweiz", и впечатлѣніе отъ его уничтожающей, мѣткой критики скорѣе усиливалось, чѣмъ ослаблялось тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ, хотя и будучи коммунистомъ, относился несочувственно къ революціоннымъ тенденціямъ Вейтлинга. Послѣднее сочиненіе Вейтлинга, рукопись котораго его друзьямъ удалось спасти въ значительной части, вышло въ свѣтъ въ Бернѣ подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ „Евангеліе одного бѣднаго грѣшника", а прежнія сочиненія его были напечатаны новыми изданіями. Три изданія подъ рядъ выдержала также коммунистическая брошюра Андрея Дитча, швейцарца родомъ и щеточника по профессіи. Въ ферейнахъ общія кухни и столовыя, поскольку эти учрежденія стали твердо на ноги, оказались теперь полезными и для пропаганды: онѣ не дали распасться коммунистамъ въ періодъ замѣшательства, созданнаго внезапнымъ исчезновеніемъ Вейтлинга и преслѣдованіями полиціи.

Однако, несмотря на это доблестное сопротивленіе, коммунистическая агитація въ Швейцаріи все болѣе и болѣе мельчала. Не потому или не потому одному только, что она потеряла въ лицѣ Вейтлинга своего духовнаго главу. Скорѣе можно было бы сказать обратное: потому что члены двигались въ томъ же тактѣ, какъ и голова. Коммунизмъ Вейтлинга всегда былъ въ большей или меньшей степени коллективнымъ продуктомъ его послѣдователей; Вейтлингъ хорошо зналъ это и, несмотря на разроставшуюся въ немъ самоувѣренность, онъ еще въ „Евангеліи бѣдныхъ грѣшниковъ" говоритъ, что коммунистическія ученія распространялъ союзъ эссеянъ, и Христосъ въ своихъ собственныхъ идеяхъ, быть можетъ, не возвышался значительно надъ идеями своихъ товарищей по союзу. Тѣ самыя причины, которыя толкнули Вейтлинга назадъ къ религіозному утопизму, оказали въ большей или меньшей степени то же дѣйствіе на его приверженцевъ, и удаленіе Вейтлинга оказалось роковымъ лишь въ томъ отношеніи, что на мѣсто честнаго

и въ своемъ родѣ геніальнаго главы секты стали всякаго рода сомнительные главари.

Замѣстителями Вейтлинга были на первыхъ порахъ добродушные лѣнтяи въ родѣ Августа Беккера, который былъ проникнутъ честными намѣреніями и подъ руководствомъ твердаго характера былъ отличнымъ работникомъ, но поставленный на собственныя ноги, шатался во всѣ стороны; сбитый съ толку воплемъ ревнителей правовѣрія, изображавшихъ своему духовному стаду всякое уклоненіе отъ единоспасающаго ученія, какъ гибельный коммунизмъ, Беккеръ хотѣлъ даже связаться съ нѣмецко-католическими путаными головами. Затѣмъ — безобидные сумасшедшіе, какъ „пророкъ" Альбрехтъ, старый демагогъ изъ Альтенбурга, впавшій въ религіозное помѣшательство послѣ 6-лѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, гдѣ онъ вынужденъ былъ ограничиваться чтеніемъ одной библіи. Наконецъ—явные обманщики и бродяги, въ родѣ лже-доктора Кульмана изъ Голштиніи, возвѣстившаго пресловутое ученіе, что въ новомъ мірѣ мудрѣйшій будетъ регулировать распредѣленіе потребительныхъ благъ, и потому апостолы должны уже теперь, въ старомъ мірѣ, полными мѣрами подносить мудрѣйшему потребительныя блага, довольствуясь сами крохами. Тотъ фактъ, что Кульманъ обманулъ этимъ доходнымъ мошенничествомъ не только коммунистическихъ подмастерьевъ, но вырвалъ даже у такого образованнаго человѣка, какъ Августъ Беккеръ, восторженное заявленіе, что въ лицѣ Кульмана выступилъ человѣкъ времени, „человѣкъ, въ устахъ котораго нашло себѣ выраженіе все наше страданіе, всѣ наши надежды и упованія, однимъ словомъ, все, чѣмъ волнуется наше время",—этотъ фактъ краснорѣчивѣе длинныхъ описаній доказываетъ, какъ быстро и неудержимо коммунизмъ ремесленныхъ подмастерьевъ шелъ къ гибели по наклонной плоскости религіознаго утопизма.

Его упадокъ обусловилъ собою новый подъемъ младонѣмецкой агитаціи. Мятежно настроеннымъ пролетаріямъ плоскій атеизмъ этой послѣдней долженъ былъ все-таки придтись больше по вкусу, чѣмъ религіозная путаница Альбрехта или Кульмана. Во главѣ младонѣмецкой агитаціи стоялъ теперь Вильгельмъ Марръ, молодой приказчикъ изъ Гамбурга, который примкнулъ въ Цюрихѣ къ Вейтлингу и былъ высланъ послѣ его ареста. Марръ былъ немного знакомъ съ сочиненіями Фейербаха и Прудона и внесъ нѣкоторую систему въ младонѣмецкую агитацію; онъ изложилъ популярно „Религію будущаго" Фридриха Фейербаха, гдѣ уже

было разъ популяризовано ученіе Людвига Фейербаха. Въ прочихъ отношеніяхъ недозрѣлый хвастунъ, Марръ умѣлъ все-таки агитировать съ энергіей грубаго себялюбца; онъ искусился въ мелкихъ уловкахъ демагогіи, вплоть до страшнаго маскарада при пріемѣ новыхъ членовъ въ младонѣмецкій тайный союзъ. Марръ хвасталъ своимъ цинизмомъ и издѣвался надъ неудавшимися жречествомъ Вейтлинга; тѣмъ болѣе отталкивающимъ казалось его сластолюбіе рядомъ со здоровой чувственностью Вейтлинга. Его борьба противъ коммунизма ограничивалась старыми общими мѣстами; когда онъ говорилъ, что можно упразднить собственность какъ вещь, но нельзя уничтожить внутреннее вожделѣніе къ собственности, то онъ просто описательно передавалъ вздыханія по богатой невѣстѣ, которыми наполнялъ свои письма.

Послѣ цюрихскаго разгрома коммунистическая агитація перенесла свой центръ опять на берега Женевскаго озера, гдѣ младонѣмецкая агитація уже много лѣтъ какъ свила себѣ гнѣздо. Въ Лозаннѣ жили Беккеръ, Кульманъ, Марръ, и въ рабочихъ обществахъ французской Швейцаріи оба тайныхъ союза боролись за господствующее вліяніе. Постепенно младонѣмецкой агитаціи удалось подчинить себѣ значительное число этихъ обществъ и разбить ихъ на три секціи, изъ которыхъ самой большой—Леманскимъ союзомъ—руководилъ Марръ, а двумя другими—Дёлеке и Штандау. Въ декабрѣ 1844 г. Марръ основалъ, въ качествѣ органа младонѣмецкаго союза, „*Blätter der Gegenwart für sociales Leben*", а нѣсколько мѣсяцевъ спустя Беккеръ основалъ „*Die Fröhliche Botschaft*", какъ проводникъ идей коммунистической агитаціи, лишившейся собственнаго органа послѣ прекращенія „*Junge Generation*" и лишь временно нашедшей скудную замѣну его въ парижскомъ *Vorwärts*'ѣ. Обѣ газеты вели между собой рѣзкую полемику, но дни ихъ были сочтены.

Въ кантонѣ Ваадтъ политическій поворотъ привелъ къ власти въ февралѣ 1845 г. радикальную партію. Друзья Вейтлинга Дюрей и Делагарецъ попали въ Большой Совѣтъ. Они попытались организовать въ проектѣ новой конституціи право на трудъ,—попытка, потерпѣвшая, конечно, неудачу, но давшая низвергнутымъ консерваторамъ желанный поводъ къ упреку, что новое правительство сочувствуетъ коммунистическимъ стремленіямъ. Одновременно съ этимъ правительство кантона Невшатель, находившагося еще тогда подъ прусскимъ суверенитетомъ, напало на слѣды младонѣмецкаго и коммунистическаго тайнаго союза.

Во время предварительнаго слѣдствія взаимная враждебность обоихъ союзовъ привела, повидимому, къ недостойному обилію взаимныхъ доносовъ; во всякомъ случаѣ обнаружилось, что оба тайныхъ союза имѣютъ главныя свои развѣтвленія въ кантонѣ Ваадтъ. Тогда ваадтскіе консерваторы напали съ еще большимъ ожесточеніемъ на радикальное правительство. Они сваливали при этомъ въ кучу младонѣмцевъ и коммунистовъ и дѣлали соціалистическихъ членовъ Большого Совѣта отвѣтственными за циничныя писанія Марра. Правительство пошло въ умышленно или неумышленно поставленную ловушку, выслало Марра, закрыло его газету, распустило младонѣмецкіе ферейны. Напротивъ, коммунистическія общества оно хотѣло укрыть, назначивъ для видимости слѣдствіе, въ результатѣ котораго радикальный префектъ Лозанны представилъ донесеніе въ томъ смыслѣ, что если бы эти общества не существовали, то онъ выступилъ бы съ предложеніемъ основать ихъ. Такъ легко нельзя было, однако, отдѣлаться отъ консервативной оппозиціи. Если правительство хотѣло удержаться во власти, то ему не оставалось иного выбора, какъ принять относительно коммунистической агитаціи тѣ же мѣры, какія были приняты по отношенію къ младонѣмецкой. Такимъ образомъ Беккеръ былъ изгнанъ, его газета запрещена и коммунистическимъ обществамъ такъ же положенъ конецъ, какъ младонѣмецкимъ. Кульманъ покинулъ кантонъ Ваадтъ уже раньше.

Младонѣмецкая агитація умерла навсегда. Марръ продѣлалъ еще послѣ того разнообразнѣйшія превращенія, Делеке и Штанфау исчезли съ горизонта, поселившись какъ колонисты въ Алжирѣ. Напротивъ, Беккеръ попытался еще разъ возобновить коммунистическую агитацію въ Цюрихѣ, гдѣ радикалы стали тѣмъ временемъ у власти благодаря выборамъ 1845 г. Беккеръ привлекъ на свою сторону бывшаго школьнаго учителя Трейхлера, издателя одного демократическаго еженедѣльника. Коммунизмъ, который сталъ затѣмъ проповѣдываться въ этомъ журнальчикѣ, оказался весьма туманнымъ: не къ уничтоженію, а къ возстановленію частной собственности, не къ перевороту, а къ усовершенствованію государства, не къ разложенію, а къ исполненію религіи направлены его стремленія,—такъ съ большимъ жаромъ увѣрялъ Трейхлеръ. Его тактика заключалась въ томъ, чтобы возможно больше отодвинуть на второй планъ коммунистическую теорію, но тѣмъ сильнѣе обрушиться на „новое либеральное барство“, на „мнимыхъ свободомыслящихъ“ въ правительствѣ. Каковы бы

ни были намѣренія, которыя онъ преслѣдовалъ этой тактикой, во всякомъ случаѣ онъ основательно ошибался, когда думалъ оправдать ее въ письмѣ къ Вейтлингу соображеніями осторожности и предусмотрительности.

Буржуазный радикализмъ всегда остается вѣренъ себѣ. Съ коммунистической агитаціей цюрихскіе радикалы, быть можетъ, примирились бы такъ же, какъ ваадтскіе, но подобно этимъ послѣднимъ они пожертвовали коммунистами и своими собственными принципами въ придачу, какъ только опасность стала угрожать ихъ матеріальной власти. Чѣмъ рѣзче противъ нихъ выступалъ Трейхлеръ и чѣмъ громче Блунчли и его присные кричали, что теперь обнаруживается истинный характеръ радикальныхъ идей, какъ „цвѣтковъ" коммунизма, — тѣмъ большую готовность они обнаружили къ изданію исключительнаго закона, воспрещавшаго не только оправдывать воровство или родственныя ему преступленія, но и возбуждать ненависть одного класса гражданъ противъ другого изъ-за имущественнаго неравенства или злонамѣренно подвергать опасности государственное спокойствіе и благосостояніе путемъ нападокъ на неприкосновенность собственности. Этимъ каучуковымъ закономъ они убили коммунистическую агитацію. Трейхлеръ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы мало-по-малу превратиться въ либеральнаго профессора; Беккеръ покинулъ Швейцарію и послѣ долгихъ странствій умеръ въ 1872 г. въ Цинциннати.

Однако, коммунистическая агитація отнюдь не умерла навсегда. Коммунизмъ ремесленныхъ подмастерьевъ потерпѣлъ въ конечномъ счетѣ неудачу вслѣдствіе неразвитаго состоянія промышленности, которое одинаково мѣшало ему и вербовать все новыхъ сторонниковъ и найти истинный путь къ побѣдѣ. Но если его тѣневой стороной было преслѣдованіе цѣлей, для осуществленія которыхъ отсутствовали еще въ то время фактическія предпосылки, то въ этомъ заключалась и его свѣтлая сторона; его недостатки коренились во внѣшнихъ условіяхъ, его достоинства — въ людяхъ. Вейтлингъ и его товарищи боролись не напрасно: пожаръ, который они хотѣли зажечь, былъ затушенъ, но подъ пепломъ продолжали тлѣть уголья, и изъ нихъ Фердинандъ Лассаль 20 лѣтъ спустя зажегъ очагъ германской соціалъ-демократіи. Его „Открытое письмо" было обращено къ послѣдователямъ Вейтлинга.

---

2. Нѣмецкій массовый пролетаріатъ.

Въ самой Германіи „Союзъ Справедливыхъ" имѣлъ не мало развѣтвленій, но здѣсь онъ не могъ, конечно, развернуть такой обширной агитаціонной дѣятельности, какую временами развивалъ въ Швейцаріи. Германская полиція держала въ ежовыхъ рукавицахъ тѣ ферейны для самообразованія и развлеченій, которые она разрѣшала ремесленнымъ подмастерьямъ. Однажды или дважды ей удалось выслѣдить въ этихъ ферейнахъ нити, ведшія къ „Союзу Справедливыхъ", напр., заговоръ Ментеля въ Берлинѣ, но эти нити оборвались въ ея рукахъ. Портняжный подмастерье Ментель и его товарищи были частью оправданы, частью же отдѣлались удивительно мягкимъ для прусскихъ условій наказаніемъ.

Но экономическое развитіе Германіи усердно работало надъ созданіемъ массоваго пролетаріата и, слѣдовательно, фактическихъ предпосылокъ коммунизма. Переворотъ въ условіяхъ производства и способахъ сообщенія, начавшійся вмѣстѣ съ основаніемъ таможеннаго союза и постройкой желѣзныхъ дорогъ, все больше разростался въ ширину и въ глубину. Крупная промышленность и крупная торговля начали создавать современные большіе города, уничтожать ремесло, вводить незначительное меньшинство въ лоно богатства и сытой, платежеспособной добродѣтели, а подавляющее большинство низвергать въ бездну нищеты и преступленія; такимъ образомъ, все больше разрушались формы жизни мелкобуржуазнаго общества, въ которыхъ прозябало до сихъ поръ городское населеніе. Въ деревнѣ феодальное землевладѣніе принимало буржуазный характеръ: оно все сильнѣе набрасывалось на картофельное винокуреніе и свекловичное хозяйство, экспропріировало массами мелкихъ землевладѣльцевъ, не защищенныхъ законами о выкупѣ и регулированіи, прикрѣпляло феодальными цѣпями къ землѣ тѣ рабочія силы, какія ему нужны были, создавало пролетаріатъ, столь же несчастный, сколько безпомощный. При всемъ своемъ крайнемъ разложеніи феодализмъ судорожно не хотѣлъ сойти въ могилу; столь же судорожно рвался на свѣтъ индустріализмъ, и въ этой борьбѣ самымъ безжалостнымъ образомъ растаптывалось рабочее населеніе.

Оффиціальный отчетъ, спеціально опубликованный для того, чтобы опровергнуть преувеличенія, якобы распространяемыя печатью, былъ все-таки вынужденъ самъ повторять однообразный при-

пѣвъ о положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ латифундіяхъ Остъ-Эльбіи (такъ называемыхъ Eigenkäthner, Einlieger, Häusler, Heuerlinge и т. д.): „этотъ классъ живетъ въ величайшей нищетѣ; положеніе этихъ рабочихъ во всякомъ случаѣ самое необезпеченное; они стоятъ большей частью на очень низкой ступени умственной и нравственной культуры; большей частью люди этого класса не доживаютъ до старости, и причина этого явленія заключается, конечно, въ плохомъ образѣ жизни, чрезмѣрномъ трудѣ и недостаточномъ питаніи". Въ другихъ отчетахъ того времени, не имѣвшихъ основаній говорить обиняками, мы находимъ ужасающія подробности о томъ, какъ холодъ и голодъ истребляли населеніе цѣлыхъ церковныхъ приходовъ. Деревенскій пролетаріатъ жилъ въ избахъ, походившихъ больше на звѣриныя пещеры, чѣмъ на жилища для людей; его пища состояла обыкновенно изъ картофеля, соли и водки, и каждый неурожай картофеля вызывалъ голодный тифъ и другія губительныя эпидеміи. Послѣ троекратнаго недорода картофеля надъ верхней Силезіей разразилась ужасающая катастрофа: въ уѣздахъ Плесъ, Рыбникъ и Ратиборъ нужно было призрѣвать 4.000 безпомощныхъ сиротъ; въ уѣздѣ Плесъ умерло въ одномъ 1847 г. 6.800 человѣкъ, почти втрое больше обыкновенной годовой цифры, и среди нихъ,—сухо прибавляетъ къ этой статистической замѣткѣ одинъ прусскій историкъ,—около 900 человѣкъ погибли отъ голода.

Въ городахъ, гдѣ начала сосредоточиваться крупная промышленность, за нею слѣдовала по пятамъ массовая нужда съ сопровождающими ее ужасными явленіями. За первыя 9 лѣтъ царствованія Фридриха-Вильгельма IV число паровыхъ машинъ въ берлинскихъ фабрикахъ увеличилось съ 29-ти (392 лошад. силы) до 193 (1,265 лошадиныхъ силъ); за тотъ же періодъ число проститутокъ возросло на 10 тысячъ, преступниковъ—на 12 тысячъ, непрописанныхъ въ полиціи бродягъ—на 12 тысячъ, обитателей каторжныхъ тюремъ и работныхъ домовъ — на 3 тысячи. Зато число зажиточныхъ бюргеровъ опредѣлялось только въ 20 тыс. Ремесло было сдавлено съ двухъ сторонъ—машинами въ промышленности и магазинами въ торговлѣ. Изъ 4 тысячъ самостоятельныхъ портныхъ въ Берлинѣ двѣ трети не имѣли достаточнаго занятія; зато было 206 торговцевъ платьемъ, которые за гроши эксплуатировали незанятыхъ мастеровъ. Таково же было положеніе трехъ тысячъ самостоятельныхъ сапожниковъ и двухъ тысячъ самостоятельныхъ столяровъ. Вмѣстѣ съ ремесломъ было расшатано бюр-

герское домашнее хозяйство, покоившееся на ремесленномъ способѣ производства. Дешевыя массовыя издѣлія машинъ отнимали у хозяйки бóльшую часть ея экономической дѣятельности; реакціонное законодательство тщетно пыталось противодѣйствовать ослабленію бюргерскаго брака, затруднивъ разводъ.

Рабочіе крупной промышленности страдали отъ самыхъ вопіющихъ золъ. Правила внутренняго распорядка на фабрикахъ не только деспотически давили ихъ личность, но и стремились путемъ разныхъ хитрыхъ ловушекъ урвать послѣдній грошъ изъ ихъ скуднаго заработка. Система расплаты товарами процвѣтала въ очень многихъ фабричныхъ округахъ; въ ея старомъ гнѣздѣ Золингенѣ было выяснено во время одного судебнаго процесса, что рабочимъ часто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не выдавали деньгами ни пфеннига заработной платы; что они получали вмѣсто денегъ товары, которые частью превосходили въ 10 разъ ихъ потребность, частью были совершенно ненужны имъ, частью зачитывались по крайне преувеличеннымъ цѣнамъ. Женскій и дѣтскій трудъ примѣнялись во все большихъ размѣрахъ. Пролетарскій бракъ испыталъ переворотъ въ противоположномъ направленіи, чѣмъ буржуазный: въ то время какъ жена тамъ становилась предметомъ роскошной обстановки, она здѣсь превращалась въ главу семьи. Въ Эльберфельдѣ уже раздавалась жалоба, что жены вынуждены итти на фабрики, а мужчины оставаться дома и вязать чулки, а то и кормить грудныхъ дѣтей. Изъ дѣтей школьнаго возраста посѣщали школу въ Эльберфельдѣ только 79%, въ Берлинѣ лишь немногимъ больше 50%, а въ Ахенѣ даже только 37%.

Промышленный пролетаріатъ и падающее ремесло страдали отъ растущей жилищной нужды; эта нужда выступала не такъ сильно тамъ, гдѣ крупная промышленность создала себѣ новые центры, какъ тамъ, гдѣ она сосредоточилась въ старыхъ городахъ. Примѣрами могутъ служить Берлинъ, Кельнъ, Бреславль. Широкой и незавидной славой пользовались „семейные дома“ у Гамбургскихъ воротъ въ Берлинѣ: здѣсь въ 400 комнатахъ—и какихъ комнатахъ!—помѣщались 2.500 человѣкъ; часто въ одной дырѣ жили двѣ семьи, и границею служила тогда проведенная мѣломъ черта или веревка. Изъ Кельна, гдѣ было 30 тыс. человѣкъ, получающихъ милостыню, рабочіе отправили королю петицію, въ которой они яркими красками описывали, какъ недоступныя квартирныя цѣны вытѣсняютъ ихъ изъ достойныхъ человѣка квартиръ въ помѣщенія

недостойныя человѣка, и теперь имъ начинаетъ даже грозить опасность остаться совершенно безъ крова. Врачи для бѣдныхъ изображали помѣщенія бреславльскихъ рабочихъ скорѣе, какъ свиные хлѣвы, чѣмъ жилища. Все тамъ настолько ветхо, что при каждомъ твердомъ шагѣ зданіе дрожитъ сверху донизу. Расположенныя во дворѣ, рабочія жилища загрязняются отъ отхожихъ мѣстъ и конюшенъ испареніями, которыя часто въ видѣ цѣлыхъ ручьевъ стекаютъ со стѣнъ и вызываютъ вредную плѣсень. Суставный ревматизмъ, золотуха, блѣдная немочь должны разрушать здоровье обитателей такихъ домовъ.

Но бѣдственное положеніе пролетаріата въ крупной промышленности могло еще казаться почти сноснымъ въ сравненіи съ нищетою кустарныхъ рабочихъ, особенно въ текстильной промышленности. Они образовали главные кадры для капиталистическаго производства и первые дали основаніе для той печальной міровой славы германской промышленности, что она держится на всемірномъ рынкѣ благодаря голодной платѣ своихъ рабочихъ. Теперь, однако, блескъ этой славы поблѣднѣлъ предъ сокрушающими ударами англійской конкурренціи. Механическое пряденіе льна такъ энергично развилось въ Англіи, что она могла посылать значительныя количества хорошей машинной пряжи и въ область германскаго таможеннаго союза; въ теченіе одинаковаго промежутка времени англійскій машинный прядильщикъ производилъ въ 500 разъ больше нѣмецкаго ручного прядильщика. Въ своихъ показаніяхъ предъ берлинскимъ министерствомъ торговли относительно положенія вестфальскихъ прядильщиковъ билефельдскіе промышленники заявили: „Такъ итти дальше дѣло не можетъ. Около двухъ третей прядильщиковъ, число которыхъ опредѣляютъ въ сто тысячъ, работали въ послѣдніе годы совсѣмъ задаромъ... Хорошій прядильщикъ тонкихъ сортовъ зарабатываетъ теперь въ день только 2 зильбергрошена, а прядильщикъ для пряжи второго сорта — всего 7 пфенниговъ". Дѣйствительно, въ такомъ положеніи дѣло никакъ не могло остаться. Узелъ былъ распутанъ тѣмъ, что многія тысячи прядильщиковъ погибли отъ голоднаго тифа.

Тѣ же билефельдскіе промышленники заявили въ берлинскомъ министерствѣ торговли: „Положеніе ткачей нѣсколько лучше, чѣмъ положеніе прядильщиковъ, но все же очень плохое". Одна буржуазная газета „*Die Barmer Zeitung*", опубликовала статью о ткачахъ-кустаряхъ въ долинѣ р Вупперъ, вышедшую изъ-подъ пера

свѣдущаго человѣка, гдѣ говорилось: „Ткачъ вынужденъ вставать утромъ съ пѣтухами и работать до полуночи и позже. Его силы быстро изнашиваются, его чувства притупляются раньше времени. Его грудь не можетъ выдержать непрерывнаго согнутаго положенія, легкія заболѣваютъ, появляется кровохарканіе. Другіе органы его тѣла тоже становятся слабыми и отказываются служить. Такимъ образомъ, онъ становится преждевременно кладбищенскимъ цвѣткомъ". Никто изъ вуппертальскихъ фабрикантовъ, на глазахъ которыхъ это описаніе было напечатано, не отважился возразить противъ него.

Въ этомъ аду силезскіе прядильщики и ткачи занимали опять-таки самое выдающееся мѣсто по своимъ мученіямъ. Они вязли еще обѣими ногами въ феодальномъ болотѣ, тогда какъ туловище ихъ было захвачено сильнѣйшимъ вихремъ борьбы, обусловливаемой капиталистическою конкурренціею. Вдобавокъ торговая политика правительства закрыла предъ силезскимъ полотномъ послѣдніе уголки, куда оно могло спастить отъ побѣднаго шествія англійскихъ тканей. Изъ возвышеннаго отвращенія къ революціи правительство не заключало торговыхъ договоровъ съ Испаніей и Португаліей, съ средне и южно-американскими республиками; трудолюбивые сыны отечества могли умирать какъ мухи, лишь бы были удовлетворены легитимистскіе предразсудки праздиаго отца отечества. Что касается герметическаго загражденія польско-русскаго рынка, то оно было для прусскаго сатрапа несомнѣнно еще мягкимъ ударомъ бича отъ русскаго сюзерена. Большія, основанныя на примѣненіи машинъ прядильныя и ткацкія фабрики, которыя компанія „Seehandlung" построила въ силезскихъ горахъ, имѣли первымъ своимъ послѣдствіемъ то, что масса рабочихъ рукъ лишилась занятія. Трудъ неудержимо хирѣлъ, тогда какъ могущество капитала, все быстрѣе концентрировавшагося благодаря промышленной свободѣ, какъ исполинъ выростало надъ нимъ. Маленькіе купцы исчезали, а ихъ мѣсто занимали крупные капиталисты, по прежнему старавшіеся удержаться на міровомъ рынкѣ при помощи безсовѣстныхъ пріемовъ и эксплуатировавшіе пролетаріатъ со все возрастающей жестокостью. Тамъ, гдѣ полотно не годилось для этой цѣли, они прибѣгали къ хлопку, и кустарные рабочіе попадали изъ огня въ полымя.

Годовой доходъ силезскаго ткача полотна, жившаго въ собственномъ домѣ и владѣвшаго двумя - тремя моргенами земли, составлялъ при изнурительной работѣ мужа, жены и дѣтей ма-

ксимумъ 60 талеровъ. Изъ этой суммы почти треть уходила на феодальныя и казенныя подати, на земельный и ткацкій чиншъ, охотничій и прядильный сборъ, общинные налоги и школьный сборъ, поземельный и промысловый налогъ. На дневной заработокъ въ какихъ-нибудь 4 зильбергрошена нужно было покрывать расходы на хлѣбъ, картофель, соль, дрова, освѣщеніе, крахмалъ, мыло, одежду, ремонтъ дома и т. д. Но это были Крезы среди силезскихъ ткачей. Въ воззваніи, опубликованномъ однимъ пасторомъ, однимъ полицейскимъ надзирателемъ и однимъ секретаремъ суда, о положеніи ткачей въ хлопчатобумажномъ производствѣ говорилось слѣдующее: „Какимъ легкимъ ни кажется иногда физическое напряженіе при работѣ ткача, однако при здоровьѣ, силѣ и самомъ выдержанномъ трудолюбіи, не останавливающемся предъ работою по вечерамъ, вплоть до полуночи, ткань въ 140 локтей невозможно изготовить быстрѣе, чѣмъ въ 6 рабочихъ дней, за что фабрикантъ отпускаетъ милостыню въ 14 зильбергрошеновъ. Жизнь любого арестанта, любого военнаго въ разрядѣ штрафованныхъ, представляется по своей беззаботности, порядку и человѣчности несравненно болѣе завидной, чѣмъ жизнь такого ткача. Во всѣ дома съ непреодолимой силой врывается нужда". Ткачи, не имѣвшіе собственной избы, прозябали, по словамъ одного современнаго писателя, „въ помѣщеніяхъ, по сравненію съ которыми конюшня какого-нибудь помѣщика могла называться роскошной залой". Правда, они не должны были платить поземельнаго налога и поземельнаго чинша, зато имъ приходилось, въ качествѣ такъ наз. Inlieger, вносить помѣщику ежегодно одинъ или два талера, чтобы гарантировать ему расходы по ихъ содержанію въ каторжной тюрьмѣ на тотъ случай, если бы духовная и физическая одичалость привела ихъ къ преступленію. Лишь весьма немногіе изъ силезскихъ помѣщиковъ отказывались великодушно отъ того, чтобы не отжилить у самой послѣдней бѣдноты этихъ кровавымъ потомъ добытыхъ денегъ.

Правда, дикій крикъ отчаянія и голода разнесся, наконецъ, изъ силезскихъ горъ по всей Германіи. Потекли пожертвованія, но это была капля воды на раскаленную песчаную пустыню, и въ довершеніе всего они довольно часто растрачивались безъ толку вслѣдствіе неспособности бюрократіи. Такъ напр., когда для всѣхъ бѣдныхъ села Зальцбрунъ, тянувшагося на милю въ длину, были доставлены изъ полицейскаго управленія 38 мѣръ картофеля, то онъ оказался совершенно промерзлымъ и негоднымъ къ употребленію даже для скота.

---

3. Голодные бунты. Силезскіе ткачи.

У новаго массоваго пролетаріата не было никакого оружія для самозащиты. Капиталу разрѣшалось, смотря по своей выгодѣ или даже капризу, толпами выбрасывать на мостовую рабочія руки, но труду не было дозволено отвѣчать ударомъ на ударъ. Вездѣ, гдѣ рабочіе пробовали бастовать, чтобы повысить свой уровень жизни, — какъ это сдѣлали, напр., разъ ситцепечатники въ Берлинѣ или желѣзнодорожные рабочіе въ Бранденбургѣ,—на нихъ тотчасъ обрушивалась полицейская палка. Полнѣйшее безправіе пролетаріата было однимъ изъ юридическихъ титуловъ христіанскаго государства, надъ осуществленіемъ котораго нѣмецкіе отцы отечества и, въ особенности, король прусскій работали съ беззавѣтнымъ усердіемъ.

Вмѣсто хлѣба голодающія массы кормили добрыми совѣтами. Чахоточнымъ и рахитичнымъ ткачамъ рекомендовали переходить на желѣзнодорожныя, шоссейныя и прочія работы, требовавшія геркулесовскаго тѣлосложенія. Качали головой по поводу болѣзненнаго тупоумія, съ которымъ обираемые съ дѣтства кустари цѣпляются за унаслѣдованные отъ отцовъ, давно устарѣвшіе пріемы производства. не понимая благодѣтельности машины, — машины, начавшей съ того, что вырвала у нихъ изъ рукъ послѣдній кусокъ хлѣба. Привязаннымъ къ землѣ сельскимъ пролетаріямъ совѣтовали эмигрировать и при этомъ считали себя необыкновенно умными, хотя совѣтъ былъ столь же глупъ, сколько излишенъ, ибо кто среди угнетенныхъ классовъ былъ сколько-нибудь въ состояніи отряхнуть прахъ отечества съ ногъ своихъ, тотъ болѣе чѣмъ охотно сдѣлалъ это уже по собственной иниціативѣ. Въ 40-хъ гг. число нѣмецкихъ эмигрантовъ дошло до 434.626 человѣкъ.

Въ самомъ молодомъ пролетаріатѣ не могло еще пробудиться ясное классовое сознаніе. Онъ представлялъ собою весьма неоднородную массу и, оглушенный паденіемъ въ бездну, вообще еще не былъ въ состояніи разобрать, что его нужда искусственно произведена въ интересахъ правящихъ классовъ и можетъ быть устранена только въ борьбѣ съ этими интересами. Свою мрачную долю, казавшуюся ему неотвратимой, онъ старался забыть въ хмѣлю. Одно преимущество новый порядокъ вещей имѣлъ, впрочемъ, и для бѣдняка: картофельную водку онъ поставлялъ

баснословно дешево. Язва водочнаго алкоголизма свирѣпствовала въ рядахъ пролетаріата, начиная съ верхней Силезіи, гдѣ она была особенно сильна, и кончая рейнскими промышленными округами, гдѣ она превращала безобидно-веселыхъ любителей вина въ буйныхъ забіякъ. Какой, однако, результатъ Божьяго промысла, что это послѣднее средство обратить человѣка въ животное стало также первымъ средствомъ для укрѣпленія феодальныхъ опоръ престола и алтаря!

И все же послѣдняя ступень упадка стала первой ступенью подъема. Современный пролетарій не даетъ себя насильственно лишить человѣческихъ правъ, и тамъ, гдѣ этотъ ужасный процессъ грозитъ завершиться навсегда, даже самый слабый находитъ еще жало противъ своего мучителя. Около середины 40-хъ гг. и все больше усиливаясь вмѣстѣ съ голодными годами, стали показываться предвѣстники революціи въ формѣ безпорядковъ, сопровождавшихся насиліями. Это были голодные бунты, вспыхивавшіе безъ плана и цѣли, акты дикаго отчаянія, которые ни къ чему не могли привести и фактически ни къ чему не привели, кромѣ какъ къ гибели ихъ зачинщиковъ и участниковъ. Ибо христіанское государство могло противопоставить крику о хлѣбѣ дважды-три убѣдительныхъ довода: во-первыхъ, пѣхоту, кавалерію и артиллерію, во-вторыхъ — принудительныя земляныя работы, каторжную тюрьму и плети. Но эти безпорядки распространились по всей Германіи, отъ Бреславля до Майнца, отъ Регенсбурга до Штеттина и даже отдаленной задней Помераніи; ихъ повсемѣстное возникновеніе было знаменательнымъ признакомъ того, что пролетарскія массы начинаютъ сознавать свое право на достойное человѣка существованіе.

Самое большое изъ этихъ голодныхъ возстаній разыгралось въ іюнѣ 1844 г. въ силезскихъ ткацкихъ деревняхъ Петерсвальдау и Лангенбилау, у подножія Эйленгебирге. Въ Петерсвальдау особенно навлекли на себя общую ненависть братья Цванцигеръ. За 160 локтей плиса, требовавшихъ 8 полныхъ дней напряженнаго труда, они платили $12^1/_2$ и 12 зильбергрошеновъ. Недовольные еще этимъ кровопійствомъ, они объявили, что готовы принять на работу новыхъ 300 ткачей, если тѣ согласятся вырабатывать столько же локтей за 10 зильбергрошеновъ. Нашлись рабочія руки, готовыя и на эти условія. На жалобу несчастныхъ, что они теперь не въ состояніи будутъ даже существовать, не въ состояніи даже покупать больше картофель, Цванцигеръ, какъ говорятъ, отвѣ-

тилъ, что ткачи могутъ, если у нихъ нѣтъ ничего другого, жрать траву, она-де отлично уродилась въ этомъ году. Притомъ эти безжалостные эксплуататоры еще выставляли свое богатство на-показъ; они насмѣхались надъ своими жертвами, дерзко хвастая тѣмъ самымъ золотомъ, которое выжали изъ крови и пота кустарей.

Изъ души этихъ измученныхъ людей вырвалась пѣсня, простые и безпритязательные стихи которой захватывающимъ образомъ показываютъ, какъ среди безконечныхъ страданій въ нихъ пробудилось дикое чувство возмущенія. Масса сама создала пѣсню, она приставляла слово къ слову, предложеніе къ предложенію, пока текстъ не оборвался затѣмъ сразу, — совершенно такъ, какъ возстаніе ткачей было сразу подавлено ружейными залпами солдатъ. Эта пѣсня звучала, раздирая душу, въ двадцати съ чѣмъ-то строфахъ стихотворенія:

Hier im Ort ist das Gericht,
Viel schlimmer als die Femen,
Wo man nicht mehr ein Urteil spric
Das Leben schnell zu nehmen.

Hier wird der Mensch langsam gequält,
Hier ist die Folterkammer,
Hier werden Seufzer viel gezählt
Als Zeugen von dem Jammer.

Die Herren Zwanziger die Henker sind,
Die Diener ihre Schergen,
Davon ein jeder tapfer schind't,
Anstatt was zu verbergen.

Ihr Schurken all, ihr Satansbrut!
Ihr höllischen Kujone!
Ihr fresst der Armen Hab' und Gut,
Und Fluch wird euch zum Lohne!

Hier hilft kein Bitten, hilft kei
Umsonst sind alle Klagen;
Gefällts euch nicht, so könnt ihr gehn,
Am Hungertuche nagen!

Nun denke man sich diese Not
Und Elend dieser Armen,
Zu Hause keinen Bissen Brot,
Ist das nicht zum Erbarmen?

Erbarmen? Ha, ein schön Gefühl,
Euch Kannibalen! tremde;
Ein jeder kennt schon euer Ziel:
Es ist der Armen Haut und Hemde!

И судъ у насъ, и судъ у насъ!
Не нужно приговора;
Возьмутъ, да и казнятъ сейчасъ,
Казнятъ сейчасъ, какъ вора.

Здѣсь вѣкъ живешь, забывъ про свѣтъ.
Застѣнокъ здѣсь для пытокъ,
Здѣсь тяжкимъ вздохамъ счета нѣтъ,
Здѣсь горькихъ бѣдъ избытокъ.

Здѣсь Цванцигеры — палачи,
Ихъ слуги — имъ подмога,
Тѣснятъ — терпи, дерутъ — молчи,
Умри, одна дорога!

Вы плуты, всѣхъ васъ нужно въ ровъ...
Всѣ плуты безъ изъятья,
Вы жрете пищу бѣдняковъ,
Но къ вамъ придетъ проклятье.

Здѣсь и слезами не помочь, —
Пройдешь ли духовъ мрака.
Не нравится? Ага! Такъ прочь!
Издохни, какъ собака.

Вотъ, значитъ, доля бѣдняка:
Онъ бьется, бьется, бьется,
А въ домѣ хлѣба ни куска, —
И сердце не сожмется?..

Да развѣ сердце есть у васъ?
Вы звѣри, людоѣды,
Вамъ только бъ грабить каждый часъ,
Вамъ радость наши бѣды! *)

Ткачи изъ Петерсвальдау, села въ 5 тыс. жителей, нѣсколько разъ пропѣли эту пѣсню передъ домомъ Цванцигеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ, взятъ въ домъ, избитъ и отданъ въ руки мѣстной полиціи. Тогда, въ полдень 4 іюня, потокъ выступилъ изъ береговъ. Толпа ткачей отправилась изъ Петерсвальдау на лежащій вблизи Капелленбергъ, построилась въ ряды и двинулась на великолѣпный домъ своихъ мучителей. Они потребовали болѣе высокой заработной платы и подарка. Требованіе было съ насмѣшками и издѣвательствами отвергнуто. Тогда масса взяла приступомъ домъ, взломала всѣ кладовыя, подвалы, чердаки и погреба, разбила въ дребезги дорогую мебель, зеркала, фарфоръ, разорвала книги, векселя и бумаги, выбросила всѣ запасы и товары изъ пакгауза, сушильни и каретныхъ сараевъ за окно, гдѣ ихъ рвали въ куски, топтали ногами или раздавали стоящимъ кругомъ. Цванцигеръ въ смертельномъ страхѣ бѣжалъ со своей семьей изъ одного города въ другой, причемъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пріютить непріятнаго гостя, пока онъ не нашелъ, наконецъ, убѣжища въ Бреславлѣ.

Въ своемъ безграничномъ гнѣвѣ ткачи сохранили свое безграничное добродушіе. Фабриканта Вагенкнехта, который жилъ рядомъ съ Цванцигеромъ, но не былъ такимъ живодеромъ, какъ этотъ послѣдній, они не только пощадили, но даже прокричали въ его честь „Hoch!" за маленькій денежный подарокъ, который онъ сдѣлалъ имъ. Даже фабрикантъ Фельманъ, который „дерзко, безъ всякихъ стѣсненій" понижалъ плату, какъ поется въ пѣснѣ ткачей, успокоилъ ихъ тѣмъ, что заплатилъ каждому по 5 зильбергрошеновъ и приказалъ раздать имъ хлѣбъ, масло, сало. Напротивъ, у Цванцигера все, что еще осталось цѣлымъ, было окон-

*) Переводъ Л. Гуревичъ. См. драму „Ткачи" Гауптмана, гдѣ фамилія Цванцигеръ замѣнена фамиліей Дрейсигеръ. Собраніе соч. Г. Гауптмана, т. II, М. 1902. *Прим. пер.*

чательно разгромлено вечеромъ 4-го и утромъ 5-го іюня. Но масса ткачей отклонила сдѣланное нѣкоторыми предложеніе поджечь постройки Цванцигеровъ, съ той характерной мотивировкой, что тогда пострадавшіе получатъ страховую премію, а вѣдь въ данномъ случаѣ требуется, чтобы и они стали когда-нибудь бѣдняками и знали, какъ больно отъ голода.

5-го іюня масса ткачей, возросшая до 3 тысячъ человѣкъ, перекатилась въ Лангенбилау, село съ 3.000 жителей. Здѣсь навлекли на себя особую ненависть братья Диригъ, владѣвшіе двумя большими предпріятіями. Свой верхній домъ, подвергшійся первымъ нападенію, они защищали при помощи своихъ приказчиковъ и фабричной прислуги, которымъ удалось въ жестокой свалкѣ отбить атаку ткачей. Послѣдніе двинулись противъ второго дома братьевъ Диригъ, гдѣ къ нимъ присоединились ткачи, эксплуатируемые фирмой. Тогда Диригъ обѣщалъ каждому ткачу, который будетъ отстаивать его имущество, подарокъ въ 5 грошеновъ и приказалъ наклеить на своемъ домѣ объявленіе съ этимъ обѣщаніемъ. Тотчасъ же ткачи образовали двѣ шеренги, готовые опять успокоиться на этой ничтожной подачкѣ. Но въ это время прибыло вызванное изъ Швейдница войско. Ткачи стали заговаривать съ солдатами, и командовавшій ими маіоръ фонъ-Розенбергеръ, который съ полнымъ основаніемъ могъ увидѣть въ этомъ опасность, двинулся назадъ, чтобы освободить себѣ побольше мѣста и занять выгодную позицію позади дома и съ боковъ его. Съ прибытіемъ войска уплата обѣщаннаго подарка нѣсколько задержалась; ткачи стали терять терпѣніе и начали все больше наступать на солдатъ. Тогда маіоръ приказалъ дать троекратный залпъ по безоружной толпѣ.

Дѣйствіе было ужасно. На мѣстѣ легло 11 убитыхъ и 24 смертельно раненыхъ. Мозгъ и кровь были разбрызганы на большомъ пространствѣ. Видъ крови, стоны и хрипъ умирающихъ крики раненыхъ побудили ужаснувшихся ткачей къ отчаянному сопротивленію. Съ топорами, дубинами и камнями они бросились на солдатъ и прогнали ихъ изъ деревни. Затѣмъ они разрушили домъ бр. Диригъ.

Торжество было кратковременное. Утромъ 6-го іюня въ Лангенбилау вступилъ маіоръ фонъ-Шлихтингъ съ тремя ротами пѣхоты и батареей изъ 4 орудій, при которыхъ шли артиллеристы съ зажженными фитилями; позже прибыла еще кавалерія. Всякое сопротивленіе было безнадежно. Часть взбунтовавшихся ткачей

ушла въ Фридрихсгрундъ при Лейтмансдорфѣ и уничтожила товары, найденные у тамошняго раздатчика Цванцигеровъ, но воздержалась отъ всякихъ другихъ насилій. Вообще въ теченіе трехдневныхъ безпорядковъ эксплуататоры-купцы не подверглись нигдѣ личнымъ насиліямъ или избіенію и нигдѣ имъ не пустили по крышѣ краснаго пѣтуха; пекарни, противъ которыхъ среди ткачей господствовало крайне озлобленное настроеніе, также были всѣ пощажены.

Противъ несчастныхъ ткачей, бѣжавшихъ частью въ горы и лѣса, началась свирѣпая травля. 83 изъ нихъ числа были преданы суду и приговорены къ тяжкимъ карамъ, доходившимъ до 10-лѣтнихъ каторжныхъ работъ и 24 ударовъ плетьми. Что же касается бѣдственнаго положенія ткачей, то оно не было устранено, а его только ухудшили. Значеніе палліативныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, было ничтожно, зато тяжки были послѣдствія королевскаго приказа, зажавшаго ротъ силезскимъ газетамъ относительно положенія дѣлъ въ ткацкихъ округахъ, и неразумія прусской дипломатіи, которая два года спустя закрыла послѣдній рынокъ сбыта для силезской текстильной промышленности, принявъ участіе въ насиліи Священнаго союза противъ Краковской республики и допустивъ включеніе послѣдней въ австрійскую таможенную линію.

Даже пронырливому глазу прусской полиціи не удалось открыть въ голодномъ бунтѣ силезскихъ ткачей какія-либо коммунистическія тенденціи. Она поспѣшила восполнить этотъ пробѣлъ шумнымъ открытіемъ коммунистическаго заговора въ Гиршбергской долинѣ. Весною 1845 г. тамъ появился подъ именемъ пейзажиста Эммануэля Шмидта докладчикъ берлинскаго каммергерихта Штиберъ и открылъ, что столяръ Вурмъ въ Вармбруннѣ стоитъ во главѣ тайнаго союза изъ 6 или 8 рабочихъ, ставящаго себѣ задачей истребленіе богатыхъ. Современники тотчасъ же возымѣли подозрѣніе, что этотъ заговоръ „сфабрикованъ", и дѣйствительно — страшный уставъ страшнаго тайнаго союза имѣетъ такой видъ, точно при его составленіи рукою какой-то путаной головы водилъ полицейскій провокаторъ. Противъ искусственной фабрикаціи заговора нельзя приводить, конечно, въ качествѣ доказательства тотъ фактъ, что Вурмъ, приговоренный каммергерихтомъ къ смертной казни за государственную измѣну, былъ „помилованъ", съ замѣною казни безсрочной каторгой, а его товарищи приговорены къ лишенію свободы на многіе годы,—наказанія, ко-

торыя дѣйствительно отбывались осужденными, пока ихъ не освободила амнистія 1848 г. Тѣмъ не менѣе врядъ ли возможно установить въ настоящее время съ полною ясностью, что̀ такое въ сущности были этотъ „государственный измѣнникъ" Вурмъ и его соучастники, да оно и не представляетъ большого интереса. Истинная цѣль, которую преслѣдовалъ спасатель государства Штиберъ и пославшіе его господа, ясна: это было желаніе погубить двухъ честныхъ людей, фабриканта Шлёффеля въ Эйхбергѣ и школьнаго учителя Вандера въ Гиршбергѣ. Оба они своими заботами о политическомъ просвѣщеніи массъ навлекли на себя ненависть бюрократіи, а Шлёффель, въ отдѣльности, еще ненависть помѣщиковъ, такъ какъ онъ совѣтомъ и дѣломъ помогалъ сельскому пролетаріату обороняться противъ произвольнаго увеличенія феодальныхъ повинностей.

Совершенно игнорируя даже ту скромную защиту, какую давало личности подданнаго до-мартовское законодательство, Штиберъ арестовалъ Шлёффеля и Вандера подъ предлогомъ соучастія въ заговорѣ Вурма и захватилъ ихъ бумаги до послѣдняго клочка. Онъ не нашелъ въ нихъ, однако, ни одной ниточки, изъ которой его творческая фантазія могла бы свить петлю для арестованныхъ. Обоихъ пришлось выпустить послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія, и единственной жертвой неудавшагося спасенія государства оказался Меркель, губернаторъ Силезіи. Старый Меркель былъ въ прочихъ отношеніяхъ испытанный бюрократъ и непосредственно предъ тѣмъ доказалъ это, оставшись слѣпъ и глухъ къ нуждѣ ткачей и ихъ крику о помощи. Но вслѣдствіе чиновничьей ли ревности, или потому, что имъ руководило болѣе благородное чувство, во всякомъ случаѣ хозяйничанье паши Штибера внушало ему отвращеніе, и онъ обращался съ арестованнымъ Шлёффелемъ не такъ сурово, какъ того требовалъ названный сыщикъ. Король объявилъ за это Меркелю свою немилость, и онъ принужденъ былъ выйти въ отставку.

Уже при первомъ своемъ выступленіи на историческую сцену Штиберъ вправѣ былъ сказать то, что̀ ему предстояло еще такъ часто доказывать своими подвигами: „Прусское государство, это—я".

Глава XII.

Нѣмецкій соціализмъ.

Чтобы проложить западно-европейскому соціализму путь въ Германію, не было, однако, надобности въ ростѣ массоваго пролетаріата. Уже литературное развитіе нѣмецкаго бюргерства естественно приводило къ тому, что такія крупныя литературныя явленія, какъ Сенъ-Симонъ и Фурье, привлекали къ себѣ тотчасъ живое вниманіе и по сю сторону Рейна. Но при такихъ условіяхъ неизбѣжно было, что въ оцѣнкѣ французскаго утопизма преобладала литературная точка зрѣнія, экономическую же сущность, заключенную въ его фантастической оболочкѣ, въ Германіи не сумѣли даже разглядѣть, а понять и того менѣе.

На первыхъ порахъ и больше всего нашли себѣ откликъ среди нѣмецкихъ образованныхъ круговъ уродливыя стороны сенъ-симонизма. Въ началѣ 30-хъ гг. нѣкоторые теологи отдѣлывались отъ сенъ-симонизма, какъ отъ новой церковной секты. Въ то же время „Молодая Германія" и эстетическіе круги Берлина толковали эмансипацію плоти въ грубо-чувственномъ смыслѣ, и даже такая выдающаяся въ своемъ родѣ женщина, какъ Рахиль Варнгагенъ, не пошла въ этомъ вопросѣ дальше остроумныхъ замѣчаній, а то и просто умничанья. Распространяться подробно объ этихъ литературныхъ заигрываніяхъ съ соціализмомъ теперь не стоитъ труда.

Нѣкоторыя значительныя нотки еще слышатся въ письмѣ князя Пюклера къ Рахили отъ 5-го февраля 1832 г.: „Это—по истинѣ новое ученіе и ясное познаніе начинающейся новой эры, хотя бы ему предстояло развиться только медленно, въ теченіе столѣтій", пишетъ князь, но тотчасъ же прибавляетъ: „Впрочемъ, для насъ оно отстоитъ еще дальше и остается только, какъ далекій метеоръ, предметомъ созерцанія, если мы не хотимъ отправиться въ Шпандау".

Не одинъ, впрочемъ, страхъ предъ крѣпостью въ Шпандау парализовалъ руку и голову этихъ курьезныхъ соціалистовъ. Послѣ бесѣды съ Пюклеромъ о сенъ-симонизмѣ Рахиль писала ему: „Какимъ подкрѣпленіемъ—да, крупнымъ майскимъ дождемъ на пересохшую и жаждущую влаги почву—были для меня вчера ваши благородныя, чистыя, невинныя, мягкія, тихія и твердыя слова! Какое утѣшеніе, какой залогъ!" Однако, старый грѣховодникъ, любившій такого рода духовное волокитство за своими подругами, тотчасъ послѣ этого сдѣлалъ въ письмѣ къ мужу Рахили, скучному пронырѣ Варнгагену, вполнѣ естественную оговорку, что соціалистъ не долженъ мѣшать ни ему, ни его друзьямъ и хорошему обществу въ ихъ прежнихъ милыхъ отношеніяхъ. Соціалистическое кокетничанье 30-хъ гг. было въ лучшемъ случаѣ моднымъ времяпрепровожденіемъ для сытыхъ людей, эстетическій комфортъ которыхъ нарушался видомъ голодныхъ, больныхъ и грязныхъ лицъ, и которые загорались минутнымъ огнемъ отъ евангелія, обѣщавшаго всѣмъ людямъ образованіе и благосостояніе.

Среди тогдашнихъ нѣмецкихъ соціалистовъ, насколько вообще можетъ быть рѣчь о таковыхъ, былъ все-таки одинъ, который достоинъ былъ стоять до извѣстной степени рядомъ съ великими утопистами западно-европейскаго соціализма по своему глубокому сочувствію къ страданіямъ рабочихъ классовъ, по критическому пониманію условій капиталистическаго процесса производства, по своему безкорыстному самопожертвованію. Назывался онъ Людвигъ Галль и былъ мелкимъ чиновникомъ въ рейнской области, сначала на французской, а затѣмъ на прусской службѣ. Въ рядѣ смѣнявшихся утопій онъ стремился устранить бѣдственное положеніе пролетаріата. Сначала Галль хотѣлъ организовать эмиграцію и затратилъ свое наслѣдственное состояніе на этотъ планъ, потерпѣвшій крушеніе при обстоятельствахъ, которыя явились печальнымъ урокомъ для его инищіатора. Затѣмъ онъ предлагалъ, какъ гласитъ заглавіе его важнѣйшаго сочиненія, „Обезпеченіе бумажныхъ денегъ хлѣбными запасами; быстрое, быть можетъ—единственное средство поднять и твердо упрочить упавшее благосостояніе Германіи и сразу предотвратить всякую нужду, обусловленную недостаткомъ и избыткомъ". Книга имѣла своимъ результатомъ лишь грубый циркуляръ министра Шукмана, въ которомъ Галлю ставилось на видъ, что онъ, повидимому, недостаточно занятъ и впредь у него не будетъ недостатка въ служебныхъ работахъ Наконецъ, по выходѣ въ отставку Галль былъ занятъ планомъ

поселиться въ деревнѣ и выгодами артельныхъ учрежденій, вродѣ общественныхъ молотилокъ, пекаренъ, прачешныхъ и т. п., возбудить въ самихъ жителяхъ идею и желаніе обобществленія всѣхъ хозяйственныхъ благъ. Галль былъ искуснымъ изобрѣтателемъ и доходомъ отъ своихъ изобрѣтеній хотѣлъ добыть средства для осуществленія этой утопіи, до котораго дѣло, однако, не дошло. Точно такъ же попытка литературной пропаганды утопій Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, предпринятая Галлемъ въ собственномъ журналѣ, который онъ назвалъ „*Menschenfreundliche Blätter*", потерпѣла неудачу уже послѣ выхода въ свѣтъ первой книжки, такъ какъ у журнала не оказалось читателей. Соціалистическая дѣятельность Галля была длинной цѣпью разочарованій.

Онъ утѣшался тѣмъ, что въ концѣ-концовъ истина все-таки побѣдитъ, и эта надежда не обманула его. Имя Галля заслуживаетъ почетнаго упоминанія въ исторіи нѣмецкаго соціализма. То, что онъ далъ, дѣлаетъ всякую честь нѣмцу 20-хъ и 30-хъ гг., особенно же прусскому мелкому чиновнику. Но съ другой стороны, нужно признать тщетнымъ стараніе доказать путемъ подбора отдѣльныхъ словъ и фразъ, что Галль былъ теоретикомъ, проложившимъ новые пути въ наукѣ. Все лучшее въ его немногочисленныхъ сочиненіяхъ представляетъ собою только энергичный отзвукъ западно-европейскаго утопизма, изъ носителей котораго Галль посѣтилъ лично Фурье и Оуэна. Особенно у Фурье позаимствовано то, что Галль говоритъ о нуждѣ среди избытка, о необходимости соединенія капитала, труда и таланта, объ изсякающей производительности разрозненнаго труда и растущей производительности труда обобществленнаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда его предложенія отличаются отъ идей великихъ утопистовъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ объ организаціи эмиграціи или постоянныхъ хлѣбныхъ складахъ, они исторически обращены назадъ,—что было, впрочемъ, не столько его виной, сколько виною отсталости Германіи. Впередъ Галль не заходитъ дальше Фурье и Оуэна; въ особенности онъ никогда не обнаруживалъ какого-нибудь сочувствія къ самостоятельному движенію рабочаго класса, хотя умеръ лишь въ 1863 г.

Въ 1842 г. появилась „*Исторія французскаю соціализма и коммунизма*" Лоренца Штейна, составившая въ извѣстномъ смыслѣ пограничную черту, у которой для нѣмецкаго соціализма кончилось дѣтское или ребяческое баловство и началась серьезная жизнь. Книга открыла для нѣмецкой интеллигенціи, такъ сказать, дверь къ

подземнымъ ходамъ, подрывающимъ буржуазное общество. Въ общемъ довольно легковѣсный товаръ, съ сильнымъ оттѣнкомъ беллетристики, она чрезмѣрно подробно останавливалась на причудливыхъ внѣшностяхъ утопизма, на мечтаніяхъ Фурье о развитіи земли въ далекомъ будущемъ, на іерархическомъ расчлененіи общества Анфантена и тому подобныхъ вещахъ. Но все же она раскрывала—хотя и съ большой дозой непониманія и превратнаго истолкованія — экономическо-соціальную подпочву французскаго соціализма и коммунизма, классовую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ. Это было кислое и незрѣлое, но все же яблоко познанія. Рошеръ изображаетъ вещи въ превратномъ видѣ, когда онъ говоритъ, что книга Штейна подѣйствовала на нѣмецкую публику, какъ сказка изъ далекаго міра; гораздо болѣе мѣтко сужденіе Гвидо Вейсса, что, читая эту книгу, молодая нѣмецкая буржуазія сознала самое себя. Штейнъ преувеличилъ значеніе своей книги, когда объявилъ ее впослѣдствіи исходнымъ моментомъ соціалистическаго движенія въ Германіи. Въ формѣ легкаго заигрыванія это движеніе существовало уже раньше, а въ осязательной формѣ оно выросло не изъ той или иной книги, а изъ экономическаго факта: изъ растущаго обнищанія массъ. Чтобы понять этотъ фактъ, буржуазные круги стали съ большимъ или меньшимъ трудомъ разбираться въ немъ по сочиненію Штейна.

Прослѣдить эти идеологическія нити въ отдѣльности представляется въ настоящее время безцѣльнымъ. Въ Германіи не было еще тогда никакихъ сплоченныхъ партій, и подъ „соціальнымъ“ флагомъ плавалъ столь же и даже болѣе разнообразный грузъ, чѣмъ подъ флагомъ „либеральнымъ“. Плодотворнѣе будетъ взглянуть вглубь вещей и, насколько отчетливое раздѣленіе возможно, отдѣлить различныя формы буржуазнаго соціализма другъ отъ друга по тѣмъ экономическимъ интересамъ, которыми онѣ были сознательно или безсознательно порождены.

---

1. Христіанско-феодальный соціализмъ.

Подобно „Молодой Англіи“ и части французскихъ легитимистовъ, нѣмецкій феодализмъ уже рано сдѣлалъ попытку использовать нужду массоваго пролетаріата, какъ оружіе противъ подымав-

шейся власти капитала. Но ему удалось только грубое подражаніе этимъ болѣе остроумнымъ образцамъ. Всѣ или почти всѣ феодально-соціалистическія попытки были тѣсно соединены съ плоскимъ піетизмомъ, который заранѣе значительно ослаблялъ ихъ опасность. „Орденъ Лебедя", о которомъ прусскій король возвѣстилъ въ торжественномъ указѣ, какъ о духовномъ обществѣ для христіанскихъ подвиговъ любви по отношенію къ бѣднымъ и несчастнымъ, тотчасъ же былъ поднятъ всѣми на смѣхъ, и пришлось отказаться отъ всякой попытки призвать его къ жизни. За романтическими причудами короля не скрывалось даже чувство искренняго состраданія. Когда Беттина фонъ-Арнимъ въ посвященной королю книгѣ краснорѣчиво описала бѣдственное положеніе столичнаго пролетаріата, то Фридрихъ-Вильгельмъ остановился растерянно предъ лучомъ истинной любви къ человѣку, который нѣкогда упалъ изъ свѣтлыхъ очей Гёте на Сивиллу романтики и теперь то и дѣло прорывался изъ безпорядочнаго хаоса ея мыслей. Да и какъ могла эта туманная голова понять человѣчное слово Беттины: „Ближній короля, это—его голодающій народъ" или ея горькое обвиненіе: „Преступникъ, это—собственное преступленіе государства!"

Подобно мрачнымъ средневѣковымъ крѣпостямъ возвышались два единственныхъ христіанско-соціальныхъ творенія, удавшихся королю: въ южной части Берлина—больница Виѳанія, на сѣверѣ его—одиночная тюрьма Моабитъ. Въ этихъ учрежденіяхъ внутренняя миссія должна была врачевать тѣлесныя и духовныя немощи народа. Въ больницѣ властвовали діакониссы изъ Кайзерверта и вмѣшивались съ отличающимъ ихъ духовнымъ высокомѣріемъ въ полномочія врачей; въ Моабитѣ братья изъ „Суроваго дома" испытывали свои пріемы уврачеванія души на заключенныхъ, которыхъ должно было смирить жестокое изобрѣтеніе одиночнаго заключенія. Какъ третья Бастилія христіанскаго соціализма выросъ затѣмъ работный домъ,—работный домъ со всѣми его ужасами, гдѣ безработныхъ нищихъ заставляли щипать шерсть съ 5 ч. утра до 9 час. вечера, подъ плетью, которой смотритель вправѣ былъ хлестать по своему усмотрѣнію. Почти въ тотъ самый моментъ, когда король провозгласилъ себя гросмейстеромъ ордена Лебедя, онъ утвердилъ законъ о призрѣніи бѣдныхъ 1842 г., въ мотивахъ котораго было установлено какъ основное правило для органовъ, завѣдующихъ этимъ дѣломъ, что бѣдные не имѣютъ вообще „никакого права на пособіе, никакого притязанія, подлежащаго

предъявленію въ судебномъ порядкѣ". Призрѣніе бѣдныхъ должно было „давать имъ не болѣе того, что необходимо для удовлетворенія крайнихъ потребностей, и предупреждать только дѣйствительную гибель отъ нищеты". Въ довершеніе всего общее собраніе высшаго трибунала Пруссіи истолковало эту законодательную мудрость въ томъ смыслѣ, что нуждающемуся въ помощи рабочему не слѣдуетъ давать умирать съ голоду, въ виду „угрозы, которую составляютъ для безопасности и нравственнаго состоянія общества нужда, потребность въ пособіи и отсутствіе пищи". Такова была внутренняя сущность христіанско-феодально-соціальной мухи, которую при всѣхъ усиліяхъ романтической рекламы невозможно было раздуть въ слона.

Каковъ былъ романтическій король, таковы были его романтическіе дворяне. Они были весьма благочестивы, но ихъ христіанская любовь къ ближнему не шла дальше желанія эксплуатировать сельско-хозяйственный пролетаріатъ не на современно-капиталистическій ладъ, а на патріархально-феодальный. Вотъ, напр., они сидѣли въ главномъ своемъ гнѣздѣ—задней Помераніи: патріархъ Тадденъ въ Триглаффѣ, его зять Бланкенбургъ въ Циммергаузенѣ, сорви-голова Клейстъ-Ретцовъ въ Гроссъ-Тиховѣ и, наконецъ, въ Книпгофѣ — задорный юнкеръ Отто фонъ-Бисмаркъ. Послѣдній, будучи весь въ долгахъ и хозяйничая въ запущенныхъ имѣніяхъ безъ оборотнаго капитала и кредита, изучалъ, правда, только пріятный разсказъ о золотомъ тельцѣ въ книгѣ Исхода, 32,8, но зато другіе, наставляющіе и наставляемые, говорили такимъ же языкомъ, какъ всѣ 4 большихъ и 12 малыхъ пророковъ ветхаго завѣта. На общемъ собраніи померанскаго Экономическаго Общества въ Кёслинѣ старый Тадденъ читалъ елейный докладъ, въ которомъ разболталъ всѣ ихъ сердечныя тайны: онъ журилъ товарищей-дворянъ, которыхъ приходилось выносить пьяными изъ уѣздныхъ съѣздовъ, онъ проклиналъ еврейское барышничанье рыцарскими имѣніями, онъ издѣвался надъ „безстыдными претензіями народовъ", которые хотѣли, чтобы государи спрягали глаголъ „осчастливить" до давнопрошедшаго времени, онъ истолковалъ, какъ символъ, рыцарскую форму съ ея блестящими погонами—„украшенія нашихъ плечъ, какое другое значеніе имѣютъ они, какъ не крыльевъ, чтобы подняться къ сидящему на тронѣ орлу!" — и, наконецъ, въ качествѣ нравоученія слѣдовали „господскія и отеческія отношенія между помѣщикомъ и сидящими на его землѣ крестьянами". Противникамъ феодаль-

ныхъ эксплуататорскихъ привилегій Тадденъ говорилъ въ гнѣвномъ пророческомъ тонѣ: „Они хотятъ отнять у насъ то юрисдикцію, то полицію, то церковный и школьный патронатъ и всячески ограничить наши сословныя права, чтобы по возможности оставить насъ въ обществѣ однихъ травоядныхъ животныхъ... Такимъ образомъ, не ѣздить четверкой, а ползать на четвереенькахъ,—вотъ какую роль хотѣли бы предоставить намъ наши противники". Да, „травоядными животными, ползающими на четвереенькахъ", вотъ чѣмъ были для этихъ юнкеровъ ихъ батраки, и по прежнему они хотѣли кататься по нимъ четверкою, только не съ однимъ кнутомъ въ рукѣ, а еще съ именемъ Господа на устахъ.

Болѣе дальновидныхъ литературныхъ борцовъ у христіанскаго соціализма было только два: Ф. А. Губеръ и Германъ Вагенеръ. Послѣ вольнодумнаго воспитанія и далекихъ путешествій по чужимъ странамъ на Губера нашло просвѣтлѣніе: онъ сталъ ярымъ приверженцемъ внутренней миссіи и королевской власти Божіей милостью. Въ своемъ родѣ искренній и благожелательный человѣкъ, онъ научился въ Англіи и Франціи понимать невозможность феодально-цеховой реакціи и до извѣстной степени оцѣнивать по достоинству стремленія пролетаріата къ объединенію въ ассоціаціи. Но наряду съ этимъ правильнымъ взглядомъ на вещи въ немъ жила обманчивая надежда, ожидавшая добровольной соціальной реформы отъ господствующихъ классовъ вообще и „соціальной монархіи" въ частности. По приглашенію короля Губеръ пріѣхалъ въ Берлинъ, но не сумѣлъ создать себѣ никакого практическаго круга дѣйствій. Навязанный фрондировавшему при Эйхгорнѣ университету противъ воли послѣдняго, онъ былъ оттѣсненъ отъ своей профессуры при помощи всѣхъ злобныхъ пріемовъ академической коллегіальности, а въ прусской бюрократіи онъ наткнулся, по собственному выраженію, на „отвратительную породу живыхъ труповъ". Его журналъ „*Janus*" имѣлъ такъ мало подписчиковъ, что королю пришлось покрывать расходы по изданію изъ собственнаго кармана.

Совсѣмъ другого сорта человѣкъ былъ Германъ Вагенеръ: родомъ изъ бранденбургской деревни, угловатая, худая, костлявая фигура съ рѣзкими чертами лица, онъ представлялъ собою живое воплощеніе трезвости и въ то же время былъ своего рода Донъ-Кихотомъ, умѣвшимъ пускать въ ходъ свое заржавленное копье за невозможные идеалы и поднявшимся въ религіозной сектѣ ирвингіанцевъ до сана архидіакона. Не мечтатель и не шарлатанъ,

но неразложимая смѣсь мечтателя и шарлатана. Первые шаги Вагенера знаменательны для всей его карьеры. Свой курсъ практическаго соціализма онъ прошелъ при меліораціяхъ въ Тухельской равнинѣ, пресловутомъ опытѣ „внутренней колонизаціи", въ постыдной неудачѣ котораго король утѣшался постыдной остротой, что фунтъ сѣна съ этихъ осушенныхъ болотъ обходится странѣ во столько же, сколько стоитъ фунтъ настоящаго китайскаго чая. Затѣмъ Вагенеръ переѣхалъ въ Магдебургъ въ качествѣ консисторскаго засѣдателя, и здѣсь нѣсколько старыхъ остроумныхъ романтиковъ среди его начальниковъ по службѣ помогли ему окончательно сформироваться духовно. Онъ всегда питалъ пристрастіе къ аферамъ и спекуляціямъ, такъ же неизмѣнно сопровождавшимся неудачей. Но эта неудача происходила именно отъ того, что онъ не былъ продувнымъ спекуляторомъ, не былъ обыкновеннымъ биржевикомъ, а довольствуясь маленькими прибылями, стремился всегда къ болѣе крупной прибыли для того дѣла, которое, быть можетъ, казалось ему правымъ. Вагенеръ ненавидѣлъ капитализмъ, въ слабыя стороны котораго онъ умѣлъ мѣтко попадать, не преуменьшая однако значенія его сильныхъ сторонъ; онъ очень хорошо зналъ, что при помощи отжившей бюрократіи не одолѣешь капитализма и что этого невозможно также достигнуть при помощи феодализма, не умѣющаго такъ или иначе столковаться съ промышленнымъ пролетаріатомъ. Неразборчивый въ средствахъ, безпощадный въ полемикѣ, богатый выдумками, хорошими какъ и плохими, ловкій агитаторъ и публицистъ, онъ былъ бы вполнѣ подходящимъ человѣкомъ, чтобы повести феодально-соціалистическую массовую агитацію, если бы умственная косность остъ-эльбскаго юнкерства не помѣшала ему сочинить хотя сколько-нибудь заманчивую мелодію для уловленія массъ. Онъ съ отчаяніемъ жаловался, что консерваторы на-половину ослы по рожденію, на-половину ослы по принципу, но при этомъ онъ упускалъ изъ вида, что въ ихъ умственной ограниченности могъ все-таки заключаться совершенно правильный классовый инстинктъ. Что касается консерваторовъ, то они съ самаго начала испытывали страхъ предъ загадочнымъ элементомъ въ личности этого человѣка и въ его политикѣ.

На первыхъ порахъ Вагенеръ попробовалъ свои демагогическіе фокусы въ *„Рейнскомъ Наблюдателѣ"* (*„Rheinischer Beobachter"*), оффиціозной газетѣ, издававшейся въ Кельнѣ съ цѣлью вырвать плевелы, посѣянные *„Рейнской Газетой"*. Молодой либерализмъ

съ первыхъ же своихъ шаговъ возставалъ противъ налога на помолъ и убой скота, взимавшагося въ большихъ городахъ вмѣсто промысловаго налога, какъ противъ несправедливаго податного обремененія бѣдныхъ классовъ. Онъ дѣлалъ это, руководясь на-половину идеологическими основаніями, на-половину же исходя, какъ Ганземанъ, изъ тѣхъ мотивовъ, которые дѣлали хлѣбныя пошлины непріятными англійскимъ фабрикантамъ. Онъ выступилъ съ требованіемъ, чтобы этотъ косвенный налогъ на хлѣбъ и мясо для бѣдныхъ классовъ былъ замѣненъ промысловымъ налогомъ, а дефицитъ покрытъ путемъ введенія подоходнаго налога для болѣе зажиточныхъ классовъ. Правительство внесло соотвѣтствующій законопроектъ въ соединенный ландтагъ 1847 г.: оно предложило подоходный налогъ въ размѣрѣ 2% со всѣхъ доходовъ, превышающихъ 400 талеровъ, съ повышеніемъ налога до 3%, если доходъ получается отъ имущества; размѣръ дохода долженъ былъ объявляться самимъ плательщикомъ. Правительство защищало проектъ очень вяло, такъ какъ отнюдь не желало его принятія; оно внесло проектъ лишь для того, чтобы вѣроятнымъ отклоненіемъ его скомпрометтировать соединенный ландтагъ въ глазахъ массъ, а самому безъ особыхъ расходовъ пощеголять своимъ дружественнымъ расположеніемъ къ рабочимъ. Тонко задуманный планъ, однако, не вполнѣ удался. Князья, господа и рыцари соединеннаго ландтага, за нѣкоторыми исключеніями, яростно ополчились противъ правительственнаго законопроекта, тогда какъ значительная часть восточно-прусскихъ и рейнскихъ либераловъ была настолько честна или хитра, что твердо стояла на позиціи. Кампгаузенъ и Ганземанъ живо выступили въ защиту проектируемаго подоходнаго налога, а Кампгаузенъ заявилъ даже, что въ самой глубинѣ коммунизма и соціализма лежитъ истина, — „та именно истина, что человѣкъ, который живетъ, имѣетъ также право жить, и что это право должно быть признано обществомъ въ болѣе широкомъ объемѣ". Среди крупнаго большинства, которымъ проектъ былъ отклоненъ, были сильнѣе всего представлены самые вѣрные сторонники правительства.

Однако, другіе либералы, и среди нихъ очень видные корифеи рейнской буржуазіи, какъ менонитъ Беккератъ,—капиталистъ, вышедшій изъ рабочихъ и хваставшій поэтому, что его колыбель стояла рядомъ съ ткацкимъ станкомъ его отца,—попались въ ловушку и говорили противъ подоходнаго налога, какъ притѣснительной

мѣры, опаснаго искушенія для нравственности, шага къ революціи. Тутъ-то „*Рейнскій Наблюдатель*“ и зацѣпилъ своимъ христіанско-феодально-соціалистическимъ крючкомъ. Подоходный налогъ—притѣснительная мѣра? „Какъ, а развѣ не притѣсненіе то, что бѣдный человѣкъ, которому съ трудомъ достается хлѣбъ, долженъ еще платить съ него налогъ? Между тѣмъ этотъ бѣднякъ навѣрно объявилъ бы величину своего дохода, если бы послѣдній былъ хоть сколько-нибудь достаточенъ“. Подоходный налогъ—опасное испытаніе для нравственности? „Какъ, а положеніе бѣдняка, котораго давятъ налогами и которому урѣзываютъ плату, это не есть искушеніе?“ Подоходный налогъ ведетъ къ революціи? „Безспорно, къ преобразованію соціальныхъ отношеній, къ устраненію безграничной нищеты. Онъ ведетъ и къ коммунизму, который вовсе не изобрѣтенъ коммунистами, а обѣщанъ уже въ Общемъ Земскомъ правѣ, освященъ уже христіанствомъ“. И съ той же граціей дальше до восхваленія союза между престоломъ и пролетаріатомъ.

Если христіанско-феодальный соціализмъ хотѣлъ показать подобными статьями, что онъ можетъ не только бичевать противорѣчія буржуазіи, но и привлечь къ себѣ сердца рабочаго класса, то онъ не имѣлъ удачи. Для такого фокусъ-покуса рейнскій пролетаріатъ былъ слишкомъ уменъ; онъ выслушалъ благую вѣсть, но увѣровать въ нее по основательнымъ причинамъ воздержался.

---

2. Буржуазный соціализмъ.

На свой ладъ буржуазія также пыталась помочь бѣдствующему пролетаріату. Тогда, какъ и теперь, она любила изображать свои внутренніе раздоры, напр., споръ о свободѣ торговли и протекціонизмѣ, какъ борьбу, въ которой она столь же великодушно, сколько геройски, приноситъ себя въ жертву интересамъ рабочихъ классовъ.

Сверхъ этихъ ораторскихъ фигуръ она находила удовольствіе въ спортѣ воздержности и благотворительности, въ учрежденіи фабричныхъ кассъ, фондовъ для выдачи премій и тому подобныхъ жалкихъ реформахъ, имѣвшихъ своею конечною цѣлью укрѣпленіе господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ посредствомъ услугъ, которыя якобы оказывались рабочимъ ради нихъ самихъ, но

фактически должны были, по большей части, уменьшить для капитала издержки производства. Буржуазія уже тогда считала превосходнымъ дѣломъ обращать пролетаріевъ въ довольныхъ людей, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы, во-первыхъ, не нести отъ этого никакихъ расходовъ, а если возможно—получать еще прибыль, и во-вторыхъ, чтобы примѣняемыя средства не будили классоваго сознанія рабочихъ, но по возможности еще усыпляли его тамъ, гдѣ оно уже проснулось.

Парадной пьесой буржуазнаго соціализма былъ въ 40-хъ гг. „Центральный Союзъ для блага трудящихся классовъ". Онъ былъ основанъ осенью 1844 г., когда голодный бунтъ силезскихъ ткачей нагналъ смертельный страхъ на возвышающуюся буржуазію, которая только что предъ этимъ самодовольно любовалась своимъ отраженіемъ на берлинской промышленной выставкѣ. Союзъ долженъ былъ распространить свои филіальныя отдѣленія на всю Германію и взяться въ корень за страданія пролетаріата. При тогдашнемъ броженіи и большой еще незрѣлости классовой борьбы эта мысль принялась довольно хорошо. Воодушевленіе было велико, начиная отъ короля, обѣщавшаго дать союзу 15 тыс. талеровъ, и кончая самой недовольной оппозиціей, связывавшей съ ферейномъ всякіе прекрасные планы относительно пріисканія занятій безработнымъ и организаціи труда; оно проникло даже въ ряды рабочихъ, изъ которыхъ сотни заявили о своемъ желаніи вступить въ союзъ.

То были прекрасныя мечты, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. Хотя фабриканты изъ Центральнаго Союза въ первомъ своемъ воззваніи сами объявили необходимымъ „дѣятельное сотрудничество рабочихъ классовъ", но ихъ убѣжденіе очень скоро измѣнилось, когда они замѣтили, что не могутъ просто заставить плясать на ниточкѣ выдрессированныя куклы, а должны считаться съ настоящими рабочими. Какъ только берлинскій филіальный ферейнъ рѣшилъ установить размѣръ ежегоднаго членскаго взноса въ 10 зильбегрошеновъ и устраивать еженедѣльныя или мѣсячныя собранія, фабриканты заявили, что не слѣдуетъ вводить рабочихъ въ новые денежные расходы, да и нѣтъ въ наличности такого количества помѣщеній, какое было бы необходимо для проектируемыхъ собраній. Къ тому же они располагаютъ сами основательнѣйшимъ сужденіемъ насчетъ того, что нужно народу; народъ далеко еще не созрѣлъ для такого сужденія, проектируемыя собранія превратятся въ якобинскіе клубы и арены для

коммунистическихъ дебатовъ. Само собою понятно, что эта скорбь нашла вполнѣ сочувственный откликъ у христіанскаго государства, и берлинскому филіальному союзу было отказано въ разрѣшеніи властей.

Еще болѣе поразительныя вещи разыгрались при учрежденіи кельнскаго филіальнаго союза. Бюргерсъ и Юнгъ, бывшіе сотрудники „*Rheinische Zeitung*", предложили въ учредительномъ собраніи, чтобы ферейнъ назывался Союзомъ взаимообразованія и взаимопомощи, дабы устранить изъ его названія всякій оттѣнокъ снисходящаго патронажа. Едва это предложеніе было принято, какъ Лудольфъ Кампгаузенъ, наиболѣе уважаемый вождь рейнской буржуазіи и человѣкъ со сравнительно еще наиболѣе широкимъ кругозоромъ, объявилъ о своемъ выходѣ изъ союза, причемъ съ похвальной откровенностью высказалъ въ своемъ письмѣ, что онъ не можетъ участвовать въ стремленіяхъ, „способныхъ побудить рабочіе классы къ болѣе высокимъ притязаніямъ, усилить ихъ недовольство своимъ положеніемъ, уменьшить ихъ охоту къ труду и, вмѣсто того, чтобы обѣщать имъ удовлетвореніе существующихъ уже потребностей, пробудить у нихъ новыя потребности". Остальное и въ Кёльнѣ додѣлала полиція; то же повторилось всюду, гдѣ союзы для блага трудящихся классовъ хотѣли быть чѣмъ-нибудь бóльшимъ, нежели средствомъ для укрѣпленія господства угнетающихъ классовъ путемъ обманыванія угнетенныхъ классовъ относительно причины ихъ страданій. Самый несомнѣнный патріотизмъ былъ безсиленъ оградить отъ подозрѣнія въ „космополитизмѣ и филантропизмѣ", разъ онъ былъ связанъ съ извѣстной доброжелательностью къ пролетаріату; въ берлинскомъ собраніи 1848 г. одинъ изъ вождей правой, грейфсвальдскій профессоръ Баумштаркъ, горько упрекалъ правительство, что оно умышленно затягивало разрѣшеніе балтійскаго филіальнаго союза, который онъ съ Родбертусомъ хотѣлъ основать, до тѣхъ поръ, пока все дѣло не заснуло.

Мало того, въ концѣ-концовъ и самъ Центральный Союзъ попалъ въ подозрѣніе къ христіанскому государству и соціальной монархіи: королевской лепты ему не выплачивали, и точно также не давали оффиціальнаго разрѣшенія, сколько усердія онъ ни проявилъ въ „пересмотрѣ" своего устава. Послѣ мартовскихъ дней, когда Союзъ ощутилъ въ себѣ усиленное стремленіе морочить рабочихъ, онъ возвѣстилъ въ пышномъ воззваніи, что „узы смерти, уже державшія его въ плѣну", наконецъ спали съ него;

теперь онъ хочетъ показать свою „силу къ жизни“. Однако, „мощь, вернувшаяся благодаря свободѣ“, такъ же мало помогла ему, какъ пожертвованіе короля, теперь дѣйствительно выплаченное. Съ пробужденіемъ пролетаріата соціализмъ буржуа улетучился самъ собою. Чѣмъ меньшія предвидѣлись отсюда прибыли, тѣмъ охотнѣе буржуазія отказывалась отъ бремени и удовольствія этого лицемѣрія. Правда, „Центральный Союзъ для блага трудящихся классовъ“ еще и теперь процвѣтаетъ какъ фіалка въ тиши, оправдывая первоначальныя намѣренія своихъ основателей: его дѣятельность исчерпывается тѣмъ, что онъ выпускаетъ противъ рабочихъ, проникнутыхъ классовымъ сознаніемъ, всякіе листки и трактатики, написанные съ манчестерско-капиталистической точки зрѣнія. Но никто не обращаетъ на нихъ вниманія,—даже буржуазія игнорируетъ ихъ, не говоря уже о пролетаріатѣ.

Добавимъ, что для характеристики буржуазнаго соціализма, даже въ его лучшіе дни, можетъ служить его практическая дѣятельность по призрѣнію бѣдныхъ, подобно тому какъ иллюстраціей христіанско-феодальнаго соціализма является его принципіальное законодательство о бѣдныхъ. Буржуа берлинскаго попечительства о бѣдныхъ выражали свою любовь къ ближнему весьма страннымъ образомъ: такъ, часто случалось, что когда дѣло шло о молодыхъ матеряхъ семействъ, то дирекція передъ выдачей пособія наряжала слѣдствіе, нѣтъ ли еще у этихъ несчастныхъ молока для кормленія грудью.

---

3. Соціализмъ философствующихъ остроумцевъ.

Третья форма буржуазнаго соціализма была по своимъ конечнымъ результатамъ столь же реакціонна, хотя совершенно искренно считала себя революціонной. Представителями ея были Моисей Гессъ, Отто Люнингъ, Карлъ Грюнъ и нѣкоторые другіе писатели изъ рейнской области, изъ Силезіи и королевства Саксоніи; они по большей части пришли черезъ Гегеля къ Фейербаху и теперь приведенные въ ужасъ растущей нищетой пролетаріата, хотѣли осуществить „истиннаго человѣка“ при помощи французскаго соціализма. Ими созданъ былъ цѣлый рядъ органовъ: „*Der Gesellschaftsspiegel*“ („Общественное Зеркало“), выходившее съ лѣта 1845 г. до лѣта 1846 г., затѣмъ „*Die Rheinischen Iahrbücher*“ и

„*Das deutsche Bürerbguch*", книжки которыхъ имѣются за 1845 г. и 1846 г., далѣе—„*Das Westfälische Dampfboot*", ежемѣсячный журналъ, также начавшій выходить въ 1845 г., но просуществовавшій до нѣмецкой революціи, наконецъ — нѣсколько ежедневныхъ газетъ, какъ „*Triersche Zeitung*".

Безспорно, движеніе это имѣло свои свѣтлыя стороны. Сюда относилось прежде всего раскрытіе бѣдственнаго положенія пролетаріата. Ихъ журналы заключали въ себѣ содержательныя сообщенія по этому предмету, которыя и теперь еще можно читать съ большой пользой. Въ „*Deutsches Bürgerbuch*" Вильгельмъ Вольфъ написалъ въ смѣломъ революціонномъ духѣ исторію силезскихъ ткачей. „*Rheinische Jahrbücher*" восхваляли Бабефа и Марата, какъ истинныхъ друзей голодающихъ массъ. Здѣсь были осыпаемы ѣдкими сарказмами смѣхотворныя возраженія, съ которыми выступалъ противъ коммунизма буржуа, начиная съ упрековъ въ „дѣлежѣ" и до горестнаго вопроса о томъ, кто долженъ чистить сапоги въ „государствѣ будущаго", все — темы, которыя и тогда уже были въ ходу, съ той небольшой разницей, однако, что знаменитый вопросъ о чисткѣ сапогъ теперь глубокомысленно обсуждается солидными вождями свободомыслящей партіи, между тѣмъ какъ въ то время онъ служилъ только коммивояжерамъ желаннымъ поводомъ для уничтоженія соціализма за послѣобѣденнымъ дессертомъ въ гостинницѣ. Гуманизмъ Фейербаха и анархія Прудона были центрами, вокругъ которыхъ вращался идейный міръ Гесса и Грюна. Этимъ они какъ будто становились одновременно на высоту нѣмецкаго и французскаго умственнаго развитія.

Фактически, однако, дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Вслѣдствіе быстраго развитія индустріализма въ Германіи разрѣшеніе общественныхъ проблемъ философскимъ путемъ стало и здѣсь служить на пользу реакціи, а не революціи. Между тѣмъ разбить чары философіи Гессъ и Грюнъ не были въ состояніи. Поскольку они усвоили себѣ французскій соціализмъ, они оскопили его тѣмъ, что поняли его какъ идеологическое умозрѣніе относительно сущности человѣка, а не какъ литературное выраженіе экономической классовой борьбы,—чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ существенномъ они цѣплялись за искусственныя соціальныя построенія утопизма, которыя затѣмъ при помощи всякихъ философскихъ фокусовъ „снимались" и „преодолѣвались" въ возвышенной пустотѣ гегелевскихъ категорій; что же касается глубокопроникающей критики, которой утопизмъ подвергъ бур-

жуазное общество, то они проходили мимо нея безъ вниманія. Даже въ Прудонѣ ихъ интересовали гораздо больше его философскіе промахи, чѣмъ его мѣткія политико-экономическія разсужденія.

Нѣмецкая философія испортилась, впрочемъ, въ ихъ рукахъ не меньше, чѣмъ французскій соціализмъ. Если Фейербахъ разоблачилъ христіанскаго Бога, какъ отчужденное существо человѣка, которому стоитъ только познать самого себя, чтобы избавиться отъ Бога, то Гессъ говорилъ, что деньги играютъ въ экономической области ту же роль, какую Богъ играетъ въ философской: стоитъ только человѣку познать себя самого, какъ творческое, всемогущее существо, и онъ избавится отъ денегъ, а слѣдовательно—и отъ всего хлама безчеловѣчной дѣйствительности. Этому удивительному соціализму Гессъ старался придать правдоподобіе тѣмъ, что переводилъ безъ дальнѣйшихъ околичностей экономическія понятія на философскія. Но когда онъ возвѣщалъ курсивомъ, что „матеріальная собственность, это—обратившееся въ idée fixe бытіе духа для самого себя", то это оракульское изреченіе не могло помѣряться даже съ самой причудливой картиной будущаго, рисуемой утопизмомъ. Въ свою очередь Грюнъ разводнялъ Фейербахово восхваленіе любви въ несносную любовную высокопарность, при помощи которой онъ разрѣшалъ всѣ виды борьбы, происходящей среди человѣчества, въ розовую гармонію, — вплоть до очевидной фантазіи, что все производство будетъ нѣкогда осуществляться въ играхъ дѣтей.

При всемъ томъ было бы несправедливо судить объ этой разновидности нѣмецкаго соціализма исключительно на основаніи рѣзкихъ критическихъ замѣчаній, которыя Марксъ и Энгельсъ посвятили ей въ Коммунистическомъ Манифестѣ. Въ особенности можетъ быть лишь условно поддерживаемъ худшій упрекъ, который дѣлался ей, — что она играла въ руку до-мартовской реакціи. Правда, высокомѣрное пренебреженіе, съ которымъ соціализмъ философствующихъ остроумцевъ любилъ отзываться о либеральныхъ стремленіяхъ буржуазіи, косвенно облегчалъ положеніе абсолютизма. Оппозиція буржуазіи на безсильныхъ провинціальныхъ сеймахъ была, при всей своей робости, все же гораздо болѣе неудобна берлинскому правительству, чѣмъ переводъ французскаго утопизма на испорченный гегелевско-нѣмецкій языкъ. Но намѣреніе послужить реакціи „въ качествѣ желаннаго пугала противъ грозно поднимающейся вверхъ буржуазіи" было очень далеко отъ „истин-

наго соціализма", какъ окрестилъ его Грюнъ. Въ своемъ родѣ онъ дѣйствительно хотѣлъ быть революціоннымъ; онъ упускалъ только изъ виду, что революціонное на почвѣ современнаго буржуазнаго общества должно было стать реакціоннымъ тамъ, гдѣ этой почвы еще не было и гдѣ ее еще только приходилось завоевывать.

Если бы Марксъ и Энгельсъ видѣли когда-нибудь въ „истинномъ соціализмѣ" ложнаго брата, то они не сотрудничали бы сами въ его журналахъ. Что касается ихъ, то они никогда не были „истинными соціалистами"; когда „истинный соціализмъ" началъ въ 1845 г. распространяться по Германіи, они уже давно ушли отъ него впередъ. Но они не сдѣлали того, въ чемъ ихъ такъ часто и всегда несправедливо упрекали: они не отнеслись съ высокомѣрнымъ самомнѣніемъ къ неразвитой еще формѣ движенія, а старались толкать эту форму дальше въ своемъ развитіи. Такъ, Энгельсъ основалъ вмѣстѣ съ Гессомъ „*Общественное Зеркало*", для котораго Марксъ также далъ статью, несмотря на то, что Гессъ заявилъ въ программной статьѣ названнаго журнала: „мы не только равнодушны ко всѣмъ политическо-либеральнымъ стремленіямъ, они внушаютъ намъ прямое отвращеніе" Если, такимъ образомъ, Марксъ и Энгельсъ пошли навстрѣчу „истинному соціализму", въ лояльномъ предположеніи, что плохіе музыканты вполнѣ могутъ быть хорошими людьми, то они поступили не менѣе лояльно, когда выступили противъ него въ его собственныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ только обнаружилось, что эти хорошіе люди не думаютъ отказываться отъ своей плохой музыки.

Спустя годъ послѣ основанія „*Общественнаго Зеркала*" Энгельсъ писалъ въ „*Deutsches Bürgerbuch*" за 1846 г.: „Нѣмцы рѣшительно начинаютъ портить также коммунистическое движеніе. Будучи и здѣсь, какъ всегда, послѣдними и самыми инертными, они думаютъ скрыть свою сонливость презрѣніемъ къ своимъ предшественникамъ и философскимъ бахвальствомъ. Коммунизмъ еще едва существуетъ въ Германіи, а ужъ онъ монополизированъ цѣлой арміей спекулятивныхъ головъ, которыя полагаютъ, что дѣлаютъ удивительно много, если переводятъ на языкъ гегелевской логики положенія, ставшія уже избитыми во Франціи и Англіи, и возвѣщаютъ міру эту новую мудрость, какъ нѣчто никогда еще небывалое, какъ „истинно-нѣмецкую теорію", чтобы имѣть затѣмъ возможность во все свое удовольствіе бросать грязью въ „плохую

практику", въ „возбуждающія улыбку" соціальныя системы ограниченныхъ французовъ и англичанъ". Энгельсъ изложилъ „этимъ мудрымъ господамъ" маленькую главу Фурье о торговлѣ, для того чтобы они могли поучиться изъ нея. „Правда, Фурье не исходилъ изъ гегелевской теоріи и потому не могъ, къ сожалѣнію, притти къ познанію абсолютной истины, не могъ притти даже къ абсолютному соціализму; правда, Фурье изъ-за этого недостатка былъ введенъ въ соблазнъ и поставилъ методъ серій на мѣсто абсолютнаго метода, такъ что въ концѣ-концовъ онъ конструировалъ превращеніе моря въ лимонадъ, анти-льва и совокупленіе планетъ, но если ужъ дѣло на то пошло, я все же предпочитаю вѣрить вмѣстѣ съ жизнерадостнымъ Фурье во всѣ эти росказни, чѣмъ въ абсолютное царство духовъ, гдѣ нѣтъ никакого лимонада, или въ тождественность бытія и небытія и совокупленіе вѣчныхъ категорій. Французская безсмыслица, по крайней мѣрѣ, веселая, тогда какъ нѣмецкая безсмыслица уныла и глубокомысленна".

Сообщивъ затѣмъ отрывокъ изъ Фурье, Энгельсъ продолжалъ: „Право же, нѣмцы должны бы, наконецъ, перестать такъ носиться со своей основательностью. Имѣя въ рукахъ двѣ съ половиною тощихъ даты, они въ состояніи не только связать вамъ сотое и тысячное, но и привести ихъ въ связь съ міровой исторіей. На основаніи перваго попавшагося факта, который дошелъ до нихъ изъ третьихъ рукъ и относительно котораго они не знаютъ даже, произошелъ ли онъ такъ, или иначе, — на основаніи такого факта они доказываютъ вамъ, что онъ долженъ былъ произойти именно такъ, а не иначе... Вотъ почему нѣмецкій «абсолютный соціализмъ» такъ страшно бѣденъ. Немножко «человѣчности», какъ стали въ послѣдиее время титуловать эту вещь, немножко «реализированія» этой человѣчности или скорѣе чудовища, кое-что относительно собственности по Прудону—изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ, немножко о бѣдственномъ положеніи пролетаріата, объ организаціи труда, о жалкихъ союзахъ для улучшенія быта низшихъ классовъ народа, вмѣстѣ съ безграничнымъ невѣжествомъ относительно политической экономіи и дѣйствительнаго общества,— вотъ и вся исторія, которая теряетъ къ тому же послѣднюю каплю крови, послѣдній слѣдъ энергіи и силы, благодаря теоретическому безпристрастію, благодаря „абсолютному спокойствію мысли". И этой-то скукой хотятъ революціонировать Германію, привести въ движеніе пролетаріатъ, заставить массы думать и дѣйствовать?" Въ заключеніе Энгельсъ совѣтовалъ „абсолютнымъ"

и „истиннымъ" соціалистамъ сначала освѣдомиться, какъ слѣдуетъ, относительно того, чтó было сдѣлано *до* нихъ, и затѣмъ показать, чтó *они* могутъ сдѣлать. Понятно, однако, что ни своей серьезностью, ни своимъ юморомъ онъ не поколебалъ неподвижнаго самосознанія философствующихъ, державшихъ весь видимый и невидимый міръ плѣненнымъ въ сѣтяхъ своихъ гегелевскихъ понятій.

Результатомъ внутренней неясности соціализма философствующихъ остроумцевъ было то, что, отнюдь не представляя сплоченной массы, онъ все же въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ большое распространеніе въ Германіи. Самымъ значительнымъ умственнымъ представителемъ его былъ Моисей Гессъ, который еще раньше Маркса и Энгельса сдѣлалъ поворотъ къ соціализму, но никогда не отваживался порвать съ философіей, во всякомъ случаѣ дѣлалъ это лишь скрѣпя сердце. Скорѣе о немъ, чѣмъ о Марксѣ, можно было бы утверждать, что это была схоластическая голова, находившая полное самоудовлетвореніе въ разсѣканіи и расщипываніи понятій. Однако, даже къ Гессу этой характеристики нельзя прилагать безусловно, ибо нѣсколько узкій и сухой умъ его, болѣе склонный къ тонкимъ мудрствованіямъ, нежели острый, никогда не могъ настолько сбить его съ толку, чтобы его благородное сердце не привело его опять назадъ туда, гдѣ лежали дѣйствительные интересы рабочаго класса. Гессъ посвятилъ полную лишеній жизнь эмансипаціи пролетаріата и, будучи уже старикомъ, боролся въ рядахъ германской соціалъ-демократіи, шедшей совершенно иными путями, чѣмъ тѣ, которые онъ хотѣлъ предначертать въ свои молодые годы. Какъ разъ въ брюссельскій періодъ Маркса и Энгельса онъ часто встрѣчался и работалъ съ ними; онъ старался проникнуться ихъ міросозерцаніемъ и охотно подчинялся умственному превосходству Маркса, которое хорошо сознавалъ. Однако онъ не сумѣлъ освободиться вполнѣ отъ идеализма, который вызывалъ затѣмъ каждый разъ новыя столкновенія и взаимныя неудовольствія.

Не столько философомъ, сколько политикомъ былъ Отто Люнингъ. Въ своемъ „*Westfälisches Dampfboot*" онъ стремился къ лаврамъ Луи Блана и соотвѣтственно съ этимъ меньше всего грѣшилъ вылазками противъ либеральной оппозиціи, но зато подобно своему французскому прообразу отступалъ тѣмъ безпомощнѣе въ буржуазную сторону, чѣмъ больше обострялась классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. Что касается

претензіи этого соціализма на bel esprit, то она нашла своего классическаго выразителя въ Карлѣ Грюнѣ. Это былъ чистѣйшей воды журналистъ, въ непріятномъ значеніи слова, лишенный всякой глубины и даже всякой серьезности, столь же рѣшительный въ приговорахъ, сколько поверхностный, съ печатью пошлости, которую случайныя, остроумно-звучащія фразы могли скорѣе выставить въ яркомъ свѣтѣ, чѣмъ замаскировать; Марксъ и Энгельсъ справедливо видѣли въ немъ несноснѣйшаго изъ „истинныхъ соціалистовъ", особенно когда онъ отправился въ 1844 г. въ Парижъ и написалъ тамъ свою книгу о соціальномъ движеніи во Франціи и Бельгіи. Здѣсь Грюнъ изобразилъ великихъ утопистовъ путаными головами; въ тоже время онъ усердно старался—къ сожалѣнію, не безъ успѣха — путемъ привитія своей дурно понятой гегельянщины сдѣлать изъ остроумнаго Прудона скучнаго педанта.

При всей своей туманности соціализмъ философствующихъ остроумцевъ не явился, однако, на сцену, какъ пустая фантазія отдѣльныхъ кабинетныхъ людей. Въ немъ отразился страхъ нѣмецкаго мелкаго буржуа предъ призракомъ классовой борьбы, которая угрожала надвинуться на его летаргическое существованіе. Именно этому мѣщанину „истинный соціализмъ" внушалъ пріятное сознаніе, что онъ стоитъ на недостигнутой еще доселѣ высотѣ человѣчества и, словно новый Спаситель міра, ходитъ по морю революціи, не замачивая себѣ даже подошвы башмаковъ. Этимъ объясняется эпидемическое распространеніе соціализма философствующихъ остроумцевъ предъ мартовскими днями, также какъ безслѣдное исчезновеніе его послѣ нихъ.

---

4. Максъ Штирнеръ.

Инымъ путемъ, чѣмъ Гессъ и Грюнъ, пытался превратить въ живую дѣйствительность абсолютную идею Гегеля, самосознаніе Бауера, гуманизмъ Фейербаха и анархію Прудона уроженецъ Франконіи Каспаръ Шмидтъ. Онъ принадлежалъ къ берлинскимъ „свободнымъ", и на его счетъ приходится немалая доля въ ихъ маніи геніальности, хвастовствѣ и одичаломъ филистерствѣ. Но такъ какъ на ряду съ этимъ въ немъ были черты философа и революціонера, то онъ сумѣлъ завоевать себѣ мѣсто въ исторіи, въ извѣстномъ смыслѣ даже рядомъ съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Философскія размышленія объ „Единственномъ и его достояніи" („Der Einzige und sein Eigenthum"), которыя онъ опубликовалъ подъ псевдонимомъ Макса Штирнера, обозначаютъ границы идеалистической философіи въ одномъ направленіи, подобно тому какъ появившаяся тотчасъ послѣ этого „Heilige Familie" обозначила эти границы въ другомъ направленіи. Какъ и „Heilige Familie" книга Штирнера представляетъ съ внѣшней стороны полемику съ *Allgemeine Literaturzeitung* Бауеровъ.

Одинъ профессоръ философіи несправедливо хотѣлъ видѣть въ книгѣ Штирнера не болѣе, какъ сатиру на Фейербаха. Штирнеръ вполнѣ серьезно хотѣлъ по своему совлечь на землю фейербаховскаго человѣка, все еще возсѣдавшаго на престолѣ въ заоблачномъ мірѣ. Разница была лишь та, что „единственный", котораго онъ могъ сдѣлать живымъ, не былъ человѣкъ вообще, а извѣстный человѣкъ, самый передовой сортъ человѣка, какой былъ знакомъ въ до-мартовскомъ Берлинѣ полуголодному школьному учителю Каспару Шмидту: буржуа, съ его собственностью и капиталомъ, который не хотѣлъ больше составлять предметъ нѣжной опеки деспотизма, а сталъ достаточно сильнымъ, чтобы жить самъ по себѣ, среди безграничной конкурренціи и всецѣло наслаждаясь своимъ бытіемъ. Штирнеръ былъ слишкомъ философомъ и революціонеромъ, чтобы не чувствовать рѣзкаго противорѣчія между своимъ философскимъ идеаломъ человѣка и этимъ смѣшнымъ порожденіемъ навоза и огня; это чувство и было источникомъ тѣхъ искръ отчаяннаго юмора, которыя навлекли на его книгу подозрѣніе, что она простая забава ума и остроумія.

Чего Штирнеръ не могъ, однако, сдѣлать живымъ, это былъ его философскій идеалъ, это былъ человѣкъ вообще, то „Я", для котораго нѣтъ ничего выше себя, которое для сохраненія свой особенности сбрасываетъ съ себя всѣ узы, налагаемыя на него совѣстью, правомъ, нравами, семьей, обществомъ, государствомъ. Это „Я" было такимъ же абстрактнымъ понятіемъ, какъ человѣкъ Фейербаха; мало того, абстрактность его становилась еще болѣе очевидной, благодаря тому, что оно хотѣло доказать свою дѣйствительность. Человѣкъ — общественное существо: какъ человѣкъ онъ можетъ жить только *въ* человѣческомъ обществѣ и *черезъ* него; какъ одинокое „Я" онъ дичаетъ до степени животнаго. Съ этимъ соглашался и Штирнеръ, но онъ старался обойти этотъ неопровержимый фактъ своими „союзами эгоистовъ", свободными соедине-

ніями, въ которыя каждое „Я“ вступаетъ, какъ только этого требуютъ его эгоистическіе интересы, и въ которыхъ оно остается лишь до тѣхъ поръ, пока это отвѣчаетъ указаннымъ интересамъ. Такіе союзы заключали въ себѣ, однако, внутреннее противорѣчіе, ибо предпосылкой всякаго союза, желающаго дѣйствовать и творить какъ таковой, является то, что отдѣльные члены жертвуютъ своими личными цѣлями настолько, насколько этого требуютъ общія цѣли. Во всякомъ союзѣ „Я“ именно и перестаетъ быть „единственнымъ“.

Характеръ системы Штирнера былъ таковъ, что она должна была основательно разоблачить буржуазное и христіанское лицемѣріе, умѣвшее столь краснорѣчиво разсказывать о самоотверженныхъ добродѣтеляхъ господствующихъ классовъ, объ ихъ преданной любви и нѣжности къ классамъ подчиненнымъ. Штирнеръ осмѣиваетъ эту иллюзію больше, чѣмъ какую-либо другую. Онъ говоритъ господствующимъ классамъ: „Отъ васъ я не требую ничего, ибо чего бы я ни потребовалъ, вы все-таки останетесь властными законодателями и должны быть ими, такъ какъ воронъ не можетъ пѣть и разбойникъ не можетъ жить безъ грабежа“. Онъ издѣвается надъ разговорами о „тысячелѣтней несправедливости“ богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ. Богатые поступаютъ такъ, какъ должны поступать, и были бы глупцами, если бы поступали иначе. Въ дѣйствительности неправильно поступаютъ бѣдные. „Юридическою или правомѣрною собственностью другого будетъ лишь то, что́ *ты* готовъ считать его собственностью. Разъ она перестаетъ признаваться тобою, она теряетъ для тебя правомѣрность, а абсолютное право на нее ты поднимешь на смѣхъ... Зачѣмъ сваливать на другихъ вину, утверждая, что они грабятъ насъ, когда мы сами виноваты, оставляя другихъ неограбленными. Бѣдные виноваты въ томъ, что существуютъ богатые... Прудонъ могъ бы сберечь свой велерѣчивый паѳосъ, если бы сказалъ: существуютъ нѣкоторыя вещи, принадлежащія лишь немногимъ, и отнынѣ мы прочіе желаемъ предъявить притязаніе или... начать охоту на нихъ. Давайте, возьмемъ ихъ, ибо собственность добываютъ тѣмъ, что ее берутъ, и та собственность, которой мы пока еще лишены, также попала этимъ путемъ къ своимъ собственникамъ. Ее можно будетъ лучше использовать, когда она будетъ находиться въ рукахъ у насъ всѣхъ, чѣмъ когда ею распоряжаются немногіе. Соединитесь поэтому въ цѣляхъ этого грабежа“. Но эта ассоціація тотчасъ же уничтожаетъ „особность“

(Eigenheit) единственнаго; каждая стачка показываетъ,какъ быстро эгоистическій интересъ сталкивается въ этомъ случаѣ съ общимъ Штирнеръ по своему проповѣдуетъ классовую борьбу, но согласно его же теоріи единственный и его собственность являются въ этой борьбѣ лишь въ роли нарушителя стачки и его грѣховной платы.

Желая облечь въ плоть и кровь туманный образъ философскаго человѣка, Штирнеръ противъ своего желанія разрѣшилъ его въ пустое ничто. Въ полную противоположность Штирнеру Марксъ и Энгельсъ добровольно бросили всѣ туманныя фигуры и стали искать дѣйствительнаго человѣка тамъ, гдѣ его только и можно найти: въ историческомъ развитіи человѣческаго общества. Они искали его не въ философіи, а въ экономіи.

Но исторія идей отражаетъ лишь исторію дѣйствительности. Въ западной Европѣ уже началась пролетарская классовая борьба, когда въ восточной Германіи еще только начиналась капиталистическая борьба конкурренціи. Первая оказала вліяніе на взгляды Маркса и Энгельса, какъ вторая повліяла на воззрѣнія Штирнера. Никто не разглядѣлъ этого такъ скоро и отчетливо, какъ буржуа, сидѣвшій въ идеологѣ Руге. Руге сталъ тотчасъ же расхваливать Штирнера, какъ противоядіе противъ Маркса и Энгельса. Онъ нѣсколько разъ назвалъ сочиненіе Штирнера „освободительнымъ подвигомъ" и писалъ: „Книгу слѣдовало бы поддержать и пропагандировать. Она представляетъ собою освобожденіе отъ глупѣйшей изъ всѣхъ глупостей, отъ соціальной догматики ремесленниковъ, этого новаго христіанства, которое проповѣдуютъ нищіе духомъ и осуществленіе котораго привело бы насъ къ низменной жизни овчарни". Правда, революціонный духъ, вѣющій отъ книги Штирнера, билъ сильно въ носъ филистеру Руге, но онъ сумѣлъ вывернуться изъ этого затрудненія. Онъ заявлялъ, что *одну* „глупость" Штирнеръ безспорно заимствовалъ у Маркса и Энгельса, ту именно, что онъ „хочетъ выскочить изъ дѣйствительнаго міра". „Какъ общее состояніе, это—безразсудство, и лишь въ отдѣльномъ случаѣ истинно", или въ другой формулировкѣ Руге: „открытый эгоизмъ у Штирнера есть истина, эгоизмъ же [въ видѣ тайнаго ученія, какъ у Маркса, есть лицемѣріе", или переводя эти положенія на настоящій языкъ капиталистовъ: „для пролетаріата безразсудство, для буржуазіи истина; для буржуазіи эгоизмъ, для пролетаріата самоотреченіе". Но Руге не забывалъ сути изъ-за внѣшней оболочки;

квинтъ-эссенціей Штирнера являются для него энергичныя слова: „полагайся на себя самого; кто полагается на другихъ, тотъ уже достаточно покинутъ“ *). Это была та же пѣсенка, которою 20 лѣтъ спустя чистые фритредеры пытались морочить вновь оживавшее рабочее движеніе.

Дѣйствительно, съ безошибочнымъ классовымъ инстинктомъ Руге тотчасъ нашелъ простой способъ извлечь сладкое ядро изъ жесткой скорлупы. Рѣшимость не выходить изъ дѣйствительнаго міра, трезвое пониманіе того, что „намъ нѣтъ надобности еще только стремиться къ лучшему изъ міровъ, ибо мы уже имѣемъ его,“ были вполнѣ достаточны, чтобы изъ штирнеровскаго революціоннаго разложенія всего существующаго сдѣлать плоское евангеліе свободной торговли. Если не считать спора о таможенномъ тарифѣ, то фритредерское евангеліе было впервые возвѣщено въ своей принципіальной красотѣ переселившимся въ Германію англичаниномъ, бравымъ Джономъ Принсъ-Смитомъ, доказывавшимъ на свой ограниченно-упрямый манеръ, что Пруссія уже болѣе чѣмъ созрѣла „для легализаціи фактической власти денегъ путемъ конституціонныхъ законовъ“. Для нѣмецкой идеологіи это было еще пока неудобоваримое блюдо, и потому Юліусъ Фаухеръ усѣлся сначала какъ благоговѣйный ученикъ у ногъ Штирнера, чтобы у него научиться громкимъ формуламъ, при помощи которыхъ можно было бы всеобщее гешефтмахерство разукрасить въ тысячелѣтнее царство человѣчества. Въ первомъ своемъ органѣ, берлинской *Вечерней Почтѣ (Abendpost)*, молодая школа нѣмецкихъ фритредеровъ проповѣдывала упраздненіе морали и государства, въ вольномъ подражаніи Штирнеру и вполнѣ въ интересахъ сладостной коммерціи.

Въ другихъ отношеніяхъ сочиненіе Штирнера не оставило осязательныхъ слѣдовъ въ нѣмецкой жизни. Положить основаніе философской школѣ оно не могло, такъ какъ оно именно словомъ и дѣломъ возвѣщало банкротство философіи; какъ благая вѣсть анархизма, оно было привѣтствовано лишь десятилѣтія спустя за-границей, и не потому, чтобы Штирнеръ былъ или хотѣлъ быть анархистомъ въ смыслѣ какой-нибудь школы, а потому, что онъ нарисовалъ картину анархическаго состоянія общества съ парадоксальной основательностью нѣмецкаго школьнаго учителя и съ послѣдовательностью логика, прошедшаго школу Гегеля.

---

*) Игра словъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ: „wer sich auf andere verlässt, der ist schon verlassen genug“. *Перев.*

5. Государственный соціализмъ Родбертуса.

Нѣмецкіе фритредеры были любители наживы и дѣятельные люди. Ихъ практическая цѣль гласила — снести всѣ преграды, мѣшающія капиталистической конкурренціи, ихъ пароль — предоставить все собственному теченію, такъ какъ свѣтъ движется самъ собою. Они говорили, что инстинктъ пріобрѣтенія одинаковымъ образомъ властвуетъ надъ человѣкомъ при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣ времена; стремленіе къ возможно большей прибыли само собою вызываетъ наибольшую гармонію въ человѣческомъ обществѣ. Они примыкали къ англійской манчестерской школѣ, и Фаухеръ сдѣлался даже впослѣдствіи секретаремъ Кобдена; изъ классической экономіи они взяли не больше, чѣмъ имъ нужно было, т.-е. довольно немногое: нѣсколько понятій и словъ, которыя они вырвали изъ общей связи и приспособили къ своимъ дѣловымъ цѣлямъ.

Какъ застрѣльщики капитализма, фритредеры находились въ болѣе или менѣе рѣзкомъ антагонизмѣ съ до-мартовскими правительствами, которыя все еще не могли оторваться отъ чудесныхъ феодально-цеховыхъ порядковъ. Ихъ не приглашали на университетскія каѳедры, и такъ какъ они умѣли находить гораздо болѣе прибыльныя занятія, то отнюдь не добивались академическихъ почестей. Тѣмъ болѣе позволительно было ожидать, что патентованные представители экономической науки, изъ года въ годъ повторявшіе Адама Смита и Давида Рикардо, хотя бы только въ искаженной мелко-буржуазной формѣ,—что они выступятъ противъ неправильной ссылки капиталистическихъ фритредеровъ. Этого, однако, не случилось, или же оно произошло весьма страннымъ образомъ. Профессорская мудрость говорила манчестерской предпріимчивости: твоя ссылка на классическую экономію не такъ плоха, но классическая экономія нѣсколько заблуждалась. Въ 40-хъ гг. въ нѣмецкихъ университетахъ возникъ „историческій методъ“ народнаго хозяйства, и это свѣтило засіяло скоро могучимъ блескомъ.

Если бы приверженцы этого метода хотѣли доказать, что воззрѣнія классической экономіи не были непогрѣшимыми истинами, а исторически возникшими ученіями, и потому, хотя имѣютъ историческое оправданіе, исторически преходящи, — то они вступили бы на путь дѣйствительнаго прогресса. Теоріи Адама Смита и Рикардо представляли собою, употребляя гегелевское выра-

женіе, способъ производства ихъ времени, выраженный въ идеяхъ; эти писатели были теоретиками мануфактурнаго періода и, пожалуй, также начинавшейся крупной фабрично-заводской промышленности. Конечно, они при этомъ не могли видѣть *дальше* своего времени, не могли тѣмъ больше, чѣмъ яснѣе они разбирались *въ немъ*; они принимали экономическіе порядки своего времени за осуществленіе вѣчныхъ законовъ природы, которые послѣ продолжительнаго и полнаго ошибокъ до-историческаго періода пробились, наконецъ, наружу и отнынѣ не могутъ быть ничѣмъ поколеблены. Но когда они думали такъ, то это была ихъ особая историческая ограниченность, тѣнь къ тому свѣту, который они проливали на законы народнаго хозяйства. Если бы нѣмецкіе преподаватели науки о народномъ хозяйствѣ хотѣли быть не простыми только подражателями, а самостоятельно развивать ее дальше, то ихъ дѣло было устранить эту историческую ограниченность, чему уже было положено многообѣщающее начало въ англійскомъ и французскомъ соціализмѣ.

Не это, однако, понимали нѣмецкіе профессора подъ своимъ „историческимъ методомъ", и чѣмъ больше обострялись на практикѣ экономическія противорѣчія въ Германіи, тѣмъ больше ихъ боязливыя души содрогались предъ перспективой быть вырванными изъ своихъ тихихъ аудиторій на арену столь ожесточенной борьбы. Ученія Адама Смита и Рикардо, именно потому, что они были истинно историческими продуктами, а не выдуманы изъ головы, нанесли послѣдній ударъ феодальному міросозерцанію и заключали уже въ себѣ первое смутное начало соціалистическаго міровоззрѣнія. То и другое было одинаково непріятно вѣрнымъ слугамъ романтически-настроенныхъ государей. При такихъ обстоятельствахъ для этихъ вѣрноподданныхъ патріотовъ вышло весьма удобно, что радикальные фритредеры отшлифовали ученія классической экономіи въ нѣсколько абстрактныхъ и тощихъ понятій, на фонѣ которыхъ тѣмъ ярче могли выдѣляться полнота и блескъ „историческаго метода". Этотъ методъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ весьма неисторической попыткой уклониться отъ логическихъ слѣдствій историческаго развитія или, въ лучшемъ случаѣ, примирить непримиримое. Подъ покровомъ „историчности" можно было защищать отсталыя формы производства, занимавшія еще такъ много мѣста въ Германіи, то противъ капиталистической, то противъ соціалистической аргументаціи; укрываясь за мощными нагроможденіями историческихъ замѣчаній и замѣчаньицъ, можно было об-

мѣниваться, смотря по обстоятельствамъ, любовными или гнѣвными взглядами то съ феодализмомъ, то съ капитализмомъ, то съ соціализмомъ.

Главою этого направленія былъ Вильгельмъ Рошеръ въ Геттингенѣ. Руководясь правильнымъ инстинктомъ, онъ началъ съ того, что назвалъ свой методъ подражаніемъ тому методу, при помощи котораго историческая школа права пыталась повернуть назадъ колесо исторіи. Отказавшись отъ критическаго изслѣдованія современнаго процесса производства и недвусмысленнаго формулированія его результатовъ, онъ сравнивалъ, напротивъ, всевозможные народы и времена, чтобы изъ большой массы историческихъ явленій извлечь закономѣрное и существенное. Онъ хотѣлъ не уяснить, а затушевать отличительныя особенности капиталистическаго способа производства. Вмѣсто того, чтобы прослѣдить типическое развитіе англійскихъ и французскихъ условій, онъ изучалъ „въ особенности" древніе народы, причемъ изъ безспорнаго факта, что „ихъ эволюціи во всякомъ случаѣ совершенно закончены", выводилъ сомнительное заключеніе, будто античное народное хозяйство въ тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ извѣстное сходство съ современнымъ, даетъ „неоцѣнимую руководящую нить" для сужденія. При помощи этого замѣчательнаго метода Рошеръ перебивался въ теченіе полувѣка въ роли „маститаго учителя политической экономіи", благополучно отвѣчая невнятнымъ да *и* нѣтъ на всѣ экономическіе вопросы, которые въ теченіе этого продолжительнаго періода времени настойчиво требовали яснаго да *или* нѣтъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкомъ большой учености, и извѣстное почтеніе къ классическимъ представителямъ буржуазной экономіи мѣшало ему все-таки третировать ихъ какъ „дохлыхъ собакъ",—въ такой мѣрѣ, какъ это стало скоро моднымъ при его гораздо менѣе ученыхъ и гораздо менѣе добросовѣстныхъ подражателяхъ. „Историческій методъ" выродился въ совершенно безпринципную политику оппортюнизма, которая умѣла раздувать всякую мелочь феодально-цеховаго строя въ замѣчательное историческое явленіе и даже въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ лишь пережевывала, якобы какъ открытія, составляющія эпоху, то, что отнюдь не было упущено изъ виду Смитомъ и Рикардо, а напротивъ, было прямо указано ими.

Въ сороковыхъ годахъ былъ только одинъ нѣмецкій ученый, дѣйствительно стоявшій на высотѣ классической экономіи и сумѣвшій до извѣстной степени развить ее дальше, но онъ не

принадлежалъ къ патентованному цеху. Карлъ Родбертусъ происходилъ изъ академическихъ круговъ. Его отецъ былъ профессоромъ права въ Грейфсвальдскомъ университетѣ, его дѣдомъ съ материнской стороны былъ извѣстный въ 18-мъ столѣтіи физіократъ Шлеттвейнъ, который практически помогалъ маркграфу Карлу Фридриху баденскому при устройствѣ сельскихъ общинъ согласно физіократическимъ началамъ, затѣмъ читалъ лекціи въ Базелѣ и Гиссенѣ и, наконецъ, закончилъ свое жизненное поприще какъ сельскій хозяинъ въ мекленбургскомъ помѣстьѣ, принесенномъ ему въ приданое женою. Умственное развитіе Родбертуса нельзя выводить непосредственно отъ этого дѣда, умершаго еще до его рожденія, но все-таки унаслѣдованное соединеніе ученаго занятія съ практическимъ опытомъ и экономической независимостью крупнаго сельскаго хозяина подѣйствовало весьма благопріятно на развитіе его природныхъ дарованій. Родбертусъ усвоилъ въ нѣмецкихъ университетахъ юридическое и философское образованіе того времени, затѣмъ прошелъ первыя ступени прусской бюрократіи, научился оцѣнивать соціальныя проблемы въ силезскихъ окружныхъ управленіяхъ въ Бреславлѣ и Оппельнѣ, по выходѣ въ отставку путешествовалъ долго по Англіи и Франціи, затѣмъ изучалъ опять исторію и экономію въ Гейдельбергѣ и Дрезденѣ и, наконецъ, уже въ 30 лѣтъ пріобрѣлъ рыцарское помѣстье Ягецовъ въ передней Помераніи, гдѣ могъ жить, пользуясь пріятнымъ досугомъ, согласно своимъ склонностямъ, не заботясь о расположеніи или немилости окружающаго міра, но, понятно, оторванный также отъ жизни и дѣятельности послѣдняго.

Первая же статья о требованіяхъ рабочихъ классовъ, которую Родбертусъ хотѣлъ помѣстить въ 1839 г. въ „Аугсбургской Всеобщей Газетѣ", но которую онъ получилъ обратно отъ этого профессорскаго органа, какъ несвоевременную фантазію, показываетъ намъ его на такой высотѣ экономическаго пониманія, какой тогда не достигъ еще ни одинъ нѣмецкій изслѣдователь. Когда Родбертусъ лѣтъ 30 спустя издалъ эти пожелтѣвшіе листы, то вправѣ былъ сказать, что они содержали уже цѣлую систему, въ правильности которой онъ съ теченіемъ времени все больше убѣждался. Это была нѣсколько двусмысленная похвала самому себѣ, ибо она могла означать и дѣйствительно означала лишь то, что Родбертусъ въ существенныхъ чертахъ продолжалъ оставаться на той самой точкѣ, до которой дошелъ около 1840 г. Тѣмъ не менѣе онъ всегда стоялъ значительно выше всего, что̀ дали въ области экономической науки

оффиціальныя и буржуазныя сферы. Какъ въ 40-хъ гг. онъ далеко возвышался надъ Рошерами и Листами, такъ онъ въ 50-хъ и 60-хъ гг. блестяще побилъ мелкихъ разносчиковъ свободной торговли, въ 70-хъ—критиковалъ катедеръ-соціализмъ, какъ безнадежную половинчатость, и, умирая, предсказалъ—безспорно соціальный ясновидецъ въ этомъ отношеніи,—что въ соціальномъ вопросѣ слава Бисмарка найдетъ свой „русскій походъ". Въ этихъ предѣлахъ Родбертусъ выказалъ себя величайшимъ нѣмецкимъ политико-экономомъ, какъ его назвалъ разъ Лассаль.

Родбертусъ никогда не соглашался пойти вспять въ сравненіи съ классической экономіей. „Историческому методу" нѣмецкихъ университетскихъ экономистовъ онъ противопоставилъ истинно-историческій принципъ, сказавъ: „соціальной реакціей, какъ вообще реакціей, для меня является всякій институтъ, который существовалъ и разложился, но который намъ предлагаютъ тѣмъ не менѣе ввести на будущее время, несмотря на то, что условія его существованія несовмѣстимы съ исторической жизненной ступенью этой будущей эпохи". Родбертусъ всегда высказывался въ пользу свободы передвиженія и свободы промысловъ; онъ осмѣивалъ попытки возстановленія цеховъ, какъ „миражи, туманные образы, оптическіе обманы"; онъ отвергалъ протекціонизмъ и объявлялъ свободу торговли лучшей частью системы Ад. Смита; онъ клеймилъ реакціонныхъ „политиковъ", которые хотятъ выбросить рабочимъ кусокъ, чтобы заручиться поддержкой пролетаріата для своихъ эгоистическихъ цѣлей; онъ доказалъ, что страхованіе на случай старости, инвалидности и болѣзни не затрагиваетъ сути рабочаго вопроса; онъ издѣвался надъ стремленіями сдерживать справедливыя притязанія рабочихъ при помощи полиціи и пушекъ, при помощи нравственныхъ проповѣдей и даже при помощи одного школьнаго обученія. Для него не существовало никакого „назадъ", какъ онъ заявлялъ съ самаго начала, а одно только „впередъ", ибо общество сожгло за собой корабли.

Соотвѣтственно съ этимъ Родбертусъ старался сдѣлать изъ теоріи цѣнности Рикардо соціалистическіе выводы. Такую попытку заключаетъ въ себѣ уже первая его статья и затѣмъ—въ томъ же направленіи, но болѣе подробно—его первая книга, которую онъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1842 г. подъ заглавіемъ „Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände". Для Германіи это былъ весьма значительный шагъ впередъ, но только для Германіи, ибо то, что сказалъ Родбертусъ, было—за исключеніемъ

одного пункта—давно сказано такъ же хорошо, если не лучше, въ Англіи или во Франціи; Родбертусъ былъ очень хорошо знакомъ съ литературой по политической экономіи и соціализму, появившейся въ этихъ странахъ до 1840 г. Впослѣдствіи онъ заявлялъ, что, кто не знаетъ литературы по соціальному вопросу съ 1818 г., когда никто еще не думалъ о Лассалѣ и Марксѣ, тотъ не знаетъ лучшаго, что въ ней есть, а 8 лѣтъ послѣ основанія Интернаціонала и 5 лѣтъ спустя послѣ появленія „Капитала" Маркса онъ способенъ былъ написать изумительное сужденіе, что ни въ наукѣ, ни въ рабочихъ собраніяхъ обсужденіе соціальнаго вопроса не поднималось вновь на *ту* высоту, съ которой онъ трактовался въ 20-хъ и 30-хъ гг.

Въ какой мѣрѣ Родбертусъ черпалъ непосредственно изъ англійской и французской литературы или въ какой мѣрѣ, получивъ отъ нея первоначальный толчокъ, онъ самостоятельно сдѣлалъ свои выводы изъ Рикардо, трудно установить въ деталяхъ потому, что самъ Родбертусъ былъ столь же лѣнивъ насчетъ цитированія, насколько онъ ревниво оберегалъ отъ посягательствъ третьихъ лицъ свои мнимыя или дѣйствительныя авторскія права на соціалистическія идеи. Онъ направо и налѣво бросалъ упреки въ плагіатѣ, даже противъ людей, которые подобно Марксу были представителями міровоззрѣнія, діаметрально противоположнаго его собственному во всѣхъ основныхъ пунктахъ. Вопросъ этотъ имѣетъ, однако, для историка соціализма гораздо меньшій интересъ, чѣмъ для біографа Родбертуса. Первый изъ нихъ долженъ удовлетвориться тѣмъ фактомъ, что соціалистъ Родбертусъ, все равно, какъ и откуда къ нему пришла его наука, не сказалъ ничего такого, что не было бы столь же хорошо или даже лучше сказано уже въ литературѣ англійско-французскаго соціализма, за исключеніемъ одного пункта — государственнаго соціализма, обозначавшаго не прогрессъ, а огромный попятный шагъ, какъ въ сравненіи съ крупно-буржуазнымъ утопизмомъ, такъ и въ сравненіи съ мелкобуржуазнымъ соціализмомъ западной Европы.

Въ самыхъ раннихъ своихъ произведеніяхъ Родбертусъ сравнительно часто цитируетъ Сисмонди. Уже въ первой своей статьѣ онъ, не называя прямо Сисмонди, ссылается однако на него, какъ „на экономиста, имя котораго вызываетъ представленіе не только о знаменитости, но и гуманности", чтобы объяснить законъ, связываемый обыкновенно съ именемъ Рикардо, — законъ, согласно которому заработная плата тяготѣетъ въ капиталистическомъ об-

ществѣ къ необходимымъ средствамъ существованія, требующимся рабочему для поддержанія своей рабочей силы и продолженія себя въ лицѣ своихъ дѣтей. Но какъ разъ противъ Рикардо Сисмонди отстаивалъ объясненіе торговыхъ кризисовъ фактомъ недостаточнаго потребленія рабочихъ классовъ, и это объясненіе было основной мыслью теоріи Родбертуса, къ которой все остальное относится, по его собственному признанію, лишь какъ придатокъ въ видахъ разъясненія и обоснованія. Отсюда не слѣдуетъ, однако, прямо заключать, что Родбертусъ заимствовалъ у Сисмонди свою основную мысль, на которую онъ заявлялъ авторскія права, какъ на совершенно новую. Еще до Сисмонди мы встрѣчаемъ подобное же объясненіе торговыхъ кризисовъ у Оуэна, и именно слѣды Оуэна очень ясно видны въ первой статьѣ Родбертуса, хотя Оуэнъ не упоминается здѣсь даже въ формѣ намека.

Въ своей первой статьѣ Родбертусъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ общественную организацію, при помощи которой каждому были бы наиболѣе обезпечены плоды его труда: „Нужно упразднить собственность, приносящую владѣльцу ренту безъ труда съ его стороны, но тѣмъ прочнѣе утвердить собственность на продуктъ труда. Земля и капиталъ должны стать общественной собственностью, но то, что создается при помощи этихъ орудій труда сверхъ воспроизведенія капитала, должно быть собственностью рабочихъ соразмѣрно произведенной ими работѣ. Такой порядокъ призналъ бы юридическое начало, что трудъ есть не только конститутивный, но и распредѣлительный принципъ собственности. Съ сенъ-симонистскимъ порядкомъ онъ имѣлъ бы ту общую черту, что отсутствовала бы всякая собственность, приносящая ренту, но онъ значительно различался бы отъ него въ томъ отношеніи, что смотрѣлъ бы на собственность, приведенную къ указанной сейчасъ естественной мѣрѣ, какъ на составную, интегрирующую часть правового порядка; то, что тамъ оставалось бы произволомъ высшихъ, здѣсь получило бы свое обоснованіе и свою мѣру въ собственномъ правѣ индивидуума. Если прослѣдить въ успѣхахъ рикардовской школы трудовой хозяйственный принципъ; если разобрать тщательно рикардовское вычисленіе реальной цѣнности, по которому послѣдняя—не исключая части, переходящей въ продуктъ изъ постояннаго капитала—разлагается въ рабочее время; если принять затѣмъ въ соображеніе, что основаніе, на которомъ покоилось бы въ предполагаемомъ нами строѣ притязаніе рабочаго на собственность, есть также только затраченное рабочее время, и что та-

кимъ образомъ дано мѣрило и для оправданія, и для равноцѣннаго количества хозяйственныхъ благъ; если сдѣлать еще шагъ дальше и основать на этомъ общемъ мѣрилѣ оправданія и цѣнности благъ новыя деньги, — *такого* рода деньги и *такимъ* способомъ введенныя въ обращеніе, чтобы онѣ въ безразличной формѣ того же рабочаго времени составляли для рабочаго удостовѣреніе о хозяйственномъ благѣ, которое онъ въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени внесъ въ экономическій оборотъ, и слѣдовательно, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ чекомъ на столько же другихъ благъ любого рода; если подумать, что никакія деньги не давали бы бóльшихъ гарантій, чѣмъ эти деньги, которыя всегда можно было бы реализировать по одинаковой цѣнности,—если основательно взвѣсить всѣ эти указанія, то нужно будетъ сознаться, что такой порядокъ не заключалъ бы въ себѣ ничего невозможнаго или вреднаго для производства". То, что Родбертусъ рисуетъ въ этихъ непомѣрно длинныхъ предложеніяхъ, есть ничто иное, какъ спеціальная утопія оуэновскаго соціализма. Этотъ фактъ не можетъ быть поколебленъ ни тѣмъ обстоятельствомъ, что Родбертусъ развиваетъ идею такъ, какъ если бы она исходила отъ него, въ чемъ онъ могъ самъ ошибаться, ни тѣмъ, что нѣсколько десятилѣтій спустя онъ увѣрялъ, будто при составленіи первыхъ своихъ работъ не зналъ о практическихъ попыткахъ, сдѣланныхъ Оуэномъ уже въ 30-хъ гг. для осуществленія своей утопіи, и неудачѣ, постигшей ихъ.

Утопія Оуэна была идеаломъ Родбертуса, превосходно изобразившаго не только возможность общей собственности на землю и орудія производства, но и громадный прогрессъ, какой получился бы отсюда для человѣчества. Все это было, однако, для него только надзвѣзднымъ идеаломъ: человѣчество должно было кочевать „въ пустынѣ" приблизительно еще полтысячелѣтія, пока оно достигнетъ „обѣтованной земли освобожденія отъ собственности на землю и капиталъ". Такъ повелѣлъ Родбертусъ, ибо экономическихъ и вообще осязательныхъ доводовъ въ пользу необходимости такой, нѣсколько длинноватой переходной стадіи онъ никогда не представилъ. Въ своей первой статьѣ онъ одинъ разъ говоритъ, что настоящее слишкомъ далеко отъ осуществленія идеала, чтобы стоило подробнѣе останавливаться на послѣднемъ, другой разъ—что всѣ хотѣли бы достиженія рабочими большей имущественной обезпеченности, только не на счетъ землевладѣнія или капитала. Позже онъ заявлялъ, что въ теченіе упомянутаго полу-тысяче-

лѣтія человѣчество не можетъ обойтись безъ того принужденія къ труду, которое обусловливается фактомъ существованія собственности, приносящей, ренту. Все это и тому подобныя вещи были въ лучшемъ случаѣ выраженіемъ искренняго убѣжденія, не смущаемаго, однако, никакими объективными точками зрѣнія.

Тѣмъ не менѣе Родбертусъ открылъ выходъ, который долженъ былъ сдѣлать сносной полу-тысячелѣтнюю подготовительную ступень къ общей собственности. Послѣдовательно проводя положеніе Смита-Рикардо, что всѣ блага въ хозяйственномъ отношеніи только продукты труда и ничего, кромѣ труда, не стоятъ, онъ хотѣлъ создать бумажныя „рабочія деньги“ на манеръ Оуэна, но не съ цѣлью обезпечить каждому плоды его труда или уменьшить поземельную ренту и прибыль на капиталъ, даже не съ цѣлью помѣшать возвышенію послѣднихъ, а исходя изъ гораздо болѣе скромнаго намѣренія—гарантировать средство, которое дало бы государству возможность при возрастающей производительности труда повышать заработную плату въ пропорціи, соотвѣтствующей росту поземельной ренты и прибыли на капиталъ. Если, напр., изъ всего продукта, созданнаго трудомъ, одна треть приходилась до сихъ поръ на поземельную ренту, одна треть—на прибыль, и только послѣдняя треть—на заработную плату, то указанное отношеніе слѣдовало сохранить и въ будущемъ, такъ чтобы заработная плата участвовала на одну треть въ возрастающемъ продуктѣ труда, наравнѣ съ поземельной рентой и прибылью на капиталъ. Эта утопія лишь тѣмъ отличалась отъ прочихъ утопій „рабочихъ денегъ“, идею которыхъ защищали Оуэнъ и даже Грей, а впослѣдствіи Прудонъ, что по своимъ средствамъ и цѣлямъ она была еще болѣе тщедушной, еще болѣе невозможной, если существуютъ степени невозможности. Какимъ образомъ государство должно было выполнить возлагаемый на него кунштюкъ, это Родбертусъ открылъ лишь въ туманныхъ намекахъ на нормальный рабочій день, а затѣмъ онъ всегда ссылался на непогрѣшимые рецепты, имѣющіеся у него въ карманѣ,—рецепты, которые не увидѣли, однако, свѣта ни до, ни послѣ его смерти. Впрочемъ, осуществленіемъ утопіи Родбертуса отнюдь не было бы достигнуто то, чего онъ хотѣлъ достигнуть при ея помощи. Недостаточное потребленіе рабочихъ массъ играетъ извѣстную роль при торговыхъ кризисахъ, но не рѣшающую роль: оно не есть причина той соціальной нужды, которая характерна для вѣка крупной промышленности, и это явствуетъ уже изъ того,

что оно всегда существовало среди эксплуатируемыхъ классовъ, пока существовало классовое господство.

Обусловлено было указываемое худосочіе родбертусовской утопіи тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальному изслѣдователю Родбертусу, выступившему съ многообѣщающей попыткой развить въ соціалистическомъ направленіи классическую экономію, сталъ помѣхой на пути Родбертусъ-утопистъ, нѣмецкій философъ и прусскій крупный землевладѣлецъ.

Подобно всѣмъ утопистамъ Родбертусъ относился отрицательно къ пролетарской классовой борьбѣ. Онъ не хотѣлъ давать никакихъ надписей для знаменъ рабочаго класса. Онъ чувствовалъ искреннее сострадание къ этому классу, но столь же искренній страхъ предъ нимъ. Онъ мѣтко бичевалъ безсмысленную брань нѣмецкихъ буржуазныхъ газетъ по адресу парижской коммуны, онъ способенъ былъ рвать и метать по поводу „христіанской морали", которою хотѣли пособить рабочимъ, онъ видѣлъ, что пролетаріи начинаютъ умственно и нравственно превосходить имущіе классы, но всякое самостоятельное движеніе рабочаго класса было въ его глазахъ не болѣе, какъ предостерегающимъ „мене текелъ" для господствующихъ классовъ. Отъ парижской коммуны онъ также отдѣлывался если не бранью, то громкимъ словечкомъ, фразой о варварахъ, которыхъ современная цивилизація воспитываетъ въ собственныхъ нѣдрахъ, выраженіемъ, впервые пущеннымъ въ ходъ во время великой французской революціи роялистомъ Малле дю Паномъ и съ тѣхъ поръ вошедшимъ въ число запыленныхъ доспѣховъ феодальнаго соціализма. Родбертусъ порядочно гордился еще этимъ, когда, откопавъ впослѣдствіи свою первую статью, открылъ, что онъ тѣмъ же выраженіемъ отдѣлалъ чартистскія волненія 30-хъ гг. Даже къ пролетарской борьбѣ въ ея чисто легальныхъ формахъ онъ не чувствовалъ никакой симпатіи. Онъ предсказывалъ, что черезъ сто лѣтъ свобода рабочихъ коалицій будетъ объявлена безуміемъ, и какъ отрицательно онъ ни относился къ карлсбадскимъ постановленіямъ противъ рабочихъ, все же онъ не прочь былъ пустить въ ходъ полицейскую палку противъ „стачечной безсмыслицы". Въ тѣхъ весьма немногихъ случаяхъ, когда онъ непосредственно обращался или хотѣлъ обратиться къ рабочимъ, онъ предостерегалъ ихъ противъ политической борьбы, совѣтовалъ имъ вести мирные переговоры съ господствующими классами.

Англійскіе и французскіе утописты „рабочихъ денегъ" также

отвергали пролетарскую классовую борьбу, но такъ какъ они стояли въ самомъ водоворотѣ современнаго буржуазнаго общества, то искали съ большей или меньшей логичностью, хотя и съ одинаковымъ всегда неуспѣхомъ, такихъ соціальныхъ учрежденій, при помощи которыхъ могли бы быть осуществлены ихъ утопіи, другими словами—они хотѣли разрѣшить экономическій вопросъ экономическимъ путемъ. Тѣмъ естественнѣе былъ для нѣмецкаго философа и прусскаго помѣщика Родбертуса призывъ къ государству.

На Родбертусѣ сильно отразилось вліяніе нѣмецкой философіи. Онъ зналъ всѣ ея государственныя теоріи, отъ замкнутаго торговаго государства Фихте до философіи права Шталя, и страннымъ образомъ увѣрялъ, что изъ всѣхъ произведеній указаннаго рода ему далъ всего больше этотъ неудачный послѣдышъ классической философіи. Страннымъ, но, пожалуй, и не страннымъ образомъ! Дѣлая такое признаніе, Родбертусъ характеризовалъ методу Шталя слѣдующими словами: Шталь заимствовалъ свои соціальныя идеи отъ средневѣковыхъ порядковъ, одѣлъ ими престолъ Всевышняго и затѣмъ снова взялъ себѣ взаймы пару такихъ божественныхъ лучей, чтобы при ихъ помощи сообщить приличный видъ новой сословной монархіи. Въ другомъ мѣстѣ онъ противъ требованія Шталя, чтобы наука вернулась назадъ, возражаетъ: совершенно вѣрно, что общественную науку слѣдуетъ повернуть назадъ отъ ея индивидуалистическаго взгляда на вещи, но она не можетъ вернуться вспять въ ею же созданную пустыню, а должна пробиться впередъ; никакое столѣтіе исторіи нельзя сдѣлать несуществовавшимъ. При всемъ томъ нетрудно понять, почему Родбертусъ чувствовалъ влеченіе именно къ произведенію Шталя и, къ сожалѣнію, почерпнулъ изъ него, повидимому, слишкомъ много. Такъ какъ государство по своему историческому существу покоится на противоположности классовъ, такъ какъ оно одновременно организуетъ и маскируетъ господство одного класса надъ другими, то культъ безусловной государственности имѣетъ властныя и мистическія черты, которыя тѣмъ рѣзче выступаютъ у его безусловныхъ приверженцевъ, чѣмъ больше ихъ иллюзіямъ грозитъ опасность отъ растущаго возмущенія подчиненныхъ классовъ. Но именно такъ и обстояло дѣло съ Родбертусомъ: чѣмъ болѣе угрожающимъ ему казалось революціонное рабочее движеніе, тѣмъ больше онъ дѣлалъ своимъ божествомъ или идоломъ государство.

Все это было на половину мистической игрой именами и числами, но на половину также дѣйствительнымъ религіознымъ

поклоненіемъ. Родбертусъ укладывалъ исторію человѣчества въ прокрустово ложе государственныхъ типовъ:, различая антично-языческій типъ съ собственностью на человѣка, католическо-германскій—съ собственностью на землю и капиталъ, христіанско-соціальный — съ трудовой собственностью. Каждый изъ этихъ государственныхъ типовъ онъ дѣлилъ на нѣсколько видовъ: католическо-германскій, напримѣръ, на церковное, сословное, бюрократическое и представительное государства. Въ этомъ послѣднемъ видѣ католическо-германскаго государственнаго типа мы живемъ теперь, а за нимъ послѣдуетъ первый видъ христіанско-соціальнаго типа, который будетъ носить ярко религіозный отпечатокъ. Родбертусъ былъ вполнѣ послѣдователенъ, когда ставилъ представительное государство, сколь несовершеннымъ онъ ни считалъ его, выше государства сословнаго; въ 40-хъ и 50-хъ гг. онъ примыкалъ къ демократическо-либеральной оппозиціи противъ сословнаго государства съ христіанской окраской, защищаемаго Шталемъ. Къ тому же онъ обладалъ слишкомъ яснымъ и трезвымъ умомъ, чтобы питать естественное расположеніе къ какому-нибудь ханжеству; въ соціальномъ вопросѣ онъ имѣлъ „зубъ противъ черныхъ", и когда при посѣщеніи Суроваго Дома открылъ въ библіотекахъ братьевъ разные географическіе, историческіе и естественно-историческіе трактатики, написанные „съ христіанской точки зрѣнія", то на уста его просился злой вопросъ, не занимаются ли они также и математикой „съ христіанской точки зрѣнія". Почему же, спрашивается, его „государство будущаго", государственный типъ съ трудовой собственностью, должно быть христіанско-соціальнымъ, а первый видъ этого типа носить даже ярко религіозный характеръ?

Да просто потому, что этого требовала схема, начертанная Родбертусомъ для хода міровой исторіи. Первымъ видомъ католическо-германскаго государственнаго типа было церковное государство среднихъ вѣковъ, слѣдовательно и первымъ видомъ древне-языческаго государственнаго типа должно было быть какое-нибудь церковное государство. Съ этой цѣлью Родбертусъ помѣстилъ въ началѣ египетскаго государства своего рода теократію, составлявшую въ дѣйствительности его конецъ, какъ самостоятельнаго политическаго союза. Но если даже такое исправленіе всемірно-историческаго хода вещей не затрудняло Родбертуса, то тѣмъ менѣе это могло сдѣлать пророчество, что по аналогіи и „государство будущаго" начнется съ оживленія религіознаго принципа. По-

истинѣ поразительно, въ какой формальный схематизмъ культъ государства загналъ этого толковаго человѣка, обладавшаго, несомнѣнно, богатыми историческими познаніями. Тотъ неудобный фактъ, что нынѣшнія государства, хотя и принадлежа къ одному виду, представляютъ однако крупныя различія между собою, Родбертусъ обходилъ слѣдующимъ образомъ: человѣку дана, молъ, „свобода выбора разновидностей", и потому онъ можетъ по своему усмотрѣнію украсить представительное государство немножко большимъ или немножко меньшимъ количествомъ „конституціонализма", но въ прочихъ отношеніяхъ ему приходится „слушаться властвующаго въ исторіи божества" и безпрекословно переживать государственные типы и ихъ виды въ томъ порядкѣ, какъ это предписалъ ему, согласно волѣ божества, Родбертусъ. Чтобы еще больше укрѣпить свою позицію въ этомъ отношеніи, Родбертусъ открылъ законъ тріединства, который онъ неутомимо прослѣживалъ черезъ всѣ фазы не только человѣческой, но и божественной жизни... согласно надежной методѣ—всегда выставлять заранѣе, въ качествѣ предпосылки, то, что ему хотѣлось найти.

Съ несравненно болѣе практичной стороны, чѣмъ нѣмецкій философъ, ухватился за государственный соціализмъ прусскій помѣщикъ Родбертусъ. Этого не надо понимать въ какомъ-нибудь оскорбительномъ смыслѣ: Родбертусъ былъ чистымъ характеромъ, привлекательнымъ и любезнымъ въ самыхъ своихъ причудахъ, вполнѣ джентельменомъ, котораго „глубоко трогалъ" дружескій привѣтъ собранія соціалдемократическихъ рабочихъ,—глубже, чѣмъ должности и чины, получаемые отъ любезнаго его сердцу государства. Но нельзя безнаказанно прожить сорокъ лѣтъ крупнымъ помѣщикомъ въ Остъ-Эльбіи. Общественно-классовое положеніе Родбертуса безсознательно сказывается уже въ первыхъ и самыхъ свѣжихъ его произведеніяхъ. Узость и скромность его утопіи, его недовѣріе къ зрѣлости рабочаго класса, его удивительное предположеніе, что найдется пролетаріатъ, который въ теченіе 500 лѣтъ будетъ мирно сидѣть, когда ему ежедневно будутъ показывать чернымъ на бѣломъ, что большая часть затрачиваемой имъ рабочей силы высасывается тунеядствующими классами,—все это объясняется у даровитаго и разносторонне образованнаго соціальнаго политика лишь тѣмъ, что изъ германскаго пролетаріата, вообще весьма еще неразвитаго, Родбертусъ зналъ по практическому опыту только самый, быть можетъ, неразвитый слой—померанскій земледѣльческій пролетаріатъ.

Чѣмъ больше развивалась германская промышленность и вмѣстѣ съ нею классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, тѣмъ больше Родбертусъ, который по всему своему взгляду на вещи могъ ждать только бѣдственныхъ результатовъ какъ отъ побѣды буржуазіи, такъ и отъ побѣды пролетаріата, — тѣмъ больше, говоримъ мы, онъ долженъ былъ приходить къ мысли, что для возстановленія равновѣсія въ классовомъ государствѣ, безъ котораго еще долго нельзя будетъ обходиться, нужно вновь укрѣпить и поддержать третій большой классъ буржуазнаго общества—представителей земельной собственности, которую мѣстами уже захватилъ въ свои когти капиталъ и подъ которую въ другихъ мѣстахъ подкапывается мятежный трудъ. Такимъ-то образомъ сталъ возможнымъ фактъ, что тотъ самый Родбертусъ, который нѣкогда мужественно выступилъ по своему въ пользу „требованій рабочихъ классовъ", способенъ былъ 30 лѣтъ спустя обратиться къ своимъ товарищамъ по классу съ призывомъ: „сплотимся вокругъ нашей ренты!"; что онъ требовалъ государственной помощи для обремененныхъ долгами прусскихъ юнкеровъ еще настойчивѣе, чѣмъ государственной помощи для голодающихъ нѣмецкихъ рабочихъ. Онъ поступалъ такъ же въ силу безнравственной классовой морали, ибо онъ прямо говорилъ, что соціальный вопросъ гигантъ въ сравненіи съ рентнымъ принципомъ—новой, предложенной имъ формой поземельнаго кредита. Онъ поступалъ такъ, дѣлая логическій выводъ изъ извѣстнаго міровоззрѣнія,—міровоззрѣнія, опредѣлявшагося, впрочемъ, въ конечномъ счетѣ его классовымъ сознаніемъ.

Съ первой своей книгой Родбертусъ имѣлъ нѣсколько больше удачи, чѣмъ съ первой своей статьей. Онъ могъ, по крайней мѣрѣ, выпустить ее въ свѣтъ при посредствѣ одного захолустнаго книгоиздательства въ Мекленбургѣ. Но она осталась совершенно неизвѣстной и не оставила никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ въ умственномъ и соціальномъ движеніи 40-хъ гг. Лишь въ послѣдующія десятилѣтія тѣнь Родбертуса широко легла на исторію германской соціалъ-демократіи. Или точнѣе говоря: тѣнь его тѣни. Ибо въ сущности онъ только послѣ своей смерти былъ объявленъ правовѣрнымъ папою въ противоположность великимъ еретикамъ революціоннаго соціализма, объявленъ изъ самыхъ сомнительныхъ мотивовъ и въ той странной формѣ, что поклонники видѣли въ немъ незрѣлаго мечтателя и на этомъ основаніи умаляли его значеніе тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно кое-что далъ, тамъ же, гдѣ

онъ не далъ ничего, они раздули его въ генія, открывшаго собою новую эпоху.

Онъ заслужилъ лучшей участи, ибо во всемъ существенномъ всегда оставался вѣрнымъ себѣ. Стараго Родбертуса нельзя понять, не зная молодого, какъ и молодого Родбертуса безъ стараго. Поэтому намъ казалось умѣстнымъ нарисовать его образъ именно въ исторіи до-мартовскаго соціализма, въ ту пору, когда его духовная физіономія пріобрѣла опредѣленныя черты, которыя съ дальнѣйшими годами врѣзывались только рѣзче и глубже.

---

6. Соціалистическая лирика.

Среди ростковъ, которые германскій соціализмъ пустилъ въ 40-хъ гг., соціалистическая поэзія не принадлежала къ числу самыхъ слабыхъ. Въ литературѣ все еще жила здоровая традиція классическаго вѣка нѣмецкаго бюргерства, и призывъ пролетаріата о помощи находилъ въ ней звучный откликъ. Этотъ откликъ былъ слабѣе въ восточной Германіи, сильнѣе въ западной, но особенно силенъ среди нѣмецкой эмиграціи, среди поэтовъ, которыхъ, по выраженію одного изъ нихъ, „ihrer Lieder Schwert westwärts hat getrieben“ („мечъ ихъ пѣсенъ погналъ на западъ“).

Стихотворенія Карла Бекка, Мейснера, Ленау были сначала полны глухого негодованія и смутной надежды на освобожденіе. Въ пѣсняхъ о бѣднякѣ Беккъ осыпалъ домъ Ротшильда, этого царя царей, страстными обвиненіями и грозилъ повелителю рабовъ судомъ свободныхъ. Мейснеръ видѣлъ безкровныя лица дѣтей тамъ, гдѣ „дымились высокія фабричныя трубы, и желѣзныя колеса выстукивали въ раскаленной атмосферѣ тяжелый танецъ“; онъ негодовалъ на Мессію, обѣщавшаго дѣтямъ царство небесное. Глубже ихъ чувствовалъ Ленау тяжесть умиранія въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, съ горячими желаніями, неотмщенными муками; яснѣе ихъ онъ сознавалъ, что стоитъ на порогѣ новой эпохи, какъ нѣкогда стояли его альбигойцы. Ихъ смутное предчувствіе свободы онъ облекъ въ великолѣпное „Видѣніе“, которое Марксъ ради его истинно-философской правды повторялъ еще тогда, когда солнце науки уже распространило въ его величайшемъ произведеніи потоки дневного свѣта:

Das Licht vom Himmel lässt sich nicht versprengen,
Noch lässt der Sonnenaufgang sich verhängen

Mit Purpurmänteln oder dunklen Kutten;
Den Albigensern folgen die Hussiten
Und zahlen blutig heim, was jene litten;
Nach Huss und Ziska kommen Luther, Hutten,
Die dreissig Jahre, die Zevennenstreiter,
Die Stürmer der Bastille und so weiter.

[Небеснаго свѣта нельзя отрѣзать, какъ невозможно завѣсить восходъ солнца пурпурными мантіями или темными рясами; послѣ альбигойцевъ слѣдуютъ гусситы и производятъ кровавую расплату за страданія, вынесенныя первыми; вслѣдъ за Гуссомъ и Жишкой приходятъ Лютеръ, Гуттенъ, 30-лѣтняя война, севенскіе борцы (камизары), разрушители Бастиліи и такъ далѣе].

Совсѣмъ другія ноты слышатся у Гейне. Онъ ежедневно встрѣчался съ Марксомъ, пока тотъ жилъ въ Парижѣ, и какъ разъ въ это время, въ 1844 г., появилась безсмертная „Зимняя сказка" Гейне, гдѣ восходящія свѣтила соціализма отражаются въ такой же степени, въ какой надъ появившимся тремя годами раньше „Атта Троллемъ" витаютъ еще убѣгающія тѣни романтики. Въ духѣ Гейне искони перекрещивались идеи трехъ великихъ міросозерцаній, и именно эта удивительная игра цвѣтовъ и формъ, которая при всѣхъ своихъ рѣзкихъ противорѣчіяхъ сливалась въ гармоническое созвучіе, образуетъ его геній, не имѣвшій себѣ равнаго среди современниковъ. Гейне никогда не могъ вполнѣ забыть голубого цвѣтка романтизма и никогда не могъ вполнѣ побѣдить въ себѣ страха предъ коммунизмомъ. Но „Зимняя сказка" остается свободнѣйшей изъ его пѣсенъ: уничтожающей въ своемъ остроуміи, правдивой въ своемъ паѳосѣ, пѣвучимъ пламенемъ, пожирающимъ гнилой міръ, чтобы изъ его пепла могъ, какъ Фениксъ, возродиться новый міръ. Въ освободительной борьбѣ пролетаріата то и дѣло раздаются вновь эти стихи, проникнутые увѣренностью въ побѣдѣ, съ ихъ радостной серьезностью и посмѣивающейся самонадѣянностью:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten:
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.

* * *

Wir wollen auf Erden glücklich sein
Und wollen nicht mehr darben;
Verschlemmen soll nicht der faule Bauch,
Was die fleissigen Hände erwarben.

* * *

Es wächst hienieden Brot genug,
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrthen, Schönheit und Lust
Und Zuckererbsen nicht minder.

* * *

Ja, Zuckererbsen für jedermann,
Sobald die Schoten platzen!
Den Himmel überlassen wir
Den Engeln und den Spatzen.

[Нѣтъ, новую пѣснь, о, друзья! пропою
Для васъ я—пѣснь лучшаго склада:
Устроить небесное царство себѣ
Намъ здѣсь на землѣ уже надо.

* * *

Ужъ здѣсь на землѣ будемъ счастливы мы:
Про голодъ ни слуху, ни духу,
Того, что добыто прилежной рукой,
Не жрать ужъ лѣнивому брюху.

* * *

Достаточно хлѣба растетъ здѣсь внизу,
Всѣмъ хватитъ по милости Бога;
И миртовъ, и розъ, красоты и утѣхъ,
И сладкихъ горошинокъ много.

* * *

Да, сладкій горошекъ, чуть лопнутъ стручки,
Для всякаго въ свѣтѣ найдется;
А горнее царство пускай воробьямъ
И духамъ его достается.] (Перев. *П. Вейнберга*).

Если бы мы даже не имѣли прямого свидѣтельства Руге, то относящіяся къ этому времени стихотворенія Гейне свидѣтельствовали бы, какое сильное вліяніе оказалъ на него Марксъ. Часто они взвѣшивали вдвоемъ каждое слово въ стихотвореньицѣ изъ нѣсколькихъ строкъ, неутомимо отдѣлывая его до полной законченности. Но, съ другой стороны, и Гейне имѣлъ глубокое вліяніе на Маркса и Энгельса; въ ихъ статьяхъ второй половины 40-хъ гг. часто повторяются его стихи. Что не удалось радикальному мелкому буржуа Бёрне и тѣмъ менѣе посильно современному реакціонному филистеру, то оказалось легкимъ дѣломъ для Маркса и Энгельса, какъ и для теперешняго пролетаріата, проникнутаго классовымъ сознаніемъ: они поняли Гейне въ его величіи и потому также въ его слабостяхъ. Марксъ не мыслилъ безнравственнѣе, чѣмъ Бёрне, когда очень снисходительно судилъ о темныхъ сторонахъ Гейне, и замѣчалъ, что поэты—чудной народъ, кото-

рымъ надо предоставлять идти своей дорогой, что не слѣдуетъ мѣрять ихъ мѣркой обыкновенныхъ людей или даже необыкновенныхъ. Марксъ мыслилъ лишь шире и — если вопросъ хотятъ перенести на моральную почву — нравственнѣе также: онъ исторически понималъ, почему Гейне не могъ быть инымъ, чѣмъ онъ былъ, и общественное дѣло гейневской жизни представлялось ему великимъ дѣломъ для освобожденія угнетенныхъ классовъ, а личные недостатки Гейне—пустякомъ, годнымъ только на то, чтобы приводить въ нравственное негодованіе послѣобѣденныхъ проповѣдниковъ. Съ другой стороны, буржуазная респектабельность Руге ни на минуту не удержала Маркса отъ рѣшительнаго разрыва съ узко-буржуазными воззрѣніями Руге.

Гервегъ пытался творить въ такомъ же духѣ, какъ Гейне, но у него получился только ѣдко приправленный, озлобленный сарказмъ, а не освобождающее міръ остроуміе и юморъ. Его лира была и осталась разбитой. Тѣмъ могучѣе воспрянула соціалистическая муза его прежняго противника Фрейлиграта, который теперь съ избыткомъ вернулъ себѣ уваженіе, потерянное изъ-за насмѣшекъ надъ тріумфальной поѣздкой Гервега. Гнусный деспотизмъ, порабощавшій его любимую Германію, пробудилъ въ пѣвцѣ красной земли старый мятежный духъ саксонцевъ: онъ вернулся домой изъ своихъ экзотическихъ экскурсій и бросился на грудь родинѣ, измѣнившійся, но все-таки тотъ же. Въ своемъ „Glaubensbekenntniss" („Исповѣданіи вѣры") онъ отрекся отъ романтической реакціи и, выгнанный ею изъ Германіи, послалъ назадъ свое Ça ira: горячія, бурныя пѣсни, могучее, встряхивающее дѣйствіе которыхъ засвидѣтельствовалъ еще въ наши дни прусскій военный министръ, обозвавъ ихъ произведеніемъ безумной фантазіи. Въ пароходѣ, уносящемъ короля внизъ по свѣтлому Рейну, поэтъ видитъ изображеніе государства и вкладываетъ въ уста машинисту-пролетарію слѣдующія слова:

Du bist viel weniger ein Zeus, als ich, o König, ein Titan!
Beherrsch'ich nicht, auf dem du gehst, den allzeit kochenden Vulkan?
Es liegt an mir:—Ein Ruck von mir, Ein Schlag von mir zu dieser Frist,
Und siehe, das Gebäude stürzt, von welchem du die Spitze bist!

Der Boden birst, aufschlägt die Glut und sprengt dich krachend in die Luft!
Wir aber steigen feuerfest aufwärts ans Licht aus unsrer Gruft!
Wir sind die Kraft! Wir hämmern jung das alte morsche Ding, den Staat,
Die wir von Gottes Zorne sind bis jetzt das Proletariat!

[Король, ты гораздо менѣе Зевсъ, чѣмъ я титанъ! Развѣ я не властвую надъ вѣчно кипящимъ вулканомъ, по которому ты ходишь? Отъ меня зави-

ситъ: достаточно въ эту минуту одного моего толчка, одного удара, и рушится все зданіе, вершину котораго ты составляешь! Разверзается почва, огненная масса съ силой поднимется вверхъ и съ трескомъ взорветъ тебя на воздухъ! Мы же, огнестойкіе, поднимемся изъ своего подземнаго жилища вверхъ къ свѣту! Мы—сила! Мы заново перекуемъ старое, гнилое государство,—мы, доньшѣ гнѣвомъ Божіимъ пролетаріатъ!].

Уже умирая „*Rheinische Zeitung*" пустила нѣсколько острыхъ стрѣлъ противъ Фрейлиграта, но когда Марксъ, высланный изъ Парижа, прибылъ въ Брюссель, то почти первыя его слова къ сопровождавшему его Бюргерсу были: „мы должны отправиться сегодня къ Фрейлиграту; онъ здѣсь, и я долженъ исправить то, въ чемъ „*Рейнская Газета*" провинилась передъ нимъ, когда онъ не стоялъ еще въ передовыхъ рядахъ партіи; его „Glaubensbekenntniss" загладило все". Вскорѣ послѣ того Фрейлигратъ писалъ: „вотъ уже недѣля, какъ здѣсь находится Марксъ, интересный парень, хорошій и безъ претензій". Съ тѣхъ поръ Марксъ и Фрейлигратъ сдѣлались близкими друзьями, и во многихъ революціонныхъ пѣсняхъ Фрейлиграта чувствуется духъ Маркса, вплоть до отдѣльныхъ мыслей и оборотовъ рѣчи. Внутренній смыслъ грандіозной фантазіи „Калифорнія" освѣщается, напр., яркимъ свѣтомъ, только когда сопоставишь ее съ тѣмъ, что Марксъ сказалъ потомъ объ открытіи золота въ Калифорніи съ исторической и экономической точекъ зрѣнія. Въ этомъ не надо видѣть упрека Фрейлиграту: напротивъ, что̀ бы ни говорили о поэтической риторикѣ или риторической поэзіи, риемованное слово, размѣренное слѣдованіе слоговъ знаетъ высшія задачи, чѣмъ возбуждать пріятное ощущеніе въ слушателѣ или нравиться его ушамъ.

Уроженцемъ Детмольда, какъ и Фрейлигратъ, былъ Георгъ Вертъ (Weerth). Онъ жилъ, въ качествѣ приказчика одной нѣмецкой фирмы, въ Брадфордѣ, часто встрѣчаясь съ Энгельсомъ, который называетъ его первымъ и самымъ значительнымъ поэтомъ нѣмецкаго пролетаріата. Вертъ сложилъ пѣсню о силезскихъ ткачахъ, вполнѣ достойную занять мѣсто рядомъ съ троекратнымъ громовымъ проклятіемъ Гейне и мрачнымъ, негодующимъ стихотвореніемъ Фрейлиграта „Rübezahl": сильными штрихами онъ нарисовалъ здѣсь могучія фигуры чартистовъ, дикихъ, гнѣвныхъ молодцовъ Іорка и Ланкашира, съ чувствами горести и энтузіазма поднявшихся при извѣстіи о сраженіи силезскихъ ткачей. Вертъ воспѣвалъ промышленность, какъ поработительницу и въ то же время освободительницу человѣчества; мрачная и съ

тяжелымъ бичемъ въ рукахъ она гонитъ бѣдняка на неслыханно тяжкій подневольный трудъ:

Und Menschen opfernd steht sie wieder da,
Des Reichthums unersättliche Begierde;
Weinend verhüllt sein Haupt der Paria,
Indes der andre strahlt in güldner Zierde—
Doch Thränen fliessen jedem grossen Krieg,
Es führt die Noth nur zu gewissern Sieg.
Und wer sie schmieden lernte, Schwert und Ketten,
Kann mit dem Schwert aus Ketten sich erretten.
Was er verlieh, des Menschen hehrer Geist,
Nicht einem—allen wird es angehören!
Und wie die letzte Kette klirrend reisst,
Und wie die letzten Arme sich empören:
Verwandelt steht die dunkle Göttin da,
Beglückt, erfreut ist alles, was ihr nah!
Der Arbeit Noth, die niemand lindern wollte,
Sie wars, die selbst den Fels bei Seite rollte.

[И принося въ жертву людей, она опять стоитъ предъ нами, ненасытная жажда обогащенія. Парія закутываетъ плача свою голову, между тѣмъ какъ другой сіяетъ въ золотомъ уборѣ. Но слезы текутъ при всякой большой войнѣ, нужда ведетъ къ тѣмъ болѣе вѣрной побѣдѣ. И тотъ, кто научился ковать мечъ и цѣпи, тотъ можетъ мечемъ спасти себя изъ цѣпей. То, что дано свѣтлымъ духомъ человѣка, не одному, а всѣмъ оно будетъ принадлежать! И какъ только разорвется звеня послѣдняя цѣпь, какъ только возмутятся послѣднія руки, гляди: преображенная стоитъ мрачная богиня, осчастливлено и радостно все, что близко къ ней! Трудовая нужда, которой никто не хотѣлъ смягчить, она сама и отодвинула камень въ сторону].

Часто Вертъ пользовался гейневскимъ размѣромъ: единственный подражатель неподражаемаго, сумѣвшій наполнить заимствованныя формы новымъ духомъ, оживить ихъ чувственнымъ огнемъ, который затмевалъ своимъ блескомъ Гейне и возвышался до естественной чувственности Гете. Оставаясь и какъ поэтъ свободнымъ человѣкомъ, Вертъ совершенно сбросилъ съ себя условности поэтическаго цеха: онъ не копался надъ своими стихотвореніями, разъ они были набросаны на бумагу и копія отдана Марксу или Энгельсу, съ которыми онъ жилъ потомъ вмѣстѣ въ Брюсселѣ. Революція была его музою; „говорить жалкія остроты, придумывать плоскія шутки, чтобы вызвать глупую улыбку у отечественнаго дурачья,—по истинѣ, я не знаю болѣе жалкой доли", писалъ онъ разъ Марксу.

Съ этими поэтами до-мартовскаго соціализма не могли сравниться Пютманъ, Нейгаузъ, Венкстернъ и другіе. Не могъ срав-

сравниться и Эрнстъ Дронке: правда, его пѣсни и новеллы возвышались надъ среднимъ уровнемъ, но ярче, чѣмъ въ нихъ, его своеобразный талантъ выразился въ книгѣ о прусской столицѣ, самымъ удачномъ изъ имѣющихся у насъ описаній до-мартовскаго Берлина. Дронке обладалъ здравымъ смысломъ и острымъ даромъ наблюденія, къ тому же онъ пріобрѣлъ прекрасныя познанія въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Онъ сумѣлъ ясно понять и изобразить антагонизмъ классовъ, а его поэтическій даръ и глубокая симпатія къ пролетаріату придавали свѣжесть и живость его картинамъ. Пусть книга его теперь устарѣла: ничего сколько-нибудь приближающагося къ ней не было написано больше о Берлинѣ.

Книга имѣла свою судьбу. Дронке, окончившій въ Берлинѣ курсъ юридическихъ наукъ, былъ высланъ полиціей какъ „иностранецъ", на томъ основаніи, что его отецъ, бывшій директоръ гимназіи въ Кобленцѣ, занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ту же должность въ гессенскомъ городѣ Фульдѣ, гдѣ родился Эрнстъ Дронке. Послѣ высылки онъ поселился въ качествѣ писателя во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и черезъ одну издательскую фирму этого вольнаго города выпустилъ въ свѣтъ свою книгу о Берлинѣ. Прусскіе полицейскіе носы разнюхали въ ней такъ назыв. оскорбленіе величества, и когда Дронке пріѣхалъ въ Кобленцъ навѣстить родителей, то былъ арестованъ и преданъ суду. Тщетно ссылался онъ на то, что какъ „иностранецъ" онъ можетъ издавать „за-границей" все, что ему угодно: прусскіе судьи-крючкотворцы прописали ему два года крѣпости за то, что онъ послалъ два экземпляра своей книги въ Пруссію и тѣмъ совершилъ оскорбленіе величества прямо черезъ прусскую границу. Дронке отсиживалъ свой срокъ въ Везелѣ, когда вспыхнула февральская революція. Чтобы избѣгнуть помилованія прусскимъ королемъ, онъ сдѣлалъ дерзкую попытку бѣжать, и счастье благопріятствовало ему. Онъ пробрался черезъ голландскую границу и направился въ Брюссель къ Марксу и Энгельсу.

Въ дни борьбы соціалистическіе поэты оказались на высотѣ положенія. Дронке, Фрейлигратъ, Вертъ вступили въ редакцію „*Neue Rheinische Zeitung*".

Глава XIII.

Историческій матеріализмъ.

Весною 1845 г. Энгельсъ переѣхалъ изъ Бармена въ Брюссель. До извѣстной степени тутъ могли сыграть роль мотивы личнаго свойства. Образъ мыслей Энгельса находился въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ политическими и религіозными воззрѣніями его семьи, и нѣкоторыя лекціи о коммунизмѣ, читанныя имъ вмѣстѣ съ Моисеемъ Гессомъ и живописцемъ Кеттеномъ предъ бюргерской публикой родного города, были, несмотря на свой академически-мирный характеръ, насильственно прерваны полиціей. Достойны замѣчанія въ этихъ лекціяхъ,—совпадающихъ въ прочихъ отношеніяхъ по своему ходу мыслей съ одновременными печатными произведеніями Энгельса, — тѣ превосходныя разсужденія, которыми онъ опровергаетъ меркантилистическіе рецепты Листа.

Но сильнѣе всего гнало Энгельса въ Брюссель желаніе сообща съ Марксомъ выяснить себѣ вполнѣ свою новую точку зрѣнія. Для этой цѣли Энгельсъ привезъ съ собою цѣнную подготовительную работу: свою книгу „О положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи", которую онъ обработалъ зимою. Предисловіе помѣчено Барменомъ, 15-мъ марта 1845 г.

---

1. Энгельсъ о положеніи англійскихъ рабочихъ.

Въ предисловіи Энгельсъ говоритъ, что цѣль его книги—дать твердую почву соціалистическимъ теоріямъ и сужденіямъ объ ихъ обоснованности, положить конецъ всѣмъ фантазіямъ и мечтаніямъ за и противъ нихъ. Въ особенности онъ считалъ необходимымъ познакомить съ дѣйствительными условіями жизни пролетаріата

нѣмецкихъ теоретиковъ, которые почти всѣ пришли къ коммунизму только черезъ фейербаховское разложенiе гегелевской умозрительной философiи. Но въ своей классической формѣ, въ законченномъ видѣ пролетарскiя условiя существовали лишь въ Англiи; поэтому Энгельсъ изобразилъ положенiе англiйскихъ рабочихъ.

Совершенно вѣрно, что Энгельсъ не былъ первымъ взявшимся описать бытъ англiйскаго пролетарiата, и онъ несомнѣнно послѣднiй сталъ бы сколько-нибудь умалять заслуги своихъ предшественниковъ, работы которыхъ явились фундаментомъ для него самого. Но его книга была первой работой этого рода въ нѣмецкой литературѣ и, что еще важнѣе, вообще первой въ своемъ спецiальномъ родѣ. При этомъ опять-таки наименѣе важнымъ обстоятельствомъ было то, что до Энгельса никто еще не сумѣлъ набросать такой потрясающе-вѣрной картины страданiй пролетарiата: гораздо выше стояла удивительная проницательность, съ которой 24-лѣтнiй авторъ понялъ духъ капиталистическаго способа производства и сумѣлъ вывести изъ него не только подъемъ, но и упадокъ буржуазiи, не только бѣдственное положенiе пролетарiата, но и его спасенiе.

Только благодаря этой книгѣ получали надлежащее освѣщенiе „Критическiе очерки политической экономiи", напечатанные Энгельсомъ въ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*". Если тамъ онъ занимался принципомъ, свободной конкурренцiей, то здѣсь онъ занялся практикой, крупной промышленностью. Между обѣими работами нѣтъ никакого различiя, какъ это иногда утверждали, никакого различiя въ томъ смыслѣ, что Энгельсъ тамъ этически *осуждалъ* и только здѣсь впервые экономически *судилъ*. Обѣ работы покоятся на экономической основѣ, и въ позднѣйшей изъ нихъ Энгельсъ такъ же мало, какъ въ болѣе ранней, стѣсняется рѣзко освѣщать вопiющее противорѣчiе между человѣческими идеалами буржуазнаго разума и безчеловѣчной дѣйствительностью фабрикующей буржуазiи. Но чтó въ самомъ дѣлѣ составляетъ прогрессъ позднѣйшей работы въ сравненiи съ болѣе ранней, это—все большее освобожденiе автора отъ радикальнаго крыла нѣмецкой философiи. Онъ не ссылается больше на Бруно Бауера или Фейербаха, а „друга Штирнера" онъ цитируетъ лишь раза два, и то съ цѣлью сказать ему, что его идеалъ Я, которое не видитъ въ другихъ Я ничего, кромѣ годныхъ субъектовъ использованiя, великолѣпно осуществленъ капиталистическимъ обществомъ. Въ томъ то и дѣло, что между обѣими работами лежитъ „*Die Heilige Familie*".

Правда, всюду еще замѣтно, что Энгельсъ приходитъ отъ нѣмецкой философіи, но замѣтно также, что онъ началъ сортировать ея наслѣдство. Кое гдѣ онъ стоитъ еще на „общей, чисто человѣческой основѣ", напр., когда въ заключительныхъ словахъ объявляетъ коммунизмъ дѣломъ человѣчества, а не однихъ только рабочихъ,—что теоретически было весьма правильно, но практически совершенно безплодно, покуда господствующіе классы знать не хотѣли коммунизма. Однако, во всемъ изложеніи выступаетъ уже рѣзко, въ качествѣ рѣшающаго факта, классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, и къ правильной оцѣнкѣ его Энгельсъ приходитъ благодаря все болѣе сознательному примѣненію гегелевскаго діалектическаго метода, какъ ключа къ пониманію всемірно-историческаго періода, начавшагося вмѣстѣ съ крупной промышленностью.

Съ наступленіемъ этого періода начинается, по Энгельсу, исторія современнаго рабочаго класса. „Раздѣленіе труда, пользованіе водяной силой и особенно силой пара, примѣненіе машинъ,—вотъ три великихъ рычага, при помощи которыхъ промышленность съ середины прошлаго вѣка работаетъ надъ тѣмъ, чтобы перевернуть міръ. Мелкая промышленность создала средній классъ, крупная создала рабочій классъ и возвела на тронъ немногихъ избранниковъ изъ средняго класса, но лишь для того, чтобы вѣрнѣе свергнуть ихъ". Суть книги заключалась въ попыткѣ показать, какимъ образомъ крупная промышленность создаетъ современный рабочій классъ, и какъ послѣдній развивается и долженъ развиваться для ниспроверженія своего творца, въ силу исторической діалектики, законы которой вскрываются авторомъ въ отдѣльности.

Пролетаріи конкуррируютъ между собою, и то же дѣлаютъ буржуа. Конкурренція пролетаріевъ опредѣляетъ минимумъ заработной платы, конкурренція буржуа — ея максимумъ. Пролетарій, чтобы имѣть вообще возможность жить, нуждается въ буржуазіи, присвоившей себѣ монополію средствъ существованія въ самомъ обширномъ смыслѣ; буржуазіи, которая можетъ потреблять свой капиталъ, пролетарій нуженъ, какъ вьючное животное или предметъ торговли,—чтобы обогащаться. Если число наличныхъ рабочихъ больше, чѣмъ требуется буржуазіи для ея цѣлей, то рабочіе, чтобы не остаться безъ занятій и не умереть съ голоду, сбиваютъ плату до минимума, котораго въ обрѣзъ хватаетъ только на предохраненіе ихъ отъ голодной смерти. Если рабочихъ меньше, чѣмъ требуется буржуазіи, то отдѣльные буржуа перебиваютъ рабочихъ другъ у друга пу-

темъ повышенія заработной платы. При среднихъ условіяхъ, когда рабочихъ какъ разъ столько, сколько нужно для изготовленія требующихся въ данный моментъ товаровъ, заработная плата стоитъ нѣсколько выше минимума. Насколько выше, это зависитъ отъ среднихъ потребностей рабочихъ. Если рабочіе привыкли ѣсть нѣсколько разъ въ недѣлю мясо, то капиталисты вынуждены будутъ давать рабочимъ такую плату, чтобы указанная пища была для нихъ доступна: не меньшую плату, ибо рабочіе не конкуррируютъ другъ съ другомъ, слѣдовательно—не имѣютъ причинъ довольствоваться меньшимъ; не бо́льшую, потому что отсутствіе конкурренціи среди капиталистовъ не побуждаетъ ихъ привлекать къ себѣ рабочихъ путемъ предоставленія имъ чрезвычайныхъ выгодъ.

Отсюда вытекаетъ заключеніе, сдѣланное уже Адамомъ Смитомъ: что спросъ на рабочихъ, подобно спросу на всякій другой предметъ торговли, регулируетъ производство рабочихъ, количество производимыхъ людей, ускоряя это производство, когда оно идетъ слишкомъ медленно, и сдерживая его, когда оно идетъ черезчуръ быстро. Если рабочихъ слишкомъ мало, то цѣна ихъ, т.-е. заработная плата, поднимается, рабочимъ живется лучше, число браковъ увеличивается, производится больше людей, подростаетъ больше дѣтей, пока не будетъ произведено достаточное количество рабочихъ. Если рабочихъ слишкомъ много, то цѣны на нихъ падаютъ, наступаютъ безработица, нужда, голодъ и, вслѣдствіе нихъ, эпидеміи, уносящія „избыточное населеніе". Рабочій юридически и фактически рабъ буржуазіи, въ такой степени ея рабъ, что продается, какъ товаръ, и какъ товаръ поднимается и падаетъ въ цѣнѣ. Вся разница противъ стараго откровеннаго рабства лишь та, что теперешній рабочій *кажется* свободнымъ, такъ какъ онъ продается не въ одинъ пріемъ, а по частямъ, на день, на недѣлю, на годъ, и что продаетъ его не одинъ собственникъ другому, а онъ вынужденъ самъ себя продавать, какъ рабъ не отдѣльнаго лица, а всего имущаго класса. Если видимая свобода даетъ ему даже нѣкоторую дѣйствительную свободу, то ни одинъ человѣкъ не гарантируетъ ему средствъ къ жизни, и онъ можетъ быть выброшенъ на мостовую въ любой моментъ, какъ только буржуазія перестаетъ быть заинтересованной въ его существованіи. Зато буржуазія чувствуетъ себя при такомъ порядкѣ гораздо лучше, чѣмъ при старомъ рабствѣ: она не теряетъ въ выбрасываемомъ рабочемъ затраченнаго ка-

питала и можетъ производить гораздо дешевле,—какъ это уже высчиталъ, къ ея утѣшенію, Адамъ Смитъ.

Но положеніе пролетаріата существенно ухудшается еще вслѣдствіе того, что почти всегда имѣется „избыточное населеніе", что конкурренція *между* рабочими почти всегда больше, чѣмъ конкурренція *изъ-за* рабочихъ, что заработная плата, такимъ образомъ, стремится почти всегда къ своему минимуму. Увеличеніе производительности труда каждаго отдѣльнаго рабочаго, доводимое до максимума взаимной конкурренціей рабочихъ, раздѣленіе труда, введеніе машинъ, использованіе силъ природы, примѣненіе труда женщинъ и дѣтей,—все это непрерывно лишаетъ занятія множество рабочихъ. Освободившіеся рабочіе не могутъ больше потреблять, и вслѣдствіе этого остаются безъ хлѣба новые рабочіе. Этотъ круговоротъ прерывается, однако, возрастающимъ расширеніемъ промышленности и завоеваніемъ внѣшнихъ рынковъ. Въ теченіе предшествующихъ 60 лѣтъ спросъ на мануфактурные товары, а вмѣстѣ съ нимъ и спросъ на рабочихъ непрерывно и быстро возрасталъ, и число жителей Британской имперіи увеличилось со стремительной быстротою. Тѣмъ не менѣе существуетъ избыточное населеніе. Откуда же возникаетъ это противорѣчіе?

Энгельсъ отвѣчаетъ: „Изъ существа промышленности и конкурренціи и коренящихся въ немъ торговыхъ кризисовъ. При теперешнемъ безпорядочномъ производствѣ и распредѣленіи средствъ къ жизни, предпринимаемомъ не ради непосредственнаго удовлетворенія потребностей, а ради денежной наживы, при системѣ, когда каждый работаетъ и обогащается на собственный рискъ и страхъ, должна каждый моментъ наступать заминка. Англія снабжаетъ, напр., множество странъ самыми разнообразными товарами. Если фабрикантъ знаетъ даже, допустимъ, сколько каждаго товара требуется ежегодно въ каждой отдѣльной странѣ, то онъ еще не знаетъ, какъ велики тамъ запасы во всякій данный моментъ, и еще гораздо менѣе, сколько посылаютъ туда его конкурренты. Онъ можетъ лишь по вѣчно колеблющимся цѣнамъ дѣлать ненадежное заключеніе о состояніи запасовъ и потребностей, онъ вынужденъ отправлять свои товары наугадъ; все происходитъ на авось, болѣе или менѣе подъ эгидою случая. На основаніи малѣйшихъ благопріятныхъ извѣстій всякій посылаетъ, что можетъ, и не проходитъ много времени, какъ рынокъ переполненъ товарами, продажа останавливается, цѣны падаютъ, и англійская промышленность не

имѣетъ больше занятія для своихъ рабочихъ". Постепенно и по мѣрѣ того какъ накопившіеся товарные запасы потребляются, въ положеніи вещей происходитъ улучшеніе; получаемыя отовсюду благопріятныя извѣстія и поднимающіяся цѣны возстанавливаютъ дѣятельность.

Что слѣдуетъ затѣмъ, мы опять предоставимъ изобразить самому Энгельсу: „Рынки большей частью отдаленны; пока туда могутъ дойти первыя свѣжія партіи, спросъ безпрерывно растетъ, а вмѣстѣ съ нимъ растутъ цѣны; за первые прибывшіе товары дерутся, первыя продажи еще больше оживляютъ оборотъ, ожидаемыя партіи обѣщаютъ еще болѣе высокія цѣны, въ разсчетѣ на дальнѣйшій подъемъ начинаютъ покупать для спекуляціи и, такимъ образомъ, какъ разъ въ самое нужное время отвлекаютъ отъ потребленія предназначенные для него товары; спекуляція еще больше поднимаетъ цѣны, такъ какъ она поощряетъ другихъ къ покупкамъ и перехватываетъ новыя партіи товаровъ. Обо всемъ этомъ сообщается въ Англію, фабриканты снова начинаютъ бойко работать, строятся новыя фабрики, пускаются въ ходъ всѣ средства, чтобы использовать благопріятное время. Спекуляція наступаетъ и здѣсь, съ тѣми же совершенно результатами, какъ на внѣшнихъ рынкахъ, т.-е. повышая цѣны, отнимая товары у потребленія, подгоняя тѣмъ и другимъ промышленное производство до высшаго напряженія силъ; затѣмъ являются „несолидные" спекуляторы, работающіе при помощи фиктивнаго капитала, живущіе кредитомъ,— спекуляторы, которые разорены, если они не могутъ тотчасъ же бойко продавать, и они очертя голову бросаются въ эту общую безпорядочную гонку, имѣющую цѣлью денежную наживу, увеличиваютъ безпорядокъ и спѣшку собственной необузданной страстью, безумно поднимающей цѣны и производство,—происходитъ, однимъ словомъ, нѣчто безумное, захватывающее даже самаго спокойнаго и опытнаго, всюду куютъ, ткутъ, прядутъ, какъ если бы требовалось заново экипировать все человѣчество или на лунѣ открыты были милліарда два новыхъ потребителей". Естественно, что рынки вслѣдствіе этого снова переполняются, и наступаетъ новый кризисъ. „Такъ дѣло идетъ безъ конца: расцвѣтъ, кризисъ, расцвѣтъ, кризисъ, и этотъ вѣчный круговоротъ, въ которомъ движется промышленность, завершается обыкновенно въ 5—6 лѣтъ". Отсутствіе всякаго плана въ производствѣ и необузданная конкурренція, связанныя съ крупно-капиталистическимъ способомъ производства, являются, по мнѣнію Энгельса, причинами торговыхъ кризисовъ;

въ сравненіи съ ними онъ признаетъ за недостаточнымъ потребленіемъ рабочихъ классовъ лишь второстепенное значеніе.

Результатомъ такого положенія вещей является то, что англійская промышленность вынуждена всегда—за исключеніемъ періодовъ высшаго расцвѣта — имѣть незанятый резервъ рабочихъ, чтобы въ наиболѣе оживленные мѣсяцы производить требуемыя на рынкѣ массы товаровъ. Въ одной Англіи и Уэльсѣ, не считая Шотландіи и Ирландіи, считаютъ 1½ милліона оффиціальныхъ пауперовъ. Энгельсъ разсматриваетъ затѣмъ детально, какія послѣдствія проистекаютъ отсюда для положенія англійскихъ рабочихъ. Онъ показываетъ, какъ они живутъ, какъ они одѣваются и питаются, какъ они гибнутъ умственно, нравственно и физически; онъ во всѣхъ ужасающихъ подробностяхъ рисуетъ соціальное убійство, которое совершаетъ относительно нихъ общество. Онъ изслѣдуетъ, чѣмъ отличается бѣдность пролетаріата отъ бѣдности трудящихся классовъ въ прежніе вѣка. Тутъ мы видимъ прежде всего необезпеченность положенія, необходимость жить заработной платой только изъ рукъ да въ ротъ. „Пролетарій, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ обѣихъ его рукъ, съѣдающій сегодня то, что вчера заработалъ, зависящій отъ всевозможныхъ случайностей, не располагающій ни малѣйшей гарантіей, что онъ способенъ будетъ пріобрѣсти себѣ необходимѣйшія средства къ существованію, ибо каждый кризисъ, каждый капризъ его мастера можетъ лишить его хлѣба, — пролетарій поставленъ въ самое возмутительное, самое безчеловѣчное положеніе, какое только можетъ представить себѣ человѣкъ. Рабу существованіе обезпечено, по крайней мѣрѣ, эгоизмомъ его господина, крѣпостной имѣетъ все-таки клочекъ земли, которымъ онъ живетъ, у нихъ есть, по крайней мѣрѣ, гарантія, что они не умрутъ съ голода,— между тѣмъ пролетарій долженъ полагаться на себя одного и въ то же время поставленъ въ невозможность прилагать свои силы такъ, чтобы онъ могъ разсчитывать на нихъ. Все, что пролетарій можетъ самъ сдѣлать для улучшенія своего положенія, исчезаетъ, какъ капля въ морѣ, противъ той массы случайностей, которымъ онъ подверженъ и надъ которыми онъ не имѣетъ ни малѣйшей власти". Далѣе мы видимъ принижающую муку подневольнаго труда, оскотинивающія дѣйствія котораго безконечно умножаются раздѣленіемъ труда, силой пара и машинами. „Въ большинствѣ отраслей труда дѣятельность рабочаго ограничена одной мелкой, чисто механической манипуляціей, которая повторяется ежеминутно и

остается изъ года въ годъ одной и той же. Если кто съ дѣтства ежедневно въ теченіе 12-ти часовъ и болѣе дѣлалъ булавочныя головки или оттачивалъ зубчатыя колеса и, сверхъ того, жилъ въ условіяхъ англійскаго пролетарія, то сколько человѣческихъ чувствъ и способностей онъ можетъ спасти къ 30-му году своей жизни?" Наконецъ, идетъ полное порабощеніе рабочихъ правилами внутренняго распорядка на фабрикахъ, безчеловѣчная продолжительность рабочаго времени, женскій и дѣтскій трудъ, ночная работа, которая разлагаетъ всѣ семейныя связи и губитъ не только живущее, но и нарождающееся поколѣніе, система truck (выдача заработной платы товарами вмѣсто денегъ) и сдачи коттеджей въ наемъ рабочимъ и прочія безчисленныя злоупотребленія фабричной системы, рисуемыя Энгельсомъ съ самымъ точнымъ знаніемъ предмета.

Энгельсъ не скрываетъ того, что крупная промышленность, создавшая современный пролетаріатъ, сдѣлала изъ него расу, лишенную человѣческаго облика, низведенную умственно и морально до животнаго состоянія, физически расшатанную. Если среди англійскихъ рабочихъ все больше распространяются пьянство, половая распущенность, грубость нравовъ и преступленія противъ собственности, то при данныхъ обстоятельствахъ оно иначе и быть не можетъ. Но въ сегодняшней нищетѣ Энгельсъ видитъ также надежду завтрашняго дня. Для рабочаго существуетъ лишь одна возможность остаться человѣкомъ и чувствовать себя какъ человѣкъ, и эта возможность есть страстное возмущеніе противъ буржуазіи. Непрерывно растущая опасность низведенія до скотскаго состоянія толкаетъ пролетаріатъ къ борьбѣ противъ буржуазіи,—борьбѣ, не знающей перемирія и долженствующей кончиться побѣдой пролетаріата надъ буржуазіей. Какъ разъ тѣ средства, при помощи которыхъ буржуазія лишаетъ пролетаріатъ человѣческаго облика, становятся въ рукахъ пролетаріата оружіемъ противъ буржуазіи.

Ирландская иммиграція много способствовала ухудшенію положенія англійскихъ рабочихъ, но зато живой ирландскій темпераментъ подѣйствовалъ революціонирующимъ образомъ на англійскій пролетаріатъ. Сосредоточеніе населенія въ крупныхъ центрахъ доводитъ до крайней степени деморализацію рабочихъ, но оно же пробуждаетъ въ нихъ классовое сознаніе, пониманіе того, что хотя и будучи слабыми каждый въ отдѣльности, они всѣ вмѣстѣ образуютъ, однако, силу; оно разрушаетъ послѣдніе слѣды патріархальныхъ отношеній между рабочими и хозяевами - „кормильцами"; большіе города становятся очагами самостоятельнаго рабочаго

движенія. Суровая доля рабочаго дѣлаетъ его болѣе гуманнымъ, обходительнымъ, миролюбивымъ, онъ видитъ въ каждомъ человѣкѣ человѣка, тогда какъ человѣкъ денегъ, буржуа, смотрящій на все черезъ очки своего эгоизма и не знающій другой цѣли въ жизни, кромѣ накопленія мѣшковъ съ деньгами, видитъ въ рабочемъ нѣчто меньшее, чѣмъ человѣка. Такимъ образомъ, рабочій становится гораздо болѣе свободнымъ отъ предубѣжденій, его глаза дѣлаются гораздо болѣе открытыми для фактовъ, чѣмъ у буржуа. Но благодаря этому уравновѣшивается искусственное невѣжество, въ которомъ буржуазія держитъ пролетаріатъ. Практическое образованіе пролетарія замѣняетъ ему не только школьную мудрость, но и обезвреживаетъ спутанныя религіозныя представленія, связанныя съ этой послѣдней. „Нужда научаетъ молиться и, что гораздо важнѣе, мыслить и дѣйствовать. Англійскій рабочій, едва умѣющій читать и еще менѣе—писать, очень хорошо знаетъ, однако, въ чемъ заключается его собственный интересъ и интересъ всей націи; онъ знаетъ также, каковъ спеціальный интересъ буржуазіи и чего онъ можетъ ждать отъ нея. Если онъ не умѣетъ писать, то онъ можетъ все-таки говорить, публично говорить; если онъ не умѣетъ считать, то онъ умѣетъ все-таки настолько производить расчеты при помощи политико-экономическихъ понятій, насколько это необходимо, чтобы насквозь разглядѣть и опровергнуть буржуа, агитирующаго въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Если, несмотря на всѣ усилія поповъ, для него остаются весьма неясными небесные вопросы, то онъ тѣмъ лучше разбирается въ вопросахъ земныхъ, политическихъ и соціальныхъ". Англійскій пролетаріатъ становится постепенно совсѣмъ инымъ народомъ, чѣмъ англійская буржуазія. Рабочіе говорятъ на другихъ діалектахъ, у нихъ другія идеи и представленія, другіе нравы и принципы нравственности, другая политика и другая религія, чѣмъ у буржуазіи. Одновременно съ Дизраэли Энгельсъ употребилъ выраженіе о двухъ націяхъ, но въ отличіе отъ Дизраэли онъ прибавилъ, что рабочій становится во главѣ историческаго развитія, на мѣсто буржуа, опутаннаго классовыми предразсудками и умершаго для всякаго историческаго движенія.

Изслѣдуя различныя формы англійскаго рабочаго движенія, Энгельсъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Тредъ-юніоны (профессіональные рабочіе союзы) могущественны противъ отдѣльныхъ, менѣе значительныхъ золъ капиталистическаго способа произ-

изводства, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ они не могутъ измѣнить экономическаго закона, по которому заработная плата опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію на рынкѣ труда. „Исторія этихъ союзовъ представляетъ собою длинный рядъ пораженій рабочихъ, прерываемый немногими отдѣльными побѣдами". Ради чего однако рабочіе принимаютъ на себя эти пораженія? Причина простая: „они *должны* протестовать противъ пониженія заработной платы и даже противъ необходимости этого пониженія, они *должны* заявить, что имъ, какъ людямъ, не подобаетъ приспособляться къ условіямъ, а напротивъ—условія должны приспособляться къ нимъ, людямъ, и ихъ молчаніе явилось бы признаніемъ этихъ условій, признаніемъ права буржуазіи эксплуатировать рабочихъ въ періоды торговаго оживленія и давать имъ умирать съ голода въ періоды хозяйственнаго застоя". Доводы, при помощи которыхъ фабриканты проповѣдуютъ рабочимъ безполезность стачекъ, совершенно правильны съ точки зрѣнія политической экономіи, но именно потому они отчасти ложны и не оказываютъ никакого дѣйствія на разсудокъ рабочаго. Трэдъ-юніоны предполагаютъ пониманіе того, что господство буржуазіи основано только на конкурренціи рабочихъ между собою, т.-е. на раздробленіи пролетаріата, на противопоставленіи отдѣльныхъ рабочихъ другъ другу. Будучи первой попыткой рабочихъ уничтожить свою взаимную конкурренцію, трэдъ-юніоны атакуютъ капиталистическое общество въ самомъ больномъ его мѣстѣ. И именно потому, что эта первая попытка никогда не можетъ устранить надолго законовъ заработной платы, она толкаетъ впередъ къ дальнѣйшимъ шагамъ.

Забастовки, устраиваемыя трэдъ-юніонами, представляютъ собою только аванпостныя стычки, подчасъ также—болѣе значительныя сраженія; онѣ ничего не рѣшаютъ окончательно, но являются надежнѣйшимъ доказательствомъ того, что близится рѣшительная битва между пролетаріатомъ и буржуазіей. Онѣ военная школа рабочихъ и, какъ таковая, имѣютъ безподобное дѣйствіе. Энгельсъ подробно описываетъ большую забастовку, которую весною 1844 г. съ геройскимъ мужествомъ поддерживали въ теченіе 19 недѣль горнорабочіе Нортумберленда и Доргема. Вообще, такъ какъ рабочему не оставили ни единаго поприща для проявленія своей человѣческой личности, кромѣ оппозиціи противъ всего своего положенія въ жизни, то рабочіе выказываютъ себя именно въ этой оппозиціи съ самой благородной, самой милой, самой человѣчной стороны. Правда, при ежедневныхъ почти забастовкахъ

не бываетъ недостатка въ актахъ грубости и жестокости, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи происходитъ соціальная война. Если въ интересахъ буржуазіи вести эту войну лицемѣрно подъ покровомъ мира и даже любви къ ближнимъ, то пролетаріату можетъ быть полезно только уничтоженіе этого лицемѣрія раскрытіе истинныхъ отношеній; самыя насильственныя непріятельскія дѣйствія рабочихъ противъ буржуазіи и ея слугъ представляютъ собою лишь откровенное выраженіе того, что буржуазія дѣлаетъ рабочимъ коварно и тайкомъ. Для буржуа законъ святъ, потому что это его твореніе и онъ служитъ его выгодѣ. Напротивъ, рабочій лишь слишкомъ хорошо знаетъ, ему слишкомъ часто приходится испытывать на практикѣ, что законъ есть розга, которую связалъ для него буржуа, и безъ крайней нужды онъ не обращается къ закону. Въ то же время, однако, онъ стремится замѣнить законъ буржуазіи закономъ пролетаріата: этотъ законъ—народная хартія.

Шесть пунктовъ хартіи, какъ ни безобидны они на первый взглядъ, достаточны однако, чтобы разбить въ дребезги англійскую конституцію вмѣстѣ съ королевской властью и верхней палатой. Чартизмъ есть сжатая форма пролетарской оппозиціи противъ буржуазіи; въ чартизмѣ весь рабочій классъ возстаетъ противъ буржуазіи и стремится вырвать изъ ея рукъ политическую власть. Но значеніе чартизма не исчерпывается этимъ. По своему существу онъ имѣетъ соціальный характеръ, и чартистскіе рабочіе съ удвоеннымъ рвеніемъ принимаютъ участіе во всякой борьбѣ пролетаріата противъ буржуазіи. Билль о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, защита рабочаго противъ капиталистовъ, хорошая заработная плата, обезпеченное положеніе, отмѣна новаго закона о призрѣніи бѣдныхъ составляютъ, по меньшей мѣрѣ, такую же существенную принадлежность чартизма, какъ шесть пунктовъ хартіи. Правда, соціализмъ чартистовъ еще очень мало развитъ, а ихъ главное средство противъ нищеты, раздробленіе земельной собственности на мелкіе участки, вообще потеряло значеніе съ развитіемъ промышленности, но ближайшій кризисъ,—который, по мнѣнію Энгельса, наступитъ не позже 1847 г. и, вѣроятно, превзойдетъ по силѣ и опустошительному дѣйствію всѣ прежніе кризисы,—броситъ чартистовъ въ объятія соціализма.

Если теоретически чартисты еще сильно отстали, но зато являются подлинными пролетаріями, то соціалисты видятъ дальше, но они приходятъ отъ буржуазіи, они миролюбивы, смирны, отвле-

ченны. Хотя соціализмъ по существу выходитъ за предѣлы противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, однако онъ по своимъ формамъ обходится весьма снисходительно съ буржуазіей и относится весьма несправедливо къ пролетаріату. Соціалисты хотятъ не бороться, а привлечь общественное мнѣніе на сторону своихъ принциповъ. „При этомъ они не перестаютъ жаловаться на деморализацію низшихъ классовъ, они слѣпы къ прогрессивному элементу, заключающемуся въ этомъ разложеніи общественнаго порядка, и упускаютъ изъ вида, что среди имущихъ классовъ деморализація, обусловливаемая частнымъ интересомъ и лицемѣріемъ, еще гораздо хуже. Они не признаютъ никакого историческаго развитія и хотятъ привести націю прямо въ коммунистическое состояніе, безъ продолженія политики до той цѣли, гдѣ она сама себя упраздняетъ. Они понимаютъ, конечно, почему рабочій негодуетъ противъ буржуа, но считаютъ это озлобленіе, являющееся единственнымъ средствомъ двигать рабочихъ впередъ, безплоднымъ и проповѣдуютъ филантропію и общую любовь, еще гораздо болѣе безплодныя для теперешней англійской дѣйствительности. Они признаютъ лишь психологическое развитіе, развитіе абстрактнаго человѣка, стоящаго внѣ всякой связи съ прошлымъ, тогда какъ на этомъ прошломъ покоится, вѣдь, весь міръ и отдѣльный человѣкъ вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому они слишкомъ учены, слишкомъ метафизичны и достигаютъ незначительныхъ практическихъ результатовъ". Энгельсъ говоритъ, что въ этой формѣ англійскій соціализмъ никогда не сдѣлается общимъ достояніемъ рабочаго класса; онъ долженъ воспринять въ себя революціонное содержаніе чартизма, точно такъ, какъ чартизмъ нуждается въ болѣе широкомъ кругозорѣ соціализма; сліяніе соціализма съ чартизмомъ сдѣлаетъ рабочій классъ дѣйствительнымъ властелиномъ Англіи. Однако, и теперь уже отдѣльныя категоріи рабочихъ—и Энгельсъ показываетъ это подробно—сдѣлали безконечно много для образованія пролетаріата, составляющаго особый классъ, съ особыми интересами и принципами, съ особымъ противъ всѣхъ имущихъ воззрѣніемъ на вещи, заключающаго въ себѣ всю силу націи и способность ея къ развитію.

Въ заключительныхъ словахъ своей книги Энгельсъ предсказываетъ соціальную революцію въ Англіи въ близкомъ будущемъ, и за это ложное пророчество буржуазная критика хватается уже полвѣка, чтобы на своей манеръ „опровергнуть" произведеніе, составившее цѣлую эпоху въ наукѣ. Фактически, однако, возвѣщен-

ная революція наступила, хотя и не въ той формѣ, какъ полагалъ Энгельсъ: англійскій рабочій классъ, поднявшись вверхъ изъ отчаянной нищеты, выросъ въ могучую армію и шагъ за шагомъ завоевываетъ политическую власть. Съ справедливой гордостью Энгельсъ могъ сказать незадолго до своей смерти: не то удивительно, что изъ пророчествъ, внушенныхъ ему юношеской пылкостью, столь многія не оправдались, а то, что столь многія сбылись. Ошибку относительно насильственной революціи, уже стучащейся въ двери, Энгельсъ раздѣлялъ съ лучшими знатоками англійскихъ условій, съ Гаскеллонъ, Карлейлемъ и даже *Times*'омъ, главнымъ органомъ англійской буржуазіи; но все, что было новаго и оригинальнаго въ его книгѣ, что составляло его духовную собственность, то оказалось истиной и проложило новые пути въ наукѣ.

При этомъ отнюдь нѣтъ надобности скрывать, что Энгельсъ и Марксъ, особенно въ болѣе молодые свои годы, нерѣдко переоцѣнивали темпъ революціоннаго рабочаго движенія. Но въ то время какъ вся пустоголовая компанія полагала и полагаетъ, что доказала этимъ несостоятельность ихъ пониманія исторіи, такой человѣкъ, какъ Альбертъ Ланге, сдѣлалъ, наоборотъ, заключеніе, что они „удивительно вѣрно" судили о своемъ времени. Ланге писалъ: „въ общемъ мы всегда склонны то, что мы ясно предвидимъ, представлять себѣ ближе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности". Этой склонности заплатили также свою дань Марксъ и Энгельсъ, послѣдній — даже въ преклонномъ возрастѣ, до котораго сохранилъ свое молодое сердце. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что они блуждали ощупью въ туманѣ, а наоборотъ, что они, говоря словами Ланге, были „проницательными мыслителями": они обманывались насчетъ длины пути потому, что ясно видѣли его конечный пунктъ.

Книга Энгельса имѣла при первомъ своемъ появленіи большой успѣхъ. Она стала наиболѣе читаемымъ произведеніемъ домартовскаго соціализма, но читателей изъ буржуазныхъ круговъ привлекало въ сущности только захватывающее изображеніе мрачнаго сюжета. Методъ, примѣненный Энгельсомъ, результаты, добытые имъ, остались непонятыми, какъ это доказалъ скоро въ ученомъ сочиненіи глава „исторической школы" проф. Бруно Гильдебрандъ. Гильдебрандъ пытался при помощи густого, пыльнаго облака историческихъ замѣчаньицъ снова затемнить тотъ свѣтъ, который былъ пролитъ на историческое развитіе Энгельсомъ. Онъ привлекъ къ дѣлу груду датъ и чиселъ, изъ которыхъ должно было

слѣдовать, что трудящіеся классы Англіи въ прежнія столѣтія были поставлены еще хуже, чѣмъ въ 19-мъ вѣкѣ; что англійскіе ремесленники, матросы и прислуга поставлены лучше, чѣмъ фабричные, сельскохозяйственные и горные рабочіе, которыми ограничиваетъ свое изображеніе Энгельсъ; что въ кургессенской провинціи Оберъ-Гессенъ ремесленному пролетаріату приходится страдать еще больше, чѣмъ крупнопромышленному пролетаріату въ Англіи, и т. д. Допустимъ даже, что Гильдебрандъ дѣйствительно *показалъ* то, что онъ усиливался показать; что же онъ *доказалъ* бы этимъ противъ Энгельса? Вполнѣ ясно: ровно ничего. Гильдебрандъ обошелъ всѣ основные вопросы, поднятые Энгельсомъ, оставаясь совершенно вѣрнымъ „историческому методу" „исторической школы". Энгельсъ долженъ быть признанъ фантазеромъ, такъ какъ не нашелъ на всеміриомъ рынкѣ того, что Гильдебрандъ находитъ въ кургессенской провинціи Оберъ-Гессенъ.

Нужно признать, впрочемъ, что Гильдебрандъ принадлежитъ къ числу болѣе проницательныхъ представителей „исторической школы". Лѣтъ 30 спустя Рошеръ издалъ свою „Исторію экономической науки въ Германіи" („*Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland*") и не нашелъ сказать въ ней ничего больше объ Энгельсѣ, кромѣ нѣсколькихъ фразъ, списанныхъ у Гильдебранда. Онъ не назвалъ даже источника своей мудрости, что, впрочемъ, составляетъ также, быть можетъ, принадлежность „историческаго метода".

---

2. Марксъ о Фейербахѣ.

Когда Энгельсъ весною 1845 г. переѣхалъ въ Брюссель къ Марксу, то оба они принялись разрабатывать во всѣхъ направленіяхъ противоположность своихъ взглядовъ къ идеологическому воззрѣнію нѣмецкой философіи, чтобы, такимъ образомъ, покончить счеты со своей прежней философской совѣстью. Планъ этотъ они выполнили въ двухтомной критикѣ послѣ-гегелевской философіи. Сочиненію не суждено было, однако, увидѣть свѣтъ: издатель, котораго они раздобыли въ Вестфаліи, заупрямился по полученіи рукописи, такъ какъ „измѣнившіяся обстоятельства не позволяли печатанія". Это было первое начало подлаго положенія вещей, отъ котораго долго суждено было страдать Марксу и Энгельсу: даже такой человѣкъ, какъ Руге, не постѣснялся рѣ-

щительно потребовать отъ своего компаніона Фребеля, чтобы тотъ не печаталъ ничего изъ марксовскихъ работъ въ „Литературной Конторѣ", хотя Руге самъ признавалъ, что Марксъ врядъ ли напишетъ что-нибудь плохое.

Марксъ и Энгельсъ тѣмъ охотнѣе предоставили свою рукопись „грызущей критикѣ мышей", что они достигли своей главной цѣли: уясненія собственныхъ взглядовъ. Однако, отъ этого же періода сохранились нѣкоторые тезисы, гдѣ Марксъ сводитъ свои счеты съ Фейербахомъ. Здѣсь Марксъ называетъ главнымъ недостаткомъ всѣхъ предшествующихъ матеріалистическихъ теорій то, что предметъ, дѣйствительность, чувственный міръ разсматриваются только въ формѣ объекта или воззрѣнія, а не какъ человѣческая чувственная дѣятельность, не какъ практика, не субъективно. Матеріалистическое ученіе о томъ,—говоритъ онъ,—что люди продуктъ обстоятельствъ и воспитанія, что слѣдовательно—измѣненные люди суть продукты другихъ обстоятельствъ и измѣнившагося воспитанія,—это ученіе забываетъ, что внѣшнія условія именно людьми измѣняются, и что воспитатель долженъ самъ быть воспитанъ. Оно неизбѣжно приводитъ поэтому, какъ у Оуэна, къ раздѣленію общества на двѣ части, изъ которыхъ одна стоитъ надъ обществомъ. Между тѣмъ фактически измѣненіе обстоятельствъ можетъ быть раціонально понято только при посредствѣ человѣческой дѣятельности, какъ революціонирующей практики.

Фейербахъ разрѣшаетъ религіозную сущность въ человѣческую; земная семья есть тайна святого семейства. Но онъ упускаетъ изъ вида, что послѣ этого остается еще сдѣлать главное. Если міръ раздваивается на міръ религіозный или представляемый и міръ дѣйствительный, если земная семья фиксируется, какъ самостоятельное царство, на небѣ, то фактъ этотъ объясняется внутренней раздвоенностью и внутренней противорѣчивостью свѣтской основы. Это противорѣчіе должно быть понято и устранено путемъ практическаго революціонированія свѣтской основы. Лишь тогда религіозная сущность будетъ дѣйствительно разрѣшена въ человѣческую.

Человѣческое существо не есть абстракція, заключенная въ отдѣльномъ индивидѣ: въ своей дѣйствительности это совокупность общественныхъ отношеній. Отказываясь отъ критики этого дѣйствительнаго существа, Фейербахъ вынужденъ оставлять безъ вниманія историческій ходъ вещей и фиксировать религіозное чувство, какъ нѣчто независимое, предполагать абстрактно-изолированное человѣческое существо.

Чего Фейербахъ не видитъ, это слѣдующаго: „религіозное чувство“ само есть общественный продуктъ; абстрактный индивидъ, котораго онъ анализируетъ, принадлежитъ въ дѣйствительности къ извѣстной общественной формѣ. Общественная жизнь имѣетъ по существу практическій характеръ. Всѣ таинства, увлекающія теорію къ мистицизму, находятъ свое раціональное разрѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ способѣ пониманія этой практики.

Марксъ заканчиваетъ свою критику Фейербаха слѣдующими лапидарными предложеніями: „Высшее, до чего можетъ подняться созерцательный матеріализмъ, т.-е. матеріализмъ, постигающій чувственный міръ не какъ практическую дѣятельность, это—до созерцанія отдѣльныхъ индивидовъ въ „гражданскомъ обществѣ“. Точка зрѣнія стараго матеріализма есть *гражданское* общество, точка зрѣнія новаго—*человѣческое* общество или обобществленное человѣчество. Философы лишь различнымъ образомъ *истолковывали* общество, задача же состоитъ въ томъ, чтобы *измѣнить* его“.

Нетрудно понять, какой результатъ былъ достигнутъ этимъ способомъ пониманія. Порывая совершенно съ идеализмомъ, чтобы вернуться къ матеріализму, съ которымъ онъ никогда, однако, не могъ вполнѣ сдружиться, Фейербахъ пожертвовалъ тѣмъ прогрессомъ, который былъ сдѣланъ нѣмецкимъ идеализмомъ относительно англійско-французскаго матеріализма: онъ пожертвовалъ діалектическимъ методомъ, разсматривавшимъ исторію человѣчества какъ непрерывный потокъ становленія и прехожденія, въ противоположность къ метафизическому—по терминологіи Гегеля—методу матеріализма, видѣвшему въ мірѣ комплексъ готовыхъ вещей, твердыхъ, неподвижныхъ, разъ навсегда данныхъ предметовъ изслѣдованія. Какъ ни былъ въ свое время необходимъ и полезенъ этотъ метафизическій методъ, однако онъ при помощи своихъ микроскоповъ и анатомическихъ ножей изслѣдовалъ до извѣстной степени только трупы, ибо онъ вырывалъ вещи изъ связи, въ которой онѣ жили и развертывали свое особенное существованіе. Напротивъ, діалектическій методъ охватывалъ весь комплексъ процессовъ, въ которыхъ вещи возникаютъ и умираютъ, онъ видѣлъ въ человѣкѣ не абстрактное, разъ навсегда данное а историческое, безпрерывно мѣняющееся существо.

Заодно съ Фейербахомъ Марксъ пожертвовалъ всѣми идеалистическими причудами, но въ противоположность ему онъ сохранилъ крупное завоеваніе, сдѣланное нѣмецкимъ идеализмомъ.

Онъ выполнилъ въ положительномъ направленіи то, что Фейербахъ сумѣлъ выполнить только отрицательно. Онъ воспринялъ непреходящее содержаніе идеализма въ матеріализмъ, подобно тому какъ Кантъ нѣкогда воспринялъ въ идеализмъ непреходящее содержаніе матеріализма. Но если исторію человѣчества не направлялъ никакой богъ и никакая абсолютная идея, и если, съ другой стороны, эта исторія развивалась путемъ непрерывнаго діалектическаго процесса, то чѣмъ же опредѣлялся ходъ историческаго развитія? Марксъ подводилъ итогъ своимъ предшествующимъ изслѣдованіямъ о государствѣ и обществѣ, когда усматривалъ дѣйствительное существо человѣка въ совокупности общественныхъ отношеній. Развитіе человѣческаго общества есть развитіе историческаго человѣка. Историческое развитіе опредѣляется въ послѣдней инстанціи экономическимъ способомъ производства, который своими переворотами вызываетъ перевороты и въ расчлененіи общества. Марксъ не заимствовалъ безъ критики ни діалектическаго метода Гегеля, ни абстрактно-изолированнаго матеріализма Фейербаха: первый онъ опрокинулъ, доказавъ, что не мысли воплощаются въ вещахъ, а вещи отражаются въ мысляхъ; второй онъ расширилъ въ историческій матеріализмъ, показавъ, какъ въ немъ дѣйствуетъ непрекращающійся потокъ діалектическаго процесса.

Буржуазной ученостью были выставлены противъ матеріалистическаго пониманія исторіи два возраженія: во-первыхъ, оно-де менѣе всего можетъ быть названо новымъ; во-вторыхъ, оно очень далеко отъ истины. Но ни Марксъ, ни Энгельсъ никогда не утверждали, что они безъ всякой посторонней помощи открыли законъ развитія человѣческой исторіи. Подобнымъ утвержденіемъ они сами отрицали бы историческій матеріализмъ, который по всему своему смыслу могъ быть открыть только на опредѣленной ступени всемірно-историческаго развитія. Для того чтобы представилась возможность изслѣдовать буржуазное общество, оно должно вѣдь существовать, и мы дѣйствительно видимъ, что съ первыхъ же началъ его, съ тѣхъ поръ, какъ оно выбилось изъ феодальной общественной формаціи средневѣковья, мыслящимъ людямъ приходили въ голову разнаго рода идеи на тотъ счетъ, не формируетъ ли это общество государства, которое, на первый взглядъ, стоитъ надъ нимъ, не слѣдуетъ ли поэтому скорѣе выводить политическую и всякую иную идеологію изъ экономическаго способа производства, чѣмъ наоборотъ.

Чѣмъ шире развертывалось буржуазное общество, чѣмъ рѣзче

сталкивались другъ съ другомъ его экономическія противорѣчія, чѣмъ больше раздробленные обломки феодальныхъ сословій сплачивались въ большіе классы, тѣмъ рѣзче выступалъ также фактъ, что политическая борьба есть ничто иное, какъ борьба этихъ классовъ. Великая французская революція и въ неменьшей степени крупная англійская промышленность разительно доказали, какъ безслѣдно разлетается вся идеологія буржуазнаго общества объ его экономическое развитіе. Іюльская революція и билль о реформѣ поставили уже открыто на арену политической борьбы три великихъ класса современнаго гражданскаго общества: аристократію, буржуазію, пролетаріатъ. Съ тѣхъ поръ англійская и, въ особенности, французская историческая наука отдавали себѣ совершенно ясный отчетъ въ томъ, что въ борьбѣ этихъ классовъ и въ столкновеніи ихъ интересовъ заключается движущая сила современной исторіи. Мало того, даже въ отсталой Германіи зародилось смутное предчувствіе этой истины. Романтическіе реакціонеры мудрствовали на тотъ счетъ, что хозяйственныя формы являются основой всѣхъ общественныхъ и государственныхъ организацій, а либералы, въ родѣ Ганземана, выставляли противъ цензуры то возраженіе, что, мѣшая обсужденію политическихъ вопросовъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуетъ обсужденію вопросовъ экономическихъ, ибо экономія почти всегда переходитъ въ политику. Наконецъ, само собою понятно, что утопическій и всякій иной соціализмъ, порожденный противорѣчіемъ между буржуазными идеалами и экономической дѣйствительностью буржуазнаго общества, былъ логически наталкиваемъ на матеріалистическое пониманіе исторіи, въ пользу чего можно привести многочисленныя доказательства изъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье и Луи Блана.

Какъ всякое новое открытіе и изобрѣтеніе имѣетъ за собой длинную исторію, такъ и всякая новая научная истина. Никто рѣзче Маркса не выдвигалъ положенія, что человѣчество ставитъ себѣ всегда только тѣ задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, что самая задача возникаетъ лишь тамъ, гдѣ условія ея разрѣшенія имѣются уже налицо или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ своего созиданія. Марксъ и Энгельсъ никогда не отрекались отъ своихъ предшественниковъ; напротивъ, они возстановили въ историческихъ почестяхъ и даже впервые утвердили въ нихъ такихъ людей, какъ Сенъ-Симонъ и Фурье, Гегель и Фейербахъ. Они поступили такъ изъ справедливости, но и по расчету они не могли бы поступить иначе. То, что они дали сами, не

затмевается, а выступаетъ, напротивъ, въ полномъ свѣтѣ, когда заслуга ихъ предшественниковъ остается неумаленной. Альбертъ Ланге говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что именно лучшія свои мысли мы почти всегда раздѣляемъ съ другими современниками, и только законченное проведеніе какого-нибудь принципа обезпечиваетъ намъ справедливое уваженіе нашихъ ближнихъ. Дѣйствительно, законченное проведеніе принципа, вотъ чѣмъ обусловлено великое значеніе теоріи историческаго матеріализма, развитой Марксомъ и Энгельсомъ. Они нашли дорогу изъ тупика, въ который зашли англійско-французскій соціализмъ и нѣмецкая философія. Они направили различные ручейки, на которые современная культура грозила разбиться вслѣдствіе своихъ противорѣчій, въ одинъ революціонный потокъ, устраняющій всѣ противорѣчія.

Нѣтъ ничего болѣе неосновательнаго, какъ утвержденіе, будто Марксъ и Энгельсъ своимъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи исповѣдывали тупой фатализмъ и изгоняли изъ историческаго развитія человѣчества всѣ идеальныя движущія силы. Изъ ихъ діалектическаго метода само собою вытекало, что если общество имѣетъ опредѣляющее вліяніе на государство, то и государство дѣйствуетъ все-таки обратно на общество; что если экономическіе факты рѣшаютъ въ *послѣдней* инстанціи, то на нихъ могутъ все-таки вліять и идеологическія представленія; что если идеологія не въ состояніи производить *самостоятельнаго* дѣйствія, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, будто она не производитъ вообще никакого дѣйствія. Въ тезисахъ о Фейербахѣ, гдѣ Марксъ развилъ геніальныя основныя черты новаго міровоззрѣнія, онъ прямо высказалъ, что хочетъ спасти именно дѣятельную сторону идеализма отъ инертности созерцательнаго матеріализма, что историческій матеріализмъ для него не только теоретическая истина, но и практическое оружіе, которое онъ намѣренъ пустить въ ходъ, какъ революціонное орудіе, для превращенія буржуазнаго общества въ обобществленное человѣчество.

Испытать правильность этого совершенно новаго воззрѣнія можно было, однако, лишь на практикѣ. Прежде всего нужно было разгадать экономическій секретъ современнаго буржуазнаго общества: нельзя было удовольствоваться осужденіемъ капиталистическаго способа производства, а требовалось понять его и доказать необходимость его исчезновенія изъ необходимости его возникновенія. Среди западно-европейскихъ соціалистовъ Прудонъ подвинулся дальше другихъ въ попыткѣ уразумѣть настоящую

внутреннюю связь явленія, а не вскрыть только его дурныя послѣдствія. Вслѣдъ за критикой Фейербаха Марксъ занялся критикой Прудона.

---

3. Марксъ противъ Прудона.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ Марксъ поддерживалъ личныя отношенія съ Прудономъ. Цѣлыя ночи напролетъ они спорили объ экономическихъ вопросахъ; Марксъ ввелъ Прудона въ идейный міръ Гегеля, которымъ тотъ, при своемъ незнаніи нѣмецкаго языка, никогда не сумѣлъ, однако, вполнѣ овладѣть. Послѣ того какъ Марксъ былъ высланъ изъ Парижа, Прудонъ избралъ своимъ учителемъ Карла Грюна, у котораго всего менѣе можно было научиться философскому методу.

Дѣйствительно, Прудонъ настолько же уходилъ назадъ, насколько Марксъ двигался впередъ. Какъ далеки они уже были другъ отъ друга, спустя какой-нибудь годъ послѣ того, какъ они разстались, это видно изъ письма, которое Прудонъ послалъ Марксу изъ Ліона 17 мая 1846 г. Къ сожалѣнію, письмо Маркса, вызвавшее этотъ отвѣтъ Прудона, не сохранилось или не опубликовано. Каково бы, однако, ни было его содержаніе, ясно одно,—что Прудонъ трагикомическимъ образомъ не понялъ воззрѣній Маркса. Онъ читаетъ нотацію своему „милому философу", какъ второму Лютеру, швыряющему вокругъ себя церковными проклятіями, какъ человѣку насильственныхъ переворотовъ, который хочетъ вызвать вареоломеевскую ночь противъ собственниковъ и кровью утолить жажду знанія пролетаріата. Откуда Прудонъ почерпнулъ такія удивительныя свѣдѣнія, объ этомъ можно до извѣстной степени догадываться по хвалебному гимну Карлу Грюну, наполняющему послѣднюю часть письма. То, что Прудонъ объявляетъ своимъ намѣреніемъ—открыть законы общества и способъ ихъ осуществленія, совпадало съ самоуясненіемъ, котораго искалъ Марксъ. Дѣло было лишь въ томъ, кто изъ нихъ двухъ лучше понималъ толкъ въ указанной работѣ. Прудонъ писалъ Марксу, что его рѣшеніе задачи появится въ сочиненіи, половина котораго уже отпечатана; онъ просилъ Маркса подвергнуть книгу строгой критикѣ и обѣщалъ охотно подчиниться ей въ ожиданіи собственнаго реванша. Однако, когда Марксъ исполнилъ эту просьбу, то реваншъ Прудона свелся къ нѣсколькимъ случайнымъ замѣчаніямъ о

„пасквилѣ нѣкоего доктора Маркса", составляющемъ „сплетеніе грубостей, клеветъ, подлоговъ и плагіатовъ".

Возвѣщенное сочиненіе Прудона, „Система экономическихъ противорѣчій, или философія нищеты" („Système des Contradictions économiques ou philosophie de la misère"), попыталось отвѣтить на вопросъ о сущности собственности уже не рѣзкой филиппикой, какъ его первое литературное дѣтище, а анализомъ политической экономіи. Вмѣсто неразрѣшимыхъ антиномій Канта Прудонъ оперировалъ теперь гегелевскимъ противорѣчіемъ, которое онъ нашелъ также во всѣхъ категоріяхъ политической экономіи и которое затѣмъ пытался разрѣшить. Прежде всего онъ занялся основнымъ ученіемъ о цѣнности, противорѣчіемъ между потребительной и мѣновой цѣнностью; послѣднее онъ хотѣлъ устранить путемъ того утопическаго истолкованія рикардовской теоріи цѣнности, къ которому уже пробовали прибѣгнуть въ Англіи и даже въ Германіи. Однако, Прудонъ подошелъ къ задачѣ съ мелкобуржуазной стороны, какъ Грей, а не съ крупно-буржуазной, какъ Оуэнъ и его ученики, и не съ точки зрѣнія государственнаго соціализма, какъ Родбертусъ. Своей „конституированной цѣнностью" Прудонъ хотѣлъ сказать послѣднее слово человѣчества, тогда какъ Оуэнъ и, по своему, Родбертусъ видѣли въ ней лишь переходъ къ коммунистическому обществу.

При этомъ Прудонъ обнаружилъ грубое непониманіе діалектическаго метода Гегеля. Онъ крѣпко держался за ту, ставшую уже реакціонной, сторону его, согласно которой міръ дѣйствительности выводится изъ міра идей, и отрекся отъ его революціонной стороны: самодѣятельности идеи, полагающей и противополагающей себя, чтобы развернуть въ этой борьбѣ то высшее единство, которое сохраняетъ предметное содержаніе обѣихъ сторонъ, разлагая ихъ противорѣчивую форму. Прудонъ различалъ, напротивъ, въ каждой экономической категоріи хорошую и дурную сторону, чтобы искать затѣмъ синтеза, научной формулы, которая сохранила бы хорошую сторону и уничтожила дурную. Онъ видѣлъ, что хорошая сторона выдвигается буржуазными экономистами, а на дурную обрушиваются со своими обвиненіями соціалисты; своими формулами и синтезами онъ думалъ возвыситься одинаково какъ надъ экономистами, такъ и надъ соціалистами.

Марксъ разрушилъ эту иллюзію словами: „Г. Прудонъ льститъ себя мыслью, что онъ далъ и критику политической экономіи и критику коммунизма; онъ стоитъ далеко ниже обоихъ. Ниже

экономистовъ потому, что въ качествѣ философа, имѣющаго подъ рукой магическую формулу, онъ счелъ возможнымъ освободить себя отъ обязанности войти въ чисто экономическія детали; ниже соціалистовъ потому, что у него нѣтъ ни достаточной смѣлости, ни достаточнхъ знаній, чтобы возвыситься хотя бы только умозрительно надъ буржуазнымъ горизонтомъ. Онъ хочетъ быть синтезомъ, а представляетъ собою сложную ошибку. Онъ хочетъ витать, въ качествѣ человѣка науки, надъ буржуа и пролетаріями, а въ дѣйствительности онъ только мелкій буржуа, постоянно перебрасываемый, какъ мячикъ, между капиталомъ и трудомъ, между политической экономіей и коммунизмомъ". Какъ сурово ни звучитъ этотъ приговоръ, но Марксъ имѣлъ тѣмъ не менѣе право произнести его. Въ „Нищетѣ философіи", отвѣтѣ на „Философію нищеты", написанномъ по французски („*Misère de la Philosophie*") и появившемся въ іюнѣ 1847 г., Марксъ не только показалъ, почему и обо что разбилась попытка Прудона, но и разрѣшилъ самъ задачу, которую Прудонъ поставилъ себѣ. Марксъ открылъ законы общества, онъ развилъ политическую экономію и утопическій соціализмъ дальше ихъ собственныхъ границъ, чтобы органически связать ихъ въ научномъ коммунизмѣ, притомъ также посредствомъ діалектическаго метода, только не въ идеалистическо-мистификаторской, а въ матеріалистическо-революціонирующей его формѣ.

Изъ двухъ главъ книги первая занимается „конституированной или синтетической цѣнностью (valeur constituée)" Прудона. Марксъ показываетъ, что обмѣнъ товаровъ соразмѣрно заключенному въ нихъ рабочему времени, выдаваемый Прудономъ за „революціонную теорію будущаго", есть именно то, что́ Рикардо доказалъ, какъ теорію буржуазнаго общества. Цѣнность труда опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства всего того, что́ требуется рабочему для существованія и продолженія своего рода. Рикардо писалъ: „Уменьшите стоимость содержанія людей путемъ уменьшенія естественной цѣны пищи и одежды, необходимыхъ для человѣка, и вы увидите, какъ заработная плата въ концѣ-концовъ упадетъ, хотя бы спросъ на рабочія руки сильно возросъ". Естественная цѣна труда есть ничто иное, какъ минимумъ заработной платы. Такимъ образомъ цѣнность, измѣряемая рабочимъ временемъ, необходимо является формулой для современнаго рабства рабочихъ, тогда какъ Прудонъ объявилъ ее „революціонной теоріей" для эмансипаціи пролетаріата.

Чтобы подкрѣпить свою утопію, Прудонъ предположилъ, что спросъ и предложеніе непремѣнно уравнивались бы, если бы цѣнность продукта опредѣлялась заключающимся въ немъ рабочимъ временемъ. Въ пользу этого утвержденія онъ привелъ якобы историческое доказательство, что самыя полезныя вещи требовали наименьшаго времени производства, что общество всегда начинаетъ съ самыхъ легкихъ отраслей промышленности и только постепенно переходитъ къ производству вещей, требующихъ болѣе продолжительнаго труда и отвѣчающихъ болѣе высокимъ потребностямъ. Марксъ иллюстрировалъ эту удивительную философію исторіи гипотетическимъ утвержденіемъ, что если при римскихъ императорахъ откармливали муренъ въ искусственныхъ прудахъ, то, значитъ, можно было въ избыткѣ кормить все римское населеніе; между тѣмъ у римскаго народа, какъ разъ наоборотъ, не было самаго необходимаго, чтобы купить хлѣбъ, въ то время какъ римскіе аристократы не испытывали недостатка въ рабахъ, чтобы бросать ихъ въ кормъ муренамъ. Не довольствуясь этимъ, Марксъ поставилъ снова на ноги историческое развитіе, которое Прудонъ перевернулъ головой внизъ: „Вещи происходятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ думаетъ г. Прудонъ,—писалъ онъ. Съ того момента, какъ начинается цивилизація, производство начинаетъ строиться на антагонизмѣ профессій, сословій, классовъ, наконецъ—на антагонизмѣ между накопленнымъ и непосредственнымъ трудомъ. Безъ антагонизма нѣтъ прогресса: вотъ законъ, которому слѣдовала до сихъ поръ цивилизація. До сихъ поръ производительныя силы развивались благодаря этому господству классоваго антагонизма". Но исторія показываетъ также, что способъ, которымъ продукты обмѣниваются, сообразуется въ общемъ со способомъ ихъ производства. Индивидуальный обмѣнъ соотвѣтствуетъ опредѣленному способу производства, покоящемуся на классовой противоположности. Употребленіе продуктовъ опредѣляется соціальными условіями, въ которыхъ находятся потребители, а эти условія, въ свою очередь, покоятся на противоположности классовъ. Почему хлопокъ, картофель и водка—оси, на которыхъ вертится буржуазное общество, почему они являются предметомъ самаго широкаго потребленія? Потому ли, что они самые полезные въ общественномъ смыслѣ продукты, или потому, что будучи самыми жалкими продуктами, они въ обществѣ, основанномъ на нищетѣ, имѣютъ роковое преимущество служить для употребленія массъ? Только въ будущемъ обществѣ, гдѣ антагонизмъ классовъ исчез-

нетъ, гдѣ не будетъ больше классовъ, потребленіе не будетъ больше опредѣляться минимумомъ времени производства, а напротивъ, время производства, посвящаемое различнымъ предметамъ, будетъ опредѣляться степенью ихъ общественной полезности.

Въ буржуазномъ обществѣ спросъ и предложеніе регулируются не цѣнностью продуктовъ, опредѣляющеюся заключеннымъ въ нихъ рабочимъ временемъ, а колебательное движеніе спроса и предложенія дѣлаетъ изъ рабочаго времени мѣру цѣнности. Каждое новое изобрѣтеніе, позволяющее производить въ одинъ часъ то, что производилось до сихъ поръ въ два часа, обезцѣниваетъ всѣ однородные продукты, находящіеся на рынкѣ. Конкурренція заставляетъ производителя продавать продуктъ двухъ часовъ такъ же дешево, какъ продуктъ одного часа. Конкурренція осуществляетъ законъ, согласно которому относительная цѣнность продукта опредѣляется временемъ труда, необходимымъ для его производства. Не то время, въ теченіе котораго вещь *была* произведена, а минимумъ времени, въ теченіе котораго она *можетъ быть* произведена,—вотъ что опредѣляетъ ея цѣнность, и этотъ минимумъ констатируется конкурренціей. То обстоятельство, что время труда служитъ мѣрою мѣновой цѣнности, становится такимъ образомъ закономъ постояннаго обезцѣненія труда, идущаго рука объ руку съ перепроизводствомъ и промышленной анархіей.

Марксъ называетъ утопію Прудона желаніемъ добраго буржуа, которому хотѣлось бы, чтобы товары производились какъ разъ въ пропорціяхъ, обезпечивающихъ сбытъ по доброй буржуазной цѣнѣ. Онъ показываетъ, что буржуазной иллюзіей искони было воображать себѣ индивидуальный обмѣнъ безъ классоваго антагонизма, чтобы видѣть въ буржуазномъ обществѣ состояніе гармоніи и вѣчной справедливости, не позволяющее никому обогащаться насчетъ другого. Но „надлежащая пропорція между спросомъ и предложеніемъ“ была возможна лишь въ тѣ времена, когда средства производства были ограниченны, когда обмѣнъ происходилъ въ чрезвычайно тѣсныхъ предѣлахъ, когда спросъ господствовалъ надъ предложеніемъ, и потребленіе управляло производствомъ. Она стала невозможной съ возникновеніемъ крупной промышленности, которая уже своими инструментами вынуждается производить въ безпрерывно возрастающемъ масштабѣ, которая не можетъ ждать спроса, которая фатально вынуждена проходить въ непрерывной послѣдовательности черезъ смѣны процвѣтанія, угнетеннаго состоянія, кризиса, застоя, новаго расцвѣта и т. д. „Въ

теперешнемъ обществѣ, въ промышленности, основанной на индивидуальномъ обмѣнѣ, анархія производства, являющаяся источникомъ столькихъ бѣдствій, есть въ то же время источникъ всякаго прогресса. Въ такомъ случаѣ, одно изъ двухъ: либо вы хотите надлежащихъ пропорцій прежнихъ вѣковъ со средствами производства нашего времени, и тогда вы одновременно реакціонеръ и утопистъ; либо вы хотите прогресса безъ анархіи, и тогда для сохраненія производительныхъ силъ откажитесь отъ индивидуальнаго обмѣна".

Марксъ указываетъ затѣмъ, что Прудонъ отнюдь не первый попытался дать „эгалитарное" примѣненіе рикардовской теоріи цѣнности. Онъ перечисляетъ рядъ англійскихъ предшественниковъ его и при этомъ останавливается подробнѣе на утопіи Брея, которую опровергаетъ яснымъ, какъ день, аргументомъ, что если предположить всѣхъ членовъ общества самостоятельными работниками, то обмѣнъ равныхъ количествъ рабочихъ часовъ возможенъ только подъ условіемъ предварительнаго соглашенія о числѣ часовъ, необходимомъ для матеріальнаго производства, а подобное соглашеніе исключаетъ индивидуальный обмѣнъ. Къ тому же выводу мы придемъ, если возьмемъ исходной точкой не распредѣленіе созданныхъ продуктовъ, а актъ производства. Въ крупной промышленности Петръ не воленъ назначать самъ свое рабочее время, ибо трудъ Петра ничто безъ содѣйствія всѣхъ Петровъ и всѣхъ Павловъ, соединенныхъ въ мастерской. Этимъ объясняется упорное сопротивленіе англійскихъ фабрикантовъ законодательному ограниченію женскаго и дѣтскаго труда, котораго нельзя провести на практикѣ, не ограничивъ также труда взрослыхъ мужчинъ. По самому характеру крупной промышленности рабочее время должно быть въ ней равнымъ для всѣхъ. „То, что сегодня обусловливается капиталомъ и конкурренціей рабочихъ между собою, то явится завтра, съ уничтоженіемъ отношенія труда къ капиталу, результатомъ соглашенія, основаннаго на отношеніи суммы производительныхъ силъ къ суммѣ существующихъ потребностей. Но подобное соглашеніе означаетъ осужденіе индивидуальнаго обмѣна".

Затѣмъ Марксъ разбираетъ нѣсколько особыхъ практическихъ приложеній, сдѣланныхъ Прудономъ изъ своего открытія. По Прудону, золото и серебро суть первые товары, цѣнность которыхъ достигла „конституированнаго" состоянія и стала деньгами послѣ верховнаго освященія, сообщеннаго ей печатью суверeновъ. Про-

тивъ этого Марксъ возражаетъ: деньги не вещь, а общественное отношеніе, отдѣльное звено во всей цѣпи общественныхъ отношеній, и, какъ таковое, тѣсно связаны съ ней; подобно индивидуальному обмѣну, это отношеніе соотвѣтствуетъ опредѣленному способу производства. Деньги не созданы произвольнымъ желаніемъ сувереновъ. „Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть лишеннымъ всякаго историческаго знанія, чтобы не знать, что суверены принуждены были во всѣ времена подчиняться экономическимъ условіямъ, но никогда не диктовали имъ своей воли. Политическое законодательство, такъ же какъ гражданское, только провозглашаетъ, протоколируетъ волю экономическихъ отношеній... Право есть только оффиціальное признаніе факта". Печать суверенов, наложенная на золото, опредѣляетъ не его цѣнность, а его вѣсъ; напротивъ, именно въ качествѣ монеты, какъ знаки цѣнности, золото и серебро единственные изъ всѣхъ товаровъ не опредѣляются издержками производства, и мы дѣйствительно видимъ, что они могутъ быть замѣнены въ обращеніи бумажками, — обстоятельство, опять таки давнымъ-давно выясненное Давидомъ Рикардо. Такимъ образомъ, деньги оказались болѣе чѣмъ неудачной практической пробой для „конституированной цѣнности" Прудона.

Не лучше обстояло дѣло съ ея примѣненіемъ къ избытку, который общественный трудъ даетъ надъ трудомъ изолированнымъ. Чтобы объяснить, почему общество все больше богатѣетъ, а рабочій все больше бѣднѣетъ, Прудонъ олицетворялъ общество въ видѣ Прометея, жизненная дѣятельность котораго слѣдуетъ инымъ законамъ, чѣмъ жизненная дѣятельность индивидовъ. „Конституированная цѣнность" должна обезпечить каждому рабочему все большій продуктъ, производимый имъ въ теченіе рабочаго дня благодаря прогрессу совмѣстнаго труда. Противъ этого Марксъ возражаетъ: „Въ англійскомъ обществѣ рабочій день пріобрѣлъ за 70 лѣтъ излишекъ производительности въ 2.700 процентовъ, т.-е. въ 1840 г. онъ производилъ въ 27 разъ больше, чѣмъ въ 1770 г. Согласно г. Прудону, нужно было бы поставить слѣдующій вопросъ: почему англійскій рабочій 1840 г. не былъ въ 27 разъ богаче рабочаго 1770 г. Постановка подобнаго вопроса предполагаетъ, конечно, что англичане могли бы произвести эти богатства безъ тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ они были произведены, т.-е. безъ частнаго накопленія капиталовъ, современнаго раздѣленія труда, примѣненія машинъ, анархической конкурренціи, системы наемнаго труда, однимъ словомъ — всего,

что покоится на антагонизмѣ классовъ. Но это именно и были условія существованія для развитія производительныхъ силъ и избытка труда. Слѣдовательно, для достиженія этого развитія производительныхъ силъ и этого избытка труда требовалось, чтобы существовали одни классы, которые наживаются, и другіе классы, которые приходятъ въ упадокъ. Что же, въ такомъ случаѣ, представляетъ собою въ конечномъ счетѣ Прометей, воскрешаемый г-номъ Прудономъ? Это—общество, это—общественныя отношенія, основанныя на классовомъ антагонизмѣ. Указанныя отношенія не суть отношенія индивида къ индивиду, а рабочаго къ капиталисту, арендатора къ земельному собственнику и т. д. Сотрите эти отношенія, и вы уничтожите все общество, и вашъ Прометей окажется не болѣе какъ фантомомъ безъ рукъ и ногъ, т.-е. безъ машиннаго производства, безъ раздѣленія труда,—которому недостаетъ, однимъ словомъ, всего, чѣмъ вы его первоначально надѣлили, чтобы онъ могъ достигнуть этого избытка труда". Марксъ прибавляетъ, что, согласно теоріи Прудона, было бы на практикѣ достаточно произвести среди рабочихъ равный раздѣлъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ въ настоящее время богатствъ, не мѣняя ничего въ теперешнихъ условіяхъ производства. Марксъ уже тогда признавалъ то, чѣмъ капиталистическіе мыслители разбиваютъ теперь ежедневно коммунизмъ: что подобный раздѣлъ навѣрно не обезпечилъ бы особенно большого благосостоянія каждому изъ участниковъ дѣлежа.

Критика Прудона въ первой главѣ излагаемой книги содержала уже косвенно критику буржуазной экономіи. Эта наука въ лицѣ своихъ классическихъ представителей поняла внутреннее строеніе буржуазнаго общества гораздо правильнѣе, чѣмъ это сумѣлъ сдѣлать Прудонъ, но ея категоріи — цѣнность, деньги, обмѣнъ—имѣли силу также лишь для буржуазнаго общества. Онѣ коренились въ антагонизмѣ между капиталомъ и трудомъ, въ антагонизмѣ классовъ; онѣ падали вмѣстѣ съ этимъ антагонизмомъ. Категоріи политической экономіи не были, какъ она сама воображала, вѣчными и естественными; онѣ были историческими и общественными. Если Рикардо изобразилъ формы экономическихъ категорій въ состояніи покоя, то Марксъ представилъ ихъ функціи въ состояніи движенія. Этимъ онъ занялся преимущественно во второй главѣ своей книги, изслѣдующей удивительный методъ Прудона.

Марксъ говоритъ здѣсь: „Экономическія категоріи суть только

теоретическія выраженія, абстракціи общественныхъ отношеній производства... Общественныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди мѣняютъ свой способъ производства, а мѣняя свой способъ производства, способъ пріобрѣтенія средствъ къ жизни, они мѣняютъ также всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница даетъ общество съ феодальнымъ сюзереномъ, паровая мельница — общество съ промышленнымъ капиталистомъ. Тѣ самые люди, которые устанавливаютъ общественныя отношенія сообразно своему матеріальному способу производства, производятъ также принципы, идеи и категоріи сообразно своимъ общественнымъ отношеніямъ. Такимъ образомъ, эти идеи, эти категоріи такъ же мало могутъ быть признаны вѣчными, какъ отношенія, ими выражаемыя". Марксъ сравниваетъ буржуазныхъ экономистовъ съ ортодоксальными богословами, для которыхъ собственная религія есть Божіе откровеніе, а всѣ прочія религіи — человѣческія измышленія: такимъ же образомъ для экономистовъ существовала исторія, покуда существовали „искусственныя" учрежденія феодализма, но для нихъ нѣтъ больше исторіи, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ „вѣчныя и естественныя" учрежденія буржуазіи.

Для Маркса представлялось легкой задачей вскрыть несостоятельность метода, которому слѣдовалъ Прудонъ. Если діалектическій процессъ разрѣзываютъ на хорошую и дурную сторону и прописываютъ одну категорію, какъ противоядіе противъ другой, то въ идеѣ нѣтъ больше жизни: она не функціонируетъ больше, она не полагаетъ и не разлагаетъ себя въ категоріяхъ. Какъ настоящій ученикъ Гегеля, Марксъ очень хорошо зналъ, что именно дурная сторона, которую Прудонъ хотѣлъ всюду искоренить, что она то и дѣлаетъ исторію, обусловливая борьбу. „Если бы во времена феодализма экономисты, подъ вліяніемъ восторга, возбуждаемаго въ нихъ рыцарскими добродѣтелями, доброй гармоніей между правами и обязанностями, патріархальной жизнью городовъ, цвѣтущимъ состояніемъ домашней промышленности въ деревняхъ, развитіемъ промышленности, организованной въ корпораціи и цехи, однимъ словомъ — всѣмъ, что составляетъ прекрасную сторону феодализма, — если бы, повторяемъ, экономисты поставили себѣ задачей устранить все, что бросаетъ тѣнь на эту картину, т.-е. устранить крѣпостное состояніе, привилегіи, анархію, то чего они достигли бы? Они уничтожили бы всѣ элементы, вызывавшіе борьбу, и задушили бы въ зародышѣ раз-

витіе буржуазіи. Они поставили бы себѣ нелѣпую проблему: вычеркнуть исторію."

Марксъ правильно ставитъ затѣмъ задачу слѣдующимъ образомъ: „если хотятъ вѣрно судить о феодальномъ производствѣ, то нужно разсматривать его какъ способъ производства, основанный на антагонизмѣ. Нужно показать, какъ богатство производилось въ предѣлахъ этого антагонизма, какъ производительныя силы развивались одновременно съ антагонизмомъ классовъ, какъ одинъ изъ этихъ классовъ, дурная сторона, общественное зло, постоянно росъ, пока матеріальныя условія его эмансипаціи не дошли до состоянія зрѣлости". Отношенія производства всего менѣе представляютъ собою вѣчные законы, а отвѣчаютъ опредѣленной ступени развитія людей и ихъ производительныхъ силъ. Вмѣстѣ съ производительными силами мѣняются по необходимости и отношенія производства. Такъ какъ для общества всего важнѣе не лишиться плодовъ цивилизаціи, пріобрѣтенныхъ производительныхъ силъ, то ему приходится разбить традиціонныя формы, въ которыхъ онѣ создавались. Съ этого момента революціонный классъ становится консервативнымъ.

Относительно буржуазіи Марксъ вскрываетъ тотъ же историческій процессъ развитія, какъ относительно феодализма. „Буржуазія начинаетъ пролетаріатомъ, который въ свою очередь является остаткомъ пролетаріата феодальныхъ временъ. Въ теченіе своего историческаго развитія буржуазія необходимымъ образомъ развиваетъ свой антагонистическій характеръ, который при первомъ выступленіи ея на арену болѣе или менѣе замаскированъ, существуетъ только въ скрытомъ состояніи. По мѣрѣ того какъ буржуазія развивается, внутри ея развивается новый современный пролетаріатъ, развивается борьба между пролетарскимъ классомъ и буржуазнымъ классомъ,—борьба, которая, раньше чѣмъ быть почувствованной обѣими сторонами, замѣченной, оцѣненной, понятой, признанной и громко провозглашенной, обнаруживается сначала только частичными и преходящими конфликтами, разрушительными актами. Съ другой стороны, если члены современной буржуазіи имѣютъ тождественный интересъ, поскольку они образуютъ одинъ классъ въ отношеніи къ другому классу, то они имѣютъ противоположные, антагонистическіе интересы, поскольку они стоятъ сами другъ противъ друга. Эта противоположность интересовъ вытекаетъ изъ экономическихъ условій ихъ буржуазной жизни. Со дня на день становится, слѣдовательно, все яснѣе,

что отношенія производства, въ которыхъ движется буржуазія, не имѣютъ единаго, простого характера, а двойственный; что при тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, при которыхъ производится богатство, производится также нищета; что при тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, при которыхъ происходитъ развитіе производительныхъ силъ, развивается сдавливающая сила; что эти отношенія производятъ *буржуазное богатство*, т.-е. богатство буржуазнаго класса, только уничтожая постоянно богатство отдѣльныхъ членовъ этого класса и создавая все болѣе многочисленный пролетаріатъ". Чѣмъ больше выступаетъ антагонистическій характеръ буржуазнаго способа производства, у котораго экономисты заимствуютъ свои вѣчные и естественные законы, тѣмъ больше запутываются ихъ теоріи и образуются различныя школы.

Немногими штрихами Марксъ обрисовываетъ классиковъ буржуазной экономіи столь исчерпывающимъ образомъ, какъ это никогда не удавалось „исторической школѣ" нѣмецкой университетской экономіи съ ея изобиліемъ историческихъ замѣчаньицъ.

„Адамъ Смитъ и Рикардо представляютъ ту буржуазію, которая, въ борьбѣ съ остатками феодальнаго общества, работаетъ только надъ тѣмъ, чтобы очистить экономическія отношенія отъ феодальныхъ пятенъ, увеличить производительныя силы и сообщить новый толчокъ развитію промышленности и торговли. Пролетаріатъ, участвующій въ этой борьбѣ, поглощенный этимъ лихорадочнымъ трудомъ, испытываетъ только преходящія, случайныя страданія и самъ смотритъ на нихъ такимъ образомъ. Экономисты, какъ Адамъ Смитъ и Рикардо, являющіеся историками этой эпохи, имѣютъ лишь одну миссію: показать, какъ богатство пріобрѣтается при отношеніяхъ буржуазнаго производства, формулировать эти отношенія въ видѣ категорій, въ видѣ законовъ, и показать, насколько эти законы и категоріи превосходятъ, съ точки зрѣнія производства богатствъ, законы и категоріи феодальнаго общества. Нищета въ ихъ глазахъ только боль, которой сопровождаются всякіе роды, въ природѣ такъ же, какъ въ промышленности". Какъ только антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ разоблачается и исчезаетъ всякая иллюзія относительно того, что нищета растетъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ богатство, экономисты начинаютъ разыгрывать изъ себя либо пресыщенныхъ фаталистовъ, которые съ высоты своего положенія бросаютъ гордый взглядъ презрѣнія на людей-машинъ, производящихъ богатство,—либо гуманитаріевъ и филантроповъ, которые хотятъ упразд-

машинъ съ однимъ двигателемъ, система машинъ съ однимъ автоматическимъ двигателемъ,—таково развитіе машины". Концентрація орудій производства не уничтожаетъ раздѣленія труда, какъ полагаетъ Прудонъ, а напротивъ усиливаетъ его. Каждое новое изобрѣтеніе въ механической техникѣ сопровождается большимъ раздѣленіемъ труда, и каждое увеличеніе въ раздѣленіи труда влечетъ за собою новыя механическія изобрѣтенія. Столь же несостоятельно утвержденіе Прудона, что рабочій видѣлъ для себя въ машинѣ своего рода „реставрацію": напротивъ, въ 18-мъ вѣкѣ онъ очень долго противился возникающему господству автомата. Машина парализовала силу рабочаго класса, обезцѣнивъ его профессіональное образованіе; послѣ каждой сколько-нибудь значительной стачки появлялась новая машина.

Автоматическая фабрика производитъ переворотъ въ раздѣленіи труда не въ мелко-буржуазномъ смыслѣ Прудона, не такимъ образомъ, что рабочій перестаетъ изготовлять одну двѣнадцатую часть булавки и дѣлаетъ послѣдовательно всѣ 12 частей ея. Фабрика революціонируетъ раздѣленіе труда не для того, чтобы произвести средневѣковаго цеховаго мастера, а чтобы произвести всесторонне развитого человѣка. Раздѣленіе труда въ современномъ обществѣ создаетъ спеціальности, спеціалистовъ и вмѣстѣ съ ними — идіотизмъ ремесла. Напротивъ, раздѣленіе труда въ механической фабрикѣ характеризуется тѣмъ, что трудъ теряетъ въ ней всякій спеціальный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ идіотизмъ ремесла и начинаетъ испытываться стремленіе къ универсальности, ко всестороннему развитію индивида.

Такимъ же образомъ Марксъ показываетъ на конкурренціи и монополіи, что это общественныя, а не естественныя категоріи. Вся исторія, говоритъ онъ, есть одно непрерывное преобразованіе человѣческой натуры. Прудонъ думаетъ побить фурьеристовъ, желавшихъ замѣнить конкурренцію соревнованіемъ, когда говоритъ, что соревнованіе въ промышленной области есть ничто иное, какъ конкурренція. Но если бы ремесленнику 14-го вѣка сказали, что всю феодальную организацію промышленности слѣдуетъ упразднить, для того чтобы на ея мѣсто поставить промышленное соревнованіе, называющееся конкурренціей, то онъ бы отвѣтилъ, что привилегіи различныхъ корпорацій и цеховъ именно и представляютъ собою организованную конкурренцію. Конкурренція не есть потребность человѣческой души, какъ думаетъ Прудонъ. Но подобно тому какъ она возникла изъ историческихъ

потребностей въ 18-мъ вѣкѣ, такъ она можетъ въ силу другихъ историческихъ потребностей исчезнуть въ 19-мъ. Конкуренція— не промышленное, а торговое соревнованіе; она борется не ради продукта, а ради прибыли. „Существуютъ даже фазисы въ экономической жизни современныхъ народовъ, когда всѣ охвачены своего рода маніей—наживать, не производя. Эта спекулятивная манія, возвращающаяся періодически, разоблачаетъ истинный характеръ конкуренціи, которая старается уклониться отъ необходимыхъ условій промышленнаго соревнованія". Дурная сторона конкуренціи, которую хочетъ уничтожить Прудонъ, толкаетъ общество впередъ. Чѣмъ лихорадочнѣе конкуренція создаетъ новыя производительныя силы, тѣмъ больше она разрушаетъ буржуазныя отношенія и создаетъ матеріальныя условія новаго общества. Прудонъ справедливо видитъ въ монополіи необходимый конечный результатъ конкуренціи, но сама эта конкуренція возникла изъ *феодальной* монополіи, и если она создаетъ *современную* монополію, то послѣдняя, въ свою очередь, держится только путемъ постояннаго вступленія въ борьбу конкуренціи. Монополисты ограничиваютъ конкуренцію между собою посредствомъ частичныхъ ассоціацій, но зато конкуренція среди рабочихъ растетъ; чѣмъ больше масса пролетаріевъ увеличивается въ сравненіи съ монополистами одной націи, тѣмъ необузданнѣе становится конкуренція между монополистами различныхъ націй.

Относительно земельной собственности Прудонъ полагалъ, что ея происхожденіе внѣ-экономическое и лежитъ въ соображеніяхъ психологіи и морали, имѣющихъ лишь весьма отдаленное отношеніе къ производству богатствъ; поземельная рента имѣетъ своимъ назначеніемъ крѣпче привязать человѣка къ природѣ. Противъ этого Марксъ возражаетъ: „Во всякую историческую эпоху собственность развивалась разно и при совершенно различныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Опредѣлить буржуазную собственность значитъ, такимъ образомъ, изложить всѣ общественныя отношенія буржуазнаго производства. Попытка дать опредѣленіе собственности, какъ независимаго отношенія, какъ особой категоріи, абстрактной и вѣчной идеи, можетъ быть только иллюзіей метафизики или юриспруденціи". Поземельная рента есть избытокъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ надъ издержками ихъ производства, включая сюда обычную прибыль и процентъ на капиталъ. Она возникла при опредѣленныхъ общественныхъ отношеніяхъ и только при нихъ можетъ возник-

нуть; она не можетъ взять своего начала изъ болѣе или менѣе твердаго, болѣе или менѣе прочнаго свойства почвы, она происходитъ отъ общества, а не отъ природы. Поземельная рента есть поземельная собственность въ ея буржуазной формѣ, т.-е. феодальная собственность, подчинившаяся условіямъ буржуазнаго производства. Она означаетъ превращеніе патріархальнаго сельскаго хозяйства въ промышленное, приложеніе промышленнаго капитала къ землѣ, переселеніе городской буржуазіи въ деревню. Нисколько не привязывая человѣка къ природѣ, рента поставила лишь эксплуатацію земли въ зависимость отъ конкурренціи. Въ качествѣ ренты, земельная собственность мобилизуется и становится предметомъ торговли. Рента возможна лишь съ того момента, какъ развитіе городской промышленности и вытекающая отсюда соціальная организація принуждаютъ землевладѣльца обращать все свое вниманіе только на торговую прибыль, на денежную выручку отъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, и видѣть въ своей земельной собственности исключительно машину для чеканки денегъ. Рента настолько отдѣлила землевладѣльца отъ земли, отъ природы, что ему нѣтъ даже надобности знать свои земли.

Наконецъ, Марксъ переходитъ къ осуждающему приговору, произнесенному Прудономъ надъ стачками и рабочими коалиціями. Марксъ опровергаетъ утвержденіе, будто общее повышеніе заработной платы должно повлечь за собою общее возвышеніе цѣнъ; онъ показываетъ, что при повышеніи заработной платы падаетъ прибыль, причемъ въ большинствѣ случаевъ измѣнившееся отношеніе заработной платы къ прибыли не вліяетъ на цѣны. Уже то, что стачки и рабочіе союзы вызываютъ противъ себя механическія изобрѣтенія, доказываетъ громадное вліяніе ихъ на развитіе промышленности. Въ чемъ заключается, однако, настоящая причина, по которой развитіе коалицій и стачекъ идетъ параллельно развитію крупной промышленности, несмотря на то, что экономисты и соціалисты, хотя и по противоположнымъ основаніямъ, настоятельнѣйшимъ образомъ предостерегаютъ рабочихъ противъ пользованія этимъ оружіемъ? „Крупная промышленность собираетъ въ одномъ мѣстѣ множество незнакомыхъ другъ съ другомъ людей. Конкурренція раздѣляетъ ихъ въ смыслѣ интересовъ, но поддержаніе заработной платы, этотъ общій интересъ ихъ противъ хозяина, соединяетъ ихъ въ одной общей мысли сопротивленія — *коалиціи*". Чтобы сломить это сопротивленіе.

отдѣльные капиталисты въ свою очередь соединяются, а чтобы противостать соединенному капиталу, разрозненныя на первыхъ порахъ коалиціи рабочихъ образуютъ группы. Такимъ образомъ, поддержаніе союзовъ становится для рабочихъ болѣе необходимымъ, чѣмъ поддержаніе заработной платы; рабочіе жертвуютъ — чему экономисты не могутъ достаточно надивиться — порядочную часть своей заработной платы въ пользу союзовъ, которые были основаны, по мнѣнію этихъ экономистовъ, только для возвышенія заработной платы. Въ этой борьбѣ развиваются всѣ элементы грядущей битвы. Коалиція принимаетъ политическій характеръ, ибо борьба класса противъ класса есть политическая борьба.

Марксъ напоминаетъ о томъ, что буржуазія также начала съ частичныхъ коалицій противъ феодальныхъ сеньеровъ, чтобы конституироваться какъ классъ и затѣмъ, въ качествѣ конституированнаго класса, превратить феодальное общество въ буржуазное. „Угнетенный классъ есть необходимое условіе существованія всякаго общества, основаннаго на классовомъ антагонизмѣ. Поэтому освобожденіе угнетеннаго класса необходимымъ образомъ подразумѣваетъ созданіе новаго общества. Для того чтобы угнетенный классъ могъ освободить себя, должна быть достигнута ступень, на которой пріобрѣтенныя производительныя силы и существующія общественныя учрежденія не могутъ больше уживаться рядомъ. Изъ всѣхъ орудій производства самой большой производительной силой является самъ революціонный классъ. Организація революціонныхъ элементовъ въ классъ предполагаетъ существованіе всѣхъ производительныхъ силъ, какія только могли вообще развиться въ нѣдрахъ стараго общества". Но послѣ паденія стараго общества не будетъ больше классоваго господства, которое выражалось бы въ новой политической власти. Рабочій классъ можетъ освободить себя, только упразднивъ всѣ другіе классы, точно такъ, какъ условіемъ освобожденія третьяго сословія, буржуазнаго класса, было уничтоженіе всѣхъ сословій. Побѣда пролетаріата принесетъ по мѣрѣ его развитія ассоціацію безъ классовъ и, слѣдовательно, также безъ политической власти въ собственномъ значеніи этого слова, ибо политическая власть именно и есть оффиціальное выраженіе классоваго антагонизма внутри гражданскаго общества. До тѣхъ же поръ антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей есть борьба класса противъ класса, борьба, которая, будучи доведена до своего высшаго выраженія, означаетъ полную революцію. Соціальное движеніе не исключаетъ политическаго, ибо нѣтъ такого

политическаго движенія, которое не было бы въ то же время соціальнымъ. Только въ такомъ обществѣ, гдѣ не будетъ классовъ, соціальныя эволюціи перестанутъ быть политическими революціями. До того времени послѣднее слово соціальной науки будетъ гласить накануне всякаго общаго преобразованія общества: „Битва или смерть; кровавая борьба или небытіе. Такова неумолимая постановка вопроса“. Этими словами Жоржъ Зандъ заканчиваетъ Марксъ свою книгу.

Въ борьбѣ противъ Прудона Марксъ окончательно порвалъ со всякимъ утопизмомъ. Онъ далъ неопровержимое доказательство того, что общество не есть произведеніе человѣческой головы, не есть искусственное сооруженіе мудрыхъ или не-мудрыхъ архитекторовъ, что оно, напротивъ, живой организмъ, который въ себѣ самомъ носитъ законы своего развитія. Историческій матеріализмъ былъ выпукло представленъ какъ методъ для раскрытія, а не для созданія этихъ законовъ, и былъ пролитъ яркій, новый свѣтъ на проблемы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ тщетно бились до тѣхъ поръ лучшіе умы трехъ великихъ культурныхъ народовъ.

Тѣмъ непонятнѣе или, если угодно, тѣмъ понятнѣе было при тогдашнемъ положеніи классовой борьбы въ Европѣ, что книга Маркса прошла почти безслѣдно мимо современниковъ, несмотря на новые пути, которые она открывала. Въ нѣмецкой литературѣ она, повидимому, не обратила на себя никакого вниманія, по крайней мѣрѣ, не встрѣтила такого вниманія, какое сколько-нибудь отвѣчало бы ея значенію, во Франціи же она не только не поколебала престижа Прудона, но вліяніе послѣдняго на французскій пролетаріатъ продолжало, напротивъ, безпрерывно расти.

Тѣмъ не менѣе, нашелся рѣшительный и храбрый авангардъ, постепенно собравшійся вокругъ Энгельса и Маркса, какъ знаменоносцевъ новой эры. Пусть ученые игнорировали ихъ работы, пусть преобладающая масса пролетаріата не была еще достаточно зрѣла для пониманія лозунговъ, съ которыми они обращались къ ней: все-таки они пріобрѣтали кругъ дѣйствія, въ которомъ стоило созидать. Ихъ научная работа стала энергично обнаруживать свое вліяніе на революціонную борьбу того времени.

Глава XIV.

Союзъ коммунистовъ.

Со времени iюльской революцiи Бельгiя представляла собою образцовое государство буржуазной монархiи, мнившее себя независимымъ отъ классовой борьбы между буржуазiей и пролетарiатомъ и, слѣдовательно, также отъ революцiи. Оно явилось для политическихъ изгнанниковъ изъ большихъ государствъ убѣжищемъ, оказавшимся, однако, призрачнымъ, какъ только упомянутая иллюзiя разсѣялась. Усилiя прусскаго правительства добиться высылки Маркса изъ Брюсселя не имѣли успѣха, но они побудили Маркса выступить изъ прусскаго подданства, причемъ онъ не натурализовался ни въ Бельгiи, ни въ другомъ мѣстѣ за-границей.

За три года его брюссельскаго изгнанiя бельгiйская столица стала своего рода центромъ коммунистическаго движенiя. Съ весны 1845 г. до лѣта 1846 г. въ Брюсселѣ жилъ также Энгельсъ; отсюда они оба поддерживали оживленныя сношенiя съ революцiонными элементами англiйскаго чартизма и французской соцiалъ-демократiи. Особенно дѣятельно они переписывались съ Юлiаномъ Гарнэемъ (Harney), редакторомъ „*Northern Star*", и съ Фердинандомъ Флокономъ (Flocon), редакторомъ „*Réforme*". Еще важнѣе была ихъ переписка съ „Союзомъ справедливыхъ" въ Лондонѣ и съ Эвербекомъ, который руководилъ парижскими общинами этого союза. Въ самомъ Брюсселѣ они прiобрѣли нѣсколькихъ сторонниковъ, напр. Жиго (Gigot), служащаго городской библiотеки, который находился въ дружескихъ отношенiяхъ съ Прудономъ и котораго привлекала, быть можетъ, не столько коммунистическая теорiя, сколько гуманитарная сторона рабочаго движенiя.

Съ нѣмецкой родиной они также находились въ непрерывныхъ сношенiяхъ; въ Рейнской провинцiи, въ частности въ Кёльнѣ,

они имѣли извѣстное число приверженцевъ. Но кромѣ того, къ нимъ пріѣхалъ изъ Лондона Вейтлингъ, изъ Швейцаріи — Себастіанъ Зейлеръ, изъ Вестфаліи—Іосифъ Вейдемейеръ, отставной артиллерійскій поручикъ, ставшій потомъ ихъ неизмѣнно-вѣрнымъ спутникомъ. По возвращеніи въ Германію Вейдемейеръ усердно старался привлечь на ихъ сторону „*Das Westfälische Dampfboot*", какъ и вообще устранить издательскія затрудненія, которыя встрѣчала на германской территоріи ихъ литературная дѣятельность. Одинъ молодой ученикъ Фейербаха, Германъ Криге, раньше чѣмъ переселиться въ Соединенные Штаты, чтобы вербовать приверженцевъ коммунизма въ Новомъ Свѣтѣ, также пріѣзжалъ сначала къ Энгельсу въ Барменъ, а затѣмъ въ Брюссель къ Марксу.

Изъ всѣхъ, примкнувшихъ въ Брюсселѣ къ Марксу и Энгельсу, ближе всего сошелся съ ними Вильгельмъ Вольфъ, „смѣлый, благородный, вѣрный защитникъ пролетаріата", памяти котораго Марксъ посвятилъ впослѣдствіи первый томъ своего „Капитала". Вольфъ былъ сыномъ крѣпостного крестьянина въ Силезіи. Несмотря на крайне неблагопріятныя внѣшнія условія, онъ пріобрѣлъ въ гимназіи и университетѣ образованіе классическаго филолога, не теряя никогда жгучей ненависти къ угнетателямъ своего класса. Какъ „демагога", его цѣлыми годами таскали по прусскимъ крѣпостямъ, затѣмъ онъ жилъ частными уроками въ Бреславлѣ, гдѣ весело и храбро воевалъ съ бюрократіей и цензурой. Его революціонныя боевыя наклонности отнюдь не исчерпывались, однако, юморомъ этой партизанской войны. Онъ спустился въ трущобы, гдѣ погибалъ бреславльскій пролетаріатъ, и захватывающее описаніе этихъ „казематовъ" доставило ему почетное прозвище „казематнаго Вольфа". Объ его ясномъ пониманіи экономическихъ вопросовъ свидѣтельствовалъ очеркъ о силезскомъ возстаніи ткачей, помѣщенный имъ въ „*Deutsches Bürgerbuch*". Навлекши на себя преслѣдованіе за нарушеніе законовъ о печати, онъ отказался отъ удовольствія жить въ прусскихъ тюрьмахъ и отправился сначала въ Лондонъ, а вскорѣ затѣмъ въ Брюссель, къ Марксу и Энгельсу. Онъ сталъ дѣятельнѣйшимъ помощникомъ этихъ послѣднихъ, какъ человѣкъ съ непоколебимой силой характера, надежный, какъ скала, и проникнутый чувствомъ долга, одинаково строгимъ къ другу и недругу, но наиболѣе строгимъ къ себѣ самому.

Такимъ образомъ, не было недостатка въ разнообразныхъ

лобужденіяхъ къ коммунистической пропагандѣ, если бы даже Марксъ и Энгельсъ склонны были—чего въ дѣйствительности отнюдь не было—передавать шопотомъ свои теоретическіе выводы исключительно ученому міру и въ толстыхъ книгахъ. Рука объ руку съ ихъ научными изслѣдованіями шла ихъ практическая агитація. Это была утомительная работа, довольно часто остававшаяся безрезультатной или, по крайней мѣрѣ, казавшаяся безрезультатной; не отъ одного литературнаго плана, за который они съ живымъ интересомъ принимались въ эти годы, имъ пришлось отказаться. Но они не уставали, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія, несмотря даже на самое тягостное препятствіе, создававшееся для нихъ какъ разъ со стороны тѣхъ круговъ, на которые они хотѣли воздѣйствовать, упрекомъ въ легкомысленной жаждѣ разрушенія, упрекомъ, будто своей разлагающей критикой они мѣшаютъ соціалистическому движенію, которое иначе съ непреодолимой силой завоевало бы міръ. Марксъ и Энгельсъ были, однако, слишкомъ хорошими мыслителями, чтобы не знать, что при отсутствіи ясныхъ и вѣрныхъ цѣлей освободительная борьба современнаго пролетаріата можетъ только терпѣть одно пораженіе за другимъ.

Марксу, несомнѣнно, не доставляло особаго удовольствія критически сводить счеты съ Прудономъ и Вейтлингомъ, этими геніально одаренными пролетаріями, первое появленіе которыхъ на исторической сценѣ никѣмъ не было такъ радостно привѣтствовано и не понято такъ глубоко, какъ именно имъ. Мы имѣемъ также достаточное число свидѣтельствъ о томъ терпѣніи и снисходительности, съ которыми Марксъ относился къ Вейтлингу въ этотъ брюссельскій періодъ. Но утопическое самомнѣніе Вейтлинга было уже неизлѣчимо, и такимъ образомъ не оставалось ничего больше, какъ устранить этотъ тормазъ для развитія пролетаріата. Самъ Вейтлингъ и одинъ безпристрастный свидѣтель, русскій публицистъ Анненковъ, съ драматической живостью описали сцену, происходившую въ мартѣ 1846 г., когда ставшія непримиримыми противорѣчія столкнулись другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ того Вейтлингъ довелъ дѣло и до внѣшняго разрыва, притомъ въ формѣ, которою самъ подчеркнулъ свою очевидную неправоту.

Произошло это, когда Марксъ, Энгельсъ и ихъ ближайшіе друзья вынуждены были въ маѣ 1846 г. выступить съ циркуляромъ противъ Криге. Этотъ молодой студентъ обманулъ надежды, кото-

рыя особенно возлагалъ на него Энгельсъ; онъ съ дѣтски-надутымъ видомъ разыгрывалъ изъ себя въ Нью-Іоркѣ пророка европейскаго коммунизма и обнаруживалъ въ своемъ *„Народном-Трибунѣ"* фантастически-сантиментальную мечтательность, „слюнявую чувствительность", какъ говорилось въ брюссельскомъ циркулярѣ,—которая изображала коммунизмъ любвеобильной противоположностью эгоизма, сводила всемірно-историческое революціонное движеніе къ двумъ-тремъ словамъ, въ родѣ любовь—ненависть, коммунизмъ — эгоизмъ, и такимъ образомъ должна была оказать въ высшей степени деморализующее дѣйствіе на рабочихъ, если бы они усвоили такую точку зрѣнія. Криге довелъ дѣло до того, что даже его земляки, коммунисты изъ Вестфаліи, отвернулись отъ него. Люнингъ перепечаталъ брюссельскій циркуляръ, даже противъ воли авторовъ, въ *„Westfälisches Dampfboot"*, не скрывая того, что даетъ этимъ до нѣкоторой степени самокритику своей собственной газеты. Вейтлингъ не примкнулъ, однако, къ демонстраціи брюссельскихъ коммунистовъ и въ письмѣ къ Криге самымъ недружелюбнымъ образомъ заподозрилъ ихъ намѣренія. Его манія величія и преслѣдованія оттолкнула отъ него, наконецъ, его послѣдняго друга Гесса; тогда онъ отправился къ Криге въ Америку.

Въ циркулярѣ брюссельскихъ коммунистовъ подвергся критикѣ и „Союзъ справедливыхъ", который Криге сдѣлалъ предметомъ сказочнаго хвастовства. Однако, пролетаріи, принадлежавшіе къ этому союзу, отнеслись къ брюссельской критикѣ гораздо разумнѣе, чѣмъ Вейтлингъ, съ которымъ они не въ силахъ были сладить уже во время его пребыванія въ Лондонѣ. Около конца года—Марксъ указываетъ конецъ 1846 г., а Энгельсъ весну 1847 г.—въ Брюссель пріѣхалъ Іосифъ Молль, чтобы предложить Марксу и Энгельсу вступить въ союзъ, который намѣренъ сдѣлать ихъ критическій коммунизмъ ученіемъ союза. Такимъ образомъ молнія мысли все-таки ударила въ наивную народную почву; привлеченіемъ организаціи настоящихъ пролетаріевъ, какъ бы малочисленна она ни была, пріобрѣталось больше, чѣмъ терялось вслѣдствіе отпаденія всякаго литературнаго, утопическаго и прочаго соціализма, не сумѣвшаго оцѣнить освободительную борьбу пролетаріата въ ея историческомъ значеніи. Въ Брюсселѣ возникли общины союза, въ которыхъ работали Марксъ и Вольфъ; Энгельсъ, уѣхавшій въ августѣ 1846 г. въ Парижъ, чтобы положить конецъ путаницѣ, внесенной Грюномъ въ умы тамошнихъ нѣмецкихъ рабочихъ

продолжалъ и потомъ работать въ парижскихъ общинахъ, что не мѣшало ему, вѣроятно, возвращаться временами въ Брюссель.

Въ то же время открылись другіе виды на практическую дѣятельность. Въ германскомъ союзѣ, особенно въ Пруссіи, умножались предвѣстники революціи. Съ изданіемъ февральскаго патента 1847 г., созвавшаго соединенный ландтагъ, романтическій король въ Берлинѣ началъ капитулировать предъ буржуазіей; это было робкое начало, но все же начало, которое по своимъ историческимъ условіямъ не могло не развиваться дальше. Всѣ устои до-мартовскаго деспотизма стали шататься. Традиціи Шёна и Альтенштейна никогда не умирали вполнѣ среди прусской бюрократіи; капризный режимъ Фридриха-Вильгельма IV укрѣпилъ ихъ именно тѣмъ, что старался совершенно вытравить ихъ. Духъ тайной оппозиціи проникалъ въ самые секретные шкафы самыхъ почтенныхъ канцелярій, сдувая пыль съ хранившихся въ нихъ актовъ. Всего сильнѣе онъ замѣчался среди духовенства, учителей и судей, которые не были такъ ужъ выданы головой произволу высшихъ мандариновъ. Ортодоксальное хозяйничаніе Эйхгорна въ церкви и школѣ возбудило мятежное настроеніе среди той части духовенства которая не дошла еще до полнаго ханжества, и среди всѣхъ почти учителей, начиная съ университета и кончая сельской школой. Судьи были взбудоражены пресловутымъ дисциплинарнымъ закономъ, рейнскіе юристы стали недовѣрчивыми и подозрительными вслѣдствіе постоянныхъ урѣзываній наполеоновскаго кодекса. Но и среди войска, особенно среди младшихъ офицеровъ, распространялись радикальныя тенденціи. Когда артиллерійскаго поручика Аннеке въ Минденѣ захотѣли исключить со службы за коммунистическій образъ мыслей, то долго не удавалось добиться его осужденія. Въ судѣ чести настоящіе товарищи его, 30 младшихъ офицеровъ, высказались за оправданіе, тогда какъ 18 высказались за исключеніе, а другіе 18 только за предостереженіе. Чтобы добиться исключенія Аннеке изъ арміи, королю пришлось вмѣшаться угрожающимъ кабинетскимъ приказомъ и назначить новый судъ чести исключительно изъ однихъ штабъ-офицеровъ. Затѣмъ старымъ служакамъ пришлось еще безъ конца браниться, чтобы удержать прежнихъ товарищей Аннеке отъ дружескихъ сношеній съ нимъ. Этотъ случай былъ особенно поразительнымъ, но далеко не единственнымъ симптомомъ броженія среди младшихъ офицеровъ.

Отставнымъ прусскимъ офицеромъ былъ также Адальбертъ

ф. Борнштедтъ, издававшій съ начала 1847 г. дважды въ недѣлю „*Deutsche Brüsseler Zeitung*". Онъ не былъ строгимъ человѣкомъ принциповъ, но и не дѣльцомъ только, какъ Бернштейнъ; недовѣрчивое отношеніе къ нему въ эмигрантскихъ кругахъ, было скоро разсѣяно процессами, возбужденными противъ него по доносу прусскаго посольства. Марксъ нашелъ, что *Нѣмецкая Брюссельская Газета*, „несмотря на свои многочисленныя слабыя стороны имѣетъ и кое-какія заслуги"; вмѣсто того, чтобы искать препятствія въ имени Борнштедта и на этомъ основаніи ничего не дѣлать, онъ предпочелъ улучшить газету. Начиная съ весны 1847 г. и затѣмъ все усерднѣе въ послѣдующіе мѣсяцы онъ вмѣстѣ со своими друзьями сотрудничалъ въ газетѣ и доставилъ ей репутацію третьяго органа тогдашней европейской демократіи, рядомъ съ *Northern Star* и *Réforme*.

Тѣмъ временемъ кругъ его друзей увеличился новыми цѣнными силами; въ Брюссель пріѣхали Георгъ Вертъ, Моисей Гессъ Фердинандъ Вольфъ, а въ самомъ концѣ и Эрнстъ Дронке. Къ этимъ идеологамъ присоединились пролетаріи, принадлежавшіе къ наиболѣе развитымъ элементамъ своего класса: маляръ Штейнгенсъ, позументщикъ Ридель, оба наборщика *Нѣмецкой Брюссельской Газеты*, Стефанъ Борнъ, впослѣдствіи профессоръ университета въ Базелѣ, и Валлау, впослѣдствіи оберъ-бургомистръ въ Майнцѣ. Они образовали ядро нѣмецкаго рабочаго ферейна, возникшаго въ августѣ 1847 г. и насчитывавшаго около 100 членовъ. Нѣсколько позже, въ ноябрѣ, было основано Демократическое Общество, которое носило международный характеръ и объединяло бельгійскихъ демократовъ съ политическими эмигрантами, жившими въ Брюсселѣ. Почетнымъ президентномъ былъ генералъ Меллине, спасшій Антверпенъ отъ голландцевъ, президентомъ— адвокатъ Жотранъ (Jottrand), бывшій членъ бельгійскаго временнаго правительства. Вице-президентами были: отъ нѣмцевъ — Марксъ, отъ поляковъ—бывшій членъ польскаго временнаго правительства Лелевель, отъ французовъ — Эмберъ (Imbert), который послѣ февральской революціи 1848 г. былъ назначенъ губернаторомъ Тюльерійскаго дворца. Въ Демократическое Общество входило, конечно, еще меньше членовъ, чѣмъ въ Нѣмецкій Рабочій Ферейнъ, и Марксъ отнюдь не представлялъ себѣ значенія этихъ организацій въ преувеличенномъ видѣ. Онъ находилъ только что непосредственная пропаганда, общественная дѣятельность, производитъ необыкновенно освѣжающее дѣйствіе на каждаго.

Необыкновенно освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ и теперь еще все, что Марксъ и Энгельсъ создали тогда, занимаясь непосредственной пропагандой: статьи въ „*Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ*", лекціи въ Нѣмецкомъ Рабочемъ Ферейнѣ и въ Демократическомъ Обществѣ, наконецъ, больше всего — то, что они дѣлали для „Союза справедливыхъ".

---

1. Deutsche Brüsseler Zeitung.

Первое соприкосновеніе, въ которое Марксъ пришелъ съ газетою Борнштедта, имѣло своимъ поводомъ полемику съ Карломъ Грюномъ.

Грюнъ, создавшій себѣ, какъ истинно нѣмецкій журналистъ, широкую рекламу въ прессѣ, искалъ Маркса, по нѣмецкой поговоркѣ, „за той печкой, за которой спрятался самъ": Марксъ прибѣгъ будто бы къ мелкимъ вылазкамъ въ мелкихъ газетныхъ статейкахъ, чтобы умалить значеніе книги Грюна о соціальномъ движеніи въ Бельгіи и Франціи. Такъ инсинуировала „*Трирская Газета*", органъ Грюна. Въ отвѣтъ на это Марксъ заявилъ, что напечатаетъ въ „*Westfälisches Dampfboot*" подробный разборъ книги Грюна, который онъ написалъ для составленнаго вмѣстѣ съ Энгельсомъ сочиненія о нѣмецкой идеологіи, и покажетъ, въ какой мѣрѣ ему есть надобность пускать въ ходъ противъ Грюна пріемы недобросовѣстной конкурренціи. Этотъ разборъ дѣйствительно появился въ „*Westfälisches Dampfboot*"; вмѣстѣ съ тѣмъ Марксъ помѣстилъ въ „*Deutsche Brüsseler Zeitung*" подробный разборъ книги Грюна о „Гёте съ человѣческой точки зрѣнія". Марксъ ясно показалъ здѣсь, что Грюнъ не замѣчаетъ всего геніальнаго и великаго въ Гёте и топитъ его въ морѣ тривіальностей, но зато раздуваетъ, какъ газетчикъ, всѣ филистерскія, мѣщанскія черты Гёте, всѣ мелочныя стороны его, чтобы выставить нѣмецкаго филистера идеаломъ „человѣка".

Какъ мѣтка ни была эта критика и какъ ни заслужилъ ее Грюнъ своими прѣсными разговорами о Гёте, однако нужно все-таки признать, что Марксъ былъ не вполнѣ правъ, когда онъ въ „*Deutsche Brüsseler Zeitung*" дѣлалъ „извѣстной фракціи нѣмецкихъ соціалистовъ" упрекъ въ томъ, что „они постоянно шумятъ противъ либеральной буржуазіи и притомъ въ такой формѣ,

которая не приноситъ пользы никому, кромѣ нѣмецкихъ правительствъ". Моисей Гессъ, напр., велъ тогда борьбу рука объ руку съ Марксомъ и Энгельсомъ; онъ становился вполнѣ на ихъ точку зрѣнія въ рядѣ статей о послѣдствіяхъ пролетарской революціи и въ нѣсколькихъ замѣткахъ противъ Руге. Люнингъ жаловался еще, правда, на рѣзкій тонъ Маркса, но принялъ съ большой радостью въ „*Wesfälisches Dampfboot*" критическую статью о Грюнѣ, присланную ему Марксомъ. Даже суровый приговоръ, произнесенный Марксомъ надъ Грюномъ, необходимо принять съ извѣстными ограниченіями, поскольку Грюнъ, безъ сомнѣнія—плохой философъ и плохой соціалистъ, все же былъ на свой беллетристическій манеръ добрымъ демократомъ. На свой особый ладъ „истинные соціалисты" относились сердечно къ рабочимъ классамъ, они никогда не думали предавать интересы пролетаріата до-мартовской реакціи. Кромѣ того въ активъ ихъ историческаго счета нужно записать, что вопросъ, какое положеніе долженъ занять до-мартовскій соціализмъ относительно до-мартовскаго либерализма, былъ не такъ уже простъ.

Какъ Марксъ и Энгельсъ сами указывали много разъ, начиная съ „*Deutsch-Französische Jahrbücher*", нѣмецкая буржуазія, именно въ тотъ моментъ, когда она собиралась завязать борьбу съ королевской властью и юнкерствомъ, почувствовала у себя на шеѣ львиную лапу рабочаго класса. Ея политика пріобрѣла вслѣдствіе этого, съ одной стороны, *еще* революціонный, но, съ другой стороны, *уже* реакціонный оттѣнокъ. Марксъ и Энгельсъ имѣли за себя всякую историческую логику и разумъ, когда говорили, что рабочій классъ долженъ въ своемъ собственномъ интересѣ обезпечить сначала побѣду буржуазіи надъ абсолютизмомъ и феодализмомъ, когда они осыпали ѣдкими насмѣшками всѣ попытки „истиннаго соціализма" побороть либерализмъ еще раньше, чѣмъ послѣдній справился съ феодализмомъ. Но различить границу между *еще* революціонной и *уже* реакціонной тактикой было не такъ легко. Марксъ и Энгельсъ иной разъ также ошибались на этотъ счетъ, хотя и въ противоположную сторону, чѣмъ „истинные соціалисты". Когда они хвалили отклоненіе подоходнаго налога соединеннымъ ландтагомъ, „какъ логически послѣдовательный отказъ въ отпускѣ денегъ", какъ „энергичную попытку" парализовать абсолютистско-феодальный режимъ въ слабомъ его мѣстѣ, то они оказывали оппозиціи противъ подоходнаго налога слишкомъ много чести. Рѣчи и голосованія доказываютъ, что налогъ

былъ отклоненъ не изъ революцiонной оппозицiи правительству, а изъ весьма реакцiонной заботы о карманахъ имущихъ классовъ, которые не хотѣли взять на себя даже маленькой жертвы, чтобы доставить небольшое и временное облегченiе рабочимъ классамъ.

Отъ этой ошибки не была также свободна блестящая въ прочихъ отношенiяхъ статья Маркса и Энгельса отъ 12-го сентября, гдѣ они свели счеты съ правительственно-церковнымъ соцiализмомъ *„Рейнскаго Наблюдателя"*. Противъ ссылки на эгоизмъ либеральной буржуазiи, заботящейся-дескать только о себѣ, и нисколько не думающей о „благѣ народа", они возражаютъ: „Народъ, или употребляя вмѣсто этого расплывчатаго и шаткаго термина опредѣленное выраженiе—пролетарiатъ, не спрашиваетъ, составляетъ ли народное благо главное или второстепенное дѣло для буржуа, *хотятъ* ли они пользоваться пролетарiями какъ пушечнымъ мясомъ, или нѣтъ. Пролетарiатъ не спрашиваетъ, чего буржуа только *хотятъ*, а что они *вынуждены* дѣлать. Онъ спрашиваетъ, кто дастъ ему больше средствъ для достиженiя его собственныхъ цѣлей: теперешнiй политическiй порядокъ, господство бюрократiи, или же тотъ порядокъ, къ которому стремятся либералы, т.-е. господство буржуазiи. Достаточно ему сравнить для этого политическое положенiе пролетарiата въ Англiи, Францiи и Америкѣ съ его положенiемъ въ Германiи, чтобы видѣть, что господство буржуазiи даетъ въ руки пролетарiату не только совершенно новое оружiе для борьбы *противъ* буржуазiи, но и доставляетъ ему совершенно новое положенiе, положенiе признанной партiи". Не слѣдуетъ, вѣдь, думать, что пролетарiатъ это—берлинскiе уличные зѣваки или померанскiе мужики: пролетарiатъ такъ же хорошо видитъ насквозь фразы правительства о народномъ благѣ и плохомъ соцiальномъ положенiи, какъ однородныя фразы либеральной буржуазiи.

Что касается соцiальныхъ принциповъ христiанства, то у нихъ было 18 вѣковъ времени, чтобы развиться, и что же они дали на практикѣ? „Соцiальные принципы христiанства оправдывали древнее рабство, возвеличивали средневѣковое крѣпостное состоянiе и при нуждѣ умѣютъ также защищать, хотя и съ нѣсколько жалостной миной, угнетенiе пролетарiата. Соцiальные принципы христiанства проповѣдуютъ необходимость господствующаго и угнетеннаго класса и имѣютъ для послѣдняго только благочестивое пожеланiе, чтобы первый былъ благотворителенъ. Соцiальные принципы христiанства переносятъ консисторско-судебное вознагражденiе за всѣ

подлости на небо и оправдывают этим дальнѣйшее существованіе этихъ подлостей на землѣ. Соціальные принципы христіанства объявляютъ всѣ низости угнетателей противъ угнетаемыхъ либо справедливой карой за первородный грѣхъ и прочіе грѣхи, либо испытаніями, которыя Господь посылаетъ людямъ по неисповѣдимой мудрости своей. Соціальные принципы христіанства проповѣдываютъ трусость, презрѣніе къ себѣ самому, униженность, покорность, смиреніе, коротко говоря — всѣ свойства canaille, а пролетаріату, который не хочетъ, чтобы съ нимъ обращались какъ со сволочью, нужны въ еще гораздо большей степени его мужество, самосознаніе, гордость и чувство независимости, чѣмъ его хлѣбъ. Соціальные принципы христіанства смиренны, а пролетаріатъ революціоненъ".

Такимъ же образомъ Марксъ и Энгельсъ безпощадно разсѣяли пріятную мечту о союзѣ между королемъ и народомъ: „Изъ всѣхъ политическихъ элементовъ,—писали они,—народъ самый опасный для короля. Не тотъ народъ, о которомъ говоритъ Фридрихъ Вильгельмъ и который со слезами на глазахъ благодаритъ за полученный пинокъ ногой и зильбергрошенъ: этотъ народъ совершенно безопасенъ, ибо онъ существуетъ только въ воображеніи короля. Но дѣйствительный народъ, пролетаріи, мелкіе крестьяне и чернь, это—выражаясь словами Гоббса—puer robustus sed malitiosus, крѣпкій и злой парень, и онъ не даетъ себя одурачить ни тощимъ, ни жирнымъ королямъ. Этотъ народъ прежде всего вырвалъ бы у его величества конституцію со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, свободой союзовъ, свободой печати и т. под. И если бы онъ пріобрѣлъ все это, то употребилъ бы добытое на возможно скорѣйшее разрушеніе власти, достоинства и поэзіи королевской власти". Пророчество, которому потребовалось всего полгода, чтобы сбыться слово въ слово.

На столбцахъ „*Deutsche Brüsseler Zeitung*" Марксъ и Энгельсъ разсчитались не только съ правительственно-церковнымъ соціализмомъ, но и съ тѣмъ политическимъ радикализмомъ, который видѣлъ въ монархахъ виновниковъ всякой реакціи,—представленіе, столь же глубокомысленное, какъ представленіе монарховъ, которые могутъ себѣ объяснить революціонныя движенія только подстрекательствомъ демагоговъ. Въ качествѣ носителя этого радикализма, шумѣвшаго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше у него было идей, выступилъ противъ нихъ Карлъ Гейнценъ. Среди до-мартовскихъ политическихъ эмигрантовъ Гейнценъ пріобрѣлъ нѣко-

торую извѣстность больше своимъ грубіянскимъ тономъ, чѣмъ умственными даровніями; не будучи ни въ какомъ случаѣ равнымъ противникомъ для Маркса и Энгельса, онъ, какъ типичный представитель цѣлаго направленія, все же имѣлъ извѣстное значеніе, такъ что болѣе серьезное объясненіе съ нимъ не было напрасной затратой труда.

Возражая Гейнцену, Марксъ писалъ, что не монархи источникъ нѣмецкаго общества, а напротивъ, нѣмецкое общество есть источникъ монархической власти. „Насильническо-реакціонная роль, въ которой выступаютъ государи, доказываетъ только, что въ порахъ стараго общества постепенно образовалось новое общество; политическая оболочка—эта естественная покрышка стараго общества—не можетъ не ощущаться новымъ обществомъ, какъ противоестественныя путы, которыя необходимо разорвать. Чѣмъ менѣе развиты эти разлагающіе элементы, тѣмъ болѣе консервативной кажется даже самая яростная реакція старой политической власти. Чѣмъ развитѣе эти новые, разлагающіе общественные элементы, тѣмъ болѣе реакціонной представляется даже невиннѣйшая консервативная попытка старой политической власти. Реакція княжеской власти доказываетъ не то, что послѣдняя создаетъ старое общество, а напротивъ—что эта власть будетъ упразднена, какъ только матеріальныя условія стараго общества переживутъ себя. Ея реакція есть въ то же время реакція стараго общества, представляющаго еще собою оффиціальное общество и потому находящагося еще въ оффиціальномъ обладаніи властью или въ обладаніи оффиціальной властью. Разъ матеріальныя жизненныя условія общества разовьются настолько, что преобразованіе его оффиціальной политической власти станетъ для него жизненной необходимостью, то преобразится вся физіономія старой политической власти. Такъ, абсолютная монархія пытается теперь децентрализовывать, вмѣсто централизированія, въ которомъ заключалась собственно ея цивилизующая дѣятельность. Выросшая изъ пораженія феодальныхъ сословій и сама принимавшая дѣятельнѣйшее участіе въ ихъ разрушеніи, она старается теперь удержать хотя бы *видимость* феодальныхъ различій. Послѣ того какъ она благопріятствовала раньше торговлѣ и промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенію буржуазнаго класса, какъ необходимымъ условіямъ національнаго могущества и собственнаго блеска, абсолютная монархія становится теперь повсюду на пути развитію торговли и промышленности, являющихся все болѣе

опаснымъ оружіемъ въ рукахъ и безъ того уже могущественной буржуазіи. Съ города—мѣста, откуда пошло ея возвышеніе—она переноситъ свой боязливый и отупѣвшій взоръ на деревню, удобренную трупами ея старыхъ противниковъ-богатырей". Какъ прозрачно ни было это объясненіе, но оно осталось для Гейнцена загадкой за семью печатями.

Онъ былъ достаточно безтактенъ, чтобы въ разгарѣ революціонной борьбы слѣдующаго года выпустить нелѣпую и прѣсную брошюру противъ Маркса и Энгельса, но его собственные революціонные подвиги оставались позади самыхъ скромныхъ требованій. Къ ужасу филистеровъ и къ великой радости полицейскихъ онъ сочинялъ курьезные катехизисы, чтобы побудить солдатъ къ дезертирству, или изобрѣталъ паровыя гильотины для массоваго препровожденія государей въ лучшій міръ; съ той стороны океана онъ еще въ теченіе десятилѣтій металъ громы противъ нѣмецкихъ князей и нѣмецкихъ коммунистовъ, не повредивъ волоска ни тѣмъ, ни другимъ.

---

2. Нѣмецкій Рабочій Ферейнъ и Демократическое Общество.

Изъ лекцій по экономическимъ вопросамъ, читанныхъ Марксомъ въ Нѣмецкомъ Рабочемъ Кружкѣ, сохранился лишь отрывокъ въ статьяхъ о наемномъ трудѣ и капиталѣ, свидѣтельствующихъ объ его мастерствѣ и въ дѣлѣ популяризаціи. Марксъ изслѣдуетъ прежде всего, что такое заработная плата. На повседневномъ опытѣ каждаго рабочаго онъ показываетъ, что заработная плата не есть доля рабочаго въ производимомъ имъ товарѣ, а напротивъ — та часть наличныхъ уже товаровъ, при посредствѣ которой капиталистъ покупаетъ себѣ опредѣленную сумму производительнаго труда. Марксъ спрашиваетъ далѣе: какъ опредѣляется цѣна труда? и отвѣчаетъ: какъ цѣна всякаго другого товара. Она опредѣляется троякой конкурренціей: покупателей между собою, или спросомъ, продавцовъ между собой, или снабженіемъ, и покупателей съ продавцами, или колебаніями спроса и снабженія. Эти колебанія заставляютъ цѣну каждаго товара колебаться около издержекъ его производства. Рыночная цѣна товара стоитъ либо выше либо ниже издержекъ производства. Если спросъ сильнѣе снабженія, то цѣны товаровъ поднимаются, масса

капиталовъ устремляется въ процвѣтающую отрасль промышленности, пока цѣна ея продуктовъ не упадетъ вслѣдствіе перепроизводства ниже издержекъ производства. Если снабженіе какого-нибудь товара сильнѣе спроса, то происходитъ обратный процессъ: капиталы отливаютъ отъ производства этого товара, пока его цѣна не превыситъ снова издержекъ производства. Сообразно съ этимъ и цѣна труда опредѣляется издержками его производства; въ вѣчномъ колебаніи она то поднимается выше, то опускается ниже ихъ. Но издержки производства простого труда равны расходамъ на поддержаніе существованія рабочаго и продолженіе его рода; цѣна этихъ издержекъ образуетъ заработную плату. Подобно тому какъ цѣна товаровъ опредѣляется издержками производства вообще, такъ и уровень заработной платы имѣетъ силу не для отдѣльнаго индивида, а для рода. Отдѣльные рабочіе, милліоны рабочихъ не получаютъ столько, сколько нужно, чтобы имѣть возможность существовать и продолжать свой родъ, но заработная плата всего рабочаго класса выравнивается въ предѣлахъ своихъ колебаній до этого минимума.

Марксъ переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію капитала. Противъ объясненія экономистовъ, согласно которому капиталомъ является накопленный трудъ, служащій средствомъ для новаго производства, Марксъ возражаетъ: „Что такое негръ-невольникъ? Человѣкъ черной расы. Одно объясненіе стоитъ другого. Негръ есть негръ. Только въ опредѣленныхъ условіяхъ онъ становится невольникомъ. Бумагопрядильная машина есть машина для бумагопряденія. Только въ опредѣленныхъ условіяхъ она становится капиталомъ. Вырванная изъ этихъ условій, она такъ же мало капиталъ, какъ золото есть само по себѣ деньги или сахаръ есть цѣна сахара.“ Капиталъ есть общественное отношеніе производства; онъ представляетъ собою буржуазное отношеніе производства, производственное отношеніе буржуазнаго общества. Сумма товаровъ, мѣновыхъ цѣнностей, становится капиталомъ благодаря тому, что путемъ обмѣна на непосредственную, живую рабочую силу, она сохраняется и увеличивается какъ самостоятельная общественная власть, т.-е. какъ власть одной части общества. „Существованіе класса, единственное имущество котораго заключается въ его способности работать, есть необходимая предпосылка капитала. Только господство накопленнаго, прошлаго, объективированнаго труда надъ непосредственнымъ, живымъ трудомъ дѣлаетъ накопленный трудъ капиталомъ. Капиталъ состоитъ не въ томъ,

что накопленный трудъ служитъ живому труду средствомъ къ новому производству, а въ томъ, что живой трудъ служитъ накопленному труду средствомъ поддерживать и увеличивать свою мѣновую цѣнность". Капиталъ и трудъ обусловливаютъ другъ друга, они взаимно создаютъ себя.

Буржуазные экономисты выводятъ отсюда заключенiе, что интересы капиталиста и рабочаго совпадаютъ. И дѣйствительно: рабочiй гибнетъ, если капиталъ не даетъ ему занятiя, а капиталъ гибнетъ, если онъ не эксплуатируетъ рабочаго. Чѣмъ быстрѣе увеличивается производительный капиталъ, чѣмъ болѣе процвѣтаетъ, слѣдовательно, промышленность, чѣмъ больше обогащается буржуазiя, чѣмъ лучше идутъ дѣла, тѣмъ больше рабочихъ требуется капиталисту, тѣмъ дороже рабочiй продаетъ себя. Такимъ образомъ, непремѣннымъ условiемъ для сноснаго положенiя рабочаго является возможно быстрый ростъ производительнаго капитала.

Но что такое ростъ производительнаго капитала? Ростъ власти накопленнаго труда надъ трудомъ живымъ, ростъ господства буржуазiи надъ рабочимъ классомъ. Если наемный трудъ производитъ господствующее надъ нимъ чужое богатство, враждебную ему силу—капиталъ, то къ нему притекаютъ назадъ средства къ существованiю, подъ условiемъ, что онъ опять сдѣлается частью капитала, рычагомъ, который опять сообщитъ ускоренное движенiе росту капитала. Фраза, что интересы капитала и интересы рабочихъ совпадаютъ, означаетъ лишь одно: что капиталъ и наемный трудъ суть двѣ стороны одного и того же отношенiя. Одна обусловливаетъ другую, какъ взаимно обусловливаютъ другъ друга ростовщикъ и мотъ.

Марксъ беретъ для примѣра наиболѣе благопрiятный случай: растетъ производительный капиталъ, растетъ вслѣдствiе этого спросъ на трудъ и вмѣстѣ съ нимъ заработная плата. Но замѣтное увеличенiе заработной платы предполагаетъ быстрый ростъ производительнаго капитала, а такимъ ростомъ вызывается столь же быстрый ростъ богатства, роскоши, общественныхъ потребностей и наслажденiй. Слѣдовательно, если сумма наслажденiй рабочаго и стала замѣтно большей, то общественное удовлетворенiе, доставляемое ими, упало въ сравненiи съ умножившимися наслажденiями капиталистовъ, недоступными рабочему, въ сравненiи съ уровнемъ общественнаго развитiя вообще. Наши потребности и наслажденiя имѣютъ своимъ источникомъ общество, мы и при-

лагаемъ поэтому къ нимъ общественную мѣрку; будучи общественными по своей природѣ, они имѣютъ относительный характеръ. Пусть номинальная заработная плата, т.-е. денежная цѣна труда повысилась, пусть повысилась даже реальная заработная плата, т.-е. сумма товаровъ, которая дѣйствительно дается въ обмѣнъ за заработную плату, но относительная заработная плата можетъ тѣмъ не менѣе упасть.

Заработная плата не есть доля рабочаго въ произведенномъ имъ товарѣ, но она должна быть возмѣщена изъ цѣны, за которую капиталистъ продаетъ произведенный рабочимъ продуктъ. Эта цѣна распадается для капиталиста на три части: возмѣщенiе потребленнаго сырья и изнашивающихся орудiй производства, возмѣщенiе заработной платы и прибыль самого капиталиста. Первая часть возмѣщаетъ лишь существовавшiя раньше цѣнности, остальныя двѣ части, заработная плата и прибыль, должны быть покрыты изъ новой цѣнности, которую трудъ рабочаго создалъ и прибавилъ къ сырью. Съ этой стороны можно представлять себѣ заработную плату и прибыль, въ видахъ ихъ сравненiя, какъ доли въ продуктѣ рабочаго. Онѣ находятся въ такомъ случаѣ въ обратномъ отношенiи другъ къ другу: прибыль повышается въ той мѣрѣ, въ какой падаетъ заработная плата, и падаетъ въ той мѣрѣ, въ какой заработная плата повышается. Даже въ предѣлахъ отношенiя капитала и наемнаго труда интересы капитала и интересы наемнаго труда дiаметрально противоположны другъ другу. Если капиталъ растетъ, то заработная плата можетъ подняться, но несоразмѣрно быстрѣе растетъ прибыль на капиталъ. Матерiальное положенiе рабочаго улучшилось, но на счетъ его общественнаго положенiя: соцiальная пропасть, отдѣляющая его отъ капиталиста, стала шире. Тезисъ, согласно которому „наиболѣе благопрiятнымъ условiемъ для наемнаго труда является возможно быстрѣйшiй ростъ капитала“, означаетъ лишь одно: чѣмъ быстрѣе рабочiй классъ умножаетъ и увеличиваетъ враждебную ему силу, чужое, властвующее надъ нимъ богатство, при тѣмъ болѣе благопрiятныхъ условiяхъ ему разрѣшается работать снова надъ увеличенiемъ власти капитала и съ чувствомъ удовлетворенiя ковать самому золотыя цѣпи, на которыхъ тащитъ его за собою буржуазiя.

Фактически, однако, ростъ капитала и возвышенiе заработной платы отнюдь не такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, какъ это утверждаютъ буржуазные экономисты. Неправда, что

чѣмъ тучнѣе капиталъ, тѣмъ лучше откармливается его рабъ. Ростъ капиталовъ увеличиваетъ конкурренцію между капиталистами. Возрастающій размѣръ капиталовъ даетъ средства посылать на промышленное поле битвы все болѣе громадныя рабочія арміи со все болѣе гигантскими орудіями промышленной войны. Одинъ капиталистъ можетъ выбить другого изъ его позиціи и завоевать его капиталъ, только продавая дешевле, а чтобы быть въ состояніи дешевле продавать, не разоряясь, онъ долженъ дешевле производить, т.-е. возможно больше повышать производительную силу труда. Но производительная сила труда повышается прежде всего путемъ большаго раздѣленія труда, путемъ болѣе всесторонняго примѣненія и постояннаго улучшенія машинъ. Чѣмъ многочисленнѣе рабочая армія, среди которой раздѣленъ трудъ, въ чѣмъ болѣе гигантскомъ масштабѣ вводятся машины, тѣмъ больше уменьшаются сравнительно издержки производства, тѣмъ плодотворнѣе становится трудъ. Капиталисты стараются поэтому на перебой другъ передъ другомъ увеличить раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ и эксплуатировать ихъ въ возможно болѣе крупномъ масштабѣ. Законъ, который въ предѣлахъ колебаній спроса и предложенія необходимо выравниваетъ цѣну товаровъ до издержекъ производства,—этотъ законъ революціонируетъ способъ производства, безпрерывно преобразуетъ орудія производства, выбиваетъ каждый разъ буржуазное производство изъ старой колеи и неустанно нашептываетъ капиталу: впередъ, впередъ! Если представить себѣ это лихорадочное возбужденіе на всемъ міровомъ рынкѣ, то легко будетъ понять, почему ростъ, почему накопленіе и концентрація капитала имѣютъ своимъ послѣдствіемъ безпрерывное, стремительное и осуществляемое во все болѣе гигантскомъ масштабѣ раздѣленіе труда, примѣненіе новыхъ машинъ и усовершенствованіе старыхъ.

Всѣ эти явленія неразрывно связаны съ ростомъ производительнаго капитала; спрашивается, какое дѣйствіе оказываютъ они на опредѣленіе заработной платы? Большее раздѣленіе труда даетъ рабочему возможность выполнить работу пяти, десяти, двадцати человѣкъ, она увеличиваетъ, слѣдовательно, конкурренцію между рабочими въ 5, 10, 20 разъ. Далѣе, раздѣленіе труда есть упрощеніе труда. Особое искусство рабочаго теряетъ всякую цѣнность: онъ превращается въ простую, однообразную производительную силу, которой не приходится пускать въ ходъ ни физическаго, ни умственнаго напряженія. Его трудъ становится до-

ступнымъ для всѣхъ трудомъ; по мѣрѣ того какъ работа становится болѣе отвратительной, конкурренція между рабочими увеличивается. Но въ той же мѣрѣ уменьшается и заработная плата, ибо чѣмъ проще извѣстный видъ труда, чѣмъ легче ему можно обучиться, тѣмъ менѣе значительны издержки его производства. Тщетно рабочій старается сохранить полностью свой заработокъ, работая больше, т.-е. либо трудясь въ теченіе большаго количества часовъ, либо производя больше въ теченіе прежняго числа часовъ. Чѣмъ больше онъ работаетъ, тѣмъ меньшую плату онъ получаетъ, по той простой причинѣ, что онъ въ такой же мѣрѣ дѣлаетъ конкурренцію своимъ товарищамъ, слѣдовательно дѣлаетъ себѣ изъ товарищей по работѣ столькихъ же конкуррентовъ, предлагающихъ свой трудъ на столь же плохихъ условіяхъ, какъ онъ самъ.

Машины вызываютъ тѣ же дѣйствія, но въ гораздо большемъ масштабѣ, замѣняя искусныхъ рабочихъ неискусными, мужчинъ женщинами, взрослыхъ дѣтьми, выбрасывая массами на мостовую ручныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ онѣ вводятся впервые, и вытѣсняя рабочихъ менѣе значительными группами тамъ, гдѣ онѣ совершенствуются или замѣняются болѣе производительными машинами. Промышленная война между капиталистами имѣетъ ту особенность, что сраженія выигрываются въ ней не столько набираніемъ сколько распусканіемъ рабочей арміи. Полководцы, капиталисты, состязуются другъ съ другомъ въ томъ, кто сумѣетъ уволить наибольшее число промышленныхъ солдатъ.

Но этого мало! Мелкій промышленникъ не выдерживаетъ борьбы, одно изъ первыхъ условій которой состоитъ въ томъ, чтобы производить во все болѣе крупномъ масштабѣ, т.-е. быть именно крупнымъ, а не мелкимъ промышленникомъ. Процентъ на капиталъ падаетъ въ той самой степени, въ какой возрастаетъ масса и количество капитала; мелкій рантье не можетъ больше жить своей рентой и бросается въ промышленность, чтобы раздѣлить судьбу мелкаго промышленника. Масса мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ рантье летитъ внизъ въ ряды рабочаго класса и спѣшитъ поднять свои руки рядомъ съ руками рабочихъ. Такимъ образомъ, лѣсъ рукъ, вытянутыхъ вверхъ и просящихъ труда, становится все гуще, а самыя руки все болѣе худыми.

Наконецъ, въ той мѣрѣ, въ какой капиталисты вынуждаются использовать въ большемъ масштабѣ существующія уже гигантскія средства производства и съ этой цѣлью приводить въ дви-

женіе всѣ пружины кредита, въ такой же мѣрѣ умножаются промышленныя землетрясенія, когда торговый міръ спасаетъ себя лишь тѣмъ, что отдаетъ въ жертву подземнымъ богамъ часть богатства, продуктовъ и даже производительныхъ силъ, однимъ словомъ — умножаются кризисы. Они становятся болѣе частыми и жестокими уже потому, что по мѣрѣ возрастанія массы продуктовъ, слѣдовательно, возрастанія потребности въ болѣе обширныхъ рынкахъ, міровой рынокъ все больше сокращается, остается все меньше новыхъ рынковъ для эксплуатаціи, такъ какъ каждый изъ предшествующихъ кризисовъ подчинилъ всеміpной торговлѣ рынокъ, до тѣхъ поръ незавоеванный или же лишь поверхностно использованный торговлей. Капиталъ не только *живетъ* трудомъ. Важный баринъ и варваръ въ то же время, онъ тянетъ за собою въ могилу трупы своихъ рабовъ, цѣлыя гекатомбы рабочихъ, погибающихъ во время кризисовъ. Марксъ резюмируетъ: если капиталъ растетъ быстро, то еще гораздо быстрѣе растетъ конкурренція среди рабочихъ, т.-е. тѣмъ большее относительное уменьшеніе испытываютъ средства, идущія на наемъ рабочихъ, средства существованія для рабочаго класса, а между тѣмъ быстрый ростъ капитала представляетъ собою еще самое благопріятное условіе для наемнаго труда.

Къ сожалѣнію, только этотъ переданный въ основныхъ чертахъ отрывокъ и сохранился изъ лекцій, въ которыхъ Марксъ открылъ нѣмецкимъ рабочимъ въ Брюсселѣ экономическое пониманіе вѣка крупной промышленности. Другой образчикъ его практической агитаціи въ то время даетъ рѣчь о свободѣ торговли, произнесенная въ Демократическомъ Обществѣ.

Первоначально Марксъ намѣревался произнести эту рѣчь на международномъ конгрессѣ экономистовъ, засѣдавшемъ въ сентябрѣ 1847 г. въ Брюсселѣ и шумно выступившемъ въ пользу свободы торговли. Марксу не пришлось тогда говорить. Позиція Маркса и Энгельса въ спорѣ о свободѣ торговли вытекала изъ принципіальнаго воззрѣнія ихъ на классовую борьбу между буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ своихъ эльберфельдскихъ рѣчахъ Энгельсъ подчеркивалъ необходимость высокихъ таможенныхъ пошлинъ для германской промышленности, но въ то же время предостерегалъ слушателей, чтобы они въ протекціонистской агитаціи Листа не усматривали панацеи для капиталистическаго способа производства. Въ „*Deutsche Brüsseler Zeitung*“ онъ доказывалъ затѣмъ, что рабочему живется одинаково скверно при системѣ свободной

торговли и протекціонизмѣ, и въ этомъ смыслѣ для рабочаго могло бы быть безразличнымъ, побѣдятъ ли фритредеры или протекціонисты. Но нѣмецкая буржуазія нуждается въ покровительственныхъ пошлинахъ: она не можетъ держаться и укрѣпиться, она не можетъ, такимъ образомъ, справиться съ королевской властью и юнкерствомъ, если не будетъ искусственными средствами охранять и лелѣять своей промышленности и своей торговли. Съ этой точки зрѣнія рабочій классъ также заинтересованъ въ покровительственныхъ пошлинахъ. Въ такомъ же смыслѣ Марксъ назвалъ въ своей полемикѣ противъ Грюна агитацію за покровительственныя пошлины „прогрессивной буржуазной мѣрой". Это нисколько не мѣшало ему, однако, насмѣхаться надъ до-мартовскимъ соціалистомъ Риттингаузеномъ, который на брюссельскомъ конгрессѣ экономистовъ защищалъ протекціонистскую точку зрѣнія, исходя изъ соображеній, всего менѣе революціонныхъ.

Марксъ и Энгельсъ несомнѣнно ошибались, когда они думали, что нѣмецкая промышленность нуждается въ болѣе высокихъ покровительственныхъ пошлинахъ, чтобы не быть задавленной англійской индустріей и воспитаться, напротивъ, для успѣшной конкурренціи съ этой послѣдней. Принципіально они не впадали, однако, ни въ малѣйшую непослѣдовательность, когда со своей революціонной точки зрѣнія высказывались за свободную торговлю для англійской промышленности и за покровительственныя пошлины для германской, разоблачая въ то же время ложный блескъ, которымъ окружали свои лозунги англійскіе фритредеры и нѣмецкіе протекціонисты. Послѣднее было тѣмъ болѣе необходимо, что фритредерство только что отпраздновало свой величественный тріумфъ, добившись отмѣны англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, и теперь неустанно хвастало, что съ его господствомъ наступило тысячелѣтнее царство для пролетаріата.

Противъ этого Марксъ выступилъ со своей рѣчью о свободѣ торговли. Онъ показалъ, что англійскіе фритредеры хотятъ понизить цѣну хлѣба только съ цѣлью понизить заработную плату; не заработная плата, а прибыль на капиталъ должна повыситься на столько, на сколько упадетъ земельная рента. „Англійскіе рабочіе дали понять фритредерамъ, что они не одурачены фокусами и ложью послѣднихъ; если несмотря на это рабочіе примкнули къ нимъ противъ земельныхъ собственниковъ, то это было сдѣлано съ цѣлью разрушить послѣдніе остатки феодализма и имѣть впредь дѣло только съ однимъ врагомъ. Рабочіе не

ошиблись въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ землевладѣльцы, чтобы отомстить фабрикантамъ, соединились съ ними для проведенія билля о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, котораго рабочіе тщетно требовали впродолженіе 30 лѣтъ и который прошелъ тотчасъ же послѣ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ". Если свобода торговли, какъ заявляютъ ея приверженцы, увеличиваетъ производительныя силы капитала, то рабочимъ отъ этого не станетъ лучше. Марксъ доказываетъ свое положеніе такимъ же образомъ, какъ въ лекціяхъ о наемномъ трудѣ и капиталѣ.

Свобода торговли въ капиталистическомъ обществѣ есть ничто иное, какъ свобода капитала. Отнюдь не помогая рабочему классу, она, напротивъ, безпощадно подвергаетъ его всѣмъ слѣдствіямъ капиталистическаго способа производства. Но Марксъ не выступаетъ еще поэтому въ пользу протекціонизма. „Можно бороться противъ конституціонализма, не будучи другомъ абсолютизма". Система таможеннаго покровительства есть только средство насадить въ странѣ крупную промышленность. Это означаетъ, однако, ничто иное, какъ сдѣлать крупную промышленность зависимой отъ всеміранго рынка и, слѣдовательно, отъ свободы торговли. Система протекціонизма развиваетъ свободную конкурренцію внутри страны и является для молодой буржуазіи средствомъ сконцентрировать свои силы. Марксъ указываетъ на нѣмецкую буржуазію, употреблявшую тогда большія усилія, чтобъ добиться покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ. Но въ общемъ, заключаетъ онъ свою рѣчь, система протекціонизма консервативна, тогда какъ система свободной торговли дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ: она разлагаетъ прежнія національности, доводитъ антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей до крайняго предѣла, ускоряетъ соціальную революцію. Только въ этомъ революціонномъ смыслѣ Марксъ подалъ свой голосъ за свободу торговли.

Въ своихъ международныхъ сношеніяхъ Марксъ и Энгельсъ защищали, конечно, также свою матеріалистическую философію исторіи. Они отвергали пустую революціонную фразу, которая пренебрежительно относилась къ исторической дѣйствительности, какъ къ безусловно заслуживающему осужденія факту, произвольно созданному конгрессами деспотовъ и дипломатовъ, и хотѣла, чтобы этотъ фактъ безъ околичностей удалили со сцены, заставивъ его стушеваться передъ мнимой народной волей, съ ея категорическимъ императивомъ и абсолютнымъ требованіемъ свободы. Они видѣли препятствія для всеобщаго освобожденія народовъ: гро-

мадное различіе въ ступеняхъ цивилизаціи и обусловленное имъ различіе въ потребностяхъ отдѣльныхъ народовъ. Въ спорѣ съ англійскими и французскими демократами они возставали противъ теоріи всеобщаго братства народовъ, которая, не обращая вниманія на историческое положеніе, на ступень общественнаго развитія отдѣльныхъ націй, хотѣла только зря братать.

Съ другой стороны они выступили также противъ того высокомѣрнаго превосходства, съ которымъ многіе „истинные соціалисты" взирали на братаніе народовъ, особенно на братаніе ихъ подъ знаменемъ великой французской революціи. Во 2-мъ томѣ *Rheinische Jahrbücher* Энгельсъ писалъ: „Братаніе народовъ, какъ оно осуществляется теперь повсюду крайней политической партіей вопреки старому, инстинктивному національному эгоизму и лицемѣрному, частно-эгоистическому космополитизму свободы торговли, имѣетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ всѣ нѣмецкія теоріи объ истинномъ соціализмѣ взятыя вмѣстѣ." Для него, какъ и для Маркса, демократіей былъ коммунизмъ. „Другая демократія можетъ существовать только въ головахъ теоретическихъ духовидцевъ, которымъ нѣтъ дѣла до дѣйствительныхъ событій и для которыхъ не люди и обстоятельства создаютъ принципы, а принципы развиваютъ себя сами. Демократія стала пролетарскимъ принципомъ, принципомъ массъ." Но эта демократія съ полнымъ основаніемъ чествуетъ французскую республику, не только потому, что всѣ народы, бывшіе достаточно глупыми, чтобы позволить сдѣлать изъ себя орудіе для борьбы противъ революціи, обязаны дать публичное удовлетвореніе французамъ, не только потому, что соціальное движеніе XIX столѣтія представляетъ лишь второй актъ французской революціи, но и потому, что „въ нашу трусливую, эгоистическую, дрянную буржуазную эпоху умѣстно воскресить память о тѣхъ великихъ годахъ, когда цѣлый народъ отбросилъ на одну минуту всякую трусость, всякое себялюбіе и всякую дрянность, когда были люди, имѣвшіе мужество не подчиняться законамъ, не страшившіеся ничего,—люди, желѣзная энергія которыхъ добилась того, что съ 31 мая 1793 г. до 26 іюля 1794 г. во всей Франціи не смѣлъ показаться открыто ни одинъ трусъ, ни одинъ торгашъ, ни одинъ спекуляторъ, коротко говоря—ни одинъ буржуа."

Марксъ и Энгельсъ правильно опредѣлили пунктъ, въ которомъ братаніе народовъ могло получить практическое значеніе и стать дѣйствительной силой. „Фантазіи объ европейской республикѣ,—пишетъ далѣе Энгельсъ,—о вѣчномъ мірѣ при политиче-

ской организаціи стали столь же смѣхотворными, какъ фразы объ объединеніи народовъ подъ эгидою всеобщей свободы торговли. Въ то время какъ всѣ подобныя химерическія сантиментальности выходятъ изъ употребленія, пролетаріи всѣхъ народовъ начинаютъ уже спокойно брататься подъ знаменемъ коммунистической демократіи. Пролетаріи являются, впрочемъ единственными людьми, которые дѣйствительно могутъ дѣлать это, ибо буржуазія имѣетъ въ каждой странѣ свои спеціальные интересы, и такъ какъ интересъ стоитъ для нея выше всего, то она никогда не можетъ возвыситься надъ національностью. Что касается немногихъ теоретиковъ, то со всѣми своими прекрасными „принципами" они ничего не могутъ сдѣлать, ибо они спокойно оставляютъ существовать противорѣчивые интересы, какъ и вообще все существующее, и умѣютъ только сочинять фразы. Между тѣмъ пролетаріи имѣютъ во всѣхъ странахъ одинъ и тотъ же интересъ, они имѣютъ передъ собою одного и того же врага, одну и ту же борьбу; пролетаріи въ своей массѣ уже свободны отъ національныхъ предразсудковъ, все ихъ образованіе и движеніе носитъ существенно гуманитарный, антинаціональный характеръ. Одни пролетаріи могутъ уничтожить національность, одинъ пробуждающійся пролетаріатъ можетъ подвинуть различныя націи, чтобы онѣ побратались другъ съ другомъ."

Въ данномъ случаѣ повторилось то, что мы можемъ наблюдать и въ другихъ случаяхъ: Марксъ и Энгельсъ придали твердую, ясную конкретную форму международной, космополитической идеѣ, всплывавшей у революціонныхъ идеологовъ буржуазіи и у великихъ утопистовъ въ видѣ нерѣшительныхъ, смутныхъ предчувствій; они изслѣдовали, при какихъ условіяхъ и предпосылкахъ она можетъ воплотиться въ живую дѣйствительность. Матеріалистическое изслѣдованіе исторіи показало имъ единственный путь, идя которымъ можно было подвинуться впередъ, и они не задумались вступить на этотъ путь.

---

3. Кризисъ въ „Союзѣ справедливыхъ".

Первыя сношенія Маркса и Энгельса съ „Союзомъ справедливыхъ" начались еще тогда, когда Марксъ жилъ во Франціи, а Энгельсъ въ Англіи, но идеологическій эгалитарный коммунизмъ, исповѣдывавшійся еще тогда Союзомъ, не могъ удовлетворить ихъ, и потому они не вступили въ него.

Съ тѣхъ поръ въ Союзѣ произошла эволюція, шедшая сама на встрѣчу ихъ воззрѣніямъ. Самъ по себѣ онъ состоялъ изъ тѣхъ же элементовъ, какіе входили въ тайный союзъ Вейтлинга въ Швейцаріи. Члены его, поскольку они принадлежали къ рабочему классу, были почти исключительно ремесленники, среди которыхъ преобладали портные. Изъ парижскихъ общинъ двѣ состояли въ 1847 г. преимущественно изъ портныхъ, одна—изъ мебельщиковъ. Эксплуатировали этихъ ремесленниковъ мелкіе мастера, и сами они надѣялись въ концѣ-концовъ стать мастерками. Они стояли еще одной ногой въ нѣмецкомъ ремеслѣ, опутанномъ цеховыми иллюзіями; все это былъ столь же дѣльный народъ, какъ приверженцы Вейтлинга въ Швейцаріи, но и имъ угрожала та же участь—застрять въ противорѣчіяхъ своего двойственнаго классоваго положенія.

Наиболѣе вліятельныхъ членовъ Союза Энгельсъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ: „Шапперъ, человѣкъ богатырскаго сложенія, рѣшительный и энергичный, всегда готовый рискнуть своимъ матеріальнымъ положеніемъ и жизнью, былъ образцомъ профессіональнаго революціонера,—типа, игравшаго роль въ 30-хъ гг. При извѣстной неповоротливости мышленія онъ отнюдь не былъ недоступенъ для болѣе правильныхъ теоретическихъ воззрѣній, какъ это доказывается уже его развитіемъ изъ „демагога" въ коммуниста; разъ убѣдившись въ правильности какой-нибудь мысли, онъ тѣмъ упорнѣе держался потомъ за нее. Именно поэтому его революціонной страсти случалось увлекать за собой его разсудокъ, но онъ всегда замѣчалъ потомъ свою ошибку и открыто признавалъ ее. Шапперъ былъ цѣльной натурой, и то, что онъ сдѣлалъ для основанія нѣмецкаго рабочаго движенія, останется незабвеннымъ. Генрихъ Бауеръ былъ по ремеслу сапожникъ; живой, остроумный человѣчекъ, въ маленькомъ тѣлѣ котораго былъ, однако, скрытъ большой запасъ хитрости и рѣшительности. Къ нимъ примыкалъ Іосифъ Молль, часовщикъ изъ Кёльна, Геркулесъ средняго роста—какъ часто онъ и Шапперъ побѣдоносно удерживали дверь въ залу противъ напора сотенъ противниковъ!—человѣкъ, по энергіи и рѣшительности по меньшей мѣрѣ равный обоимъ своимъ товарищамъ, но въ умственномъ отношеніи превосходившій ихъ обоихъ. Онъ не только былъ прирожденнымъ дипломатомъ, какъ доказали успѣхи его многочисленныхъ поѣздокъ съ миссіями; онъ былъ также доступнѣе теоретическому убѣжденію." Этихъ старшихъ вождей значительно превосходили по способности къ

теоретическому познанію двое болѣе молодыхъ: рисовальщикъ миніатюръ Карлъ Пфендеръ (Pfänder) изъ Гейльброна, котораго Энгельсъ называетъ замѣчательно тонко мыслящей головой, остро умнымъ, насмѣшливымъ, діалектичнымъ, и портной Георгъ Эккаріусъ изъ Тюрингіи.

Если сравнить статью Эккаріуса о портняжествѣ въ Лондонѣ— или, какъ гласитъ ея подзаголовокъ, о борьбѣ между крупнымъ и мелкимъ капиталомъ—съ сочиненіями Вейтлинга, то сразу же становится понятнымъ, почему „Союзъ справедливыхъ" не потерпѣлъ такой же неудачи въ Лондонѣ, какую онъ потерпѣлъ въ Швейцаріи. Эккаріусъ и въ отдаленной степени не обладалъ литературнымъ талантомъ Вейтлинга, но насколько онъ уступалъ ему въ этомъ отношеніи, настолько, и даже больше, онъ превосходилъ его по ясному пониманію экономической структуры современнаго буржуазнаго общества. Нѣтъ больше и въ поминѣ сантиментальной, нравственной и психологической критики: Эккаріусъ смотритъ на побѣду крупной промышленности надъ ремесломъ, какъ на историческій прогрессъ, и въ результатахъ крупной промышленности онъ видитъ порожденныя самой исторіей и ежедневно создающіяся вновь реальныя условія пролетарской революціи.

Когда Эккаріусъ писалъ свою статью, онъ былъ уже ученикомъ Маркса. Фактъ рѣшающаго значенія именно въ томъ и заключается, что „Союзъ справедливыхъ" проникся сочувственнымъ пониманіемъ историческаго матеріализма, какъ только онъ очутился въ центрѣ всемірнаго рынка. Съ тѣхъ поръ, какъ центръ тяжести его былъ перенесенъ изъ Парижа въ Лондонъ, онъ изъ нѣмецкаго союза превратился постепенно въ международный. Въ основанный имъ рабочій кружокъ входили, кромѣ нѣмцевъ и швейцарцевъ, члены всѣхъ тѣхъ національностей, для которыхъ нѣмецкій языкъ служилъ, главнымъ образомъ, какъ средство объясняться съ иностранцами: скандинавцы, голландцы, венгры, чехи, южные славяне, также русскіе и англичане. Кружокъ вскорѣ наименовалъ себя „Коммунистическимъ рабочимъ кружкомъ", и тезисъ „всѣ люди братья" значился на членской карточкѣ по меньшей мѣрѣ на 20 языкахъ,—не всегда безъ грамматическихъ ошибокъ, по увѣренію Энгельса. Международный характеръ гласнаго кружка оказалъ, въ свою очередь, дѣйствіе и на тайный союзъ, практически—благодаря различной національности членовъ, теоретически—укрѣпивъ сознаніе, что революція, если она хочетъ

побѣдить, должна быть европейской. „Союзъ справедливыхъ“ принималъ живое участіе въ международныхъ митингахъ политическихъ изгнанниковъ въ Лондонѣ, на которыхъ праздновалась годовщина великой французской революціи.

Въ то же время общественная доктрина Союза переросла грубый эгалитарный коммунизмъ. Она прошла черезъ различные фазисы англійско-французскаго соціализма и нѣмецкой философіи. Въ журналахъ Вейтлинга Шапперъ и его товарищи писали объ оуэновскихъ колоніяхъ, которыя при всей своей утопичности все-таки должны были изощрить ихъ умственный взоръ относительно условій крупной промышленности. Въ то самое время какъ Августъ Беккеръ обмѣнивался въ Швейцаріи нѣжными взглядами съ нѣмецкимъ католицизмомъ, Бауеръ, Молль и Шапперъ обратили къ Ронге съ открытымъ письмомъ, гдѣ съ восхитительной ироніей отдѣлывали новаго апостола. „Ты основываешь новую національную церковь,—писали они,—Іисусъ Христосъ не основалъ никакой національной церкви. Чтобы церковь стала національной, ты упраздняешь латинскія пѣсни въ обѣднѣ и вводишь нѣмецкія. Народъ будетъ теперь понимать, что поется во время обѣдни, но не станетъ ли ему именно потому скучнѣе слышать каждое воскресенье или ежедневно то, что онъ понимаетъ? Что выигрываетъ вѣрующій, жаждущій знанія, бѣдный и угнетенный, если вы начинаете вдругъ читать въ нѣсколькихъ захолустьяхъ на національно-нѣмецкомъ языкѣ извѣстныя слова, которыя уже тысячу лѣтъ читались ежедневно во всемъ мірѣ по латыни?“ И такъ далѣе. Когда Вейтлингъ пріѣхалъ въ Лондонъ, онъ не могъ больше столковаться съ руководителями Союза: онъ уже слишкомъ увязъ въ своей пророческой роли, а они ушли далеко впередъ отъ всякаго религіознаго утопизма. Но, съ другой стороны, имъ не удалось и не могло удаться развить тайное ученіе Союза во что-либо болѣе значительное, чѣмъ смѣсь изъ нѣмецкой философіи и англійско-французскаго соціализма.

Тутъ получило рѣшающее значеніе вмѣшательство Маркса и Энгельса, провозгласившихъ научное пониманіе экономическаго строенія буржуазнаго общества единственной состоятельной теоретической основой и объяснившихъ въ популярной формѣ, что дѣло идетъ не объ осуществленіи какой-либо утопической системы, а о сознательномъ участіи въ происходящемъ на нашихъ глазахъ историческомъ процессѣ преобразованія общества. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли тѣ частью печатные, частью литографирован-

ные циркуляры, которые, по словамъ Маркса, произвели указанное выше дѣйствіе на развитіе Союза. Такъ или иначе, но когда Марксъ и Энгельсъ не согласились сразу вступить въ Союзъ, то Молль заявилъ, что центральный комитетъ намѣревается созвать въ Лондонъ конгрессъ Союза, гдѣ выставленныя ими критическія воззрѣнія будутъ, въ качествѣ доктрины Союза, формулированы въ публичномъ воззваніи, но что въ виду наличности устарѣлыхъ и упирающихся элементовъ необходимо личное содѣйствіе Маркса и Энгельса, а оно связано съ ихъ вступленіемъ въ Союзъ. Всякое сомнѣніе такимъ образомъ устранялось, тѣмъ болѣе, что, по убѣжденію Маркса и Энгельса, организація внутри нѣмецкаго рабочаго класса была необходима, а при существующихъ обстоятельствахъ эта организація могла быть только тайной.

Первый конгрессъ Союза происходилъ въ Лондонѣ лѣтомъ 1847 г. Маркса еще не было на немъ, но присутствовали Энгельсъ и Вольфъ, первый — какъ представитель парижскихъ общинъ, второй — какъ представитель брюссельскихъ. Конгрессъ прежде всего провелъ новую организацію союза. Онъ устранилъ все, что напоминало еще о старыхъ заговорщичьихъ тенденціяхъ, и придалъ союзу характеръ общества для пропаганды, покоившагося всецѣло на демократическихъ началахъ. Въ первой статьѣ „цѣлью союза" провозглашалось „низверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, упраздненіе стараго гражданскаго общества, покоящагося на классовыхъ противорѣчіяхъ, и основаніе новаго общества безъ классовъ и безъ частной собственности". Союзъ организовался, подъ названіемъ „Союзъ коммунистовъ", въ общины, округа, руководящіе округа, центральный комитетъ и конгрессъ. Въ уставѣ содержались по этому предмету слѣдующія правила. Каждая община состоитъ минимумъ изъ трехъ и максимумъ изъ 20 членовъ. Каждыя 2—10 общинъ образуютъ округъ. Надъ различными округами страны или города стоитъ одинъ руководящій округъ. Окружный комитетъ есть исполнительная власть для всѣхъ общинъ округа, а руководящій округъ — для всѣхъ округовъ своей провинціи. Онъ состоитъ въ перепискѣ съ этими округами и съ центральнымъ комитетомъ. Центральный комитетъ есть исполнительная власть всего союза и, какъ таковая, обязанъ отчетомъ конгрессу. Онъ состоитъ, по меньшей мѣрѣ, изъ 5 членовъ и выбирается окружнымъ комитетомъ того мѣста, которое конгрессъ опредѣлилъ для нахожденія центральнаго комитета; каждые 3 мѣсяца онъ отдаетъ отчетъ о состояніи всего союза.

Общины и окружные комитеты, также какъ центральный комитетъ, собираются, по меньшей мѣрѣ, каждыя 2 недѣли. Члены окружныхъ комитетовъ и центральнаго комитета избираются на 1 годъ; они могутъ быть переизбраны, но, съ другой стороны, и смѣщены во всякое время своими избирателями. Конгрессъ есть законодательная власть всего союза. Всякій отдѣльный округъ, имѣющій менѣе 30 членовъ, посылаетъ одного делегата, имѣющій менѣе 60 членовъ — двухъ делегатовъ, менѣе 90 членовъ—трехъ и т. д. Конгрессъ собирается въ августѣ мѣсяцѣ каждаго года и послѣ каждой сессіи выпускаетъ манифестъ отъ имени партіи.

Что касается финансовъ союза, то конгрессъ устанавливаетъ для каждой страны минимальный взносъ, обязательный для каждаго члена. Взносъ этотъ поступаетъ на половину въ центральный комитетъ, другая же половина остается въ окружной или общинной кассѣ. Денежные доходы союза употребляются исключительно на цѣли пропаганды: на покрытіе расходовъ по перепискѣ, печатанію и распространенію брошюръ, разсылкѣ эмиссаровъ. Статуты требуютъ отъ каждаго члена, кромѣ исповѣдыванія коммунизма, „революціоннаго усердія и энергіи въ пропагандѣ", не вдаваясь однако въ подробности относительно способа этой пропаганды. Практически дѣло осталось при томъ способѣ, который уже былъ испробованъ „Союзомъ справедливыхъ". Дѣятельность членовъ союза заключалась ближайшимъ образомъ въ основаніи гласныхъ кружковъ для самообразованія рабочихъ. Эти кружки посвящали одинъ вечеръ въ недѣлю обсужденію различныхъ вопросовъ, другой—развлеченіямъ, пѣнію и декламаціи. Они устраивали библіотеки и, гдѣ только это оказывалось возможнымъ, классы для преподаванія рабочимъ элементарныхъ знаній. Тайный союзъ, стоявшій за открытыми кружками и руководившій ими, находилъ въ нихъ ближайшее поле дѣйствія для публичной пропаганды и, сверхъ того, пополнялся и расширялся изъ наиболѣе пригодныхъ членовъ этихъ кружковъ. При бродячей жизни нѣмецкихъ ремесленниковъ центральный комитетъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ нуждался въ посылкѣ особыхъ эмиссаровъ.

Новый уставъ былъ посланъ на разсмотрѣніе отдѣльнымъ общинамъ и затѣмъ окончательно принятъ на второмъ конгрессѣ, происходившемъ также въ Лондонѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1847 г. Онъ подписанъ „отъ имени второго конгресса, происходившаго осенью 1847 г.", Шапперомъ, какъ предсѣдателемъ, и Энгельсомъ, какъ секретаремъ. Между первымъ и вторымъ конгрессомъ про-

изошелъ еще слѣдующій характерный эпизодъ. Кабе, занимавшійся тогда переселеніемъ коммунистовъ въ свою Икарію, обратился съ просьбой о помощи и поддержкѣ, между прочимъ, и къ „Коммунистическому рабочему кружку" въ Лондонѣ. Отвѣтъ кружка показываетъ, какъ ясно онъ сталъ отдавать себѣ отчетъ въ задачахъ современнаго пролетаріата. Онъ воздаетъ должное уваженіе личности Кабе, съ радостью признаетъ, что Кабе обнаруживаетъ неутомимое рвеніе и достойную удивленія выдержку въ борьбѣ за дѣло страждущаго человѣчества, что онъ оказалъ неизмѣримую услугу пролетаріату своими предостереженіями противъ всякихъ заговоровъ. Но въ то же время кружокъ возстаетъ противъ переселенческаго плана, какъ противъ ложнаго пути; при помощи убѣдительнѣйшихъ доводовъ онъ показываетъ, что осуществленіе этого плана принесетъ величайшій вредъ принципу коммунизма, что оно вызоветъ торжество правительствъ, омрачитъ послѣдніе дни Кабе горькими разочарованіями. Кружокъ обращается къ лучшему разумѣнію Кабе: для коммунистовъ, признающихъ принципъ личной свободы, общность имуществъ такъ же невозможна безъ переходнаго періода, — притомъ демократическаго переходнаго періода, во время котораго частная собственность лишь постепенно превращалась бы въ общественную, — какъ для поселянина жатва безъ посѣва. Кабе пріѣхалъ еще лично въ Лондонъ, чтобы въ продолженіе цѣлой недѣли дебатировать съ нѣмецкими коммунистами, но ему не удалось привлечь ихъ на сторону своей утопіи.

Главной задачей второго конгресса была формулировка ученія союза въ манифестѣ. Проектъ, предложенный Марксомъ и Энгельсомъ, обсуждался, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 10 дней нѣмецкими, французскими, англійскими, бельгійскими и швейцарскими рабочими, представленными на конгрессѣ, и послѣ основательнаго разъясненія всѣхъ сомнѣній авторамъ было единогласно дано порученіе выработать предназначенный для публики манифестъ. Старый сантиментальный лозунгъ „всѣ люди братья" былъ замѣненъ новымъ, радостнымъ боевымъ кличемъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" Въ февралѣ 1848 г. коммунистическій манифестъ появился въ печати, и вскорѣ послѣ того онъ вышелъ также въ переводѣ на англійскій, французскій, датскій и польскій языки. Знамя современнаго научнаго коммунизма было водружено.

Глава XV.

Коммунистическій Манифестъ.

Коммунистическій Манифестъ резюмируетъ въ классическомъ изложеніи результаты, къ которымъ Марксъ и Энгельсъ пришли на основаніи своихъ теоретическихъ изслѣдованій и практической борьбы.

Манифестъ—историческій документъ въ полномъ значеніи этого слова, историческій и въ томъ смыслѣ, что таковъ, какъ онъ есть, онъ могъ возникнуть лишь въ тотъ историческій моментъ, когда онъ дѣйствительно появился. Только знакомство съ временемъ его рожденія проливаетъ полный свѣтъ на богатый міръ идей, заключенный въ немногихъ его страницахъ. Если несмотря на это онъ пережилъ пять десятилѣтій, пережилъ столько программъ и системъ, предназначавшихся для вѣчнаго существованія, если въ вѣкъ огромнѣйшихъ переворотовъ онъ все болѣе и болѣе становился общимъ знаменемъ для пролетаріата всего земного шара, то этимъ всемірно-историческимъ успѣхомъ онъ обязанъ проницательности, съ которой авторы его сумѣли понять процессъ развитія современнаго буржуазнаго общества, обязанъ мастерству, съ которымъ они сумѣли объяснить этотъ процессъ въ такое время, когда буржуазное общество находилось еще въ своихъ начальныхъ историческихъ стадіяхъ.

Манифестъ покоится на историческомъ матеріализмѣ. Основная мысль, которая проходитъ черезъ него, заключается въ томъ, что хозяйственное производство и необходимо вытекающее изъ него общественное расчлененіе всякаго историческаго періода образуютъ основу для политической и интеллектуальной исторіи этого періода; что соотвѣтственно съ этимъ вся исторія была до сихъ поръ исторіей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, между классами, находящимися подъ

чужимъ господствомъ, и классами господствующими на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія; что эта борьба достигла въ современномъ буржуазномъ обществѣ той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый классъ, пролетаріатъ, не можетъ больше освободить себя отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса, буржуазіи, не освободивъ въ то же время навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы. Эта мысль подверглась одному, но только одному ограниченію, съ тѣхъ поръ какъ новѣйшими изслѣдованіями, въ которыхъ Марксу и Энгельсу принадлежитъ славная доля, была открыта неписанная первобытная исторія человѣчества: мы разумѣемъ первобытное общинное землевладѣніе, лишь съ разложеніемъ котораго общество начало раскалываться на классы.

Въ своемъ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „буржуазія и пролетаріатъ", манифестъ даетъ бѣглый обзоръ историческаго возникновенія современной буржуазіи, какъ продукта продолжительнаго развитія, ряда переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна. „Каждый изъ этихъ этаповъ развитія буржуазіи сопровождался соотвѣтственнымъ политическимъ прогрессомъ. Угнетенное сословіе при господствѣ феодаловъ, вооруженная и самоуправляющаяся ассоціація въ городской коммунѣ, здѣсь незави симая городская республика, тамъ третье податное сословіе монархіи, затѣмъ въ мануфактурный періодъ—противовѣсъ дворянству въ сословной или абсолютной монархіи, главный устой большихъ монархій вообще,—буржуазія со времени установленія крупной промышленности и всемірнаго рынка завоевала себѣ, наконецъ, въ современномъ представительномъ государствѣ безраздѣльное политическое господство. Современная государственная власть есть ничто иное, какъ комитетъ, управляющій дѣлами всего буржуазнаго класса".

Манифестъ рисуетъ затѣмъ рѣзкими штрихами ту въ высшей степени революціонную роль, которую буржуазія играла въ исторіи. Повсюду, гдѣ она достигла власти, она разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя и идиллическія отношенія. На мѣсто эксплуатаціи, замаскированной религіозными и политическими иллюзіями, она поставила открытую, беззастѣнчивую, прямую и грубую эксплуатацію. Она сорвала ореолъ со всѣхъ родовъ дѣятельности, которые до тѣхъ поръ вызывали почтительное и благоговѣйное отношеніе къ себѣ. Она обратила врача, юриста, священника, поэта, ученаго въ своихъ платныхъ, наемныхъ работниковъ. Она не

можетъ существовать иначе, какъ революціонируя безпрерывно орудія производства, слѣдовательно — отношенія производства и вообще всю совокупность общественныхъ отношеній, въ противоположность всѣмъ прежнимъ промышленнымъ классамъ, для которыхъ первымъ условіемъ существованія было сохраненіе неизмѣннымъ стараго способа производства. Такъ какъ она колеблетъ все, что было прочно и устойчиво, такъ какъ она профанируетъ все святое, то люди приходятъ, наконецъ, къ необходимости взглянуть трезвыми глазами на условія своего существованія и на свои взаимныя отношенія.

Подталкиваемая потребностью во все болѣе широкомъ сбытѣ своихъ продуктовъ, буржуазія распространяется по всему земному шару. Эксплуатаціей міроваго рынка она придаетъ космополитическій характеръ производству и потребленію всѣхъ странъ. На мѣсто стараго, мѣстнаго и національнаго самодовлѣнія и замкнутости становится всемірный торговый оборотъ, зависимость всѣхъ націй другъ отъ друга, какъ въ матеріальномъ производствѣ, такъ и относительно произведеній умственнаго труда. Посредствомъ усовершенствованія орудій производства и безконечнаго облегченія способовъ сообщенія буржуазія вовлекаетъ въ потокъ цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе народы. Дешевыя цѣны ея товаровъ—вотъ тяжелая артиллерія, съ помощью которой она пробиваетъ бреши во всѣхъ китайскихъ стѣнахъ и принуждаетъ къ капитуляціи самую упорную ненависть варваровъ къ иностранцамъ. Она создаетъ себѣ міръ по своему образу и подобію, заставляя всѣ націи вводить у себя буржуазный способъ производства.

Буржуазія подчинила деревню городу. Она создала огромные города; она въ громадной степени увеличила городское населеніе на счетъ деревенскаго и тѣмъ избавила значительную часть населенія отъ идіотизма деревенской жизни. Она увеличила плотность населенія, централизовала средства производства, концентрировала собственность въ немногихъ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была политическая централизація. Съ того времени, какъ буржуазія достигла господства, прошло менѣе ста лѣтъ, а между тѣмъ она создала болѣе разнообразныя и колоссальныя производительныя силы, чѣмъ всѣ прошлыя поколѣнія вмѣстѣ взятыя. Подчиненіе человѣческой власти силъ природы, машины, примѣненіе химіи къ промышленности и земледѣлію, пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, вовлеченіе въ

обработку цѣлыхъ частей свѣта, приведенiе рѣкъ въ судоходное состоянiе, цѣлыя поселенiя, какъ бы по волшебству выросшiя изъ земли,—въ какомъ изъ предшествующихъ столѣтiй предполагали что подобныя производительныя силы таятся въ общественномъ трудѣ!

Но современное буржуазное общество, вызвавшее къ жизни столь громадныя средства производства и обмѣна, похоже на того волшебника, который не умѣетъ справиться съ имъ же вызванными подземными силами. Оружiе, при помощи котораго буржуазiя сразила феодализмъ, обращается теперь противъ самой буржуазiи. Подобно тому какъ средства производства и обмѣна, на основѣ которыхъ выросла буржуазiя, разбили нѣкогда феодальныя отношенiя собственности, такъ современныя производительныя силы уже цѣлыя десятилѣтiя возмущаются противъ современныхъ производственныхъ отношенiй, противъ отношенiй собственности, являющихся условiемъ существованiя буржуазiи и ея господства. Перiодическое повторенiе торговыхъ кризисовъ все болѣе угрожаетъ существованiю всего буржуазнаго общества. Во время кризисовъ надъ обществомъ разражается эпидемiя, которая всѣмъ прежнимъ эпохамъ казалась бы нелѣпостью—эпидемiя перепроизводства. Общество неожиданно оказывается возвращеннымъ обратно къ состоянiю временнаго варварства, такъ какъ у него избытокъ цивилизацiи, слишкомъ много средствъ существованiя, чрезмѣрно развитая промышленность и торговля. Буржуазныя отношенiя стали черезчуръ тѣсными, чтобы вмѣстить созданное ими богатство. Побороть кризисы буржуазiя можетъ только двоякимъ образомъ: съ одной стороны, путемъ вынужденнаго уничтоженiя массы производительныхъ силъ, съ другой—путемъ завоеванiя новыхъ рынковъ и болѣе основательнаго использованiя старыхъ; иначе говоря, она подготовляетъ болѣе общiе и болѣе жестокiе кризисы, уменьшая въ то же время средства къ ихъ предотвращенiю.

Но буржуазiя не только выковала оружiе, которое несетъ ей смерть, она создала также людей, которые будутъ дѣйствовать этимъ оружiемъ: она создала современныхъ рабочихъ, пролетарiевъ, которые могутъ жить, лишь покуда они находятъ работу, и могутъ находить работу, лишь покуда своимъ трудомъ увеличиваютъ капиталъ. Манифестъ изображаетъ въ сжатыхъ чертахъ возникновенiе и развитiе современнаго пролетарiата, какъ оно было изслѣдовано въ предшествующихъ произведенiяхъ Маркса и Эн-

гельса. Въ особенности выдвигается тотъ фактъ, что раздоры внутри стараго общества различными путями благопріятствуютъ развитію пролетаріата. Буржуазія живетъ въ состояніи вѣчной борьбы: сначала противъ аристократіи, затѣмъ — противъ тѣхъ разрядовъ самой буржуазіи, интересы которыхъ приходятъ въ столкновеніе съ прогрессомъ промышленности, наконецъ,—она ведетъ непрерывную войну противъ буржуазіи всѣхъ чужихъ странъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ она видитъ себя вынужденной обращаться къ содѣйствію пролетаріата, втягивать его въ политическое движеніе, доставлять ему элементы своего собственнаго политическаго и соціальнаго воспитанія, т.-е. оружіе противъ себя самой. Рабочему классу приносятъ, далѣе, многочисленные элементы прогресса тѣ слои господствующаго класса, которые успѣхами промышленности сброшены въ ряды пролетаріата, или положенію которыхъ этотъ промышленный прогрессъ угрожаетъ, по меньшей мѣрѣ, опасностью. Наконецъ въ тѣ времена, когда классовая борьба приближается къ рѣшительному моменту, процессъ разложенія внутри всего стараго общества принимаетъ столь энергичный и рѣзкій характеръ, что небольшая часть господствующаго класса отдѣляется отъ него и присоединяется къ революціонному классу, въ особенности—часть буржуазныхъ идеологовъ, возвысившаяся до теоретическаго пониманія историческаго движенія въ его цѣломъ.

Изъ всѣхъ классовъ, стоящихъ въ нынѣшнее время лицомъ къ лицу съ буржуазіей, истинно революціоннымъ классомъ является только пролетаріатъ. Остальные классы приходятъ въ упадокъ и погибаютъ вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности, между тѣмъ какъ пролетаріатъ есть собственный продуктъ ея. Мелкій промышленникъ, мелкій купецъ, ремесленникъ, крестьянинъ, — всѣ они борются съ буржуазіей, чтобы спасти отъ гибели свое существованіе въ качествѣ среднихъ слоевъ. Они, слѣдовательно, не революціонны, а реакціонны, они стараются повернуть назадъ колесо исторіи. Если же они дѣйствуютъ революціонно, то поступаютъ такъ въ виду предстоящаго имъ перехода въ кадры пролетаріата; они защищаютъ въ этомъ случаѣ не свои нынѣшніе, а свои будущіе интересы. Босяцкій пролетаріатъ, этотъ пассивный продуктъ гніенія, эти подонки стараго общества, вовлекается мѣстами въ движеніе пролетарской революціей, но всѣ условія его жизни предрасполагаютъ его скорѣе продаваться реакціоннымъ интригамъ.

До сихъ поръ всѣ историческія движенія были движеніями

того или другого меньшинства или преслѣдовали интересы меньшинства. Пролетарское же движенiе есть самостоятельное движенiе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетарiатъ, низшiй слой теперешняго общества, не можетъ подняться иначе, какъ взорвавъ на воздухъ всѣ верхнiе слои, образующiе оффицiальное общество. Хотя и не по существу, но по формѣ борьба пролетарiата противъ буржуазiи принимаетъ на первыхъ порахъ характеръ нацiональной борьбы. Пролетарiатъ каждой страны долженъ, конечно, справиться сначала со своей собственной буржуазiей. Развитiе пролетарiата представляетъ собою болѣе или менѣе скрытую междоусобную войну внутри существующаго общества до того момента, когда она переходитъ въ открытую революцiю, и пролетарiатъ устанавливаетъ свое господство путемъ насильственнаго ниспроверженiя буржуазiи.

Изобразивъ, такимъ образомъ, процессъ преобразованiя внутри современнаго буржуазнаго общества, манифестъ въ заключенiе перваго отдѣла резюмируетъ его въ нѣсколькихъ энергичныхъ положенiяхъ. Всякое общество покоилось до сихъ поръ на антагонизмѣ угнетающихъ и угнетенныхъ классовъ. Чтобы имѣть, однако, возможность угнетать какой-нибудь классъ, необходимо обезпечить ему, по крайней мѣрѣ, условiя, которыя позволяли бы ему влачить хотя бы рабское существованiе. Между тѣмъ современный рабочiй опускается все ниже условiй своего собственнаго класса, рабочiй становится пауперомъ, и пауперизмъ развивается еще быстрѣе народонаселенiя и богатства. Буржуазiя неспособна править, такъ какъ она неспособна обезпечить существованiе своему рабу даже въ условiяхъ его подневольной жизни, такъ какъ она заставляетъ его опуститься до положенiя, при которомъ ей приходится кормить его, вмѣсто того, чтобы кормиться на его счетъ. Общество не можетъ больше жить подъ ея господствомъ, ея существованiе несовмѣстимо болѣе съ существованiемъ общества. Господство буржуазiи покоится на системѣ наемнаго труда, а система наемнаго труда покоится на конкурренцiи рабочихъ между собой. Но прогрессъ промышленности, пассивнымъ и безсознательнымъ орудiемъ котораго является буржуазiя, ставитъ на мѣсто разъединенiя рабочихъ вслѣдствiе конкурренцiи ихъ революцiонное объединенiе путемъ ассоцiацiи. Такимъ образомъ, онъ вырываетъ изъ-подъ ногъ буржуазiи ту почву, на которой зиждется ея система производства и присвоенiя продуктовъ. Ея гибель и побѣда пролетарiата одинаково неизбѣжны.

Во второмъ отдѣлѣ манифеста характеризуется положеніе, занимаемое коммунистами относительно пролетаріевъ. „Коммунисты не образуютъ особой партіи, противоположной другимъ рабочимъ партіямъ. У нихъ нѣтъ интересовъ, обособленныхъ отъ интересовъ всего пролетаріата. Они не выставляютъ никакихъ особыхъ принциповъ, согласно которымъ имъ хотѣлось бы формировать пролетарское движеніе. Отъ другихъ пролетарскихъ партій коммунисты отличаются лишь въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, въ борьбѣ, происходящей въ предѣлахъ различныхъ націй, они выдвигаютъ на первый планъ общіе, независящіе отъ національности интересы всего пролетаріата; во вторыхъ, въ различныхъ фазисахъ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей они всегда являются представителями интересовъ движенія въ его цѣломъ. Такимъ образомъ, среди рабочихъ партій всѣхъ странъ коммунисты практически—самая рѣшительная часть, безостановочно толкающая всѣхъ впередъ; теоретически они имѣютъ то преимущество предъ остальной массой пролетаріата, что отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ условіяхъ, ходѣ и общихъ результатахъ пролетарскаго движенія". Ближайшая цѣль коммунистовъ та же, что ближайшая цѣль всѣхъ остальныхъ рабочихъ партій: классовая организація пролетаріата, ниспроверженіе господства буржуазіи, завоеваніе политической власти пролетаріатомъ.

Манифестъ блестяще доказываетъ затѣмъ, что теоретическія положенія коммунистовъ отнюдь не покоятся на идеяхъ или принципахъ, изобрѣтенныхъ тѣмъ или инымъ реформаторомъ міра, а вытекаютъ, напротивъ, изъ реальныхъ отношеній существующей классовой борьбы. Уже въ этомъ доказательствѣ данъ исчерпывающій отвѣтъ на все, что въ теченіе 50 лѣтъ выставлялось буржуазіей и ея учеными противъ коммунистовъ. Шумъ по поводу уничтоженія лично пріобрѣтенной, добытой своимъ трудомъ собственности основанъ всецѣло на пристрастномъ взглядѣ, который буржуазія раздѣляетъ, впрочемъ, со всѣми теперь уже сошедшими со сцены, но нѣкогда господствовавшими классами. Буржуазія, уничтожившая феодальную собственность и ничего не возражающая противъ того, что ея способъ производства каждодневно уничтожаетъ мелко-буржуазную и мелкую крестьянскую собственность,—буржуазія возводитъ свои особыя отношенія собственности и производства изъ преходящихъ историческихъ отношеній, возникающихъ и исчезающихъ вмѣстѣ съ ходомъ производства, въ вѣчные законы природы и разума. То, что понятно для нея, когда

дѣло идетъ объ античной и феодальной собственности, то она перестаетъ понимать относительно современной буржуазной частной собственности, — а именно, что эта собственность есть историческій продуктъ и подлежитъ историческому процессу. Уничтоженіе существовавшихъ до сихъ поръ отношеній собственности не представляетъ собою чего-либо свойственнаго одному коммунизму. Французская революція уничтожила феодальную собственность, такъ какъ послѣдняя стала несовмѣстимой съ историческимъ развитіемъ общества, и по тому же историческому основанію коммунисты хотятъ уничтожить современную, буржуазную частную собственность. Поскольку, однако, эта собственность является послѣднимъ и законченнымъ выраженіемъ способа производства и присвоенія продуктовъ, основаннаго на классовомъ антагонизмѣ, на эксплуатаціи однихъ другими, постольку коммунисты могутъ резюмировать свою теорію въ предложеніи: отмѣна частной собственности.

Но вѣдь вмѣстѣ съ этимъ, говорятъ противники коммунистовъ, уничтожается основа всякой личной свободы, всякой личной дѣятельности и независимости! Такъ ли это? Въ существующемъ обществѣ частная собственность упразднена для $^9/_{10}$ его членовъ: она существуетъ для одной десятой именно благодаря тому, что для девяти десятыхъ она не существуетъ. Въ своей нынѣшней формѣ собственность заключена въ противорѣчіи между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Капиталъ не есть личная, а общественная сила. Капиталъ есть коллективный продуктъ и можетъ быть приведенъ въ движеніе лишь путемъ совмѣстной дѣятельности многихъ членовъ общества, въ конечномъ счетѣ даже—путемъ совокупной дѣятельности всѣхъ членовъ общества. Если онъ превратится въ общую собственность, принадлежащую всѣмъ членамъ общества, то личная собственность не превратится оттого въ общественную, а измѣнится лишь общественный характеръ собственности, такъ какъ она потеряетъ свой классовый характеръ.

Напротивъ, то, что наемный рабочій пріобрѣтаетъ своимъ личнымъ трудомъ, не доставляетъ ему никакой собственности, а покрываетъ лишь въ обрѣзъ расходы на скудное существованіе и продолженіе своего рода. Коммунисты отнюдь не хотятъ уничтожить это личное присвоеніе продуктовъ труда, необходимыхъ для поддержанія и воспроизведенія человѣческой жизни,—присвоеніе, не оставляющее никакого чистаго дохода, который могъ бы доставить власть надъ чужимъ трудомъ. Они хотятъ только уничтожить

нежелательный характеръ этого присвоенія, при которомъ рабочій живетъ лишь для того, чтобы увеличивать капиталъ, живетъ лишь постольку, поскольку этого требуютъ интересы господствующаго класса. „Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ представляетъ только средство увеличивать накопленный трудъ; въ обществѣ коммунистическомъ накопленный трудъ является лишь средствомъ расширить, обогатить и украсить существованіе рабочаго. Въ буржуазномъ обществѣ, слѣдовательно, прошедшее господствуетъ надъ настоящимъ, въ коммунистическомъ—настоящее надъ прошедшимъ. Въ буржуазномъ обществѣ капиталъ независимъ и личенъ, тогда какъ трудящійся индивидуумъ зависимъ и безличенъ". Всѣ фразы объ уничтоженіи свободы и индивидуальности сводятся къ тому, что предполагается уничтожить буржуазную свободу и буржуазную индивидуальность. Либеральныя фразы буржуазіи имѣютъ вообще смыслъ лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ о стѣсненіяхъ торговли и угнетеніи горожанина среднихъ вѣковъ, но не тогда, когда дѣло идетъ о предлагаемомъ коммунистами уничтоженіи торгашества, буржуазныхъ производственныхъ отношеній и самой буржуазіи. Коммунизмъ не отнимаетъ ни у кого возможности присвоивать себѣ общественные продукты, онъ отнимаетъ только возможность порабощать себѣ при помощи этого присвоенія чужой трудъ.

Манифестъ переходитъ затѣмъ къ упрекамъ, что коммунисты хотятъ уничтожить семью и отечество. Онъ указываетъ, что буржуазная семья основана на капиталѣ и на индивидуальной наживѣ, что во вполнѣ развитомъ видѣ она существуетъ только для буржуазіи, что она находитъ свое дополненіе въ вынужденной безсемейности пролетаріевъ и въ публичной проституціи. Буржуазныя декламаціи о семьѣ и воспитаніи становятся тѣмъ болѣе противными, чѣмъ больше крупная промышленность разрываетъ для пролетарія всѣ семейныя узы и превращаетъ дѣтей въ простые предметы торговли и рабочіе инструменты. Съ ѣдкой насмѣшкой манифестъ отмѣчаетъ высоко-нравственный ужасъ буржуазіи по поводу мнимой оффиціальной общности женъ у коммунистовъ, между тѣмъ какъ коммунисты хотятъ, напротивъ, вмѣстѣ съ теперешними производственными отношеніями устранить оффиціальную и неоффиціальную проституцію буржуазнаго общества.

Подобно тому какъ у рабочихъ нѣтъ семьи, у нихъ нѣтъ и отечества. Нельзя отнять у нихъ того, чего они не имѣютъ. Такъ какъ пролетаріатъ долженъ прежде всего завоевать политическую

власть, подняться до степени національнаго класса, конституироваться какъ нація, то онъ самъ еще націоналенъ, хотя и не въ буржуазномъ смыслѣ. Національное обособленіе и антагонизмъ народовъ и безъ того исчезаютъ все болѣе и болѣе вмѣстѣ съ развитіемъ свободы торговли, міроваго рынка, однообразнаго промышленнаго производства и соотвѣтствующихъ ему жизненныхъ условій. Переходъ власти къ пролетаріату будетъ еще больше содѣйствовать ихъ исчезновенію; солидарныя дѣйствія пролетаріата, по крайней мѣрѣ—въ цивилизованныхъ странахъ, представляютъ собою одно изъ первыхъ условій его освобожденія. По мѣрѣ того какъ будетъ уничтожаться эксплуатація одного индивидуума другимъ, будетъ также уничтожаться и эксплуатація одной націи другою; вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націи исчезнетъ и враждебное отношеніе націй другъ къ другу.

Манифестъ разбиваетъ вкратцѣ обвиненія, выставляемыя противъ коммунизма съ идеологической, философской и религіозной точекъ зрѣнія. Вмѣстѣ съ жизненными условіями людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ бытіемъ измѣняются также ихъ представленія и понятія, измѣняется, однимъ словомъ, и ихъ сознаніе. Вмѣстѣ съ матеріальнымъ производствомъ преобразуется и интеллектуальное производство: господствующія идеи каждой эпохи были всегда лишь идеями господствующаго класса. Когда говорятъ объ идеяхъ, революціонирующихъ цѣлое общество, то этимъ выражаютъ лишь тотъ фактъ, что въ нѣдрахъ стараго общества образовались элементы новаго, что параллельно съ разложеніемъ старыхъ условій жизни идетъ разложеніе старыхъ идей. „Когда въ XVIII вѣкѣ христіанскія идеи уступили мѣсто идеямъ просвѣтительной философіи, феодальное общество вело предсмертную борьбу съ революціонной тогда буржуазіей. Идеи свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданій провозглашали лишь господство свободы конкурренціи въ области знанія.". Но коммунистамъ возражаютъ, что существуютъ вѣчныя истины, какъ свобода, справедливость и т. д.,—истины, общія всѣмъ общественнымъ состояніямъ, измѣнявшіяся, конечно, съ ходомъ историческаго развитія, но сохранившіяся несмотря на эти превращенія; коммунизмъ не можетъ устранить ихъ, не становясь въ противорѣчіе съ историческимъ развитіемъ. На это манифестъ отвѣчаетъ, что эксплуатація одной части общества другою принимаетъ различныя формы въ различныя эпохи, но она была общимъ фактомъ для всѣхъ предшествующихъ вѣковъ. „Неуди-

вительно поэтому, если общественное сознаніе всѣхъ вѣковъ, несмотря на все свое многообразіе и различіе, движется въ извѣстныхъ общихъ формахъ, въ формахъ сознанія, которыя разложатся вполнѣ только съ совершеннымъ исчезновеніемъ классоваго антагонизма". Подобно тому какъ коммунистическая революція порываетъ самымъ радикальнымъ образомъ съ традиціонными отношеніями собственности, такъ она радикальнѣйшимъ образомъ порываетъ и съ традиціонными идеями.

Послѣ этой убѣдительной отповѣди противникамъ коммунистовъ манифестъ возвращается къ ходу пролетарской революціи. Ея первымъ шагомъ является возведеніе пролетаріата на степень правящаго класса, завоеваніе народовластія. Пролетаріатъ воспользуется своимъ господствомъ для того, чтобы постепенно вырвать весь капиталъ у буржуазіи, сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ государства, т.-е. пролетаріата, организованнаго въ правящій классъ, и возможно быстрѣе увеличить массу наличныхъ производительныхъ силъ. На первыхъ порахъ это можетъ быть выполнено только путемъ деспотическаго нарушенія права собственности и буржуазныхъ производственныхъ отношеній, слѣдовательно, посредствомъ мѣропріятій, которыя представляются экономически недостаточными и несостоятельными, но которыя съ ходомъ движенія будутъ толкать къ дальнѣйшимъ шагамъ и необходимы, какъ средства революціонировать весь способъ производства. Въ наиболѣе передовыхъ странахъ, полагаетъ манифестъ, можно будетъ примѣнить почти повсюду слѣдующія мѣры: экспропріацію земельной собственности и употребленіе земельной ренты на государственные расходы, прогрессивный налогъ (возрастающій въ сильной прогрессіи для болѣе крупныхъ доходовъ и состояній), упраздненіе права наслѣдованія, конфискацію собственности всѣхъ эмигрантовъ и мятежниковъ, сосредоточеніе кредита и транспортнаго дѣла въ рукахъ государства, увеличеніе числа національныхъ фабрикъ и орудій производства, распашку и меліорацію земель согласно общему плану, одинаковую обязательность труда для всѣхъ, организацію промышленныхъ армій, соединеніе земледѣльческаго труда съ промышленнымъ и постепенное устраненіе различія между городомъ и деревней, общественное и безвозмездное воспитаніе всѣхъ дѣтей, соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

Разъ классовыя различія исчезнутъ вмѣстѣ съ ходомъ развитія, и все производство сосредоточится въ рукахъ ассоциирован-

ныхъ индивидовъ, то общественная власть потеряетъ свой политическій характеръ. Политическая власть есть, собственно говоря, организованная власть одного класса для угнетенія другого. Когда объединенный въ классъ пролетаріатъ упразднитъ старыя производственныя отношенія, въ которыхъ лежитъ корень классовъ и ихъ взаимнаго антагонизма, то онъ упразднитъ этимъ и свое господство, какъ класса. На мѣсто стараго буржуазнаго общества съ его классами и классовыми антагонизмами станетъ ассоціація, гдѣ свободное развитіе каждаго будетъ условіемъ свободнаго развитія всѣхъ.

Третій отдѣлъ манифеста критикуетъ соціалистическую и коммунистическую литературу первой половины XIX столѣтія. Манифестъ дѣлитъ ее на реакціонный, консервативный и критически-утопическій соціализмъ. Реакціонный соціализмъ распадается, въ свою очередь, на феодальный, мелко-буржуазный и нѣмецкій, или „истинный" соціализмъ.

Феодальному соціализму манифестъ даетъ классическую оцѣнку, которая еще теперь вполнѣ подходитъ къ нему, съ той лишь разницей, что внушенныя отчаяніемъ остроты феодальнаго соціализма стали еще гораздо болѣе плоскими, а его политическая практика еще болѣе прозрачной. Феодальный соціализмъ возникъ, какъ результатъ пораженія, испытаннаго французской и англійской аристократіей вслѣдствіе іюльской революціи и билля о реформѣ. Ея старыя феодально-романтическія фразы стали невозможны, и чтобы возбудить сочувствіе къ себѣ, она вынуждена была придать своему обвинительному акту противъ буржуазіи форму защиты интересовъ эксплуатируемаго рабочаго класса. Такимъ образомъ, она нашла удовлетвореніе въ томъ, что стала сочинять сатирическія пѣсни на своего новаго владыку и напѣвать ему на ухо болѣе или менѣе мрачныя пророчества объ ожидающихъ его несчастіяхъ. „Такимъ путемъ возникъ феодальный соціализмъ, смѣсь іеремiады съ пасквилемъ, отголосковъ прошлаго и младенческаго лепета будущаго. Если временами онъ и поражалъ буржуазію въ самое сердце своей злой и остроумной критикой, то его полная неспособность понять ходъ современной исторіи дѣлала его всегда смѣшнымъ. Эти господа размахивали пролетарской нищенской сумой, какъ знаменемъ, чтобы собрать вокругъ себя народъ, но какъ только народъ пробовалъ пойти за ними, онъ тотчасъ замѣчалъ на ихъ спинѣ старый феодальный гербъ и разбѣгался съ громкимъ и непочтительнымъ хохотомъ".

Феодальная эксплуатація происходила при иныхъ—теперь отжившихъ — условіяхъ, чѣмъ эксплуатація буржуазная, но когда феодалы доказываютъ, что при ихъ господствѣ не было современнаго пролетаріата, то они забываютъ одно: что современная буржуазія есть необходимый отпрыскъ ихъ соціальнаго строя. „Впрочемъ, они настолько не скрываютъ реакціоннаго характера своей критики, что главнымъ обвиненіемъ ихъ противъ буржуазіи является именно фактъ развитія при буржуазномъ режимѣ такого класса, который низвергнетъ весь старый общественный строй. Они не столько упрекаютъ буржуазію въ томъ, что она создаетъ пролетаріатъ вообще, сколько въ томъ, что она создала революціонный пролетаріатъ. Въ политической практикѣ они принимаютъ поэтому участіе во всѣхъ насильственныхъ мѣрахъ противъ рабочаго класса, а въ повседневной жизни они умѣютъ, несмотря на всѣ свои напыщенныя фразы, подбирать золотыя яблоки съ дерева промышленности и вымѣнивать вѣрность, честь и любовь на шерсть, свекловичный сахаръ и водку". Съ христіанскимъ соціализмомъ манифестъ раздѣлывается въ нѣсколькихъ словахъ, какъ съ разновидностью феодальнаго: это святая вода, которою попъ кропитъ недовольство аристократовъ.

Второй видъ реакціоннаго соціализма, отмѣчаемый манифестомъ, это мелкобуржуазный соціализмъ, главнымъ представителемъ котораго былъ Сисмонди во Франціи. Въ тогдашней своей формѣ онъ умеръ, но критика, которой онъ подвергся въ манифестѣ, ничуть не устарѣла и теперь. Чѣмъ болѣе рѣзкимъ становится антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, тѣмъ больше весь буржуазный соціализмъ сосредоточивается на сохраненіи мелкой буржуазіи, среднихъ слоевъ, анти-коллективистскаго мужицкаго черепа. „Реакціонный и въ то же время утопическій",—эта критическая оцѣнка мелко-буржуазнаго соціализма въ манифестѣ подходитъ ко всякому антисемитству, къ устройству консервативныхъ „крестьянскихъ союзовъ" и цеховымъ утопіямъ нашихъ дней такъ же хорошо и даже лучше, чѣмъ къ соціализму Сисмонди.

Подобнымъ же образомъ нѣмецкому катедеръ-соціализму очень далеко до Сисмонди въ смыслѣ глубины и силы принципіальной критики, но зато онъ далеко превосходитъ Сисмонди по нерѣшительности предлагаемыхъ имъ средствъ къ исцѣленію зла. Его судорожныя попытки отыскать еще въ современномъ буржуазномъ обществѣ прочное мѣсто для среднихъ сословій манифестъ заранѣе критикуетъ слѣдующими словами: „въ странахъ,

гдѣ развилась современная цивилизація, образовалась новая мелкая буржуазія, которая стоитъ на полъ-дорогѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей: будучи дополнительной частью буржуазнаго общества, она безпрерывно образуется вновь. Но отдѣльныя лица, входящія въ ея составъ, постоянно сбрасываются конкурренціей въ ряды пролетаріата, мало того — видятъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ крупной промышленности приближеніе момента, когда они совершенно исчезнутъ, какъ самостоятельная часть современнаго общества, и будутъ замѣнены въ торговлѣ, мануфактурѣ и земледѣліи приказчиками, мастерами и батраками". Этотъ историческій процессъ зашелъ теперь такъ далеко, что новое „среднее сословіе", занимающее столько мѣста въ профессорской литературѣ, на самомъ дѣлѣ состоитъ преимущественно изъ служащихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, къ которымъ присоединяются все болѣе приходящіе въ упадокъ обломки старой карликовой промышленности и карликовой торговли. Но именно потому указанное среднее сословіе не есть гранитный столпъ капиталистической собственности, которымъ его провозглашаютъ; это, напротивъ, слабый тростникъ, которому недостаетъ корня стараго ремесла — частной собственности на средства производства. Оно несомнѣнно образуетъ привилегированный классъ по сравненію съ пролетаріатомъ и можетъ, пожалуй, доставить успокоеніе боязливымъ душамъ, такъ какъ относится большей частью равнодушно, а подчасъ даже враждебно къ освободительной борьбѣ рабочихъ, но ему грозитъ постоянно опасность, что вмѣстѣ съ увеличивающейся концентраціей капитала оно вслѣдствіе конкурренціи будетъ сброшено въ пролетаріатъ. Такимъ образомъ, среднее сословіе все болѣе и болѣе раскалывается на двѣ группы, изъ которыхъ меньшая занимаетъ высшія и лучше оплачиваемыя мѣста, а бо̀льшая и постоянно возрастающая часть низводится до пролетарскихъ условій существованія. Первые становятся безпринципными слугами буржуазіи, слѣдовательно всего менѣе твердой опорой во дни бури, вторые все болѣе и болѣе идутъ заодно съ пролетаріатомъ. Большей частью они находятся въ столь зависимомъ положеніи, что не могутъ такъ энергично бороться, какъ настоящіе рабочіе, но несомнѣнно, что это „новое среднее сословіе", которое видѣлъ насквозь уже Коммунистическій Манифестъ, не есть тотъ спаситель капиталистическаго общества, котораго привѣтствуетъ въ немъ восхищенное сердце академическихъ круговъ. Чѣмъ больше оно становится на мѣсто стараго средняго сосло-

вія, тѣмъ сильнѣе шатается основа частной собственности, и тѣмъ болѣе поднимаются шансы рабочаго класса на побѣду.

Третью форму реакціоннаго соціализма, тотъ „истинный" соціализмъ, представителями котораго были Гессъ и Грюнъ, Коммунистическій Манифестъ разбираетъ, въ виду его нѣмецкаго происхожденія, особенно подробно и особенно рѣзко, хотя и не вполнѣ справедливо, поскольку дѣло шло о намѣреніяхъ его тогдашнихъ носителей. Онъ едва пережилъ появленіе Коммунистическаго Манифеста, но въ своемъ историческомъ существѣ никогда не вымиралъ въ Германіи, хотя давно не переводитъ больше французскихъ соціалистическихъ оборотовъ на плохой гегелевско-нѣмецкій языкъ и языкъ сантиментальной любовной мечтательности. Марксъ и Энгельсъ мѣтко охарактеризовали его, вскрывъ его корень — специфически-нѣмецкое мѣщанство, пугающееся серьезной классовой борьбы. Въ какія бы внѣшнія формы ни рядился этотъ соціализмъ, будетъ ли то „этическая культура", „натуралистическая эстетика", или еще что-нибудь другое, но его одѣяніе остается всегда однимъ и тѣмъ же: какъ выражается манифестъ, „сотканнымъ изъ безплотной пряжи умозрѣнія, вышитымъ цвѣтами краснорѣчія и насквозь пропитаннымъ розовой сантиментальностью". Въ его средѣ имѣются, конечно, нѣкоторыя даровитыя натуры, какъ, напр., въ 40-хъ гг. Моисей Гессъ; вмѣстѣ съ усиливающимся ожесточеніемъ классовой борьбы онѣ приходятъ къ „грубо-разрушительному коммунизму", тогда какъ рядовые „истинные" соціалисты при одинаковомъ условіи соскальзываютъ назадъ въ капиталистическое болото, да еще въ самое глубокое его мѣсто.

Именно это усиленіе классовой борьбы, чѣмъ больше оно переходило изъ области гипотезъ въ область исторической дѣйствительности, положило конецъ консервативному и критико-утопическому соціализму, который подвергается въ манифестѣ такой же уничтожающей критикѣ, какъ реакціонный соціализмъ. Манифестъ указываетъ на „Философію нищеты" Прудона, какъ на самый значительный систематическій трудъ консервативнаго соціализма, но прудонизмъ даже у себя на родинѣ умалился теперь до степени игрушки для небольшихъ буржуазныхъ круговъ, въ Германіи же онъ вотъ уже десятки лѣтъ, какъ насчитываетъ только одного приверженца въ лицѣ одного чудака. Консервативный соціализмъ, который со своимъ винегретомъ жалкихъ реформъ хотѣлъ бы сохранить буржуазію безъ пролетаріата; который пред-

лагаетъ пролетаріату „остаться въ теперешнемъ обществѣ, но отбросить свои злобныя представленія о немъ"; который сводится, въ сущности, къ утвержденію, что „буржуа суть буржуа... въ интересахъ рабочаго класса",—этотъ соціализмъ является практически устарѣвшей шуткой, сколько бы его теоретически ни расписывали на все терпящей бумагѣ.

То же относится къ критически-утопическому соціализму, хотя изъ всѣхъ видовъ буржуазнаго соціализма онъ далъ наиболѣе цѣнныя подготовительныя работы для научнаго коммунизма. Это обстоятельство Коммунистическій Манифестъ признаетъ въ полной мѣрѣ, но онъ указываетъ также, что значеніе разбираемой формы соціализма находится въ обратномъ отношеніи къ ходу историческаго развитія. Подобно тому какъ Сенъ-Симонъ, Фурье и Оуэнъ были революціонными мыслителями, а сенъ-симонисты, фурьеристы и оуэнисты стали реакціонными сектантами, ибо они не желали видѣть живыхъ успѣховъ пролетаріата и клялись словами своими мертвыхъ учителей,—такъ точно и нынѣшній утопизмъ, тамъ гдѣ онъ еще появляется, напр. въ неудачной экспедиціи Герцки, отличается отъ ходячаго реакціоннаго соціализма „только болѣе систематическимъ педантизмомъ, фанатической и слѣпой вѣрой въ чудодѣйственную силу своей соціальной науки".

Четвертый и послѣдній отдѣлъ манифеста занимается отношеніемъ коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ. Здѣсь, конечно, все положеніе дѣла измѣнилось вслѣдствіе историческихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ теченіе болѣе чѣмъ 50 лѣтъ, но тѣмъ успѣшнѣе выдержали трудное испытаніе установленные въ этомъ отдѣлѣ принципы коммунистической тактики. Коммунисты борются за достиженіе ближайшихъ цѣлей и за непосредственные интересы рабочаго класса, но въ этомъ движеніи настоящаго они защищаютъ и представляютъ также будущность движенія; они повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ соціальныхъ и политическихъ порядковъ и во всѣхъ этихъ движеніяхъ подчеркиваютъ вопросъ о собственности, какъ основной вопросъ движенія, независимо отъ болѣе или менѣе развитой формы, которую онъ принимаетъ; они повсюду работаютъ надъ объединеніемъ и соглашеніемъ демократическихъ партій всѣхъ странъ,—всѣ эти положенія сохраняютъ еще теперь полную силу, подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, если понимать ихъ въ общей идейной связи манифеста, слѣдовательно подъ революціоннымъ движеніемъ разумѣть не дѣтскія, напр.,

покушенія и революціонныя вспышки, а экономическо-политическій переворотъ, и подъ демократическими партіями всѣхъ странъ — пролетарскую демократію. Въ настоящее время все это еще меньше можетъ возбуждать сомнѣнія, чѣмъ тогда, послѣ того какъ въ промежуточный періодъ всѣ виды буржуазной демократіи доказали опять свою полную несостоятельность.

Въ отношеніи къ отдѣльнымъ странамъ манифестъ рекомендуетъ примыкать къ самому радикальному крылу существующаго революціоннаго движенія. Во Франціи коммунисты примыкаютъ къ соціально-демократической партіи, къ партіи „*Реформы*", противъ консервативной и радикальной буржуазіи, сохраняя однако за собою право критиковать фразы и иллюзіи, завѣщанныя революціонной традиціей. Въ Швейцаріи они поддерживаютъ радикаловъ, не забывая, однако, что эта партія состоитъ изъ противоположныхъ элементовъ, частью изъ демократическихъ соціалистовъ во французскомъ значеніи слова, частью изъ радикальныхъ буржуа. Въ Польшѣ они поддерживаютъ партію, которая видитъ въ аграрной революціи условіе національнаго освобожденія. „Въ Германіи коммунистическая партія борется заодно съ буржуазіей, всякій разъ какъ эта послѣдняя выступаетъ революціонно, противъ неограниченной монархіи, феодальной земельной собственности и мелкой буржуазіи. Но никогда она ни на одну минуту не забываетъ о необходимости пробуждать въ рабочихъ возможно болѣе отчетливое сознаніе враждебнаго антагонизма между буржуазіей и пролетаріатомъ, дабы въ надлежащій моментъ нѣмецкіе рабочіе сумѣли обратить въ оружіе противъ буржуазіи тѣ общественныя и политическія условія, которыя буржуазія создаетъ своимъ режимомъ; дабы, послѣ ниспроверженія реакціонныхъ классовъ, въ Германіи тотчасъ могла быть начата борьба противъ самой буржуазіи. На Германію коммунисты обращаютъ свое особенное вниманіе, обращаютъ потому, что Германія находится наканунѣ буржуазной революціи; что она произведетъ этотъ переворотъ при болѣе высокомъ уровнѣ европейской цивилизаціи вообще и, въ частности, съ гораздо болѣе развитымъ пролетаріатомъ, чѣмъ Англія въ 17-мъ и Франція въ 18-мъ вѣкѣ; что, слѣдовательно, нѣмецкая буржуазная революція можетъ быть только непосредственнымъ прологомъ къ пролетарской революціи. Манифестъ заканчивается словами: „Коммунисты не унижаются до скрыванія своихъ воззрѣній и цѣлей. Они открыто заявляютъ, что эти цѣли могутъ быть достигнуты только путемъ

насильственнаго ниспроверженія всего теперешняго общественнаго строя. Пусть правящіе классы трепещуть при мысли о коммунистической революціи! Пролетаріи не могутъ потерять въ ней ничего, кромѣ своихъ цѣпей. Выиграть они могутъ цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше исторія Коммунистическаго Манифеста становилась исторіей современной международной соціалъ-демократіи. При первомъ своемъ появленіи онъ былъ съ энтузіазмомъ привѣтствованъ маленькимъ отборнымъ отрядомъ развитыхъ пролетаріевъ и проницательныхъ идеологовъ, но все же очень маленькимъ отрядомъ, такъ какъ „Союзъ коммунистовъ" врядъ ли могъ насчитывать во всѣхъ странахъ, гдѣ у него были приверженцы, больше нѣсколькихъ сотъ членовъ. Затѣмъ манифестъ исчезъ вмѣстѣ съ временнымъ отливомъ въ революціонномъ рабочемъ движеніи. Но вновь наростающая волна послѣдняго опять вознесла манифестъ вверхъ, какъ лоцманское судно, компасъ котораго указываетъ вѣрный путь черезъ водную пустыню въ новый міръ труда. Теперь манифестъ представляетъ собою наиболѣе распространенное, наиболѣе международное произведеніе всей соціалистической литературы, общую программу, которой добровольно обязуются слѣдовать въ великой борьбѣ за освобожденіе своего класса милліоны рабочихъ во всѣхъ странахъ, отъ Сибири до Калифорніи.

Въ буржуазномъ мірѣ на долю манифеста выпала довольно странная судьба. Съ побѣдоносной силой онъ ввелъ политическую экономію Германіи, питавшуюся до тѣхъ поръ крохами съ англійскаго и французскаго стола, въ кругъ европейскихъ культурныхъ народовъ. Но любовь къ теоретической мысли, считавшаяся наслѣдственнымъ добромъ нѣмецкаго бюргерства въ дни его классической литературы, уже настолько угасла, что въ теченіе трехъ десятилѣтій съ лишнимъ манифестъ существовалъ для буржуазныхъ классовъ Германіи только въ Черной книгѣ политической полиціи. Все же Штиберъ находилъ еще въ немъ „умъ и энергію". Иное произошло, когда первый нѣмецкій университетскій профессоръ, г. Эйзенгартъ изъ Галле, сдѣлалъ въ 1881 г. счастливое открытіе о существованіи манифеста. Въ своей исторіи политической экономіи онъ назвалъ манифестъ „жалкимъ обезьяньимъ подражаніемъ манифесту Бабёфа", и какъ образчикъ изъ него привелъ выдуманную имъ самимъ безсмыслицу: „мы желаемъ равенства, хотя бы изъ-за этого должны были погибнуть всѣ искус-

ства". Съ тѣхъ поръ снова прошло полпоколѣнія, и теперь совы настолько научились глядѣть на свѣтъ, что онѣ открыли въ манифестѣ „насильственный переворотъ", слѣдовательно, благодарный и по сію пору еще далеко не исчерпанный матеріалъ для нравственнаго негодованія.

Безъ всякаго сомнѣнія авторамъ манифеста было чуждо простодушное упованіе, что современная буржуазія, какъ только пробьетъ ея послѣдній историческій часъ, добровольно отречется отъ своего господствующаго положенія. Но и сама буржуазія придерживается, вѣдь, неодинаковыхъ мнѣній по этому пункту. Въ то время какъ ея идеологи клеймятъ „насильственный переворотъ", усматривая въ немъ дерзкое сомнѣніе въ доброй волѣ господствующихъ классовъ, ея суды и полиція приговариваютъ пролетаріевъ, мирно агитирующихъ за освобожденіе своего класса, къ наказаніямъ, какъ кровожадныхъ революціонеровъ, на томъ основаніи, что и думать, молъ, нечего, чтобы теперешніе капиталисты экспропріировали себя сами. Впрочемъ, когда Марксъ и Энгельсъ составляли Коммунистическій Манифестъ, по европейской землѣ уже шелъ гулъ отъ приближавшагося взрыва колоссальныхъ классовыхъ столкновеній и буржуазія безъ всякихъ угрызеній совѣсти расположилась удобно на почвѣ, которую пролетаріатъ расчистилъ для нея путемъ „насильственнаго ниспроверженія" абсолютистско-феодальнаго общественнаго и политическаго строя.

На самомъ дѣлѣ жалобные вопли по поводу „насильственнаго переворота" не стоятъ серьезнаго разговора, хотя бы они раздавались изъ-подъ самыхъ почтенныхъ париковъ. То, что можетъ быть сказано по этому вопросу въ дополненіе и въ поправку къ Коммунистическому Манифесту, сказали еще сами Марксъ и Энгельсъ. Если изученіе французскаго революціоннаго періода съ 1789 г. до 1830 г. позволило имъ глубоко заглянуть въ процессъ преобразованія буржуазнаго общества, то, съ другой стороны, оно же побудило ихъ слишкомъ точно перенести формы буржуазной революціи на революцію пролетарскую. При опубликованіи манифеста обоимъ авторамъ не было и по 30 лѣтъ, и если, будучи уже стариками, они всегда готовы были поучаться изъ практическихъ опытовъ исторіи, то тѣмъ менѣе они оставались глухими къ ея урокамъ въ свои молодые годы.

Въ своемъ эпилогѣ къ исторіи революціонной борьбы 1848—1851 г. Марксъ проводилъ уже рѣзкое различіе между ходомъ буржуазной и пролетарской революціи: „Буржуазныя революціи,—

писалъ онъ,—несутся быстрѣе отъ успѣха къ успѣху, ихъ драматическіе эффекты одинъ сильнѣе другого, люди и вещи кажутся оправленными въ огненные брильянты, каждый день проникнутъ экстазомъ, но эти революціи недолговѣчны, наступаетъ скоро моментъ, когда они достигаютъ своего апогея, и обществомъ овладѣваетъ продолжительное похмѣлье, раньше чѣмъ оно трезво усвоило себѣ результаты своего періода бурныхъ стремленій. Напротивъ, пролетарскія революціи постоянно критикуютъ себя сами, безпрестанно прерываютъ себя въ своемъ собственномъ теченіи, возвращаются назадъ къ тому, что, повидимому, свершилось, чтобы опять начать его сызнова, основательно и жестоко высмѣиваютъ половинчатость, слабость и ничтожность своихъ первыхъ опытовъ, повергаютъ ницъ своего противника какъ бы для того только, чтобы онъ почерпнулъ изъ земли новыя силы и поднялся противъ нихъ еще бо̀льшимъ, чѣмъ прежде, исполиномъ, отступаютъ каждый разъ вновь въ страхѣ предъ неопредѣленной громадностью своихъ собственныхъ цѣлей, пока не создается положеніе, которое дѣлаетъ всякій возвратъ невозможнымъ, и условія сами призываютъ: Hic Rhodus, hic salta"! Затѣмъ парижская коммуна показала, что „рабочій классъ не можетъ просто взять въ руки готовую государственную машину и пустить ее въ ходъ для своихъ цѣлей" (Марксъ), а на примѣрѣ историческаго развитія германской соціалъ-демократіи Энгельсъ еще въ послѣдней своей работѣ объяснилъ, что при поворотѣ исторической діалектики революціонный пролетаріатъ, ограничиваясь принципіально мирными и законными средствами борьбы, „нагулялъ румяныя щеки и выглядитъ какъ вѣчная жизнь", въ то время какъ самые призванные столпы порядка требуютъ до хрипоты „насильственнаго переворота", „революціи сверху", требуютъ государственныхъ переворотовъ и открытаго господства штыковъ.

Многіе противники историческаго матеріализма любятъ изображать его кудесникомъ, котораго слѣдуетъ признать лжепророкомъ, если онъ не можетъ по пальцамъ предсказать день въ день, что случится въ теченіе ближайшихъ ста лѣтъ. Честные люди знаютъ, что историческій матеріализмъ есть прямая противоположность всякаго прорицанія, что онъ представляетъ собою научный методъ, дающій болѣе или менѣе точные результаты, въ зависимости отъ того, какъ велика рабочая сила и каковы орудія труда, при помощи которыхъ онъ примѣняется. Рабочая сила, создавшая изъ Коммунистическаго Манифеста духовную міро-

вую державу, тѣмъ больше заслуживаетъ удивленія, чѣмъ несовершеннѣе были при тогдашнемъ состояніи историческихъ наукъ орудія труда, которыми она могла располагать. Манифестъ самъ говоритъ, что практическое примѣненіе его основныхъ началъ будетъ всегда и вездѣ находиться въ зависимости отъ наличныхъ историческихъ условій, а между тѣмъ при всей смѣнѣ этихъ условій его принципы остались непоколебленными. Марксъ и Энгельсъ работали не на годъ и не на десятилѣтія, а на столѣтія, и столѣтіе охотно подтверждаетъ имъ то, что́ годъ и цѣлыя десятилѣтія, казалось, такъ дерзко оспаривали у нихъ.

Какимъ ошибочнымъ могло казаться въ дни Кёниггреца и Седана утвержденіе, что буржуазная революція въ Германіи будетъ непосредственнымъ прологомъ къ пролетарской революціи, а между тѣмъ, когда теперь оглядываешься на общій ходъ историческаго развитія—чѣмъ она была, какъ не такимъ прологомъ?

ПРИМѢЧАНІЯ.

„Старое наблюденіе, что всякая книга должна сама себѣ завоевать право на существованіе, трижды примѣнимо ко всякой исторіи германской соціалъ-демократіи, которая пытается удовлетворить научнымъ требованіямъ." Такъ писалъ я 5 лѣтъ тому назадъ, когда впервые выпускалъ въ свѣтъ это сочиненіе; теперь, когда оно выходитъ вторымъ изданіемъ, я вправѣ сказать, что оно завоевало себѣ право на существованіе.

Даже дикая брань, которой осыпали его Г. Адлеръ, М. Гарденъ, В. Зомбартъ и подобные имъ господа, является лишь отраднымъ признакомъ того, что я заботился не о прикрашиваніи дѣйствительности въ интересахъ буржуазіи, а о научномъ познаніи. Но я съ благодарностью признаю, что нѣкоторые буржуазные органы, какъ *Hamburger Fremdenblatt*, мюнхенская *Allgem. Zeitung*, вюртембергскій *Staatsanzeiger* и другіе сдѣлали честь себѣ и мнѣ объективнымъ разборомъ книги и, несмотря на всѣ критическія оговорки, засвидѣтельствовали, что она составляетъ плодъ серьезной и трудной работы.

Пріемъ, оказанный ей въ рабочихъ кругахъ, удивилъ других, быть можетъ, больше, чѣмъ меня. Уже при составленіи перваго наброска книги я чувствовалъ, какъ часто и рѣзко мнѣ придется выступать противъ многихъ традицій, многихъ представленій, которыя близки сердцу многихъ и притомъ не самыхъ плохихъ членовъ партіи. Никто такъ ясно не пойметъ субъективнаго оправданія, даже объективной неизбѣжности такихъ преданій и представленій, какъ историкъ революціонной рабочей партіи, но никто также не вправѣ такъ мало ее щадить. Историческое повѣствованіе, которое остановилось бы осторожно предъ той или иной легендой, какъ бы понятна и извинительна она ни была, тѣмъ

самымъ признало бы себя лишеннымъ всякой цѣнности. Если революціонная рабочая партія подвержена общей участи борющихся армій — создавать себѣ свои легенды и ореолы, то ей нѣтъ надобности, слѣдуя извѣстному совѣту Мольтке, искусственно поддерживать такія легенды и ореолы въ качествѣ необходимаго элемента своей дисциплины. Для нея необходима, напротивъ, безпрестанная самокритика, и въ этомъ отношеніи я также вправѣ, кажется, сказать, что мое изложеніе исторіи партіи завоевало себѣ право на существованіе.

Въ существенныхъ чертахъ мнѣ не пришлось мѣнять ее для второго изданія; въ деталяхъ приходилось, конечно, кое-что поправлять, сглаживать шероховатости стиля, исправлять мелкіе недосмотры, пополнять тотъ или иной пробѣлъ, въ особенности же—использовать новый, открывшійся за послѣднія 5 лѣтъ матеріалъ по исторіи германской соціалъ-демократіи. Мнѣ самому выпало счастье открыть важнѣйшій изъ этихъ новыхъ источниковъ, издавъ въ четырехъ томахъ часть литературнаго наслѣдія Маркса, Энгельса и Лассаля. Я поостерегся, однако, вносить въ общую исторію партіи слишкомъ обильныя подробности изъ біографій ея трехъ величайшихъ передовыхъ борцовъ.

Относительно слѣдующихъ ниже указаній на источники я могу повторить лишь то, что̀ сказалъ уже въ первомъ изданіи: они не стремятся къ библіографической полнотѣ. Я даю приблизительно столько, сколько нужно для провѣрки моего изложенія и для облегченія задачи другимъ работникамъ въ этой области.

Общія замѣчанія.

Всесторонней исторіи германской соціалъ-демократіи до сихъ поръ нѣтъ. Бѣглыя попытки въ этомъ направленіи у Herkner, Arbeiterfrage, 3 Aufl., Berl. 02, и у Sombart, Sozialism. u. soz. Bewegung i. 19 Jahrh., Jena 96. Эти сочиненія нигдѣ не выходятъ, однако, за предѣлы буржуазнаго горизонта, а Зомбартъ закрываетъ себѣ вдобавокъ путь къ болѣе глубокому познанію пресловутымъ различеніемъ между геніальными мыслителями Марксомъ и Энгельсомъ, съ одной стороны, и политическими „всемірными бѣлками“ Марксомъ и Энгельсомъ—съ другой. E. Milhaud, La démocratie socialiste allemande, Paris 03, даетъ картину соціалъ-демократической партійной жизни на поворотѣ

столѣтія, нуюаписаннсъ большой любовью и тщательностью; по самой исторіи партіи онъ ограничивается короткимъ очеркомъ, опирающимся въ существенныхъ чертахъ на первое изданіе моей книги.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда профессорской литературѣ по всеобщей исторіи XIX вѣка приходится касаться рабочаго движенія, она отдѣлывается отъ него сострадательнымъ пожиманіемъ плечъ. Th. Ziegler, Die geist. u. sozial. Strömungen d. 19. Jahrh., Berlin 99, разсказываетъ въ стилѣ на-половину дѣтской сказки, на-половину сенсаціоннаго романа о томъ, какъ Лассаль грезилъ Бисмаркомъ и Пруссіей, тогда какъ въ Марксѣ онъ видитъ „крестовика, который тихо ткетъ свои тенета и съ холодной увѣренностью ловитъ свои жертвы." Или почитайте въ коллективномъ трудѣ Онкена монографію Flathe о мартовской революціи и самого Oncken'a о періодѣ покушеній. У Онкена юный идіотъ Гёдель путешествуетъ въ качествѣ соціалъ-демократическаго агитатора по Италіи, Франціи и Испаніи,—выдумка, на которую не отваживался лѣтомъ 1878 г. даже тогдашній патріотическій пароксизмъ. Безобиднѣе, но не остроумнѣе, фантазія, которую разсказываетъ Зибель (Sybel) въ своемъ многотомномъ сочиненіи объ основаніи имперіи: по его словамъ, „вся соціалъ-демократическая система" потерпѣла неудачу вслѣдствіе того, что послѣ „практическаго" осуществленія лассалевскихъ производительныхъ товариществъ при содѣйствіи государственнаго кредита республиканское управленіе самими рабочими оказывалось непригоднымъ для фабрикъ, дѣятельность которыхъ предполагаетъ болѣе сложную технику, если же она „удавалась въ простыхъ предпріятіяхъ", то „первоначальные товарищи попадали назадъ въ столь сурово осуждаемое капиталистическое хозяйство" и отказывались принимать новыхъ помощниковъ въ свое товарищество. Вотъ что называется по нынѣшнимъ временамъ „архивно-научнымъ" изслѣдованіемъ исторіи! Наиболѣе пригоднымъ для пользованія сочиненіемъ въ этой исторической литературѣ все еще является „Deutsche Geschichte" Трейчке (Treitschke), который былъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ родѣ цѣльнымъ человѣкомъ; правда, его изображеніе до-мартовскаго соціализма также лишено всякой цѣнности, но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не ослѣпленъ своей ненавистью къ соціалистамъ, онъ обнаруживаетъ подчасъ порядочную наблюдательность относительно экономической эволюціи Германіи.

Что касается буржуазныхъ справочныхъ работъ, то бѣглаго и

неудачнаго очерка о соціализмѣ и коммунизмѣ, который даетъ Scheel въ руководствѣ Schönberg'a, не приходится принимать въ разсчетъ. Болѣе подробенъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", изданный Конрадомъ и товарищами, но поучительны въ немъ лишь тѣ немногія статьи, которыя не принадлежатъ перу Георга Адлера, именно-то ничего не смыслящаго въ соціализмѣ и коммунизмѣ и старающагося замѣнить глупостями свой недостатокъ знаній. Гораздо пригоднѣе для пользованія, хотя и неодинаковаго достоинства въ отдѣльныхъ своихъ статьяхъ, Handbuch d. Sozialismus, составленный C. Stegeman'омъ и C. Hugo, Zür. 94—96. Библіографическій указатель Штамгаммера (J. Stammhammer, Bibliographie d. Sozialismus u. Kommunismus, Jena 93), хотя и прилежно составленный, имѣетъ еще много пробѣловъ.

Соціалистическая литература имѣетъ для исторіи современнаго рабочаго движенія въ различныхъ его развѣтвленіяхъ обширный справочный трудъ: *Em. Wurm*, Volkslexikon, Nürnb. 94—97, 5 томовъ. Этотъ „Народный лексиконъ"—работа, заслуживающая большой признательности и рекомендаціи; при его помощи можно хорошо оріентироваться, и когда прилежно пользуешься имъ, почти всегда находишь нужныя свѣдѣнія. Расположеніе матеріала въ видѣ законченныхъ и самостоятельныхъ статей, не затрудняющее въ то же время отыскиванія, я нахожу превосходнымъ.

Введеніе.

Marx u. Engels. Kommunist. Manif. Engels, Die Entwicklung d. Sozialism. v. d. Utopie z. Wissenschaft, Zür. 83. Engels, Internationales aus dem Volksstaat, Berl. 94.

Іюльская революція и билль о реформѣ. Marx, Kapital 1, 815, 2. Aufl. Hamburg 72.

Западно-европейскій соціализмъ. Stein, Der Sozialism. u. Kommunism. d. heutigen Frankreichs, Leipz. 42. Grün, Die soziale Bewegung in Frankreich u. Belgien, Darmst. 45. Историческое значеніе великихъ утопистовъ было впервые дѣйствительно понято лишь научнымъ коммунизмомъ. Kommunist. Manif. Engels, Anti-Dühring, Stuttg. 94. О Фурье: Greulich, Karl Fourier, Zür. 81, и Bebel, Charles Fourier Stuttg. 88. Объ Оуэнѣ: Marx, Kapital I, 73, 304, 509, 526; немногія замѣ-

чанія Маркса даютъ больше для пониманія Оуэна, чѣмъ длинная глава у Held, Zwei Bücher zur sozialen Gesch. Englands, Leipz. 81. См. также Aus d. Erinnerungen e. Owenitischen Agitators, NZ 10² 205 *). Ricardo. Principles of Pol. Economy. О послѣ-оуэновскихъ соціалистахъ въ Англіи: Marx, Misère de la philosophie, Br., 1847 и предисловіе Энгельса къ нѣмецкому переводу, выш. въ 1885 г.; также предисловіе Энгельса ко 2-му тому „Капитала", Hamb. 85, и Juristensozialismus, NZ, 5, 49. Sismondi, Nouveaux Principes d'Economie politique, Paris 19. О Сисмонди: Kommun. Manif. и Marx, Zur Kritik d. polit. Ökon., Berl., 59, нов. изд. Stuttg. 97. О положеніи французскихъ крестьянъ: Marx, 18. Brumaire, Hamb. 69.

Классовая борьба западно - европейскаго пролетаріата. Engels, Die Lage der arbeitenden Klasse in England, Leipz. 45, нов. изд. 92. Объ англійскомъ фабричномъ законодательствѣ см. классическіе отдѣлы у Маркса, въ I-мъ томѣ „Капитала". Die Chartistenbewegung in England, Zür. 87. Исчерпывающей исторіи чартизма пока еще нѣтъ, совершенно недостаточна Pauli, Gesch. Engl., Leipz. 64. Brentano, Arbeitergilden, Leipz. 71. Sidney and Beatrice Webb, History of Trade-Unionism, 1894. Disraeli, Sybil. Bernstein. Carlyle und die sozialpolitische Entwicklung Englands, NZ 91, 665. Marx, Die Klassenkämpfe in Frankreich (48—50), Berl. 95. L. Blanc, Histoire de dix ans, Par. 41. Paul Louis, Histoire du socialisme français. Par. 01. Lemercier, Etudes sur les associations ouvrières, Par. 57. S. Engländer, Geschichte der französischen Arbeiterassoziationen, Hamb. 64. Hillebrand, Gesch. des Julikönigtums, Gotha 81. Lexis, Gewerkvereine u. Unternehmerverbände in Frankreich, Leipz. 79. Kautsky, Recht auf Arbeit, NZ 2, 299. Lux, Cabet, Stuttg. 94. О Леру: Heines Werke 6, 85, Hamb. 76, также письмо Маркса къ Фейербаху, L. Feuerbachs Briefwechsel, Leipz. 74. Proudhon, Qu'est-ce que la propriété? 1840.

---

*) Сокращенія. NZ: Neue Zeit, Stuttgart 83—03. HSt.: Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Jena 90—94. DB: Deutsches Bürgerbuch, Darmstadt 45 и Mannheim 46. RJ: Rheinische Jahrbücher, Darmstadt 45 и Konstanz 46. ZSD: Züricher Sozialdemokrat, Zürich 79—88. NA: Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle, Stuttgart 02. DS: Documente des Socialismus, Berlin 02 и 03.

Книга первая.

Связно трактуетъ о до-мартовскомъ соціализмѣ G. Adler, Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland, mit besonderer Rücksicht auf die einwirk. Theorien, Bresl 85: дикая компиляція, составленная при помощи репортерскихъ ножницъ и лишенная всякаго историческаго смысла и пониманія.

Остатки феодально-цехового строя. Knapp, Bauernbefreiung i. d. altpreussischen Landesteilen, Leipz. 87: весьма поучительна для перваго ограбленія крестьянъ въ 1816 г., но совершенно недостаточна для второго ограбленія, начиная съ 1848 г. Engels, Zur Geschichte der preuss. Bauern, вышло какъ введеніе къ „Schlesische Milliarde" Вольфа, Zür. 86. Hesekiel, Das Buch v. Grafen Bismarck, Bielef. 69: на стр. 168 знаменитое „письмо въ редакцію", присланное берлинскимъ газетамъ 48-го года, гдѣ Бисмаркъ рисуетъ идиллическіе порядки въ его имѣніи Книпгофѣ. Engels, Preuss. Schnaps im deutsch. Reichstage, Leipz. 74. Schoenlank, Gesellenverbände, HSt 3, 820. Schmoller, Zur Gesch. der deutschen Kleingewerbe, Leipz. 70. F. Ziegler, Ges. Reden, Berl. 80, съ прелестными подробностями о прославленномъ самоуправленіи прусскихъ городовъ. Относительно южно-германской мелкой буржуазіи: Engels, Reichsverfassungskampagne, Revue d. N. Rhein. Ztg., Hamb. 50, теперь также въ NA 3, 289.

Начальныя стадіи капитализма. Marx, Kapital I, 786. Gülich. Geschichtl. Darstellung etc., Jena 30, во 2-мъ томѣ. О домашней промышленности, какъ капиталистической формѣ предпріятія, см. Marx, Kapital I, 484. Die deutsche Hausindustrie, Berichte des Vereins für Sozialpolitik, 5 Bde, Leipz 89 и 90, представляютъ довольно скудный источникъ для поученія; напротивъ, чрезвычайно содержательна Hans Emanuel Sax, Hausind in Thüring., Jena 82—88, и Schnapper-Arndt, Fünf Dorfgemeinden a. d. hohen Taunus, Leipz. 83. О положеніи дѣлъ въ Силезіи: Aus den Papieren Schöns, Halle 75. Brentano, Ueber den Einfluss der Grundherrlichkeit auf d. schles. Leinengewerbe, Zeitschr. für Soz. u. Wirtschaftsgesch. 2, 3 (перепеч. въ Gesamm. Aufsätze I, 515); въ этой статьѣ Брентано убѣдительно выясняетъ, вопреки мнѣнію Грюнгагена и Зомбарта, крѣпостной характеръ

кустарнаго пряденія и ткачества. О силезскихъ бунтахъ ткачей въ 1793 г. см. Philippson, Preuss. Gesch., Leipz. 82, во 2-мъ томѣ. Феодально-промышленные порядки Силезіи въ первой половинѣ 19-го вѣка рисуетъ наиболѣе захватывающимъ образомъ W. Wolff, Das Elend u. der Aufruh i. Schlesien, DB I, 178 и Schles. Milliarde, Zür. 86. О положеніи въ Саксоніи: Kautsky, Die Bergarbeiter u. der Bauernkrieg, NZ 7, 289; Wieck, Industr. Zust. Sachsens, Chemn. 40, и Gülich въ цит. выше соч. О положеніи дѣлъ на Рейнѣ: Engels, Reichsverfassungskampagne; Thun, Die Industrie am Niederrhein, Leipz. 78; Günther K. Anton, Gesch. der preüss. Fabrikgesetzg. Leipz., 91. Тунъ солидный изслѣдователь, также какъ Саксъ и Шнапперъ-Арндтъ; напротивъ, Антонъ сильно страдаетъ гогенцоллернскимъ византійствомъ, но толстую краску его вѣрноподданства легко снять со слишкомъ выразительнаго языка актовъ. Основательно разсматриваетъ порядки, изображенные въ этой и въ предшествующей главахъ, P. Kampffmeyer, Gesch. d. moderner Klassenk. i. Deutschl., Berl. 96.

Умственная жизнь. Mehring. Lessing-Legende, Stuttg. 93. Jean Jaurès, La convention, Par. 03, счелъ недавно умѣстнымъ разбранить мою книгу о Лессингѣ, какъ „ребяческій парадоксъ", и съ своей стороны подогрѣть фридриховскую легенду съ паеосомъ, на который не былъ бы теперь способенъ больше ни одинъ прусскій профессоръ. См. объ этомъ Mehring, Pour le roi de Prusse, NZ 21[1], 517. Roscher, Gesch. der Nationalökonomik in Deutschland, Münch. 74. Marx, Kapital I, 814. Thünen, Der isolierte Staat, Berl. 75. О Тюненѣ: Marx, I, 646 Объ участіи въ прибыляхъ, которое Тюненъ ввелъ для своихъ рабочихъ въ имѣніи Телловъ, см. у Böhmert, Gewinnbetheiligung, Leipz. 78. Внукъ Тюнена пишетъ Бёмерту: „участіе въ прибыляхъ привязываетъ людей къ имѣнію, такъ какъ въ случаѣ ухода они теперь, какъ и прежде, получаютъ не капиталъ, а только свои проценты. Оно удерживаетъ отъ воровства и т. п., обезпечиваетъ рабочему беззаботную старость и уменьшаетъ такимъ путемъ расходы имѣнія по призрѣнію бѣдныхъ". Соотвѣтственно съ этимъ слѣдовало бы поправить заявленіе, сдѣланное Лассалемъ въ его франкфуртской рѣчи подъ вліяніемъ Родбертуса,— что Тюненъ „устроилъ въ маломъ масштабѣ ассоціацію своихъ рабочихъ". Savigny, Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung, Heidelb. 14. Marx, Das philos. Manifest der histor.

Rechtsschule, Rhein. Ztg. отъ 9 авг. 42 г., перепеч. въ NA I, 268, имѣетъ въ виду учебникъ естественнаго права Гуго. Marx Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilos., Deutsch-Franz. Jahrb., перепеч. въ NA I, 384. Seeger, Die deutsche Rechtswissenschaft, въ изданныхъ Herwegh'омъ „21 Bogen aus der Schweiz", Glarus 44. Kant, Kritik der reinen Vernunft. Kant, Kritik der praktischen Vernunft. Kant, Zum ewigen Frieden, Fichte, Der geschlossene Handelsstaat. Fichte, Reden an die deutsche Nation. Hegel. Philosophie des Rechts, Berl. 21. Engels und Marx, Die Heilige Familie, Frankf. 45, перепеч. въ NA II, 103. Engels, Anti-Dühring. Engels, Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie, Stuttg. 88. Engels, Ueber. histor. Materialismus, NZ 11[1], 15. Lassalle, Fichtes politisches Vermächtniss. Lassalle, Die Philosophie Fichtes u. die Bedeutung des deutschen Volksgeistes. Сочиненія Лассаля я цитирую по изданію Бернштейна, Berl. 92 и 93. F. A. Lange, Gesch. des Materialismus, Iserlohn 87. Plechanow, Beiträge zur Gesch. des Materialismus, Stuttg. 96.

Тридцатые годы. Gervinus, Gesch. des 19. Jahrh., 8 томовъ Leipz. 66. Treitschke, Deutsche Gesch. im 19. Jahrh., 4 ч., Leipz. 89. Georg Büchners Sämtl. Werke und Handschriftl. Nachlass, Frankf. 79, изд. Францозомъ, съ лишеннымъ всякой цѣнности беллетристическимъ введеніемъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ Бюхнеръ былъ названъ какъ-то въ одномъ соціалъ-демократическомъ журналѣ для развлеченія предшественникомъ Лассаля,—характеристика, повторяемая съ тѣхъ поръ въ буржуазной литературѣ; на самомъ дѣлѣ сравненіе неправильно, если только не смотрѣть въ самомъ общемъ смыслѣ на дѣятелей великой французской революціи, какъ на предшественниковъ современнаго коммунизма: съ соціализмомъ своего времени Бюхнеръ не имѣлъ ничего общаго. Schweichel, Ein Opfer d. geheim. Untersuchungsverfahr., NZ 3, 395. Engels, Schutzzoll u. Freihandel, NZ 6, 289. Roscher, Nationalökonomik. Schmoller, Kleingewerbe. Сочиненій Платена, Бёрне, Гейне, Иммермана, Фрейлиграта и т. д. я не цитирую отдѣльно. Gutzkow, Rückblicke a. m. Leben, Berl. 75. Strauss, Leben Jesu, Tüb. 35. Strauss, Literar. Denkwürdigk., Bonn. 76. Echtermeyer u. Ruge Hallische Jahrbücher, Leipz. 38, 39, Ruge, Sämtliche Werke, Mannh. 47. Ruge, Aus. früherer Zeit, 4. Bd., Berl. 66. Ruges Briefwechsel, Berl. 86. Leo, Die Hegelingen, Halle, 38.

Коммунизмъ ремесленныхъ подмастерьевъ. Engels, Zur Gesch. des Bundes der Kommunisten, напеч. какъ предисловіе къ разоблаченіямъ Маркса о кельнскомъ процессѣ коммунистовъ, Zür. 85. У Энгельса, а также въ буржуазной литературѣ, встрѣчается указаніе, что Шапперъ участвовалъ въ заговорѣ Бюхнера, но, повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ошибкой: когда Шапперъ принималъ участіе во франкфуртскомъ нападеніи на гауптвакту и затѣмъ бѣжалъ изъ Германіи, Бюхнеръ учился еще въ Страсбургѣ, а въ то время, когда Бюхнеръ руководилъ своимъ тайнымъ союзомъ въ Дармштадтѣ, Шапперъ безспорно жилъ въ Швейцаріи. Утвержденіе, будто Шапперъ участвовалъ во вторженіи Маццини въ Савойю, опровергалось имъ самимъ. H. Schmidt, Die deutschen Flüchtlinge in der Schweiz und die erste deutsche Arbeiterbewegung 1833 bis 1836, Zür. 99. Venedey, Der Geächtete, Paris 34 до 36; у Штаммгаммера сказано, что всѣхъ выпусковъ этого журнала было 6, но экземпляръ, бывшій въ моихъ рукахъ и, можетъ быть, еще неполный, содержалъ 12 выпусковъ. О Шустерѣ, который гораздо скорѣе Бюхнера можетъ быть названъ предшественникомъ Лассаля, см. также H. Schmidt, NZ 16[1], 150. Die geheimen deutschen Verbindungen i. d. Schweiz, Basel. 47, перепечатка изъ Janus'а Губера, составленная, повидимому, также Губеромъ (Huber), вмѣстѣ съ кое-какимъ не напечатаннымъ въ другихъ мѣстахъ матеріаломъ. Wermuth u. Stieber, Kommunistenverschwörungen, Berl. 53; пресловутымъ полицейскимъ издѣліемъ можно, конечно, пользоваться лишь постольку, поскольку въ немъ содержится документальный или иной безспорный матеріалъ. Weitling, Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte, Paris 38, нов. изд. Münch. 95. Weitling, Garantien der Humanität und Freiheit, Vivis 42. Bluntschli, Die Kommunisten in der Schweiz nach den bei Weitling gefundenen Papieren, Zür. 43. Kaler, Wilh. Weitling, Zür. 87. Калеръ преувеличиваетъ вліяніе Кабе на Вейтлинга; утопія Кабе появилась лишь въ 1840 г., тогда какъ первое произведеніе Вейтлинга, которое, по справедливому замѣчанію Калера, содержитъ уже въ основныхъ чертахъ его ученіе, было издано въ 1838 г. Feuerbachs Briefw. 1, 365.

Побѣда романтики. Treitschke, Deutsche Gesch., 5 T., Leipz. 94. Biedermann, 30 Jahre deutscher Geschichte, Bresl. 82. Preussen vor dem Februarpatent von 1847, въ *Gegenwart* Брокгауза 2, 30. Kraus, Vermischte

Schriften, Königsb. 08. Hansemann, Preussen u. Frankreich, Leipz. 34. Schön, Woher und Wohin? съ послѣсловіемъ Fein'a, Strassb. 42. Jacoby, Vier Fragen, Ges. Reden u. Schriften, Hamb. 72.

Разложеніе классической философіи. B. Bauer. Kritische Gesch. der Synoptiker, Leipz 41. L. Feuerbach, Wesen des Christentums, Leipz. 41 B. Bauer, Die Judenfrage, Braunschw. 43. B. Bauer, Die Fähigkeit d. heutigen Juden u. Christen frei zu werden, въ Herweghs 21 Bogen. — Deutsche Jahrbücher, Leipz. 40 и 41. Ruge, Anekdota z. neuest. deutschen Philos. u. Publizistik, Zür. 43. Стихотворенія Дингельштедта, Гофманна, Прутца, Гервега. B. Bauer, Vollst. Gesch. d. Parteikämpfe i. Deutschland während d. Jahre 1842 bis 1846, Charlottenb. 47. Guido Weiss, некрологъ Гервега, „Wage" 75.

Rheinische Zeitung. Энгельсъ намѣревался незадолго до своей смерти переиздать статьи Маркса изъ *Rhein. Ztg.*, и на мою долю выпало удовольствіе собрать ихъ для него. Къ сожалѣнію, онъ умеръ какъ разъ, когда матеріалъ былъ готовъ. О первой своей встрѣчѣ съ Марксомъ онъ писалъ мнѣ: „когда я около конца ноября по дорогѣ въ Англію явился опять (въ редакцію *Rhein. Ztg.*), то засталъ тамъ Маркса, и при этомъ случаѣ произошла наша первая, очень холодная встрѣча. Марксъ выступилъ въ это время противъ Бауеровъ, т.-е. высказался противъ того, чтобы *Rhein. Ztg.* стала главнымъ образомъ проводникомъ богословской пропаганды, атеизма и т. д.,—Марксъ хотѣлъ, напротивъ, сдѣлать газету чисто политическимъ органомъ,—а также противъ французскаго коммунизма Эдгара Бауера, основаннаго на одномъ стремленіи „итти какъ можно дальше" и дѣйствительно очень скоро замѣненнаго у Эдгара другими радикальными фразами; такъ какъ я переписывался съ Бауерами, то слылъ за ихъ союзника, а они съ своей стороны возбудили во мнѣ недовѣріе къ Марксу". Въ то же время я объяснился съ Энгельсомъ относительно нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ, вкравшихся въ его статью о Марксѣ, HSt. 4, 1130. Марксъ вышелъ изъ редакціи не 1 января, а 17 марта 43 г.; точно также онъ не опубликовалъ въ газетѣ работы о мозельскихъ крестьянахъ-винодѣлахъ, а дѣло происходило такъ, какъ разсказано у меня въ текстѣ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ Энгельсъ согласился со мною. Напротивъ, какъ ему казалось, онъ совершенно точно припоминалъ, что надъ *Rhein. Zeitung* была учреждена не двойная цензура,—какъ я пред-

положилъ на основаніи всего доступнаго мнѣ матеріала,—а тройная; его намѣреніе подробно написать мнѣ объ этомъ не было выполнено, такъ какъ онъ тяжко заболѣлъ. Я сохранилъ въ текстѣ указаніе на двойную цензуру, тѣмъ болѣе, что самъ Энгельсъ въ статьѣ о Марксѣ, помѣщенной въ народномъ календарѣ Бракке на 1878 г., также говоритъ о двойной цензурѣ; очевидно, память измѣнила ему впослѣдствіи. Болѣе подробно о Марксѣ и *Rheinische Zeitung*, въ частности о конфликтѣ съ берлинскими друзьями молодости см. NA I, 171, а также DS, іюнь 1902 г.

Deutsch-Französische Jahrbücher. Единственныя двѣ книжки этого журнала вышли въ Парижѣ въ началѣ марта 44 г. Статьи Маркса и Энгельса перепечатаны теперь въ первомъ томѣ NA. Переписка Фейербаха и Руге. Bauer, Parteikämpfe. Engels und Marx. Heilige Familie. *Allgem. Literaturzeitung*, Monatschrift v. B. Bauer, Charlottenb. 44. Engels, Некрологъ Бауера, ZSD. 82, №№ 19 и 20.

Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ. Біографическія данныя о Марксѣ: Энгельсъ въ только что цитированныхъ мѣстахъ, далѣе ZSD 83, №№ 19 и 21. Некрологъ NZ 1, 441. Lafargue NZ 9[I], 10. Lessner, NZ 11[1], 780. G. Gross, Karl Marx, Leipz. 85: этотъ очеркъ, заслуживающій во многихъ отношеніяхъ похвалы, страдаетъ той основной ошибкой, которую въ послѣднее время повторилъ и Зомбартъ, что проводитъ различіе между Марксомъ, какъ агитаторомъ и демагогомъ, и Марксомъ, какъ глубокимъ мыслителемъ; болѣе цѣльнаго человѣка, чѣмъ Марксъ, трудно себѣ представить. Liebknecht, Karl Marx zum Gedächtniss, Nürnb., 97. Наибольшее количество біографическихъ подробностей о Марксѣ (до 1850 г.) см. NA во всѣхъ 4 томахъ. Die Bürgerlichen Verhältnisse der Juden in Deutschland, Gegenwart Брокгауза, 1, 133; тамъ же 10, 526 о религіозномъ и культурно-историческомъ движеніи въ еврействѣ. Mehring. Die von Westphalen NZ 10[2], 481.—Біографическія свѣдѣнія объ Энгельсѣ: Kautsky NZ 9[1], 225, далѣе въ Oesterreich. Arbeiterkal. на 1888 и—всего подробнѣе—въ Pionier за 1892 г., календарѣ нью-іоркской *Volkszeitung*. О фирмѣ Эрменъ и Энгельсъ см. Thun въ цитир. соч., 2, 175. Экземпляръ Vorwärts'а имѣется въ вѣнской городской библіотекѣ, см. также NA, во второмъ томѣ. Въ высшей степени ненадеженъ Börnstein, 75 Jahre, Leipz. 81. О высылкѣ нѣмецкихъ писателей изъ Парижа см. полемику

Г. Адлера съ Каутскимъ и Мерингомъ, NZ 13¹, 502, 571, 604, 693, 754 и 13², 377.

Пролетарскія движенія. Kaler, Weitling. Bluntschli-Bericht. Der Hilferuf der deutschen Jugend, 4 выпуска отъ сентября до декабря 41 г., и Junge Generation, 17 выпусковъ отъ января 42 г. до мая 43 г., издан. въ разныхъ мѣстахъ. Полный экземпляръ обоихъ журналовъ Вейтлинга имѣется въ библіотекѣ германскаго рейхстага. Weitling, Das Evangelium eines armen Sünders, Bern 45, нов. изд. München. 94. Ueber den Kommunismus in d. Schweiz, Bern 43. A. Becker, Was wollen die Kommunisten? Bern 43. Generalbericht an den Staatsrat von Neuchatel über die geheime deutsche Propaganda, Zür. 46. Marr, Das junge Deutschland, Leipz 46. Hess, Die Verhandl. des gesetzgeb. Staatskörpers der Republik Waadt über die soziale Frage, RJ 2,. 61. Die schweizerischen Kommunistenfresser, DB 2, 295. См. также Engels, Zur Geschichte des Urchristentums, NZ 13¹, 4.—Lengerke, Die ländl. Arbeiterfrage, Berl. 49. О происхожденіи нѣмецкаго массоваго пролетаріата содержатъ много матеріала, кромѣ DB и RJ, Hess, Gesellschaftsspiegel, Elberf. 45 и 46, и Dronke, Buch über Berlin, Frankf. 45. Paul Kampffmeyer, Die ökonom. Grundl. des deutschen Sozialism. der 40—er Jahre, NZ 5, 502. Wolff, Elend u. Aufruhr in Schlesien; Schneer, Ueber die Noth der schles. Leineweber, Berl 44; Wahrlieb, Schlöffel und Wander, Konstanz, 45; Wander, Drei Jahre a. m. Leben, Leipz. 78. Wermuth-Stieber, Kommunistenverschwör. и столь же ненадежныя воспоминанія („Denkwürdigkeiten") Штибера, Berl. 84. Treitschke, 5, 520.

Нѣмецкій соціализмъ. Буржуазно-соціалистическихъ забавъ 30-хъ и 40-хъ гг. касается подробно Stein, Der Sozialism. i. Deutschland, „Gegewart" Брокгауза 7, 527. G. Weiss, Zur Gesch. d. Sozialismus, „Wage" 75. Pücklers Briefw., hgg. v. L. Assing, 3. Bd., Berl. 74. О Галлѣ см. RJ 2, 147. Handb. d. Sozialism. 272. R. Singer, Der erste deutsche Sozialist, Zeitschr. für Volkswirtsch., Sozialpol. u. Verwaltung 3, 417. Bettina v. Arnim, Dies Buch gehört dem Könige, Berl 43. Brentano, Die gewerbl. Arbeiterfrage въ Schönbergs Handbuch (1-ое изд.). Thadden-Triglaff, Der Schacher mit Rittergütern, Stettin 42. Jäger, V. A. Huber, Berl. 80. Wagener, Erlebtes, Berl. 84. G. Weiss, Herr Wagener, „Wage"

72. Rheinischer Beobachter, Köln 47.—Meyen, Der Berliner Lokalverein für d. Wohl der arbeitenden Klassen, RJ 1, 198; тамъ же 255, Der allgem. Hilfs-und Bildungsverein in Köln. Относительно соціализма философствующихъ остроумцевъ можно достаточно разобраться по органамъ его, упомянутымъ въ текстѣ. Отношеніямъ его къ Марксу и Энгельсу былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посвященъ рядъ статей: Struve, NZ 14², 4, Bernstein 216 и Mehring 395, далѣе Struve, NZ 15², 228 и Mehring 379. Затѣмъ NA, во 2-омъ томѣ. D. Koigen, Zur Vorgeschichte des modernen philosoph. Sozialismus i. Deutschl. съ подзагол. Zur Gesch. der Philos.u. Sozialphilos. d. Junghegelianismus, Bern 10. Mehring, Neo-Marxismus, NZ 20¹, 385. Stirner, Der Einzige u. sein Eigentum, Leipz. 44. О Штирнерѣ: Bernstein, NZ 10¹, 421 и Plechanow, Anarchism. u Sozialismus, Berl. 94. Mackay, Stirners Leben, Berl. 98: некритическое прославленіе, содержитъ много біографическаго, большей частью безразличнаго, но прилежно собраннаго матеріала. Объ отношеніяхъ Штирнера къ Марксу и Энгельсу см. NA, 2-ой томъ. О подробной критикѣ Штирнера, написанной Марксомъ и Энгельсомъ въ 40-хъ гг., см.: DS, съ янв. до апр. 03. Roscher, Grundriss z. Vorles. über die Staatswirtsch. nach geschichtl. Methode, Gött. 43. Schüller Die klassische Nationalökonomie u. ihre Gegner, Berl 95: эта полезная работа убѣдительно доказываетъ грѣхи „историческаго метода" предъ классическими представителями буржуазной экономіи. Rodbertus, Z Beleuchtung d. sozialen Frage, Berl. 75. Rodbertus, Kreditnot des Grundbesitzes, 2-ое изд., Berl. 93. Rodbertus, Litter. Nachl., hgg. von A. Wagner u. a., Berl. 78—85. Rodbertus, Briefe u. sozialpol. Aufs., hgg. v. R. Meyer, Berl. 81. Въ Nachlass'ѣ 3, 195 и въ „Письмахъ" 2, 575 перепечатана первая статья Родбертуса. Kozak, Rodbertus-Jagetzows sozialökonom. Ansichten, Jena 82, прилежное сопоставленіе взглядовъ, разбросанныхъ по разнымъ сочиненіямъ Родбертуса. Литература карьеристовъ о Родбертусѣ: G. Adler, Dietzel и др. Сказка о плагіатѣ, который будто бы совершенъ Марксомъ у Родбертуса, окончательно разбита Энгельсомъ въ предисловіяхъ къ „Нищетѣ философіи" и ко 2-му тому „Капитала". Если Ад. Вагнеръ въ 3-мъ томѣ Nachlass'а заявляетъ тѣмъ не менѣе, что относительно важнѣйшихъ идей Родбертусъ имѣетъ пріоритетъ передъ другими соціалистическими писателями и, въ особенности'

предъ Марксомъ, то „первый преподаватель науки о народномъ хозяйствѣ въ первомъ нѣмецкомъ университетѣ“ доказываетъ лишь этимъ, какъ мало онъ знакомъ съ исторіей и теоріей соціализма. По всѣмъ основнымъ вопросамъ воззрѣнія Маркса и Родбертуса представляли собою взаимно исключающія другъ друга противоположности; то, что можно назвать общимъ у нихъ обоихъ, они оба заимствовали изъ англійско-французской экономической и соціалистической литературы и постарались развить его дальше: Родбертусъ, который былъ на 12 лѣтъ старше, сдѣлалъ это нѣсколькими годами ранѣе, но потерпѣлъ неудачу, которую его поклонники тщетно пытаются затушевать, Марксъ же, который былъ моложе на 12 лѣтъ, выполнилъ эту работу нѣсколькими годами позже, но съ успѣхомъ, извѣстнымъ всему міру. О фокусахъ, продѣлываемыхъ Вагнеромъ и Дитцелемъ относительно Родбертуса, см. Mehring, Zur neueren Rodbertuslit., NZ 12², 523. „Lieder vom armen Manne“ Бекка, „Gedichte“ Мейсснера, „Albigenser“ Ленау, „Wintermärchen“ Гейне, „Glaubensbekenntniss“ и „Ça ira“ Фрейлиграта. Гейне къ Марксу, NZ 14¹, 14. Біографическія свѣдѣнія о Вертѣ (Weerth): Engels, ZSD 83, № 24.

Историческій матеріализмъ. Versammlungen in Elberfeld, RJ 1, 35. Engels, Lage etc. F. A. Lange, Arbeiterfrage, 3-е изд., Winterthur 75. B. Hildebrand, Nationalökonomie der Gegenwart u. Zukunft, Frankf. 48. Engels, L. Feuerbach, въ приложеніи тезисы Маркса о Фейербахѣ. Marx, Zur Kritik, предисловіе. Engels, Anti-Dühring. Labriola, Essais sur la conception matérialiste de l'histoire, Paris 97. Такъ какъ историко-матеріалистическій методъ, подобно всякому методу изслѣдованія, долженъ доказать свою правильность своими результатами, то нужно знать всю литературу научнаго коммунизма, чтобы правильно судить о немъ. Многочисленныя библіогр. указанія у Mehring, Lessinglegende, въ приложеніи „Ueber den histor. Materialismus“. Энгельсъ писалъ мнѣ по этому поводу 14 іюля 93 г.: „Главные факты изложены у васъ превосходно и убѣдительно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Если я нахожу какой-либо недостатокъ, то лишь одинъ: вы приписываете мнѣ больше заслугъ, чѣмъ я въ дѣйствительности имѣю, даже если я включу все, до чего я, быть можетъ, додумался бы — со временемъ — самостоятельно, но что Марксъ при своемъ болѣе быстромъ coup d'oeil и болѣе

широкомъ кругозорѣ открыть гораздо скорѣе. Когда кто-нибудь имѣлъ счастье въ теченіе сорока лѣтъ работать вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Марксъ, то при жизни его не пользуешься обыкновенно признаніемъ, на которое считаешь себя вправѣ разсчитывать; когда затѣмъ болѣе крупный изъ товарищей умираетъ, то менѣе значительнаго переоцѣниваютъ, и это случилось, кажется, теперь со мною. Исторія въ концѣ-концовъ приведетъ все это въ порядокъ, а до тѣхъ поръ ты уже благополучно за угломъ и ничего больше ни о чемъ не знаешь. — Кромѣ того, опущенъ еще только одинъ пунктъ, который также недостаточно выдвигается обыкновенно, когда дѣло идетъ обо мнѣ и Марксѣ, и относительно котораго на насъ всѣхъ падаетъ одинаковая вина. Я имѣю въ виду то, что мы всѣ на первыхъ порахъ считали и *должны были считать* особенно важнымъ *выведеніе* политическихъ, правовыхъ и прочихъ идеологическихъ представленій и обусловленныхъ этими представленіями дѣйствій изъ основныхъ экономическихъ фактовъ. При этомъ мы изъ-за содержанія не обращали достаточнаго вниманія на формальную сторону: на родъ и способъ, какимъ указанныя представленія и пр. создаются. Это дало нашимъ противникамъ желанный поводъ къ недоразумѣніямъ, разительнымъ примѣромъ чего можетъ служить Паулъ Бартъ. — Идеологія есть процессъ, хотя и совершаемый сознательно такъ называемымъ мыслителемъ, но съ ложнымъ сознаніемъ. Настоящія силы, приводящія его въ движеніе, остаются неизвѣстными мыслителю, иначе это и не было бы идеологическимъ процессомъ. Онъ создаетъ себѣ поэтому въ воображеніи ложныя или кажущіяся двигательныя силы. Такъ какъ это идейный процессъ, то онъ выводитъ и содержаніе, и форму его изъ чистаго мышленія, либо изъ своего собственнаго, либо изъ мышленія своихъ предшественниковъ. Онъ оперируетъ съ однимъ идейнымъ матеріаломъ, который безъ критики принимаетъ, какъ созданный мышленіемъ, не изслѣдуя его возможной связи съ болѣе отдаленнымъ, независимымъ отъ мышленія процессомъ; для него это нѣчто лежащее внѣ спора, такъ какъ всякое дѣйствованіе, будучи ближайшимъ образомъ *обусловлено* мышленіемъ, кажется ему также имѣющимъ въ конечномъ счетѣ свою *основу* въ мышленіи.—Историческій идеологъ (слово „историческій" употреблено здѣсь просто какъ общее выраженіе вмѣсто политическій, юридическій, философскій, богословскій, коротко говоря—для всѣхъ областей, имѣющихъ отношеніе къ обществу, а не къ одной природѣ),—

историческій идеологъ, говорю я, располагаетъ, такимъ образомъ, въ каждой научной области матеріаломъ, который образовался самостоятельно изъ мышленія предшествовавшихъ поколѣній и продѣлалъ въ мозгу этихъ послѣдовательныхъ поколѣній самостоятельную, собственную эволюцію. Возможно, конечно, что внѣшніе факты, относящіеся къ собственной или къ чужой области, оказали извѣстное вліяніе на эту эволюцію, но по молчаливому предположенію сами эти факты представляютъ не болѣе, какъ результатъ мыслительнаго процесса, и, такимъ образомъ, мы все еще остаемся въ сферѣ одного мышленія, благополучно переварившаго даже самые жесткіе факты.—Вотъ этотъ призракъ самостоятельной исторіи государственныхъ конституцій, правовыхъ системъ, идеологическихъ представленій въ каждой отдѣльной области, — онъ то прежде всего и ослѣпляетъ большинство людей. Когда Лютеръ и Кальвинъ „преодолѣваютъ" оффиціальную католическую религію, когда Гегель „преодолѣваетъ" Фихте и Канта, а Руссо со своимъ „Contrat social" дѣлаетъ это косвенно относительно конституціоннаго Монтескье, то мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, остающимся въ предѣлахъ богословія, философіи, государственнаго права, представляющимъ собою этапъ въ исторіи этихъ областей мысли и совершенно не выходящимъ изъ области мысли. А съ тѣхъ поръ какъ прибавилась буржуазная иллюзія о вѣчности капиталистическаго производства, составляющаго будто бы послѣднюю ступень развитія человѣческаго общества, — съ этихъ поръ даже „преодолѣніе" меркантилистовъ физіократами и Адамомъ Смитомъ разсматривается только какъ побѣда мысли,—не какъ идейное отраженіе измѣнившихся экономическихъ фактовъ' а какъ достигнутое, наконецъ, правильное пониманіе вездѣ и повсюду существующихъ фактическихъ условій; если бы Ричардъ Львиное Сердце и Филиппъ Августъ ввели свободу торговли, вмѣсто того, чтобы впутаться въ крестовые походы, то мы были бы избавлены отъ 500 лѣтъ бѣдствій и глупости. Къ этой сторонѣ дѣла, на которую я могу здѣсь только бѣгло указать, мы отнеслись, я полагаю, съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ она заслуживаетъ. Тутъ повторилась старая исторія: въ началѣ форма всегда остается въ пренебреженіи изъ-за содержанія. Какъ уже сказано, я дѣлалъ то же самое, и ошибка всегда выступала предо мною только post festum. Такимъ образомъ, я не только очень далекъ отъ того, чтобы дѣлать вамъ отсюда упрекъ,—какъ старшій чиновникъ, я не имѣю на это права, даже напротивъ,—но я

хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе на указанный пунктъ для будущаго времени. Въ связи съ этимъ находится также слѣдующее нелѣпое представленіе идеологовъ: разъ мы отрицаемъ самостоятельное историческое развитіе за различными идеологическими сферами, играющими роль въ исторіи, то мы будто бы отрицаемъ за ними всякое *историческое дѣйствіе.* Въ основѣ такого утвержденія лежитъ ходячее не-діалектическое представленіе о причинѣ и слѣдствіи, какъ неподвижно противостоящихъ другъ другу полюсахъ, т.-е. абсолютное игнорированіе взаимодѣйствія: господа эти часто почти умышленно забываютъ, что извѣстный историческій моментъ, разъ онъ вызванъ въ свѣтъ другими, въ конечномъ счетѣ экономическими фактами, начинаетъ и въ свою очередь реагировать, что онъ можетъ дѣйствовать обратно на свою обстановку и даже на свои собственныя причины. Такъ поступаетъ, напр., Бартъ по вопросу о жреческомъ сословіи и религіи, стр. 475 у васъ". Нѣкоторыя фразы, гдѣ Энгельсъ высказываетъ свое сужденіе объ историко-философскихъ этюдахъ г. Пауля Барта, я опускаю въ виду нѣсколько рѣзкой формы ихъ. Я всего менѣе расположенъ клясться словами учителя и достаточно показалъ въ текстѣ, что умѣю сохранять также самостоятельность сужденія по отношенію къ Марксу, Энгельсу и Лассалю, но у меня нѣтъ основанія скрывать, что Энгельсъ отнесся одобрительно какъ къ моей работѣ объ историческомъ матеріализмѣ, такъ и къ моей книгѣ о Лессингѣ, и еще незадолго до своей смерти высказалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу того, что въ работахъ по исторіи соціализма на мою долю выпала Германія. У буржуазныхъ противниковъ стало привычной манерой вышучивать немногихъ людей, работающихъ добросовѣстно—все равно, съ какимъ успѣхомъ—въ области историческаго матеріализма, какъ „марксистовъ", отъ которыхъ отрекся бы самъ Марксъ; но кто серьезно хочетъ говорить о проблемахъ этого историко-философскаго метода, безъ сомнѣнія нуждающихся еще въ самомъ детальномъ испытаніи, тотъ долженъ бы остерегаться отъ подобныхъ плоскихъ издѣвательствъ. F. A. Lange, Mills Ansichten, Duisb. 66. Proudhon, Philosophie de la Misère, 1846. Marx, Misère de la philosophie, 1847. Proudhon, Correspondance, Par. 75; письмо Прудона къ Марксу 2, 198.

Союзъ коммунистовъ. Deutsche Brüsseler Zeitung, Brüssel 47. Westfälisches Dampfboot, Bielefeld, потомъ Paderborn 45—48. Engels, предисловіе къ „Schles. Milliarde" и къ „Enthüllungen". Engels, Das Fest der Nationen, RJ 2, 1.

Marx, Lohnarbeit u. Kapital, Berl. 91. Marx, Discours sur e libre échange, 1848. Marx, Herr Vogt, Lond. 60. О сценѣ между Марксомъ и Вейтлингомъ см. Kaler, Weitling 72 и NZ 1, 236. Eccarius, Die Schneiderei i. London, Revue der N. Rhein. Ztg. Adresse der deutschen Arbeiter in London an Ronge, RJ 1, 327. Wermuth-Stieber, Kommunistenverschw. Heinzen, Die Helden d. teutschen Kommunismus, Bern 48. Между показаніями, которыя Марксъ и Энгельсъ дѣлали въ разное время о „Союзѣ коммунистовъ", имѣются маленькія разнорѣчія. Хотя эти разнорѣчія сами по себѣ представляютъ лишь небольшое значеніе, но я постарался по возможности выяснить ихъ, а гдѣ это было невозможно, я отдавалъ предпочтеніе показанію, сдѣланному подъ впечатлѣніемъ болѣе свѣжаго воспоминанія. См. объ этомъ также NA второй томъ, и Mehring, Einiges zur Parteigeschichte, NZ 21[1], 545.

Коммунистическій Манифестъ. Labriola, In Memoria del Manifesto dei Communisti, Римъ 95. Andler, Le Manifeste communiste, Introduction historique et commentaire Par. 01. Mehring, Ein methodol. Problem, NZ 20[1], 449. Andler, Réponse à Franz Mehring, „Mouvement Socialiste" отъ 8 марта 02 г. Mehring, Ein franzōs. Sombart, NZ 20[1], 793. Единственнымъ нѣмецкимъ прудонистомъ является, какъ извѣстно, Мюлбергеръ, и вполнѣ послѣдовательный въ своемъ прудонизмѣ онъ дошелъ до прославленія пошлаго манчестерца Евгенія Рихтера, какъ „сознательнаго представителя хозяйственной свободы"; см. „Stuttgarter Beobachter" отъ 16 янв. 92. Eisenhart, Geschichte der Nationalökonomik, Jena 81. Marx, Bürgerkrieg in Frankreich, Berl. 91. Engels, введеніе къ Marx, Klassenkämpfe in Frankreich.
